

БИБЛИОТЕКА РАЗВЕДЧИКА

22 ГВАРДЕЙСКАЯ ОТДЕЛЬНАЯ БРИГАДА СПЕЦНАЗ

История 22 гвардейской отдельной бригады специального назначения в воспоминаниях солдат и сержантов, офицеров и генералов

БОЕВО 22 ОТДЕЛЬНОЙ ГВАР СПЕЦИАЛЬНОГО

РОССИЯ

(1992 - н.в.) п. СТЕПНОЙ

Бригада сформирована на основании директивы МО СССР от 10 марта 1976 г. № 314/5/00359 и приказа МО СССР от 15 июня 1976 г. № 00108

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

(2008 г.)

п. ДЖАВА
г. ЦХИНВАЛ

ЧЕЧНЯ

(1994 - 1996 г.)
(1999 - н.в.)

АЗЕРБАЙДЖАН

(1988 - 1992 г.) ПЕРЕКИШКЮЛЬ

И ПУТЬ ГВАРДЕЙСКОЙ БРИГАДЫ НАЗНАЧЕНИЯ

3 марта 2001 г.
Указом Президента РФ
№ 244 С
бригаде присвоено
почетное наименование
"ГВАРДЕЙСКАЯ"

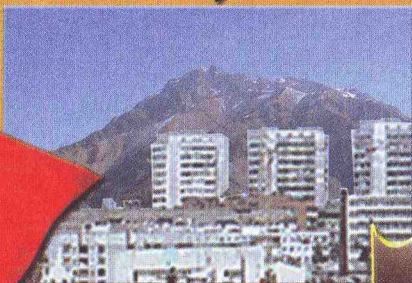
ДАТА РОЖДЕНИЯ
24 июля 1976 г.

КОМАНДИРЫ 22 обр СпН

полковник МОРОЗ Иван Кириллович	- 1976 - 1979 гг.
полковник ГРУЗДЕВ Сергей Иванович	- 1979 - 1983 гг.
полковник ГЕРАСИМОВ Дмитрий Михайлович	- 1983 - 1987 гг.
подполковник САПАЛОВ Юрий Александрович	- 1987 - 1988 гг.
полковник ГОРДЕЕВ Александр Тимофеевич	- 1988 - 1994 гг.
полковник БРЕСЛАВСКИЙ Сергей Владимирович	- 1994 - 1995 гг.
полковник ПОПОВИЧ Алексей Максимович	- 1995 - 1997 гг.
полковник ЛИПИЕВ Петр Семенович	- 1997 - 2002 гг.
генерал-майор ТРАВКИН Валерий Юрьевич	- 2002 - 2007 гг.
полковник ЗАХАРОВ Владимир Владимирович	- 2008 - 2010 гг.

КАЗАХСТАН

(1976 - 1985 г.) КАПЧАГАЙ

411 со СпН
Фарахруд

22 обр СпН
379 со СпН
Лашкаргах

186 со СпН
Шахматой

173 со СпН
Кандугар

АФГАНИСТАН

(1985 - 1988 г.)

Авторы:

С. К. Бохан, С. В. Бреславский, Д. М. Герасимов, А. Т. Гордеев, С. И. Груздев, В. Дмитриев, В. В. Еремеев, Б. Т. Керимбаев, В. В. Ковалев, С. В. Козлов (автор-составитель), И. М. Крот, В. Ю. Марковский, О. В. Мартыанов, А. С. Матвийчук, В. А. Мертвищев, К. Никитин, Д. Л. Подушков, п/п-к Аскеров, В. М. Рыбак, Е. В. Тишин, В. Ю. Травкин, А. Н. Шинкарев, А. Е. Чубарь, А. В. Шитунев

Издатели выражают искреннюю признательность за помощь в подготовке книги Д. М. Герасимову, Ю. А. Кунаеву, А. Н. Шинкареву

22 ГВАРДЕЙСКАЯ ОТДЕЛЬНАЯ БРИГАДА СПЕЦНАЗ:
Д22 История 22 гвардейской отдельной бригады специального назначения в воспоминаниях солдат и сержантов, офицеров и генералов / Составитель С. В. Козлов. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2011. – 480 с. + 88 с. ил. – («Библиотека разведчика»).

ISBN 978-5-93165-295-5

В этой книге рассказывается об истории 22-й гвардейской отдельной бригады специального назначения ГРУ ГШ ВС СССР (а потом России), солдатах и сержантах, прапорщиках, офицерах и генералах, связавших свою судьбу со Спецназом.

Глазами участников боевых действий раскрывается роль спецназа ГРУ ГШ в афганской войне 1979–1989 гг., в Первой и Второй чеченских кампаниях, августовской войны 2008 г. в Южной Осетии, боевые будни разведчиков и проводимые ими специальные операции, маленькие бытовые радости и трагические потери – всё то, что скрывается за понятием «война». Для широкого круга читателей.

УДК 358
ББК 66.3(2)31; 68.49(2)

© Авторы, указанные выше, 2011
© М. Гуцул, оформление серии 2011
© SPSL, макет, верстка, 2011
© НП ИД «Русская панорама», 2011

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От составителя _____	6
Глава 1. СОЗДАНИЕ БРИГАДЫ _____	7
Формирование 22-й обрСпН (С.В. Козлов) _____	8
Как дерево карагач (А.Н. Шинкарев) _____	10
Ценой запредельных усилий (С.И. Груздев) _____	16
«Второй мусбат» – от создания до ввода в ДРА _____	19
Капчагай (Д.М. Герасимов) _____	24
Приложение	
Список офицеров и прапорщиков первого состава 22-й обрСпН _____	34
Глава 2. НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ _____	37
177-й отдельный отряд в Афганистане _____	38
Капчагайский батальон (Б.Т. Керимбаев) _____	38
Я – «Тридцатый!»! Иду на помощь! (А.С. Матвийчук) _____	47
173-й отряд. От создания до войны _____	53
«Третий мусбат». Формирование (С.В. Козлов) _____	53
Как начиналась боевая деятельность отряда (С.В. Козлов) _____	57
Бригада идет на войну _____	62
Формирование новых отрядов и ввод в Афганистан _____	62
Развертывание 22-й бригады в ДРА (С.В. Козлов) _____	66
Лашкаргахская бригада (Д.М. Герасимов) _____	69
Бригада могла сделать больше (С.К. Бохан) _____	86
Ни о чем не жалею (А.В. Шипунов) _____	96
Боевая работа 173-го отряда спецназ _____	104
[Обзор боевой деятельности] (С.В. Козлов) _____	104
Налет на реке Лора (С.В. Козлов) _____	106
Горячий февраль 1986 г. (С.В. Козлов) _____	109
Обелиск (А.В. Шипунов) _____	120
[Обзор боевой деятельности] (С.В. Козлов) _____	131
В финале афганской истории (Д.Л. Подушков) _____	133
Боевая работа 370-го отряда спецназ _____	142
Отсутствие потерь – лучшая награда (И.М. Крот) _____	142
Учимся воевать (С.К. Бохан) _____	144
[Краткий обзор боевой деятельности] (С.В. Козлов) _____	146

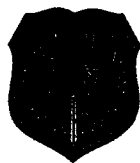
Афганистан (С.В. Бреславский)	148
Спецназ в пекле Афганистана (В.В. Еремеев)	158
Боевая работа 186-го отряда спецназ	174
[Краткий обзор боевой деятельности] (С.В. Козлов)	174
Воспоминания о службе в рядах 22-й обрСпН (А.Е. Чубарь)	176
Справедливость (А.Е. Чубарь)	182
[Краткий обзор боевой деятельности] (С.В. Козлов)	183
Боевая работа 411-го ооСпН	185
[Краткий обзор боевой деятельности] (С.В. Козлов)	185
Винтокрылые братья 22-й бригады (В.Ю. Марковский)	189
Мы уходим	200
Мы – спецназ! (А.Т. Гордеев)	200
Афганистан (продолжение) (С.В. Бреславский)	207
В финале афганской истории (окончание) (Д.Л. Подушков)	221
Самое яркое время нашей жизни (В.В. Ковалев)	229
Вывод 370-го ооСпН из Афганистана (В.В. Еремеев)	233
Из истории 411-го ооСпН (май 1988–август 1988) (В.А. Мертвищев)	235
Приложения	240
Командиры 22-й обрСпН в с 1976 по 1988 гг.	240
Командиры отдельных отрядов СпН 22-й обрСпН в Афганистане	240
Список потерь личного состава 22-й обрСпН с 1981 по 1989 гг.	241
Глава 3. В РОССИЮ ЧЕРЕЗ АЗЕРБАЙДЖАН	249
Мы – спецназ! (окончание) (А.Т. Гордеев)	250
Из истории 411-го ооСпН (авг. 1988–февр. 1990) (В.А. Мертвищев)	260
Азербайджан (С.В. Бреславский)	264
Воспоминания о службе в 22-й обрСпН (В.М. Рыбак)	270
Самое яркое время нашей жизни (окончание) (В.В. Ковалев)	276
В первом бате (К. Никитин)	298
Цитадель спецназа – Аксай (С.В. Бреславский)	304
Глава 4. ЧЕЧЕНСКИЙ ЭТАП ИСТОРИИ 22-й обрСпН (1994–1996)	307
Первая Чечня (С.В. Бреславский)	309
22 бригада для меня – это прежде всего эмоции (О.В. Мартыанов)	330
Воспоминания о службе. Первая Чечня (В.М. Рыбак)	342
Горячий январь 1995-го (В. Дмитриев)	355
Две засады (В. Дмитриев)	370
Дорога в Агишты (В. Дмитриев)	378
Засада на въезде в Грозный (В. Дмитриев)	388
Налет в день ВДВ (Подполковник Аскеров)	393
В ловушке (Подполковник Аскеров)	394
Приложение	
Список потерь личного состава 173-го ооСпН в Первой чеченской войне 1994–1996 гг.	397

Глава 5. ДАГЕСТАН–ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ–ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ __ 399

[Краткий обзор боевой деятельности] (С.В. Козлов)	400
Дагестан. Гроза, которую ждали (С.В. Козлов)	401
Мне есть, что вспомнить (Подполковник Аскеров)	411
Чеченский и казачий спецназ ГРУ (С.В. Козлов)	416
Разгром базы Бараева (С.В. Козлов)	425
1 мая 2003 г. сформирована 10-я обрСпН	427
Мне есть, что вспомнить (продолжение) (Подполковник Аскеров)	428
Охотники в роли дичи (С.В. Козлов)	437
Охота на Ушастика (С.В. Козлов)	440
Как я служил в 22-й бригаде (В.Ю. Травкин)	447
22-я гвардейская отдельная бригада СпН (Е.В. Тишин)	451
Недолгая война в Южной Осетии (Хроника событий)	455
Война в «новом облике» (Подполковник Аскеров)	465
Вместо послесловия (С.В. Козлов)	466

Приложения

Командиры 22-й отдельной бригады спецназ в 1994–2010 гг.	469
Состав 22-й гвардейской отдельной бригады спецназ в 2011 г.	469
Список потерь личного состава 22-й обрСпН в ходе КТО на Северном Кавказе в 1999–2010 гг.	469
Военнослужащие 22-й обрСпН – Герои Советского Союза и РФ	471

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга посвящена истории 22-й гвардейской бригады спецназ, 35-ю годовщину которой спецназовцы отпразднуют 24 июля 2011 года. Но написать историю этого уникального соединения Вооруженных Сил Российской Федерации стоило не только в связи с днем рождения части. Эта книга не дань возрасту, который по спецназовским меркам и не очень велик, это не награждение в связи юбилеем. Это дань доблести солдатам и сержантам, прапорщикам, офицерам и генералам, которые своим ратным трудом честно заслужили особое уважение и право считаться первыми среди равных.

22-я отдельная бригада спецназ имеет самую богатую военную историю из всех ныне существующих. Это единственная бригада, которая прошла Афганскую эпопею, она участвовала в нормализации межнациональных конфликтов на территории СССР в период его развала, в боевых действиях на Северном Кавказе во время Первой и Второй чеченских кампаний, «принуждению агрессора к миру» во время Грузино-Юго-Осетинской войны 2008 г., в контртеррористических действиях в режиме КТО, периодически объявляемых в течение последних лет в различных горячих точках на Северном Кавказе. Неожиданной проблемой при издании книги воспоминаний и очерков об историческом пути 22-й бригады стало количество имеющихся материалов – их хватило бы на два полновесных тома. При этом мы учитывали, что многие материалы уже знакомы читателю по публикациям в журналах, в книгах «Спецназ ГРУ: 50 лет истории, 20 лет войны» и «Спецназ ГРУ-2: война не окончена, история продолжается» и благодаря выходу исторической энциклопедии «Спецназ ГРУ: очерки истории», 3-й, 4-й и 5-й тома которой вышли в 2009–2010 гг. Поэтому при подготовке настоящей книги предпочтение отдавалось в первую очередь материалам (статьям, фотографиям), ранее не публиковавшимся, а при упоминании отдельных боевых эпизодов, описание которых уже было издано, мы давали ссылки на соответствующие публикации.

22-й отдельной бригаде спецназ впервые после окончания Второй мировой войны в нашей стране было присвоено звание «Гвардейской», и не по преемственности, когда части или соединению вручается знамя гвардейской части, которой было присвоено это почетное звание за подвиги в годы Великой Отечественной, а за собственные боевые заслуги соединения в деле защиты Отечества. На знамя бригады начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии А. В. Квашнин лично повязал гвардейские ленты.

О том, как и почему эта бригада удостоилась такого высокого звания, на страницах книги расскажут командиры и солдаты разных поколений, которые своим воинским трудом и боевыми заслугами вписали свою страницу в книгу Воинской доблести бригады.

*Сергей Козлов
Москва, 30.05.2011*

СОЗДАНИЕ БРИГАДЫ

ФОРМИРОВАНИЕ 22-й обрСпН

Первые части специального назначения начали формироваться в нашей стране в соответствии с Директивой министра обороны СССР от 24 октября 1950 г. Тогда были сформированы отдельные роты спецназ. В 1957 г. на базе некоторых рот были развернуты батальоны специального назначения, а в 1963 г. началось формирование первых десяти отдельных бригад специального назначения. Являясь на начальном этапе скадрованным соединением – базой для развертывания партизанских формирований в годы войны, впоследствии бригады стали составляющей фронтового комплекта разведки, то есть соединением, предназначенным для ведения специальной разведки в интересах штаба фронта, а в мирное время – округа.

Справедливости ради стоит заметить, что укрупнение, сокращение и увеличение количества военных округов проходило не только при реформировании Вооруженных Сил России. И ранее имели место организационно-штатные мероприятия на уровне военных округов. Так в 1969 г. был создан Средне-Азиатский военный округ (САВО), путем деления ТуркВО.

В состав ТуркВО входила 15-я обрСпН, которая была сформирована в 1963 г. в числе первых десяти бригад специального назначения ВС СССР. С созданием САВО 15-я обрСпН была передана в подчинение разведывательному управлению этого округа, но в то же время продолжала дислоцироваться в г. Чирчик на территории ТуркВО.

В связи с ростом напряженности на советско-китайском направлении, в 1975 г. руководством ВС СССР и ГРУ ГШ было принято решение о возвращении 15-й бригады в состав ТуркВО. Но в то же время было решено сформировать в САВО свою бригаду спецназ.

В соответствии с этим решением 22-я обрСпН начала формироваться в 1976 г. на основании Директивы ГШ ВС СССР. Местом формирования и дислокации бригады был избран г. Капчагай Казахской ССР. Ее первым командиром стал подполковник Иван Кириллович Мороз.

Днем создания бригады принято считать 24 июля 1976 г. 22-я бригада может по праву считать, что ведет свое начало от 15-й бригады специального назначения, поскольку для ее формирования из состава этой бригады были выделены подразделения специальной разведки и специальной радиосвязи, отдельные подразделения и ряд весьма грамотных и опытных офицеров. В основу порядков и правил, установленных в бригаде, а значит и определенных воинских традиций легли наработки и традиции 15-й бригады. Для вновь сформированного соединения этого было немало.

Формирование 22-й бригады началось под руководством начальника разведки округа, которым был в то время еще генерал-майор Фёдор Иванович Гредасов, возглавивший вскоре после этого разведку Сухопутных войск ВС СССР. При его непосредственном участии, и особенно при участии начальника 3-го отдела РУ штаба округа полковника Воинова, соединение было

сформировано. Об этом периоде *Федор Иванович писал в своих воспоминаниях* «Этих дней не забыть...»:

«Начальник отдела специальной разведки полковник Воинов Виктор Александрович, опытный спецназовец, хороший методист, скромный и аккуратный офицер, проявил эти свои качества при формировании 22-й обрСпН САВО в Капчагае. В 15-й бригаде его авторитет был очень высок, к его пожеланиям прислушивались все, от комбрига Мосослова Р.П. до солдата. Виктор Александрович принял активное участие в выборе места дислокации бригады, формировании и организации учебного процесса.

Бригада была сформирована к 24 июля 1976 г. Об этом доложили командующему войсками округа и в ГРУ. Место дислокации мы подбирали под руководством начальника штаба округа генерал-лейтенанта Сивенка Владимира Ивановича. Выбор остановили на военном городке отдельного зенитно-артиллерийского полка в Капчагае. Но работы на приведение этого городка в порядок было, как говорится, невпроворот. Все это досталось Ивану Кирилловичу Морозу, первому командиру 22-й обрСпН.

Особенно много работы полковник Воинов В.А. и его старший офицер отдела майор Лобанов Николай Александрович (позже стал начальником отдела РУ САВО) проделали весной 1980 г. при формировании 177-го специального отряда, отличного по своей структуре и национальному составу от других отрядов СпН бригады, во главе с майором Б.Т. Керимбаевым.

Опыт работы по формированию ряда частей спецназа, осназа, их размещению и обустройству зависит от многих причин: умение командования соединения, части разведки тесно взаимодействовать, жить дружно с местными партийными и советскими органами. Такими, крайне важными качествами владели [...] командир и начальник штаба 22-й обрСпН Иван Кириллович Мороз и майор Шинкарев Альберт Николаевич» (*Гредасов Ф.И.* «Этих дней не забыть». – М., 2002. С. 44–45).

Ф.И. Гредасов в ноябре 1976 г. был назначен на должность начальника разведки Сухопутных войск. На должность начальника разведки САВО прибыл из Москвы полковник Владимир Иванович Иванов, где он преподавал в академии Генерального штаба на кафедре разведки и иностранных армий. Вспоминая период формирования бригады, он писал: «Бригаде повезло, что ее командиром был назначен подполковник Иван Мороз. Это был неутомимый, инициативный, знающий дело офицер. Быт личного состава, служба войск, боевая и политическая подготовка были налажены за несколько месяцев. И уже в первый год после формирования личный состав совершал прыжки с парашютом. [...] Огромный объем работы по становлению бригады, организации боевой и мобилизационной подготовки лежал на штабе бригады, который возглавлял майор Шинкарев Альберт Николаевич, вдумчивость и кропотливый труд которого вносил организованность и уверенность. Естественно, что в эти месяцы в бригаде почти неотлучно находились офицеры 3-го отдела разведывательного управления. Они не чурались черной работы. Подполковник В. Воинов, начальник отдела, сумел сплотить и мобилизовать командование бригады на выполнение задач. К его советам

прислушивались все. Дела в бригаде шли успешно, может быть и потому, что Воинов имел неотразимый деловой и человеческий авторитет в бригаде. Под стать ему был и его ближайший помощник майор Лобанов Николай Александрович, который вскоре стал начальником отдела. Вскоре бригада стала образцовой в округе» (Спецназ: Памятный альбом / Составители: Баленко С.В., Барт А.И., Устинов А.А. – М., 2000. С. 90).

Эти весьма скупые воспоминания Ф.И. Гредасова и В.И. Иванова и дополняют воспоминания тех, кому лично пришлось принимать самое непосредственное участие в формировании бригады, оборудовании ее городка и учебно-материальной базы. Среди них в числе первых – полковник Шинкарев Альберт Николаевич, окончив Военную Академию им. М.В. Фрунзе (ВАФ), прибыл в Капчагай летом 1976 г.

КАК ДЕРЕВО КАРАГАЧ

(А. Н. Шинкарев)

В спартанских условиях

После окончания разведывательного факультета Военной Академии им. М.В. Фрунзе в июле 1976 г. я был направлен для прохождения дальнейшей службы в Средне-Азиатский военный округ (САВО). Здесь, в Казахстане, близ города Капчагай, только что завершила формирование 22-я отдельная бригада специального назначения. Командиром соединения был назначен подполковник Мороз Иван Кириллович, но я знал, что он еще сдает экзамены в Москве после окончания заочного факультета ВАФ.

К месту назначения я выехал сразу с семьей. Дочери было тогда всего два года. Но на аэродроме в Алма-Ате никто нас не встретил. Пришлось взять такси. Таксист знал, где располагается бригада, и согласился отвезти. В то время я был в звании майора и прекрасно понимал, что часть, куда я еду, только-только создана и потому не все еще там отлажено. Но, все-таки, я надеялся увидеть хотя бы военный городок, где дислоцируется бригада, с элементарной инфраструктурой. Когда же такси остановилось в степи, в двух километрах от Капчагая, и таксист объявил: «Приехали!», я был искренне поражен. Несмотря на то, что место для размещения бригады выбирало командование округа, то, что осталось от расположения зенитно-артиллерийского полка, мало напоминало военный городок. Несколько одноэтажных казарм барачного типа были в аварийном состоянии. Окна были выбиты, электрическая проводка оборвана, помещения были крайне запущены и требовали серьезного ремонта.

Дежурный по КПП проводил меня в один из барачных корпусов, который оказался штабом. Обязанности командира выполнял начальник штаба бригады подполковник Ильиных Василий Игнатьевич, который прибыл из 15-й бригады

с равнозначной должности. Это был очень грамотный и умудренный опытом офицер спецназа. Я представился ему, доложив, что прибыл на должность начальника оперативно-разведывательного отделения (ОРО) штаба бригады. Подполковник Ильиных сказал, что пока командира нет, мне придется исполнять обязанности начальника штаба. Сейчас их исполнял старший помощник начальника ОРО капитан Бодров Валерий Сергеевич, которому после моего прибытия предстояло исполнять мои штатные обязанности.

Вообще Василий Игнатьевич встретил меня очень доброжелательно, правда, узнав, что я приехал с семьей, помрачнел и сказал, что свободных квартир нет. За три дня до моего прибытия в бригаду на должность командира отряда с семьей и двумя детьми прибыл мой однокашник по разведывательному факультету майор В. Шпилевский. Ему и досталась последняя свободная квартира.

Жилищный вопрос встал передо мной очень остро, но выйти из столь затруднительного положения мне помог мой давний товарищ по совместной службе в 3-й гвардейской бригаде капитан Мажачкин Борис Васильевич. Борис выделил для моей семьи одну комнату в своей квартире.

Офицерский коллектив

Разместив семью на новом месте, я приступил к исполнению обязанностей и постепенно познакомился со всеми офицерами.

На тот момент еще не все подразделения были полностью укомплектованы, и некоторые офицерские должности оставались вакантными. Зато весь политотдел бригады был укомплектован полностью. Его возглавлял подполковник Зайцев А.А. Также на месте были начальники вещевого и продовольственной службы. Заместителем комбрига по тылу был майор Малыгин Валерий Алексеевич. Заместителем по ВДП был подполковник Дмитрий Кадацкий, а начальником парашютно-десантной службы был капитан Сикорский Валерий Аукич.

В бригаде было два развернутых отряда спецназ и пять отрядов кадра, так называемых «бумажных» отрядов. Бригада формировалась на базе 15-й обрСпН ТуркВО после того, как Туркестанский военный округ был поделен на ТуркВО и САВО. Поэтому из состава 15-й бригады был передан один из отрядов спецназ и частично был укомплектован специалистами отряд спецрадиосвязи.

Первым отрядом, прибывшим из Чирчика, командовал мой друг, капитан Мажачкин, второй начал формирование в Капчагае на основе 226-й орСпН, которая прибыла из Новочеркасска (СКВО) вместе с командиром роты майором А. Толмачевым, который был назначен командиром отряда и приступил к его формированию. Но после прибытия из академии майора Шпилевского он передал отряд ему. По положению того времени выпускник академии должен был получить назначение только на развернутое подразделение. Поэтому майор Толмачев был назначен командиром отряда кадра.

Также командирами отрядов кадра были назначены офицеры, прибывшие из 15-й бригады с должностей командиров отряда кадра:

- подполковник Задорович Петр Иванович,
- подполковник Пашковский Федор Михеевич,
- капитан Ильин Александр Сергеевич,
- капитан Пак Валерий Матвеевич.

Первых двух я прекрасно знал по совместной службе в 3-й бригаде в Германии. Это были опытные и знающие свое дело офицеры.

Ильин был выпускником Казанского ракетного училища и в свое время служил в 15-й бригаде в отряде оружия. Пак был выпускником Ташкентского ВВОКУ, служил в 15-й бригаде на командных должностях и еще там был назначен на должность командира отряда с должности начальника штаба отряда.

Заместителем начальника штаба по мобилизационной работе был подполковник Толстой Александр Иванович. Он был очень грамотным офицером, но мягким по натуре человеком и потому недостаточно требовательным. Зная эту слабину, командиры отрядов кадра этим пользовались.

Батальон специальной радиосвязи, как уже было сказано выше, прибыл из Чирчика лишь частично укомплектованный офицерским составом и техникой связи. Им командовал майор Новоселов.

Отдельная «штабная» рота была полностью укомплектована офицерами и личным составом. Ей командовал старший лейтенант А. Плешаков.

Отдельным взводом оружия командовал лейтенант Гишаев. Его согласно приказу командира бригады сразу же стали готовить как музыкальную команду. Для приобретения музыкальных инструментов средства зарабатывали на предприятиях Капчагая.

«Кто в доме хозяин?»

В бригаде не было офицерской столовой, и поэтому холостякам приходилось ходить ужинать в единственный в городе ресторан. Местные авторитеты, которые привыкли вести себя там, как у себя дома, довольно скоро поняли, кто теперь «в доме хозяин».

Авторитет бригады «десантников» в городе рос на глазах.

Как-то, когда подполковник Ильиных был в штабе округа, а я оставался за комбрига, мне доложил дежурный по части, что на КПП прибыл местный начальник инспекции по охране рыбных ресурсов и просит его принять. Я думал, что он пришел с жалобой. Наши офицеры иногда рыбачили возле плотины гидростанции, где была запретная зона.

Но он прибыл с просьбой оказать помощь в борьбе с местной «рыбной мафией». Браконьеры, не стесняясь, отлавливали в районе ГЭС осетров, на местном жаргоне «шипов», и торговали ими на местном рынке.

Еще не зная местную «оперативную обстановку» в данном вопросе, я дал согласие. Для проведения операции по искоренению этого явления был назначен конкретный день. Подготовку к этому мероприятию я поручил капитану Давыдюку П.А. В ночь перед операцией, оснастив личный состав его роты приборами ночного видения, выявили тропы в горах, по которым к плотине ГЭС спускались браконьеры.

В день операции группы, назначенные в засаду, для того чтобы перекрыть пути отхода браконьеров, сначала их беспрепятственно пропустили к плотине. Постепенно вся площадка перед плотиной была заполнена людьми, которые, по местному выражению, «багрили шипов». Ловили свинцовыми кошками с острейшими стальными стержнями. Кошки периодически забрасывали в воду и вытаскивали наверх. Если кто-то цеплял осетра за любую часть тела, стоящие рядом ему помогали своими кошками и так совместными усилиями вытаскивали рыбу. Способ этот является весьма жестоким и варварским, поскольку не всегда рыбу вытаскивали. Иногда она срывалась, но кошки сильно травмировали ее. В результате она либо начала болеть, либо погибала.

После того как все «браконьерское общество» было в сборе, наши группы скрытно вышли к тропам и организовали засады. Тех, кто возвращался с уловом, они бесшумно принимали, связывали и укладывали рядом с уловом. Когда инспекция прибыла на плотину, остававшиеся еще там браконьеры попрятались в машинном отделении, а часть из них попыталась отойти в горы, где немедленно попадала в руки наших парней.

Итогом операции было задержание около двадцати человек с уловом более двадцати осетров. Каждая рыбина тянула на 25–30 килограммов. Часть задержанных получила различные сроки заключения, а я и капитан Давыдюк стали врагами №1 для преступного мира Капчагая.

По долгу службы частенько приходилось задерживаться в части до поздней ночи. В этих случаях, возвращаясь домой, я брал с собой для обеспечения безопасности 2–3-х человек из состава наряда. Но надо отдать должное преступникам того времени. Они всегда разбирались «по-мужски», никогда не угрожая членам семей, и уж, конечно, о захвате заложников и речи не шло.

Поймали они меня только в 1984 г., когда я возвратился с Кубы сдавать свою квартиру, а они уже отсидели свои сроки. В ресторане я ужинал в компании И. Кобыльского и А. Щербачева. Все обошлось «накрытием поляны».

Прибытие комбрига и новые задачи

В конце сентября в часть прибыл командир подполковник Мороз Иван Кириллович. Объем работ был огромный. Надо было построить автопарк, склады, казарму, обнести территорию забором и поставить типовое КПП. Но односельчанином комбрига был начальник штаба округа генерал-майор Сивенок. Его поддержка позволила командиру добиться многого в деле обеспечения и обустройства бригады.

Уже в октябре он был назначен начальником гарнизона, а это давало возможность «просить» у командиров частей гарнизона инженерную технику (автокраны, водовозки и т. п.) для строительства объектов бригады.

Принимавший живое участие в обустройстве бригады начальник разведки округа генерал-майор Гредасов Ф.И. в ноябре 1976 г. получил назначение на должность начальника разведки Сухопутных войск. Пред отъездом в Москву он собрал руководство бригады в клубе для своего последнего инструктажа. Лейтмотивом его напутствия была фраза: «Вам необходимо успеть

подготовить казармы к зиме!». (Он, как в воду глядел. Зима действительно выдалась очень суровая. От морозов в казармах и в штабе лопались трубы. Даже сайгаки подходили к подсобному хозяйству бригады, на что-то рассчитывая.) Федор Иванович также довольно образно сказал о подготовке учебно-материальной базы. «Вам придется начинать создавать учебно-материальную базу бригады «с чистого листа». Как дерево карагач приспособливается к местным условиям, так и вам придется создавать ее, используя местные условия». Я этот «карагач» потом частенько вспоминал.

Подполковник Кадацкий

В вопросах создания учебно-материальной базы надо отдать должное заместителю командира по ВДП подполковнику Кадацкому, он в короткие сроки проделал колоссальную работу. Для начала был построен, хоть и примитивный, но все же воздушно-десантный комплекс: трамплины, стапеля. Но личный состав мог заниматься предпрыжковой подготовкой. Поскольку в первые годы строить приходилось довольно много, как правило, занимались во второй половине дня на ВДК и укладывали парашюты. Несмотря на работы, подполковник Кадацкий не давал никаких послаблений никому, царил строжайшая дисциплина. Тех, кто пропускал предпрыжковую подготовку, к прыжкам не допускался.

Эти жесткие требования заложенные замкомбригом по ВДП с первых дней сохранялись до отправки бригады в Афганистан. Поэтому за период с 1976 по 1985 гг. в бригаде не было ни единого чрезвычайного случая на прыжках.

В первой половине 1977 г. на территории бригады был построен образцовый парашютно-десантный городок с вышкой и тренажерами. Он позволял готовить личный состав по программе ВДП в полном объеме и на высоком уровне профессионализма.

Где, когда и как подполковник Кадацкий сумел достать все необходимое для создания этого городка оставалось загадкой. Заместитель по ВДП был человеком малообщительным и никому не рассказывал о происхождении этого оборудования. Не любил он и шумных застолий. И если командир и заместители собирались отметить вместе какое-то мероприятие, он старался под любым предлогом избежать участия.

Его заслуги и высокий профессионализм не остались без внимания командования округа. В 1978 г. подполковник Д.Кадацкий стал начальником воздушно-десантной службы САВО. На его должность был назначен майор Масалитин М.П., который до этого был одним из командиров отряда. Тем не менее традиции, заложенные Д.Кадацким, которые можно было выразить одной емкой фразой: «в ВДП мелочей нет!», сохранились надолго.

Помощь руководства

В гарнизон довольно часто приезжали представители командования округа и сам командующий. Если он проверял Сары-Озекский гарнизон, то обязательно приезжал и к нам, поскольку дорога проходила рядом. Он очень интересовался, как идет обустройство бригады. Командование бригады до-

вольно скоро привыкло к таким визитам и использовало их для решения текущих проблемных вопросов.

О помощи начальника штаба округа я уже упоминал выше.

Визиты же начальника политического управления САВО генерал-полковника М. Попкова вызывали у офицеров бригады совсем иную реакцию. Обычно, побеседовав с начПО бригады подполковником А.А. Зайцевым, он собирал офицеров бригады в клубе и устраивал разнос. При этом в выражениях не стеснялся, допуская и бестактность, и личные оскорбления.

Другое дело визиты начальника разведуправления штаба округа генерал-майора В. И. Иванова, который сменил на этом посту Федора Ивановича Гредасова. Его деятельность можно выразить довольно ёмко русской поговоркой: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал». Он постоянно посещал бригаду с группой офицеров разведывательного управления. Периодически проверял, чем и как занимаются подразделения бригады, поднимал соединение по тревоге, по сигналу «Сбор» делал это с развертыванием пунктов приема личного состава и техники, полевого командного пункта. После развертывания обычно проводил штабные тренировки, а в конце устраивал разбор, на котором мы узнавали, что у нас «все по-прежнему плохо». Потом он давал время на устранение выявленных недостатков своими силами. Постепенно к его визитам мы привыкли так же, как внезапным песчаным бурям, бывшим в Казахстане не редкостью. Тогда мы от него мало слышали добрых слов. Но в 2000 г., когда вышел памятный альбом, посвященный 50-летию спецназа, я с удивлением прочитал его отзыв о себе: «Огромный объем работы по становлению бригады, организации боевой и мобилизационной подготовки лежал на штабе бригады, который возглавлял Шинкарев Альберт Николаевич, вдумчивость и кропотливый труд которого вносили организованность и уверенность». Хоть и поздно, но все равно приятно.

Отвечая за службу войск, начальники штабов воинских частей обычно не любят, когда приезжает окружная проверка. Но для меня приезд начальника службы войск САВО полковника Роберта Павловича Мосолова всегда был приятен. Мы с ним были знакомы еще по совместной службе в ГСВГ в 3-й бригаде спецназ. Он, как правило, сначала все внимательно осматривал, а потом задавал вопрос, какая и в чем требуется помощь. Обязательно все записывал и говорил, когда нужно будет подъехать в штаб округа. Всегда обеспечивал уставами, методическими пособиями, плакатами для оформления классов, караульного помещения и досок документации служебных помещений и рот. К сожалению, служить с ним пришлось недолго. Причиной его увольнения стал все тот же генерал-полковник Попков.

Однако справедливое отношение службы войск округа к нашей бригаде, заложенное Робертом Павловичем, впоследствии сохранилось.

Побочные обязанности

Помимо основных обязанностей, мне как начальнику штаба бригады, командир которой был начальником гарнизона, пришлось заниматься и гарнизонной службой.

Но самое главное, я теперь отвечал и за местную оборону гарнизона, на территории которого находились склады окружного подчинения медицинской и химической служб, инженерных и артиллерийских боеприпасов.

На мне лежала разработка Плана местной обороны гарнизона. Когда занимался его разработкой, понял, что ни в одной из частей гарнизона нет подготовленных командных пунктов на случай войны. После утверждения моего Плана местной обороны гарнизона командующим я заставил командиров частей приступить к оборудованию заглубленных командных пунктов и проводить занятия с личным составом.

В 1979 г. в округ прибыл с проверкой генерал армии Алтунин и, «как снег на голову», решил проверить город Капчагай и его гарнизон. В городе было много промышленных объектов, и в частности ГЭС, которая имела важное значение, но находилась обособленно. Срочно были отработаны вопросы взаимодействия с начальниками штабов гражданской обороны города.

Учения проходили ночью с полным отключением электроэнергии, светомаскировкой и использованием резервных источников питания. Комиссия отметила хорошую подготовку личного состава и готовность объектов к работе в военное время. Поставив на разборе общую оценку «хорошо», после разбора генерал армии Алтунин спросил меня, не хочу ли я перейти в Штаб гражданской обороны в г. Москву? Но я отказался, сказав, что с первого дня служу в разведке. Потом я часто думал, что было бы со мной, если бы не успели все подготовить, а оставили все только на бумаге, как это было до этого.

Почему я так пишу? Да потому, что этой работой мне приходилось заниматься, преодолевая недовольство командира, который считал, что я занимаюсь не своим делом. Помимо того мне приходилось преодолевать запреты начальника разведки округа генерал-майора Иванова, который мне строго запретил появляться на «второй линии», где были расположены объекты местной обороны, то есть склады окружного подчинения.

* * *

Огромный вклад в дело создания военного городка бригады, ее учебно-материальной базы, внес второй командир соединения подполковник Сергей Иванович Груздев. В конце лета 1979 г. он возглавил бригаду и сразу, засучив рукава, приступил к строительству. Его краткие, как отчет о проделанной работе, воспоминания мы приводим ниже.

ЦЕНОЙ ЗАПРЕДЕЛЬНЫХ УСИЛИЙ

(С. И. Груздев)

В августе 1979 г. в соответствии с приказом Министра обороны СССР я был назначен командиром 22-й обрСпН (г. Капчагай, КСАВО). Прибыв в округ, я представился командующему КСАВО генерал-полковнику Лушеву

и начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Архипову. После этого мне была поставлена задача в короткий срок обустроить бригаду, создать учебно-материальную базу и хорошие условия быта личного состава и офицеров, не только бригады, но и Капчагайского гарнизона поскольку я становился автоматически начальником гарнизона.

Прибыв в бригаду, я был поражен отсутствием элементарных условий, как для размещения личного состава, так и для качественной боевой подготовки. Территория бригады лишь частично была обнесена забором, в основном из колючей проволоки.

На территории имелось пять сборно-щитовых строений, одно из которых было приспособлено под штаб, другое – под медсанчасть и службы тыла. Еще одно строение являлось столовой и клубом, а в двух находились казармы личного состава.

В автопарке техника «НЗ» хранилась на открытых площадках. Из объектов учебно-материальной базы был только воздушно-десантный городок.

В результате запредельных усилий всего личного состава бригады к 1983 г. в жилой зоне была построена пятиэтажная казарма на 740 мест. Бывшие казармы были переоборудованы в учебные корпуса с оборудованием в них классов по основным предметам боевой подготовки, таким как: ВДП, минно-подрывное дело, иностранные языки и СЭС для подготовки радиотелеграфистов. Также для каждой группы был создан свой класс подготовки. Также была построена четырехэтажная гостиница для временного проживания офицеров с семьями, офицерская столовая, которая одновременно являлась солдатским кафе. Также был построен 50 метровый плавательный бассейн, который использовался как для занятий по физической подготовке, так и для отдыха личного состава. В то же время была увеличена территория бригады на два гектара, и вся территория была обнесена бетонным забором, а на въезде в бригаду было поставлено современное здание КПП, где была отдельная комната для встречи с военнослужащими.

В учебной зоне были созданы учебные городки для отработки практических навыков боевой учебы, тир для практической стрельбы и приведения оружия к нормальному бою. Завершено строительство склада ПДИ, рядом с которым находилась специальная площадка для укладки парашютов. Вся учебная зона также была обнесена бетонным забором.

В парковой зоне было построено два хранилища для содержания техники «НЗ», ПТО техники, пункт одновременной заправки 4-х единиц техники, мойка для четырех машин и здание КТП. Территория парка также была обнесена забором.

Для выполнения упражнений учебных стрельб согласно специальному курсу стрельб на полигоне Алма-атинского ВОКУ мы добились выделения для бригады территории, где были оборудованы два направления специальной стрельбы.

В запасном районе сосредоточения бригады был построен и оборудован заглубленный командный пункт бригады со всеми элементами защиты от ОМП.

Хочу отметить, что вся эта работа была выполнена без отрыва личного состава от боевой учебы и организационно-штатных мероприятий, выпавших на долю бригады.

В указанный период бригада была переведена на новую организационно-штатную структуру, которая предполагала наличие в строю бригады около 800 человек личного состава. Также на базе бригады к февралю 1980 г. на основании директив ГШ ВС СССР был развернут 177-й отдельный отряд спецназ под командованием майора Б. Т. Керимбаева. К сентябрю 1981 г. отряд полностью закончил свое слаживание и в конце октября был передан в распоряжение Ограниченного Контингента Советских Войск в Афганистане.

При этом никто не снимал с бригады ответственность за поддержание боевой готовности двенадцати групп первой очереди, качественную боевую подготовку личного состава бригады и отдельного отряда.

Все проверки по итогам периодов обучения, проводимые штабом округа, были сданы бригадой только на «хорошо» и «отлично». За успехи в боевой подготовке в 1980 г. бригада была награждена переходящим знаменем Военного Совета КСАВО, которое после этого из года в год оставалось в бригаде. Все это говорит о высокой ответственности всего личного состава бригады, на плечи которого были возложены непростые задачи строительства и поддержания боевой готовности на высоком уровне.

В завершении мне бы хотелось особо отметить и еще раз сказать спасибо своим заместителям:

- заместителю командира бригады майору А. С. Ильину, возложившему на свои плечи создание учебно-материальной базы и ответственность за высокую боевую подготовку личного состава;

- начальнику штаба бригады подполковнику А. Н. Шинкареву, организовавшему работу штаба и службы войск, позволявшую выполнять задачи боевой подготовки и строительства без срыва. А также подполковнику В. Ключнику, который принял эту должность в 1982 г., после отъезда подполковника Шинкарева в заграничную командировку;

- заместителю командира бригады по ВДП майору М. П. Масалитину, выполнявшему труднейшую задачу подготовки личного состава к совершенному прыжков с парашютом без осложнений и травм;

- заместителю командира бригады по тылу подполковнику В. А. Малыгину, сумевшему обеспечить быт личного состава бригады, который был приближен к домашним условиям.

Кроме того, мне бы хотелось выразить благодарность командиру отряда майору Бодрову и особую благодарность командиру роты капитану Шуленбаеву, человеку высокой ответственности, честности и порядочности.

Безусловно все эти успехи были бы затруднительны, если бы не большая помощь офицеров отдела специальной разведки РУ штаба КСАВО во главе с начальником отдела подполковником Н. А. Лобановым и заместителем начальника РУ штаба округа подполковником Ю. А. Тарасовым.

Также большая помощь была оказана начальниками управлений округа, особенно начальником КЭУ округа полковником Н. П. Белянским и на-

чальником АВТУ. Вся эта работа находилась под постоянным контролем и помощью начальника штаба округа генерал-лейтенанта В.Ш.Архипова.

Спасибо офицерам ГРУ ГШ полковнику Н.Н.Лавренову, полковнику Н.В.Борякову и полковнику О.У.Швецу.

«ВТОРОЙ МУСБАТ» – ОТ СОЗДАНИЯ ДО ВВОДА В ДРА

Вскоре перед бригадой, которая сама была недавно сформирована и еще находилась с процессе развития материальной базы соединения, встала непростая задача формирования отдельного отряда спецназ. При этом отряд не был обычным подразделением специального назначения. В его штат входила боевая техника, а для комплектования были нужны представители национальностей Средней Азии, традиционно исповедующие ислам. Речь идет о Втором мусульманском батальоне.

Формирование отряда

В целях выполнения специальных задач в кризисных ситуациях на территории Ирана, Афганистана и Китая, в соответствии с Директивой Генерального штаба № 314/2/00117 от 8.01.80, было приказано к 1 марта 1980 г. сформировать 177-й отдельный отряд специального назначения в Средне-Азиатском военном округе. При формировании использовался национальный принцип, что и при формировании «мусбата».

К 03.07.80 было завершено обучение по трехмесячной программе боевой подготовки.

В целях исполнения Директивы НГШ от 08.01.80 по формированию войсковой части 56712(177-й ооСпН) была создана и приступила к работе комиссия из ГРУ и разведуправления САВО.

Личный состав и офицеры и прапорщики набирались в отряд из мотострелковых и танковых частей САВО с учетом национальных требований.

Требования к кандидатам в отряд:

– знание личным составом языков, в первую очередь – уйгурского, узбекского, таджикского. Поэтому, учитывая предполагаемые предстоящие задачи 50–60% личного состава были уйгурами.

– хороший и отличный уровень физической подготовки;

– хорошее владение оружием и техникой, находящихся на вооружении войсковой части.

Первый командир отряда

Вопрос назначения командира части был одним из наиболее важных. На должность рассматривалось 4–5 офицеров. После собеседования с начальником разведки и командующим САВО выбор пал на майора Б. Т. Керимбаева. *Из автобиографии Б.Т.Керимбаева:* «Я, Керимбаев Борис Туkenович, родился 12 января 1948 г. в с. Прудки Джамбульского района Алматинской

области. После окончания средней школы поступил в 1966 г. в Ташкентское высшее командное училище им. В.И.Ленина. Закончил его в 1970 г. и был направлен для прохождения службы в ГСВГ (Группу советских войск в Германии). В течение трех лет проходил службу в должности командира мотострелкового взвода. В 1973 г. был назначен командиром разведывательной роты. В 1975 г. заменился в КСАВО, на должность командира разведроты. В 1977 г. был назначен заместителем начальника штаба, позднее – командиром мотострелкового батальона в/ч 52857 в г. Темиртау. В 1980 г. был оформлен в 10-м управлении Генштаба для заграникомандировки в Эфиопию в должности советника командира пехотной бригады».

В январе 1980 г. кандидатуру Керимбаева представили начальнику ГРУ ГШ генералу армии Ивашутину. Он его лично поздравил с назначением. Интересны воспоминания Керимбаева об инструктаже одного из офицеров: «Когда голосовали за тебя, Борис, поднимали по одной руке. Если подведешь и встанет вопрос о том, чтобы тебя расстрелять – по две руки поднимем. Отсюда и делай выводы!».

Видимо, делая выводы, Борис Туkenович прямо в Москве начал подбор личного состава. На олимпийских стройках он набрал среди военных строителей 300 уйгуров и убыл в Капчагай.

С января 1980 г. по октябрь 1981 г. отряд дислоцировался в г. Капчагае (САВО), введен в ДРА в октябре 1981 г.

О формировании Второго мусульманского батальона на базе 22-й бригады рассказывает *начальник штаба бригады А.Н.Шинкарев*: «О том, что на базе бригады будет развернут отдельный отряд спецназ, говорили много. Устно приказали подготовить места для размещения, но никаких директив не было. Поэтому, естественно, никто ничего и не делал. И вдруг, зимой в начале 1980 г., в бригаду прибыла первая группа личного состава с командиром отряда майором Б.Т.Керимбаевым и начальником штаба отряда капитаном Джунушевым.

Для их размещения пришлось срочно развертывать палаточный городок на гарнизонной площадке для задержанных машин. Все, что было в резерве бригады, все было отдано на обеспечение размещения отряда. Это был второй, так называемый «мусульманский батальон», который комплектовался военнослужащими представителей народов Средней Азии. Личный состав подбирали в отряд со всего округа. Но на наиболее ответственные должности назначали офицеров бригады. Так командиром одной из рот был назначен хороший офицер бригады старший лейтенант Куманяев».

В условиях, приближенных к боевым

Воспоминания командира отряда Б. Т. Керимбаева позволяют более детально понять обстановку, в которой проходила подготовка отряда:

«Расположение отряда, можно сказать, было приближенным к боевым условиям. То есть только одну роту удалось разместить в казарме, остальные, разбив лагерные палатки, расположились в них. [...] Январь-февраль, холод, снег и т. д. В палатках топили печи-“буржуйки”, чтобы воины не за-

мерзли. Умываться практически не было возможности, да и особого желания у солдат в этом не было, так как им, по существу промерзнув ночь, приходилось еще идти обливаться холодной водой. Единственным способом борьбы с холодом было постоянное движение – марш-броски и занятия спортом. В таких условиях проходило комплектование части.

В марте отряд был в полном составе выведен на полигон, где началась подготовка: элементы боевого слаживания, огневая подготовка, вождение, тактика. [...] Офицеры в духе состязательности между подразделениями день и ночь готовили свои подразделения.[...]

В апреле 1980 г. комиссия ГРУ ГШ, проверяя нашу боевую готовность, интересовалась вопросами становления отряда. Мы провели отрядные учения, правда, пока без боевой стрельбы. Конечно, может, за полтора месяца не все добились больших результатов, но из солдат-строителей мы создали настоящий боевой отряд.

В мае 1980 г. отряд, совершив комбинированный марш, сосредоточился на Отарском полигоне для проведения отрядного учения с боевой стрельбой. При этом проверялись:

- боевая слаженность отряда;
- умение командиров управлять подразделениями;
- знание тактики спецназа и порядок действий групп по выводу из строя или захвату важных объектов противника.

Как командир я постоянно руководил действиями подчиненных в период подготовки подразделения на полигоне, но чтобы так впечатляюще шёл отряд на этапе учений – боевой стрельбы – такое довелось увидеть впервые. Полигон и рубежи с мишенями – все горело, все в дыму! Эффект, конечно же, был поразительный.

Я мысленно благодарил своих подчиненных за то, что не жалея сил они постигали воинскую науку. Получилось так, что командирам помимо обучения подчиненных пришлось и самим переучиваться к тактике действий частей спецназа, ведь они в основном закончили Алматинское высшее общевойсковое командное училище. Чтобы им было легче, комплектование офицерами осуществлялось так, что если один командир взвода в каком-то одном направлении хорошо подготовлен, а в другом слабо, то другой взводный был хорошо подготовлен в слабой стороне предыдущего. Командиры рот были профессионалами своего дела. Да и вообще подготовка офицеров-выпускников АВОКУ была очень сильной. [...]

К лету в основном подготовка отряда была завершена, и в Москву доложили, что наша войсковая часть к выполнению своих задач готова. Вернулись с учений, поставили технику, расположились в пункте постоянной дислокации, и некоторое время шла новая, более спокойная жизнь отряда. Правда, совершенствование боевого мастерства продолжалось: нас начали готовить к десантированию с военно-транспортной авиации.

По штатному расписанию у нас было одно парашютно-десантное подразделение – это 3-я рота Бекбоева, но тем не менее весь отряд совершал прыжки, начиная с командира и заканчивая поваром. Мне в 33 года при-

шлось впервые прыгать с парашютом. Конечно, это остается в памяти у каждого, несмотря на то что потом прыгаешь не один раз. Шаг с борта самолета в огромную пустоту – это ведь своеобразный шаг к мужеству, для этого необходимо перебороть страх, проявить качества настоящего мужчины, защитника.

Помню день, когда прибыли в район совершения прыжков. Я знал, что есть неписанный закон: командир – “открывает небо”, то есть совершает прыжок первым. Стараюсь казаться спокойным, а про себя невольно думаю: “Хоть бы не прилетели самолеты!”. Было какое-то чувство необъяснимого волнения, словом, прыгать очень не хотелось. И представьте себе мою радость, когда самолетов действительно не было! Как я был счастлив!

На следующий день все было по-другому, был другой настрой, и переборов в себе страх, я “открыл небо” для своей части. Отряд успешно совершил по 5–6 прыжков с самолетов, и на этом занятия по воздушно-десантной подготовке завершились.

Подошло время увольнения в запас военнослужащих срочной службы, и нужно было производить новый набор. В основном ушли воины уйгурской национальности. При новом комплектовании части требования по уйгурской национальности уже отпали, набор шел по национальностям Средней Азии (казахи, узбеки, таджики, киргизы). Это говорило об изменении нашей предполагаемой боевой задачи. Укомплектовав часть, вновь приступили к боевому слаживанию.

В сентябре 1981 г. сдавали проверку по боевой и политической подготовке комиссии ГРУ ГШ. Проверку отряд сдал на “отлично”.

(*Керимбаев Б.Т.* Капчагайский батальон. – Алматы, 2005. С. 10–11)

Подготовка к вводу в Афганистан

После сдачи проверки отряд приступил к подготовке для отправки в Афганистан. Командир отряда, понимая важность предстоящих задач, произвел замену некоторых офицеров. В частности, заменили замполита отряда и секретаря партийной организации, командира и замполита 4 роты и замполита 5 роты. На их место были назначены:

- замполит отряда – капитан М. Муратов;
- командир 4-й роты – старший лейтенант Я. Куманяев;
- секретарь парторганизации – старший лейтенант С. Ильинский;
- замполит 4-й роты – старший лейтенант В. Сивин;
- замполит 5-й роты – старший лейтенант Скотченко.

О периоде подготовки отряда непосредственно к вводу в Афганистан рассказывает *начальник штаба 22 обрСпН Шинкарев Альберт Николаевич*:

«Отряд довольно долго готовился, занимаясь только боевой подготовкой. Но куда и зачем никто не знал. Назначение отряда прояснилось уже перед вводом его в Афганистан в сентябре 1981 г.

Перед отправкой отряда в Афганистан в середине октября приехала комиссия во главе с начальником штаба округа генерал-лейтенантом В.М. Архиповым. Отряд комплектовали всем новым, снимая для этого имущество,

хранившееся на складах «НЗ» бригады. Комиссия работала примерно неделю. Каждый день строили офицеров отряда и каждый докладывал, что у него не хватает до штатной численности. Если этого не было на складах «НЗ» бригады, доставляли из округа.

В конце концов отряд был полностью укомплектован личным и офицерским составом, а также положенным по штату вооружением и техникой.

Вскоре пришел приказ. Погрузку производили на двух железнодорожных станциях. Часть отправлялась двумя эшелонами с интервалом в 4 часа. Первым эшелоном командовал подполковник Н. А. Лобанов, а вторым – я.

В пути следования обошлось без происшествий, если не считать то, что некоторые солдаты, когда состав проходил железнодорожные станции, выбрасывали из вагонов письма, в которых писали, что их везут неизвестно куда, и обратного адреса нет.

Прибыв в Туркмению на станцию Киркичи, выгрузились и на пароме переправились через Аму-Дарью в пустыню. Там в течение двух суток личному составу были выданы боеприпасы и продовольствие.

Уже на той стороне случилось происшествие, которое могло иметь весьма тяжкие последствия. Имущество отряда грузилось в контейнеры, которые устанавливали на платформу автомобильных тягачей. Под своим собственным весом они держались хорошо, когда машины шли по нормальному дорогам. Но на бездорожье один из контейнеров свалился с тягача и его содержимое было разбросано в радиусе метров 50. Но страшно не столько это, сколько то, что в контейнере находились вместе взрывчатые вещества и средства взрывания в нарушение всех инструкций и требований мер безопасности. Лишь чудом все это не взорвалось. В той суматохе, в которой шли сборы, трудно сказать, кто допустил такую оплошность. Я немедленно оцепил силами одной из рот место, где имущество было разбросано, и бойцы все снова собрали и погрузили в контейнер. После этого отряд продолжил свой путь. Начальник разведки округа генерал-майор Иванов все это время находился на безопасном удалении на одном из барханов и давал указания в мегафон. Слава Богу, все обошлось.

Отряд был передан в оперативное подчинение командованию 40-й ОА в дальнейшем довольно успешно выполнял поставленные задачи. Но в составе бригады он числился вплоть до 1985 г., когда и 22-я бригада убыла в Афганистан, а там уже имевшиеся ранее и прибывшие отряды были перераспределены между 15-й и 22-й бригадами. В результате 177-й ооСпН вошел в состав 15-й бригады. После вывода войск он вошел в состав 2-й обр СпН ЛенВО и уже там спустя несколько лет был расформирован.

177-й ооСпН был введен на территорию ДРА в ночь с 29 на 30 октября 1981 г. «Де-юре» с вводом в Афганистан 177-го отдельного отряда, еще не ощущая на себе в полной мере это бремя, 22-я бригада стала участвовать в Афганской войне. По-настоящему с войной бригада столкнется через три с лишним года. А пока перед ней стояли задачи мирного времени. В 1983 г. бригаду принял подполковник Дмитрий Михайлович Герасимов. Его воспоминания об этом периоде мы приводим ниже.

КАПЧАГАЙ

(Д.М.Герасимов)

Создание бригады

Одной из особенностей создания 22-й обрСпН является тот факт, что она была сформирована на базе 15-й бригады спецназ, которая была среди первых десяти бригад специального назначения, созданных в первые годы шестидесятых. 15-я бригада входила в состав ТуркВО и дислоцировалась в городе Чирчик, недалеко от Ташкента.

В 1969 г. был создан Средне-Азиатский военный округ и 15-я обрСпН в полном составе вошла в него, хотя и продолжала дислоцироваться на территории ТуркВО. Однако в связи ростом напряженности на советско-китайском направлении, руководством ВС СССР и ГРУ ГШ было принято решение о возвращении 15-й бригады в состав ТуркВО, но формировании при этом в САВО еще одной бригады спецназ. В соответствии с этим решением 22-я обрСпН начала формироваться в 1976 г. на основании Директивы ГШ ВС СССР. Днем ее создание принято считать 24 июля 1976 г.

Местом дислокации для новой бригады был избран город Капчагай Алма-Атинской области. Для формирования новой бригады из состава 15-й обрСпН был откомандирован отряд специального назначения под командой капитана Б.Можачкина, штабная рота, рота минирования, часть отряда спецрадиосвязи и комендантский взвод.

Также в 22-ю бригаду на равнозначную должность был направлен начальник штаба 15-й бригады подполковник Василий Игнатьевич Ильиных. Командиром бригады был назначен подполковник Иван Кириллович Мороз – знающий дело офицер, имеющий богатый опыт работы с личным составом, неумолимый и энергичный человек.

Из-за того, что он сдавал экзамены в ВАФ на заочном факультете, бригадой первые месяцы командовал подполковник Ильиных, а штаб возглавил прибывший на должность начальника ОРО после окончания Военной Академии им. Фрунзе майор Шинкарев Альберт Николаевич. На его плечи легла ответственность за разработку документов мобилизационной и боевой подготовки, разработка боевых документов и организация не только караульной, но и гарнизонной службы, поскольку командир 22-й бригады осенью был назначен начальником Капчагайского гарнизона, в состав которого входило несколько частей САВО.

В дальнейшем Василий Игнатьевич Ильиных ушел на повышение в Мобилизационное управление САВО, и Альберт Николаевич Шинкарев был назначен на должность начальника штаба бригады.

Заместителем командира бригады по тылу был назначен подполковник В.И.Малыгин, которому досталась самая трудная часть работы по обустройству и размещению личного состава, получению жилья для офицеров и много других вопросов, связанных с тыловым обеспечением деятельности

бригады. Надо отметить, что с этими непростыми обязанностями он успешно справлялся.

Интенсивное строительство хозяйственным способом

В 1979 г. на должность командира 22-й обрСпН был назначен подполковник Сергей Иванович Груздев. Это был грамотный офицер, прошедший ряд командных и штабных должностей.

С первых дней бригада размещалась на территории бывшего зенитно-артиллерийского полка, который длительное время находился без должного внимания. Городок представлял собой несколько полуразвалившихся сборно-щитовых казарм, некоторые из которых были даже без крыш. Все обустройство городка пришлось начинать практически с нуля. С введением должности заместителя командира бригады на эту вакансию был назначен майор А.С. Ильин, способный организатор строительства, которое в большом объеме велось в то время в городке бригады.

Но для успешного строительства требовались большие денежные средства. Командование округа, начальник разведуправления штаба округа полковник Иванов Владимир Иванович, а впоследствии и сменивший его на этом посту полковник Устьян Николай Самвелович, начальник отдела спецразведки полковник Воинов Виктор Александрович и старший офицер отдела Лобанов Николай Александрович делали все возможное, чтобы помочь бригаде в получении необходимых финансов, строительной техники и других материальных средств, необходимых для строительства.

Многое строилось так называемым «хозяйственным способом», то есть силами личного состава бригады и из материалов, которые военнослужащие бригады зарабатывали своим трудом на предприятиях Казахстана. При этом для подвоза строительных материалов использовалась техника бригады, которая даже снималась с хранения «НЗ». По мере интенсивного использования техника выходила из строя и в дальнейшем хранилась на открытой площадке, поскольку боксов в парке еще не было. Для ремонта других автомобилей с неисправной техники снимались необходимые запасные части и агрегаты. Часть из них просто разворовывалась.

К 1993 г. за семь лет истории части совместными усилиями офицеров и солдат бригады была выполнена колоссальная работа по созданию современного военного городка соединения со всеми необходимыми элементами. К указанному времени в городке имелось все необходимое для жизни и боевой подготовки военнослужащих бригады: штаб, многоэтажная казарма для личного состава, офицерское общежитие, кафе, автопарк, парашютно-десантный городок и склад ПДИ, КПП и КТП, учебные корпуса, клуб, бассейн, спортивный городок, гауптвахта и медицинский пункт, стрельбище и складская зона. На берегу р. Или был оборудован и тщательно укрыт запасной командный пункт бригады.

Это удалось создать во многом благодаря умению командиров бригады И. К. Мороза и С. И. Груздева, а также их подчиненных взаимодействовать с местными партийными и советскими органами, поддерживать с ними хо-

рошие, дружеские отношения. Благодаря этому в бригаде довольно скоро около 80% офицеров и прапорщиков было обеспечено жильем.

Вскоре бригаду стали считать образцовой в округе. Завершив масштабное строительство, бригада приступила к постепенному восстановлению вышедшей из строя техники.

Формирование 177-го ооСпН

8 января 1980 г. в соответствии с Директивой НГШ ВС СССР была создана и приступила к работе комиссия ГРУ ГШ и штаба САВО по формированию на базе 22-й обрСпН 177-го отдельного отряда специального назначения, командиром которого был назначен майор Борис Туkenович Керимбаев. С января 1980 г. по октябрь 1981 г. отряд проходил этап формирования и слаживания для самостоятельных действий за пределами СССР. Первоначально назначение отряда было неизвестно, но осенью 1981 г. стала понятна страна назначения – Афганистан. В ночь с 29 на 30 октября 1981 г. 177 ооСпН пересек государственную границу с ДРА и своим ходом вышел в пункт временной дислокации Меймене, провинция Фарьяб. Спустя некоторое время отряд передислоцировался в район ущелья Панджшер, н. п. Руха. Спустя полгода его перевели в г. Гульбахор. В феврале 1984 г. отряд был вновь переведен к новому месту дислокации в Газни, но вплоть до марта 1985 г. он оставался отрядом 22-й бригады. В марте с вводом штабов 15-й и 22-й бригад на территорию ДРА, он был передан в состав 15-й бригады спецназ.

В период формирования 177-го отряда его укомплектовывали всем новым, для чего снимали технику с хранения «НЗ» бригады. Прежняя его техника, во многом изношенная в результате интенсивной боевой подготовки, была оставлена на территории бригады. Никто ей не занимался, не ремонтировал и не списывал. Но спустя некоторое время выяснилось, что эта техника числится за в/ч 42610, то есть за 22-й бригадой спецназ, что не могло не отражаться на общем состоянии боеготовности бригады.

О моем назначении

Летом 1983 г. я проходил службу в 5-й обрСпН (Марьина Горка) Белорусского ВО в должности начальника штаба бригады. Наш командир бригады, подполковник Григорий Ананьевич Колб, поступил в Академию Генерального Штаба им. Ворошилова, но неожиданно на его должность из ЗабВО по замене прибыл полковник Иванов Эдуард Михайлович. Он длительное время командовал бригадой и потому вскоре должен был уйти на повышение, как грамотный и опытный командир. В то время на должности начальника штаба я находился уже почти четыре года, и моя кандидатура рассматривалась для назначения командиром этой же бригады, вместо Иванова. Я знал об этих планах руководства. Поэтому, когда меня в начале июля 1983 г. вызвали в Москву, в ГРУ ГШ, я справедливо полагал, что цель вызова связана с назначением на должность комбрига 5-й бригады.

Прибыв в Москву, я представился генерал-майору Ткаченко, начальнику 5-го управления, поскольку направление специальной разведки организа-

ционно входило в его состав. Начальником направления в то время был полковник В. В. Колесник.

После короткой беседы с Ткаченко я был принят начальником ГРУ ГШ ВС СССР генералом армии Ивашутиным Петром Ивановичем. Он расспросил меня о состоянии дел в Белорусской бригаде, *поинтересовался моим здоровьем и семейными делами*. В конце беседы сообщил, что я рассматриваюсь на должность командира бригады специального назначения, но не сказал какой. После этого я побывал в Управлении кадров ГРУ ГШ, где мне сообщили, что к 10.00 следующего дня я должен прибыть на Старую площадь в бюро пропусков и затем пройти собеседование в Административном отделе ЦК КПСС.

В 10.00 я стоял уже перед начальником отдела. Он беседовал со мной не более 15 минут. Его монолог свелся к тому, что я обязан укреплять воинскую дисциплину, крепить боевую и мобилизационную готовность соединения, проводить боевую и политическую подготовку в соответствии с требованиями руководящих документов и так далее.

По сути он прочитал мне обязанности командира из Устава Внутренней службы ВС СССР. После этого он объявил мне, что я назначаюсь на должность командира 22-й обрСпН в Средне-Азиатский военный округ. Это стало для меня полной неожиданностью, поскольку я уже проходил службу в ТуркВО, а когда округ поделили, то и в САВО в составе 15-й бригады. Поэтому я надеялся, что больше в эти округа не буду направлен.

И тут я вспомнил и понял фразу начальника Управления Кадров ГРУ, который сказал, чтобы я в Административном отделе ЦК ни от чего не отказывался, куда бы меня не направили.

После беседы я вернулся в ГРУ и сообщил генерал-майору Ткаченко и полковнику В. В. Колеснику о состоявшемся решении. Вечером того же дня я выехал в Минск. Прибыв в Марьину Горку, я доложил о своем назначении полковнику Э. М. Иванову. Для комбрига это тоже была неожиданная новость.

К новому месту службы

Тем не менее отступать было поздно, и оставалось только радоваться повышению в должности. Однако, сообщив новость жене и детям о том, что мы вскоре уезжаем в Среднюю Азию, я не прочитал радости в их глазах. К этому времени мы впервые за время службы получили в Марьиной Горке отдельную трехкомнатную квартиру в новом доме и только что ее обустроили. Поэтому, конечно, хотелось пожить по-человечески. Кроме того, в Белоруссии проживали мои родители и братья, и отрываться далеко от них не хотелось. Тем более здоровье отца Михаила Ивановича и матери Марии Федоровны было далеко не безупречным.

Однако приказ есть приказ, и мы стали собираться в дорогу. Надо отдать должное моей любимой супруге Галине Александровне, которая с пониманием отнеслась к очередному переводу. Немного повздыхав, она к этой теме больше не возвращалась, а привычно стала готовиться к переезду. Бу-

дучи дочерью военного, она немало поматалась с родителями по отдаленным гарнизонам ВС СССР. Родилась она в Нахичевани, Азербайджанской ССР, а службу ее отец полковник Иртегов Александр Николаевич и ее мать Нина Александровна закончили в Самарканде.

Вскоре мы были готовы к отъезду. 19 июля 1983 г. вышел приказ МО СССР о назначении меня комбригом. Сдав дела и должность, в первых числах августа мы с семьей отбыли к новому месту службы.

Прибыв 5 августа 1983 г. на железнодорожный вокзал г. Алма-Ата, я с семьей был встречен офицерами отдела специальной разведки. Полковники Кардаев Виктор Иванович и Плешаков Анатолий Иванович доставили нас в штаб округа. После встречи с начальником 3 отдела полковником Скрипченко и начальником разведки округа полковником Устьяном я был представлен начальнику штаба САВО генералу Архипову, который описал мне положение дел в бригаде и поставил задачи на ближайшее будущее. В основном беседа проходила доброжелательно, он положительно отзывался о бригаде и сообщил, что одновременно с командованием бригадой на меня возлагаются обязанности начальника Капчагайского гарнизона.

В Капчагае

Город Капчагай, находившийся в семидесяти километрах к северу от столицы Казахстана, встретил нас песчаной бурей, которые в этих краях обычное явление. Стояла такая круговерть, что за окнами машины в 15–20 метрах ничего не было видно. Я оглянулся назад и увидел глаза жены, полные слез, правда, она быстро справилась с минутной слабостью и сказала, что все будет хорошо.

При подъезде к части буря прекратилась также внезапно, как и началась, и на улице установилась полнейшая тишина.

Мы разместились в офицерском общежитии, где и жили первое время до получения квартиры. Обед накрыли в кафе-столовой, которое находилось поблизости.

На следующий день, 6 августа, на построении бригады начальник разведки округа полковник Устьян, в присутствии офицеров отдела специальной разведки РУ штаба округа, представил меня личному составу бригады. Также был объявлен состав комиссии для передачи и приема дел и должности, которая приступила к работе в тот же день. Командир бригады подполковник С. И. Груздев ознакомил меня с расположением бригады и представил командирам частей Капчагайского гарнизона. В основном это были части окружного подчинения: полевая ракетно-техническая база, инженерно-саперный, химический и медицинский батальоны, а также склады боеприпасов и другого имущества.

Бригаду принять!

В ходе работы комиссии выяснилось, что при строительстве учебно-материальной базы бригады значительная часть техники пришла в негодность и находится в плачевном состоянии. Помимо полностью разукомплектован-

ных транспортных машин, машины неприкосновенного запаса также были не в рабочем состоянии. На многих отсутствовали не только отдельные детали, но и целые узлы и агрегаты. Также были разукомплектованы радиальные передающие и приемные машины батальона спецрадиосвязи.

Я прекрасно понимал, что мои предшественники в этом не виноваты. Необходимость выполнения огромного объема строительных задач вынудила их использовать технику бригады. Подвоз строительных материалов осуществлялся с заводов, находившихся на большом удалении от Капчагая. Но на просторах казахских степей 500 километров не считалось большим расстоянием. При таких нагрузках неудивительно, что машины ломались. Но любая поломка машины требовала времени для ее ремонта и запасных частей. Ни того, ни другого у командования бригады не было. Для решения возникших проблем зачастую снимали с машин, находящихся на хранении, в надежде с поступлением запасных частей по составленным заявкам из автослужбы округа, установить их на место. Но округ был молодой, и на его складах многое отсутствовало, поэтому помощи в требуемом объеме бригада не получала.

Те, кто командовал подразделениями, частями и соединениями в САВО в то время, помнят, в какой обстановке приходилось работать командирам.

Однако, прекрасно понимая все это, принять технику бригады в таком состоянии я не мог, и потому к актам приема-передачи я приложил рапорт, где изложил настоящее состояние техники и отказался принимать ее в таком виде.

Рапорт дошел до начальника штаба САВО, который вызвал меня и написал на моем рапорте: «Бригаду принять!» и оставил свою подпись и дату: 14.08.1983. При этом он пообещал мне, что в ближайшее время техника будет отремонтирована силами ремонтных подразделений округа.

Подстава на высшем уровне

Этот начальственный росчерк дорого обошелся и мне, и всему личному составу бригады. Через полтора месяца генерал Архипов был назначен Командующим Закавказского военного округа и убыл к новому месту службы, а на его место прибыл генерал Кочетов. Принимая части округа, он в конце сентября прибыл в бригаду, но не в штаб, а сразу в автопарк, который был в одном километре от нашего городка. Через три минуты я тоже был в парке, где генерал Кочетов уже учинял разнос дежурному по КПП, тыкая пальцем в разукомплектованную технику, оставленную 177-м ооСпН, и вопрошая: «Что это такое?».

Когда я ему представился, он переключился на меня. В это время подъехал начальник штаба бригады Исакджан Камилевич Фазылов, которому генерал приказал вскрыть боксы с техникой «НЗ». Увидев, в каком состоянии находится техника, он позеленел и приказал построить бригаду на плацу. Там он поставил задачу о восстановлении техники бригады, в том числе и 177-го ооСпН, которая, как оказалось, каким-то образом была передана бригаде.

После построения Кочетов зашел ко мне в кабинет и сказал:

— Вот что, комбриг, сегодня конец сентября. Я даю тебе срок до 25 декабря 1983 г. отремонтировать всю технику. 25 декабря я подниму бригаду по тревоге с выходом из пункта постоянной дислокации и совершением 500-километрового марша! Ясно?

Я ответил, что ясно.

— Товарищ генерал! — обратился я к Кочетову. — Разрешите доложить по поводу техники? — и продолжил: — Когда я принимал бригаду, рапортом доложил генералу Архипову о ее состоянии и невозможности по этой причине принять дела и должность командира.

Кочетов помолчал, а потом сказал:

— Как грабили, так и восстанавливайте!

На незаслуженный упрек я раздраженно заметил, что я ее не грабил, но генерал меня не услышал.

Прошло немногим более года, и я узнал от того же Кочетова о том, что о состоянии с техникой в нашей бригаде ему сообщил генерал Архипов при сдаче должности: «Ты там посмотри на бригаду спецназ в Капчагае. У них не все в порядке с техникой».

Вот так меня сделали крайним в этом вопросе.

Восстановление техники

То, что технику бригады надо восстанавливать, я знал и без начальника штаба округа. Правда, полагаясь на обещание Архипова, я наивно надеялся на помощь ремонтных частей округа, и что это будет выполнено в разумный срок.

После разговора с Кочетовым я понял, что надеяться я могу только на себя и своих подчиненных. Когда НШ округа покинул наш городок, я собрал совещание офицеров бригады с тем, чтобы посоветоваться с ними, как можно ускорить ремонт техники. Многие из офицеров служили здесь давно и потому имели многие полезные знакомства.

Я не ошибся. Многие из них высказали дельные предложения.

Сознавая, что Кочетов от своего не отступит, я приказал командирам подразделений за каждой машиной закрепить офицера или прапорщика для проведения дефектовки машины, наметить план и подготовить график восстановления каждой отдельной машины. На основании этих частных графиков был подготовлен общий график восстановления техники бригады. Картина складывалась не очень радостная, но ведь кто ищет, тот обязательно найдет.

Не стану долго описывать детали этой непростой работы, скажу только, что с задачей мы справились в срок. Хочу сегодня, спустя много лет, сказать большое спасибо военному комиссару г. Капчагай майору Мальсагову, директору Ерментаусского военного автомобильного завода, начальнику Управления механизации и транспорта г. Капчагай Францу Роут, офицерам РУ штаба и автослужбы САВО, а также многим офицерам и прапорщикам и всему личному составу бригады, которые помогли восстановить технику

бригады в назначенный срок. Часть техники восстановлению не подлежала и была списана.

Однако нам предстояло еще и совершить 500-километровый марш при том, что по штату водители были только на строевые машины. На машины «НЗ» водителей не хватало. Поэтому я принял решение в течение месяца провести обкатку восстанавливаемой техники, посадив за руль офицеров и прапорщиков, имеющих водительские удостоверения. Таким образом, к середине декабря за каждой машиной был закреплен военнослужащий, который знал ее состояние и мог управлять ей.

25 декабря 1983 г. в бригаду прибыл начальник штаба округа генерал Кочетов и объявил «Сбор» с выходом в запасной район сосредоточения без загрузки материальных средств. Каково же было его удивление, когда все машины вышли из боксов и, успешно совершив марш, возвратились в пункт постоянной дислокации. На буксире притащили лишь две машины, что являлось нормой. Когда Кочетов спросил, как получилось, что за рулем каждой машины находился закрепленный водитель, пришлось рассказать, что ими управляли военнослужащие части, прошедшие дополнительную подготовку, а не военнообязанные, призванные из запаса на сборы, как он полагал. Генерал Кочетов остался очень доволен увиденным. Позже многие получили от него благодарность за проделанную работу.

Новый год – новые задачи

Новый 1984 г. начался успешно. Практически часть была благоустроена, техника в основном восстановлена, началась интенсивная боевая подготовка с проведением тактико-специальных учений, стрельб, минно-подрывных работ, прыжков с парашютом и других мероприятий. Шла плановая боевая учеба. Но внезапно появились новые задачи, связанные со строительством. Командующий САВО генерал-полковник Д.Т. Язов решил силами окружных частей построить три бокса для специальной техники ракетно-артиллерийского вооружения округа, а также переоборудовать стрельбище Алма-Атинского общевойскового училища, где части округа проводили стрельбы и тренировки. У нашей бригады там было свое направление для выполнения специальных упражнений учебных стрельб.

Бригаде было приказано построить в пригороде Алма-Аты бокс 118×24 м и переоборудовать на стрельбище участковую вышку по утвержденному командующим проекту. Также нам предстояло построить тропу разведчика.

Для строительства использовался все тот же «хозспособ». Для приобретения стройматериалов разрешалось привлекать к работам на предприятиях, которые их производили, команду из 15 человек со старшим, о чем был издан приказ по округу. Снова проклятый хозяйственный способ отвлекал людей от боевой подготовки, снова использовалась не по назначению техника бригады, работая на износ. Но другого пути не было.

Ко всему прочему гарнизонная служба отвлекала очень много людей от боевой учебы. Бригада была развернута по сокращенному штату, и потому для организации боевой подготовки почти не оставалось людей.

Но в конце концов и с этой задачей, несмотря на большие трудности, мы справились успешно. Хочется отметить особую роль моих заместителей, которые взяли на свои плечи часть проблем и забот и успешно их решали. Моим верным помощником был начальник политического отдела майор Михаил Григорьевич Таран. Начальником штаба был Исакджан Камилович Фазылов, а заместителем по ВДП был подполковник Михаил Петрович Масалитин. Заместителем командира бригады был подполковник Борис Тукенович Керимбаев, недавно вернувшийся из Афганистана, где он командовал 177-м ооСпН.

Во время строительства бокса для службы РАВ округа большую помощь оказал директор Алма-Атинского завода ЖБИ и главный инженер организации «Казаметаллсбыт» Владимир Ильич Власов. Я до сих пор благодарен им за оказанную помощь.

Несмотря на отвлечение для строительства, личный состав продолжал заниматься по программе боевой подготовки. На осенней проверке бригада получила общую оценку «хорошо».

На Военном Совете округа генерал-полковник Д.Т. Язов отметил 22-ю обрСпН как одну из лучших частей округа и вручил мне «Командирские» часы. Также многим офицерам и прапорщикам в приказе Командующего и начальника звезды округа были объявлены благодарности, вручены почетные грамоты.

Достроив в подготовительный период у себя в части склад для техники связи, мы начали подготовку к очередному учебному периоду.

Готовимся к Афгану

Вскоре после Нового 1985 г. я был срочно вызван в Москву. После представления начальнику направления специальной разведки и начальнику 5-го Управления меня и прибывшего по вызову подполковника Валерия Матвеевича Бабушкина, который только в декабре 1984 г. был назначен командиром 15-й обрСпН, представили генералу армии Ивашугину. Петр Иванович обрисовал сложившуюся в ДРА обстановку и сообщил нам, что Постановлением Правительства и Министра Обороны СССР принято решение об усилении группировки частей 40-й ОА частями специального назначения. В целях исполнения принятого решения к весне 1985 г. будет создано и введено на территорию Афганистана дополнительно три отдельных отряда спецназ. Для руководства частями СпН, находящимися в ДРА, также весной 1985 г. планируется ввести управления 15-й и 22-й бригад спецназ с подразделением обеспечения и обслуживания. Места дислокации 15-й бригады – Джелалабад, провинция Нангархар, а 22-й – Лашкаргах, провинция Гильменд.

Для формирования нам были предоставлены широкие полномочия по подбору в других частях округа и бригадах спецназ должностных лиц на вакантные должности. Кроме того, для скорейшего решения возникающих вопросов была создана комплексная комиссия из офицеров Министерства Обороны, ГРУ ГШ, а также САВО.

До марта 1985 г. все силы личного состава были направлены на подготовку к предстоящим действиям. В это время в бригаду поступала новая техника и вооружение, проводилось боевое слаживание, проводились боевые стрельбы.

По моей просьбе из Белорусского военного округа были к нам откомандированы офицеры 5-й бригады спецназ, которых я хорошо знал и на которых мог положиться: командир отряда спецрадиосвязи подполковник Н. Колосовский, начальник оперативно-разведывательного отделения подполковник В. Василюк. Также из БВО был направлен на должность заместителя по вооружению подполковник В. Дадаев и некоторые другие офицеры и прапорщики, которых я хорошо знал и в которых, как показало время, не ошибся. Они стали моими верными помощниками.

Поскольку подполковник Б. Т. Керимбаев недавно вернулся из Афганистана, на должность заместителя командира бригады был назначен зам. по ВДП подполковник М. П. Масалитин, несмотря на то что он в это время заочно обучался в Военной Академии им. Фрунзе. Несмотря на это Борис Тукенович оказал нам большую помощь в ходе подготовки к вводу соединения в Афганистан. Исходя из своего недавнего боевого опыта, он дал много делных советов в вопросах комплектования и подготовки бригады.

Нам предстояло проехать весь Афганистан с севера на юг, а тягачами радиостанций приемного центра были слабенкие ЗиЛ-131. Я попросил их заменить на более мощные КАМАЗы. Просьбу мою удовлетворили, а дальнейшая работа в ДРА показала верность этого решения. Совершив пробный 200-километровый марш, в начале марта бригада была готова к погрузке. В соответствии с Директивой ГШ ВС СССР №314/2/00894 от 4 марта 1985 г. 22-я обрСпН была передана в состав ТуркВО. Вскоре бригаде было приказано сосредоточиться в г. Кушка, в районе государственной границы.

До свидания, Капчагай!

Первый эшелон бригады с техникой был отправлен со станции Капчагай 12 марта. Остальная техника, личный состав и управление бригады отправились вторым эшелоном 15 марта 1985 года.

Стоя в тамбуре вагона, я смотрел на проплывающий мимо Капчагай и думал, смогу ли я сюда вернуться? Здесь оставались семьи офицеров и прапорщиков бригады, здесь оставалась моя жена Галина Александровна с двумя моими сыновьями. Старшему Дмитрию тогда исполнилось четырнадцать, а младшему Саше – только шесть лет.

До сих пор я благодарен своей жене и жене начальника политотдела Татьяне Таран, а также другим женщинам нашей части, которые сплотились в единый коллектив, помогали и поддерживали друг друга, заботились о детях и делились информацией, поступающей от их мужей. Никто не смог сказать о них ничего плохого.

Счастья Вам, любви и тепла! Пусть удача не проходит мимо Вас, а жизнь будет светла и радостна. Будьте всегда любимы и молоды, красивы и обаятельны, дорогие женщины 22-й отдельной бригады спецназ!

Надо сказать, что большую помощь семьям военнослужащих бригады оказал Керимбаев Борис Туkenovich, который возглавил отдельный полк специального назначения со штатной численностью 207 человек, сформированный после отъезда бригады и размещившийся в ее городке.

На Кушке

К 25 марта 1985 г. управление и штаб бригады, отряд спецрадиосвязи, подразделения обеспечения и обслуживания сосредоточились в районе г. Кушка и начали подготовку к переходу госграницы с Афганистаном. С пограничниками согласовывали количество техники и личного состава, которые должны были пересечь границу. Водители и старшие машин проводили дозаправку техники, устраняли мелкие неисправности, личному составу были выданы боеприпасы и гранаты.

Для приема нашей колонны из штаба 40-й ОА прибыл заместитель начальника разведывательного отдела, который довел требования к построению колонн, а также обстановку на маршруте.

В ночь с 28 на 29 марта колонна пересекла границу и пройдя пограничное КПП, вошла в Афганистан. В 4.00 29 марта 1985 г. мы начали движение в направлении Шинданда.

Так началась боевая история бригады.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список офицеров и прапорщиков первого состава 22-й обрСпН

№	Должность	Фамилия, имя и отчество
1	Командир бригады	Мороз Иван Кириллович
Заместители командира бригады		
2	Заместитель командира	Ильиных Василий Игнатьевич
3	Начальник штаба (НШ)	Шинкарев Альберт Николаевич
4	Начальник политотдела (начПО)	Зайцев Анатолий Александрович
5	Зам. командира бригады по ВДП	Кадацкий Дмитрий Иванович
6	Начальник тыла бригады	Малыгин Валерий Алексеевич
Штаб		
7	Заместитель НШ по мобработе	Толстой Александр Иванович
8	Помощник НШ	Кокорев Валерий Анатольевич
9	Начальник ОРО штаба бригады	Носов Виктор Георгиевич
10	Ст. помощник начальника ОРО	Бодров Валерий Алексеевич
11	Помощник начальника ОРО	Нагоров Павел Сергеевич
12	Помощник начальника ОРО	Котельников Николай Васильевич
13	Старший переводчик штаба бригады	Дудченко Сергей Александрович
14	Переводчик штаба бригады	Боев Виктор Михайлович

15	Начальник связи бригады	Темриенко Сергей Васильевич
16	Начальник 8 отделения	Беляев Анатолий Михайлович

Политический отдел

17	Заместитель нач. ПО	Голуб Владимир Николаевич
18	Пропагандист бригады	Рыбаков Геннадий Александрович
19	Пом. нач. ПО по комсомольской раб.	Величко Валерий Иванович

Начальники служб

20	Начальник службы спецвооружения	Давидюк Павел Алексеевич
21	Нач. парашютно-десантной службы	Сикорский Валерий Луквич
22	Начальник химической службы	Набойчик Николай Денисович
23	Нач. службы ракетно-арт. вооруж.	Селин Валерий Дмитриевич
24	Начальник автомобильной службы	Худяков Петр Николаевич
25	Начальник медицинской службы	Оспанов Тагий Галиевич
26	Терапевт	Коновалов Александр Иванович
27	Нач. продовольственной службы	Кульбак Юрий Васильевич
28	Начальник вещевого службы	Сеничев Николай Дмитриевич
29	Начальник финансовой службы	Никитин Леонид Петрович
30	Начальник службы ГСМ	Салякетдинов Хасан Мустафович

Батальон спецрадиосвязи (СРС)

31	Командир батальона СРС	Новоселов Анатолий Григорьевич
32	Зам. командира по политчасти	Терновский Эдуард Викторович
33	Зам. командира по техчасти	Черноус Василий Пантелеевич
34	Командир взвода связи	Козич Владимир Александрович
35	Командир взвода связи	Пермский Виктор Владимирович
36	Командир взвода связи	Фокин Эдуард Васильевич
37	Офицер по ключевой док.	Горовцов Владимир Анатольевич
38	Командир взвода связи	Постник Алексей Александрович

Отряд специального оружия (скадрованный)

39	Взвод спецоружия	Тишаев Гафурджан Кадырович

Подразделения специального назначения

40	Командир отряда спецназ (кадра)	Пашковский Федор Михеевич
41	Командир отряда спецназ (кадра)	Задорович Петр Иванович
42	Командир отряда спецназ (кадра)	Пак Валерий Матвеевич
43	Командир отряда спецназ (кадра)	Ильин Александр Сергеевич
44	Командир отряда спецназ (кадра)	Толмачев Алексей Алексеевич
45	Командир отряда спецназ (кадра)	Кобыльский Иван Александрович
46	Командир отряда спецназ	Можачкин Борис Васильевич
47	Командир отряда спецназ	Шпилевский Валерий Ефимович
48	Зам. ком. отряда по политчасти	Козлик Владимир Федосеевич
49	Зам. ком. отряда по политчасти	Кушпиль Василий Васильевич
50	Командир роты спецназ	Устинов Владимир Михайлович
51	Командир роты спецназ	Чайка Валерий Трофимович
52	Командир роты спецназ	Курасов Леонид Георгиевич
53	Командир роты спецназ	Куманяев Яков Федорович

54	Командир роты спецвооружения	Плешаков Анатолий Иванович
55	Зам. ком. отряда по политчасти	Ломакин Николай Васильевич
56	Командир группы спецназ	Чухлатый Юрий Иванович
57	Командир группы спецназ	Береснев Владимир Ильич
58	Командир группы спецназ	Кондратьев Алексей Иванович
59	Командир группы спецназ	Лукомский Михаил Павлович
60	Командир группы спецназ	Кобыльский Иван Александрович
61	Командир группы спецназ	Сивин Владимир Викторович
62	Командир группы спецназ	Мартынов Сергей Иванович
63	Командир группы спецназ	Кудрявцев Николай Николаевич
64	Командир группы спецназ	Сомов Владимир Михайлович
65	Командир группы спецназ	Якушенко Николай Васильевич
66	Командир группы спецназ	Чулков Сергей Николаевич
67	Командир группы спецназ	Голубцов Валерий Леонидович
68	Командир группы спецназ	Бабенко Александр Григорьевич
69	Командир группы спецназ	Абрамкин Андрей Аркадьевич
70	Командир группы спецназ	Горотенков Валерий Александрович
71	Командир группы спецназ	Игначенко Игорь Григорьевич
72	Командир группы спецназ	Бильгильдеев Владимир Гумярович
73	Командир группы спецназ	Тарновецкий Василий Анатольевич
74	Командир группы спецназ	Золотарев Сергей Александрович
75	Командир группы спецназ	Шевченко Валерий Алексеевич
76	Командир группы спецназ	Лукьяненко Дмитрий Иванович
77	Командир группы спецназ	Мкртумян Ростом Шаваршевич
78	Командир группы спецназ	Сидоров Николай Александрович
79	Командир группы спецназ	Дербин Юрий Федорович
80	Командир группы спецназ	Цимбалюк Владимир Николаевич
81	Командир группы спецназ	Щербачев Леонид Павлович
82	Командир подвижн. пункта хранения	Ершов Николай Павлович

Прапорщики служб и подразделений бригады

83	Сердюков Анатолий Андреевич	97	Левкович Геннадий Сергеевич
84	Жиленко Виктор Николаевич	98	Беляев Юрий Маркович
85	Дятченко Юрий Борисович	99	Рындин Геннадий Васильевич
86	Балабан Анатолий Александрович	100	Чигиров Юрий Иванович
87	Коростин Аркадий Геннадьевич	101	Яшкин Яков Яковлевич
88	Кулинич Александр Сергеевич	102	Дорошенко Владислав Владимир-ч
89	Барыбин Геннадий Кириллович	103	Блинов Геннадий Степанович
90	Артиш Анатолий Михайлович	104	Кондранин Владимир Николаевич
91	Водогрецкий Александр Иванович	105	Пицалов Владимир Федорович
92	Сарафанов Владимир Владимир-ч	106	Полторац Николай Григорьевич
93	Степанов Василий Владимирович	107	Граненкин Григорий Николаевич
94	Котляр Виктор Константинович	108	Епанчинцев Михаил Иванович
95	Чехонадский Владимир Борисович	109	Гребешков Владимир ...
96	Шарыкин Юрий Иванович	110	Бобряшов Николай Васильевич

Глава 2

НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

Прежде чем начать рассказ о боевой деятельности 22-й бригады в Афганистане, когда ее управление и штаб возглавили работу четырех отдельных отрядов спецназ в зоне ответственности «ЮГ», стоит рассказать о том, как воевал ее 177-й отдельный отряд, в то время как бригада занималась вполне мирными делами в Союзе. А также рассказать и о работе 173-го ооСпН, который вошел в Афганистан в начале 1984 г. Волею военной судьбы 177-й отряд в марте 1985 г. вошел в состав 15-й бригады, а 173-й в состав 22-й, связав свою военную судьбу с ней на все последующие годы.

Как бы то ни было, но военная история 22-й обрСпН начинается с боевой деятельности этих двух отрядов.

177-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД В АФГАНИСТАНЕ

КАПЧАГАЙСКИЙ БАТАЛЬОН

(Б. Т. Керимбаев)

Ввод 177-го ооСпН в Афганистан

177-й ооСпН был введен на территорию ДРА в ночь с 29 на 30 октября 1981 г. О том, как это было, вспоминает первый командир отряда, в то время майор Б. Т. Керимбаев: «После разгрузки отряд совершил марш в район полигона пограничников, где им предстоял строевой смотр перед отправкой на войну в... парадной форме. Абсурд – едем воевать, а на нас надевают “парадку”». Единодушие НР САВО генерал-майора Иванова и НР ТуркВО генерал-майора Корчагина по этому вопросу было незыблемо.

Оружие еще законсервировано, боекомплект не загружен и т. д., все находится в смазке. Я как командир знал, что нам 29 октября надо уже пересечь границу. Нахожусь непонятно где, когда я успею подготовить отряд? – такие мысли не покидали меня. К счастью, около 17.00 на вертолете из ДРА прибыл заместитель командующего 40-й ОА генерал-майор Винокуров, который должен был принимать отряд у Корчагина. Винокуров отменил “парадное шоу” и за 15 минут принял часть в полном составе, спросив у меня все ли в порядке. Все осознали, что мирная жизнь кончилась. [...]

Переход государственной границы осуществлялся скрытно, в строго определенное время, установленное ГРУ ГШ ВС СССР... Офицеры-пограничники проинструктировали нас так: “Из машин не выходить, люки не открывать и т. д.” Из-за этого случился небольшой казус.

На маршруте выдвижения к границе стояли бойцы-пограничники, которые регулировали движение колонны отряда по коридору прохода. Однако, когда головная походная застава прошла, регулировщик почему-то

ушел с развилки дороги, из-за чего отряд втянулся между двумя рядами колючей проволоки вдоль контрольно-следовой полосы, чуть ли не 10 километров. Потом с великим трудом, пятась задом, мы вывели технику оттуда... Так в 4.30–5.00 часов мы сосредоточились на территории ДРА. Соблюдая все меры предосторожности, выставив охранение, в течение часа отдохнули. В 6.00–6.30 колонна двинулась к месту назначения.

Сопровождал нас и обеспечивал ввод мотострелковый батальон из Кундуза. Пусть земля будет пухом погибшим ребятам, которые первыми приняли на себя удар душманов, предназначавшийся нам, и ценой своей жизни уберегли нас от этого боя. Правда, мы тоже воевали – хвост нашей колонны отстреливался, но главный удар всё-таки приняли на себя бойцы МСБ. Видел сверху, как нас охраняли, генерал Винокуров, как мы «мирно» вошли в Афганистан. В Андохе завалилась машина на бок (ГАЗ-66), создав пробку. Вертолёт с Винокуровым тут же сел неподалёку, и подошедший генерал спросил, в чём причина задержки. Я стал объяснять, что стараемся сберечь технику, сейчас поставим её на колёса, отремонтируем и снова двинемся. Так нас инструктировали в Союзе.

— Людей береги, а не технику! — сказал генерал и тут же распорядился списать ГАЗ, освободить дорогу и продолжать движение. Наши технари, как саранча, налетели на обречённый грузовик, и вскоре от него остался только “обглоданный” каркас. Его-то мы и скинули “бээмпэшкой” в пропасть и двинулись дальше. Я думаю, даже по первым часам нашего пребывания здесь, всему личному составу стало ясно, что мы в Афганистане не на учениях, что здесь самая настоящая война.

В четыре часа дня нас вновь атаковали, но благодаря помощи подоспевшего кундузского разведбата мы смогли отбить врага без потерь.

2 ноября 1981 г. часть сосредоточилась в г. Меймене, западнее аэродрома. Приступили к развешиванию палаточного городка, организовали охранение и т. д. В этот же день я вскрыл пакет ГРУ ГШ СССР, где мне было предписано приступить к выполнению функциональных обязанностей начальника гарнизона. Начальник штаба отряда вызвал всех наших советников, работавших в местных афганских войсковых частях, и довел до них приказ ГШ ВС СССР о том, что я с 11.00 3 ноября приступаю к обязанностям начальника гарнизона...

Положение моё было сложным, так как я практически ничего еще не знал, а многие советники вместо того, чтобы помочь, наоборот, вставляли палки в колеса. Большое спасибо нашим разведчикам ГРУ ГШ, которые работали там, и пришли мне на помощь. От них-то я узнал об окружающей обстановке и был готов ко всему.

7 ноября душманы решили нас проверить: напали на тюрьму, пытаясь освободить полевых командиров, да и нас прощупать. Они посчитали, что в праздничный день смогут захватить нас врасплох. Однако и тюрьма, и заключенные остались на месте. Мы дали отпор, но при этом понесли первые потери – рядовой Иванов, старший лейтенант Джуматаев были ранены. Иванов умер, Джуматаева отправили в госпиталь в Кундуз.

Боевая работа отряда

Это нападение послужило для нас уроком – с утра 8-го ноября мы стали корректировать систему охраны и организацию боевой подготовки.

Первое, что необходимо было сделать, это расширить зону охранения. Нужно было в первую очередь доверять личному составу, выбросить из головы, что бойцы на постах могут заснуть, их могут вырезать и т. д., для чего необходимы четкий инструктаж, постоянные занятия и строгий контроль. Помимо этого, надо было привести оружие к нормальному бою, организовать систему огня и управление, произвести инженерные работы. В общем, работы было непочатый край, в нее мы окунулись с головой. Проведя сначала эти мероприятия без учета местных особенностей, мы вынуждены были все переделывать.

Каждый четко выполнял свои обязанности – заместитель командира старший лейтенант Бексултанов день и ночь занимался приведением оружия к нормальному бою, боевой подготовкой с личным составом, зам. командира по тылу – работой тыловых подразделений, обучению личного состава хлебозавода. Начальник разведки лейтенант С. Жасузаков с головой ушел в свою работу, уточняя обстановку по г. Меймене и окрестностям. Уже через несколько дней мы знали, какие банды вокруг нас, кто из полевых командиров их возглавляет, примерную численность этих банд и многое другое, то есть знали обстановку, все малейшие изменения, информация поступала быстро. В немалой степени этому способствовала сеть разведки, развернутая лейтенантом Жасузаковым.

К 10 ноября я был уже готов доложить обстановку в зоне ответственности, мог принимать решения и вести боевые действия. В этот день на аэродром Меймене приземлился самолет с маршалом Соколовым на борту. Мы встретили маршала Соколова и сопровождавшую его группу офицеров, я доложил ему обстановку, как говорится, по всем правилам. Доложил свое решение о дальнейших действиях. Им решение и доклад мой понравились, маршал утвердил его, и, пожелав успехов, в тот же день они улетели.

Так с 10 ноября 1981 г., можно сказать, началась боевая работа.

15 ноября нас вновь проверяли. Командующий 40-й ОА генерал-лейтенант Ткаченко заслушал нас и осмотрел расположение части. Ничего не сказав, он распорядился, чтобы я и мои заместители сели с ним в самолет и полетели в Кундуз.осмотреть расположение 201-й дивизии. Когда мы летели над Кундузом, то с высоты расположение 201-й мсд не увидели ни я, ни мои заместители – вся дивизия в буквальном смысле была под землей. А наша-то часть расположена открыто, в палатках. Мы поняли, что все, что мы делали первоначально, – не пойдет! Так можно ставить городок только в мирных условиях.

Когда вернулись в Меймене, приступили к усовершенствованию расположения части. Командующий дал нам срок один месяц – к 15 декабря инженерные работы должны были быть завершены. Забегая вперед, скажу, что с задачей справились – к 15 числу часть завершила все инженерные работы, мы окопались и укрепились. Почти без инженерной техники, ло-

мами, кирками и лопатами, мы завершили работы по инженерному оборудованию расположения части.

Все это время мы не только занимались инженерными работами, но периодически совершали полевые выходы на боевые задания (засады, сопровождения колонн, мелкие операции). 17 ноября при сопровождении колонны вступили в бой, где потеряли двух человек погибшими, 5–6 ранеными. Два командира подразделения (командир 2-й роты старший лейтенант Смаилов С., командир 4-й роты старший лейтенант Куманяев Я.) были отправлены в госпиталь. Вернулся в строй только Куманяев. Смаилов долго лечился в госпитале, затем по состоянию здоровья был оставлен служить в КСАВО, ныне полковник в отставке, на пенсии.

Как это ни тяжело признать, но на ошибках, оплаченных пролитой кровью, приходилось изучать тактику действий противника. [...]

...Необходимо тщательное изучение маршрута движения колонны, возможных мест проведения засад бандформирований. Очень большое значение имеет ведение разведки, особенно воздушной. ...Нужно всегда обращать пристальное внимание на разведпризнаки готовящегося к нападению противника. При подходе к населенному пункту необходимо изучить состояние дел в населенном пункте...

Предварительно изучив все эти вопросы, необходимо было через местные власти (губернатора, Царандой, ХАД) уточнить обстановку. Как правило, местные власти давали исчерпывающую информацию, так как они несут ответственность за этот регион. Я думаю, играло большую роль то, что, заслушав доклады местной власти по оценке обстановки в районе боевых действий, мы давали им карту с планом предстоящих действий, чтобы они поставили роспись и соответственно несли ответственность. (Это особенно хорошо при сопровождении колонн.)

В качестве примера приведу следующую операцию – 10–17 ноября 1981 г. (в начале нашей деятельности) мы проводили колонну по маршруту Андхой–Меймене. По предварительным данным, полученным от органов разведки местной власти, на маршруте было все спокойно.

Я вылетел на вертолете в район встречи колонны. Организовав необходимое взаимодействие, при облете в стороне от расположения колонны (3–4 км) обнаружил группу душманов (40–50 чел.). Благодаря воздушной разведке замысел противника был сорван. Душманы, по-видимому, хотели отсечь хвост колонны, захватив при этом пленных, оружие, и безнаказанно уйти, однако мы нанесли по ним удар с воздуха, практически уничтожив банду. В результате только голова колонны вступила в бой, да и то недолгий. И хотя вновь были потери, но уже не те, на какие рассчитывал противник. Все прошли этот участок, я считаю, более благополучно.

После этого мы сделали выводы и решили, что вся местная власть должна принимать участие в боевых действиях отряда и относиться к этому делу более ответственно.

20–25 мая 1982 г. я возвращался с большой колонной на место дислокации в г. Меймене из района боевых действий. По имеющейся информации,

душманы готовили нападение. Для них был большой соблазн, так как колонна была значительной – более 200 единиц. Враг мог нанести ощутимый удар.

Перед входом в «зеленую зону» (виноградники) я вызвал через заместителя всю местную власть (первого секретаря НДПА провинции, губернатора, руководителей Царандоя, ХАД) и наших советников при них. Заслушав от них обстановку, дал карту, где они расписались, что все хорошо. Время у нас было, и я отправил всех на вертолете осмотреть маршрут. Когда они вернулись на командный пункт, информация была более уточненной. Они своими глазами могли видеть, где готовятся засады, где перегруппировывается противник. В сложившейся обстановке изменили первоначальный план, приняли решение провести более тщательную подготовку, воздушные удары и т. д. После этого руководство вновь поставило подписи, и в этот раз мы прошли зону без единой потери, даже не было раненых. Противник же, который готовил нам «теплую» встречу, сам понес большие потери. Положительным в этой операции стало также то, что местные жители могли убедиться в том, что советские войска не хотят войны».

Постепенно удалось наладить взаимоотношения с местными жителями и организовать разведсеть. С информаторами расплачивались мукой, рисом, сахаром. Хотя, безусловно, их информация нуждалась в проверке, поэтому требовалось, чтобы информация была подтверждена еще двумя источниками.

Однажды вышел такой случай. Информация от Цорандоя, ХАД и Группы Губернатора говорила об одном и том же. Однако при ее реализации батальоном Цорандой душманов обнаружить не удалось. Подобная ситуация повторилась. Советники указанных структур пожаловались на комбата. Тогда Керимбаев поставил задачу начальнику разведки отряда вычислить источник информации ХАД, Цорандой и Группы Губернатора. Как выяснилось, им оказался один и тот же человек. Это наглядно показало, насколько достоверную информацию предоставлял спецназу советнический аппарат.

Дарзаб – борьба за умы и сердца

[...] 15 января 1982 г. 177-й ооСпН был привлечен для участия в крупной операции, которую проводил начальник штаба Армии генерал-майор Тер-Григорян. Для этого отряду предстояло совершить 100–120 км марш в район боевых действий и заблокировать н.п. Дарзаб с северо-восточной стороны. В соответствии с боевым уставом этот марш нужно было совершить за 4–4,5 часа, но гладко было на бумаге. Отряд шел это расстояние почти трое суток, преодолевая с боями завалы, заминированные участки дорог и засады противника. Отряд опоздал к началу операции на двое суток, тем не менее и ему пришлось повоевать около недели. Когда операция была завершена, отряд был оставлен в Дарзабе для укрепления местной власти.

Расположение части было крайне невыгодным. Мы были вынуждены разместиться почти в центре населенного пункта, и наши посты стояли на дальности броска гранаты. В связи с этим необходимо было организовать такую оборону, чтобы не потерять личный состав в месте дислокации, и организовать такое наблюдение, чтобы даже мышь не проскочила неза-

меченной. Помимо всего этого, требовалось на новом месте развернуть разведывательную сеть.

Была и еще одна проблема: население Дарзаба – порядка 10 тысяч человек – покинуло населенный пункт и ушло в горы. Пришлось нам с командиром 35-го пехотного (афганского) полка подполковником Муталобом проводить разъяснительную работу среди людей, объяснять, что мы пришли их защищать. Однако слова нужно подкреплять делами, и нами ежедневно проводились восстановительные работы, как говорится, «субботники»! Восстановили мечеть, магазины, дороги, водоснабжение, организовали прием и лечение больных – тут надо отдать должное нашим врачам – хирургу старшему лейтенанту Утееву Асылхану и анестезиологу Сергею Някину. Они показали свое врачебное мастерство.

[...] Мы убывали в Дарзаб на одну неделю, поэтому решение вопросов тылового обеспечения не предусматривалось в полном объеме. Но когда выяснилось, что остаемся выполнять задачи на более длительный срок, то возникли многочисленные проблемы. Это в первую очередь банно-прачечное обеспечение, остро встал вопрос борьбы с педикулезом, желтухой, брюшным тифом. Пришлось срочно решать все это, начиная с примитивного уровня, вроде бочки с водой для мытья, которую грели на костре. Затем уже условия позволили перебросить машину ДДА. Продовольственное обеспечение было организовано неплохо.

[...] Если в первые дни были противники нашего пребывания в Дарзабе, а население провинции настороженно относилось к пришельцам, то спустя две-три недели люди привыкли, прониклись доверием, увидели в нас защитников и добрых соседей. Видя, что мы занимаемся восстановлением всего разрушенного в Дарзабе, народ стал возвращаться в населенный пункт. Еженедельно в четверг я с командиром афганского полка собирал старейшин, и мы планировали работу по обеспечению жизнедеятельности населения. Очень быстро развернулась сеть информаторов из местных жителей, таковые были даже в каждой роте. Словом, мы владели обстановкой хорошо. Помимо всего этого, успешно вели боевые действия (поиски, засады) по уничтожению банд.

Наверное, все это повлияло на решение главаря местной банды Мавлави Пахлавана, который перешел на сторону НДПА с отрядом в 120–150 активных штыков. Я с ним встретился, попили чаю, обсудили дела, организовали взаимодействие. В течение двух месяцев совместно воевали с пришлыми душманами. Не скажу, что он проникся идеями революции, он преследовал свои интересы, но, по крайней мере, мы его контролировали, и в его зоне ответственности было спокойно.

О хорошем отношении к нам местного населения свидетельствовало и то, что, когда я получил команду вернуться на прежнее место дислокации и мы стали собираться, старейшины Дарзаба написали письмо Бабраку Кармалю с просьбой оставить часть у них на полном их довольствии. Но, разумеется, наш отряд в населенном пункте не остался, – приказ есть приказ, его надо было выполнять.

В ущелье Пяти львов

Тот, кто хоть немного знаком с историей нашей войны в Афганистане, безусловно, слышал о Панджшере, что в переводе означает Пять львов. Так называется река, которая спускается с гор и течет в ущелье. В наиболее широких местах долина реки в ущелье достигает 20 км. Протяженность ущелья до н. п. Руха, находящегося на входе в него, примерно 120 км. В этом ущелье базировался один из наиболее успешных военных лидеров моджахедов – Ахмад-Шах Масуду. Племена, жившие там и в близлежащих районах, были его основной ресурсной базой для комплектования своих отрядов. Именно поэтому район Панджшера являлся источником напряженности для всех прилегающих провинций. Для устранения этого источника в мае 1982 г. там была проведена армейская операция с привлечением больших сил и средств. Надо отметить, что в последующем их было несколько. Ущелье было взято, но в борьбе с партизанами захват территории не имеет принципиального значения. Контролировать Панджшер местные власти были не в состоянии. Понимая это, Ахмад-Шах заявил, что спустя месяц он снова будет единоличным правителем Панджшера. Чтобы не допустить этого, военное командование решило поставить в Рухе 177-й ооСПН. С точки зрения здравого смысла шаг совершенно неоправданный. Но приказы не обсуждают, а исполняют.

[...] Я и начальник штаба майор Джунушев в составе рекогносцировочной группы от штаба армии на вертолетах прилетели в Панджшер, в н. п. Базарак, где стояли штаб 177-го мсп и подразделения мотострелкового батальона. Уточнив обстановку, на бронетехнике перебрались ближе к н. п. Руха. Руха был центром подготовки душманов, это очаг Ахмад-Шах Масуда.

По завершении рекогносцировки оперативная группа 40-й Армии вылетела в Кабул. Доложили обстановку Маршалу Советского Союза Соколову, командующим Туркестанского военного округа и 40-й Армии. Мне еще раз уточнили задачу, поздравили с досрочным присвоением воинского звания – подполковник – и дали «благословение». Из Кабула я по радиостанции отдал распоряжения своему заместителю капитану Н. Бексултанову – встретить колонну порожнего транспорта и приступить к загрузке имущества отряда. Одним словом, готовиться к совершению марша к новому месту дислокации, а наш район ответственности передавался пограничной мотоманевренной группе и роте охраны эскадрильи Ми-8.

Прибыв в пункт постоянной дислокации (г. Меймене), наблюдал следующую картину: расположение стало неузнаваемым. Все убрано, загружено, личный состав приведен в боевую готовность, командиры ждали меня для получения задач. В 4.30 утра покинули Меймене и совершили более чем 500-километровый трехсуточный марш в ущелье Панджшер. [...]

Несмотря на то что недавно прошла крупная войсковая операция и активное сопротивление врага было подавлено, нас на маршруте встретили засады душманов, а мины были установлены на дороге так часто, что движение техники порой было невозможным. Скорость на всем маршруте была равна скорости продвижения саперов, разведчиков – 4–5 км/ч.

11 июня 1982 г. в бою у кишлака Файзабад мы потеряли ЗСУ «Шилка», погиб расчет, в составе которого был сержант О.Аюченко. Так где-то к 15–16 часам часть вошла в Панджшер и сосредоточилась в н.п. Руха. Мой штаб разместился в резиденции Ахмад-Шах Масуда. В первые часы все приходилось делать под интенсивным обстрелом из стрелкового оружия. Мы даже не успели расположиться на местности, как приступили к боевой работе. Место расположения было крайне невыгодным, так как высоты вокруг были заняты душманами. Нам необходимо было выбить их оттуда сразу, не откладывая на потом, ибо это чревато потерями личного состава в будущем.

Не занимая расположения, четыре роты пошли на боевое задание – 1-я и 2-я роты в населенный пункт Базарак, обеспечить вывод МСБ 177-го мотострелкового полка. 3-я рота отправилась на высоту с «Зубом», 4-я рота – в н.п. Парель. После того как вытеснили душманов, на окрестных вершинах разместили посты. Нагруженные снаряжением группы до 15 человек, на каждом по 50–60 килограмм (боеприпасы, бронезилет, продовольствие, вода и т.д.), солдаты поднимались на высоты до 3 тысяч метров, обеспечивая жизнедеятельность постов охранения. Эти группы дозора проводили на постах наблюдения иногда по полтора месяца. Днем там была жара до 60 градусов, ночью камни покрывались инеем. Сутками лежали бойцы секрето в выдолбленных в скалах окопах и следили за передвижениями душманов, корректируя огонь артиллерии, а зачистую и отражая вооруженные вылазки врага. Сдавать высоты было нельзя – если бы хоть одну из них захватил враг, то всему отряду был бы нанесен существенный урон. Когда подходило время для смены поста, на гору поднимались не только те, кто заменял дозорных, но и группы эвакуации. Дело в том, что за полтора месяца бойцы на посту так выматывались высокогорьем, что некоторые из них не могли самостоятельно спускаться. Их приходилось нести вниз на носилках.

Должен остановиться на том, что впоследствии стало для нас большим уроком. Война не любит разгильдяйства, не прощает ошибок и нарушений. Принимая решения, нужно было учитывать, что перед нами сильный и коварный противник. Так, при обеспечении вывода мотострелкового батальона из н.п. Базарак мы на третьи–четвертые сутки понесли потери, которых можно было избежать. Зам. командира 1-й роты по политической части капитан Батуев Б.М. с личным составом подразделения держал выгодную позицию на высотах. Температура в горах днем высока, изнываешь от жажды. Замполит самостоятельно отправил вниз, к ручью, группу в составе сержанта Ануфриева и двух рядовых. [...] Подошла банда. Результат: двое из группы погибли, сержант Ануфриев пропал без вести. И все лишь потому, что нарушили приказ – никаких действий мелкими группами. Однако это еще не все. Мало того что не доложили о происшедшем, но и начали самостоятельно искать пропавших. Только тогда, когда уже не смогли что-либо сделать из-за сильного противодействия противника, доложили на КП, и о случившемся стало известно. Мне пришлось проводить двухсуточную операцию, чтобы отбить тела погибших. [...] В бою погиб замполит батальона Б. Батуев, а заместитель Н. Бексултанов получил тяжелое ранение.

Выполнив задачу по выводу батальона, 1 рота вернулась в Руху с тремя погибшими и одним без вести пропавшим. Нам срочно пришлось менять систему связи и управления, так как ЗКВ сержант Ануфриев знал все позывные и частоты, сигналы и порядок действий личного состава по ним. Однако все сделали определенные выводы, больше таких случаев не было.

Разгорелась минная война, которая вынудила искать способы решения этой проблемы. Душманы минировали все, особенно подходы к воде, будь то колодец или ручей, зеленую зону (сады, виноградники), так как они знали, что фрукты – это большой соблазн для наших бойцов.

[...] С возвращением всех подразделений мы приступили к боевой работе – расширению зоны влияния вокруг Рухи, дальнейшему захвату выгодных высот, организовывали поиски, засады, перекрытие путей для поступления караванов с оружием. 7 июля рота капитана Шатемирова перекрывала один из караванных путей. В завязавшемся бою погиб сержант Б. Ахметов.

Когда начались ожесточенные бои в Панджшерском ущелье, нам то и дело приходилось проводить операции по захвату высот. Одну из них под названием «Зуб» высотой в четыре с половиной тысячи метров брала штурмом 3-я рота капитана Бекбоева, усиленная расчетами АГС-17, командовал которыми старшины лейтенант Оразалиев Х., группой саперов под командованием старшины инженерно-саперной роты прапорщика Александра Бубенцова. В эту группу входил заместитель командира взвода Николай Задорожный. К этому времени Николай имел уже хороший опыт спецминирования, был награжден орденом Красной Звезды. Под стать ему были и остальные бойцы. Двинулись они на господствующую высоту в четыре часа утра, а взяли ее только в девять вечера следующего дня. Это был трудный бой, мы несли потери. Были ранены с. лейтенант Мереддурдыев и двое разведчиков из его группы. Выбывшего из строя командира разведгруппы заменил Оразалиев Х., на следующий день и он получает тяжелое ранение, от которого старший лейтенант Оразалиев скончался в Ташкентском госпитале. Крутые склоны и ожесточенный огонь душманов смогли лишь задержать, но не остановить спецназовцев. Прапорщик Бубенцов, вроде как в шутку, сказал перед боем: «Я там буду первым». И обещание свое он сдержал.

Далее пришлось с переходом через ущелье Пиявуш брать гору Кирила (высота – около 6 тыс. м). Было это 10 июля 1982 г. – в день рождения Александра Бубенцова. Я хотел его оставить в части, но он отметил свой день рождения выходом на боевое задание.

В ущелье Пиявуш были густые заросли, в них скрывалось немало душманов; не рискуя порой открыто противостоять нам, они передевались в форму афганской или советской армии. Прапорщик Бубенцов был назначен вместе с рядовыми Д. Желинским и В. Жильниковым в головной дозор, и на штурм высоты Кирила они пошли первыми. Позади была треть пути, когда среди камней мелькнули фигуры в военной форме. Прежде чем бойцы успели разглядеть душманских «оборотней», те открыли огонь. Бубенцов успел дать несколько очередей и, изрешеченный пулями, упал рядом с солдатами. Случилось это в двенадцать часов дня, а закипевший по-

том бой продлился до пяти часов утра следующего дня. Мне пришлось задействовать резервную группу ст. лейтенанта Б. Жатакпаева для поддержки штурмующих и эвакуации тел погибших. Гора Кирила была взята, и вход в ущелье Панджшер оказался под нашим контролем. Это был один из самых тяжелых боев отряда, где погибло семь человек.

В июле 1982 г. попала в засаду группа, которой командовал командир второй роты старший лейтенант Валерий Радчиков. Бойцы десантировались на базальтовое плато. В первые же минуты они попали под огонь противника – с высот ударили крупнокалиберные пулеметы. Подразделение оказалось в очень трудном положении, однако бойцы укрылись за валунами и приняли бой. Радчиков связался с нами, доложил координаты и обстановку. Мы отправили несколько вертолетов с десантом к нему на помощь.

Плато оказалось заминированным. Радчиков пошел в разведку сам, решив проверить тропу. Одну мину он увидел сразу же, а на другой подорвался... Подоспевшие вертолеты подавили вражеские огневые точки и эвакуировали раненого командира роты с поля боя. Год спустя Радчиков вернулся к нам и воевал несколько месяцев на протезах, пока не поступил приказ перевести его в разведотдел штаба армии, где он курировал спецназовские части. По возвращению Валерия в части был целый праздник. Во-первых, вернулся наш офицер. Во-вторых, многие хотели бы правдами и неправдами уехать из Афгана, а этот на протезах – вернулся! Новый “Маресьев”. [...]»

(Керимбаев Б.Т. Капчагайский батальон. С. 15–17, 19, 23–25, 28–37)

Я – «ТРИДЦАТЫЙ»! ИДУ НА ПОМОЩЬ!

(А.С.Матвийчук)

С первыми лучами солнца лейтенант поднимался и выходил на пробежку. Маршрут вокруг лагеря, где стояли его боевые машины десанта на боевом дежурстве, равнялся приблизительно трем километрам. Пробегая мимо позиций, Матвеев видел, как экипажи несут службу, при необходимости останавливался и вызывал кого-нибудь из сержантов, чтобы заслушать их доклады и просьбы. Пробежка заканчивалась возле водовода, где лейтенант принимал душ и возвращался в расположение. Так и этим утром Матвеев, совершив свой ритуал, прибежал в распоряжение роты! Дежурный по роте, сержант Приходько Саша, доложил: «Товарищ лейтенант! Вас срочно вызывает командир отряда!». Матвеев быстро одел форму и отправился в расположение штаба отряда, который располагался в старой глиняной крепости. Вход в крепость охраняли солдаты его роты из группы лейтенанта Богданкина Андрея. При входе дежурный показал пальцем на окно командира отряда и быстро задвигал руками, подтверждая срочность вызова. Матвеев быстро вбежал по глиняным ступенькам в кабинет командира отряда.

— Товарищ подполковник! Лейтенант Матвеев...

— Садись, — это командир отряда прервал рапорт лейтенанта. Черненький от природы и загоревший под солнцем Афгана командир отряда получил прозвище Кара-майор.

Командир посмотрел на Матвеева, как будто изучал его:

— Ситуация такова! Пара вертолетов с Баграма выполняла разведывательный полет над Базараком. Один из вертолетов при облете высот был сбит! Есть предположение, что экипаж живой! Из района предполагаемого падения вертолета слышны звуки боя. Подразделения 37 пехотной бригады «зеленых» удерживают дорогу на Базарак и контролируют ущелье на Мариштан. Позывные: советника 37 бригады — «Волга», командира вертолета — «Четыре полсотни пять», или «Рыжий». Приказываю тремя группами вашей роты выдвинуться в район падения вертолета и эвакуировать экипаж. Поддержат вас подразделения 37 бригады и пара вертолетов по вызову. Ну, давай, Матвей! И пусть тебе повезет!

Комбат пожал руку лейтенанту. Матвеев вышел из кабинета и направился к дежурному по ЦБУ. Подойдя к дежурному, он попросил его выйти по радио на третью роту и дать ей сигнал тревоги. Дежурный надел гарнитуру и передал в эфир: «Ракит! Я — «830-й»! Буря! Буря! Как понял? Прием!».

Матвеев, двигаясь в расположение роты, наблюдал, как БМД покидали капоныры, солдаты, уже одетые, маленькими колоннами бежали к своим машинам. Рота Матвеева находилась в Афганистане уже больше года. Военные будни научили офицеров, солдат, не спрашивая, не уточняя, выходить по тревоге экипированными и укомплектованными на трое-четыре суток автономных действий. Лейтенант подошел к своей машине БМП-2к. Девять БМД и одна БМП, БТР саперов застыли в ожидании команды! Командиры машин ко мне! Прибыли командиры групп и отделений! Матвеев коротко поставил задачу, указал порядок выдвижения колонны. Машина командира роты под № 30 выдвигается за машиной № 33! Возглавляет колонну БТР с саперами-разведчиками. Колонна, дымя моторами, вытянулась в сторону Базарака. Матвеев, сидя на своем командирском месте, пытался установить связь с советником и экипажем вертолета.

— Я — «Волга», слышу тебя, «Тридцатый». При входе в кишлак будь осторожен! Возможно минирование! При установлении визуального контакта вышлю посыльного!

— «Четыре полсотни пять», я — «Тридцатый»! Прием! Иду на помощь!

Экипаж вертолета не отвечал. Пара вертолетов висела в синеве неба!

— «Тридцатый», я — «Четыре полсотни восемь». Наблюдаю сбитый вертолет! Идет бой! «Рыжий» не отвечает! «Четыре полсотни восемь», нанеси удары по предполагаемым участкам духов!

Вертушки легли на боевой курс. С шипеньем НУРСЫ ушли к земле.

— «Рыжий», я — «Тридцатый»! Иду на помощь!

В гарнитуре что-то щелкнуло, и Матвей услышал:

— Я — «Рыжий», веду бой. У меня один «трехсотый»! Вертушки вижу. Не могу с ними связаться. Патронов хватит на тридцать-сорок минут!

— «Рыжий», я — «Тридцатый»! Тебя понял. Иду на помощь!

Колонна остановилась. Это саперы-разведчики спешили и под прикрытием брони БТР, ощупывая землю щупами, медленно начали двигаться по дороге, ведущей в кишлак.

— «Тридцатый», я — «Волга», вижу тебя! Сейчас вышлю к тебе проводника.

Взрыв ослепил лейтенанта Матвеева! Грохот, жар, гарь и град камней обрушился на его боевую машину! Прикрывшись люком командирской ба-шенки, он в свой командирский прибор пытался рассмотреть то, что происходило на дороге.

Машины № 33 на дороге не было! Вместо нее на дороге зияла воронка, диаметром более двух метров!

— Товарищ лейтенант! Смотрите! — это наводчик оператор Слава Литвинов. Матвеев повернул голову в том направлении, куда указывал Литвинов. БМД стояла посреди реки Панджшер.

— «Тридцать первые»! К машине! Оказать помощь! «Тридцать четвертый»! Вперед! — Колонна, объезжая воронку и остановившиеся машины, медленно двинулась в глубь кишлака! В голове у Матвеева стучала одна мысль! Господи! Сделай так, чтобы экипаж машины остался в живых!

У полуразрушенной мечети колонну встретил переводчик советника! Забравшись на головную машину, он повел колонну вдоль берега реки Панджшер.

Зарывшись в песок по самые защитные щиты, расположилась артиллерийская батарея гаубиц. Советник стоял на бруствере! Матвеев спрыгнул с машины, подошел к брустверу.

— Майор Шубин. Юра Шубин. — Советник был одет в афганскую форму, но все равно это был свой родной советский человек.

— Анатолий! — представился Матвеев.

— Смотри, Анатолий! Вот там, за скатами, идет дым. Это место падения вертолета. Туда идет тропа! Но мои «зеленые» контролируют только первые двести метров! Дальше работает снайпер духов! Сколько их, я не знаю. Могу вас поддержать огнем батареи! Давай карту! Вот основное направление. Это мои цели! Они пристреляны! Перенеси себе.

— Командир! Куда машины будем ставить? — спросил заместитель по технической части Сергей Литвиненко.

— Серега, что передает «Тридцать первый»?

— Эх! — Сергей как-то сник. — У нас один «двухсотый» — Саша Шишкин, и два «трехсотых» — Кайрат Сулейманов и Николай Ершов. Я приказал машину уничтожить до конца.

— Хорошо! — Матвеев произнес эту фразу как-то машинально. Сердце трепетало в груди, вызывая спазмы в горле. Хотелось разрыдаться!

— Серега, передай Андрею Богдашкину, «тридцать первому», следовать в расположение отряда. Оказать помощь раненым. Быть в готовности по команде выдвинуться к нам. Машины расположи за батареями. Наводчики-операторы находятся у орудий в готовности к открытию огня. Бронегруппой командуешь ты.

Две группы и группа управления уже спешили и выстроились в колонну для следования к месту падения вертолета.

— «Тридцатый», я — «Рыжий». Ребята, у нас два раненых! Патроны на исходе! Быстрее родные!

— «Рыжий», я — «Тридцатый»! Тебя понял. Иду на помощь!

Колонна начала движение. Этот этап у спецназовцев назывался оторвать-ся от подошвы горы. Движение затрудняло то, что разведчики-саперы то и дело останавливались и проверяли местность на наличие мин. В небе повисли две вертушки.

— «Тридцатый», я — «Четыре полсотни восемь»! Вижу духов! Подходят к сбитой вертушке.

— Я — «Тридцатый»! Уничтожай самостоятельно!

Дозор, следовавший впереди колонны, упал и спрятался за камнями. Снайпер, догадался Матвеев.

— «Волга», я — «Тридцатый»! Работает снайпер! По оговоренным целям «Огонь!» — Внизу рывкнули гаубицы, и снаряды с шипением умчались за скаты высоты. Нужно прикрыться разрывами и броском выйти к вертолету, решил Матвеев.

Рота перекатами, прикрываясь разрывами снарядов, вышла на каменную гряду. Под ней на небольшой площадке лежал и горел вертолет. Метров двести от него, в камнях, угадывались силуэты экипажа. Они обозначали себя короткими вспышками выстрелов. Вверху, по карнизу, размещалось до тридцати духов. Еще около десяти-пятнадцати находились уже у вертолета.

— «Четыре полсотни восемь», я — «Тридцатый»! Направление удара — ракета красного огня. Карниз! Там где-то тридцать духов.

Матвей прицелился и выстрелил из «авторучки» в направлении карниза.

— Я — «Четыре полсотни восемь», целеуказание принял.

— Пулеметчикам! В направлении вертолета группа духов. Уничтожить!

Пулеметы, а их в роте было восемнадцать штук, были гордостью Матвеева. Тяжелые ротные пулеметы ПКМ требовали от пулеметчиков сноровки и силы. На эти должности он сам подбирал разведчиков, сам их и обучал. Вот и сейчас по его команде они открыли всё уничтожающий огонь. Вертолеты, сделав круг, с криканьем и шипением нанесли удар по карнизу. Грохот, визг и, самое главное, крик ужаса духов. Матвеев со своей группой управления броском вышел к экипажу вертолета. Навстречу ему поднимались два летчика в камуфляже. Двое лежали, не в силах встать. Один из летчиков был без шлема, на голове его красовалась красно-рыжая шевелюра.

— Ну вот, «Рыжий», я и пришел, — сказал Матвеев.

Быстро соорудив с помощью плащ палаток носилки, разведчики начали эвакуацию раненых. Под прикрытием ударов вертолетов и сосредоточенного огня пулеметов раненые были вынесены к бронегруппе. Ми-8 под прикрытием своего собрата в небе приземлился и забрал экипаж на борт. Обдав всех песком и пылью, помчался он в Баграм, унося «Рыжего» и его экипаж. Матвеев одел шлемофон, нажал тангенту и послал в эфир:

— Я — «Тридцатый», задачу выполнил. Возвращаюсь!

В общей сложности в Панджшере 177-й ооСпН провел девять месяцев и 8 марта 1983 г. после всех переговоров оставил ущелье и вышел в населенный пункт Гульбахор в провинции Парван.

Как вспоминал Б.Т.Керимбаев: «В городе Гульбахор, что в переводе означает «Город цветов», располагалась большая ткацкая фабрика. С началом активных боевых действий в провинции она практически не работала. Душманы запугивали людей, уничтожали сырье, грабили склады с готовой продукцией. Спецназовцы буквально за три недели очистили окрестности города от бандитов и обеспечили надежную охрану предприятия. Благодаря этим мерам фабрика стала работать». Узнав, что охрана (из местных) днем очень рьяно охраняет фабрику, а ночью грабит мирных жителей и проводит диверсии против советских войск, имея при этом теснейшую связь с авторитетными главарями бандформирований, начальник штаба майор Джунушев разработал и успешно осуществил операцию по разоружению этого отряда. За время пребывания спецназовцев в Гульбахоре здесь были налажены хорошие отношения как с немногочисленным рабочим классом, так и с остальным населением. Вместе отмечали любые праздники, выручали друг друга в трудных ситуациях. Командир отряда почти всегда знал, что происходит в окрестностях города, когда следует ждать нападения и откуда – информация об этом шла постоянно.

В Гульбахоре встал вопрос о награждении части орденом, но оказалось, что у 177-го ооСпН нет Знамени части. В августе 1983 г. отряду было вручено Боевое знамя – батальон стал полноценной боевой частью. С честью выполнив свой интернациональный долг, подполковник Б.Т.Керимбаев в октябре 1982 г. убыл в Советский Союз. Он вернулся в 22-ю обрСпН, но уже на должность заместителя командира соединения. В 177-й ооСпН ему на смену прибыл подполковник Владимир Васильевич Квачков.

13 января 1983 г. усиленная рота 177-го ооСпН, выполняя задачу по захвату каравана, попала в окружение и более 36 часов вела ожесточенный бой близ кишлака Вака с превосходящим по численности противником. В этом бою отряд понес одни из самых тяжелых потерь за все время своей истории (погибло 14 человек). Сам комбат в этом бою был контужен и в феврале 1983 г. был заменен подполковником В.А.Грязновым.

В начале 1984 г. В.А.Грязнов успешно совершил передислокацию 177-го ооСпН на новое место в высокогорный район под Газни. 177-й отряд, ставший с тех пор «Газнийским», приступил к выполнению специальных задач в зоне своей ответственности. Местность, где воевал отряд, была высокогорной. Это налагало определенный отпечаток на тактику действий отряда. Радиус действий разведывательных органов отряда, действовавших на броне, был не более 40–50 километров. Для работы на большем удалении от ППД группы и отряды доставлялись на вертолетах. Отряд применял как тактику налетов на отдельные склады, так и тактику захватов базовых районов. Также широко использовались поисково-засадные действия.

В своих воспоминаниях о Газни ветеран 177 отряда (а в 1987–1988 – его замполит) О.В.Кривоपालов отмечал: «Обустроившись в Газни, с началом холодов батальон приступил к выполнению своих основных задач. Холодная зима наложила свой отпечаток на специфику боевой деятельности отряда. В это время она сводилась к облету местности с воздуха досмотровыми группами да редким выходам на поиск и уничтожение складов. При подъеме в горы, окружающие плоскогорье, группы спецназ, высланные для проведения засад, особо страдали от холода. Зима угнетающе действовала и на противника, «духи» в это время года не предпринимали интенсивных действий. Разведчики шутили по этому поводу, что у нас с мятежниками зимнее перемирие до весны. В этой связи отряд занимался разведкой «на себя», а основным видом боевых действий стала чистка кишлаков и базовых районов противника в горах силами всего отряда.

Кроме нашей спецназовской части, недалеко, в пятистах метрах друг от друга, были расположены 191-й отдельный мотострелковый полк, а также медико-санитарный батальон. В двенадцати километрах от отряда находился полевой аэродром 239-й смешанной вертолетной эскадрильи.

Боевая деятельность отряда приносила ощутимые результаты, легендами обросли подвиги командира роты П.В.Бекоева (воевавшего до того в 154-м отряде) и командира группы К.М.Таривердиева (наиболее известным стал эпизод с захватом «блуждающей» духовской РСЗО, находящейся ныне в качестве экспоната в музее Вооруженных сил в Москве).

«В ноябре 1984 года капитана Б.М.Кастыкпаева сменил майор-десантник Вячеслав Васильевич Юдаев (скончавшийся от ран в мае 1987 года во Пскове). Это было сложное время замен офицеров и начала большой кадровой неразберихи», – пишет О.В.Кривоपालов.

На этом история 177-го отряда не закончилась. В марте 1985 г. штаб, управление и подразделения обеспечения 15-й обрСпН вошли в Афганистан и разместились в Джелалабаде вместе со 154-м ооСпН. Помимо него в бригаду вошли 177-й, 668-й и 334-й ооСпН. С этого периода началась совсем другая история отряда – его история в составе 15-й бригады. Не раз отличился уже исполнявший обязанности начальника разведки отряда Карен Таривердиев; Артур Деревянко захватил самый большой караван с оружием за всю историю Афганской войны; погиб, штурмуя «духовскую» крепость, бесстрашный Павел Бекоев...

Завершая на этом рассказ о 177-м отряде, отметим, что об истории 15-й обрСпН выпущена книга («15-я бригада спецназ: Люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев» (два издания). – М., 2009 и 2010), в которой собраны воспоминания ветеранов бригады и подробно освещена в том числе история 177-го отряда. В Алма-Ате в 2005 г. небольшим тиражом вышла книга воспоминаний Б.Т.Керимбаева «Капчагайский батальон», фрагменты из которой мы цитировали выше. Ну а наиболее подробно боевая работа 177-го отряда спецназ в Афганистане освещена в исторической энциклопедии «Спецназ ГРУ: очерки истории», в её 3-м томе: Афганистан – звездный час спецназа. 1979–1989» (автор-составитель С.Козлов. – М., 2009).

173-й ОТДЕЛЬНЫЙ ОТРЯД. ОТ СОЗДАНИЯ ДО ВОЙНЫ

«Третий мусбат», «третий омсб», или 173-й ооСпН, был сформирован в одно время с Капчагайским батальоном. Но, в отличие от «второго мусбата», он попал в Афганистан только в начале 1984 г., когда было принято решение об активизации именно специальных действий на территории ДРА.

«ТРЕТИЙ МУСБАТ». ФОРМИРОВАНИЕ

Директива ГШ ВС СССР № 314/2/0061 от 09.01.1980: «Сформировать 173-й ооСпН (в/ч 94029) и включить в состав 12-й обрСпН с местом дислокации в г. Лагодехи. Штат 21/19-51 численность 498 в/служащих и сл. СА сформировать до 01.03.1980». Сформирован 29.02.1980.

Директива Штаба КЗакВО от 27.05.1980 № ОМО /1/01076: «В соответствии с ДГШ ВС СССР № 313 /02606 от 12.05.80 в состав 12-й обрСпН по отдельному штату введен 173-й ооСпН».

173-й отдельный отряд специального назначения был сформирован специально для ввода на территорию ДРА. При формировании отряд комплектовался преимущественно мусульманами Северного Кавказа и Закавказья.

173-й отряд имел такую же штатную структуру, как и 177-й, и состоял из управления и штаба, отдельной группы связи и зенитно-артиллерийской группы, состоящей из четырех ЗСУ «Шилка», а также шести рот.

1-я и 2-я роты считались разведывательными, на их вооружении состояли девять БМП-1 и одна БРМ-1. 3-я рота считалась разведывательно-десантной и имела на вооружении БМД-1.

Каждая из этих рот, помимо командира, замполита, заместителя по тех. части, старшего механика, наводчика-оператора БРМ, старшины и писаря-каптенармуса, включала в себя три группы специального назначения. Группу возглавлял командир, штатная категория – капитан, ему помогал заместитель, штатная категория – прапорщик. Правда, справедливости ради надо сказать, что должность эту исполняли прапорщики только в самом начале. В последующем заместителями командира группы были хорошо подготовленные сержанты срочной службы. В состав группы входило три отделения, каждое из которых состояло из командира отделения, старшего разведчика, механика-водителя, наводчика-оператора, снайпера, разведчика-санитара и двух пулеметчиков.

4-я рота – рота автоматических гранатометов состояла из 3-х огневых взводов по 3 отделения в каждом. Отделение состояло из 2-х расчетов АГС-17.

5-я рота состояла из огнеметной группы РПО «Рысь» и группы минирования.

6-я рота была транспортной.

В отличие от двух других отрядов, 173-й сразу в Афганистан введен не был. С момента формирования и до ввода в ДРА часть занималась боевой подготовкой и неоднократно отмечалась командованием, как одно из лучших подразделений в округе. В этот период отряд почти на 100% состоял из офицеров и прапорщиков, набранных при формировании из мотострелков и танкистов. Исключение составлял зам. командира по воздушно-десантной подготовке старший лейтенант С. Давыденко, которого спустя несколько месяцев сменил старший лейтенант И. Пак, также как и Давыденко, выпускник Рязанского воздушно-десантного училища. Сержанты готовились в мотострелковых учебных подразделениях. Отряд занимался боевой подготовкой по программе далекой от программы частей и соединений специального назначения. Первый командир части – майор Ялдаш Шарипов.

Бай

О первом командире отряда стоит рассказать отдельно. Заслуги этого неординарного командира в создании 173-го ооСпН, как четко отлаженной военной машины, переоценить трудно.

О становлении отряда, о закладывании его традиций рассказывал Тахир Якубович Мурсалов, сам ставший командиром отряда осенью 1984 г., уже в Афганистане. А во время формирования отряда он был командиром 4-й роты АГС-17.

Шарипов соответствовал кличке, которую ему присвоили подчиненные, – Бай. Среднего роста, крепко сложенный, даже несколько грузноватый, с густыми черными усами и неторопливой степенной походкой он действительно напоминал узбекского землевладельца. Характер имел жесткий и властный.

В пору становления отряд довольно часто уезжал на Окружной полигон Караязы – место дикое, и по своему ландшафту напоминавшее Афганистан. Здесь боевая подготовка шла днем и ночью. Но заключалась она не только в отработке упражнений по вождению боевой техники, выполнении учебных стрельб и проведении тактических занятий и учений. Прибывая в район, комбат собирал командиров рот. Обычно он садился на складной стул и командовал: «Тень!». Это означало, что подчиненные должны выстраиваться так, чтобы командир находился в тени их строя. Дальше шла постановка задач. Определялись места расположения рот. А вечером он вызывал ротных и ставил задачу украсть дневального или что-либо из ротной документации в соседней роте. При этом каждый ротный получал такую же задачу. Зная об этом, командиры рот должны были не только организовать диверсию в стане соседней роты, но и обеспечить бдительное несение службы собственным нарядом. Как им это удавалось и удавалось или нет, комбата не интересовало. Ему был интересен только результат, который он проверял утром. Прощтрафившуюся роту ждал марш-бросок с полной боевой выкладкой. Посему в следующую ночь бдрили все, кто только мог. И так было всегда.

Расположение батальона окапывалось рвом полметра в ширину и в глубину. Выставлялись таблички, запрещающие приближение посторонних, а

также организовывался патруль, старшим которого назначался сержант срочной службы. Не секрет, что при появлении на полигоне нового подразделения из расположения частей, у стоявших там ранее обязательно появлялись желающие познакомиться с новичками, поискать земляков. Это были несчастные люди, поскольку их патруль задерживал, связывал и доставлял «пред светлые очки» комбата. Тут же проводилось дознание, которое вел замначштаба, снимавший показания, и после этого выяснялось, что задержанные – вражеские шпионы, подлежащие немедленному расстрелу. Бедолагам вручали лопаты и заставляли рыть себе могилы. В последний момент, когда отделение автоматчиков с холостыми патронами выстраивалось для приведения приговора в исполнение, им зачитывалась амнистия, и под свист и стрельбу в воздух они необыкновенно резко возвращались к себе. Больше желания искать земляков в этом отряде у них не было. Понятно, что вскоре слух об этих действиях разнесся по всему полигону. И один из командиров мотострелкового полка, чьи бойцы оказались в числе пленных шпионов, прибыл к Шарипову для разбирательства. Оказалось, что они однокашники. Поговорили. Прибывший остался недоволен результатом разговора и, уезжая, пригрозил: «Погоди, Ялдаш, я тебе отплачу тем же. Выкраду у тебя часовых, будешь знать!».

Шарипов немедленно спросил:

— Когда?

— Что когда? — не понял посетитель.

— Когда выкрадешь?

Тот немного смутился, видимо, не ожидая такого вопроса, и неуверенно ответил:

— Посмотрим. Придет время.

На что Шарипов немедля ему ответил:

— Ну, если ты не знаешь, когда это произойдет, то я тебе сообщаю, что сегодня ночью мои бойцы выкрадут у тебя и знамя, и дежурного по полку!

Командир полка только усмехнулся, недоверчиво посмотрев на комбата. А утром следующего дня он уже вновь стоял перед Шариповым и чуть ли не на коленях умолял отпустить дежурного по полку и вернуть знамя.

Сколько пружина может быть сжатой?

Отряд находился в составе 12-й обрСПН с февраля 1980 г. до начала февраля 1984 г. В этот период отряд активно занимался боевой подготовкой по индивидуальной программе, разработанной специально для отрядов с этим штатом. Отрядом в Союзе командовали:

– с 1982 г. по 1983 г. – капитан Виктор Боев;

– с 1983 г. по начало 1984 г. – капитан Владимир Удовиченко.

К 1983 г. боевой пыл офицеров отряда, довольно высокий вначале, постепенно угас – пружина не может находиться долго в сжатом состоянии. Офицерский стаж основной массы командиров групп к концу 1983 г. исчислялся 8–10 годами. Это тот возраст, когда командира группы его подчиненные видят только на общем построении части. Уровень воинской дисциплины

лины и боевой подготовки поддерживался сержантами. Отряд постепенно превратился в хорошо подготовленный мотострелковый батальон со штатным штатным расписанием.

Летом 1983 года началось обновление офицерского состава отряда. Из 12-й обрСпН были переведены лейтенанты Л.Ф. Рожков и С.В. Козлов. Первого перевели, пообещав должность командира роты, второго за строптивость. Осенью они провели с 1-й ротой первые в отряде спецназовские учения, которые позже отразились на общем уровне боевой подготовки этой роты. В это же время по плану замены в отряд прибыли офицеры десантно-штурмовых подразделений из Западной и Центральной групп войск. Это также влило свежую струю в боевую подготовку отряда. Однако уже с середины декабря отряд в полной мере готовился к вводу в Афганистан, несмотря на то что никаких официальных документов на этот счет еще не было.

Действительно качественное обновление отряда произошло непосредственно перед его вводом в ДРА, когда на ряд командных должностей были назначены офицеры специального назначения из состава 12-й обрСпН. В последующем это положительно отразилось на боевой деятельности отряда. Произошли изменения и в вооружении отряда. БМД третьей роты, пришедшие в негодность и не способные самостоятельно покинуть бокс, заменили на БМП. 4-ю и 5-ю роты посадили на БТР-70.

Отряд, которому впоследствии суждено было сыграть важную роль в истории бригады, еще долго не имел к ней никакого отношения.

С самого начала боевой деятельности и до его вывода в Союз отряд занимал ведущие места в 40-й ОА по результативности. В то же время потери отряда, по сравнению с другими частями спецназ, были невелики. Основной тактикой отряда были засадные действия. Парадокс заключается в том, что именно боевой опыт 173-го, а не 177-го отдельного отряда, лег в основу боевой деятельности 22-й отдельной бригады СпН. Поэтому необходимо его описать.

Однако это будет сделано обзорно, поскольку благодаря изданию таких книг, как: *С.Козлов и др.* Спецназ ГРУ: 50 лет истории, 20 лет войны. – М., 2001–2003 (далее кратко: Спецназ ГРУ-1), *С.Козлов и др.* Спецназ ГРУ-2: История не окончена, война продолжается. – М., 2003 (далее: Спецназ ГРУ-2), а также 3–5 томов исторической энциклопедии *С.Козлов и др.* «СПЕЦНАЗ ГРУ: очерки истории». – М., 2008–2010 (далее – ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ с указанием номера тома), основные, ставшие значимыми для отряда, результаты описаны, как описаны и результаты боевой деятельности других отрядов бригады, входивших в ее состав в разное время. Поэтому, чтобы не перегружать настоящую книгу, об этих событиях мы будем упоминать лишь для того, чтобы сохранить хронологию событий, с указанием времени, места, краткой информации о событии, результата и командира, под чьим руководством действовал тот или иной разведывательный орган бригады. Для тех, кто не знаком с указанными материалами, мы будем указывать ссылку на издание, где опубликован подробный материал о данных действиях.

КАК НАЧИНАЛАСЬ БОЕВАЯ ИСТОРИЯ ОТРЯДА

(С.В.Козлов)

В декабре 1983 г. началась подготовка отряда к вводу в Афганистан. С этой целью была произведена замена части боевой техники.

Вместо капитана В. Удовиченко на должность командира отряда был назначен майор Рудых Геннадий Леогенович. Замена была произведена в связи с тем, что Рудых уже проходил службу в Афганистане, именно в Кандагаре, в должности советника начальника инженерной службы полка «Командос» и знал местные особенности.

Перед отправкой в Афганистан отряд был доукомплектован офицерами 12-й бригады СпН, что в последующем положительно сказалось на боеспособности и результативности отряда.

Директива ГШ ВС СССР № 312/2/021 от 14.01.1984:

«173-й ооСпН передислоцировать из г.Лагодехи в г.Кандагар (ДРА) и передать в оперативное подчинение 40-й ОА (с прибытием в ДРА) Усл. наименование 94029 анулировать и присвоить наименование в/ч пп 96044. Убыть до 20.02.84».

В соответствии с указанной выше директивой 1 февраля со ст. Цнори-Цхали был отправлен первый эшелон по маршруту ст. Цнори-Цхали–Баку. Далее паром Баку–Красноводск. Далее эшелоном по маршруту Красноводск–ст. Кушка. Отряд тремя эшелонами по железной дороге был переброшен на ст. Кушка, куда прибыл до 9.02.1984. А уже 10.02.1984 г. 173-й ооСпН пересек государственную границу с ДРА, прибыв своим ходом 14.02.84 к новому месту постоянной дислокации г. Кандагар.

Здесь отряд получил месяц на обустройство, акклиматизацию и изучение местных особенностей этой войны. Это время прошло в напряженной работе и боевой учебе, каждый понимал, что здесь все «по-взрослому». Повысилась дисциплина личного состава, и без того высокая по союзным меркам. В подготовке к боевым действиям отряду помогали капитаны Турунтаев и Г. Иванов, офицеры уже отвоевавшие в Афганистане. Из кабульской роты спецназ армейского подчинения прибыл старший лейтенант Е. Кривчиков со своей группой для практического натаскивания командиров групп отряда.

Параллельно с обучением отряд выделял группу минирования для участия в проводке колонн по распоряжению командира 70-й омсбр подполковника Логинова – начальника Кандагарского гарнизона. Для решения этих задач обычно привлекался капитан Лютый, исполнявший в то время обязанности командира 5-й роты. Однако вскоре прибывший начальник разведки ТуркВО полковник Таушанов категорически запретил применять любые подразделения отряда не по прямому назначению.

Было совершено несколько учебно-боевых выходов на броне в окрестности гарнизона. В ходе одного из них на бронегруппу капитана Лютого вы-

шло три грузовых фуры с контрабандным товаром, которые были обстреляны. Водителям удалось скрыться. Во избежание разграбления машин, набитых дорогими товарами, Лютый спалил их, применив РПО «Рысь». Оружия и боеприпасов в машинах не было.

Завершив оборудование лагеря, спустя месяц отряд приступил к выполнению реальных боевых задач в зоне ответственности «Юг».

Не обошлось и без курьезов. Как говорится, у семи нянек дитя без глазу. Несмотря на плотную опеку высокого начальства и постоянные проверки хода боевой подготовки в течение этого месяца, был допущен серьезный просчет. Уделив основное внимание боевым подразделениям, практически забыли про «нерв армии» – группу связи, которая согласно штату мотострелкового батальона была укомплектована средствами связи, не позволяющими работать на большие расстояния. Однако, выполняя первую же боевую задачу, в соответствии с поступившим боевым распоряжением из Штаба Армии, первой и второй группам первой роты было предписано действовать на удалении 260–270 километров от пункта постоянной дислокации. Для обмена опытом и обеспечения связи с Центром в группы были приданы заместители командиров групп – прапорщики, и радисты с радиостанциями Р-254 из группы связи кабульской роты. Незнание начальником связи отряда правил спецрадиосвязи № 8с сыграло злую шутку. Он разработал одну программу связи на две группы, а это означает, что обе группы будут работать в одно и то же время, на одной и той же частоте и с одним и тем же позывным. В этой ситуации Центр никогда не догадается, с кем именно в настоящий момент он связывается. Так и произошло.

Когда командир РГ № 312 лейтенант С. Козлов обнаружил, что его десантировали с ошибкой 12 километров, он сообщил об этом в Центр и запросил разрешения на перемещение, и Центр разрешил, но... вместо него указание на перемещение получил командир 311-й группы лейтенант Л. Рожков, который, выполнив распоряжение Центра, оказался среди барханов пустыни Регистан вдали от караванных маршрутов. Когда в его группе кончилась вода, он попросил ее доставить. Но воду привезли 312-й группе, которая особой нужды в ней не испытывала, и ей же приказали оставаться на месте.

Нет необходимости рассказывать обо всех последствиях этого просчета, скажу лишь, что все обошлось без жертв. Как и положено, первый блин получился комом, но на своих ошибках учатся быстрее, и в последующем, буквально с первых выходов, отряд доказал, что по праву считался одним из наиболее боеготовых подразделений округа, начав свою боевую историю крупным результатом.

В ночь с 13 на 14 апреля 1984 г. РГСПН №312 под командованием лейтенанта С. Козлова, передетая в афганскую национальную одежду, провела засаду на караванном маршруте мятежников в районе отметки 1379 и уничтожила 47 мятежников, захватила пять автомобилей «Симург» с грузом. В машинах находилось большое количество оружия, боеприпасов, а также ценные документы. Все оружие и примерно половина захваченных боеприпасов вместе с одним автомобилем «Симург» были доставлены в ППД. Все

остальное было уничтожено на месте поджогом и подрывом. Ведя в течение пяти часов бой в окружении с превосходящим по численности противником, без поддержки авиации, группа потерь не имела. В течение долгого времени этот результат был рекордным в 40-й ОА (см.: *Козлов С. Привет от Козлевича // Спецназ ГРУ-1. С. 168–185, или: то же // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 215–226*).

В конце апреля 1984 г. 2 рота под командованием капитана В.Фатихова вступила в бой с рекрутами центра подготовки моджахедов в районе г. Вузучекай, около 60 км юго-восточнее Кандагара. В результате боя противник был уничтожен. Но при досмотре убитых при подрыве гранаты, лежавшей под трупом моджахеда, погиб рядовой Кахидзе Т.Т., перевернувший тело убитого, а также осколками тяжело ранен капитан В.Фатихов. За этот результат к-н Фатихов (одним из первых в отряде) был награжден орденом «Красного знамени».

О первых результатах боевой деятельности 3-й роты отряда подробно рассказывает сержант запаса Магомед Идрисов в своем очерке «Пожелайте нам удачи» (опубликован в ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 226–234).

Оргштатные изменения 1984 г.

Директива ГШ ВС СССР № 314/2/0251 от 15.03.1984: «173-й ооСпН перевести на штат 21/422-51 (с приложением №122) численностью 500 в/служащих и 1 служащая СА».

Директива Штаба КЗакВО № 15/1/0671 от 4.4.1984: «В соответствии с ДГШ ВС СССР № 312/2/021 от 14.01.1984 173-й ооСпН передать в оперативное подчинение 40-й ОА ТуркВО».

На основании указанных выше директив отряд был переведен на новый штат. Основные отличия были в том, что теперь в отряде было не 6, а 4 роты, отдельная группа минирования, отдельная группа связи и отдельная зенитная группа. 4-я и 5-я роты были расформированы, а из их личного состава были созданы и введены в штат 1-й, 2-й и 3-й рот спецназ группы оружия, состоявшие из двух отделений АГС-17 и одного отделения РПО «Рысь». Рота материально-технического обеспечения осталась без изменений. Также в штат рот спецназ были введены должности переводчиков.

В мае 1984 г. группы 1-й и 3-й рот имели ряд столкновений с противником. Противник имел убитых и раненых, но спецназ воевал без потерь.

В двадцатых числах июня 1984 г. отряд был привлечен к участию в армейской операции в «зеленой зоне» Кандагара. Эта операция ничего положительного, кроме понимания характера действий мотострелков при выполнении ими боевых задач, не принесла. Отряд потерял несколько человек убитыми и ранеными, в частности, 22.06.1984 при подрыве на mine погиб заместитель командира группы минирования прапорщик Василий Зубанов, а на следующий день в ходе действий 1-й роты в районе кишлака Нагахан был убит прямым попаданием выстрела РПГ-7 разведчик-минер Олег Михайленко, шедший в головном дозоре 1-й группы.

В период за июль–август 1984 г. особо успешно действовала 1-я рота. Командир 1-й группы лейтенант Л.Ф. Рожков с интервалом в две недели провел две результативные засады. В первом случае за Кандагаром, в районе г. Хайбар, была уничтожена группа моджахедов из 15 человек, среди которых оказались местный полевой командир и член ЦК Исламской партии Афганистана (ИПА), ответственный за район Кандагара. Кроме того, был уничтожен трактор с прицепом, захвачено стрелковое оружие убитых душманов и около 170 кг опиума-сырца. Группа потерь не имела.

Во втором случае в районе г. Бурибанд группа провела засаду на караван противника, состоявший из 7 автомобилей «Симург». В результате боя было уничтожено несколько моджахедов из состава охраны, захвачено три автомобиля, груженных оружием и боеприпасами, среди которых было несколько 12,7-мм пулеметов ДШК и 7,62-мм пулеметов СГМ китайского производства. К сожалению, 4 автомобиля ушли из-под обстрела. Группа потерь не имела. За эти успешные действия лейтенант Рожков был награжден орденом «Красного знамени».

Вслед за ним, также с интервалом в 2–3 недели командир 3-й группы 1-й роты старший лейтенант А.Н. Корнев провел две результативных засады в районе г. Мирьгьянау-Манджигар, около 40 км на северо-восток от г. Кандагар.

Во второй половине лета с 1-й ротой стала соревноваться в результативности 3-я рота, которой успешно командовал старший лейтенант Василий Шараевский. О результатах групп роты написано в материале Магомеда Идрисова «Пожелайте нам удачи». Однако следует заметить, что также в июле 1984 г. группой капитана Нурасул-Магомедова в результате засады был уничтожен автомобиль французской съёмочной группы, передвигавшейся в долине р. Аргастан. Был захвачен в плен руководитель съёмочной группы гражданин Франции Жан-Пьер Абушар. Группа должна была снять ряд акций, которые должны были провести моджахеды по заданию пакистанской разведки. В частности, планировался подрыв плотины водохранилища Аргандаб и обстрел минометами и реактивными снарядами военных городков Афганской и Советской армии в провинции Кандагар. Следует заметить, что Шараевскому удавалось успешно действовать на броню. Дважды его бронегруппа провела результативные засады, уничтожив моджахедов, которые перемещались на машинах в районе ответственности отряда.

Осенью 1984 г. в отряд прибыло пополнение: старший лейтенант О.А. Шейко и лейтенант С.Кривенко из войск, а также выпустившиеся из Рязанского ВВДКУ лейтенанты В.Гусев и Р.Потанин. На двухгодичную стажировку из Военного Института иностранных языков прибыли младшие лейтенанты А.Багдатьев и А.Бакланов. Гусев, изучавший в училище фарси, стал переводчиком 1-й роты, а Багдатьев и Бакланов – переводчиками 2-й и 3-й рот, соответственно.

В то время разведотделом штаба 40-й ОА было объявлено соревнование для офицеров 173-го ооСпН, отличавшегося особой результативностью в армии. Тот, кто к 7 ноября даст больше всех результатов, будет представлен к

званию Героя Советского Союза. К сожалению, это сыграло дурную роль. Стремясь к результату, осенью 1984 г. старший лейтенант В.С. Шараевский допустил ошибку, которая едва не стоила ему жизни. Действуя в районе н. п. Спинбульдак, он попал в ловушку, умело расставленную моджахедами. Рота угодила в засаду. Сам Шараевский получил сквозное ранение в голову, но благодаря стараниям хирурга кандагарского госпиталя остался жив. В ходе боя был подбит БТР-70.

Также 2-я рота в тот период дважды попадала в засаду в районе пакистанской границы. Рота имела убитых и раненых, а также поврежденную и уничтоженную в результате пожара технику.

23 сентября 1984 г. шесть разведчиков 2-й группы 1-й роты под командованием ст. лейтенанта С. Козлова, действуя на трех БМП-2 (БГ № 310), выполняла задачу по эвакуации группы 2-й роты под командованием капитана Пимченко в районе границы с Пакистаном. Эвакуировав группы БГ № 310, по дороге в ППД в районе г. Вузучекай столкнулась с противником, пытавшемся провести засаду. В результате боя была уничтожена группа противника численностью 33 человека, захвачены оружие и боеприпасы, а также автомобиль «Исузу». С нашей стороны потерь не было.

По данным агентуры, это была группа так наз. «Черных аистов», а среди убитых оказался американский инструктор ПЗРК. Особый характер группы подтверждает тот факт, что все были одеты и вооружены помимо «штатного» стрелкового оружия: автоматов, пулеметов и гранатометов, двумя пистолетами ТТ (этот эпизод описан в очерке: Как победить засаду // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 4. С. 342–344).

2-я группа 1-й роты, а также бронегруппа 1-й роты под командованием С. Козлова в октябре также имела столкновения с противником, в результате которых погибли рядовой А. Илимбаев, А. Базлов (группа связи), Ю. Каменсков. В ходе боев противнику был нанесен значительный урон в живой силе.

В конце осени – начале зимы 1984 г. 3-я группа 1-й роты под командованием старшего лейтенанта О.А. Шейко уничтожила в засаде группу моджахедов, перемещавшуюся на двух тракторах, около 30 человек, а также их транспорт. Были захвачены вооружение и боеприпасы противника.

Отряд продолжал успешно воевать в зоне своей ответственности. Одним из последних эпизодов самостоятельной войны отряда был бой 1-й роты на дороге Шахри Сафа-Кандагар, 20 километров юго-западнее н.п. Шахри-Сафа. В начале года в очередной раз моджахеды создали специальное подразделение для борьбы со спецназом, так называемый «Батальон смерти», численностью около 170 человек. 1-я рота попала в засаду, организованную этим батальоном около 13.00 22 марта 1985 г. В результате боя рота потеряла 2 человека убитыми (капитан М. Мазитов, рядовой А. Сарабация) и 3–4 ранеными. Одна БМП-2 сгорела и две получили повреждения. Моджахеды потеряли убитыми около 20 человек. За эти потери командир «Батальона смерти» был осужден судом «Исламского комитета» и расстрелян (подробнее об этом бое и предшествующих ему событиях см. очерк: *Козлов С. Мусульманский новый год // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 235–241).*

БРИГАДА ИДЕТ НА ВОЙНУ

В связи с успешной работой 154-го, 177-го, 173-го и 668-го отрядов, которые в то время для закрытия информации о нахождении спецназа в Афганистане называли соответственно «первым», «вторым», «третьим» и «четвертым» отдельными мотострелковыми батальонами», в конце 1984 г. было принято решение о вводе в Афганистан дополнительных отрядов.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ОТРЯДОВ И ВВОД В АФГАНИСТАН

Формирование 370-го ооСпН

В октябре-ноябре 1984 г. на базе 16-й обрСпН (МВО) в пгт Чучково был сформирован 370-й ооСпН. Командир отряда – майор И.М. Крот, заместитель командира – майор Юрченко, начальник штаба – капитан С.К. Бохан.

Для комплектования отряда привлекались офицеры, солдаты и сержанты не только 16-й бригады, но и 24-й обрСпН (ЗабВО), 14-й обрСпН (ДальВО), а специалистами бронетанковой техники, механиками-водителями, наводчиками-операторами и т. д., а также боевой техникой отряд комплектовался за счет Таманской мсд.

Большая заслуга в качественном подборе личного состава отряда начальника разведки МВО генерал-майора Сидорова. Он лично беседовал с офицерами спецназа, назначаемыми на должности и офицерами, командированными в отряд из мотострелковых и танковых частей округа. Назначения в отряд получали действительно достойные офицеры.

Также большая заслуга в качественном подборе личного состава командированного из ЗабВО и ДальВО принадлежит капитанам (в то время) Александру Чубарю и Сергею Бохану. Используя личные связи в бригадах, им удалось подобрать лучших солдат.

Курьезный случай произошел во время командировки Александра Чубаря в Уссурийск. Прибыв в часть, он представился проверяющим из Москвы, предъявив предписание от начальника разведки МВО. Пользуясь этим, он получил итоговый приказ по результатам осенней проверки, которая проходила в 14-й бригаде в 1984 г. По результатам проверки лучшим был признан батальон, которым командовал майор С.А. Мудров. Чубарь выписал лучших солдат и сержантов и организовал с ними собеседование. Узнав об этом, Мудров был возмущен, но когда узнал, что в Афганистан с его бойцами едет Бохан, спорить не стал. Бохан, Чубарь и Мудров учились в одной роте разведфакультета Киевского ВОКУ.

Отряд в начале января был передислоцирован в Азадбаш – окраина г. Чирчик (ТуркВО). Первый эшелон убыл 5 января. Последний эшелон – 10 января. Время в пути – 10 суток.

Вспоминает командир 370-го ооСпН майор И.М. Крот:

«В 1984 г., после окончания Военной академии им. М.В. Фрунзе, я был направлен служить в 16-ю обрСпН. Командиром бригады был полковник В.В. Овчаров, человек с большим жизненным опытом, прошедший хорошую школу при вводе в Афганистан 154-го ооСпН.

В декабре 1984 г. на базе бригады был сформирован 370-й ооСпН для выполнения интернационального долга в Афганистане. Командиром отряда назначили меня. В начале января 1985 г., совершив марш по железной дороге, отряд прибыл в Чирчик на базу 56-й десантно-штурмовой бригады, которая уже выполняла интернациональный долг в ДРА. 13 января туда же прибыл 334-й ооСпН, 16 января – 186-й ооСпН, и три отряда совместно приступили к занятиям по боевой подготовке в горной местности. Параллельно отрабатывались документы по вводу отрядов в ДРА. Здесь нам большую помощь в организации боевой подготовки и быта оказали начальник 3-го отдела разведуправления ТуркВО полковник А.М. Стекольников и группа офицеров 15-й бригады, которые уже имели боевой опыт».

Формирование 186-го ооСпН

186-й отдельный отряд СпН был сформирован согласно директиве ГШ ВС СССР № 314/2/00111 от 6 января 1985 г. согласно штату, указанному в директиве ГШ № 21/422-51 от 15 марта 1984 г.

Отряд формировался на базе 8-й обрСпН (ПрикВО) в г. Изяславле. Командиром отряда был назначен майор К.К. Федоров, его заместителем капитан Е.А. Сергеев, начальником штаба капитан А.Г. Фомин.

В формировании 186-го ооСпН принимали участие и другие бригады, направлявшие своих офицеров, солдат и сержантов. Так, помимо офицеров 8-й бригады, в отряд были направлены офицеры, сержанты и солдаты из 2-й, 3-й бригад. Из состава 10-й обрСпН, дислоцированной в Крыму, в ПрикВО был направлен лейтенант В.П. Ковтун во главе 24 солдат и сержантов. Вопреки всем требованиям, крымчане «сбагрили» в Афган всех нарушителей дисциплины. Но впоследствии все они были награждены орденами и медалями. Также для комплектования спецназовских подразделений и штаба отряда были привлечены офицеры и личный состав 2-й обрСпН (г. Псков), 4-й обрСпН (г. Вильянди). В боевые подразделения, где по штату находилась боевая техника, а также в группу ЗСУ «Шилка» и в транспортные подразделения набирали офицеров и прапорщиков из пехоты.

Доподготовка и вывод отрядов на территорию ДРА

В феврале–марте 1985 г. отряды были передислоцированы в Азадбаш, где проходили доподготовку, отрабатывая вождение и стрельбу в горных условиях. Почти одновременно прибыли 334-й и 370-й отряды, 186-й подошел в течение недели. Все три отряда размещались в пустом военном городке, принадлежавшем ранее вертолетной части.

В начале марта отряды были направлены в район госграницы. 370-й отряд выдвинулся в район г. Кушка. 334-й и 186-й ооСпН в район г. Хайра-

тон. С 11 по 14 марта 1985 г. 334-й и 186-й ооСпН были переданы в состав 40-й ОА.

Вспоминает Сергей Бохан, нач. штаба отряда на период формирования:

«370-й отряд никто не принимал до самого последнего момента. Перед самой отправкой на Кушку прибыл некий капитан и указал начальнику штаба отряда точку, куда должен был прибыть отряд. До этого никто в 370-м ооСпН не знал даже провинцию, где будет дислоцироваться отряд.

370-й ооСпН пересек государственную границу с 15 на 16 марта и своим ходом выдвинулся на юг Афганистана в провинцию Гильменд. При движении совершались остановки в Герате и Шинданде. На третий день движения колонна промахнулась и пересекла мост через реку Гильменд. Судя по той отметке, которую поставил капитан на карте, свернуть направо надо было до моста и далее двигаться вдоль реки. Но было уже поздно, поэтому решили переночевать в Лашкаргахе, где дислоцировался пдб 103 ввд».

Каково же было удивление командования отряда, когда, прибыв на ночлег в Лашкаргах, они узнали, что на самом деле это – место их новой дислокации, а там, куда ткнул капитан карандашом, находится база крупного формирования моджахедов.

Вспоминает командир 370-го отряда И.М. Крот:

«Ночью 12 марта 1985 г. отряд был поднят по тревоге и, совершив комбинированный марш по маршруту Чирчик—Кушка, 16 марта в полном составе вошел в ДРА. Колонна с техникой, снаряжением и имуществом была очень внушительной – 275 единиц. Везли все, что необходимо для обеспечения жизнедеятельности на новом месте.

Совершив двухсуточный марш в боевой обстановке по маршруту Кушка–Герат–Гиришк–Лашкаргах, 18 марта мы прибыли в пункт временной дислокации. Он находился в 2 км юго-восточнее г. Лашкаргах, на стыке рек Аргандаб и Гильменд. Был быстро развернут палаточный городок, и организована очистка воды из реки. Затем приступили к изучению района предстоящих боевых действий в провинциях Лашкаргах и Нимруз, который по фронту и в глубину составлял до 300 км».

С вводом 334-го и 186-го ооСпН порядка было больше. Комиссия приняла их в состав 40-й Общевойсковой Армии 30.03.85, а 07.04.85 отряды пересекли границу и своим ходом направились к месту дислокации.

Вспоминает заместитель командира 186-го ооСпН Евгений Сергеев:

«С начала формирования отряда я, как заместитель командира, принимал самое непосредственное участие в этом. Самым сложным на первых порах оказалось принять в свой коллектив военнослужащих из пехоты и других не спецназовских частей. Мы привыкли к тому, что у нас в спецназе порядок и это было для нас естественно. Для солдат и офицеров, прибывших из вне, это казалось странным. Из-за этого возникали определенные сложности. Но постепенно все шероховатости сгладились, и пришло понимание того, что скоро нам всем придется выполнять боевые задачи. Помню, как зампотехи рот, прибывшие из пехоты, пожаловались мне, что нам на воору-

жение дают бронетранспортеры БТР-70 румынского производства. Их броня не отличалась прочностью и была довольно хрупкой. В то время я таких тонкостей не знал, но, получив сигнал, побежал ругаться к представителям командования округа. БТРы нам заменили, но мне уже тогда сказали, что я чересчур рьяно взялся за дело. Однако нужно сказать, что командование ПриКВО сделало все, чтобы наш отряд был укомплектован всем необходимым. Вплоть до того, что еще в Изяславле была произведена пробная выпечка хлеба. Недели через две после завершения формирования отряда ушел первый эшелон в Чирчик. Там началось боевое слаживание подразделений. Кроме нас там уже находились пятый и шестой отряды. Очень много времени мы уделяли взаимодействию с боевой техникой и стрельбе. Вскоре они убыли в Афган, а через две недели после прибытия и мы. Команда «Вперед!», как всегда поступила неожиданно.

Вспоминаю Саланг. Высота 4000 м. Снегопад. Я сел рядом с водителем своей БМП КШ, поскольку опыта у него, как и у остальных, было маловато. Как чувствовал. В один из моментов движения машину понесло. А гусеничная техника на бетонке, как корова на льду. Остановились мы уже над самым обрывом. Машина качается. На броне бойцы, под нами пропасть. Водитель Муродов, кроме синего неба, ничего не видит. Я ему спокойно так говорю: «Муродов, давай потихонечку назад, только учти. Я спрыгнуть успею, а ты нет. Поэтому думай сначала». Как выехали, не знаю. В конце концов прибыли в Кабул, где дополнили людей и технику и двинулись на Шарджой.

Перед Шарджоем остановились в Газни. Здесь у нас появились первые потери. Как не объясняй бойцам, что здесь уже война, а не игрушки, пока не проверят, не поверят. Трое зашли на минное поле, где и подорвались. К счастью, отделались ранениями. Факт этот сыграл свою положительную роль. До сознания солдат и офицеров наконец стало доходить, что здесь можно не только здоровья, но и жизни лишиться.

Прибыли на место, которое нам было определено в Директиве ГШ, но на месте сразу стало ясно, что оно не способно обеспечить нашей безопасности. Поэтому место дислокации было выбрано другое. Выбрали высоту, которую сразу заняли, а под ней расположили отряд. Начали обживать. Недели через две прибыл парашютно-десантный батальон из Лашкаргаха. На них ложились задачи охраны и обороны нашего расположения. То, что десантный батальон, который до этого сам вел засадные действия, ставили на нашу охрану, говорило о том значении, которое предавалось нашему отряду. На обустройство и боевое слаживание, уже на новом месте, нам дали месяц. Кроме того, разрешили вести боевые действия на удалении от ППД не более пяти километров. В ходе этих коротких выходов мы проверяли еще раз вопросы взаимодействия, порядок работы начальников служб и другие вопросы. Что касается начальников служб, то здесь снова пришлось ломать устоявшуюся в пехоте и в Союзе систему, когда на подразделение работает его командир. Здесь, пользуясь данной мне властью, я добился того, чтобы при подготовке групп к выходу начальники служб обеспечивали их всем необходимым, на основании заявки командира роты.

Когда начали совершать первые выходы, я почти со всеми группами ходил лично. Ходил в головном дозоре. Делал это в первую очередь для того, чтобы понять специфику работы и правильно наладить деятельность разведорганов отряда. Опыта ведения боевых действий у меня, как и у всех остальных, не было.

Немного позже нашему отряду придали батарею гаубиц Д-30. Согласовали с ними вопросы взаимодействия и прикрытия действий разведгрупп».

РАЗВЕРТЫВАНИЕ 22-й БРИГАДЫ в ДРА

Оргвопросы

В соответствии с Директивой ГШ № 314/2/0208 в апреле 1986 г. на территорию Афганистана были введены штабы 15-й и 22-й отдельных бригад специального назначения и подразделения бригадной структуры – отряды спецрадиосвязи и подразделения обеспечения и обслуживания.

Командиром 15-й обрСпН был назначен подполковник В.М. Бабушкин.

Командиром 22-й обрСпН был назначен подполковник Д.М. Герасимов.

В марте 1985 г. в САВО на базе 22-й обрСпН, выведенной в ДРА, предложено создать отдельный полк СпН численностью 207 человек.

В тот же период в ТуркВО на базе 15-й обрСпН был развернут учебный полк, осуществивший подготовку личного состава для частей и соединений специального назначения, действующих на территории Афганистана.

Состав и дислокация бригады на 01.04.1985:

22-я обрСпН – г. Лашкаргах, провинция Гельменд,

370-й ооСпН – г. Лашкаргах, провинция Гельменд,

173-й ооСпН – г. Кандагар, провинция Кандагар,

186-й ооСпН – н.п. Шахджой, провинция Заболь.

Организационно-штатные изменения

Директива ГШ ВС СССР № 314/2/0029 от 04.03.1985:

«Исключить 173 ооСпН из состава 12 обрСпН и Войск округа».

Директива Штаба КЗакВО №15/1/0546 от 21.03.1985:

«В соответствии с Директивой ГШ ВС СССР № 314/2/0029 от 04.03.85 173-й ооСпН исключается из состава 12-й обрСпН и войск округа».

На основании Директивы ГШ ВС СССР № 314/3/0528 от 26.05.85 и Директивы ТуркВО № 21/1/01698 от 05.06.85 в целях улучшения боевого управления в отрядах введена должность дежурного по ЦБУ с воинским званием капитан-майор. По штату ооСпН-3.

На основании Директивы ГШ ВС СССР № 314/2/0584 от 18.06.85 и Директивы ТуркВО № 21/1/01985 от 07.07.85 в отдельных отрядах на базе группы спецминирования и инженерно-саперного взвода сформированы роты минирования численностью 44 человека:

офицеров – 4; прапорщиков – 1; сержантов – 6; солдат – 33.

В конце 1985 г. на базе 5-й мсд, дислоцированной в г.Шинданд, за счет офицеров 22-й обрСпН бригады и личного состава и боевой техники 5-й мсд *был сформирован 411-й ооСпН*. Его местом дислокации стал г. Фарахруд.

На должность командира отряда был назначен капитан Фомин А.Г., бывший до этого начальником штаба 186-го ооСпН.

Общий состав каждого из отрядов на 01.01.86 по штату 21/422 на основании вышеназванных директив:

офицеров – 59; прапорщиков – 28; сержантов – 70; солдат – 371.

Всего военнослужащих – 528.

Организация боевой деятельности

Бригада имела зону своей ответственности, которая в свою очередь делилась на зоны ответственности отрядов (подробнее см. ниже воспоминания Д.М.Герасимова).

Из имеющихся сил и средств 22-й обрСпН могла одновременно выделить до 36 разведывательных групп СпН в составе взвода или 12 разведывательных отрядов СпН в составе роты. Ежедневно каждый отряд выделял для ведения разведывательно-боевой деятельности одну роту. Как правило, для ведения засадных действий выделялось две максимум три группы. В районах, где позволяла местность, в случае надобности в район действий РГСпН выходила бронегруппа роты. В то же время для несения боевого дежурства назначалась дежурная бронегруппа от роты, которая несла службу в наряде. В зависимости от наличия личного состава от роты, несущей службу в наряде, выделялась группа для ведения досмотровых действий. Однако в связи с эпидемиями эти требования не всегда соблюдались. Так, например, в августе 1985 г. от 173-го отряда выходили для ведения засадных действий всего две группы под командованием ст. лейтенанта А.Тутова (замполит 2-й роты) и ст. лейтенанта С.Кривенко (командир 3-й группы 3-й роты). Для того чтобы укомплектовать группы, в их состав включали даже экипажи боевых машин.

Управление бригады осуществляло непосредственное руководство отрядами СпН, организовывало снабжение всеми видами довольствия, взаимодействие с приданной авиацией, средствами огневой поддержки и между отрядами в зонах боевой деятельности.

Отдельные отряды СпН являлись основными боевыми подразделениями, входившими в состав бригад СпН, в которых осуществлялась вся боевая и политическая подготовка разведчиков и организовалась разведывательно-боевая работа.

Организационно отдельный отряд СпН состоял из управления, штаба, служб, двух рот специального назначения на БТР-70, одной роты специального назначения на БМП-2, роты минирования, зенитно-артиллерийской группы ЗСУ-23-4, группы связи, роты обеспечения, медпункта. Роты специального назначения на БТР-70 и БМП-2 состояли из трех групп (по 23 человека и три БТР-70 или БМП-2 в каждой) и группы АГС-17 (25 человек, АГС-17 – 6 шт., РПО – 3 шт.). Всего в отдельном отряде специального назначения – более 500 человек личного состава.

Расположение штаба и управления 22-й бригады спецназ, а также ее отдельных отрядов спецназ на 01.01.1986 и вертолетные части, отвечавшие за обеспечение боевой деятельности

№ пп	Наименование	Место дислокации	Провинция	Обеспечение авиацией
1	Штаб 22-й обр	г. Лашкаргах	Гильменд	
2	370-й ооСпН	г. Лашкаргах	Гильменд	Одна эскадрилья 280-го овп, место дислокации Кандагар (провинция Кандагар)
3	173-й ооСпН	г. Кандагар	Кандагар	
4	186-й ооСпН	н.п. Шахджой	Заболь	
5	411-й ооСпН	н.п. Фарахруд	Герат	302-я овз, место дислокации Шинданд (провинция Герат)

Важным мероприятием при подготовке разведывательных групп и отрядов к ведению боевых действий являлось обеспечение их вооружением, снаряжением и другими материально-техническими средствами. Необходимое вооружение, снаряжение и оснащение групп и отрядов определялось в зависимости от конкретной боевой задачи, состава группы (отряда), продолжительности пребывания на боевом выходе.

При этом учитывалась необходимость сохранения групповой маневренности, подвижности, огневой мощи. Все выделяемые материальные средства и вооружение предварительно проверялись с точки зрения их исправности, работоспособности и пригодности к использованию.

Опыт боевых действий в Афганистане показал, что игнорирование этих требований при подготовке групп приводит к срыву выполнения боевой задачи и даже неоправданным потерям в личном составе.

Группы формировались на основе штатных групп, которые усиливали разведчики-гранатометчики отделения АГС-17, разведчики-минеры группы минирования, радисты группы спецрадиосвязи, а также санинструктор роты или батальонного медпункта (БМП).

В состав группы из 22–26 человек входили:

- командир группы, офицер: – 1;
- заместитель командира группы, сержант: – 1;
- командиры отделений, сержанты: 2–3 (включая ком. отд. АГС-17) – 1;
- разведчики: – 10–12;
- разведчики-гранатометчики отделения АГС-17: – 3–5;
- саперы группы минирования: – 2–3;
- санинструктор роты или БМП: – 1;
- радисты: – 1–2.

При этом численность и перечень специалистов мог быть различным. Нередко в состав группы входил не один офицер, а два или даже три. Обычно это имело место при необходимости провести доподготовку офицера, недавно прибывшего из Союза.

Вспоминает первый командир 22-й бригады в ДРА, живая легенда спецназа, генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Герасимов.

ЛАШКАРГАХСКАЯ БРИГАДА

(Д.М.Герасимов)

И вновь уходят мужики на боевые,
И вы не раз еще услышите о нас,
Ведь мы из смерти возвращаемся живыми,
И будет жить Россия, пока жив Спецназ.

Владимир Волгарь

Неоправданный риск

Первый этап марша прошел успешно. Ввод управления бригады обеспечивали посты, выставленные от 5-й мсд. Единственный случай, который врезался в память, произошел на подходе к перевалу Хашрабат, не доезжая Герата. Мне доложили, что от колонны отстали четыре автомобиля и один БТР. Я дал команду сделать короткий привал, выставив на высотах посты автоматчиков. Оставив за себя подполковника Масалитина, я сел за руль УАЗа, положил на сидение автомат и три магазина и поехал навстречу отставшей колонны.

Километров через 9–10 на обочине увидел группу афганцев, вооруженных автоматами и сидевших на корточках у моста через овраг. Пододвинув к себе автомат, снял его с предохранителя и, не снижая скорости, проехал мимо. Все прошло спокойно. Судьба улыбнулась мне. Километров через семь встретил отставшие машины и БТР. Предупредив их о том, что у моста возможна засада, мы начали движение к основной колонне. У моста мы остановились и проверили подступы к нему, но там никого не было, и мы благополучно проехали через мост.

Мне просто повезло в данном случае, но я понял, что совершил ошибку, поехав один. В Афганистане это может стоить жизни.

Первая кровь

К вечеру наша колонна прибыла в Шинданд, в расположение 5 мсд. Расставив технику и организовав охрану, мы с заместителем начальника разведки армии отправились к комдиву. Выслушав наш рассказ о ходе марша, он сказал, что нашей колонне будет придана колонна со строительными материалами и строителями, которые будут обустройства расположение нашей бригады в Лашкаргахе.

Пока я находился у комдива, подполковник Масалитин решил провести занятие по гранатометанию с офицерским составом. Оказалось, что человек тридцать никогда до этого гранату в руках не держали. Парадокс, но это так!

Для метания решили использовать наступательную гранату РГ-42. При гранатометании командир взвода связи получил ранение осколком в ягодицу. Он бросил гранату недостаточно далеко, спрятаться не успел, а упал, повернувшись к разрыву задом.

Раненого доставили в лазарет, и врач обещал скоро вернуть его в строй. Слово свое он сдержал. Так в бригаде появился первый раненый.

Дальнейший наш путь прошел без приключений. Но дорога запомнилась большим количеством сгоревшей техники, лежащим вдоль обочин. Она, как ничто другое, отчетливо дала нам понять, что мы на войне. Это подтянуло людей. Они стали серьезнее и дисциплинированнее.

В Лашкаргахе

В Лашкаргахе нас встретил личный состав и командир парашютно-десантного батальона 103 ввд. Они осуществляли охрану периметра расположения и подготовили для нас палаточный городок.

Бригада расположилась южнее г.Лашкаргах, в междуречье рек Гельменд и Аргандаб, вблизи заброшенного аэродрома Буст, имевшего грунтовую ВПП и командно-диспетчерский пункт. Спустя некоторое время мы полностью восстановили аэродром, и он принимал самолеты типа Ан-26.

На юге и юго-востоке от расположения находилась знаменитая пустыня Регистан с песчаными барханами, высотой до 70 метров. На западе и юго-западе простиралась пустыня Дашти-Марго, представлявшая собой каменистое плато, по которому могли двигаться все виды техники. Единственным препятствием были сухие русла с обрывистыми берегами и глубокие овраги. Ближайшими гарнизонами были Шинданд и Кандагар, а также небольшой гарнизон в Геришке, где размещался 3 батальон 371 мсп.

Утром следующего дня мы собрали совещание всего офицерского состава и прапорщиков с участием командира батальона десантников. Он вкратце изложил обстановку в районе и сообщил, что им на смену прибудет мотострелковый батальон 5 мсд из Шинданда, на который будет возложена задача охраны и обороны расположения бригады и 370 ооСпН, который прибыл почти на месяц раньше нас. На совещании были намечены первоочередные задачи:

- обеспечение личного состава водой;
- подготовка к предстоящим боевым действиям, на которую нам было отведено минимальное время.

Для решения первой задачи предполагалось развернуть на берегу р.Аргандаб две машины по очистке воды. Кроме того водовозками осуществлять подвоз воды с завода Буст, который занимался переработкой хлопка. Договор с заводом у нас имелся. Но чтобы обеспечить автономность гарнизона в снабжении водой, в ближайшее время мы планировали пробурить три скважины. Через месяц эта задача была решена.

В плане подготовки к боевым действиям перво-наперво штабу бригады была поставлена задача по сбору данных об обстановке в зоне ответственности 370-го отряда. Для этого использовались источники разведотдела штаба ар-

мии, ближайших соседей. Но основным источником разведывательной информации для нас должны были стать оперативные агентурные группы, которым руководство ГРУ ГШ поставило задачу обеспечить спецназ достоверной и оперативной информацией о противнике. ОАГр Лашкаргах возглавлял майор Сосипатров. Эта группа имела связи в местном Царандое (милиция) и органах ХАД (госбезопасность). Кроме того у группы была своя агентура, которая также предоставляла информацию. Аналогичные группы были в Кандагаре, Калате, Заболе и Фарахе. В дальнейшем в отрядах бригады была создана своя агентурная сеть. Агенты работали за материальное вознаграждение, которое им выделялось с забитого, по их информации, каравана. Поэтому их информация бывала более достоверной, чем информация агентурных групп.

Для подготовки личного состава было оборудовано стрельбище, где помимо учебных стрельб выполнялись учебные подрывные работы.

Состав бригады

На 1 апреля 1985 г. в состав 22-й бригады входили три отдельных отряда. 370-й ооСпН, сформированный в Чучково на базе 16-й обрСпН, дислоцировался вместе со штабом бригады в Лашкаргахе.

186-й ооСпН, сформированный одновременно с 370-м на базе 8-й обрСпН в Изяславе, дислоцировался в Шахджое.

И 173-й ооСпН, который уже более года воевал в Кандагаре. Он был сформирован одновременно с нашим 177-м ооСпН, но на базе 12-й обрСпН в г. Лагодехи Грузинской ССР и вошел 10 февраля 1984 г. в Афганистан. Это был на то время самый результативный отряд спецназ в 40-й армии, который имел минимальные потери при весьма весомых результатах. Командовал им майор Мурсалов Тахир Якубович. На опыте этого отряда учились воевать 370-й и 186-й отряды.

В конце 1985 г. на базе 5-й мсд из офицеров и прапорщиков отрядов бригады был сформирован 411-й ооСпН. На неспецназовские ВУСы в отряд были направлены солдаты и сержанты, а также офицеры и прапорщики 5-й мсд. Отряд дислоцировался в н.п. Фарахруд в строениях бывшего придорожного кемпинга. Это было самое лучшее расположение отряда во всем Афганистане.

Таким образом, к концу 1985 г. бригада состояла из управления и штаба, отряда спецрадиосвязи, подразделений обеспечения и обслуживания и четырех отдельных отрядов специального назначения.

В начале 1986 г. в оперативное подчинение бригаде была придана 205-я отдельная вертолетная эскадрилья, в состав которой входило 16 вертолетов Ми-8мт и 16 вертолетов Ми-24. Она была разделена на четыре вертолетных отряда, каждый из которых был придан отдельному отряду спецназ бригады. Для этого в каждом отряде были оборудованы площадки базирования вертолетов и средств технического обслуживания.

Для обеспечения охраны военных городков привлекались мотострелковые и парашютно-десантные подразделения со средствами усиления: артил-

лерийские батареи и установки залпового огня. Они позволяли максимально сосредоточить подразделения спецназ на боевых действиях. Отряды были самостоятельны в планировании и ведении боевых действий в своих зонах.

Для управления действиями органов отряда в районах боевых действий в каждом отряде были развернуты Центры Боевого Управления (ЦБУ). Узлы связи отрядов были оборудованы станциями тропосферной связи, которые позволяли поддерживать устойчивую связь с ЦБУ бригады, штабами 40-й ОА, ТуркВО и Приемным центром ГРУ ГШ ВС СССР.

Одним словом это была мощная, но хорошо управляемая боевая машина, которая действиями отдельных отрядов спецназ в зонах их ответственности прикрывала границу Афганистана с Ираном и Пакистаном от направления юго-запад до направления юг и далее на юго-восток.

Характеристика зоны ответственности бригады

Зона ответственности бригады была весьма значительной, а ландшафт разнообразен: от песков Регистана и каменистой степи Дашти-Марго и далее на запад каменистых пустынь: Баква, Дашти-Бабус и Дашти-Наумед до Газни-Кандагарского плоскогорья с хребтами средних высот (2000–3000 м), уходящими на северо-восток от Кандагара. Она включала в себя шесть провинций: Фарах, Нимроз, Гильменд, Кандагар, Заболь, Урузган, общая площадь которых составляла около 200 000 квадратных километров.

В зоне ответственности бригады находился второй по величине город Афганистана Кандагар, население которого всегда отличалось исповеданием радикального ислама. В силу этого моджахеды в провинции с одноименным названием отличались особой активностью, боевыми качествами и злостью. Эта разница с духами других районов Афганистана отмечалась всеми приезжими, кому «посчастливилось» столкнуться с ними.

Через зону 370-го отряда и частично 173-го отряда на юге, через Регистан и Дашти-Марго, проходили караванные маршруты, по которым в основном шел наркотрафик, но также поставлялось оружие и боеприпасы. В зоне ответственности Фарахрудского отряда проходили пути снабжения афганских моджахедов из Ирана. Интенсивность этих маршрутов была заметно ниже, чем маршрутов, идущих из Пакистана.

Наиболее напряженным было юго-восточное направление, которое прикрывали Кандагарский и Шахджойский отряды.

Ландшафт зоны ответственности бригады в основном позволял моджахедам использовать автомобильный транспорт для организации поставок оружия и боеприпасов на территорию Афганистана. В районе пустыни Регистан, где движение на автомобилях было невозможно, доставка оружия осуществлялась верблюдами.

В горных районах, имеющих ограниченный доступ для войск Советской Армии в силу сильно пересеченного рельефа, находились крупные базовые районы моджахедов: Ислам-Дара (Хакрез), Чинарту, Апушела, Васатичигнай, Горы Хадигар. Все они находились в зоне Кандагарского отряда. В 1986 г. основные из них нами были захвачены и разгромлены.

Боевые действия

После короткой подготовки к боевым действиям в середине апреля 370-й и 186-й отряды бригады при участии управления бригады начали работу в зонах своей ответственности. Понятно, что 173-й отряд своей активности с вводом бригады не снижал.

Основа успешной работы спецназа – достоверная и оперативная разведывательная информация. Как уже было сказано выше, на начальном этапе штаб бригады и штабы недавно вошедших отрядов опирались на информацию, предоставляемую Оперативными Агентурными Группами (ОАГр), действовавшими в зонах их ответственности. Кроме того разведчики бригады наладили отношения с местными органами власти и также пользовались информацией, предоставляемой ими. Все они давали информацию о подготовке движения караванов, а также о других намерениях моджахедов. Однако надо прямо сказать, что эта информация, как правило, не соответствовала действительности.

Поэтому на начальном этапе основной и наиболее достоверной разведывательной информацией была та, которую самостоятельно добывали разведывательные органы отрядов, ведущие разведку «на себя».

Они находили караванные маршруты, определяли через какие ключевые точки они пройдут, в ходе воздушной разведки обнаруживали базовые районы отрядов оппозиции, определяли зоны, опасные для пролета авиации из-за сильных средств ПВО моджахедов. Опираясь на эту достоверную информацию, осуществлялось планирование боевых действий на начальном этапе. К 1986 г. отряды, и прежде всего кандагарский, обзавелись своей собственной агентурой, которая давала необходимую информацию. Впоследствии такая агентура появилась и в других отрядах. Командир 173-го ооСпН капитан Бохан наладил хорошие контакты с местными органами ХАД, которые имели более достоверную информацию, чем ОАГр. Нам удалось наладить хорошие отношения с вождем племени белуджей Мирхазаром, который предоставлял нам много полезной информации об отрядах моджахедов, против которых белуджи тоже воевали.

Не допустить значительных потерь в недавно вошедших в Афганистан отрядах, помог опыт 173-го ооСпН. Офицеры этого отряда направлялись в другие отряды для передачи боевого опыта, где они непосредственно участвовали в боевых выходах с «молодыми» офицерами.

Побывав под огнем, и их подопечные вскоре начинали самостоятельно и успешно воевать. Это позволило заметно снизить потери в подразделениях 22-й бригады. По сравнению с другими воюющими частями и соединениями, потери нашей бригады были несравнимо малы.

Как командир бригады хочу выразить большую благодарность офицерам Кандагарского отряда: майору Т.Мурсалову, старшему лейтенанту С.Козлову, старшему лейтенанту Л.Рожкову, старшему лейтенанту А.Тутову, старшему лейтенанту С.Кривенко, которые на начальном этапе боевого становления бригады своим опытом и примером показали направление боевой деятельности офицерам других подразделений.

Их результативность и в дальнейшем оставалась высокой и позволяла другим равняться на их боевые результаты. Надо заметить, что в 1985 г. в этот отряд влилась свежая кровь, которая обеспечила здоровую преемственность внутри отряда.

Эстафету боевого отряда принял новый командир отряда капитан С. Бокан, который развил и улучшил успешную деятельность отряда. Переняв опыт своих товарищей, хорошо воевали старший лейтенант А. Кравченко, лейтенант В. Гусев, старший лейтенант С. Лежнев, старший лейтенант И. Веснин, старший лейтенант Тур, старший лейтенант И. Морозов, старший лейтенант Д. Подушков.

Имея такой маяк, другие отряды также стремились к активной боевой работе.

Так весной 1985 г. 370-й ооСпН провел в провинции Гельменд операцию по уничтожению школы гранатометчиков. Командовал налетом заместитель командира бригады подполковник М. П. Масалитин. Информацию об объекте предоставила ОАГр Лашкаргах. Однако информация об объекте была неполной, и из-за этого в отряде имелись потери. Однако, потеряв старшего лейтенанта Бородину и две БМП-2 в этом бою, школу гранатометчиков удалось полностью разгромить. Уничтожение этого «осинового гнезда» положительно сказалось на обстановке на участке дороги Талькала-Гиришк-Хугиани.

Шахджойский отряд

Но сразу хочу оговориться, что не все было просто и гладко. Некоторые командиры, боясь потерь, проявляли нерешительность и не могли перестроиться на военный лад. Так командир 186-го ооСпН подполковник К. К. Федоров, сделав немало для обустройства отряда на новом месте, не смог вовремя включиться в боевую работу. Но вышестоящее командование требовало прежде всего боевых результатов. Не смог он разобраться в новой, сложной обстановке. Район, где стоял отряд, отличался тем, что там никогда до этого советских войск не было. Мы его называли «краем непуганых зверей». Духи здесь могли запросто пойти на бронегруппу, как капелевцы в кинофильме «Чапаев», цепью с винтовками на перевес. Такое безрассудство на начальном этапе войны было на руку отряду, и потому нужен был человек, способный извлечь из этого максимум пользы.

По требованию начальника штаба ТуркВО генерал-лейтенанта Ю. А. Гусева вместо подполковника Федорова 186-й отряд возглавил капитан А. И. Лихидченко, который был до этого начальником штаба 173-го ооСпН.

С его приходом подход к боевым действиям изменился. Лихидченко успешно командовал отрядом с мая 1985 по март 1986 г. Однако надо сказать, что основным генератором боевой деятельности в этом отряде был заместитель командира отряда, капитан Евгений Георгиевич Сергеев. Несмотря на скромный рост, он был человеком отчаянной храбрости. При этом как спецназовец был подготовлен прекрасно. Он досконально изучил обстановку в зоне ответственности отряда и знал ее, как свои пять пальцев. Когда группы вели бой в сложных условиях и требовалась жесткая воля команди-

ра для разрешения сложившейся ситуации и умелой эвакуации группы из-под огня, всегда летал лично Евгений Сергеев. Он не лез на рожон, но, прекрасно зная местность и обстановку, находил самые оптимальные варианты решения этих задач, при этом не подставляясь под удар противника. Летчики с удовольствием летали с ним, зная его высокие командирские качества и то, как он знает местность.

В человеческом плане он не был самым удобным для начальников, человеком. Но этого и не могло быть при его яркой и неординарной натуре. Но он был человеком кристальной офицерской чести и порядочности, отчаянной храбрости и высокого профессионализма, яркого ума спецназовца, способного принимать нестандартные решения. И за это он пользовался огромным уважением как подчиненных, так и моим лично и основной части командования бригады. Он неоднократно лично возглавлял разведывательные группы и отряды, выходявшие на перехват караванов моджахедов, а на воздушную разведку летал лично систематически. Его одержимость боевой работой не могла не принести свои плоды. Одним из самых громких результатов отряда стал захват первых ПЗРК «Стингер».

В январе 1987 г. группа старшего лейтенанта Василия Чебоксарова вылетела на плановый облет местности. С группой в ведомом вертолете находился майор Сергеев и заместитель командира 2 роты старший лейтенант В. Ковтун. Сергеев и Ковтун замыслили очередной дерзкий выход на стыке зон ответственности 186-го и 173-го отрядов, где духи в последнее время расслабились. Весь облет был запланирован и проходил по замыслу и под руководством майора Сергеева. При входе в Мильтанайское ущелье, расположенное к юго-западу от Калата, они обнаружили группу мотоциклистов. В ходе короткого боя были захвачены первые ПЗРК «Стингер», образец которого Евгений Сергеев впоследствии лично доставил в Москву. Кроме того, Владимир Ковтун в ходе боя захватил всю документацию по поставке первой партии ПЗРК «Стингер» из США в Афганистан. Эти документы наглядно свидетельствовали о ведущей роли США в этой войне.

Командир вертолета капитан Соболев, старший лейтенант Ковтун и майор Сергеев, в соответствии с изданным ранее документом ГШ ВС СССР, были представлены к званию Герой Советского Союза. Однако никто из них так до сих пор и не получил обещанных высоких наград.

Майор Сергеев и старший лейтенант Ковтун были передовиками, если можно так выразиться, в боевой работе отряда. Но помимо них успешно воевали такие офицеры, как: старшие лейтенанты А. Алабергенов, И. Новиков, Кочергин, Кабашников, В. Чебоксаров, капитаны: К. Кожмяков, Я. Горошко, майор А. Чубарь.

Но война, на то и война, что на ней бывают как победы, так и поражения. Спустя примерно полгода после замены Сергеева, когда отрядом командовал майор А.И. Нечитайло, погибло 12 разведчиков группы старшего лейтенанта Онищука, состоявшей из 20 человек. Погиб и командир группы. В неравном бою группа уничтожила 63 боевика моджахедов, включая главнокомандующего отрядами партии ДИРА в провинции Заболль Мулло

Модада. За мужество и героизм старший лейтенант Онищук, младший сержант Исламов и капитан Горошко были удостоены звания Героя Советского Союза. Онищук и Исламов – посмертно.

Отряд продолжал свою боевую работу до мая 1988 г., когда он согласно плану вывода покинул Афганистан и вернулся в Изяслав. Выводил отряд майор А.Е. Борисов.

Лашкаргахский отряд

Нелегко начиналась боевая деятельность и в 370-м отряде, которым командовал майор Крот Иван Михайлович. Учитывая сложность района ответственности, отряд не сразу нашел свою эффективную тактику. Опыт засадных действий здесь подходил лишь частично. На начальном этапе пытались проводить налеты. После не вполне удачного налета на школу гранатометчиков, отряд в начале июля 1985 г. провел налет на базовый район моджахедов, который находился на берегу р. Гельменд. Подходы к кишлаку, который был базой боевиков, преграждал канал шириной около 20 метров. Перейти можно было по пешеходному мосту, который оказался под обстрелом. В результате непродуманных действий руководства отряда погибло три человека, в том числе и лейтенант Владимир Козлов. В конечном итоге кишлак был взят, моджахеды частично уничтожены, а частично отошли. Захваченные трофеи были невелики.

На поиск эффективной тактики ушло около года. Лишь в середине 1986 г. действия рейдовых групп, на автомобилях, которые выезжали в пустыню, стали приносить нужные результаты. Отряд начал успешно выходить на перехват караванов, идущих на юге от перевала Мазари на колодец Набичах и далее к переправам «Три Ходжи» через реку Гельменд.

Здесь отряд успешно перехватывал не только оружие и боеприпасы, но и очень крупные денежные суммы, которые направлялись в Афганистан из Пакистана для расчета с моджахедами. Так группа Владимир Мельника и Алексея Панина на облете захватила 15 млн афгани. И это был не единственный случай.

Это направление использовалось душманами и для наркотрафика. В декабре 1986 г. группа лейтенанта Сергея Дымова захватила караван с опиумом-сырцом, который перевозился на девяти автомобилях «Тойота». Общий вес захваченного наркотика составил 14500 кг. Вся техника с грузом была доставлена в отряд и в дальнейшем использовалась для рейдов в пустыню. На машины ставили пулеметы и автоматические гранатометы и даже трофейные минометы. Главным преимуществом трофейной техники, помимо возможности маскироваться под колонну духов, было то, что в крайнем случае ее было не жалко бросить в пустыне.

Успешно воевали в этом отряде В. Мельник, А. Лоншаков, В. Козел, С. Бреславский, А. Панин, Г. Должилов, Э. Ахметшин, П. Липиев и многие др., которые добивались высоких результатов в своей деятельности, как в ходе выходов в пустыню, так и во время воздушной разведки. Надо заметить, что С. Бреславский и П. Липиев впоследствии стали командирами 22 обрСпН.

Фарахрудский отряд

Не отставал от своих боевых товарищей и 411-й отряд, дислоцировавшийся в Фарахруде. При формировании отряда значительная часть офицеров уже действующих отрядов бригады была направлена для заполнения вакансий отряда. Это позволило ускорить ввод отряда в боевую работу. Так, на должность командира отряда был назначен начальник штаба 186-го ооСпН капитан Фомин Александр Гурьевич. Его заместителем был капитан А. Худяков, а начальником штаба капитан В. Мертвищев. Большую помощь в становлении отряда оказали К. Кожмяков, А. Миrowsанный, С. Кравец и переводчик отряда В. Вилиев.

Но были и проблемы. Так, при формировании в отряд из 5-й мсд были направлены самые неблагополучные солдаты и некоторые офицеры. Это несколько замедляло начало эффективной работы отряда в зоне его ответственности. Но время шло, и в ходе ротации менялся и личный состав, приходили новые офицеры. Поэтому вскоре и этот отряд начал давать хорошие результаты. Хорошо воевали уже названные офицеры. Из новичков своей боевой активностью выделялись Михаил Красильников и Михаил Мироненко. Мне хорошо запомнился боевой эпизод досмотровой группы, которую возглавлял Михаил Красильников. В январе 1987 г. она в ходе короткого боя при поддержке вертолетов в районе населенного пункта Анардара уничтожила 30 мятежников и еще 18 взяла в плен. Также в ходе боя были уничтожены два автомобиля, захвачено стрелковое оружие мятежников, боеприпасы и взрывчатые вещества. Стоит обратить особое внимание на то, что в досмотровой группе было всего 18 человек, преимущественно молодых солдат, не имевших опыта боевых действий.

Однако и здесь не все было гладко. В июне 1986 г. на боевом выходе пропал без вести лейтенант Ермошин Анатолий Петрович. Искали его всем отрядом и я как командир бригады принимал в этом участие, но безрезультатно. Нашли только стрелянную гильзу от его пистолета. Это удалось установить по серии патронов. До настоящего времени ничего о нем неизвестно, но я продолжаю надеяться, что когда-нибудь мы узнаем о его судьбе.

Кандагарский отряд

Как я уже писал выше, наиболее сложной зоной ответственности была зона 173-го ооСпН. В нее входила восточная половина пустыни Регистан и южная часть Газнийско-Кандагарского нагорья. В полном смысле горно-пустынная местность. Основным очагом отрядов оппозиции, кроме названных укрепленных районов, была так называемая «зеленая зона» г. Кандагара и сам город. Здесь война с неослабевающим напряжением шла с 1980 г., когда в Кандагар прибыла 70-я омсб. Однако мощному соединению мотострелков не удалось переломить ситуацию в своей зоне ответственности. Их действия отличались шаблонностью, а район боевых действий ограничивался «зеленой» Кандагара. Поэтому духи безраздельно хозяйничали в провинции до весны 1984 г., когда здесь начал свою работу 173-й ооСпН, прибывший из ЗакВО. С первого месяца войны отряд отличался боевой активностью и весомыми

результатами. Основным видом деятельности отряда были засады. Уже в мае 1984 г. моджахеды отказывались гнать свои караваны в Кандагар, опасаясь засад спецназа. Но отряд не останавливался на достигнутом. В июне 1984 г. в результате успешной засады 3-й роты был взят в плен гражданин Франции Жан-Пьер Абушар. А в июле 1984 г. результаты одного только 173-го отряда превысили результаты всех остальных частей 40-й ОА. При этом отличились офицеры первой роты старшие лейтенанты С. Козлов, который командовал ей в отсутствие капитана А. Лихидченко, а также старшие лейтенанты Л. Рожков и А. Корнев, командовавшие группами при проведении засад.

Осенью 1985 г. группа старшего лейтенанта Кривенко уничтожила в засаде группу американских советников и захватила документы, раскрывающие их деятельность на территории Афганистана. В феврале 1986 г. были захвачены и полностью выведены из строя два базовых района «Горы Хадигар» и «Васатичигнай». В ходе боя за ключевую высоту района «Васатичигнай» рядовой Арсенов закрыл собой командира 3-й роты Андрея Кравченко. За совершенный подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Жесткие и эффективные действия отряда заставили главарей местных формирований моджахедов уже в марте писать письма, в которых они предлагали сотрудничество, отказываясь от активного сопротивления существующей власти.

В августе 1986 г. силами только 173-го отряда был взят крупный базовый район «Чинарту». При этом потерь в отряде не было. В этот период отряд, по сути, вновь перекрыл все направления движения караванов моджахедов и тем самым выполнил стоявшую перед ним задачу. Единственным направлением доставки оставалась пустыня. Но и здесь группы отряда, проявляя изобретательность и нестандартность подхода к делу, начали успешно работать, маскируясь под верблюжьи караваны моджахедов. Отличились на этом поприще старшие лейтенанты В. Гусев и С. Лежнев. В феврале 1987 г. группа старшего лейтенанта Веснина забила по наводке ХАД один из самых крупных караванов с оружием.

Но были и неудачи. После замены командира отряда майора С.К. Бохана на его место прибыл майор Горатенков. Ему не удалось наладить отношения в коллективе офицеров, которые всегда проявляли инициативу в ходе боевых действий и охотно помогали его предшественникам майорам Мурсалову и Бохану в организации боевых действий и наиболее эффективном применении органов отряда. Не прислушиваясь к мнению подчиненных, новый комбат, опираясь на непроверенную информацию, поступившую от ОАГр, направил в «зеленую зону» Кандагара отряд из 32 человек под командованием замкомбата майора В. Удовиченко. Отряд атаковала банда численностью до 400 человек. Это была подготовленная ловушка. Бой длился 7 часов. В результате погибло 12 человек, в том числе и майор Удовиченко.

Надо отметить, что эффективные действия кандагарского отряда на протяжении всей его деятельности заставляли моджахедов создавать специальные отряды для противодействия ему. Трижды эти отряды создавались и затем прекращали свое существование из-за невозможности противопоста-

вить грамотным и жестким действиям спецназа сколь-нибудь эффективные действия душманов, которые несли большие потери, не сумев причинить «кандаки максуз» ощутимого вреда. Надо заметить, что и этому отряду дорого стоила жизнь 12 спецназовцев. Но раньше таких потерь в отряде не было. Не допустить еще больших потерь в этом бою помогла прибывшая помощь и действия авиации.

После того как вместо майора Горатенкова был назначен капитан Бреславский, таких потерь больше не было.

О тактике действий

Хочется сказать несколько слов о тактике, которую применяли группы и отряды спецназ бригады в Афганистане.

На начальном этапе в основном применялись засадные действия, копируя тактику 173-го отряда. Группы выводила в район бронегруппа, которая также продолжала действовать в районе. При необходимости она могла оказать помощь группе, вступившей в бой, и эвакуировать ее.

Однако район действий каждого отряда был по-своему уникален и требовал своей, подходящей только здесь, тактики. До прибытия в Афганистан 205-й эскадрильи досмотровые действия были доступны и в полной мере применялись только в Кандагаре и Лашкаргахе. Но с появлением в распоряжении бригады своих вертолетов все шире стала проводиться ежедневная плановая авиаразведка, которая проводилась сначала два, а затем и три раза в день в разное время. Это осложняло передвижение моджахедов в районе в дневное время.

Впоследствии в Лашкаргахе, как было сказано выше, стали применяться мобильные группы на автомобилях, как собственных, так и на трофейных. Для увеличения дальности действий и мобильных групп, и вертолетов в 370-м и 173-м отрядах стали создаваться площадки подскока для дозаправки топливом. С этой целью на дальность 150–200 километров под прикрытием бронегруппы выдвигались топливозаправщики для вертолетов. Здесь спецназ обеспечивал охрану площадки подскока, куда, спустя некоторое время, прибывали вертолеты, дозаправлялись и далее они могли действовать в районах границы с Пакистаном. Туда на одной заправке они долететь могли, но вернуться топлива не хватало. Таким образом, дальность действия спецназа была увеличена вдвое.

Так группами 370-го отряда был уничтожен склад на Пакистанской границе. Появление в этом удаленном районе вертолетов и спецназа стало неосознанностью для моджахедов.

Учитывая тщательную разведку маршрутов движения караванов и их охрану моджахедами, в 173-м отряде был придуман способ, позволявший наносить поражение каравану путем наведения авиации с наблюдательного пункта, организованного на господствующей высоте в стороне от караванного маршрута. Так, весной 1986 г. было захвачено шесть груженых оружием и боеприпасами автомобилей «Симург». В последующем этот способ получил развитие и неоднократно применялся.

Также в Кандагарском отряде применяли собак, которые были натренированы на сторожевку и охрану группы. С появлением радиолиний ПД-430 все активнее стали применяться группами спецназ минно-взрывные средства в засаде. Это позволяло заметно усилить огневую мощь группы. В 1986 г. появились мины МОН-90, которые применялись с оптическими датчиками, которые включали реле освещенности. Мина вставала на боевой взвод с наступлением темноты, когда движение по дорогам было запрещено, и становилась безопасной в светлое время суток, когда по дороге ездили мирные граждане.

Эта война постоянно требовала от ее участников активной работы, прежде всего головой. Поэтому было очень много больших и малых разработок и идей, рацпредложений и самодельных изделий, которые приходилось творить умельцам, когда государство и Вооруженные Силы запаздывали с разработкой. Поэтому всего не только описать, но и просто перечислить в небольшой статье невозможно. Как невозможно сколько-нибудь полно описать и боевые действия органов бригады. Не шутя, могу сказать, что, описывая результативные действия группы в ходе каждого отдельного выхода, можно написать полноценную книгу.

Об обмене опытом

Для обмена боевым опытом между бригадами спецназ командованием армии проводились совещания и показательные занятия в Кабуле, Шиндане и в Джелалабаде. Осенью 1986 г. в 15-й обрСпН в Джелалабаде командиром 15-й обрСпН полковником Ю.Т. Старовым, по распоряжению РО штаба армии, были организованы сборы командиров частей и соединений спецназ и показательные занятия. В бригаду были доставлены трофейная техника и вооружение, в том числе ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп», захваченные в бою. Многие участники сборов эти образцы видели впервые. Сборы прошли на высоком уровне. На этих сборах мы обменялись боевым опытом, которого и у нас, и у джелалабадцев накопилось немало.

15-й бригадой с самого начала успешно командовал подполковник Бабушкин Валерий Матвеевич. После налета на УР «Карера» в марте 1986 г., когда группа 154-го отряда вынуждена была вести бой на территории Пакистана, Валерия Матвеевича перевели на должность старшего офицера разведотдела ставки Юго-Западного направления. Несмотря на то что это было повышение по службе, многие это восприняли как отстранение его от занимаемой должности. Я считаю, что этого делать было нельзя, поскольку в этом бою Бабушкин действовал абсолютно верно, и если бы не его волевое управление, смелые и решительные действия в ходе боя, еще неизвестно, чем бы это все могло закончиться. Но обвинять всегда проще, чем самому решать сложные вопросы в сложной обстановке. Как говорится: «Баталии и картины лучше наблюдать издалека».

Как бы то ни было, на должность командира 15-й бригады был назначен полковник Старов Юрий Тимофеевич, который уже имел богатый опыт командования бригадами спецназ в Германии и в Старом Крыму. Под его руко-

водством офицеры отрядов также добивались высоких результатов и были удостоены высоких правительственных наград.

Подводя итоги боевой работы

Если подвести итоги разведывательно-боевой деятельности всей 22-й обрСпН можно их охарактеризовать словами командующего 40-й ОА Бориса Всеволодовича Громова: «Сделать то, что выполнили спецназовцы в Афганистане, под силу только беспредельно мужественным, решительным солдатам и офицерам. Люди, служившие в батальонах спецназначения, были профессионалами самой высокой пробы. Они блестяще знали военное ремесло и великолепно справлялись со своим делом!».

15-я и 22-я бригады спецназначения были самыми боеспособными частями и придавали особую мощь 40-й армии. Руководство оппозиции признавало, что они несут большие потери от действий этих подразделений, и вынуждено было создавать специальные отряды для обеспечения проводки караванов, что требовало большого отрыва моджахедов от ведения боевых действий. Такую же оценку спецназу дали и иностранные инструкторы, работавшие в стане оппозиции.

Особо много теплых слов хочется сказать о наших братьях-вертолетчиках 205-й отдельной вертолетной эскадрильи, которой командовал Валерий Бургард.

Это были суперасы воздуха! Они садились в таких местах, где, как казалось, это невозможно было сделать. Но тем не менее они приземлялись под обстрелом и забирали десант, увозя его из-под самого носа у душманов. Они взлетали там, где взлететь было невозможно по погодным условиям и из-за сложного рельефа. Пытаясь спасти и спасая многие чужие жизни, они рисковали своей и иногда погибали. Но они никогда не бросали спецназовцев в трудной ситуации и всегда были готовы прийти им на помощь, что бы не случилось. Это была настоящая боевая дружба. Спецназовцы платили им тем же, и когда надо было помочь вертолетчикам, спецназ всегда приходил им на помощь. Это был единый сплоченный организм.

Однажды в районе Лашкаргаха поврежденный вертолет начал падать, вертолетчики с командно-диспетчерского пункта получили приказ прыгать. Но у разведчиков на борту в то время не было парашютов. Поэтому экипаж отказался прыгать, заявив: «На борту десант, у них нет парашютов!».

Все они героически погибли. В Лашкаргахе об этом горьком событии была написана песня.

Память о вертолетчиках, с которыми мы делили в Афганистане и радость побед и горечь потерь, навсегда останется в наших сердцах. Честь им и слава!

Об управлении и штабе бригады

Хочу сказать несколько слов о штабе бригады, который возглавлял подполковник Исакджан Камильевич Фазылов. Начальником оперативного отделения был подполковник Владимир Василюк. Они и их подчиненные

сделали все, чтобы организовать боевые действия, обеспечить связь и взаимодействие. Они принимали участие в боевых действиях, будь то досмотровые действия в ходе воздушной разведки на вертолетах или выход в район боевых действий с бронегруппой или в составе мобильного отряда.

Для планирования разведывательно-боевых действий (РБД) разрабатывался месячный план, где учитывалась вся разведывательная информация, поступающая от агентуры, местных органов власти и от вышестоящего штаба. Но надо признаться, что не всегда этот план выполнялся в полном объеме, хотя его старались придерживаться. Жизнь вносила коррективы. Появлялись неожиданные сведения о противнике, которые требовали срочной реализации, и план приходилось ломать. Но все изменения доводились в группу «Экран», которая в штабе армии отвечала за руководство разведподразделениями, и начальнику разведки армии.

Вопросы обеспечения

Важную работу делали подразделения боевого и материального обеспечения.

Отряд спецрадиосвязи (СРС), которым командовал подполковник Николай Колосовский, работал четко и безукоризненно. Каждый день в подразделениях бригады вели поисково-засадные действия от 16 до 20 групп и отрядов. Со всеми поддерживалась устойчивая связь, а что такое на войне связь для разведорганов, по-моему, и говорить не стоит. Устойчивая связь – это залог сохранения многих и многих жизней спецназовцев.

Помимо этого отряд СРС поддерживал устойчивую связь с ГРУ ГШ ВС СССР, штабом ТуркВО, штабом 40 армии и штабами отрядов бригады. Поэтому нагрузка на радистов ложилась немалая, но тем не менее они успешно справлялись со стоящими перед ними задачами.

Служба вооружения, которой руководил подполковник Владимир Дадаев, обеспечивала личный состав всем необходимым для боя, занималась восстановлением техники и пополнением расходных запасных частей, а также эвакуацией после боя поврежденных машин.

Служба материального обеспечения обеспечивала действия бригады всем необходимым для жизни и боя, доставляла из Кушки продовольствие, боеприпасы, запасные части и другое имущество. С этой целью ежемесячно формировались колонны подвоза материальных средств, которые своим ходом с нашей охраной совершали многокилометровые марши к перевалочным базам. Они были весьма привлекательными объектами для нападения моджахедов и частенько подвергались обстрелам и нападениям из засад. В этой связи их выход и движение тщательно согласовывались со сторожевыми заставами, с которыми устанавливалась связь и организовывалась охрана. На опасных участках планировалось и осуществлялось воздушное прикрытие движения колонны.

По сути, отправка колонны в Союз являлась самой настоящей боевой операцией, связанной с риском. Очень много зависело от водителей, которым приходилось готовить свою машину к выходу так, чтобы она потом на

трассе не стала обузой для всей колонны. Поездка эта мало напоминала туристическую и потому требовала от личного состава и офицеров и прапорщиков высочайшей организованности, слаженности действий и напряжения всех сил. Надо заметить, что они с этой непростой задачей успешно справились.

Политотдел бригады, который возглавлял подполковник М.Г.Таран, прилагал много сил для мобилизации личного состава бригады на успешное выполнение стоящих перед ними задач. Политработники принимали участие в боевых действиях, а некоторые замполиты рот даже руководили группами в бою. Примером может быть замполит 2-й роты 173-го ооСпН старший лейтенант Александр Тутов, который не уступал в результативности многим самым боевым командирам групп, за что награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красная звезда.

О командовании армии

Большую помощь в получении разведывательных данных оказывал начальник разведки армии полковник Вадим Кокорин, человек смелый и решительный. О нем я навсегда сохранил добрые впечатления.

Также в этом помогал и оперативный отдел штаба 40 ОА, который занимался планированием боевых действий частей и соединений армии. Его возглавлял полковник Николай Павлович Чуркин.

Я тепло вспоминаю своих старших боевых товарищей, командующих 40-й армии: генерал-майора В.П.Дубынина, генерал-майора И.Н.Родионова, генерал-лейтенанта Б.В.Громова, а также начальника штаба армии генерал-майора Грекова и генерал-майора Сергеева, заместителя по вооружению генерал-майора Маева. Настоящие патриоты своей страны, они делали все для укрепления ее могущества. Несмотря на «высокий штиль», это не пустые слова. Таких людей в России можно посчитать по пальцам. К сожалению, их не так много осталось на сегодняшний день. Взять хотя бы того же генерала С.А.Маева, который оказывал неоценимую помощь спецназу в получении новой и списании изношенной или поврежденной техники. Вопросы он решал не по телефону, а лично выезжал в соединения и отряды, где на месте оказывал помощь в решении возникших проблем. Он прекрасно понимал, что его оперативная помощь необходима бригадам спецназ, которые воевали каждый день, а в бою могло случиться все, что угодно. Спасибо ему за это!

Вообще с командованием армии нам повезло. Это были не кабинетные начальники, а смелые и решительные люди.

Мне кажется, что не было ни одной части, где бы ни побывали они, оказывая при этом всегда необходимую помощь. Они сами руководили операциями и принимали участие в них.

Замена

Особое слово хочу сказать о своем новом заместителе, подполковнике Александре Тимофеевиче Гордееве, прибывшем вместо подполковника Ма-

салитина, который убыл в Академию им. М.В. Фрунзе, где он обучался заочно. Это был смелый, мужественный и решительный человек, который начал свою военную карьеру еще суворовцем, получив в СВУ первоначальную воинскую закалку. Проходил службу в спецназе на различных должностях и прибыл с должности заместителя командира 67-й отдельной бригады спецназ Сибирского военного округа.

Александр Тимофеевич быстро включился в боевую работу, хорошо изучил обстановку в бригаде, для чего побывал во всех отрядах. Лично совершал выходы в составе отрядов и вылеты на досмотр караванов. Перед своей заменой я предлагал его кандидатуру на должность командира бригады. Однако мне прислали замену из Союза.

Спустя два с половиной года войны в Афганистане в августе 1987 г. приказом МО СССР я был назначен на равнозначную должность в Белорусский военный округ. Сдав дела и должность подполковнику Сапалову, который прибыл на мою должность, я убыл к новому месту службы. Сапалова же спустя два месяца отстранили от должности и направили в распоряжение штаба Туркестанского военного округа. Официально ему вменялось в вину потери в группе Онищука и Удовиченко. Исполнял обязанности комбрига подполковник Гордеев, которого назначили комбригом уже перед самым выводом бригады из Афганистана.

На следующий год, 11 июня 1988 г., я был зачислен слушателем основного факультета Военной академии Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР им. К.Е. Ворошилова. После ее окончания меня назначили заместителем начальника направления специальной разведки в 5-е управление ГРУ ГШ ВС СССР. Начальником направления по-прежнему был Герой Советского Союза генерал-майор В.В. Колесник.

На этой должности судьба еще раз свела меня с командованием и личным составом 22-й обрСпН, которая после вывода из Афганистана была дислоцирована в Перекишкюле (Азербайджанской ССР), в 40–50 километрах от Баку. Здесь бригада принимала участие в нормализации международного конфликта в Баку, на границе Азербайджана и Армении и в Нагорном Карабахе.

Еще один вывод

После развала СССР было принято решение начальника Генерального Штаба и ГРУ ГШ о выводе 4-й бригады из Эстонии и 22-й бригады из Азербайджана на территорию РФ. В выводе своей (как я ее считаю) бригады принимал участие и я, контролируя вывод от ГРУ ГШ.

К началу вывода заблаговременно воздушным транспортом Александр Тимофеевич направил семьи с детьми и специальную технику, которой пытались завладеть азербайджанские сепаратисты, в Ростов. Командир бригады, офицеры и личный состав бригады подготовили технику к маршу и вывели ее в Россию без потерь. Для этого Александр Тимофеевич сделал то же, что и я некогда в Капчагае. Он посадил за руль автомашин всех, кто имел водительские удостоверения.

На границе азербайджанская сторона попыталась чинить препятствия, ссылаясь на то, что им не поступила команда сверху. Тогда Гордеев отдал приказ, и машины, снеся шлагбаум, двинулись в Россию. Никто из азербайджанских пограничников и военных полицейских не рискнул что-то возразить или как-то воспрепятствовать движению 22-й бригады спецназ. Это было бы себе дороже.

В Кизляре технику погрузили в эшелоны и доставили по железной дороге в Новочеркасск. А спустя некоторое время бригада перебралась в Аксай, близ Ростова. Для дислокации бригады было выделено пустое место, не имевшее никаких строений.

Снова 22-й бригаде предстояло построить городок с нуля. Над ней висел какой-то злой рок. Она строилась и воевала. Строилась в Капчагае, воевала в Афганистане, строилась и воевала в Азербайджане, и теперь ей предстояло строиться и воевать. С первых месяцев отряды бригады убыли на Северный Кавказ для урегулирования осетино-ингушского конфликта. А уже в конце 1994 г. началась Первая Чечня.

Бригада и теперь не прекращает своего участия в боевых действиях на Кавказе. Личный состав, офицеры и прапорщики славят своими ратными делами и подвигами свои отряды и бригаду в целом. Мерилом ее заслуг является присвоение ей в мирное время звания «Гвардейской» не по преемственности, как это бывает, а за свои боевые заслуги. Это единственный факт в истории Вооруженных Сил СССР и Российской Федерации после окончания Второй мировой войны.

Волею воинской службы летом 1992 г. я был направлен для дальнейшего прохождения службы в Министерство Безопасности РФ командиром ГСН «Вымпел». Служба в этом ведомстве – отдельная история.

Но в 2004 г. я был приглашен в бригаду в качестве ее ветерана. Командовал тогда бригадой генерал-майор Травкин Валерий Юрьевич, который сделал все для того, чтобы встреча ветеранов прошла на высоком уровне. Он показал и городок, и учебную базу бригады. За несколько лет на пустом месте был построен современный военный городок. При этом личный состав бригады не прекращал постоянного участия в боевых действиях против кавказских сепаратистов. Все офицеры и прапорщики обеспечены жильем.

Я думаю, что преодоление таких испытаний под силу только настоящим мужчинам-защитникам своей Родины и настоящему Гвардейскому боевому соединению.

Я горжусь, что со многими из них я служил, воевал или был знаком по службе.

Спасибо всем, боевые друзья!

Вспоминает об афганском периоде Сергей Бохан, который начинал свою боевую деятельность в Афганистане начальником штаба 370-го отряда, но уже осенью 1985 г. возглавил 173-й отряд, воевавший в очень сложной зоне ответственности – в Кандагаре.

БРИГАДА МОГЛА СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ

(С.К. Бохан)

Особенности службы «придворного» отряда

Службу в Афганистане я начал в должности начальника штаба 370-го ооСпН. Входили мы самостоятельно, и информации не только о том, что отряд войдет в состав 22-й бригады, но и даже о том, где стоять будем, мы не имели. Спустя месяц пришла бригада и также, как и мы, расположилась в Лашкаргахе. Так, неожиданно-негаданно мы стали «придворным» батальоном со всеми вытекающими отсюда последствиями. Для того чтобы проверить любой аспект воинской службы нашего отряда, проверяющим штаба не нужно было лететь на вертолете, например, в Кандагар. Или, что еще дальше, в Шарджой. Надо было пройти всего 150–200 метров.

Но я с самого начала благодарен нашему комбату майору Ивану Николаевичу Кроту за то, что он взял тяжкую ношу общения с бригадой на себя. И, надо сказать, эта «дипломатическая миссия» ему удалась.

Мне же, как начальнику штаба отряда, иногда приходилось взаимодействовать с начальником штаба бригады подполковником Фазыловым Исаком Камиловичем, который не лез никуда, кроме караульного помещения, и с Петром Липиевым, который был старшим помощником начопера бригады и тоже занимался службой войск, а значит и караулкой.

Что касается начальника штаба бригады подполковника Фазылова Исака Камиловича, которого еще со времен его службы в 15-й бригаде и солдаты, и офицеры за глаза называли «Ишаком Кобыловичем», то у меня к нему отношение двойственное.

С одной стороны, он был дядька добрый. Никогда не орал и не раздувал проблему, обнаружив какой-то недостаток, а спокойно говорил с каким-то присущим только ему еврейско-узбекским акцентом: «Бохман, это надо исправить». Мои попытки доказать, что я – Бохан, ни к чему не приводили. Потом также спокойно проверял устранение недостатков. Однако «добрый человек» – это не профессия. Что касается профессии, то здесь тоже не все однозначно. В вопросах службы войск он был подготовлен безукоризненно. О том же, насколько начальник штаба бригады подготовлен в вопросах боевой работы, мне стало ясно после одного с ним разговора. Как-то, когда я уже был комбатом 173-го ооСпН, он возвращался с Военного Совета в Кабуле и зашел на ЦБУ кандагарского отряда. Раньше он никогда не лез в вопросы, связанные с боевыми действиями, а тут начал интересоваться. Я от-

ветил на заданные вопросы. Видимо, под впечатлением какого-то разбора о налетах на Военном Совете, он задал вопрос: «А почему вы налет не проводите?». Я ему ответил, что в настоящее время мы собираем информацию об одном объекте, но имеющаяся пока не достаточна для разработки и проведения налета. При этом я показал кишлак, на который планировался налет. И тут он выдал: «А что тут думать? Вот тут на вершинах посадить десант, а отсюда зайти броней». При этом он нарисовал кружок, изобразив кишлак, и показал на чистом листе, как будет действовать десант. После этого стало ясно, что человек вообще в данном вопросе не разбирается, поскольку это было за Кандагаром, и заводить туда броню было непросто, да и броня сильно демаскировала наши намерения. А во-вторых, указанные вершины были скалами, острыми, как пики, и посадить там никого бы не удалось. Его верхоглядство в этих вопросах стало мне очевидно. И слава Богу, что он в вопросы войны больше влезать не пытался.

Также не вполне на своих местах были и офицеры штаба. Например, начальник ОРО майор Пятаков, возможно, теоретически и имел неплохую подготовку, но применить ее к практике не мог. Его советы были далеки от реалий жизни, как «декабристы от народа».

Деятельность же штаба бригады была скорее деятельностью статистов, которые собирали от отрядов отчеты о войне. Также консолидировали планы боевой деятельности и готовили общий план бригады. Потом это все они подавали в штаб армии. Эта работа была нужна, для того чтобы командование бригады за эти вещи армейское начальство не дергало. Но с точки зрения организации и совершенствования боевой деятельности, она была абсолютно бесполезна. Поэтому комбаты в душе им были благодарны за то, что они не пытаются влезать в боевую работу и таким образом не мешают.

Слава Богу, ни с кем из руководства бригады на этапе моей службы в Лашкаргахе мне плотно сталкиваться не приходилось. Как я уже сказал выше, комбат замыкался на комбрига и его заместителя, а замполит на начальника политотдела бригады подполковника Тарана, который был довольно сильной личностью и не стеснялся «помахать саблей».

Видимо, активность начальника политотдела заставляла проявлять активность и офицеров политотдела. Они в отношении боевой работы были не так безобидны. Например, пропагандист бригады, к сожалению, не могу вспомнить его фамилию, настаивал, чтобы командиры групп в засаде вели партийно-политическую работу и даже брали с собой походные ленинские комнаты. Слава Богу, этот бред вскоре прекратился, распоряжением, кажется, самого подполковника Тарана, который, несмотря на свою крутость, в целом был довольно вменяем.

Понимая определенные тяготы «придворной» службы, надо заметить, что были и свои выгоды.

Подстава

Спустя полгода, после назначения меня комбатом 173-го ооСпН, я обязан был по долгу службы намного плотнее, чем ранее, взаимодействовать с

командованием бригады. Правда, мое общение с заместителем по вооружению едва не стоило мне должности.

Когда я принимал отряд, передо мной стояла задача сделать это в предельно сжатые сроки. Поэтому я пропадал в парке, принимая технику, которой было совсем не мало. Выяснилось, что отсутствует две БМП, несколько автомобилей ЗиЛ и двигатели в некоторых машинах.

Я об этом доложил заместителю по вооружению. Он сказал мне подписать акт, пообещав, в свою очередь, что поможет все недостающее списать. Что я и сделал.

На самом деле, все, что отсутствовало, просто не было оформлено соответствующим образом. Не было каких-то накладных и актов передачи техники в ремонт. Надо было все это оформить. А из двух отсутствующих БМП одна подорвалась, и нужен был акт о подрыве, а другая была отправлена в ремонт, но по дороге тягач подорвался, и машина улетела с обрыва, где и лежала сначала под охраной дисциплинированного сержанта, который ее сопровождал. Просидев сутки, он снял пулемет с машины, разбил радиостанцию и пешком дошел до ближайшего поста, где сидел в ожидании эвакуации в отряд целый месяц!

Все это мне вскоре после приема должности стало известно, но вышло так, что через три месяца в отряд прибыла комиссия из штаба Туркестанского ВО в составе 28 человек. А вслед за ними прибыл начальник автобронетанковой службы Вооруженных Сил в звании генерал-лейтенанта.

Все недостатки сразу вскрылись и меня с заместителями начали «возить мордой об стол». Заместителя комбрига, который меня на эту аферу подбил, рядом не было. Он как-то «невзначай потерялся» в Лашкаргахе.

Единственное, что меня спасло от снятия с занимаемой должности, это то, что отряд продолжал воевать, и то, что я отряд едва принял. Если бы в этой ситуации оказался Тахир Мурсалов, думаю, что начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Гусев его бы снял с должности, не раздумывая.

Не оказалось никого из бригадного начальства, когда начальник инженерной службы округа заявил: «Отряд не боеготов, потому что не хватает черенков к большим саперным лопатам!». Ему «подпел» начхим, сказав, что у нас «маскировочные сети порезаны на куски».

Тогда я взвился и в присутствии Гусева довольно жестко ответил ему:

— Вот заявки по химслужбе на получение огнеметов «Шмель». За три месяца ни одна не удовлетворена. Наши масксети разрезаны на куски и выданы личному составу для маскировки на дневке в полевых условиях. То есть для выполнения боевой задачи! При этом все они в наличии.

После него я прошелся по начальнику инженерной службы:

— Вот заявки на получение мин МОН-50 и МОН-100. Также за три месяца в отряд не поступило буквально ничего! Наши солдаты на войне окопы роют штык-ножами, а не большими саперными лопатами! А вы тут про черенки к БСЛ рассказываете!

Ни тот ни другой не ожидали такой резкой отповеди от капитана и при-
молкли. Но мне терять было нечего, тем более что бригадного прикрытия

рядом не было. Из Лашкаргаха не прибыл никто, ссылаясь на погоду. И это понятно, ведь после их прибытия комиссия автоматом могла приехать в Лашкаргах.

Дополнительные возможности

Со временем я обнаружил для себя ряд положительных моментов, наличия надо мной бригадного начальства. Например, при надобности бригада позволяла концентрировать силы, как авиации, находящейся в распоряжении командования бригады, так и собственно силы соседних отрядов. Командир бригады полковник Д.М. Герасимов в этом отношении всегда шел нам навстречу и перебрасывал вертушки из Лашкаргаха и Шарджоя в Кандагар, когда у нас затевалась операция, требующая дополнительных сил.

Если бы отряды стояли отдельно, это можно было сделать только через вертолетный полк, который стоял в Кандагаре. А такое согласование комбата не всегда по плечу, поскольку надо было выходить на командующего ВВС армии, начальника штаба армии или командарма.

Также при необходимости штурма УР «Васатичигнай» в феврале 1986 г. наш 173-й отряд усилили двумя группами 370-го и двумя группами 186-го ооСпН. Они, правда, не решали каких-то серьезных задач, но честно обеспечивали прикрытие направлений вероятного подхода противника.

Если бы бригады не было, пришлось бы взаимодействовать с пехотой или десанниками. Но, как показал опыт штурма УР «Горы Хадигар» в том же феврале, такое взаимодействие было сопряжено с массой проблем и неприятностей, связанных со слабой подготовкой и особенно с низким уровнем организованности и дисциплины этих подразделений.

Кстати сказать, во время штурма УР «Васатичигнай» мы были вынуждены взаимодействовать с подразделениями 70-й мсбр, и это едва не стоило успеха операции.

Таран – это прикрытие

Другим положительным моментом было то, что бригада, и прежде всего начальник ее политотдела подполковник Таран, взяли на себя прикрытие отрядов от органов прокуратуры, а также кляуз политотдела 70-й омсбр. И те и другие «спали и видели», как посылнее нагадить нашему отряду. Зависть – штука сильная!

Подполковник Таран был довольно непростым и жестким человеком. Приезжая в отряд, он сначала вызывал замполита и парторга. После того как он заканчивал работу с Железновым, он приходил ко мне в кабинет и заслушивал. Что-то он помечал, что-то оставлял без внимания. Потом он ставил задачи. В конце он обычно задавал вопрос: «Какие есть проблемы?».

История конфликта нашего отряда с прокуратурой имела давние корни. Прежний прокурор гарнизона предполагал, что один из его старших следователей планирует вывезти контрабандой в Союз крупную сумму денег, которой он в Афганистане незаконно разжился. Неизвестно, по какой причине, но брат означенного сотрудника прилетел следователь кабульской

прокуратуры и по рекомендации кандагарского прокурора пришел к нам в отряд за помощью. Для задержания сотрудника прокуратуры прямо у трапа самолета нужны были офицеры. Я пошел навстречу, и наши офицеры вместе со следователем кабульской прокуратуры задержали указанного им сотрудника. У того действительно была обнаружена крупная сумма денег и, кажется, трофейный пистолет. Информация, которая к ним попала по данному фигуранту, полностью подтвердилась.

После этого прежнего прокурора довольно оперативно заменили в Союз, но отношения с прокуратурой от этого не наладились. Видимо, ее сотрудники «вырастили зуб» на наш отряд за то, что их собрата помогли задержать офицеры спецназа. Вскоре конфликт получил очередной виток развития.

Однажды наш отряд взял довольно большой караван из шести машин. Как обычно в машинах духи возили не только оружие, но и различную контрабанду: вещи, одежду, обувь и прочее. Увидев это, «как воронье на падаль», слетелось командование 70-й бригады и офицеры военной прокуратуры. Несмотря на то что вокруг стояли наши солдаты, они стали копаться в кучах трофейного барахла и отбирать что-то для себя. У нас в отряде такое было не принято, и солдаты с удивлением и брезгливостью смотрели на этих, с позволения сказать, офицеров.

Я это понял и сначала мягко, а потом более жестко, сделал им замечание. В частности, мне пришлось довольно жестко повторно попросить заместителя прокурора не шарить по трофейным шмоткам*. Не оставив то, что он уже нахапал, он с сожалением отошел, но пообещал в скором времени проблемы мне и отряду. И слово свое сдержал. У нас сразу началась проверка состояния огнетушителей в отряде.

Когда Таран узнал об этом, он просто попросил показать, где находится военная прокуратура. Через полчаса он вернулся и сказал, что больше проблем нет, правда, попросил отдать прокурору трофейный молельный коврик, который он использовал как прикроватный.

Когда Таран заменился, его преемник подполковник Петрачев не стремился прикрывать нас. Видя, что наш заступник убыл в Союз, прокуратура возобновила свои происки. Правда, однажды нам с замполитом Игорем Железновым все же удалось его упросить сходить в прокуратуру. Он через некоторое время вернулся и попросил нас подарить кому-то в прокуратуре трофейную куртку.

Контролирующий орган

Линия командования бригады на невмешательство в организацию боевых действий в отрядах, которая была взята с первых дней в Афгане, продолжала выполняться и по прошествии года и более. Полковник Герасимов Д.М., который командовал бригадой, избрал данную мудрую линию,

* Сейчас много говорят об «оборотнях в погонах», полагая, что это явление возникло недавно. Однако, как видно из сказанного, зараза эта среди тех, кто должен был стоять на страже закона, была и ранее. – С.К.

справедливо полагая, что на местах командирам виднее и «ученых учить, только портить».

В то же время нельзя сказать, что бригада самоустранилась от боевых действий. Нет, штаб бригады собирал ежемесячные отчеты о действиях органов отрядов. Положительный опыт, полученный в одном из отрядов, внедрялся в других. Ошибки разбирались, и в отрядах становилось известно не только об успехах соседей, но и о их провалах.

В то же время бригада взаимодействовала с различными разведорганами и, в частности, агентурными группами «Кандагар-1» и «Кандагар-2», которые, потеряв надежду «вдохнуть свою туфту» командованию отряда, тащили эту «дезу» комбригу и его заместителям, естественно сопровождая ее жалобами на командование отряда, которое «игнорирует реализацию ценной информации».

Поэтому приходилось отвечать на вопросы, почему мы не бьем караваны на таком-то маршруте. Мы объясняли, что та информация, которая поступает от указанных ОАГр, носит слишком общий характер. Они не дают конкретный маршрут, а указывают, скорее, направление. То, что там ходят караваны, мы и сами прекрасно знаем. Но на какой конкретно дороге нам надо высаживать группу, зависит от совокупности многих факторов, которые известны только нам.

Также меня периодически спрашивали, почему у меня в плане боевых действий месяца запланирована засада в одном месте, а проводится она в другом. Опять же причина была аналогичной. А план – он и есть план. Скорее, замысел, подсказка на будущее, который может быть полностью реализован или нет. Я постоянно объяснял, что лишь конкретная обстановка в том или ином районе влияет на то, где мы будем работать, например, завтра.

Что такое взаимодействие по Боевому уставу?

Периодически Дмитрий Михайлович Герасимов, используя свой авторитет и статус комбрига, проталкивал наверх некоторые мои идеи. Также он брал под защиту командование отрядов от всевозможных армейских проверяющих и проверяющих других ведомств.

Помню, когда я только месяца три командовал кандагарским отрядом, прибыла некая комиссия. Все офицеры были переодеты в форму афганских военных и не имели знаков различия. От ГРУ с ними прибыл Старов Юрий Тимофеевич, он мне и сказал, что все офицеры комиссии в звании полковников.

Эти полковники начали мне задавать вопросы, как наш отряд организует взаимодействие с афганской пограничной бригадой. Я тогда был в звании капитан и в вопросах дипломатии не искушен, поэтому ответил честно: «Никак!».

При этом я привел пример неудачного взаимодействия трех афганских офицеров-пограничников с группой старшего лейтенанта Козлова. В результате крайне слабой обученности это взаимодействие едва не поставило выполнение задачи группой под угрозу срыва.

Единственное, что иногда мы используем, – это информацию о противнике, поступающую от них. Но и ее необходимо весьма тщательно перепроверять.

Взаимодействие же с афганскими пограничными батальонами, которые стояли вдоль границы, также маловероятно. Причин было несколько. Во-первых, пограничным батальоном гордо назвалась небольшая группа людей, человек 20–30, основной задачей которых было выживание в плотном окружении «душманов». В этих условиях ждать от них достоверной информации было наивно. Поэтому в данных условиях мы не можем организовать с афганскими пограничниками эффективное взаимодействие, заключил я.

Однако полковникам, которые все оказались пограничниками, мои рассуждения были не по нраву. После такого заявления меня попросили воспроизвести назубок определение взаимодействия, как оно изложено в Боевом Уставе. Что я делать отказался. Уходя, Старов мне сказал: «Сережа, твоя проблема в том, что ты слишком правдив!».

После этого все они улетели в Лашкаргах, и, конечно, пограничники пожаловались на меня. Позвонил Герасимов и, как обычно, без наезда, просто спросил, в чем проблема и кого и куда я послал? Я пояснил, что не посылаю никого и никуда, а суть разногласий такая-то. Герасимов удовлетворенно хмыкнул и, видимо, просто замял это дело. Во всяком случае, возвращаясь, они больше не пытались услышать от меня определение взаимодействия по Боевому Уставу.

По техническим причинам...

Однажды комбриг пытался помочь нам продавить изготовление специзделия. Было это так. В результате моего личного контакта с советником ХАД подполковником Евгением Баловым у нас в отряде периодически появлялась достоверная информация о противнике. Не знаю, какие «волшебные слова» говорили советники КГБ своим агентам, но периодически они добивались хороших результатов, не в пример военным разведчикам агентурных групп. Кажется, в 1987 г. у Балова появилась возможность делать закладки в караваны, которые формировались в Пакистане. Кто-то из его агентов имел к этой работе непосредственное отношение. Это была уникальная возможность, благодаря которой можно было вкладывать в груз каравана радиомаяк, замаскированный под какой-либо боеприпас.

Осталось дело за малым – за радиомаяком. Сначала мы пытались изготовить такой маяк силами наших радиолюбителей из группы связи. По их заявке привезли из Союза необходимые радиодетали, но не все. Для получения нужных деталей я обратился к Лымарю, начальнику радиомастерской вертолетного полка, но нужных деталей и у него не было. А время все шло.

После этого мы вышли на Ташкентский РЦ с просьбой соорудить нам такое изделие. В телеграмме ЗАС я обосновал, что именно нам необходимо. Одним из основных требований нашего технического задания было то, что маяк должен работать несколько суток непрерывно, а второе, чтобы его можно было замаскировать, например, под «цинк» боеприпасов или выст-

рел РПГ. При этом последнее предпочтительнее. Ведь для нас было важно не раскрыть нашего агента. В случае непредвиденных обстоятельств, если бы караван прошел невредимым, маяк не должны были найти. Поэтому выстрел РПГ подходил для закладки лучше всего. Цинк можно вскрыть и обнаружить его содержимое, а выстрел улетел и с концами.

Через некоторое время нам прислали изделие. Источниками питания были четыре батареи от радиостанции Р-392. А маяком был излучатель в эфир сигнала СОС из аварийного комплекта самолетов и вертолетов. На вертолетах также стояла аппаратура, которая позволяла пеленговать этот сигнал.

Это изделие, на первый взгляд, в основном отвечало нашему ТЗ. Дальность излучения, конечно, была небольшой. Но по замыслу, бить караван предполагалось на дневке, проводя не засаду, а налет. Конечно, это более рискованно, но зато гарантирован результат. Маршруты движения нам были известны, как и вероятные места стоянок машин. Нам оставалось провести войсковые испытания.

Для проверки мы использовали трофейный «Симург». Маяк положили в кузов, заложили его цинками с патронами и в сопровождении наших бронетранспортеров угнали его на стрельбище. По задумке, мы должны были за несколько заходов на безопасной высоте вычислить треугольник ошибок. Взлетели и скоро поняли, что запеленговать радиомаяк мы не можем. Как потом выяснилось, частота сигнала была сделана плавающей. Для чего это сделали, я до сих пор не понимаю.

Я доложил о наших мучениях Дмитрию Михайловичу, и он попросил меня взять этот опытный образец на Военный совет, где показать его генералу армии Варенникову. Он надеялся с его помощью эту идею все же протолкнуть. Но Варенников не оценил идею. Пока разбирались, что да зачем и почему частота плавающая, прошло еще время.

В итоге мы потеряли около четырех месяцев. В одной из наших встреч Балов спросил, как идут дела с маяком. Я начал объяснять, рассказывая о возникших трудностях. Он успокоил меня, сказав, что можно больше не волноваться на этот счет, поскольку агента вычислили и грохнули. Так толковая идея осталась нереализованной.

Спустя несколько месяцев к Балову приехал какой-то генерал их ведомства. Евгений рассказал ему о взаимодействии с нашим отрядом и привез того познакомиться.

Я ему все показал и честно рассказал о той работе, которую мы делаем вместе с Баловым, и потом посоветовал, что, к сожалению, одна из очень интересных идей осталась нереализованной по техническим причинам. Генерал выслушал, а потом сказал, что не так давно они при помощи своей аппаратуры две недели отслеживали перемещение главаря одной из банд моджахедов в горах. Маяк был изготовлен в виде шпильки и вставлен в приклад автомата этого полевого командира.

Услышав это, я загорелся и попросил: «Дайте!».

На что генерал ответил, что у нас разные ведомства. На этом все и закончилось.

Нереализованные возможности

В этой связи мне кажется, что управление бригады могло сделать в Афганистане намного больше, если бы пыталось искать более эффективное применение своим силам. Они могли бы, используя выходы на округ и на Москву, добиться разработки и внедрения технических новшеств, которые бы помогали нам в работе. Или попробовать договориться о внедрении таких новинок, которые находились на вооружении «смежников» из КГБ или других спецслужб.

Кроме того, снабжение отрядов различным имуществом осуществлялось самостоятельно, поотрядно. В этой ситуации бригада могла на себя взять труд консолидации и продавливания отрядных заявок в службах армии и округа, поскольку статус ее был выше.

Кроме того, бригада могла бы работать через ГРУ, борясь за сокращение установленных сроков носки нашего специального обмундирования и обуви, ведь в афганских горах оно превращалось в тряпье максимум за 4–6 месяцев. А носить его полагалось год.

Но ничего этого не было. Возможно, наши заявки подписывались в бригаде, но пробивали и выбивали в службах нужное имущество отряды самостоятельно. Но если заявки подписывали в бригаде, это только увеличивало бюрократические проволочки.

Не имея помощи от вышестоящего командования, тыловикам отрядов приходилось включать свои личные связи. Так это делал зам по тылу нашего отряда капитан Александр Айзатуллин, получая для отряда необходимое через своего какого-то земляка.

Конечно, каждый отряд был отдельной частью. Но коль скоро бригада стоит над нами, то она должна была стремиться помочь нам, где только это возможно. Но именно такой инициативы не доставало. Хотя она была вполне возможной.

Об этом свидетельствует такой случай. В Армии ввели лимит по пробегу машин и топливу, соответственно. Возможно, так боролись с продажей бензина в подразделениях армии. Но для спецназа такие лимиты ставили под срыв выполнение боевой работы. Ведь техника наша ходила, не исходя из того, сколько можно, а из того, сколько нужно. И проходила за трое суток, бывало, по 300–400 и более километров в самых сложных условиях.

Поэтому, когда такое распоряжение появилось, я долго ругался с представителями служб армии, а потом написал обоснование отмены этого распоряжения. В конце концов в дело вмешалась бригада, и лимиты по топливу и пробегу для спецназа были отменены.

Этот пример показывает, что бригада могла стать для воюющих отрядов «зонтиком прикрытия», который бы обеспечивал их боевую деятельность и позволял получать новые возможности боевого применения благодаря внедрению технических новшеств.

На деле же такой «зонтик» существовал, но в нем были большие дырки.

Создание такого «зонтика» – инициатива и задача офицеров управления. И, наверное, лидером здесь должен был стать заместитель комбрига по бо-

своей работе подполковник Масолитин. Но именно он и не проявлял никакого интереса к войне. Несмотря на свою громогласную натуру, он ничего не делал как замкомбрига.

Это стало сразу заметно на контрасте, когда на его место пришел подполковник Гордеев Александр Тимофеевич. Он не кричал с крыши модуля, стоя в трусах: «Бабы, где вы?», но зато довольно быстро вник во все тонкости войны отрядов и имел смелость противоречить бредовым начинаниям Первого Заместителя Министра Обороны СССР генерала армии Варенникова, а это и генерал себе не всякий мог позволить.

Однажды, по замыслу Варенникова, наш отряд должен был десантироваться на Таринкот для обеспечения «гуманитарной» миссии. Сама идея была глупой. Но дело военных – выполнять приказ.

Гордеев прибыл в отряд и предложил провести тренировки высадки десанта из вертолетов.

Казалось бы, что тут нового? Эту задачу бойцы выполняли едва не каждый день. Но одно дело высаживаться в составе одной группы и совсем другое – в составе массового десанта. Здесь нужно было, чтобы на площадке солдаты понимали, куда им надо бежать, где собираться и какую задачу в каждый отдельный момент времени выполнять. Поэтому его совет мы приняли с благодарностью и отработали высадку еще на аэродроме. Все прошло без проблем.

В ходе же самой операции два вертолета столкнулись в воздухе, упали и сгорели. Погибло сразу много солдат и офицеров в отряде, который славился тем, что воевал практически без потерь, давая очень крупные результаты, иногда перекрывая и результаты всей 40-й ОА.

Тогда Варенников решил сделать крайними нас и меня, в частности. Но Гордеев на разборе операции сидел со мной рядом и не давал в обиду. Его не страшил гнев высокопоставленного начальника.

Так Александр Тимофеевич ненавязчиво, но довольно четко дал понять, что он может и подсказать, и прикрыть в случае надобности. Много было им высказано и конструктивных идей по организации подготовки к выходу и по ведению боевых действий. С его приходом отряды поняли, что у них появился свой «папа» и на войне.

Обо всех недостатках я рассказываю вовсе не для того, чтобы кого-то уколоть, а для того чтобы наши последователи подобных ошибок не допускали.

Ведь насколько можно было повысить эффективность нашей работы, если бы управление бригады понимало несколько иначе свою роль.

Однако, как бы то ни было, все эти недостатки были видны нам, находящимся внутри довольно боевого и эффективного боевого механизма.

Поставленные перед ней задачи наша бригада постоянно успешно выполняла. О высокой оценке заслуг бригады в Афганистане свидетельствует Вымпел Министра Обороны «За мужество и воинскую доблесть», который был вручен 22-й обрСпН 13 февраля 1987 г.

В 1985 г. в штат отдельных отрядов спецназ, воевавших в Афганистане, был введен инженерно-саперный взвод (исв), а затем в результате сведения в одно подразделение исв и группы минирования была развернута 4-я рота минирования. О становлении роты минирования 173-го ооСпН и роли ее офицеров в этом процессе вспоминает Александр Шипунов.

НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ

(А.В. Шипунов)

В период с лета 1985 по осень 1986 гг. я проходил срочную службу в «третьем отдельном мотострелковом батальоне», который дислоцировался в провинции Кандагар ДРА. «3-й омсб» – это условное закрытое наименование 173-го отдельного отряда спецназ, который вошел в ДРА в феврале 1984 г. и с первых месяцев пребывания в Афганистане постоянно наносил моджахедам весьма ощутимые удары, громя их караваны и исламские комитеты, при этом имея минимальные потери.

Я служил в роте минирования отряда и именно о своей роте, о ее становлении, о разной роли офицеров в этом процессе хочу рассказать.

Рота минирования была сформирована в отряде летом 1985 г. До этого в отряде была группа минирования. Незадолго до создания роты из-за возросшего объема задач, связанных с разминированием транспортных путей, в штат отрядов спецназ, воевавших в Афганистане, ввели инженерно-саперный взвод, а после этого было принято решение свести оба взвода в одну роту.

Основным видом боевой деятельности отряда были засады. Основная задача минёров при действиях в засаде – увеличение огневой мощи группы. Как эффективная работа минеров в засаде увеличивала возможности группы, так и грамотная работа роты минирования увеличивала результативность всего отряда.

Зона ответственности 173-го отряда имела географические особенности, позволяющие проводить засаду на автотранспорт противника в классическом её варианте, что давало возможность минёрам отряда в полной мере продемонстрировать свой профессионализм. Грамотный минер мог останавливать несколько автомобилей одновременно путём подрыва групп мин, задать направление отхода противника и уничтожить его.

Исходя из сказанного выше, разведчик-минёр в спецназе, это в первую очередь боец, дополнительно получивший углубленную подготовку по минно-подрывному делу.

Воинскую специальность разведчика-минера я шесть месяцев постигал в 1071-м учебном полку специального назначения в городке Печоры Псковские, что на границе с Эстонией.

Наука эта давалась мне легко, учился я с интересом. Поэтому командир учебного взвода старший лейтенант Павлов решил оставить меня в роте в

качестве сержанта. О таком предложении мечтали очень многие. Но не я. Сам я из Хабаровска родом. На момент призыва в армию имел 1 спортивный разряд и более двухсот парашютных прыжков. Поэтому моим желанием было попасть в ближайшую к дому Уссурийскую бригаду спецназ, где я рассчитывал продолжить карьеру спортсмена-парашютиста. Однако командование роты настаивало на своем, а я оставался при своем. Поэтому на собеседовании у комбата, что называется, «включил дурака». После этого командиру учебной роты старшему лейтенанту Дикареву комбат высказал свое искреннее удивление тем, что он на ответственную должность сержанта учебной роты хочет назначить человека либо глупого, либо не желающего исполнять эту должность. И первое, и второе командиру учебного батальона было удивительно и не нужно.

Долг платежом красен. И вот уже я в аэропорту Пулково ожидаю свой рейс на Ташкент.

Вопрос, почему из десяти узбеков, бывших в учебной роте, ни один не поехал с нами, перестал быть загадкой сразу по прибытии в Чирчик. Здесь формировался новый 467-й отдельный учебный полк спецназ, сержантом учебной роты минирования которого пришлось мне стать.

Создание весной 1985 г. учебного полка в г. Чирчик для батальонов спецназ, воевавших в Афганистане, было важным событием, которое серьезно повысило качество прибывавшего на войну контингента. Большим преимуществом для курсантов Чирчика было то, что с первых дней жизни будущие бойцы отдельных афганских отрядов проходили службу в климатических условиях, максимально приближенных к афганским, в подразделении, специально созданном для нужд этих отрядов. Полк дислоцировался в бывших казармах 15-й бригады, недавно ушедшей в Джелалабад. Дух «настоящей» войны ощущался с первых минут пребывания в нем. Командовал частью кавалер ордена Ленина, командир легендарного мусульманского батальона, взявшего штурмом дворец Амина, полковник Холбаев. Полк работал, как хорошо отлаженный механизм.

Но, несмотря на то что старший лейтенант Дикарев добился, чтобы я вопреки моему желанию стал сержантом учебной роты, «стерпется – слюбится», это не про меня. Я тяготился своей должностью, зная о том, что все курсанты после обучения пополняют ряды афганских отрядов. С юношеским максимализмом я считал, что не имею морального права жестко требовать с моих подопечных. Также покоя не давала мысль о том, что несколько ребят моего призыва, с кем я успел сдружиться, по очереди отправились в 154-й Джелалабадский отряд. Поэтому я стал «терроризировать» командира учебной роты рапортами с просьбой отправить меня в Афганистан. Ротный капитан Смажний, кавалер двух орденов «Красная Звезда», сам хлебнувший из «афганской чаши» сполна, пытался вразумить меня: «Куда ты сам лезешь?». Но не достучался. Прозябать в «учебке», пока мои товарищи творят историю?! Дух военной романтики гнал меня вперед: «Опять тревога, опять мы ночью вступаем в бой!..». Не дорожа своей должностью, я «залетел по-крупному» и был отправлен «за речку». Провинция Кандагар встретила нас шес-

тидесятиградусной августовской жарой. Так я попал служить в 173-й отряд, в роту минирования. Воистину, неисповедимы пути Господни!

Рота, в которую я попал, меня неприятно удивила. Прежде всего, то, что я видел, не соответствовало моим ожиданиям. И вот почему. К осени 1985 г. в роте не было ни одного специалиста, окончившего спецназовское учебное заведение по специальности «разведчик-минёр». Подавляющее большинство – это выпускники общевойсковых учебных полков. «Спецназовцами» и «специалистами» они стали по факту зачисления в штат. Прибыл в отряд – спецназовец! Попал в роту минирования – минёр! Уровень их профессиональной подготовки был крайне низким. Большинство не знали элементарных вещей: тактико-технических характеристик основных мин, правил их установки и применения. Как я узнал немного позднее, группа минирования отряда на момент ввода в Афганистан была укомплектована разведчиками-минерами 173-го отряда и 12-й бригады, которые имели соответствующую подготовку и спецназовский дух. Командиры групп на начальном этапе неоднократно пытались применять мины, но работать приходилось под самым носом у духов и потому всякий раз, как только минеры выходили к дороге с минами, их, а значит и группу, обнаруживали. В результате командиры групп постепенно отказались от мысли о применении мин в засаде.

Хотя конкретных результатов минеры не давали, группа честно делала свою работу. Но те, кого набирали и готовили еще в 12-й бригаде спецназ, постепенно уволились в запас и их сменили бойцы, прибывшие из обычных инженерных учебных полков, что отрицательно сказалось на качестве состава группы, а потом и роты. Поэтому на «выходы» этих «минеров» брали неохотно, а роль их в группе сводилась к роли автоматчиков, у которых есть мины. Случаев грамотной, результативной работы минёров не было.

Внутреннюю обстановку в роте здоровой также не назовёшь. Низкий боевой дух приводил к тому, что «на войну» не рвались, а по возможности даже избегали. Встречались отдельные «экземпляры», которые за полтора года службы сходили на войну четыре раза. При этом подробности каждого, на мой взгляд, рядового «выхода» вспоминались ими со священным трепетом.

Рота минирования более походила на комендантскую: участвовала в проводке отрядных колонн, старательно несла караульно-постовую службу и отличалась поддержанием образцового внутреннего порядка. Помню даже попытки добиться «отбития кантов на кроватях», и это в палатках в условиях Афганистана.

Поэтому, как человек, прошедший два учебных полка и имеющий представление о том, каким должен быть уровень познаний и подготовки разведчика-минера в спецназе, я оценивал уровень боевой подготовки роты на слабенькую троечку.

«Каков поп, таков и приход» – гласит старинная русская пословица. Она в полной мере отражала состояние дел в роте. Нет, внешне все было очень хорошо и даже более того, прекрасно. Прекрасно ровно настолько, что наш командир роты старший лейтенант Кочкин умудрился в Афганистане, не выходя из расположения на войну, в одном из самых боевых подразделений

спецназ сороковой армии, получить досрочно звание «капитан», именно за образцовый внутренний порядок. В день присвоения звания он построил роту и объявил: «Капитаном я стал в 25 лет, в 27 – буду майором». В ответ по солдатским шеренгам прошёл стон...

Будучи женатым на дочери генерала, и, видимо, вдохновляемый тестем, он готов был ради карьеры «рыть землю копытом», невзирая ни на что. Внутренний порядок, строевая выправка, ротное хозяйство – все это было его коньком. Он был типичным хорошим офицером мирного времени. И если бы было можно, он бы до замены не ходил на войну, а занимался тем, что ему близко и дорого. К сожалению, близко и дорого его сердцу карьериста было и знание обо всем, что творится в роте. Поэтому он выстроил в роте систему стукачества и доносительства, которую смог бы оценить сам Лаврентий Павлович Берия. Стараниями Кочкина в роте был создан круг избранных – «лиц, особо приближенных». Как это обычно и бывает, человеческие качества этих личностей оставляли желать лучшего.

Тем не менее жизнь, как и люди, состоит из полутонов, и было бы несправедливо мазать Кочкина только черной краской. Как бы то ни было, он был способный офицер, не лишённый определенных дарований. Но, как мне кажется, Кочкин поздно спохватился, что здесь не Союз, и, как бы то ни было, деятельность офицера оценивается по результатам его подразделения. А результаты спецназа на этой войне – это забытые караваны и разгромленные базы моджахедов. Бойцы подразделений 173-го отряда решали задачи, куда более важные, чем подметание дорожек и выравнивание по нитке солдатских кроватей. Будучи человеком неглупым, Кочкин понимал, что со временем от него будут требовать больше, чем блистать на смотрах и проверках.

Он попытался вытянуть боевую работу в роте на нужный уровень. Сам он был неплохо подготовлен в профессиональном отношении, но опереться ему в этом в его роте было не на кого. Поэтому его ставка была на меня, недавно прибывшего. Это меня в целом устраивало. В то время мои интересы совпадали с интересами ротного по созданию боевого коллектива. В конце ноября я узнал, что на Кандагарской пересылке ждут распределения по бригадам мои бывшие курсанты из Чирчикского полка. Я предложил Кочкину самим отобрать бойцов в роту, пояснив, что был сержантом в учебной роте и знаю их личные качества. Кочкин заинтересовался моим предложением и приказал мне составить список фамилий. Таким образом, уже осенью в роту прибыли хорошо обученные разведчики-минеры первого выпуска 467-го оупСПН.

Первый результат мы дали 13 января 1986 г. Под Кандагаром минами был остановлен караван из трех автомобилей, два из них во время боя загорелись. Реактивные снаряды, лежащие в кузовах, стартовали и накрыли близлежащий кишлак, где находились моджахеды. Третий автомобиль, груженный трофеями, под прикрытием брони, своим ходом пригнали в батальон. Со стороны спецназовцев потерь не было.

Кочкин был вне себя от радости: «Мы первые в спецназе остановили машины минами». Не знаю, насколько это утверждение соответствовало

действительности, но верно было одно. Теперь он мог претендовать на место в одном ряду с боевыми офицерами отряда, которые откровенно говоря, заметно его сторонились. Его карьеризм был слишком очевиден.

Повернувшись «лицом к войне», он стал настойчиво внедрять новые средства взрывания. Появление на вооружении роты радиолиний ПД-430 позволило управлять подрывом с больших дистанций, не демаскируя группу проводами. Вот только время для обучения и слаживания боевого коллектива было безвозвратно потрачено на пускание пыли в глаза, развитие стукачества и прочее. Одним словом, боевой коллектив Кочкину создать не удалось. Несмотря на «свежую кровь», пацифистский дух в роте преобладал.

Офицеры отряда не зря сторонились «этого выскочку». Для них, как и для меня и моих товарищей, отряд – это семья. С чёткой иерархией, своими проблемами, даже «перегибами», но здоровая, крепкая семья. И потому до сих пор и у офицеров, и у солдат «сердце вздрагивает при слове Кандагар», и это со мной до конца.

Отряд не стал для Кочкина родным. Службу в отряде Кочкин использовал как ступень, как трамплин в своём карьерном росте, способный забросить его на желанную карьерную высоту. И это в нём чувствовалось. Не было в этом человеке главного – способности упереться, «закусить», стоять до конца, не было жертвенности в этом, – а эти качества являются основой духа спецназа ГРУ, духа воина. Желание получить как можно больше дивидендов от двух лет службы в Афганистане, не считаясь при этом ни с чем и ни с кем, сыграло с ним злую шутку. Выстраивая роту под свои узкие интересы, занимаясь очковитирательством и соблюдением внешней пристойности, он забывал о главной своей задаче – организации боевой работы роты и интеграции её в боевую работу отряда. Подменяя общий интерес узконаправленным личным, он вырастил соответствующих солдат.

Поэтому всё, что произошло с ним в дальнейшем – это дело его же рук. Как только Кочкин стал посягать на «привилегии», тех на кого он опирался и кто боялся войны, «как черт ладана», группа старослужащих написала донос в особый отдел. Опирались они на факты, на мой взгляд, не заслуживающие суровых санкций. Но, несмотря на мелочность обвинений, делу дали ход. Офицеры батальона откровенно не любили его, как инородное тело сплоченного коллектива, мешающее нормальной жизни, как камушек, попавший на марше в ботинок, и потому они просто «вытряхнули его из этого ботинка».

События развивались стремительно. Утром – исключён из партии. В обед – отстранён от занимаемой должности... Вечером у Кочкина произошёл нервный срыв, о чём сообщил забежавший к нам в палатку после отбоя замполит. Он также предупредил, что после состоявшегося мужского разговора с офицерами роты, не найдя у них сочувствия и понимания, Кочкин схватил заряженный пистолет «Стечкина», гранату и направился в сторону расположения палаток личного состава роты, трясясь от ярости и выкрикивая угрозы расправиться с виновниками его падения. Доносчики оцепенели. Думаю, эти минуты они запомнили на всю жизнь. Кочкин же, видимо,

поостыл и успокоился. Вряд ли он смог бы совершить такой безрассудный поступок, слишком уж был расчётлив.

Винить в происшедшем ему было некого. Он неправильно вёл работу с людьми. Ведь в боях нужно настойчиво развивать лучшие качества сильного человека: верность, любовь к Родине, войскам, отряду. Воспитывать желание отличиться ратным трудом на поле брани, а не умением угождать интересам начальства. Окружив себя людьми мышиной породы, он не учел, что в нужный момент они подведут. Одним словом, за всё нужно платить: поощряешь в человеке развитие низменных качеств, будь готов – это коснётся и тебя. «Что посеешь, то и пожнёшь».

Самые теплые воспоминания у меня связаны с личностью замполита роты Николая Сидоренко. Это был добрейшей души, бескорыстный, преданный и любящий свое дело человек. Прослужив с десяток лет прапорщиком на Дальнем Востоке, он любил говорить: «Лейтенантом я стал в 34 года и потому служу не за звание». Он пришел в роту незадолго до падения Кочкина. Несмотря на властную натуру ротного, он не «лег под него», а вел самостоятельную линию. Довольно скоро мы поняли, что наконец роте с замполитом повезло. Он заботился о личном составе, как хороший отец. Солдаты платили ему тем же. Когда Кочкина сняли, он принял временное командование ротой на себя и «рулил» ей до назначения нового командира. Умудренный опытом он воздействовал на нас словом, понимая, что любой нормальный человек за добро платит добром. Теперь мы знали, что есть старший товарищ, к которому в трудную минуту можно обратиться за помощью: он объективно рассудит спор, даст разумный совет. Для большинства «инженеров человеческих душ» это – яркий пример, как нужно работать. Офицеры роты тоже уважали его и прислушивались к его мнению. Сильно развитое чувство справедливости никогда не давало Сидоренко покоя. Нередко замполит успокаивал горячего и скорого на расправу командира группы минирования лейтенанта Михайлова, находя нужные доводы. И тот, будучи человеком неглупым, остывал и не принимал скоропалительных решений.

Опираясь на свой большой житейский опыт, Сидоренко смог решить одну из наиболее важных задач – создать в роте здоровый микроклимат и сплотить ее.

Полярной противоположностью капитану Кочкину был командир группы минирования лейтенант Михайлов. Сын полковника, прошедший школу срочной службы, он был очень хорошо подготовлен физически и, что самое главное, был настоящим спецназовцем «по духу». Благодаря квадратным плечам культуриста, среди бойцов к нему сразу же прилипла кличка Рама. А так как папа его нарёк Михаилом, то позже, в знак уважения, его стали величать Раман Михалыч от Рамы и Миши соответственно.

Окончив Тюменское военно-инженерное училище, Михайлов обладал углубленными знаниями в минно-подрывном деле и применял их в полной мере. Он любил воевать, постоянно сам выходил с группами. К выполнению поставленной задачи относился творчески: постоянно придумывал и

мастерил новые заряды, мины-сюрпризы, разрабатывал и осуществлял новые схемы установки мин. Был фанатом своего дела. Не трус, человек, способный на поступок, волевой офицер, романтик в душе, он стал безусловным лидером в роте. Получив такого офицера в качестве комвзвода, рота постепенно стала «очищаться от шлака». Весной, когда последние «пацифисты» уволились в запас, боевой дух в роте заметно возрос.

В июне Михаил Владимирович Михайлов был назначен командиром роты, прослужив в офицерской должности всего год. Но этот служебный рост он не воспринимал как трамплин для построения карьеры, но как получение новых возможностей для реализации своих замыслов по боевому применению. Став ротным, он продолжал строго спрашивать за порядок и дисциплину, находясь в ППД – без этого воинское подразделение перестает быть таковым. Но в то же время он искал и находил новые решения, связанные с применением роты. Мы стали действовать при установке мин, не только находясь в группах, но и действуя в составе группы минирования нашей роты. Были случаи, когда мы выходили в полном составе для минирования отдельных направлений, где проходили караванные пути. Рота при нем кардинально изменилась.

Пришедшие осенью из «учебки» ребята, глядя, как активно воюет старший призыв, тянулись за нами. Появился азарт, возникло негласное соревнование: кто чаще придет с «войны» с результатом, а еще лучше, сам даст результат минами. Наши два призыва и стали костяком роты. Вновь прибывающим в роту бойцам уже некуда было деваться. Они попадали в среду, где «уклонистам» места не было. Ты мог уметь подтягиваться сто раз, прекрасно травить анекдоты, носить любое количество лычек на погонах, но если ты не воевал, то голос твой в роте – последний. Причем мы не смотрели, из каких родов войск приходило пополнение. Главное, чтобы у них было стремление честно делать свое дело – воевать. «Назвался груздем – полезай в кузов».

Сочетание различных факторов и то, что конкретные люди оказались в нужное время, в нужном месте, благоприятно отразилось на результатах боевой деятельности. Благодаря этому рота регулярно давала результаты. Вот только несколько примеров.

В мае группа лейтенанта Шишакина забила автомобиль и трактор, спешивший на выручку. Машину и бежавшего противника уничтожили подрывом мин.

В августе Михайлов поразил автомобиль минами.

В сентябре в Аргастане группа лейтенанта Гугина минами остановила машину, уничтожив при этом группу из четырнадцати душманов.

Так рота минирования наконец встала в один ряд с ротами спецназ нашего отряда. Командиры групп, которые раньше предпочитали минёрам лишний пулемёт, стали менять своё отношение. Да и командование отряда, видя результаты «минной войны», настаивало на более широком применении минно-взрывных средств в засадах. В результате к осени 1986 г. «на войну» без минёров не ходили.

Могу ошибиться, но, насколько мне известно от товарищей из других отрядов, больше, чем мы минами, машин в Афганистане никто не забил.

Завершая рассказ о нашей роте, хочу сказать несколько слов и о себе. В самом начале моей боевой карьеры произошел случай, который сильно изменил и меня, и мое отношение к войне.

27 октября 1985 г. я потерял в бою друга. Его гибель сильно потрясла меня и определила цели МОЕЙ войны, рассеяв окончательно в моем сознании миф об «оказании интернациональной помощи». Теперь я четко понимал, что воюю для того, чтобы отомстить за погибшего товарища. В период командования Кочкина, предшественник Сидоренко использовал мою «одержимость войной», манипулируя мной: «На войну не пойдешь, если...». Он прекрасно знал, что отлучение от войны было суровым наказанием для меня. Слава Богу, его вскоре сменил Сидоренко.

Так как минеры не были закреплены постоянно за определенной ротой, я имел возможность увидеть в деле, практически, всех командиров групп отряда. В «засаду» сходил 33 раза, из которых 7 выходов были результативными. В 3-х засадах лично применял мины. От войны не бегал вплоть до увольнения в запас. Завершающий выход сделал в конце октября 1986 г. Тогда ребята моего призыва в голубых беретах и парадной форме, на которой блестящие боевые награды, поднялись на борт «дембельского» Ильюшина, а я с очередной группой ехал в «Голубом муле»* по рулежной дорожке Кандагарского аэродрома к вертолетам. У меня на глаза навернулись слезы, когда я подумал, что спустя несколько минут мои товарищи отправятся домой, а я в очередную засаду. Но эта слабость длилась секунды.

Вернувшись с «войны» в батальон, я на третий день тоже улетел домой, как мне кажется, сумев рассчитаться с духами за смерть друга.

2 ноября 1986 г., сойдя по трапу самолета на родную землю, пройдя таможенный досмотр в аэропорту Тузель, мы поехали в учебный полк навестить товарищей, продолжающих служить. В сумерках добрались до Чирчика. Город жил своей размеренной мирной жизнью. Увидев плавно катящийся троллейбус, мы долго, молча, наблюдали за ним. Через его огромные светящиеся окна насквозь просматривался залитый светом салон, в котором беззаботно сидели люди, без тревоги, смотрящие в темноту ночи. Позже помню, как остановились возле автомата, продающего газированную воду. После кандагарской жажды и постоянного дефицита воды в засаде аппарат произвел почти магическое впечатление: кидаешь копейку, жмешь на кнопку и льется вода. Чистая, холодная и без хлорки. И только тебе решать, сколько ее выпить – стакан, два или три...

В полку учебной ротой все также командовал капитан Смажний. Встретившись, поздоровались, долго молчали.

— Ну и как? — он первый нарушил молчание.

— Ни о чем не жалею, — ответил я.

* «Голубой мул» – трофейный ЗиЛ-130 голубого цвета, на котором группы выезжали на аэродром.

БОЕВАЯ РАБОТА 173-го ОТРЯДА СПЕЦНАЗ

С самого начала своей боевой истории 173-й ооСпН был в числе лидеров по результатам боевой деятельности подразделений 40-й ОА. Основным тактическим приемом были засады, исполнение которых за 1984–1985 гг. было доведено до автоматизма. Весной 1985 г. с вводом в ДРА двух отдельных отрядов СпН и штаба 22-й обрСпН 173-й ооСпН вошел в ее состав. Ниже приводится краткое описание боевой деятельности отряда после того, как он вошел в состав 22-й обрСпН.

14 июня 1985 г. в долине р. Лора был сбит вертолет Ми-8 ВВС Афганистана. Вылетевший в этот район МиГ 21 также был сбит, но пилоту – советскому советнику – якобы удалось эвакуироваться.

Для выполнения поисково-спасательных действий в район была направлена досмотровая группа № 333 под командованием ст. лейтенанта С.Кривенко. Однако, прибыв на место, командир группы обнаружил мощный укрепленный район. Тем не менее Кривенко принял решение десантироваться в район и, захватив ключевые позиции, разведчики заставили моджахедов оставить укрепленный район (об этом см. ниже очерк «Налет на реке Лора»).

С 18 на 19 августа 1985 г. группа старшего лейтенанта Кравченко в засаде у к. Шадикала-Калай уничтожила автомобиль «Симург» и 7 мятежников. Захватила 12,7-мм пулемет ДШК, стрелковое оружие и боеприпасы к ним.

Спустя месяц, в ночь с 20 на 21 сентября 1985 г., РГСпН № 333 под командованием старшего лейтенанта С.Кривенко, проведя засаду на дороге н.п. Шерджанак – г. Кандагар уничтожила автомобиль и схвативших в нем четырех американских советников с охраной. Это стало ясно из захваченных документов одного из них – Чарльза Торнтон (подробнее см.: *Козлов С. Война умов // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 351–357*).

25 сентября 1985 г. РГСпН № 312 в ходе выдвигения на вертолетах в засаду, в районе ок. 50 км северо-западнее г. Кандагар, обнаружила автомобиль мятежников, двигавшийся в направлении на северо-запад. Командир принял решение атаковать противника вертолетами сходу и, высадившись, досмотреть транспорт. Для досмотра посадку совершил только ведомый вертолет. В результате короткого боя был захвачен 82-мм миномет, большое количество боеприпасов к нему, а также РПП-2 китайского производства. В результате трусости и преступных действий пилота ведущего вертолета Ми-8 капитана Асташкина группа была оставлена без эвакуации. Кроме того, вторую часть группы десантировали в другом месте, в результате чего группа оказалась разорванной. Благодаря грамотным действиям обеих частей группы, ей удалось вынести трофеи в ППД без потерь (о данном случае см.: *Козлов С. Цена миномета // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 347–351*).

В декабре 1985 г. РГСпН № 312 под командованием ст. лейтенанта Козлова провела засаду в районе г. Хайбар. Группа десантировалась прямо на

место засады с БГ № 310, которая обеспечила эвакуацию РГСПН № 322, находившейся там трое суток без результата.

В первую ночь в направлении Кандагара выдвинулся трактор с группой моджахедов. Трактор был остановлен огнем группы. В результате боя захвачены несколько единиц стрелкового оружия, боеприпасы к нему и безоткатному орудью, а также видеоаппаратура и отснятые видеоматериалы некоего иностранного журналиста, которому, несмотря на ранение в ногу, удалось скрыться. Группа потерь не имела (об этом, а также о ещё одной результативной засаде РГСПН № 312 см.: *Козлов С. Мои прощальные аккорды на войне // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 360–363*).

Спустя несколько дней в том же месте в ночь на 27 декабря 1985 г. РГСПН № 321 под командованием командира группы минирования лейтенанта Михайлова провела засаду на дороге Джелавур–Ходжамульк. В результате засады был обстрелян караван из автомобиля и трактора с прицепом. Автомобиле удалось уйти из-под огня, а трактор остался трофеем разведчиков. В результате боя было уничтожено 10 моджахедов, трактор с прицепом. Захвачено: 4 автомата АК-47, РПГ-2 – 1, мины к 82-мм миномету – 45, а также боеприпасы к стрелковому оружию. При досмотре транспорта погиб сержант Зураб Члачидзе.

В ночь на 13 января 1986 г. в районе г. Табалькух РО СпН № 330 под командованием старшего лейтенанта А. Кравченко была проведена засада на караван моджахедов с применением управляемых по проводам мин МОН-50. В результате было уничтожено 15 моджахедов и военный советник из Ирана, два автомобиля с оружием и боеприпасами и мотоцикл. Захвачен и доставлен в ППД автомобиль «Симург» с оружием и боеприпасами. Отряд потерь не имел (об этом см.: *Козлов С. Мины на обочине // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 358–360*).

Не прекращая засадных действий, отряд искал новые формы борьбы с моджахедами, в 1986 г. захватил ряд крупных базовых районов мятежников, таких как «Горы Хадигар», «Васатичигнай» и «Чинарту». Данные районы были полностью очищены от мятежников, инфраструктура их была уничтожена, и в результате они перестали существовать как очаги противодействия существовавшему режиму. В результате этих операций было захвачено большое количество стрелкового и тяжелого оружия, а также огромное количество боеприпасов к ним. В ходе захвата укрепленного базового района «Васатичигнай» сержант Арсенов закрыл грудью командира 3-й роты старшего лейтенанта А. Кравченко. За свой подвиг он удостоен высокого звания Героя Советского Союза посмертно (о захвате УР «Горы Хадигар» и «Васатичигнай» см. ниже очерк С. Козлова «Горячее лето 1986»; о захвате УР «Чинарту» см.: Спецоперация «Захват» // *ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 643–650*).

В апреле 1986 г. отряд применил, по сути, новый способ борьбы с караванами мятежников. РГСПН № 322 под командованием лейтенанта Бескровного организовала наблюдательный пункт на господствующей в районе высоте с отметкой 2014. Обнаружив в ночное время движение автоколонны моджахедов, разведчики навели на нее вертолеты огневой поддержки, а пос-

ле их удара в район стремительно вышли бронегруппы отряда, блокировав противника. Так, по сути, без риска для жизни солдат и офицеров было захвачено 6 автомобилей «Симург» с большим количеством оружия и боеприпасов. Этот способ неоднократно успешно применялся и в последующем.

Например, 8 декабря 1986 г. РГСПН № 322 под командованием С. Лежнева была десантирована в район 50 км восточнее г.Кандагар у кишлака Шахбек. Здесь группа организовала наблюдение за кишлаками Маю и Шахбек, где обнаружила караваны моджахедов, укрывавшиеся на дневке.

Группа вызвала БГ № 315 и навела ее на караван в к. Маю, а сама своими силами уничтожила охрану в саду к. Шахбек и захватила караван из 3 автомобилей. В результате совместных действий было уничтожено 7 автомобилей «Симург», 21 моджахед, завачено большое количество оружия и боеприпасов, в том числе 3 пулемета 12,7-мм ДШК, 35 единиц АК-47, а также 1460 реактивных снарядов и 25 противотанковых мин.

В тот же период старший лейтенант С. Лежнев и старший лейтенант В. Гусев осваивали действия в пустыне Регистан на вьючных животных. В этом им помогал заместитель вождя белуждей Маланг. О том, как проводились эти довольно сложные для европейцев действия, а также о других действиях отряда, направленных на увеличение боевого радиуса применения групп и отрядов 173-го ооСПН, можно прочитать в очерке «Погонщики верблюдов» (см.: ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 376–385).

НАЛЕТ НА РЕКЕ ЛОРА

(С. В. Козлов)

За несколько дней до описываемых событий в группе Кривенко во время засадных действий произошел трагический случай. Молодой боец по ошибке застрелил замполита роты, приняв его и командира группы, которые поднимались от дороги к позициям группы, за моджахедов. Сам Кривенко спасся только чудом. Однако несмотря ни на что, «руки ему крутили», как будто это он убил замполита. Для того чтобы он всегда был под рукой для следственных органов, но не уклонялся от боевых действий, его с группой назначили для совершения облетов.

14 июня 1985 г. в долине реки Лора на удалении 120 км от аэродрома Кандагар был сбит вертолет Ми-8 из состава ВВС ДРА. Отправленный в этот район для разведки истребитель МиГ-21 также был сбит, однако пилоту удалось катапультироваться. В связи с данными событиями Кривенко поставили задачу найти и эвакуировать пилота до того, как он будет пленен. Разведывательной информации по данному району практически не было. Из-за пересеченной местности броня туда не могла пройти, а вертолеты могли только десантировать группу или сразу ее эвакуировать. Удаление не поз-

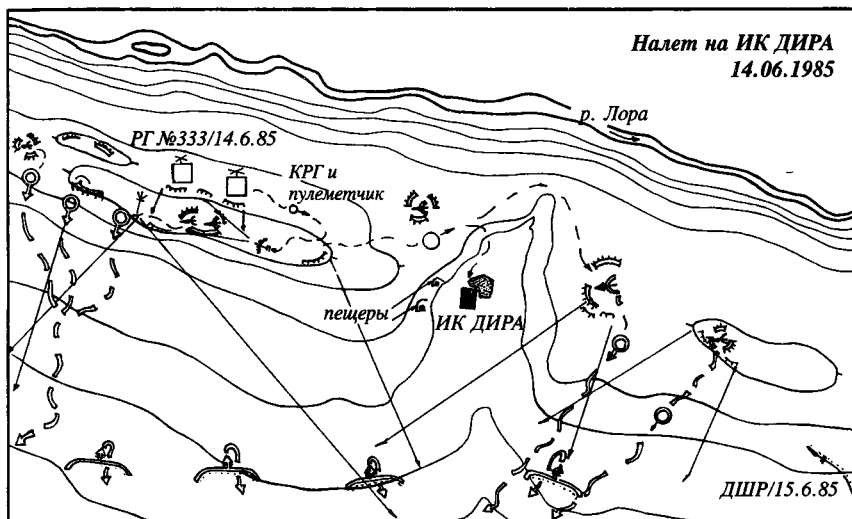
воляло пилотам осуществлять поддержку действий группы с воздуха более 15–20 минут. В связи с этим группы отряда там не работали.

Поскольку задача была непростой, группу усилили двумя радистами и расчетом АГС-17. Всего под командой Кривенко находилось двадцать человек. Когда вертолеты со спецназом на борту были в районе, увиденное поразило и летчиков, и разведчиков. Предполагалось, что и самолет, и вертолет были сбиты случайными моджахедами. Но ни о какой случайности и речи быть не могло. Вдоль всего хребта на протяжении нескольких километров тянулась укрепленная зона ПВО мятежников, которая, как потом выяснилось, прикрывала исламский комитет ДИРА. Зона состояла из очагов ПВО, которые, в свою очередь, включали забетонированные позиции ЗГУ и двух-трех ДШК. И окопы, и огневые точки были хорошо укреплены, находясь либо в вырубленных в скальной породе окопах, либо открытых, но также забетонированных. Все это встретило незваных гостей плотным огнем.

Пилот, обалдевший от увиденного, обернулся на командира группы, сидевшего справа и сзади от него, и спросил: «Ну что, братан, садиться будем или ну их на х..?».

Позже Кривенко рассказывал, что, если бы его так не доставали следователи и дознаватели, он бы не один раз подумал, высаживаться или нет. А в данном случае он махнул рукой и скомандовал: «Садись!». «Вертушка» круто развернулась и зашла прямо на хребет, где находились позиции ПВО, но не на сам гребень, а на террасу, проходящую под ним. Группу спасло то, что и ДШК, и ЗГУ были приспособлены для стрельбы по воздушным целям и не могли стрелять вниз.

Приказав прижать «духов» огнем, которые несколько растерялись от такой наглости спецназовцев, Кривенко, захватив пулеметчика, обошел слева позиции моджахедов и занял высоту, которая господствовала на данном

хребте, и огнем оттуда сбил «духов» с их позиций. Когда группа заняла бетонированные окопы, она открыла огонь по соседним очагам ПВО. Моджахеды понесли потери и отошли. Прекрасно понимая, что «духи» его не оставят в покое, Кривенко распределил свой личный состав по позициям укрепленного района с тем, чтобы иметь возможность максимально его контролировать.

Моджахеды предприняли попытку отбить захваченный укрепленный район, но снова понесли потери и отошли. Поскольку группа, которой командовал Кривенко, была досмотровой, то и боеприпасов у разведчиков было немного. У пулеметчиков по одной–две дополнительных ленты, а у автоматчиков только то, что помещалось в нагрудный подсумок, то есть магазинов шесть–семь да по четыре гранаты. Тот, кто воевал, знает, что в сложившейся ситуации этих боеприпасов явно недостаточно. Поэтому командир группы запросил командование доставить ему патроны и гранаты к подствольникам и АГС-17. Однако спустя некоторое время, когда командование вышло с ним на связь и поинтересовалось, сколько он еще продержится, потому что были какие-то проблемы с авиацией, Кривенко сообщил, что он нашел и трофейные боеприпасы, и оружие и пока затруднений с амуницией не испытывает. Моджахеды возобновили попытку отбить район, но с прежним «успехом». Единственными успешными действиями их можно считать то, что они посадили двух снайперов, которые смогли легко ранить двух разведчиков. Других потерь у Кривенко не было. Командованию Кривенко доложил, что парашют они нашли, но самого пилота обнаружить не удалось.

Для поддержки спецназовцев несколькими километрами южнее на том же хребте, проходящем вдоль реки, вечером была высажена усиленная десантно-штурмовая рота под командованием заместителя командира дшб.

Идя всю ночь, десантники к утру с грехом пополам смогли дойти до позиций, занятых спецназом. По дороге они нашли брошенный «духами» ДШК. Теперь их всех ждала награда.

Заместитель комбата несколько позже рассказывал мне, насколько он был потрясен, увидев то, что сделали разведчики столь малыми силами. Когда же он узнал, что высоту, которую, по его разумению, должен был оборонять как минимум взвод, а обороняют всего два спецназовца, ему чуть не стало плохо. А когда с другой высоты, где по понятиям общевойсковой тактики должно располагаться отделение, поднялся всего один разведчик, капитан сказал, что он вообще не понимает, как спецназ воюет.

Внизу в ущелье находились входы в пещеры, где по предположению Кривенко были склады. Когда тот предложил командиру десантников занять позиции, которые удерживала группа до их подхода, для того чтобы обследовать пещеры, десантник наотрез отказался. Он сказал, что надо скорее вызывать вертолеты и уносить отсюда ноги, пока они все тут не полегли. Никакие увещевания на него не действовали. Так, собрав только то, что находилось на позициях, и спецназовцы, и десантники были эвакуированы в ППД.

В этой истории для Кривенко было лучшей наградой то, что от него отстали наконец следственные органы.

ГОРЯЧИЙ ФЕВРАЛЬ 1986-го

(С.В.Козлов)

Захват укрепленного района «Горы Хадигар»

Информация об объекте была получена от авиаразведки 03.02.86. Летчиками было установлено перемещение от Пакистанской границы на запад, в глубь провинции Кандагар, большого числа вьючных животных, груженых тюками. Удалось установить, что все они двигались в направлении ущелья в горах Хадигар.

В тот же день полковник Рудкой попытался провести разведку ущелья на самолете Су-25, но был обстрелян из крупнокалиберных зенитных установок.

О данном факте им было доложено начальнику штаба ТуркВО генерал-лейтенанту Гусеву, который приказал 04.02.86 нанести бомбово-штурмовой удар (БШУ) по ущелью. После повторной попытки провести авиаразведку ущелья самолеты снова подверглись обстрелу.

После этого по ущелью наносились БШУ с определенными интервалами в течение двух суток. Для проверки результатов бомбардировки 06.02.86 была направлена досмотровая группа № 331 во главе со старшим лейтенантом А. Паршиным. Задача на высадку не ставилась. Однако под прикрытием вертолетов огневой поддержки, используя фактор внезапности, группа высадилась на краю ущелья у сторожевого поста, где захватила противотанковые мины и боеприпасы к СО. При эвакуации группы один из вертолетов Ми-24 получил повреждение от огня зенитных пулеметных установок, но самостоятельно прибыл на аэродром.

За проявленное самовольство старший лейтенант Александр Паршин получил дисциплинарное взыскание от командира отряда капитана С.К. Бохана. Однако добытая им информация помогла установить, что, несмотря на то что объект подвергся длительным бомбардировкам, он продолжает успешно функционировать. Удалось установить, что ущелье прикрывают 4 позиции ПВО, имеющие в своем составе по 2–3 крупнокалиберных пулемета ДШК. Долговременные огневые позиции, хорошо оборудованные в инженерном отношении, размещались на гребнях хребтов по две с каждой стороны ущелья. Эти позиции являлись ключевыми.

В связи с этим 07.02.86 было принято решение на проведение захвата ущелья в горах Хадигар. План операции был разработан штабом 173-го ооСпН.

Для его осуществления привлекались:

1. *От 22-й обрСпН:*

– 173-й ооСпН для решения поставленных задач выделил разведотряд № 300 в составе передового отряда – БГ № 310 и штурмовых групп – РГСпН № 311, 323, 331, 333. Командир РОСпН № 300 – капитан С.К. Бохан;

– 370-й ооСпН сформировал резерв в составе: РГСпН №№ 631, 632.

2. От 70-й омсбр:

– приданные силы и средства в составе десантно-штурмового батальона, танкового батальона, арtdивизиона гаубиц Д-30. Командовал от 70-й омсбр – заместитель командира бригады подполковник Николенко;

3. От 280-го овп – эскадрилья Ми-8мт, эскадрилья Ми-24;

4. От N-го авиаполка – звено Су-25.

В соответствии с замыслом:

1. Передовой отряд в составе четырех БМП-2 с десантом от 1-й роты 173 ооспН под командованием заместителя командира батальона капитана К.М.Невзорова и начальника разведки отряда старшего лейтенанта С.А.Кривенко должен, двигаясь во главе колонны боевой техники 70-й омсбр, обеспечить ее продвижение по намеченному маршруту: ППД–н.п. Тахтапульт–н.п. Бар-Мель–н.п. Наргаль–н.п. Гракалай-Макиян и прибытие к 8.00 08.02.86 к ущелью горы Хадигар;

2. Колонна приданных сил под командованием зам. командира 70-й омсбр подполковника Николенко должна была начать движение в 00.00 7 января 1986 г. в направлении горы Хадигар по маршруту.

Далее:

– адн – занять огневые позиции для нанесения артиллерийского удара по укрепленному району моджахедов. Нанести удар артиллерии по позициям ПВО моджахедов с 08.00 до 08.30 8 февраля 1986. В дальнейшем быть в готовности поддержать действия спецназа и дшб огнем;

– тб – занять огневые и оборонительные позиции с задачей не допустить прорыва моджахедов из укрепленного района;

– дшб – занять исходные позиции в готовности оказать поддержку действиям групп специального назначения.

3. Эскадрилья Ми-24 от 280 овп и звено Су-25 от N-го авиаполка с 8.30 до 9.00 08.02.86 должны были нанести БШУ по позициям ПВО и площадкам высадки спецназа с целью нанести противнику максимальное огневое поражение и не допустить противодействия ПВО моджахедов на этапе десантирования.

4. Четыре звена Ми-8мт с десантом на борту должны зайти на намеченные площадки приземления сразу же за БШУ и в 09.01 осуществить высадку десанта.

5. Десант в составе четырех групп специального назначения из состава 173-го ооспН под командованием:

– РГСПН №311 – лейтенанта Марченко;

– РГСПН №323 – лейтенанта Якушева;

– РГСПН №331 – старшего лейтенанта Рожкова;

– РГСПН №333 – старшего лейтенанта Паршина

должен был десантироваться на указанные площадки приземления, дерзкими и решительными действиями уничтожить расчеты ДШК и захватить их позиции. В дальнейшем совместными действиями нанести огневое поражение противнику, находящемуся в ущелье.

6. Десантно-штурмовой батальон должен был войти в укрепленный ра-

йон после его захвата спецназом и провести проверку его элементов инфраструктуры под прикрытием огня РГСПН. В дальнейшем осуществить вынос захваченных трофеев и погрузку их на автотранспорт.

Захват УР «Горы Хадигар»

В 16.00 7 января 1986 г. генерал-лейтенант Гусев (начальник штаба ТуркВО), возглавивший операцию, поставил задачу всем ее участникам.

От 173-го ооСПН – командиру отряда, офицерам управления отряда и начальникам служб, командирам групп захвата и передового отряда.

От приданных сил:

– 70-й омсбр – командиру бригады и заместителям, штабу бригады, командирам батальонов и дивизионов;

– авиации – командирам эскадрилий.

При постановке задач особое внимание было уделено скрытности действий. Для этого 70-я омсбр начала вытягивать колонну боевой техники с наступлением сумерек, а не в светлое время суток, как это было обычно.

В целях обеспечения взаимодействия генерал-лейтенант Гусев особое внимание обратил на порядок связи и работу в общей сети.

В 22.00 7 февраля 1986 г. командиром передового отряда вместо капитана К.М. Невзорова, которому всего три дня назад была сделана операция, был назначен заместитель командира 1-й роты ст. лейтенант С.В. Козлов.

В 24.00 передовой отряд начал движение. Вслед за ним выдвинулась колонна подразделений 70 омсбр. Первоначально движение шло по шоссе Кандагар–Чаман в направлении Пакистана. Водители передового отряда, имевшие богатый опыт ночного вождения, двигались не включая фар. Вся остальная колонна шла с включенными фарами.

Пройдя примерно 50 км, передовой отряд свернул влево с дороги и двинулся на север по пересеченной местности. Здесь немаловажным оказалось отличное знание района действий старшим лейтенантом С.А. Кривенко.

В 7.40 8 февраля 1986 г. передовой отряд прибыл в назначенную точку, и старший лейтенант Козлов доложил об этом заместителю командира бригады подполковнику Николенко. Но подполковник не мог сориентироваться, оказывается, после того как колонна свернула с трассы, он вообще перестал понимать, куда его везут. Когда же до него дошло, что отряд действительно находится в заданном районе, он радостно выдохнул: «Ну, Слава Богу! А то я думал, что мы заблудились».

О прибытии в назначенную точку Козлов доложил также на ЦБУ. С ЦБУ сообщили, что для организации передового КП и непосредственного управления ходом операции вылетел командир 173-го ооСПН капитан С.К. Бохан.

В 08.00 начался артобстрел позиций моджахедов.

В строгом соответствии замыслу операции в 08.30 артобстрел прекратился, и начала работать авиация. Одновременно прибыл капитан С.К. Бохан.

В 09.00 сразу за последним БШУ восемь вертолетов Ми-8мт беспрепятственно осуществили высадку десанта, пользуясь тем, что расчеты средств ПВО в это время находились в укрытиях.

Всего было высажено четыре группы спецназначения, которые в коротком бою подавили слабое сопротивление противника и захватили ключевые позиции в укрепленном районе «Горы Хадигар». Часть мятежников, находившихся в ущелье, была уничтожена, а часть поспешно отошла в юго-восточном направлении.

Бой прекратился к 09.30. После этого десантно-штурмовому батальону была дана команда войти в ущелье и произвести его тщательный осмотр для выявления складов, позиций и других элементов инфраструктуры УР.

Однако информация о том, что укрепленный район уже захвачен спецназом, до командиров рот не была доведена. Поэтому батальон начал действовать как обычно при захвате: одна рота пошла по левому склону, другая – по правому. А еще одна рота начала движение по дну ущелья. Общие частоты взаимодействия, а также сигналы взаимного опознавания до командиров рот и взводов также не были доведены. Из-за этого рота, которая шла по правому склону, натолкнулась на группу № 311, которой командовал лейтенант Марченко и НШ отряда к-н Корчагин.

Десантники, обнаружив на горе людей, приняли их за противника и открыли огонь. В результате получил ранение один из разведчиков. Ни попытка связаться по радио, ни подача световых сигналов «Я свой» ни к чему не привели. На разведчиков обрушился шквал огня.

Спецназовцы связались с передовым КП с просьбой выйти на связь с командиром дшб. Но тот ушел из эфира и на запросы не отвечал.

Когда десантники подошли ближе, на них обрушился... отборный русский мат. Это наконец смогло их остановить и заставить задуматься. Спустя некоторое время они задали вопрос: «Вы кто?». Когда же поняли, что это спецназ, с удивлением спросили: «А что вы здесь делаете?». Им ответили в максимально доступной форме, после чего заставили связаться со своими и предупредить, что на высотах также работает спецназ. Только после этого бойцы спустились вниз и приступили к досмотру и разгрузке ущелья.

Трофеев было настолько много, что в первый день загрузить все на автомашины не удалось. Для того чтобы исключить вероятность возвращения моджахедов в ущелье под покровом темноты, на занятых позициях были оставлены три группы: № 311, 331, 333. Однако эту информацию командование 70 омсбр также не довело до своих офицеров. В результате около 21.00 8 февраля 1986 г. позиции РГСПН № 331 были обстреляны гаубицами Д-30. По счастливой случайности никто не пострадал. Попытка по радио связаться с артиллеристами для прекращения огня ни к чему не привела. Только личное вмешательство капитана С.К. Бохана, прибывшего на броне на огневые, помогло прекратить огонь. Впоследствии на разборе операции свои ляпы командование 70-й омсбр оправдывало странным объяснением: «Снаряд просел на траектории». На следующий день вывоз трофеев возобновился.

В 17.00 9 февраля 1986 г. колонна боевой техники начала движение в пункт постоянной дислокации по несколько измененному маршруту. Утром захваченные трофеи были выставлены на плацу 70-й омсбр перед зданием штаба.

Разбор операции

Генерал-лейтенант Гусев отметил четкие и слаженные действия спецназа и слабую организацию действий в мотострелковой бригаде, которые привели к единственной потере – ранению разведчика РГСпН № 311. Как доложила агентура, укрепленный район «Горы Хадигар» был недавно создан моджахедами для создания противовеса формированиям «генерала Истмата», перешедшего на сторону правительства со своим отрядом, базировавшемся в горах Адигар, расположенных в 10–15 км южнее Хадигар. Уничтожение этого района на долгое время стабилизировало ситуацию в данном районе.

Среди прочего, отмеченного на разборе, было указано, что такие действия проводились впервые и в целом достигли положительного результата. Также был отмечен четкий расчет времени, сделанный в 173-м ооСпН при планировании операции, и такое же четкое соблюдение графика проведения всех этапов операции – прибытие колонны техники, начало и окончание нанесения ударов по позициям моджахедов, время высадки десанта и овладения им объектами штурма.

В заключение генерал-лейтенант Гусев сказал, что подобную практику надо развивать, и поставил задачу капитану Бохану наметить очередной объект захвата и подготовить операцию к его приезду. Бохан немедленно доложил, что такой объект есть – базовый район Васатичигнай.

Захват укрепленного района «Васатичигнай»

Информация по базовому району в районе брошенного кишлака Васатичигнай поступила начальнику разведки 173-го ооСпН еще летом 1984 г. Однако в силу его удаленности, весьма ограниченной доступности и недостаточной информации об инфраструктуре базового района решение о его захвате не было принято. После того как капитан Бохан доложил начальнику штаба ТуркВО о его существовании, Гусев отдал распоряжение о подготовке данных для планирования и проведения операции.

Объект был отнюдь не из легких, однако при поддержке начальника штаба округа и при его личном руководстве можно было надеяться на привлечение всех необходимых сил и средств.

Сбор развединформации об объекте и разработку предварительного плана операции капитан С.К. Бохан 12.02.86 поручил начальнику разведки старшему лейтенанту С.А. Кривенко и заместителю командира 1-й роты старшему лейтенанту С.В. Козлову.

С целью сбора разведывательных данных были выполнены следующие мероприятия:

- заказана и произведена полная аэрофотосъемка самого базового района, прилегающая местность, особенно предгорье в северном направлении;
- был найден военнослужащий армии ДРА, проживавший ранее в кишлаке Васатичигнай со своей семьей. Он был подробно допрошен, в резуль-

тате чего удалось вскрыть полностью инфраструктуру базового района с указанием позиций средств ПВО, мест размещения складов с оружием, боеприпасами и другими материально-техническими средствами. Была вскрыта система охраны и обороны объекта, система оповещения о приближении противника, а также вероятный порядок действий моджахедов в случае нападения на объект. Установлен был главарь – Абдул-Резак – и его партийная принадлежность к ИПА (Исламская партия Афганистана – лидер Гульбедин Хекматияр).

Удалось уточнить, что численность отряда моджахедов, постоянно находящегося на базе, составляет около 150 человек. Также удалось установить имеющееся у них вооружение и расположение еще одного крупного бандформирования под командованием Гулям-Фаруха, которое размещалось в 15–20 км от изучаемого объекта. Под его началом постоянно находилось 70–80 человек.

Кроме того, еще от 300 до 400 повстанцев могло оказаться в их распоряжении в течение 1–2 суток.

Базовый район «Васатичигнай» являлся ключевой точкой в системе проводки караванов по маршрутам центрального направления в провинциях Кандагар и Заболь.

При анализе аэрофотоснимков был избран маршрут подхода сил 70-й омсбр по участку предгорья с северо-запада. Основная проблема была в том, что на этом направлении вообще отсутствовала какая-либо дорога.

Поэтому на основе тщательного анализа изучаемой местности удалось наметить маршрут в этом лабиринте холмов и сопок, имеющих местами высокие каменистые обрывы.

На этапе сбора информации были предприняты следующие меры по соблюдению секретности:

- 22–25 февраля была распространена информация о том, что планируется операция по захвату базового района «Апушела», который был севернее «Васатичигная» на 30–40 км. С этой целью были сделаны запросы по объекту в оперативные агентурные группы «Кандагар-1» и «Кандагар-2». В 70 омсбр среди офицеров также распространялась эта информация;

- источник информации об объекте с 22 февраля до начала операции жил в расположении 173-го ооСПН и ни с кем, кроме переводчика и офицеров, которым было поручено планирование, не общался;

- при планировании боевой деятельности досмотровые группы имитировали авиаразведку района «Апушела» и исключали из своих маршрутов район «Васатичигнай»;

- круг лиц, посвященных в истинные цели операции, был ограничен до пяти человек.

Замысел. В соответствии с анализом развединформации был произведен расчет сил и средств для проведения операции, в соответствии с которым к операции привлекались:

От 22-й обрСПН:

– передовой отряд БГ № 300 в составе БТР-60ПБ «Чайка», а также боевой техники (БТР-70) 2 и 3 роты, с десантом в составе РГСпН № 321, 322 и саперной ротой отряда на БТР-70;

– штурмовые группы отряда в составе: РГСпН № 331, 332 от 173-го ооСпН, № 613, 631 от 370-го ооСпН;

От 70-й омсбр – разведрота бригады, дшб, тб, адн Д-30, ребатр БМ-21 и «Ураган».

От 280 овп – 4 звена Ми-8мт, эскадрилья Ми-24.

От N-го авиаполка – Су-25, МиГ-23.

В соответствии с замыслом операции планировалось:

1. Вывести колонну боевой техники в район сосредоточения и занять исходный рубеж. С этой целью к 19.50 27 февраля 1986 г.:

а) Передовому отряду выдвинуться в направлении г. Кандагар на трассе Чаман–Кандагар;

б) Колонне БГ 70-й омсбр завершить построение на трассе в готовности начать движение вслед за передовым отрядом. Начало движения 20.00 27 февраля 1986 г. Объединенной колонне совершить марш по маршруту: ППД, дамба, текстильный комбинат, н.п. Шахри-Сафа и сосредоточиться на участке трассы Кандагар–Кабул, 20 км северо-восточнее н.п. Шахри-Сафа. Время занятия района сосредоточения 05.00 28.02.86.

в) К 5.30 28 февраля 1986 ребатр развернуть огневые позиции 1 км севернее трасы в готовности открыть огонь.

2. Совершить марш и выйти на рубеж атаки. Для этого в 06.00 28 февраля 1986:

а) Передовому отряду выдвинуться по намеченному ранее маршруту в юго-восточном направлении с задачей вести разведку маршрута, обеспечить безопасное продвижение всей колонны боевой техники и к 08.00 28 февраля 1986 прибыть к н.п. Васатичигнай;

б) Ребатр нанести удар по позициям и элементам инфраструктуры базового района. В дальнейшем наносить удары по вероятным маршрутам отхода моджахедов и вероятным местам засад на маршруте по команде старшего начальника.

3. Нанести комплексное огневое поражение противнику в базовом районе и на подступах к нему. С этой целью:

а) В 07.00 28 февраля 1986 г. повторить удар артиллерией по базовому району и завершить огневой налет в 07.30 28 февраля 1986 г.;

б) В 07.30 нанести авиаудар штурмовиками Су-25 и истребителями-бомбардировщиками МиГ-23 по позициям средств ПВО противника и подавить их к 08.00 28 февраля 1986 г.

4. Высадить штурмовые группы СпН посадочным способом на запланированные площадки и занять рубеж атаки. С этой целью:

а) В 08.00–08.15 28 февраля 1986 вертолетам огневой поддержки Ми-24 нанести удар по противнику, находящемуся на площадке приземления и в районах, прилегающих к ним на удалении до 1 км с целью обеспечения безопасной высадки десанта;

б) В 08.15 28 февраля 1986 вертолетам Ми-8мт с десантом на борту осуществить высадку десанта на назначенные площадки приземления;

в) В 08.20 28 февраля 1986 дшб и рр 70 омсбр выйти на назначенные рубежи в готовности атаковать базовый район и захватить назначенные объекты;

г) До 08.20 28 февраля 1986 подразделениям артиллерии занять огневые позиции в готовности осуществлять огневую поддержку действий штурмовых групп, дшб и рр.

5. Осуществить захват ущелья с этой целью:

а) До 08.30 28 февраля 1986 подразделениям специального назначения, назначенным в штурмовые группы, уничтожить противника в районах высадки и захватить ключевые позиции района для овладения им. В дальнейшем с господствующих высот и занятых позиций нанести огневое поражение противнику, находящемуся в ущелье, и обеспечить продвижение по нему подразделений 70 омсбр, а также воспрепятствовать отходу противника из района;

б) В 08.30 28 февраля 1986 рр и дшб начать атаку объекта и к 09.30 28 февраля 1986 овладеть им;

6. В 10.00 28 февраля 1986 приступить к вывозу захваченных трофеев.

Ход операции

В 20.00 27 февраля 1986 г. передовой отряд под командованием капитана С.К.Бохана и колонна подразделений 70 омсбр выдвинулись по намеченному ранее маршруту. Однако из-за слабого знания местности часть колонны 70 -й омсбр проследовала в Кандагар, проехав мимо поворота на дамбу. Поэтому пришлось ждать их, когда они развернутся в самом Кандагаре и выйдут на трассу Кандагар–Кабул.

Из-за этого в дороге пришлось нагонять потерянное время. Тем не менее к 4.30 28 февраля 1986 г. передовой отряд прибыл в намеченный район сосредоточения 20 км северо-восточнее н. п. Шахи-Сафа.

До 06.00 подтянулись все подразделения, а ребатр заняла огневые позиции для нанесения удара. Однако из-за того, что заместитель командира 70 омсбр решил далее использовать свою ГПЗ вместо передового отряда СпН, были внесены корректировки в намеченные планы, что отразилось на ходе всей операции.

В 06.00 началось движение колонны в направлении объекта. Одновременно были нанесены удары. Сначала БШУ нанесла авиация. Когда она завершила свою работу, в дело вступили установки «Град» и «Ураган».

Из-за того, что ГПЗ 70 омсбр местность не знала и разведку маршрута по сути не вела, а просто двигалась во главе колонны, огромная колонна зашла в узкое тупиковое ущелье. После этого в течение всего светлого времени пехота пыталась выйти из ловушки, в которую они сами засахи.

Так как подразделения 70 бригады не вышли к намеченному рубежу атаки, операция оказалась под угрозой срыва. Десант, который планировался в 08.15, высажен не был.

В 12.00, не дождавшись выхода на рубеж атаки, генерал-лейтенант Гусев приказал нанести повторный БШУ по укрепленному району «Васатичигнай».

Однако моджахеды успели принять меры по защите своих сил. Кроме того, удар по объекту был весьма неточным, а площадки десантирования вообще не бомбились. Поэтому эффективность БШУ была довольно низкой.

Спустя еще два часа, после обработки площадок приземления ударами НУРСов Ми-24, четыре пары Ми-8 с десантом на борту направились к цели. Однако по вине вертолетчиков, а также из-за того, что ПВО противника не было подавлено, десантирование прошло с нарушением плана.

Так, две группы 370 ооСпН, которыми командовали лейтенанты Сорокин и Рыбалко, были десантированы не там, где это планировалось, а в местах, не имеющих никакого значения для хода операции, поэтому своими действиями отход противника из района предотвратить не смогли. РГСПН № 332 под командованием старшего лейтенанта Рожкова Л.Ф., вместо того чтобы высадить на одну из позиций ПВО, вертолетчики высадили на ...минное поле, которое установила авиация с применением мин ПФМ. В результате при движении подорвался радист группы. Всякое движение дальше было невозможно, и группа осталась на месте, блокированная минами.

Единственная пара, которая все же была нацелена на намеченный объект, доставила РГСПН № 331 под командованием командира 3-й роты старшего лейтенанта Кравченко Андрея.

На подлете к цели вертолеты попали под сильный огонь ПВО, и ведомый, в котором старшим был замполит 3-й роты Онуфриев, был сбит на подлете. Благодаря мастерству пилотов машину удалось посадить, и никто не пострадал, однако личный состав также вышел из игры.

Единственный вертолет, которому удалось совершить десантирование части 1 группы 3 роты, приземлился прямо на позиции ПВО противника и попал под сильнейший огонь. Один из солдат вспоминал, как он бежал по салону к выходу, и тут его ударило и развернуло. Он сначала не понял и снова побежал, и снова получил удар сбоку, развернувший его. Оказалось, что пули попадают в ранец. Тем не менее разведчикам удалось высадиться без потерь и залечь.

До позиций противника было не более 30–50 метров. Вертолет попытался отвалить после высадки десанта, но на взлете получил в борт гранату из РПП-7 и упал, загоревшись. Именно это и спасло разведчиков и экипаж, которому удалось покинуть машину, также без потерь. Дым горячей вертушки прикрывал их. Летчики оставались в белых летных шлемах, видимо считая их пуленепробиваемыми. Во всяком случае, когда Андрей Кравченко посоветовал командиру снять его, чтобы не отсвечивать на солнце и не демаскировать себя, тот наотрез отказался и почти тут же получил пулю в голову. Умер сразу. Остальных членов экипажа больше уговаривать не пришлось.

Кравченко вызвал авиацию, и вскоре над ним были «Грачи» – Су-25. За штурвалом ведущей машины был командир полка. Именно его филигран-

ная работа переломила ситуацию в сторону спецназа. Он умудрялся сбрасывать контейнеры РБК так, что разрывы ложились в 30 метрах от личного состава группы и никого не задели. Перед сбросом на землю шла команда, по которой группа принимала возможные меры к укрытию от БШУ. В результате никто не пострадал.

Когда самолеты ушли, наступило затишье. Один из бойцов группы увидел тело душмана, лежавшего недалеко. Он предложил сползть и забрать его автомат, но командир роты запретил это делать. Однако, вопреки его запрету, используя то, что ротный отвлекся, он самовольно пополз за автоматом. Но недалеко в камнях находился уцелевший душман. Он и дал очередь в разведчика, сразу ранив его. Расстояние было маленькое, и трудно было промахнуться. Боец закричал товарищам, что ранен, и попросил прикрыть его, однако, услышав его крик, «дух» выстрелил еще и еще, пока не добил его. Снова наступила тишина, которая длилась довольно долго. «Дух» никак не обнаруживал себя, и Кравченко, чтобы вытащить убитого, пошел сам.

Он рассказывал, что, двигаясь настороженно, он вдруг боковым зрением увидел какое-то движение сбоку. Еще не поняв, что это ствол автомата, Андрей инстинктивно упал на землю, но не совсем удачно – автомат оказался под ним. Очередь прошла над ротным. Пытаясь его достать и одновременно наблюдая за стволом автомата душмана, он увидел, как тот опустил и нацелился точно на него. Понимая, что автомат достать он не успеет, Андрей уже мысленно приготовился получить пулю, а может не одну. Но тут его обостренный слух услышал сухой щелчок бойка по затвору. В автомате кончились патроны. «Дух» их расстрелял по бойцу, а сам то ли поленился перезарядить автомат, то ли не было чем.

Осознав, что теперь конец наступает ему, «дух» закричал. Закричал и Кравченко, вскочив на ноги и мгновенно оказавшись у камня, за которым лежал «дух». Патроны у Кравченко оставались, и поэтому он отправил в тело моджахеда хорошую порцию металла. Это был последний защитник позиции ПВО, на которую высадились разведчики РГСПН № 331.

Они тут же заняли позиции и сбили своим огнем и ударами авиации «духов» с соседней позиции, находившейся на близлежащей высоте, которая была несколько ниже. Далее сопротивление «духов» прекратилось, и они начали беспрепятственно отходить по маршрутам, где должны были высадиться группы 370 отряда, но которые были высажены в чистом поле.

Спустя несколько часов прибыли передовые подразделения пехоты, наконец выбравшиеся из лабиринта ущелий предгорья. Первым в укрепленный район ворвался разведвзвод десантно-штурмового батальона. И, несмотря на то что их предупредил Кравченко, что в районе еще остались моджахеда, они довольно неосторожно начали проверку помещений и пещер района. В результате при входе в одно из зданий был убит солдат 70-й омсбр. Основные силы моджахедов отошли и, видимо, сумели вывезти наиболее ценное оружие и часть боеприпасов.

Колонна 70-й бригады прибыла только к 20.00, однако и того, что удалось обнаружить на следующий день, когда начался досмотр, было немало.

Досмотр и вынос трофеев продолжался в течение всего следующего дня до 16.00. В 16.00 29 февраля 1986 г. саперы подорвали пещеры и здания базового района, а после авиация нанесла еще и удар бомбами объемного детонирования.

Колонна беспрепятственно возвратилась в ППД по старому маршруту.

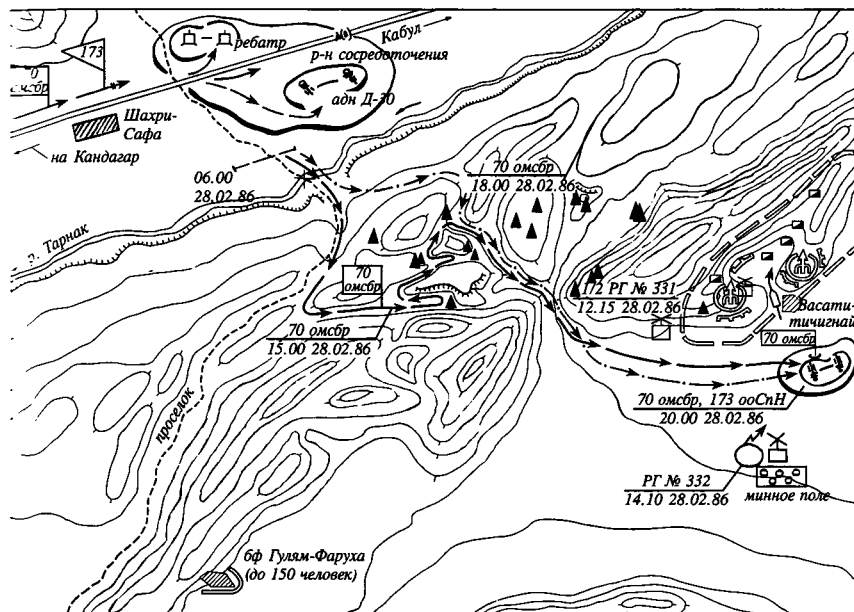
Разбор

Генерал-лейтенант Гусев отметил высокое качество подготовки данных об объекте, хорошее сохранение секретности планируемой операции. Он признал, что замысел операции был верным, но из-за ряда нарушений и нечеткого исполнения, в первую очередь, подполковником, получившим за эту операцию кличку Оленевод Бельдыев, исполнен не был.

Ошибки, отмеченные на разборе:

- несмотря на предпринятые спецназом меры по защите информации о планах действий, утечка ее произошла после того, как за двое суток до начала операции план был доведен до офицеров 70 бригады. О том, что Абдул Резак знал о готовящихся против него действиях, доложила агентура. Поэтому он сумел вывести часть сил из-под удара;

- самовольное изменение порядка обеспечения движения колонны заместителем командира бригады, что привело к тому, что колонна не вышла в назначенный срок на рубеж атаки, хотя удаление от района сосредоточения до объекта было не более 15–18 км. При движении в обратном направлении все это расстояние, несмотря на сложный рельеф, было пройдено чуть более, чем за один час. Это привело к срыву всех намеченных планов;

– следующей ошибкой было осуществление высадки десанта без нанесения БШУ по площадкам приземления и очагам ПВО противника. Из-за этого высадка проходила под огнем средств ПВО;

– также были допущены ошибки и вертолетчиками, которые не высадили группы спецназ в намеченных местах. Из-за этого пути отхода противника не были заблокированы. А группа Рожкова оказалась на минном поле, из-за чего один боец был ранен.

В то же время, несмотря на допущенные грубые ошибки, *цели операции были достигнуты*. Был захвачен и прекратил свое функционирование важный базовый район моджахедов, и уничтожена перевалочная база и ключевая точка в движении караванов на центральном Кандагарском направлении.

Захвачено значительное количество тяжелого оружия, стрелкового оружия и боеприпасов к ним. Впервые 173-му ооСпН удалось захватить 12-ствольную ПУ реактивных снарядов китайского производства.

Потери: 173-го ооСпН – 1, 70 омсбр – 1, 280 овп – 1. Ранены все разведчики и офицеры группы Кравченко, за исключением двух. Правда, ранения в основном были нетяжелые.

Выводы: Планирование и проведение совместных спецопераций должно осуществляться исключительно офицерами спецразведки. Доведение задач до взаимодействующих подразделений должно осуществляться исключительно в части, касающейся численности сил и средств, организации связи и взаимодействия. Боевые задачи этим подразделениям должны ставиться только в районе сосредоточения или непосредственно перед совершением марша.

Бомбометание должно проводиться только по указанным целям, а десантирование проводится сразу вслед за БШУ, с тем чтобы противник не успел занять позиции у средств ПВО. Личному составу штурмовых групп необходимо иметь при себе дымовые шашки, с тем чтобы в случае надобности иметь возможность прикрыть действия личного состава дымами.

ОБЕЛИСК

(А.В. Шипунов)

Памяти Александра Аверьянова, снайпера 173-го отряда, погибшего 27 октября 1985 г., посвящается...

В 1987 г. в расположении 173-го отряда спецназа ГРУ в провинции Кандагар на пыльном строевом плацу руками бойцов всего батальона был воздвигнут памятник погибшим военнослужащим отряда. На двухметровом прямоугольном постаменте установлена башня боевой машины пехоты. В основании памятника высечена звезда, по гранитным лучам которой струится вода – символ жизни в безводных пустынях и горах Кандагара...

Увидеть памятник мне довелось только на фотографии, но я был непосредственным участником событий, после которых он воздвигнут.

— Шипунова к командиру роты, — не покидая прохлады модуля, приоткрыв дверь, через порог крикнул дневальный, заставив Александра торопливо подняться со скамейки курилки и поспешить в канцелярию. Ротный лейтенант Михайлов злился на него за недавний «залет».

Осенью 1986 г. мятежники резко увеличили число обстрелов Кандагарского гарнизона реактивными снарядами. Во избежание потерь командование 173-го отряда приказало каждому подразделению отрыть себе укрытие. Батальонные минеры, дабы облегчить себе труд, решили воспользоваться своими профессиональными навыками: в твердой чугунной земле ломами пробивали неглубокие шурфы, закладывали в них тротильные шашки и подрывали их. Затем раздробленную породу совковой лопатой выгребали на бруствер. Дело шло быстрее, но и эта скорость выполнения работ не устраивала быстрого в принятии решений и скорого в делах ротного. Не мудрствуя лукаво, он выбрал на инженерном складе самый мощный заряд, способный пробить до полутора метров железобетона, установил его в центре отрытого в человеческий рост котлована и подорвал. Взрыв колоссальной силы, многократно увеличенной стенами замкнутого контура, вырвавшись на поверхность, вышиб все стекла в близлежащих строениях.

— Во бабахнуло! — только и вырвалось у Михайлова, ошарашенного мощностью взрыва.

— Щас тебе комбат бабахнет! — громко, чтобы услышал командир, произнес Александр, сам напуганный, присыпанный пылью и осколками битого стекла, и не сразу понял, что совершил ошибку.

Ротный, до конца не пришедший в себя, сразу бойца на место не поставил, а лишь внимательно посмотрел ему в глаза. И, возможно, вскоре он забыл бы дерзкие слова, если бы они не оказались пророческими. Комбат, встревоженный громким взрывом, произошедшим в расположении части, приготовился внутренне выслушивать доклад о потерях. Но когда убедился, что обошлось все без жертв, приказал просто высчитать из денежного содержания лейтенанта Михайлова стоимость разбитого стекла, которое с таким трудом завозилось колоннами из Союза. Поэтому, вернувшись с сощезания, взбешенный Михайлов потребовал к себе «пророка»...

— Рядовой Шипунов... — начал доклад Александр, войдя в канцелярию.

Ротный, с нескрываемой неприязнью глядя на него, прервал:

— Собирайся, завтра с Ключко идешь на войну, командир группы Гутин. Свободен.

В ту же секунду Саня круто развернулся и выскочил за дверь. Радуюсь, что легко отделался, с облегчением вздохнул. Через пятнадцать дней выходил приказ министра обороны об увольнении его в запас. Новость о боевом выходе не пугала, а наоборот, радовала. Простой советский паренек, воспитанный на примерах дружбы героев книг Дюма, выросший в рабочем районе на окраине города, он имел четкое понятие, что значит честь. Год назад, потеряв в этих гиблых краях лучшего друга, жил жадной мстить до последнего своего дня на этой войне. Поэтому не было для него минут радостнее, чем неторопливо собирать свой рюкзак, обдумывая предстоящую засаду.

Вот и на этот раз разобрал и, тщательно прочистив, набил патронами автоматные магазины, аккуратно приготовил мины, привычными движениями уложил паек, после чего отправился в каптерку. Увидев растерянное лицо Владимира Ключко, подумал: «Уже знает».

— Тебя-то за что? — жалея его убогость, спросил Александр.

— Добрался до бражки старшины, — бесхитростно ответил каптер, ошарашенный новостью о предстоящем ему боевом выходе.

— Видишь, Вова, что значит «жрать в одну харю», — насмешливо сказал Саня.

В ответ на назидательные слова старшего товарища Вова только сокрушенно вздохнул. Он дико боялся войны. Уроженец западно-украинского Ровно в роте Ключко вел жизнь тихую и неприметную, стараясь не высываться, дабы не раздражать воюющих сослуживцев своим, как ему казалось, привилегированным положением.

Но ему было страшно даже в батальоне. Ожидание приказа: «Ключко, собирайся» наполняло ужасом его жизнь, делало службу тягостно невыносимой. Он рано принялся считать дни до ее окончания.

Каждый раз, когда ему приходилось выдавать сослуживцам, уходящим на войну, снаряжение, он мысленно твердил свою молитву «только не я, только не я...». Но, несмотря на мольбу, эти страшные слова все же были произнесены...

Не обращая внимания на смятение каптера, Александр четко разъяснил задачу, распределил обязанности и пошел к друзьям-связистам.

Перейдя через пыльный пустырь, Саня зашел в казарму роты связи:

— Здорово, кто завтра с Гутиным идет?

— Здоровее видали! Я! — приветливо улыбаясь, ответил Эдуард Комкин, огненно рыжий крупный парень, вятский «качок». Они были знакомы еще с Чирчика, вместе в одной партии прибыли в отряд прошлой осенью.

Саня улыбнулся в ответ:

— Эдик, хлеба дополнительно к галетам три буханки нам хватит?

Комкин, здоровенный парень, не дурак поест, засомневался:

— Может, четыре?

— Упрям?

— А Ния на что? — риторическим вопросом ответил Эдик и тут же, не оборачиваясь, глядя на Саню, пророкотал: — НИИЯ..!

На зов Комкина к ним странной лунной походкой подошел молодой связист. Сергею Пахно, служившего в группе связи первые месяцы, ребята прозвали «Ния — искусственный человек» за его поразительное внешнее сходство с героиней фантастического фильма «Через тернии к звездам», не сходявшего с экранов страны весь 1982 год. Уроженец Краснодара, не трус, на выходах он зарекомендовал себя как хороший связист-маломощник. Сергей, будучи неплохо образован, имел великолепное чувство юмора, поэтому на прозвище не обижался, а иногда даже подыгрывал шутникам: ловя на себе любопытствующие взгляды, неожиданно к всеобщему восторгу начинал выделывать коленица набирающего моду на гражданке брейка.

— Ния, на деньги, дуй в магазин за компотом, — по-своему готовился к войне Эдуард.

На войне, как на войне

Группу высадили в Аргастане с брони. Эта горно-пустынная местность, являясь частью Кандагарско-Газнийского плоскогорья, именовалась так по названию реки, протекавшей по ней. С севера и юга район прикрывали горные хребты. Изолированность и отсутствие крупных населенных пунктов и гарнизонов советских войск давали возможность мятежникам безнаказанно хозяйничать здесь, пока за дело не взялся спецназ. Теперь в этих, забытых Богом, местах разведчики отряда регулярно били «духовские» банды, жгли их автомобили.

Для лейтенанта Гутина, командовавшего спецназовцами, это был один из первых самостоятельных выходов. Уже во время первого ночного перехода стало ясно, что он имеет нетвердые познания в топографии. Саня, видя, как неуверенно он ведет группу, откровенно злился. Лишние километры с грузом за плечами, равным весу его собственного тела, с каждым шагом безжалостно отнимали силы. Уйдя с Эдиком в хвост группы, они видели, как при движении вперед мечется ядро растянувшейся группы. Дождавшись, когда она опишет длинную дугу, срезали напрямик, делая свой путь короче. На счастье у Гутина был грамотный замкомвзвода, сержант из Самары. Внешне неприметный, среднего роста и такого же телосложения, рыжий, с веснушчатым простодушным лицом, он обладал сильным, негибким характером. Сержантские лычки он заслужил ратным трудом на войне, а не стремлением угодить командиру. Поэтому группа подчинялась ему беспрекословно. Богатый опыт его многочисленных выходов помогал ему уверенно ориентироваться в хорошо знакомом районе. На вторую ночь, видя, что командир откровенно блуждает, сержант при остановках все настойчивее стал заглядывать в его карту и постепенно сам стал задавать направление движения.

На третью ночь выпало полнолуние. Равнина Аргастана была залита фосфорическим сиянием Луны. Идя в тыловом дозоре на значительном расстоянии от группы, Саша с Эдиком прозевали момент, когда идущие впереди спецназовцы остановились и резко стали садиться на землю. Не видя, откуда исходит опасность, и не понимая, что происходит, но подчиняясь общему движению, ребята завалились на бок. Саня быстро высвободил руки от лямок рюкзака, подтащил его к голове, используя как укрытие. Не отрываясь от земли, приподняв только руку, вытащил из бокового кармана ранца несколько пачек патронов и поспешно рассовал их по карманам. Предчувствие опасности заставляло его напряженно всматриваться во тьму. Ожидая начала боя, он с тоской огляделся, тревожно подумал: «Блин, как на ладони! Где командир?».

Вдруг замершие на земле, похожие на большие кули, бойцы рывком оторвали свои тела и, топоча, рванули в бок. Саша и Эдик кинулись за ними. Подбегая, услышали глухие звуки ударов. Группа поздно обнаружила кара-

ван из десяти ослов и нескольких погонщиков. Ей оставалось замереть, чтобы атаковать, подпустив их вплотную к себе. Воспользовавшись внезапностью и численным перевесом, разведчики кулаками сбили с ног погонщиков и тут же скрутили им руки. При допросе таджик-пулеметчик группы перевел слова испуганных путешественников: «Мы крестьяне, идем на свадьбу в кишлак, через который проходит нужная вам дорога». Их слова подтвердил обыск и досмотр торб, притороченных к ослам. Оружия не было. Спецназовцы попарно за лямки связали свои рюкзаки и навесили их на спины покорных животных. Те, принимая нелегкую ношу, вздрагивали всем телом, недовольно фыркая. Размотав чалмы погонщиков, связали им руки, свободные концы привязали к упряжи ишаков, и маленький вьючный караван в новом составе двинулся вперед. Не прошло и часа, как головной дозор сообщил, что вышел к дороге, и на них движется автомобиль. Короткий возглас Гугина: «Сходу заьем» прозвучал для всех сигналом к действию. Не беря рюкзаки, большая часть бойцов рванула за ним к дороге. Саша торопливо стал снимать рюкзак с ишака.

— Не спеши, здесь тоже нужно кому-то остаться, — полушепотом сказал рыжий замкомвзвода, кивком головы указывая на груженный караван. Тревожным взглядом проводил он убегающую группу.

В ночи показались фары машины. Шла она быстро на скорости, не сбавляя оборотов.

— Возвращаются, — довольно хмыкнул сержант.

Разведчики, тяжело дыша, вернулись к каравану. Гугин, распаленный азартом погони, выпалил: «Метров триста не добежали до дороги». Отдышавшись, добавил: «Пустая шла, скоро назад пойдет».

Караван, состоявший из груженных ослов, их хозяев, подгоняемых пинками разведчиков, торопливо засеменял к дороге. Плоскогорье Аргастан изобиловало небольшими сопками. Хорошо накатанная дорога огибала одну из них у самого основания, далее проходила в ста метрах от второй и уходила в удаленный от них, не более чем на километр, кишлак, раскинувшийся в отрогах небольшого горного хребта. На этих двух сопках, поделив разведчиков, командир и посадил группу.

— Минеры! Где минеры?!

Саня оторвался от рытья окопа, пригнувшись, подошел вплотную к нему и присел на одно колено.

— Ставь мины.

— Где? — пытался уточнить задачу Александр.

Гугин неопределенно махнул рукой в направлении черной мглы:

— Там.

Разведчик, вернувшись к своему окопу, коротко бросил Ключко:

— Собирайся. — Быстро выпотрошил на «дождь» содержимое рюкзака, стал укладывать в него только необходимое: мины, детонирующие шнуры, провода.

— Вова, где маскировочная сеть? Ты готов? — и, не дожидаясь ответа, скомандовал: — Пошли!

Спускаясь с сопки, проходя мимо крайнего окопа, Саня остановился, присел возле пулеметчика, сказал ему:

— Мы пошли к дороге, подниматься будем по распадку на тебя, смотри не замочи.

— Понял, давай, — окапываясь, ответил тот, не глядя на них.

— Ну, с Богом.

Подрывники, груженные своим смертоносным грузом, осторожно двинулись в ночь. Еще когда командир рассаживал группу, Саша уже знал, где нужно поставить мины. Где-где, а на войне он чувствовал себя, как рыба в воде. Природная смышленость, хорошо развитая интуиция, помноженная на боевой опыт, помогали ему выбрать хорошую позицию. Спустившись в распадок между двумя сопками, минеры остановились. Зная, что Вова слабобав в минно-подрывном деле, не желая терять время, Саша делал все сам. Устанавливая три мины, про себя прикидывал: «Так подниму первый «куст» — машина встанет. Здесь самое удобное место для отхода. Если ломнутся сюда, всех разом положим. Невысокие берега распадка ограничат их маневр, значит, угол сектора поражения делаю острее, увеличиваю огневую мощь». Движения его были выверенными и четкими. Установив мины, вставил детонаторы, кивком головы указал Ключко:

— Видишь лошину впереди? Я ставлю там оставшиеся. Цепляй катушку с проводами и пулей наверх. Подключишь подрывную машинку и скачками ко мне.

Вова, торопливо разматывая провода, растворился в темноте. Саня двинулся дальше. Слева от него в нескольких десятках метров слышалось негромкое шуршание, иногда легкое позвякивание. Это окапывалась вторая часть группы. «Теперь до них ближе, чем до своего окопа», — пронеслась мысль в его голове. В предгорье на окраине кишлака вспыхнули фары. «Черт, — мысленно матерясь, заводя себя, он стал лихорадочно распаковывать ранец. Со спины раздался шорох — это Ключко. «Вова, б...дь, машина пошла», — горячо зашептал в лицо Владимиру Александр.

Вова, попавший первый раз в жизни в серьезную переделку, был не на шутку напуган.

— Бери катушку, тащи наверх, если я не успею подняться первым, поднимешь этот «куст». Машина встанет. Если побегут по распадку, — второй! Понял?

Ключко, осознав, что происходит, наигранно возмутился: «Нет, я без тебя не пойду!». В то же мгновение Саня выбросил вперед руку, нанес ему сильный удар кулаком в голову. Нависая над ним, клокоча от ярости, зашипел: «Ползи, сука!».

Ключко, заскулив, хлюпя носом, схватил катушку и, торопливо разматывая ее, полез вверх. Раздосадованный, что пришлось потратить драгоценные секунды на устранение игры в благородство, Саша, торопясь, оценил обстановку. Кивая вверх-вниз на ухабах лучами фар, машина шла по грунтовой дороге. Уже отчетливо был слышен натужный рев мотора. «Не успею, не успею отойти, — настойчиво стучало в сознании, — безопасное расстояние

от мин сзади пять метров, черт!». Саша бросил нескрученные провода, схватил автомат. Тело, увлекаемое инстинктом самосохранения, дернулось в сторону. Но в это же мгновение какая-то властная могучая сила заставила его остановиться и развернуться на месте на сто восемьдесят градусов. Мозг работал, как хорошо отлаженная машина. В метре от себя, увидев неглубокую промоину в земле, моментально оценил, «тело все не войдет, упаду на живот, голову прикрою автоматом». В ту же секунду пальцы скручивали провода электрического детонатора: «Не побегу! Сдохну, но не побегу!». Неведомая ему доселе сила заставила его смертельно рисковать. Машина, не доехав до него каких-то ста метров, неожиданно остановилась, не глуша двигатель. Захлопали двери кабины, были слышны удары ног о землю прыгающих с бортов душманов. Закрывая телами свет от невыключенных фар и отбрасывая причудливые тени, они толпились перед кабиной. Несколько из них, громко переговариваясь, направились вперед по дороге. «А пошли вы, суки... – уже со злостью думал минер, ввинчивая детонатор в мину – Все готово! Одним движением накинув на мины кусок маскировочной сети, он проскользнул в промоину. Потянув к себе рюкзак, прикрыл им трудную клетку. Автомат прижал к голове, уперев магазин в землю. Вжался в дно мелкого укрытия. От машины раздался громкий гортанный окрик. Духи, шедшие по дороге, остановились. Перекинувшись парой фраз между собой, развернулись и пошли обратно. «Давай! – мысленно скомандовал себе Саня, выскользнул из ненадежного укрытия и быстро пополз по распадку. – Дойдут до машины десять секунд, сядут – еще десять», – думал он, нещадно работая локтями. Слева, увидев груды камней, ужом заполз за них, затаился. «Все, здесь свои мины уже не опасны, фу... Как там Ключко, сработает?» – готовясь к бою, стараясь не греметь, пристраивая автомат среди камней думал он. Восстанавливая дыхание, осмотрелся, решил отползти еще. Снова рывок, а вот и новая позиция. Духи беспечно горланили на всю округу, сгрудившись у капота. Разведчик, выждав момент, присев на корточки, не разгибаясь, рванул на сопку, залетев наверх, плюхнулся в мелкий окоп. Вова услужливо протянул ему флягу с водой. Духи еще полчаса не трогались в путь. Банда была крупная, видимо, не имевшая боевого опыта, недавно сформированная. Воины, одурманенные пропагандой вербовщиков о том, как легко убивать «неверных собак», не могли себе представить, что из охотников давно превратились в дичь. В их скудных мозгах не укладывалась мысль, что «шурави» дерзнут напасть на них ночью за десятки километров от своих гарнизонов, что от смертоносного шквала огня их отделяют мгновения. Погрузившись в автомобиль, они тронулись на встречу с вечностью... Заранее условившись с Гугиным, что сам без команды поднимет заряды, Саня выжидающе следил за автомобилем, занеся ладонь над подрывной машинкой. «Пора!» – сгибаясь в поясе, всем телом навалился на шток.

ТУК!!! Мины выплеснули вперед тысячи осколков, яркая вспышка озарила кабину автомобиля, взрывная волна, обогнув сопку, пролетела мимо в долину. Машина встала. Бам, бам, бам со всех сторон, в ее сторону одиночными, часто, практически без остановки, застучали стволы. Духи из-за ма-

шины, сбившись в кучу, как казалось, боком, неуверенно семеня ногами, топчась и налетая друг на друга, двинулись в ложину между сопками, прямо на мины.

— Ага, суки! — Саня, предвкушая, как безжалостно залп трех МОН-50 скосит их всех, обращаясь к Ключко, командовал: — Поднимай!

Видя, что тот мешкает, выхватил из его рук подрывную машинку и, глядя в сторону едва различимых топящихся тел, хлопнул ладонью по штоку. Взрыва не последовало. Вскинув глаза на Ключко, он понял причину сразу.

— Я, я, — заикаясь, весь съежившись, запричитал Ключко. — Я их уже поднял... испугался..., прости, — глотая слезы, залепетал он.

Саня с размаху рубанул его по голове подрывной машинкой, которую он не успел выпустить из ладони. Вова ойкнул, еще больше согнувшись, скрючился в окопе. «Скотина!» — обезумев от ярости, уже охваченный азартом боя Александр ногой втоптывал Ключко в бруствер. Вова лишь тихо всхлипывал. С соседней сопки по духам ударил пулемет, моджахеды бросились назад врассыпную.

Бам, бам, бам, бам – одиночными, часто без пауз, стучали автоматы. Распаленный жаром боя, торопливо отстреляв три магазина, Саня понял, что можно не спешить. Машина встала капитально, и духи не уйдут. Подтащив к себе рюкзак, дрожащими от волнения пальцами на ощупь, не глядя, нашарил пуклю, скинул петлю, подняв клапан, вытащил из бокового кармана два снаряженных магазина и несколько упакованных в бумагу пачек автоматных патронов. Перезаряжаясь, тревожно оглядывался, оценивая обстановку. Вверх взлетела очередная осветительная ракета. Моментально вскинув приклад к плечу, он впился глазами в поля боя. «А, вот он», – увидел двух уходивших вправо от автомобиля, стал давить на спуск. Бам, бам, бам, бам – пули из его автомата, попадая, рвали тела душманов. Один сразу завалился на бок, второй, ковыляя и вздрагивая от каждого попадания, продолжал тяжело идти. ...Десять, шестнадцать, двадцать выстрелов бам, бам, бам, бам... Уже упал второй... Саня не перестал стрелять, даже когда погасла ракета и ему были еле видны смутные очертания лежащих тел. Бум, бум, бум, звяк – курок лязгнул вхолостую – все, пусто! Новый магазин...

— Ключко! Ключко! — Саня схватил Вовку за отворот куртки и рванул его к себе. — Хорош долбить, набивай магазины.

Вова мотнул головой, согнувшись ко дну окопа, стал непослушными, негнушимися пальцами вылавливать патроны из разорванной пачки. Саня поглядывал в сторону связистов, позвал:

— Эдик! Эдик! — Комкин увлеченно долбил по «духам». Услышав, что его зовут, оторвался от ствола, повернулся в сторону крика. Его лицо было перекошено дурацкой улыбкой.

— Вертушки, давай!

— Уже! — проворчал он, вернувшись к увлекшему его занятию.

Темп боя постепенно затихал. Суматоха первого огневого шквала спадала. Пулеметы перестали захлебываться, били короткими очередями. Разведчики, видя, что «духам» не уйти, не торопясь выцеливали их.

— Вертушки! Вертушки идут!

Сквозь треск радиозфира из «Ромашки» полился четкий, уверенный голос командира боевого вертолета. Он просил указать цели. Гугин вконец потерялся, потеряв контроль над ситуацией, молчал. Эдик, как суфлер, стал подсказывать ему. Вот они уже объяснились с бортами, отчего плясать. В *кузове забитой машины на треноге был установлен крупнокалиберный пулемет, сверху накрытый куском брезента. Промасленная ткань чехла, подожженная во время боя трассером, начала тлеть. Вспыхнув, загорелась, позже огонь охватил весь автомобиль. Определив костер, как центр цели, летчик запросил обозначить месторасположение разведчиков. Командир мешкал, один из первых выходов и сразу жестокий скоротечный бой, враги, стреляющие в него с близких дистанций, и наяву, как в песне, «свистящий вой пуль над головой».* Встревоженный бездействием командира Саня крикнул ему, что нужно трассерами указать направление стрельбы.

Гугин весь бой не стрелял, а пролежал на животе, вытянувши в струнку свое длинное тело, на согнутых в локтях и поджатых под грудь руках. Он даже голову приподнимал от земли, не отрывая плеч. Не меняя положения своего тела, взял два магазина и перебросил их Александру, лежащему от него в пяти метрах, скомандовал:

— Наводи!

— Во дает! — Саня, нажав на фиксатор, откинул магазин, вставил другой с трассерами, дослал патрон в патронник.

— Давай! — скомандовал лежавший ничком офицер.

Саша легко вскинул тело, стоя на двух коленях, засадил длинной очередью в темноту весь магазин. Падая на дно окопа, с облегчением подумал: «Живой! В сознании крутилось: «Это не все, придется еще. Блин, опасно!». Весь его опыт, нажитый на войне, кричал: «Берегись! Смени позицию». Давать цели указания вертолетам трассерами ему придется еще и еще, пока они, отойдя, не начнут обрабатывать дальние подступы к группе. Ощущение опасности, перерастающее в чувство страха, от того, что, стреляя трассерами, явно демаскируясь и не меняя позицию, он притягивает все пули к себе, уйдет.

Мандраж заменит уверенность, даже какая-то лихость: «Нет, врешь, не возьмешь».

В коротких паузах он с интересом разглядывал Гугина. «Да он просто боится», — мелькнула мысль.

Вертолеты, отработав, ушли. Не дожидаясь приказа, ребята торопливо окапывались. Успокоившись, тройками стали ходить досматривать ближние трупы. Эдик втиснул свое большое тело в окоп минеров, обратился к Сане:

— Справа от меня двое лежат. Пойдем, досмотрим.

— Пошли, — недолго раздумывая, согласился Александр.

Разведчики, пригнувшись, проскользнули в темноту. Душманы лежали прямо по ходу движения автомобиля. Их оказалось больше, чем предполагалось — четверо. Подкравшись к ним на несколько шагов, не вставая с колена, разведчики сделали контрольные выстрелы в голову. Выждав минуту, осторожно, оглядываясь, приступили к досмотру. Эдик деловито вывора-

чивал карманы, достав нож, стал обрезать лямки китайских нагрудников и снимать их с тел.

— Столов нет, побросали, — тихо шептал он. «Как быстро коченеют» — думал Александр, сжимая растопыренные холодные пальцы убитых, для того чтобы стянуть с кистей браслеты японских часов, — желанного трофея.

— Смотри, справа еще двое.

— Далеко не пойдем.

Низко пригнувшись, а где и ползком, ребята вернулись назад в окопы.

Крестьяне, сбившись в кучу возле своих ишаков, на корточках просидели всю «войну» в ста метрах от эпицентра событий. Как только стрельба стихала, от них были слышны гортанные крики: «Душман – харап! Душман – харап!». Когда бой закончился, из толпы отделился один и, не разгибаясь, на четвереньках проворно полез на сопку. Поднявшись на вершину, в темноте безошибочно нашел Гугина, сел перед ним на колени. Грозя пальцем в небо, а второй рукой тыча ему пальцем в грудь, стал выкрикивать:

— Харап! Харап!

— Это он говорит, что теперь нам «харап» будет. Может, в кишлаке еще духи есть?

Старик возбужденно размахивал руками, пытался языком жестов объяснить разведчикам, что им грозит опасность. Неизвестно, почему он так воспылал любовью к «шурави». Может, потому что банда была не из местных? Вооруженных чужаков не любят нигде. Может, думал, что спецназовцы теперь возьмутся за них?

Гугин, устав от его настойчивой фамильярности, отмахнулся от него и заорал: «Да иди ты!». Старик, моментально уловив в интонациях командиров «шурави» что-то свое. Проворно развернулся, поднявшись с колен, рванул вниз, крича что-то на ходу. Его земляки проворно вскочили на ноги и, торопливо подгоняя ишаков криком «чу-чу», погнали их от места засады только им известным путем в ночь. Саня подумал: «Запомнят они эту ночку!».

Даже ветер на склонах затих.

Дождавшись рассвета, спецназовцы приступили к досмотру убитых. Те разительно отличались от местных крестьян, захваченных ночью. Одежда на них была новой, из дорогих качественных тканей, обувь под стать ей: кожаные сандалии с набитыми высокими каблуками были украшены металлическими клепками. От уже остывших тел исходил сладковато-приторный запах смерти, еще не перебивший до конца аромат розового масла – запах «душмана». Время не сотрет этот запах в памяти тех, кому довелось ощутить эту тошнотворную смесь запахов восточного мужского тела и розовой воды. Ее невозможно спутать ни с какими другими ароматами.

Все это доказывало, что это уже были не те члены «пуштунского» племени, веками обрабатывающие землю и при необходимости с оружием в руках готовые ее защищать. Это были люди, хорошо уяснившие, что труд убивать оплачивается гораздо выше, чем каждодневно изматывающий плоть крестьянский. Наемники, убивающие за деньги. И, когда «шурави» уйдут, они продолжают убивать. Их Богом был автомат Калашникова.

Видя, где и в каких позах лежали тела, можно было понять, почему они не оказали достойного сопротивления. Во время ночного боя, оказавшись в мертвой зоне под сопкой, «духи» могли бы воспользоваться преимуществом. Разведчики, располагаясь над ними, каждый раз, ведя огонь, приподнимались от земли, четко проецируясь по поясу на фоне неба. Но взрыв мощностью в семь килограммов тротила в упор, нашпигованного рубленой стальной проволокой, поверг в шок, заставил трепетать, сломил их волю к сопротивлению. Оцепенев, как звери, ослепленные ярким светом, побросав оружие, они были перебиты кинжальным огнем группы. Собирая трофейные стволы, насчитали четырнадцать трупов. Обнаружили кровавый след, который вел в высохшее русло, под прямым углом уходившее от дороги. Обложив его с двух сторон, как волки, спецназовцы, крадучись, пошли по следу. Вскоре увидели лежавшего на земле человека. Пулеметчик занял позицию в корнях чахлого деревца, приготовился прикрыть товарищей. Не дойдя десяти шагов, снайпер опустил на колено и тщательно прицелился в голову лежащего. Двое разведчиков подползли к нему вплотную. «Моджахед» спал, закутавшись с головой в накидку, из-под которой торчали только ноги. Одна из икр почернела и опухла, пробитая пулей. Стало ясно, почему он не ушел. Возле головы спящего на земле, лежала граната, автомат находился с стороны. «Вот сука!» – подумал разведчик, выкрыв гранату, и уже не опасаясь, поднялся на ноги. Разбуженный ударом ноги «дух» рывком сбросил с себя одеяло, судорожно принялся шарить рукой вокруг. Подведенные черной тушью глаза расширились от страха. Смех «шурави» вызвал в нем дикий ужас и он завизжал. Это был мальчишка, на вид ему было лет четырнадцать. Его не застрелили на месте.

— Что мы – звери, детей убивать, — со злой ухмылкой говорил Эдик, до хруста проводом стягивая кисти пленного.

Дорога в отряд

Всю обратную дорогу в батальон его, не щадя, будут бить, вымещая на нем злобу за погибших в этих диких краях товарищей. От окончательной расправы его спасет только вмешательство офицеров.

Открыленные успехом разведчики не роптали на то, что возвращение в батальон затягивается. У пришедшей утром для их эвакуации бронегруппы что-то не ладилось. Вот уже один бронетранспортер взят на буксир. Глохнет через каждый километр второй. Так, ерзая, постоянно останавливаясь для того, чтобы устранить поломку, к обеду броня выползла на равнину. До бетонки, ведущей в Кандагар, оставалось с десяток километров. Офицеры, посоветавшись, связались с центром боевого управления батальоном и запросили помощь. Командование отряда незамедлительно отправило к ним резервную броню. Пять боевых машин пехоты, перемалывая гусеницами каменистую землю Аргстана, мчались к товарищам. Ну, вот и они. Натужно ревя, выбрасывая вверх черный от копоти столб выхлопных газов, из-за сопки лихо вылетела боевая машина. На ее антенне развивался алый флажок.

— Ура!!! — радостно закричали разведчики, утомленные ожиданием.

Справа и слева стали пускать сигнальные ракеты, салютуя друзьям. «Первая», – считал Саня про себя. Где-то за сопкой хлопнул взрыв. Наступила тревожная тишина. Тихий треск радиозфира всколыхнул надрывный крик радиста: «У нас подрыв, – и через мгновение добавил, окончательно срываясь голосом на плачь, – пятеро погибли...».

Страшной силы взрыв фугаса расколол корпус машины пополам, в прах разнес катки. Башню, с сидящим на ней по-походному десантом, выбросило на огромную высоту. Мертвые уже в воздухе, они упали вместе с ней за сотню метров от горящего остова машины.

Днем, связываясь с отрядом, офицер, командовавший застрявшей броней, оценив характерные особенности пройденного им маршрута, опасаясь закладки фугаса, предостерегал «идти его дорогой». Чутье – дело тонкое. Он был уверен, что к его мнению прислушались. И теперь был взбешен. Яростно матерясь, посылал проклятья: «Я же говорил ему...».

Броню вел новый командир первой роты. Упрямый, самонадеянный, целый капитан подставился. И был жестоко наказан. Только платой за его упертость стали жизни молодых пацанов.

Когда стемнело, пришел вертолет. Лучом посадочной фары долго шарил по земле, подбирая площадку для посадки. Забрав тела погибших, свистя лопастями, оторвал колеса от грунта. Наклонившись на бок, провалился в темноту... В последний раз понес ребят в отряд.

Эпилог

Когда отряд выходил в Союз, башню сняли с постамента и забрали с собой. Из Азербайджана ее забрать не удалось. Но с тех пор, где бы не располагался отряд, везде ставили памятник, на котором высекали имена погибших воинов. Это дань памяти. Традиция.

Через полгода вертолет, в котором находилась группа Гугина, в результате столкновения с другим вертолетом, загорится в воздухе и начнет падать. Им придется аварийно покинуть борт, выбрасываясь с парашютами из горячей машины. Гугин сильно обгорит, но покинет борт последним. При этом «Ния – искусственный человек» – Сергей Пахно сгорит во втором вертолете.

Клочко будет награжден за этот бой медалью «За отвагу», а через двадцать лет станет депутатом Ровненской Рады.

Саня до сих пор не любит запах розового масла.

* * *

К сожалению, в результате авиационных катастроф, связанных с ошибками пилотирования, отряд понес тяжелые потери. Первая из этих катастроф случилась в конце февраля 1987 г.

Тогда 28 февраля 1987 г. отряд провел дерзкий налет на базовый район моджахедов в районе кишлаков Делаки-Пайин и Хадирзай, которые располагались в чаше гор, на склонах которых находились зенитные средства. В центре чаши находилась высотка, разделявшая два эти кишлака. На нее и

была высажена вертолетами огневая группа, в составе которой были расчеты 12,7-мм пулеметов «Утес» и автоматических гранатометов АГС-17. Их задачей было подавление огневых точек противника на окружающих высотах. В результате дерзких и решительных действий УР был взят на начальном этапе без потерь. К сожалению, во время эвакуации трофеев из-за ошибки пилота упал один из вертолетов. На его борту находился командир 2-й роты Валерий Попов, который ценой своей жизни спас несколько солдат, но сам сгорел в вертолете. Также на борту сгорели сержант Назим Рафиев, младший сержант Тарас Шахмат со служебной собакой (см.: *Клюев К.В.* По данным разведки // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 386–394).

В ночь на 25 февраля 1987 г. группа под командованием лейтенанта Игоря Веснина по наводке агентуры ХАД захватила в засаде самое большое количество оружия в истории результатов отряда. Один из автомобилей был уничтожен, а другой захвачен с грузом. Группа потерь не имела (см.: Самый большой результат 173 отряда // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 395–396).

Второй катастрофой явилось столкновение в воздухе двух вертолетов Ми-8 при попытке высадить посадочным способом десант отряда для захвата и обеспечения площадки приземления в районе г. Таринкот. Это случилось утром 24.04.1987. Один борт успел десантироваться и несмотря на тяжелые ожоги все остались живы. Второй вертолет упал и сгорел на земле. На его борту было 13 человек бойцов 3-й роты, в том числе командир 3 роты капитан К. Прокопчук.

К сожалению, с заменой майора Бохана и приходом нового командира майора Горатенкова дела в отряде пошли заметно хуже.

Одним из эпизодов, который стоил отряду 12 жизней, был бой в зеленой зоне Кандагара, куда новый комбат по наводке ОАГр направил отряд спецназа под командованием своего заместителя майора Владимира Удовиченко. В двадцатых числах октября отряд с транспортной колонной был выведен в район предстоящих действий. К полуночи отряд вышел к кишлаку Кабай и организовал засаду. Но в итоге оказался в ловушке сам. Об этом тяжелом бое можно причитать в материале, написанном участниками событий Анваром Хамзиным и Геннадием Должиковым, к сожалению, ныне покойным (см. Охота за спецназом // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 396–402).

Приведенный выше краткий обзор боевых действий отряда, конечно, лишь частично отражает высокую результативность отрядов и групп 173-го ооСпН. О завершающем этапе боевых действий можно прочитать ниже в воспоминаниях Дмитрия Подушкова, Валерия Ковалева и Сергея Бреславского.

В августе 1988 г. 173-й ооСпН последним вышел из зоны «ЮГ», прикрывая части 40-й ОА, выходявшие в Союз через Кушку. Остался в составе 22-й обрСпН.

Среди лучших можно отметить В. Шараевского, С. Кривенко, Л. Рожкова, А. Тутова, А. Кравченко, В. Гусева, И. Веснина, А. Тура, С. Лежнева, Д. Подушкова, К. Прокопчука. Однако это отнюдь не все и даже не десятая часть офицеров, воевавших достойно. Из командиров отряда можно выделить Т. Мурсалова, С. Бохана.

Дмитрий Подушков прибыл в Кандагарский отряд в 1987 г., когда интенсивность боевых действий начала снижаться. В это время отрядом командовал майор Горатенков. Многие ветераны связывают с его командованием период самых высоких потерь и падения результативности. Дмитрий был одним из тех, кто своими действиями возвращал отряд в число первых. Ниже мы приводим хронику деятельности 173-го ооСпН с сентября 1987 г. по март 1988 г., подготовленную автором на основе его дневниковых записей.

В ФИНАЛЕ АФГАНСКОЙ ИСТОРИИ

(Д.Л. Подушков)

Факультет специальной разведки Рязанского училища ВДВ я закончил в сентябре 1985 г. (13 рота). По собственному выбору и распределению попал во 2-ю обрСпН – не хотелось никакой «экзотики», хотел служить в коренной России. Начальником штаба бригады в это время был только что заменившийся из Афганистана В.В. Квачков. Все офицеры части относились к нему с огромным уважением – настоящий профессионал и человек прекрасный.

В декабре 1985 г. прошёл подготовку к Афганистану на курсах «Выстрел» на базе Чирчикской обрСпН (г. Чирчик, Узбекская ССР).

Всего спустя 2 месяца после выпуска из училища в Чирчике встретились бывшие однокашники. Серёжа Лежнев служил в Чирчикской бригаде и при нас уехал по замене в Афганистан в 173-й отряд (погиб 2.05.1987). С разных округов приехали: Володя Семгайкин, Игорь Веснин, Лёша Панин (все потом служили в 173-м), Влад Велиев, Серёжа Чёрный (погиб 29.11.1986, АН-12, на котором он летел, был сбит из ПЗРК после вылета из Кабула. Погибло 30 человек, в том числе Серёжа).

После возвращения во Псков я сразу был поставлен на замену в Афганистан. Поэтому все отпуска гулял в январе–феврале. Но «за речку» попал только в сентябре 1987 г. – два года защищал честь бригады в соревнованиях разведгрупп: ЛенВО (1986 г. – 1 место), первенство СпН ГРУ (г. Печоры, 1987 г. – 3 место; 1 место «автоматом» получила группа из ГСВГ, хотя многие этапы она провалила). Подготовка к соревнованиям дала возможность оба года очень интенсивно заниматься боевой подготовкой. В сентябре 1987 г. в штабе ЛенВо прямо напротив Зимнего Дворца в Ленинграде получил проездные документы в Афганистан. В Ташкенте в штабе округа конкретизировали – меняю Славу Шишакина в 173-м отряде в Кандагаре.

Границу пересёк 17 сентября. В Кабуле на пересылке встретил Валеру Григорьева из 2-й роты 173-го отряда. Он возвращался из отпуска. Рассказал свежий анекдот:

- «— Ты где служишь?
- В Кандагаре...
- Как, ты ещё жив?»

В Кандагар прилетел поздно вечером 19 сентября на АН-26. Рампа самолёта открылась, навстречу – Слава Шишакин с банкой импортной газировки «Си-Си» – первое впечатление и первый вкус Кандагара.

Попал служить в 1-ю роту. РГСПН № 313 (3-й батальон, 1-я рота, 3-я группа) – очень символично – оканчивал 13-ю роту в училище. Позывной – «Валет». Командир роты – Саша Зайков, с которым служили вместе во Пскове, замкомроты – Миша Дядюшкин (Киевское ВОКУ), замкомроты по политчасти Андрей Панфёров, переводчик Толя Рулёв.

Снова оказался в окружении однокашников. В первой роте командирами групп служили Витя Портасов, Саша Тоскин (все выпускались из 14-й роты на год позже). Во второй – Игорь Морозов, Валера Григорьев (14-я рота). В третьей – командир – Анвар Хамзин (учились в 13-й роте, но он на два курса старше), Игорь Веснин, Саша Тур, уезжал в Союз после ранения Гена Агида.

Уже на следующее утро началась боевая подготовка – рота вышла на броню на дальнее стрельбище (было ещё ближе, сразу за постами охранения на восток) в район горы Баригунд (12 км от ППД), по дороге на юго-восток в сторону г. Чаман, – втягивание в войну началось.

По вечерам, пока не уехал, подробно пытал по картам Славу Шишакина, интенсивно общался с однокашниками об условиях ведения боевых действий в зоне ответственности.

Проверил навыки группы по тактике и огневой подготовке – всё скромно. Стреляли прежде только из стандартных положений по простой мишенной обстановке на 100 м. Занятия и подготовку к засадам в дальнейшем стал проводить по полной программе: стрельба в движении, с «брони», по 10–15 мишеням, взаимодействие в «тройках», все стреляли из всех видов оружия, которые были в группе и из вооружения БМП-2, чтобы была полная взаимозаменяемость, при облётах на вертолётах учились стрелять с воздуха по наземным целям и т. д.

Общий вывод наперёд – выпускники 13 роты РВВДКУ нашего факультета в этот период составляли основу 173-го отряда. Они постоянно искали боя, больше думали о войне, как найти и уничтожить противника; киевляне – как прибахнуться шмотками к отпуску. (Без наговоров – так было.) Вообще запомнилось и удивило: хочешь – воюй, не хочешь – можно найти «уважительные» отмазки. Рязанцы 1985 г. выпуска отмазок не искали.

Общая характеристика боевых действий батальона в этот период. Зона ответственности, по отношению к тому, что рассказывали предшественники, была сильно урезана. За реку Аргандаб и водохранилище не ходили и не летали. (На моей памяти только один раз летали с Сашей Зайковым вдоль Северной дороги). На юго-востоке тоже была обширная «договорная зона». Все вооружённые «духи» там – «друзья». На облётах подсаживались к машинам – «дуст!» – друзья. Уже было больше облётов на вертолётах и выходов на броню. Налётов на укрепрайоны не проводилось совсем. Велось много переговоров с «духами» и заключалось много «перемирий».

Для войны оставался свободен северо-восток до линии кишлак Шахкарез – г. Бурибанд – укрепрайон Апушелла, восток до г. Калат вдоль дороги

Кандагар – Калат, до реки Лора; на юге и юго-западе – пустыня Регистан. Кишлачная зона вдоль калатской дороги была сильно разрушена, чувствовались годы войны.

Помню, что на момент моего приезда в батальоне длительное время не было результатов и это нервировало руководство батальона. А незадолго до приезда группа 1-й роты в пустыне попала на днёвке под «духовскую» раздачу. Были раненные.

Первый боевой выход 26–29 сентября. Командир группы М. Дядюшкин, я в качестве второго офицера – три ночи организовывали засады вокруг горы Букегар северо-западнее укрепрайона Шинарай. «Духи», вероятно, вычислили группу – пастухи и отары овец обложили со всех сторон. 11 «пастухов» в результате были задержаны, связаны и до прилёта вертолётa грелись на палящем солнце. Двоих забрали в батальон в качестве «пленных».

На «вертушках» забирать нас прилетает замкомбата В. Удовиченко (клички: Борода, Удав). До темноты оставалось минут сорок. Полетели. Внизу кишлачок-хуторок: два домика, два сарая, арык, вытекающий из кяриза, бахча, несколько деревьев... «Досмотрим, – сказал Удовиченко, – в прошлый раз здесь нашли «стволы». (Нужны результаты!)

Сели за ближайшим бутром, вертолётy с воздуха прикрывали. Цепью бегом приближаемся к кишлаку. Жителей не видно. Нервы не выдерживают, бойцы начинают стрелять. В сараи, в дома, в кяриз летят гранаты. – Пусто, людей нет. (Очень глубокий кяриз из горы – вероятно, укрылись там.) Загорелась соломенная кровля дома, начинаем отходить. И тут раздаётся детский плачь. На земле сидит и плачет ребёнок – не больше 2–3 лет. Вертолётy ждать не могли. На горы опускалась темнота...

Где-то в это же время. Комбат летал на облёт с разведгруппой. Вертолёт обстреляли. Две винтовочные пули пробили стекло и ударились в дверь над головой комбата. Отметины так и остались.

Выход 1–4 октября. Саша Тоскин командир, я вторым офицером. Район горы Шарки-Баггай. Ни в первую, ни во вторую ночь у караванного маршрута не садимся. Спрашиваю Сашу: «В чём дело?». Он: «А зачем нам «духи»? На фиг нужна эта война!». Незадолго до моего приезда он со своей группой попал под обстрел, был ранен в палец и тонус на войну у него упал.

23–25 октября. Саша Зайков командир. Десантируемся вечером в одном из северных ущелий горы Баггар. На днёвку залезаем на горы Сра, южнее г. Бурибанд. Сверху, как на ладони, междугорье вдоль Калатки – всю ночь по долине интенсивное движение машин. Предвкушаем. Ещё одну ночь идём, пьём воду из каких-то грязных овечьих луж (тянуть тёплую воду через фильтр «Родник» нет терпения), днём в мазаре Мулла-Алайзайника южнее Апушеллы, а утром по радиостанции из батальона: «Срочная эвакуация, в зелёнке под Кандагаром бьют группу 3-й роты. Прилетели в ПДД, Саша Зайков бегом к комбату – пустите нашу броню! (БМП-2 только у 1-й роты.) Вся рота собралась, ждём выезда. Но команды на выход так и не последовало. Эвакуировать группу поехала «броня» 2-й роты на БТР-80, которые только прибыли из Союза и у которых не был даже БК для пулемётов! (Не детали-

зирую, всё это подробно описано.) 9 погибших! Одна из причин произошедшего, опять же – дать результат! В один из Су-25, которые поддерживали группу в «зелёнке», попал «Стингер» – вырвало огромный кусок фюзеляжа из-под хвостового оперения. Но благополучно сел. (Показывали фотографию, и была статья в «Красной Звезде».) Большая трагедия для батальона. Ни о чём другом офицеры и бойцы говорить не могут несколько дней...

Через несколько дней Саша Зайков километрах в 80 от ППД недалеко от калатки с группой (должны были лететь вместе, но меня, как я не упирался, парторг отправил «вставать на партучёт» в бригаду в Лашкаргах) забил «Симург» и человек 10 «духов», соответственно 10 стволов. Идём с Сашей к Анвару Хамзину в госпиталь (ранен 25 окт.). Саша: «Анвар, я им отомстил за вас!».

28 октября. Ещё одна трагедия. В Шахджое, в 186-м отряде, почти полностью была уничтожена группа Олега Онищука. (Об этом много и подробно писали, не буду повторяться.) И он, и Слава Горошко, который прилетел его вытаскивать, уже пару раз при мне останавливались у нас в роте, когда прилетали в Кандагар по делам. Они были очень дружны с Сашей Зайковым. Олег произвёл очень хорошее впечатление – грамотный, вдумчивый, интеллигентный офицер. Слава Горошко был его полной противоположностью и полностью соответствовал своим эпатажным поведением, манерой разговора кликухе «Рембо». Очень убедительно показывал, как будет резать головы «духам». Вскоре после этого он также прилетал в Кандагар, подробно всё рассказывал, показывал фотографии погибшей группы. У Олега пулей было снесено полголова...

Разумеется, было самое детальное изучение и того и другого эпизода. Командование стало думать, как ещё усилить огневую мощь групп. Во-первых, численность групп была строго установлена – 20 человек – под завязку, сколько влезает в два Ми-8. (До этого было более-менее произвольно – до 20 чел.) Во-вторых, решили включить в вооружение группы 82-мм миномёт. (А было уже АГС-17 и 12,7-мм станковый пулемёт «Утёс».) Все, разумеется, взвыли. Отменили – группа просто не смогла бы передвигаться...

Ещё ввели связь только через шифроблокноты. Из командиров групп им нормально мог пользоваться только я – опыт участия в учениях и в соревнованиях в Союзе. (Прапорщик-шифровальщик был из Псковской бригады, вместе служили, так и говорил: «Дима, что пишут – понять не возможно! Только у тебя всё в порядке».) Поэтому спустя время это требование тоже отменили. На вооружение для связи с отрядом приняли радиостанцию КВ «Северок», дальность связи 200–300 км. (Однажды по ней я услышал переговоры нефтяников в Союзе, говорили про какие-то трубы. Сначала я подумал, что кто-то просто шифруется. Но связисты в отряде сказали, что всё возможно – горы, скалы способствуют сверхдальней связи.) Также было установлено – как только группа начинает бить караван – сразу вызывать Су-25. И при любой опасности сразу вызывать самолёты. Это неукоснительно соблюдалось. Прилетали самолёты, комгруппы указывал трассерами направление возможного подхода сил противника или ближайший кишлак, дальность и самолёты «демонстрировали силу».

5–6 ноября. Встали в засаду с «бронёй» (на БМП-2) прямо в пустом кишлаке Гаркалай (40 км на северо-восток от ППД. Жителей, как сказали мне раньше, «духи» вырезали из-за того, что возле кишлака группа отряда забила караван. Здесь же на краю кишлака штук 20 холмиков-могил). Ночью со стороны зелёной зоны в сторону Пакистана едут два мотоцикла и «Симург». Проехали мимо в 20 метрах. Бить было очень удобно. Но я команду на открытие огня не дал. Как учили – если в сторону Пакистана, скорее всего, проверка маршрута, надо пропускать. Однако больше движения за всю ночь не было. Жалко. Но не всегда угадаешь...

22–24 ноября. Сели на караванном маршруте в Мандехе у р. Тарнак и дороги Кандагар–Калат в 35 км от Кандагара. На вторую ночь, только стемнело, от кишлака Манджикалай пошли два «Симурга». Между ними метров 200. Тут уже не сомневаюсь – будем бить. Когда первый поравнялся с группой – открыли огонь. Второй остался за Тарнаком. Первый остановили быстро, с духами из второго вступили в перестрелку. Автоматная пуля ударила в бруствер передо мной сантиметрах в десяти. Отрезвление. Не расслабляйся. Результат – два сожжённых «Симурга», один труп, два сгоревших ствола.

4 декабря «броня» 1-й роты на БМП-2 дала крупный результат. Командир – М. Дядюшкин. Пару дней «броня» с грохотом каталась вокруг горы Бурибанд, пугая «духов». Встала на ночёвку километрах в трёх к западу. Под утро пошёл караван – машин восемь – не поверили своим глазам. За машинами гонялись на БМП, стреляли из пушек. Результат: 2 «Симурга» захватили, 2 сгорело, 60 стволов, 2 миномёта – пригнали в ППД. Этим же вечером Игорь Веснин просчитал по рассказам ситуацию, вылетел на облёт и в ущелье недалеко от места засады захватил ещё один «Симург» с оружием и боеприпасами: 15 стволов, 1 ДШК, 2 миномёта, РС.

Январь 1988 г. Из Кабула прилетел генеральский чин для проверки 70-й омсбр. Моя группа на БМП-2 – в сопровождение. Едем через Кандагар и «зелёнку» на запад – генерал смотрит обустройство блокпостов бригады вдоль дороги. Кандагар проезжаем вместе с колонной пустых бензовозов, идущих назад. В колонне сверху на «броню» в Лашкаргахский гарнизон везут новобранцев. Они без оружия, в мятых шинелях, беспомощные, как цыплята. Сильное впечатление от Кандагара и «зелёнки». Город – много руин, ещё больше пыли. Дорога по «зелёнке» – на протяжении 15 км – подбитая «духами» советская техника: бензовозы, БТР-ы, танки, БМП и т. д. – Сотни! Их сдвинули с дороги на обочину и они образовали защитный бруствер. Но часто его для проведения засад используют и «духи». (А возле нашего батальона за годы войны тоже выросло огромное кладбище подбитой техники – тоже сотни машин.) В конце концов, в виду высоких потерь техники и людей, дорогу западнее Кандагара «передвинули». В некоторых местах видны очень обширные кладбища. Очень обширные. Девятый год войны. Сразу после выхода из города в районе кишлака Синджараи она уходит севернее и идёт по глиняной, ровной, как стол, пустыне. Как выживают бойцы на блокпостах – понять трудно. Дело не только в «духах» – условия жизни не просто суровые – адские. Разумеется, минимальные бытовые условия – землянки-

норы и нет электричества, а значит, нет кондиционеров. Меняются раз в 2 недели. Зимой ладно, но как живут летом? (Избалованы мы в своих фанерных модулях – 2 кондиционера на офицерский кубрик.)

Ночуем на крупном, опорном блокпосте севернее «зелёнки». Он обустроен посерьёзнее. До «зелёнки» по прямой 3–4 км. Ночью пулемёт и танк периодически стреляют – бдят. Просыпаешься от выстрелов, переворачиваешься на другой бок и засыпаешь до следующей серии.

Утром залезаю в танк и в сильную оптику прицела рассматриваю «линию фронта». Общаюсь с местными бойцами – война идёт почти каждую ночь. «Духи» подбираются к блокпосту метров на 400 (блокпост со всех сторон обнесён колючей проволокой и минными полями) – стреляют и отходят. После этого на полчаса блокпост оживает ответным огнём. Покатавшись по блокпостам с генералом, дожидаемся очередную советскую колонну (к ней же пристраиваются и афганские «барбухайки») и вместе с ней проезжаем Кандагар в обратном направлении.

...Сидим 3 дня в засаде прямо в кишлаке Гаркалай. Мертвые дома, в которых еще не выветрился дух живших здесь людей. Одни из сотен, из тысяч – малое человеческое гнездо у подножья большой горы, у подножья большой войны... Дома тесно примазаны к стенам кишлака, а стены к домам. И так весь кишлак. Тесный, за минуту внутренними ходами можно пройти насквозь. Самое высокое здание мечеть. Ощущение игрушечности. Городок гномов из далекого детства. Идиллия и смерть на войне рядом. От горы тянется кяриз, переходящий в арык – вода. В небольшом пруду лезят крабики. Иду по кяризу в глубь метров 50 – абсолютная темнота, как в могиле. Маленькие рыбки тыкаются в ноги.

Каждую ночь группа занимает боевые порядки в начинающем ветшать человеческом жилье. Поднимаюсь на площадку мечети – вся равнина у моих ног. И тревожно, и покойно. Ночь. Силуэты гор по периметру равнины, сигнальные огни проводников караванов, далекие крики пастухов, прочесывающих местность в поисках разведгрупп, пункты трассеров и эхо взрывов над «зеленкой» – «духи» выясняют отношения между собой, блуждающие огни далеких фар – афганская ночь. И звездное небо, и журчание близкого арыка, и силуэты деревьев, и крик птицы... И мысли о доме, и о жизни, и о смерти... Ветхо-зеленый свет экрана ночного бинокля, чавканье сгущенкой бойца в темноте, прорвавшийся храп другого, матовый блеск оружия, тепло спального мешка и холод остывающей земли... Вся ночь, как длинный фильм. Ночь ворочается и хрипит, и стонет, и плачет, и стреляет... Все звуки замрут под утро. Днем земля будет отдыхать от ночного бдения. Ну, а пока над равниной ночь... Человек очень скоро привыкает к такому стилю жизни. Обостряются чувства, человек снова становится частью природы.

Далеко не каждая засада заканчивается бурной огневой развязкой, не каждая – смертью, но всегда перенапряженными до звона нервами, и вместо похвалы – брюзжание старшего начальника, и баня, и воды залейся, и два письма из Союза, и сон (сон, не перебиваемый сиднокарбом, в четверть приоткрытого глаза) на белых простынях, под кондиционером...

Утром в кишлак забрёл дехканин. Пришлось взять в плен. Группу приехал снимать замкомбата. Но едем не в ППД, а к горам Маранджангар – восточная граница «зелёнки». Дехканина берём с собой, по пути на поле ещё одного. За годы войны люди обрели овечью покорность. Лишь в первые минуты крестьяне пытаются что-то выяснить, но, получив пару пинков от солдат, затихают. Машины, вытянувшись в цепочку, приближаемся к горам. Несколько дней назад, при попытке захватить склад оружия «духов», был сбит Ми-24. БТРы окружают место падения. Серо. Все небо покрыто облаками – вариант афганской зимы... Рядом остатки кишлачка, 2–3 дома, и группа фруктовых деревьев. В саду, предварительно завязав глаза, «пленных» привязывают к деревьям. И БТР-ы отъезжают километра на два. Неясным все остается до тех пор, пока не начинают стрелять далекие «Ураганы», а «броня» корректировать по радиостанции огонь по кишлаку. Оказывается, в гарнизон приехали разработчики вакуумных боеприпасов и просили оказать содействие в испытании. Можно было взять баранов, но взяли людей. По одной – по две ракеты стреляют – мы подъезжаем смотрим. (Сначала опускается первая часть боеприпаса на землю, расплывает газообразное ВВ, затем на парашютике спускается детонатор – следует взрыв. Предназначен для борьбы с живой силой в укрытиях). Взрывы идут рядом, со стороны кажется, что кишлак накрыло, подъезжаем – люди живы. В конце концов один «дух» развязывается и убегает, второго мы отвязываем и уезжаем в батальон.

21 января 1988 г. даю с группой «результат» на облёте. Летали вдоль калатки на северо-восток от Кандагара. Уже возвращались, когда на дороге Манджикалай – Канате-Хаджибур у р. Тарнак обнаружили грузовик МАЗ-500, стоявший носом в сторону Пакистана. Рядом с машиной никого не было. Смutilo это. Уже пролетели мимо, но вернулись. Открыли брезент – под завязку боеприпасов: 100 реактивных снарядов, 600 мин к 82-мм миномету в индивидуальной укупорке. А самое интересное – 10 реактивных снарядов увеличенной дальности. Калибр около 120 мм, головная часть отдельно, маршевая с двигателем – отдельно. Соединялось резьбой. Высота около двух метров. Настоящая ракета. Эту «штуку», как потом говорили, взяли в нашей зоне ответственности впервые. Оказалось, машина заглохла, и ее оставили под охраной. Видимо, при подлете вертолетов «духи» разбежались. Неподалеку, в районе кишлака Маджикалай, работала «броня» второй роты. Видимо, из-за этого караван и встал. Через батальон я связался с «броней». Она подошла. Игорь Морозов, командир «брони», глядя на МАЗ, разочарованно: «Ну, я же хотел досюда доехать!». С толкача завели МАЗ и своим ходом приехали в ППД. Потом до конца войны этими минами стреляли, когда выходили на «броню».

Вроде результат на «шару» и даже без боя. С другой стороны, результат системной ежедневной работы – пожалуй, в это время я со своей группой был самым активным – и в засады чаще других ходил, и летал постоянно.

Утром группа 3-й роты на облете в ходе боя уничтожила еще два ГАЗ-66 с оружием и боеприпасами в к. Тагзигбарга, скорее всего, из того же каравана... В то время в батальон приехала комиссия. Результаты были очень кстати.

Тогда же – 1-я рота выходила на деблокирование гарнизона правительственных войск в г. Шахри-Сафа – от Кандагара ок. 60 км по дороге на г. Калат. Придали гаубицу Д-30. Приехали под вечер. Встретились с руководством гарнизона, договорились о взаимодействии. Стояли дня три на блоках вокруг горки, где располагались основные силы «зелёных», методично «демонстрировали силу» – обстреливали из гаубицы и миномётов вероятные пути подхода противника, выставляли недалеко небольшие ночные засады.

Группа 1-й роты, командир Андрей Панфёров, замполит роты, несколько дней сидела на НП на горах Хадигар, чисто с задачей вести наблюдение за движением караванов. Андрей был фанат штанги – с собой на НП взял штангу. В результате наблюдения в одном из ущелий было замечено движение машины. «Броня» 2-й роты (Игорь Морозов) пришла по вызову и уничтожила склад боеприпасов.

В конце января – начале февраля 3-я рота принимала участие в крупной войсковой операции на севере провинции Гильменд по ликвидации банды муллы Насима. Мы в Кандагаре узнали об этом только 1 марта.

29 февраля. В Фарахрудском батальоне погиб Валера Гончар, с которым вместе служили командирами групп в 1-й роте во Пскове. Ехал на помощь группе и попал в засаду.

12 марта. Немного юмора. Общаюсь с комбатом В. Горатёнковым:

— Подушков, ты журнал «Крокодил» читаешь?

— Нет, товарищ майор...

— Зря, надо читать, личный состав любить будет.

— Я не женщина, чтобы меня любили...

— Ну так, уважать. Наказываешь, но с юмором.

Иногда я ходил на войну с 3-й ротой.

13 марта. За три дня – два ЧП. Одному бойцу на противопехотной мине оторвало ступню. На выходе «брони» 2-й роты из-за неаккуратности БТР задавил бойца.

2 апреля. Засада на вьючный караван. Маршрут от горы Тарикагар (со стороны Пакистана) до «зеленой зоны» у города Кандагар проходил по пустыне Регистан (ок. 30 км). Данные о движении вьючного каравана дала агентурная разведка. Вечером разведгруппа под командованием комроты ст. лейтенанта А. Панина десантировалась с вертолетов в километре от караванной тропы, приблизительно в середине маршрута. В группу из 30 человек, помимо командира, входили еще И. Веснин, А. Тур, я и начальник разведки отряда Д. Гребениченко. Он совсем недавно прибыл к нам из ВДВ, и этот выход был у него первым.

К тропе приблизились быстро. Группа осталась за барханами. Выставив наблюдателей, офицеры вышли на рекогносцировку. Панин решил выделить две огневых подгруппы по десять человек в каждой и растянуть их по фронту для того, чтобы бить длинный караван или две караванные группы. Первая огневая подгруппа, в которой находились Панин и Веснин, расположилась от тропы в 20–30 метрах. Второй командовал Тур, и помогал ему начальник разведки. Они лежали от тропы в 50–70 метрах. В каждой подгруппе было

Тогда же – 1-я рота выходила на деблокирование гарнизона правительственных войск в г. Шахри-Сафа – от Кандагара ок. 60 км по дороге на г. Калат. Придали гаубицу Д-30. Приехали под вечер. Встретились с руководством гарнизона, договорились о взаимодействии. Стояли дня три на блоках вокруг горки, где располагались основные силы «зелёных», методично «демонстрировали силу» – обстреливали из гаубицы и миномётов вероятные пути подхода противника, выставляли недалеко небольшие ночные засады.

Группа 1-й роты, командир Андрей Панфёров, замполит роты, несколько дней сидела на НП на горах Хадигар, чисто с задачей вести наблюдение за движением караванов. Андрей был фанат штанги – с собой на НП взял штангу. В результате наблюдения в одном из ущелий было замечено движение машин. «Броня» 2-й роты (Игорь Морозов) пришла по вызову и уничтожила склад боеприпасов.

В конце января – начале февраля 3-я рота принимала участие в крупной войсковой операции на севере провинции Гильменд по ликвидации банды муллы Насима. Мы в Кандагаре узнали об этом только 1 марта.

29 февраля. В Фарахрудском батальоне погиб Валера Гончар, с которым вместе служили командирами групп в 1-й роте во Пскове. Ехал на помощь группе и попал в засаду.

12 марта. Немного юмора. Общаюсь с комбатом В. Горатёнковым:

— Подушков, ты журнал «Крокодил» читаешь?

— Нет, товарищ майор...

— Зря, надо читать, личный состав любить будет.

— Я не женщина, чтобы меня любили...

— Ну так, уважать. Наказываешь, но с юмором.

Иногда я ходил на войну с 3-й ротой.

13 марта. За три дня – два ЧП. Одному бойцу на противопехотной мине оторвало ступню. На выходе «брони» 2-й роты из-за неаккуратности БТР задавил бойца.

2 апреля. Засада на вьючный караван. Маршрут от горы Тарикагар (со стороны Пакистана) до «зеленой зоны» у города Кандагар проходил по пустыне Регистан (ок. 30 км). Данные о движении вьючного каравана дала агентурная разведка. Вечером разведгруппа под командованием комроты ст. лейтенанта А. Панина десантировалась с вертолетов в километре от караванной тропы, приблизительно в середине маршрута. В группу из 30 человек, помимо командира, входили еще И. Веснин, А. Тур, я и начальник разведки отряда Д. Гребениченко. Он совсем недавно прибыл к нам из ВДВ, и этот выход был у него первым.

К тропе приблизились быстро. Группа осталась за барханами. Выставив наблюдателей, офицеры вышли на рекогносцировку. Панин решил выделить две огневых подгруппы по десять человек в каждой и растянуть их по фронту для того, чтобы бить длинный караван или две караванные группы. Первая огневая подгруппа, в которой находились Панин и Веснин, расположилась от тропы в 20–30 метрах. Второй командовал Тур, и помогал ему начальник разведки. Они лежали от тропы в 50–70 метрах. В каждой подгруппе было

БОЕВАЯ РАБОТА 370-го ОТРЯДА СПЕЦНАЗ

Зоной ответственности отряда были пустыни Регистан и Дашти-Марго. Сложность района заключалась в том, что в пустыне не было каких-то конкретных караванных маршрутов, а лишь направления, по которым и двигались караваны. Засадные действия в данной местности были малоэффективны. Однако командир отряда не горел желанием разрабатывать иную тактику, несмотря на то что соседи из 173-го отряда, работавшие до прибытия отряда и в этом районе, подсказывали, что здесь необходимо создавать мобильные группы на автомобилях и лучше всего на трофейных. Тем не менее группы отряда больше года тупо отсидели в пустыне, пытаясь организовать засады. На начальном этапе отряд провел несколько не очень удачных налетов. Только осенью 1986 г. новую тактику внедрили, и она стала приносить свои плоды. Впоследствии были организованы аэродромы подскока вблизи перевала Мазари на Пакистанской границе. Результативность разведорганов отряда резко повысилась. Отряд вышел в Союз в августе 1988 г. и вернулся в состав 16-й обрСпН, где и находится в настоящее время.

Особо хочется выделить результаты С.Бреславского, В.Лоншакова, В.Мельника, А.Панина.

Вспоминает первый командир 370-го ооСпН Иван Михайлович Крот.

ОТСУТСТВИЕ ПОТЕРЬ – ЛУЧШАЯ НАГРАДА

(И.М.Крот)

В мае 1985 г. от агентурной группы поступила информация, что со стороны Пакистана в направлении н. п. Дарвешан пройдет караван с оружием и боеприпасами. Мною было принято решение обнаружить и уничтожить караван силами трех групп, на наиболее вероятный маршрут движения была направлена группа под командованием старшего лейтенанта С.Скрипченко. После трех дней, проведенных группами в засаде, караван обнаружить не удалось. При возвращении групп в отряд поступила дополнительная информация, что караван сегодня точно будет на дневке. Мною была повторно десантирована группа старшего лейтенанта С.Скрипченко в район операции. Соблюдая маскировку, группа скрытно вышла к месту дневки и уничтожила караван из трех машин, было захвачено много оружия и боеприпасов, группа потерь не имела. Это была первая классическая операция по уничтожению каравана во взаимодействии с агентурной разведкой и органами ХАД. Так мы постепенно учились воевать. За мужество и храбрость личный состав был награжден орденами и медалями, командир группы получил орден Красной

Звезды. Успеху сопутствовали высокая подготовка группы, достоверная информация и скрытность выхода в район засады (налета. – *Прим. С.К.*).

В середине июня 1985 г. от «доброжелателей» начальнику разведки отряда старшему лейтенанту В. Болотову поступила информация, что банда в районе 25 км юго-восточнее н. п. Нау-Зад в составе 110 человек готова перейти на сторону народной власти из-за разногласий с соседними бандформированиями. Было принято решение выслать усиленный разведывательный отряд в составе роты на БМП, роты на БТР, зенитно-артиллерийской группы и взвода минометов «Василек». Поддержка с воздуха осуществлялась четырьмя вертолетами Ми-24, четырьмя вертолетами Ми-8 мт с десантом на борту, а также парой Су-25. Разведывательный отряд возглавил я лично, а для координации действий от бригады прибыл заместитель командира подполковник М.П. Масалитин, очень подготовленный и невозмутимый в боевой обстановке человек.

В три часа ночи разведывательный отряд (РО) в составе 210 человек и 40 единиц техники начал совершать марш в район предстоящих действий. С нами находился проводник, который не знал, как ориентироваться по карте, а только показывал рукой, куда нужно двигаться. РО постепенно втягивался в горное ущелье в направлении н. п. Нау-Зад. Чтобы не допустить блокирования основных сил отряда в ущелье и обеспечить его выход обратно, было принято решение оставить у входа в ущелье усиленную группу старшего лейтенанта И.Н. Рыбалко. Вертолетам огневой поддержки была дана команда провести разведку вершин гор и при обнаружении мятежников уничтожить их. Су-25 также была поставлена задача не допустить подхода бандформирований с указанных направлений. Когда район был взят под контроль с воздуха, РО продвинулся вперед и заблокировал горный кишлак, два Су-25 уже наносили удары по подходящим с севера мятежникам. Мы с подполковником Масалитиным и переводчиком лейтенантом Алиевым встретились с главарем банды Абдул-Кадыром. В течение часа отряд изымал оружие и боеприпасы, грузил на автомобили членов банды. По информации начальника разведки, у банды должны были быть БТР-40 и около 10 крупнокалиберных пулеметов ДШК, однако их мы не обнаружили. Я сказал Абдул-Кадыру, что если он не укажет, где находится БТР и ДШК, то блокирование севернее кишлака будет снято, и пусть он сам воюет с выдвигающимися бандформированиями. Это на него быстро подействовало, он вызвал к себе людей и дал команду показать, где находятся БТР и тайники с ДШК. За каждый тайник отвечал конкретный человек. В кишлаке мы уже находились около двух часов, это очень много, но наконец разведчики с проводниками возвратились с десятью ДШК, и своим ходом подбехал маленький БТР-40, некогда захваченный у афганских войск.

Когда была проведена очередная смена вертолетов в воздухе, РО начал выходить из района боевых действий. Отход обеспечивала усиленная группа лейтенанта В. Козлова. К вечеру отряд возвратился в г. Лашкаргах, где банду передали органам ХАД. Она перешла на сторону народной власти, в дальнейшем из нее сделали батальон ХАД.

На второй день после доклада о проведении успешной операции из Ташкента прилетел начальник штаба ТуркВО генерал-лейтенант Ю.А.Гусев, который на плацу осмотрел трофеи, поблагодарил за хорошую работу в сложных горных условиях и приказал представить особо отличившихся к правительственным наградам. Однако высоких наград из числа представленных к награждению никто не получил. Старший лейтенант В.Болотов, представленный к ордену Красного Знамени, получил орден «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, который получают в мирное время, хорошо пройдя по плацу строевым шагом.

Для себя мы сделали вывод, что уже научились добывать разведывательную информацию своими силами и успешно ее реализовывать на практике, не потеряв ни одного солдата. Для командиров это и есть самая высокая награда.

* * *

Сергей Константинович Бохан на этапе ввода был начальником штаба 370-го ооСпН. Именно он занимался поиском путей выполнения боевых задач в тех непростых условиях.

УЧИМСЯ ВОЕВАТЬ

(С.К.Бохан)

Особенности начального периода

В дополнение к моим обязанностям начштаба на мои плечи легла организация боевой деятельности. Замкомандира отряда не сильно стремился воевать.

Приняв под свое крыло 173-й, 186-й и 370-й отряды, командование бригады, мудро рассудило, что в отрядах на местах виднее, и потому старалось не вмешиваться в боевую работу отрядов. И это касалось даже нашего отряда, который был под боком. Бригада не пыталась учить нас готовиться к выходу или не указывала, в каких районах вести войну. Наверное, прежде всего из-за того, что у командования бригады тоже не было боевого опыта. Единственной частью, которая уже воевала в Афганистане второй год, был кандагарский отряд. Они и делились опытом. В один из дней в первую неделю после нашего прибытия в Лашкаргах в отряд прилетел командир 173-го ооСпН майор Тахир Мурсалов. С ним прибыла группа под командованием старшего лейтенанта Сергея Козлова. Они и провели первый экскурс в то, как и сколько готовится группа. Продемонстрировали, что и сколько берет каждый из разведчиков. Обратили внимание на то, сколько должно быть воды на сутки на каждого человека, приоткрыли и другие секреты мастерства.

Они же практически показали тактику действий группы во время осмотра каравана, обнаруженного при облете района разведки.

Тогда же Мурсалов и Козлов указали маршрут, по которому в нашем районе духи доставляли оружие и боеприпасы. Духи пересекали пакистанскую границу на перевале Мазари и далее шли в направлении колодца Набичах, а оттуда в направлении реки Гельменд, где находились три переправы у населенных пунктов (Ходжи-Али-Сахьяка и еще два кишлака, которые начинались на Ходжи-Али, но название забыл), которые из-за схожести названий так и называли «Три Ходжи».

Но этот маршрут находился далеко на юге, и высадить туда группы мы не могли. Кандагарцы нам рекомендовали работать там на машинах. Но на начальном этапе, может быть из-за большого количества новой информации, мы не обратили на это предложение должного внимания.

Учимся сами

Также мы пытались получить хоть какую-то информацию от командования десантного батальона, который стоял в Лашкаргахе до нас и пытался вести засадные действия. Однако делились они информацией крайне неохотно, да и, судя по тому, что на их место было решено поставить наш отряд, дела у них шли не очень хорошо.

Поэтому нам приходилось до всего доходить своим умом. Во время облетов над пустыней мы иногда встречали сожженные машины и понимали, что раз они здесь, значит здесь проходит или проходил караванный маршрут.

Из агентурных источников в Лашкаргахе был только один – Оперативная Агентурная группа военной разведки. Однако информация, которая поступала от них, была абсолютно недостоверна. Выхода на советников ХАД по линии КГБ СССР, которые располагали более достоверной информацией о противнике, у нас не было.

Поэтому в основном действовали «методом тыка». То есть нам приходилось самим в ходе выходов изучать местность, искать и находить накатанные дороги. Но, к сожалению, в нашей зоне ответственности местность позволяла ездить практически в любом месте. А это значит, что не было накатанных дорог, где удобно было делать засады. Особенно это касалось пустыни Дашти-Марго. Поэтому засады здесь не имели ожидаемого успеха. Постепенно становилось понятно, что для эффективной работы будут нужны автомобили, способные двигаться там, где ездят духи.

Примерно полгода мы пытались научиться понимать войну и научиться воевать в местных условиях. Мы прекрасно понимали, что наш пункт постоянной дислокации находится под наблюдением разведчиков моджахедов. Поэтому включалась спецназовская фантазия, выдумывались какие-то нестандартные решения, направленные на обеспечение скрытности вывода групп в район предстоящих действий.

В частности, мы маскировали выход групп под выход транспортной колонны – шесть зачехленных «Уралов» и три БТР-70. В одном «Урале» находились бочки с горючим для машин и бронетранспортеров, а в пяти «Уралах» находились бойцы. Помимо бойцов в кузовах были установлены круп-

нокалиберные пулеметы КПВТ. Для этого шли не прямо в направлении Марджи (базовый район моджахедов), а делали круг. Колонна выходила на бетонку в направлении, например, Шинданда, а по дороге находили съезд и потом уходили в пустыню. Там в подходящем мандехе (сухом русле) машины расчехлялись, и отряд делился на три группы, по две машины в каждой. Далее каждой группе нарезался район, который она обследовала. Но нужно сразу заметить, что результативных действий не было. Зато эта работа позволила нам отработать вариант скрытого наземного вывода группы в заданные районы, а также изучили местность.

По ходу действий нам удалось отработать связь и взаимодействие между группами, огневое обеспечение боя и прикрытие. Для связи между машинами на «Уралы» устанавливали радиостанции Р-123, снятые с бронетранспортеров.

Как 370-й отряд развил эту тему, мне увидеть не удалось. Осенью 1985 г. я был назначен командиром кандагарского отряда вместо майора Мурсалова, который к тому времени уже выслужил назначенный ему срок в Афганистане.

* * *

В конце мая 1985 г. командованию отряда от органов ХАД стало известно, что в районе г. Гиришк находится укрепленный район моджахедов. Для его ликвидации 3 июня был проведен налет силами РО № 600, которым командовал заместитель командира отряда майор Юрченко.

Однако недостаточная информация и отсутствие доразведки сыграли с отрядом злую шутку. Объект прикрывал широкий канал, форсировать который на броне было невозможно, а пешим порядком можно было перебраться только в двух местах, которые простреливались противником.

При попытке ворваться в кишлак погиб лейтенант В. Козлов. Только благодаря решительным действиям прапорщика В. Реброва удалось успешно завершить операцию. (Об этих событиях можно прочитать в очерке: *Мельник В.* Под Гиришком // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 453–456.)

6 декабря 1985 г. при возвращении в ППД после выполнения задачи был сбит ведущий вертолет группы старшего лейтенанта Рашида Жемлиханова. Он, находясь в засаде, наблюдал, как в кишлак, расположенный неподалеку, въехала машина. Сейчас трудно судить, но, скорее всего, это был обманный прием моджахедов, которые решили «наказать» незваных гостей, изобразив активность. Они были уверены, что спецназ не оставит данный факт без внимания. Так и произошло. Рашид, эвакуировавшись с группой, предложил пилотам подойти и проверить кишлак. Но в сухом русле, вдоль которого они летели, стояла в засаде автомашина с ДШК в кузове. Очередь крупнокалиберного пулемета прошла борт вертушки и дополнительный бак, установленный в салоне. Поскольку машина шла на малой высоте, летчики попытались набрать высоту, возможно, чтобы уйти из-под обстрела, а может быть, чтобы можно было прыгать с парашютом. Но от этого пожар в салоне

вспыхнул с новой силой. Спецназовцы прыгали без парашютов со ста метров из горящей машины. Поняв свою ошибку, пилоты зашли на посадку, но машину упала на землю.

Часть разведчиков была жива, и в том числе командир группы. Заместитель командира группы сержант, угрожая пистолетом, требовал от ведомого посадки для спасения товарищей, но летчик выполнил требования инструкции и ушел на аэродром.

После данного происшествия полеты запретили и для спасения, а скорее для того, чтобы забрать тела погибших, из отряда вышла бронегруппа. Удаление было более 100 километров, и броня пришла спустя почти сутки. Видно было, что оставшихся в живых духи добывали. Над трупом командира глумились. Оружие разведчиков стало добычей моджахедов.

После данного происшествия между летчиками и спецназом возникла трещина. Экипаж, отказавшийся садиться, был срочно переведен в Кандагар, от греха подальше.

А спустя буквально несколько недель произошел другой случай. 16 января 1986 г. при возвращении досмотровой группы с облета ведомый вертолет получил повреждения хвостовой балки. Экипажу было приказано прыгать, но летчики отказались это сделать из-за того, что у десанта на борту нет парашютов. Погибли все. Эта смерть восстановила отношения между спецназом и летчиками. К тому же после этого случая во всей 40-й ОА пассажирам и десантникам в обязательном порядке выдавали парашюты перед полетом.

Были разные случаи в совместной деятельности спецназа и пилотов, воевавших в Лашкаргахе. Об этом можно прочитать в материале: *Должиков Г. Помощь приходит с неба // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 458–461.*

Засадные действия, которые пытались проводить в Лашкаргахе, успеха не приносили, и поэтому первый год с небольшим результативность была низкой. В условиях пустыни иногда облеты местности приносили неплохие результаты. Примером таких действий может быть захват на облете крупной суммы денег. 3 июня 1986 г. старший лейтенант Владимир Мельник получил задачу провести учебно-показательный облет для недавно прибывшего в отряд лейтенанта Алексея Панина. Согласно приказа командиром группы был Панин, и его бойцы назначены в группу.

Но облет получился вполне реальный. В ходе облета Владимир Мельник обнаружил спрятавшегося моджахеда и обстрелял его. Оказалось, что там была укрыта целая группа. В результате боя противник был уничтожен, и захвачено стрелковое оружие и 15 млн афгани. (О данном результате можно подробнее прочитать в очерке: *Мельник В. Урок, ценой в пятнадцать миллионов // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 457–458.*)

Обстановка в 370 ооСпН стала меняться с осени 1986 года. Именно с этого времени стали активно применяться мобильные группы на автотранспорте, которые уходили в пустыню Регистан или Дашти-Марго и действовали на караванных маршрутах, которые ранее оставались недосыгаемыми. (Об этом можно прочесть в очерке: *Должиков Г. Погонщики караванов // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 463–466.*)

В начале 1987 г. в отряд для замены командира 1-й роты капитана В. Кошелева, который, откровенно говоря, сторонился войны, прибыл старший лейтенант Сергей Бреславский. Результаты 1-й роты с его приходом стали выделяться среди результатов других рот отряда.

Ниже мы приводим его воспоминания.

АФГАНИСТАН

(С. В. Бреславский)

Моя военная жизнь с 1987 г. была тесно связана с 22-й отдельной бригадой специального назначения, где я проходил службу в различных должностях от командира роты до командира бригады.

Вместе с бригадой и ее личным составом мне довелось испытать радость побед и горечь поражений в Афганистане, пережить необратимые процессы развала СССР в Азербайджане, пожинать в Чечне результаты победившего капитализма в России.

На двух очень значимых этапах моя офицерская служба шла параллельно с историей этого прославленного соединения и мне, конечно, есть, что вспомнить в канун его 35 годовщины.

От судьбы не уйдешь

В начале 1987 г. я по замене убыл в Афганистан с должности командира 1-й роты 10-й обрСпН. Мой отъезд был связан в определенном смысле с мистической историей, которая подтвердила известную военную поговорку: «На войну не просятся, от войны не бегают». Однако расскажу по порядку.

У нас в бригаде существовала очередность убытия в Афганистан. Передо мной в очереди стоял капитан Вячеслав Герасимов. Довольно грамотный офицер, выпускник Тюменского инженерного училища. Когда пришел приказ на замену офицера в Афганистане, Слава поехал в Симферополь на медкомиссию и... пропал. Следующим по очереди был я. Меня и отправили. Спустя месяц после моего отъезда, Слава появился в бригаде. На вопрос: «Где был?» – он ответил, что лежал в госпитале или что-то в этом роде. В начале осени 1987 г. Слава проводил занятия по тактике с личным составом своей роты. Одной из групп он приказал форсировать Северо-Крымский канал, не снимая одежды, обуви, оружия и снаряжения, без подручных средств. Канал довольно глубокий и имеет сильное течение. В результате трое разведчиков утонули. Славе дали шесть лет тюрьмы. Об этом факте я узнал уже в 1988 г.

Так указанная пословица для меня обрела статус непреложной истины.

Война формирует другой взгляд на жизнь

Быстрая смена обстановки – отличительная черта военной службы, особенно в 80-х годах прошлого столетия. Сегодня ты в Старом Крыму «про-

ставляешься» по случаю отъезда в Афганистан, слушаешь напутствия старших товарищей, прошедших этот путь, Сергея Козлова, Сергея Габова. На следующий день ты уже в Ташкенте с лейтенантом Григорьевым Валерой представляешься полковнику Стекольникову в разведотделе ТуркВО, а вечером в ресторане «Восток» в Чирчике с Эльдаром Ахметшиным и ребятами-спецназовцами с курсов «Героев Советского Союза». На «пересылке» военного аэродрома Тузель я записался на самолет в Кабул. Сказали, периодически подъезжай или можешь здесь жить. Круглосуточное пьянство меня не прельщало, и я уехал в Чирчик в общежитие танкового училища. Чирчик и Ташкент были освоены, нравы и обычаи, достопримечательности изучены, лагман, шурпа, плов попробованы, деньги закончились. Команда на вылет выглядела просто спасением от наметившегося жизненного тупика. Снова аэродром Тузель. Толпа народу проходила таможеню. То и дело кто-то огорченный выносил в зал выявленную таможей «сверхнормативную» водку: «Кто будет пить?». Народ тут же ее уничтожал, как в последний раз. Не выбрасывать же. В предбаннике после таможни и границы было душно, потно и тесно, туалет на ремонте. Некоторые «интернационалисты» были уже в состоянии тяжелого алкогольного опьянения. Эта обстановка неизменно усиливала желание побыстрее свалить отсюда, хоть к черту в пасть. Я по наивности своей думал, что это такой креатив от наших политработников – «инженеров человеческих душ». Но если это было так, то на этом «креатив» не заканчивался. В Кабуле из открытой рампы дыхнул горячий воздух аэродрома. Еще одна неделя идиотизма на «пересылке» в Кабуле. Тут я в полной мере осознал старую армейскую мудрость, видимо, еще времен Аракчеева: «Нам не важно, чтобы вы служили, важно, чтобы вы мучились». Какой-то помощник коменданта, старший прапорщик пытался командовать застрявшими на этой «пересылке» офицерами, в том числе и мной. Самой суровой угрозой было: «Отправлю обратно в Союз». Эту тему я уже проходил в Германии. В ответ на это какой-то не очень трезвый капитан, по виду участник еще «Куликовской битвы» 1380 г., приехавший в Афганистан, чтобы опровергнуть другую армейскую мудрость: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют», молвил прапорщику в ответ: «Родиной пугаешь, сволочь? Не на ту стаю напал, иди с «духами» так побазарь». Пока капитан был на пересылке, «стаю» никто не трогал. Потом мы узнали, капитан в Афганистан приехал в третий раз, т. е. четыре года у него за плечами, и видимо, не по своей воле. Просмотрев массу фильмов про басмачей под необычайным звездным небом Кабула, одурев от жары, безделья и безденежья, через неделю я оказался в кандагарском отряде СпН, а на следующий день, вечером, уже летел к месту службы.

В Ташкенте я узнал, что еду на замену Славы Кошелева, командира 1-й роты 370-го отдельного отряда СпН 22-й обрСпН, который стоял на юге Афганистана недалеко от н. п. Лашкаргах, или, как шутники называли, в «Лошкаревке». Со Славой я в свое время служил в 3-й гв. обрСпН в ГСВГ. Он был командиром штабной роты, я – командиром учебного взвода учебной роты. В связи с разностью темпераментов, взглядов на взаимоотношения в

офицерской среде и должностной иерархией, а также традиционной конкуренцией между нашими ротами, теплых отношений между нами не было. Была даже некая неприязнь. Но когда на аэродроме Буст Лашкаргаха я увидел Славу, вышедшего встретить меня, мы обнялись, и вся былая неприязнь и раздражение куда-то исчезли. Плюс ко всему за спиной маячили жуткие воспоминания Тузели и Кабула. Слава мог спокойно улететь в Союз в течение трех дней, но скрупулёзно сдавал роту почти десять дней. Мне это очень помогло качественно принять ротное хозяйство, войти в рабочий ритм, лучше узнать подчиненных офицеров, познакомиться с особенностями жизни и быта роты, а также зоны ответственности отряда. После этого от прежних трений не осталось и следа. В Афганистане, как, впрочем, и в другие периоды моей военной жизни, связанные с боевой деятельностью, многое, если не все, было по-другому: взаимоотношения, ценности, взгляды, оценки происходящего, слова, поступки. Пустое, неважное, наносное переставало существовать и оцениваться, поскольку обостренность чувств заставляла смотреть на все окружающее совсем другими глазами. Те, кто потерялся в боевой обстановке, часто в мирное время становятся идеалистами. Они, как правило, очень ранимы и уязвимы, будто люди без кожи, с оголёнными нервами. Да, это есть, но НИКАКОГО АФГАНСКОГО, ТАДЖИКСКОГО, ЧЕЧЕНСКОГО и др., СИНДРОМА, кроме вот такой переоценки ценностей и смены приоритетов, в головах молодых ребят не было и нет. Но война и армия – это не психбольница. И если человек попадал на войну с большой психикой, то и возвращался домой с такой же, а может быть, с еще более расстроенной психикой. Но таких были единицы, а не все поколение, как любят огульно утверждать журналисты и киношники.

В первой роте

На следующий день после отъезда Славы Кошелева, утром на построении я стоял на плацу с ротой. Провожали последних «заменщиков» и уволенных в запас солдат и сержантов. После торжественных речей и напутствия командира бригады полковника Д.М.Герасимова офицеры, солдаты и сержанты сели в вертолеты, взлетели, дали круг над плацем, пошли в сторону пустыни Регистан. Но один вертолет зацепился за сопку винтами и разбился. Меня с ротой отправили собирать погибших. Среди них был новый и старый начфины бригады. С новым я успел познакомиться на пересылке в Кабуле. Они лелели передавать дела в Кабул. «Начало многообещающее», – подумал я тогда.

Оглядываясь назад в 1987 год, хочется сказать огромное Спасибо командиру 370-го отряда майору А.Г.Фомину, он вывез меня на мой первый боевой выход, показал обе пустыни Регистан и Дашти-Марго, порядок организации боевых действий. Все было по-наставнически, как настоящий старший товарищ. Особая благодарность заместителю командира отряда, майору В.И.Чернышеву, с которым мы ранее служили в ГСВГ. Володя, пока я был ротным, выступал настоящим наставником всем категориям командиров в батальоне, как в методике подготовки к «войне», в проведении воздушной разведки местности, так и в повседневной жизни.

В течение первых месяцев мне пришлось вживаться в обстановку, изучать районы вероятного нахождения противника, две пустыни, которые входили в зону ответственности нашего отряда, и, конечно, особенности ориентирования. С этой целью периодически мы брали с собой на боевые выходы так называемых «доброжелателей». Один раз проводником выступил молодой пуштун. Он хотел заработать денег на свадьбу и согласился с нами «покататься». Мы дошли до самой границы с Пакистаном. С его помощью мы обнаружили взлетно-посадочную полосу для легких самолетов, перевалочную базу «духов» в провинции Гильменд, две рабочих дороги в районе Рабати-Джали провинции Нимроз, района Чахар Бурджак, что на стыке трех границ Афганистана, Пакистана и Ирана.

С другим, потомственным контрабандистом Бобо-Джаном, мы изучили все колодцы с водой в пустыне Регистан, основные направления верблюжьих караванов, рабочие мраморные каменоломни на границе с Пакистаном, места в пустыне, которые можно пройти только в определенное время суток, узнали много особенностей при ориентировании в пустыне, изучили местные названия местностей и населенных пунктов, колодцев и сухих рек (мандехов), изучили на юге основные проходы и перевалы в горной гряде, разделяющей Афганистан и Пакистан. Некоторые разведданные объекты миниrowались, другие посещала наша авиация, на третьих мы устраивали засады. Зона ответственности отряда с каждым днем становилась все «меньше и меньше».

Участие в боевой деятельности чередовалось с караульной службой, воздушной разведкой местности с досмотром караванов, подготовкой к очередному боевому выходу и самими боевыми выходами.

Среди моих ближайших помощников были: заместитель командира роты Андрей Перемитин, зампотех роты Григорий Кулик, замполит Андрей Кандеешкин, командиры взводов в разное время: Большаков, Гончаренко, Веселков, Семенаш, Барышников, Белов, Фролов, старшина и переводчик роты. Много было толковых сержантов: Авдеенко, Киселев, Корецкий и другие, которые составляли костяк роты и вели за собой рядовой состав, занимаясь его боевой и психологической подготовкой. Вначале я приглядывался к устоявшимся традициям и укладу жизни роты. Затем пришлось кое-что менять, корректировать.

Например, меня поразила традиция не бриться перед боевым выходом. В ходе боевой подготовки самым слабым местом в некоторых группах была организация и управление огнем в ходе проведения засады, взаимодействие между подгруппами. Пришлось, иногда даже через командирскую волю, менять положение дел. Конечно, из-за недостатка полевой формы бойцы и офицеры нередко одевались кто во что горазд: от «духовской» одежды до весьма странного гарнитура: ботинки и рубашка от парадной формы одежды, а штаны могли быть от чего угодно. Но бритье, стрижка и свежий подворотничок, если того требовала форма одежды, стали обязательными перед боевым выходом, как у русских дореволюционных солдат, так и советских в годы Великой Отечественной войны.

На войне бывало всякое

Немало было случаев, когда с ротой на «войну» выходили офицеры штаба бригады и офицеры-медики. Они действовали всегда в качестве «рядовых» разведчиков, прекрасно справляясь с временной сменой субординации, когда подполковник подчинялся старшему лейтенанту. Бывало, некоторые пытались взять управление на себя из-за неких комплексов. Таких я старался больше не брать с ротой на выходы. А были и такие, как, например, старший лейтенант Фидаров Эльбрус Зелимханович, офицер батальонного медпункта. В ходе боя на юге пустыни Регистан, у границы с Пакистаном, оценив ситуацию, возглавил подгруппу разведчиков и в окружении вел бой до подхода армейской авиации.

Бывали и курьезные случаи. В августе 1987 г. я находился в засаде в пустыне Регистан. Шел третий день засадных действий. Ночью мы в очередной раз выдвинулись на позиции. Тишина, звезды. Вдруг слышу какой-то писк. Радист докладывает, что сработал «Ляпис», радиостанция экстренного вызова «Центра». Я должен срочно выйти на связь по «Ангаре». Что-то случилось «экстра», подумал я. Оказалось все прозаичнее. Какая-то группа афганских товарищей должна проехать мимо нас. Надо их пропустить. Через час снова на связь. Теперь команда отставить. Новая информация, утром эвакуация. «Командир роты убывает в Кабул». Под утро мы тихо начали сниматься, а в это время поехала машина с «духами», мы только на свои места, а она уехала на сторону «зеленки». Все, «просрали» результат! Я не находил слов и эпитетов для чудовищно идиотской ситуации. Отходим снова, тем более что на связь вышли вертушки. Подходим к району эвакуации. И тут снова сержант Авдеев кричит: «Еще одна машина!». Мы рванули обратно. Выскакиваем на позиции, внизу по «мандеху» едет «Тойота». Но до нее метров 800. Бойцы рванули в цепь бегом. В результате огня из стрелкового оружия подбитая машина развернулась и пошла назад в пустыню. Но я уже был на связи с вертолетами. Попросил один Ми-24 пройти в сторону пустыни, а второй в сторону реки Гильменд и посмотреть машины. Пока мы садились в Ми-8, ребята слетали и влупили первую машину и добились вторую. На досмотр должна была выйти группа из другой роты. Мы, матерясь, вернулись в ППД, и уже к обеду я был в Кабуле на конференции, которую проводил генерал армии В.И. Варенников.

А вот еще один штрих к повседневной жизни в Афганистане. Как-то летом я узнал, что мой бывший ротный в ГСВГ Володя Дядело, командир 459-й отдельной роты СпН 40 ОА, попал в какую-то неприятную ситуацию. Я пришел в роту, она благо недалеко от штаба 40-й ОА. Мне рассказали, что ротный, замкомроты и старшина находятся под арестом. Дело ведет прокуратура. Я нашел следователя. Он мне рассказал, что ребята помогали афганцам из МГБ сводить счеты со своими недругами, кого-то убили прямо дома, здесь в Кабуле, и добавил: «Я бы их уже и отпустил бы, но жду характеристики из Вашего разведотдела армии, а их все нет». Я пошел в разведотдел, нашел там полковника Плешакова и рассказал ему об этой ситуации. Он посетовал на занятость, отметил, что они сами виноваты и хотел

было уходить. Я убедил его, что характеристики я напишу сейчас сам, а он их подпишет. Плешаков все-таки подключил какого-то офицера к этой работе, и через два часа я встречал Володю Дядело с его людьми в расположении его роты в бане. Он вкратце мне рассказал, что действительно они по просьбе их друзей, афганских МГБистов, обеспечивали им прикрытие каких-то их спецопераций в Кабуле, но сами никого не убивали. «Друзья», когда их взяли за одно место, «перевели стрелы» на Володю и его подчиненных. Дело в том, что «друзьям» они не могли отказать в помощи, поскольку те их выручали каждый раз, когда из разведотдела армии поступала команда: «Нужно «достойно» встретить очередного московского гостя, разместить, сделать какой-то подарок». Для этого офицеры разведотдела сбрасывались по 10 чеков и передавали Володе. На сумму в 50–60 чеков все это было выполнить нереально. Поэтому он обращался к «друзьям» из МГБ. Они выделяли «Волгу» или японский «джип», размещали, если в этом была необходимость, накрывали стол, пока командировочный находился в Кабуле, находили хорошие подарки в зависимости от ранга московского гостя. И это, конечно, стоило не тех денег, которые собирали офицеры. Ну, а после этого афганские «друзья», конечно, были вправе рассчитывать на ответную помощь. В конечном итоге ребята все-таки были осуждены и отправлены в Союз отбывать свои сроки. Я слышал потом, что они попали под амнистию и были освобождены.

В Афганистане были и такие случаи, когда в ходе нашей боевой деятельности афганцы, зная, что ночью передвижение по караванным тропам и маршрутам запрещено и что они могут быть уничтожены, тем не менее ехали и погибали. Если при этом оружия у них не было, то офицер, командир мог попасть на скамью подсудимых. Так случилось с одним моим командиром группы в пустыне Регистан, недалеко от трансафганской магистрали. Особист, находившийся на ЦБУ отряда, услышал доклад командира группы о том, что огнем стрелкового оружия уничтожен караван «духов». Сразу возникли вопросы, а оружие захвачено. Я объяснил ему, что досмотр разрешен только с рассветом. «Утром посмотрим», сказал особист и ушел. Тут же выяснилось, что «духи» были мирные, но изрядно обкурившись, решили выйти в ночь. Оружия у них нет, семь верблюдов и три человека. Пришлось утром подкинуть командиру группы пару «дежурных» стволов. Иначе офицер мог сесть в тюрьму или иметь большие неприятности.

В поисках противника

Было и такое, когда выезжали на боевой выход в пустыню нам по дороге встречались одинокие «пастухи» с 5–6 баранами. Это были «духовские» «глаза и уши». Нам приходилось их собирать в кузов УРАЛА, возить их с собой, кормить, а после отпускать. Позже я их уже встречал на других маршрутах. Тогда мы стали собирать их в отдельную машину и отправлять афганским контрразведчикам.

С Андреем Перемитиным и с подразделениями роты мы побывали и под минометным обстрелом у погранзаставы Джела-Джилъ и возле укреп-

района Рабати-Джали, и в песках Алирег, где был ранен мой сержант Сергей Бабуцкий, единственный за все мое время командования ротой позже умерший в кабульском госпитале.

Мы поработали вокруг Марджи, на севере в районе н. п. Нау-Зад, в горах севернее Кишкинахуда, в «зеленке» и на большинстве переправ на реке Гильменд, возле горных проходов вдоль всего афгано-пакистанского хребта.

Что же касается результатов боевой деятельности, то надо заметить, конечно, что далеко не каждый боевой выход был результативным. Тем не менее мы постоянно находились в поиске районов, мест, маршрутов, где могут быть результаты. Это было и на переправах реки Гильменд, на подходах к горным перевалам хребта, разделяющего Афганистан и Пакистан, в вероятных местах ночевки караванов, на колодцах в пустыне и т. д. Для получения более точной информации привлекали «доброжелателей» из числа местных жителей, использовали агентурную информацию от оперативно-агентурной группы, работавшей в нашей зоне ответственности (за нерезультативную информацию их называли «сказочниками»), информацию полученную в результате допроса пленных. Уже к лету мы с моим замом Андреем Перемитиным имели на связи двух собственных «доброжелателей», о которых знало всего несколько человек в отряде. Оплачивали информацию тоже сами, когда из трофейных денег, когда товаром из каравана. «Доброжелатели» могли сообщить о замаскированной машине с боеприпасами в пустыне, о месте ночевки верблюжьего каравана, о переправе через реку Гильменд, по которой в ближайшие три-четыре дня пойдет машина с «духами». Но даже это не было сто процентной гарантией результата.

Тем не менее, когда комбат подполковник Еремеев однажды вечером поставил мне задачу на воздушную разведку местности, поскольку завтра прилетал какой-то «перец» из Кабула и нужен был результат, так удачно сложилось, что накануне «доброжелатель» сообщил о месте ночевки каравана с оружием. С этим караваном шел его брат. Я сказал, чтобы утром его брат был повнимательнее, мы прилетим. Действительно в указанном месте стояли верблюды, людей не было, мы захватили тогда ДШК, 120-мм миномет, боеприпасы к нему, несколько ящиков самозарядных карабинов Симонова, патроны к различному стрелковому оружию.

В ходе возвращения в ППД я доложил о результате. На аэродроме нас встречал грузовой автомобиль, в котором я увидел пять каких-то автоматов. Мы выгрузили результат и отвезли к штабу отряда, где все выложили на земле. Начальник штаба меня спросил, а где автоматы? Я его спросил, чьи они? Оказывается, это он подстраховался и вытащил свою «заначку». И тут же спрашивает меня, а где я все это хранил? Я ему пытался объяснить, что в ходе облета обнаружили в пустыне. На что он как-то хитро улыбнулся. Да и комбат так до самого вечера и пребывал в заблуждении, что этот результат «организовал» начальник штаба.

Вечером я разъяснил ситуацию и добавил, что нам просто повезло. Про «доброжелателя», конечно, я не стал говорить. Зато «перцу» из Кабула, генералу, очень понравился своевременный результат в день его приезда.

Результат боевой работы

Самым главным приоритетом при организации и ведении боевых действий у нас в роте я всегда определял жизнь солдат, сержантов и офицеров. Я всегда считал и считаю – продуманный риск есть Смелость. Непродуманный, необоснованный риск – есть Глупость. Глупость ведет к непредсказуемым последствиям.

Как бы то ни было, но в период с мая по декабрь 1987 г., в ходе воздушной разведки местности и боевых выходов личным составом 1-й роты, было захвачено следующее вооружение и техника: четыре машины «Тойота», один автомобиль «Симург», 5 мотоциклов, 34 единицы стрелкового оружия (АК, БУР), 2 ДШК 12,7 мм, 120-мм миномет, 82-мм миномет, 2 безоткатных орудия, установка для запуска реактивных снарядов, РПГ-7 – 3 шт. Помимо этого были взяты в качестве трофеев следующие боеприпасы: патроны к стрелковому оружию 7,62 мм (5,45 мм) – более 24000, 14,5 мм – более 10000, 12,7 мм – более 12000; выстрелы к РПГ-7 – свыше 100, реактивные снаряды к реактивной установке – 28, выстрелы к безоткатному орудию – 40, мины к 82-мм миномету – 36, мины к 120-мм миномету – 14, итальянские противотанковые мины – 16, противопехотные мины – 54, ручные гранаты различного назначения – свыше 150 шт., а также три радиостанции, более 70 килограммов медикаментов. Кроме вооружения и предметов МТО были захвачены крупные суммы денег: иранских реалов более 50 миллионов и афганских афгани более 4 миллионов. В ходе боевых действий было взято в плен 7 человек, перехвачено большое количество переписки лидеров исламских партий и полевых командиров, а также образцы документов.

За этот же период было уничтожено: две машины «Тойота», автомобиль «Симург», ГАЗ-66, трактор, три мотоцикла, около 25 единиц стрелкового оружия, 1 ДШК 12,7 мм, 82-мм миномет, 2 безоткатных орудия, 2 установки для запуска реактивных снарядов, 1 РПГ-7; патроны к различному стрелковому оружию – около 10–12 тысяч; выстрелов к РПГ-7 – свыше 60 шт., снарядов к реактивной установке – 10, выстрелов к безоткатному орудию – 12, гранат различного назначения – свыше 50 шт; медикаменты более 100 килограмм, наркотики – более 1000 килограмм. В ходе боевых действий и воздушной разведки местности с досмотром караванов было уничтожено более 30 боевиков*.

Замкомбата

В декабре я был назначен заместителем командира 370-го отряда СпН и сосредоточился на боевой подготовке рот и отдельных подразделений. В то время 370-м отрядом командовал подполковник В.В. Еремеев, начальником штаба был капитан Александр Телейчук.

* Подробнее о результатах 1-й роты можно прочитать в очерке Сергея Бреславского «Гонка по пустыне Регистан» (в кн.: ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 467–471), а также в материале, написанном им в соавторстве с Дмитрием Резниковым «На войне резиновых пуль не бывает» (там же. С. 572–577).

Поскольку зона ответственности отряда была большой, а караванных маршрутов достаточно много, то мы постоянно искали новые формы достижения результатов в боевой деятельности.

С этой целью, при активной поддержке заместителя командира бригады подполковника А.Т.Гордеева, при постоянном участии начальника разведки отряда ст. лейтенанта А.Ю.Панина, в пустыне Регистан в этот период были подобраны площадки подскока для вертолетов, поскольку радиус их действия ограничивался объемом заводских баков с топливом. Дополнительные баки запрещалось размещать в вертолетах. Мне довелось возглавить отряд для проведения боевых действий с использованием площадки подскока.

На одно из подобранных сухих озер по середине пустыни под охраной группы спецназ ст. лейтенанта Семенаш были выведены топливозаправщики, аэродромный пусковой агрегат (АПА) на автомобильной базе и группа обеспечения от 205 эскадрильи. Предполагалось, что я с отрядом на трех «Тойотах», двух «Уралах», оснащенных крупнокалиберными пулеметами КПВТ, ДШК и КПВТ, провожу разведку заранее определенного района около пакистанской границы, определяю цели и объекты налета, возвращаясь на площадку подскока и вылетаю на вертолетах для проведения налета. К сожалению, из-за несогласованных действий руководства отряда, осуществлявшего общее руководство операцией, боевой выход был скамкан и мало результативен. Вертолеты вылетели в район проведенной разведки, не дождавшись моего отряда, поскольку в ходе выдвижения к площадке подскока началась песчаная буря, сержант приданного минометного расчета на ходу уронил автомат. Мне пришлось возвращаться и искать его. Нашли, но потеряли час. На площадке куда-то торопились. В результате в вертолеты посадили группу старшего лейтенанта Семенаш и вылетели на «прогулочный полет». Ми-24, прикрывавшие десант, обнаружили и постреляли по двум выявленным ДШК духов, десант обстрелял позиции «духов» и все благополучно вернулись на площадку подскока, израсходовав вывезенное в пустыню авиационное топливо. В дальнейшем использование площадок подскока все же дало свои результаты.

В этот период 370-й отряд продолжал выходить на поисково-засадные действия, вылеты на воздушную разведку местности с досмотром караванов, ночную воздушную разведку местности.

В феврале 1988 г. подразделения 370-го ооСпН участвовали в армейской операции по обеспечению действий 5-й мсд в районе севернее Гиришк, н. п. Нау-Зад, Каджаки. Группы СпН проводили засадные действия на флангах и в тыловой зоне района операции. В этот период я занимался планированием, подготовкой, выводом и управлением этими группами. По результатам деятельности 8 офицеров и более 20 сержантов и солдат отряда были награждены правительственными наградами, четверо из них посмертно.

Из-за непродуманных действий командира группа СпН при выходе в район выполнения боевой задачи попала в засаду и понесла потери – двое разведчиков погибли, пятеро были ранены. В ходе эвакуации из базового лагеря двух раненых офицеров из этой группы, лейтенанта В.Польских и

мл. лейтенанта К. Колпащикова, вертолет зацепился винтами за сопку и разбился. Тем не менее группами СпН от 370-го ооСпН в этот период было захвачено большое количество оружия и боеприпасов, мин различного назначения, в том числе было захвачено два ПЗРК «Стрела» польского производства, уничтожено 15 боевиков. Тогда хорошо себя показали ст. лейтенант Травкин Валерий, ст. лейтенант Гатаулин Салим и майор Федин Михаил.

И опять к армейской поговорке: «На войну не просятся...». Погибший лейтенант В. Польских, командир группы СпН, находился в штате штаба бригады и готовился к замене. Тем не менее поехал с оперативной группой бригады на армейскую операцию. Поскольку мы с ним были в очень хороших отношениях, он подошел ко мне и попросился пойти с группой Э. Ахметшина. Я ни минуты не сомневался, что он будет полезен в группе, тем более район проведения засадных действий не предполагал каких-либо крупных боевых действий. И в будний день в центре Москвы тебя может сбить машина. Я дал добро. Но до сих пор и его смерть, и смерть Кости Колпащикова тяжким бременем лежат на моей совести.

В целом задача была выполнена – бандиты не смогли помешать проведению армейской операции в тыловом районе советской войсковой группировки.

О подготовке к неизбежному

Параллельно с описанными боевыми действиями мы готовились к неизбежному – выводу войск. Решения ждали со дня на день.

Многие офицеры стонали: «Все надоело, скорей бы в Союз». Мне их было искренне жаль, поскольку это были либо молодые офицеры, попавшие в Афган сразу после училища и не видевшие службы в Союзе, либо случайные люди в Спецназе из других родов и видов Вооруженных Сил, попавшие на доукомплектование на неспецназовские ВУСы.

Конечно, война – это не сахар. Но то, что их всех ждало в Союзе: караулы, наряды, старшие машин, старшие на работы, стройка, подготовка к проверке за три дня, бесконечные строевые смотры, безквартирье, ощущение собственной ненужности и т. д. – это было большим из зол. Все это я старался на каждом совещании довести до них.

7 апреля 1988 г., после встречи в Ташкенте М. Горбачева с Наджибуллой, Министр обороны СССР подписал директиву, в которой говорилось: «Вывод войск, в случае подписания Женевских соглашений между Афганистаном и Пакистаном, осуществить согласно утвержденному плану с 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г. в два этапа...». После подписания документов в Женеве началось практическое выполнение этих мероприятий.

6 мая 1988 г. я сделал запись в дневнике: «Вывод намечен на 16 июня. В районе н. п. Шабан раздолбали мср. Генерал армии Вареников приказал восстановить ЛЭП из Каджаки в Гиришк. Очень большие потери. Духи минируют каждую опору. Война прекращена. Облеты только на 100 км от ППД. Сегодня на построении вручили «Красную Звезду». Семь месяцев ходила. Говорят не много». [...]

Автор помещенного ниже материала в 1987–1988 годах командовал в Афганистане «6-м отдельным мотострелковым батальоном» (370-м ооСпН) и выводил его в Советский Союз. На боевом счету батальона было немало славных дел. Об этом и пойдет речь.

СПЕЦНАЗ В ПЕКЛЕ АФГАНИСТАНА

(В.В.Еремеев)

«Хочу быть командиром»

Прошло двадцать лет со дня вывода 6-го отдельного мотострелкового батальона «СПЕЦНАЗ» из Афганистана. В восьмидесятые годы большинство офицеров и солдат рассматривали события в Афганистане не только с точки зрения интернационального долга, но и с точки зрения военной романтики и получения боевого опыта. Многие офицеры и солдаты сами стремились попасть в Афганистан, и я был одним из них. После окончания с отличием Военной академии им. М.В.Фрунзе мне предложили высокие должности в Москве. А я от всего отказался и сказал: «Хочу быть командиром». Меня и назначили командиром отряда в одну из бригад спецназа в Прибалтику. В Москву на эти высокие должности я был назначен пятнадцать лет спустя.

Сразу после прибытия в Вильянди я попросил комбрига Александра Завьялова направить меня в Афганистан. Сначала вопрос никак не решался – дескать, ты нам и здесь нужен. Но потом пришла телеграмма и начались собеседования с разными начальниками-«фотографами». Всех их я внимательно слушал, а они мне все говорили одно и то же: «Смотри там!.. Если что, мы тебя снимем!..». Я сижу, головой киваю, уши прижимаю: «Да, да, да, обязательно... конечно...». И нас троих – меня, Валеру Горатенкова (заменял Сережу Бохана в Кандагаре) и Сашу Клочкова (заменял Гришу Быкова в Асадабаде) – однокашников по Рязанскому воздушно-десантному училищу и академии – направили на собеседование в Генеральный штаб. Там, под руководством Олега Ульяновича Швеца, нам дали подготовку конкретно по Афганистану. Готовили меня на восьмой батальон в Фарахруд, вместо Юрченко Анатолия Егоровича, а назначили на шестой в Лашкаргах, вместо Александра Гурьевича Фомина.

В Афганистане я командовал 6-м отдельным мотострелковым батальоном, он же – 370-й отдельный отряд СПЕЦНАЗ, который дислоцировался на стыке двух пустынь – Регистан и Дашти-Марго и отрогов Гиндукуша в излучине реки Аргандаб на окраине города Лашкаргах, провинция Гильменд. Ввел его в Афганистан в 1985 г. Иван Михайлович Крот, я в то время как раз заканчивал академию. Незадолго до этого приезжает он из Чучково и говорит: «Я ввожу отряд в Афганистан, в Лашкаргах. Учи, Влад, переброску частей и соединений на большие расстояния». Я послушал его и огромный конспект для себя написал на эту тему. И точно – в мае 1987 г. был

назначен командиром именно в этот отряд, а конспекты мнегодились при выводе отряда из Афганистана в Союз. Отряд я принимал у капитана А. Фомина, встретились мы с ним в Ташкенте, а в Лашкаргахе личный состав и имущество передал мне замкомбата Володя Чернышов. Начальник штаба – Петя Липиев – к этому времени заменился в Союз и вместо него был назначен Саша Телейчук. До его возвращения из отпуска, обязанности начальника штаба исполняли попеременно оперативные дежурные Юра Швыдкий и Юра Мокров. Командирами рот были старшие лейтенанты Сережа Бреславский (БМП), Петя Михалев (БТР), Миша Федин (БТР), рота минирования – Саша Фоменков (Матвеев), зенитно-артиллерийская группа – Женя Матяш (ЗСУ-23-4 «Шилка»), группа связи – Женя Плужников (Сидельников), рота обеспечения – Витя Немущков (Урал-4320). Командирами 2-й омсбр (22-й обрСпН) в мое время были Дмитрий Михайлович Герасимов, Юрий Александрович Сапалов, Александр Тимофеевич Гордеев.

Главная задача – борьба с караванами

В мое время в Афганистане активно воевал в основном армейский спецназ, который и был главной «рабочей лошадкой» в системе «Завеса». Все остальные обозначали мощь нашей армии – охраняли инфраструктуру, гарнизоны, дороги, сопровождали грузы и иногда проводили крупные операции. Готовится колонна к маршу – это уже событие! Танки, пушки, самолеты, каски, бронжилеты!!! Масштабные операции проводились относительно редко.

Главной задачей спецназа в Афганистане была борьба с караванами с оружием, боеприпасами, наркотиками, а также уничтожение бандгрупп, проникающих с территории Пакистана и Ирана. Задача эта была очень трудная – ведь как таковой оборудованной границы у Афганистана с Пакистаном и Ираном не было. Кроме борьбы с боевыми караванами и бандгруппами проводились и другие операции. Выполняли задачи по поисково-спасательному обеспечению в ходе бомбо-штурмовых ударов авиации. Осуществляли личную охрану генерала Варенникова В.В., командующего 40 армией генерала Б.В. Громова и других VIP от Кандагара до Фараха. Если становилось известно, что в том или ином кишлаке выявлен центр сопротивления местной власти, так называемый Исламский комитет, или, проще говоря, «духи», то производился налет, ликвидировали такой центр и восстанавливали правительственную власть. Бывало, захватывали склады с оружием, печати, документы Исламской партии Афганистана (ИПА), Движения исламской революции Афганистана (ДИРА), Национального исламского фронта Афганистана (НИФА), знамена, партийные кассы и все такое прочее.

Территориально зона ответственности у моего отряда была огромная: правый фланг – в межозерье Хамун (Иран), провинция Фарах, стык границ Афганистана, Ирана и Пакистана у Рабати-Джали, а левый фланг – иск. дорога Кандагар-Чаман (Пакистан). В эту зону входили провинции Гильменд, Нимруз и часть провинции Кандагар, песчаная пустыня Регистан с

главным ориентиром – горой Маликдукан, зеленая зона реки Гильменд, каменная пустыня Дашти-Марго и горы Хашруд, с главным ориентиром – горой Казагар. Горы Чари-гар, Трушбаб-гар и другие горные массивы Гиндукуша.

В гарнизоне Лашкаргах дислоцировались управление 22-й отдельной бригады «СПЕЦНАЗ», управление 205-й отдельной вертолетной эскадрильи, десантно-штурмовой батальон 70-й одшбр, который охранял городок, плюс артиллерийские батареи «Гиацинтов» и «Гвоздик» (крупнокалиберные самоходные гаубицы), взвод установок залпового огня «Град» и 6-й омсб – полевой «Зима», полевая почта 83428.

6-му омсб были приданы отряд вертолетов (два Ми-8 и два Ми-24МТ), батарея десантных 120-миллиметровых гаубиц Д-30, минометная батарея, танковый взвод и разведывательный взвод, для авиационной поддержки – пара «Грачей» (штурмовики Су-25) из Кандагара.

Когда я только принял отряд, в роте старшего лейтенанта Сергея Бреславского подорвались две бээмпэ. Я принял решение об эвакуации группы и приказал Саше Семинашу – командиру группы – идти через второй канал у кишлака Марджи. А он хочет идти через кишлак Систанай, что не менее опасно! По молодости я ведь упертый был, настоял-таки на своем. На встрече группе я отправил ремонтно-эвакуационную группу (РЭГ). Так она в засаду попала!!! Я тотчас с дежурной группой Андрея Гончаренко на помощь помчался. Расстояние было километров сорок, но добрались мы быстро. На подходе к месту боя нас прилично обстреляли, один бэтээр подорвался на мине-«итальянке».

Начальник разведки отряда Леша Панин дал понять мне, что без поддержки авиации здесь не обойтись: «Связь мне!» Вызвали вертушки, огонь артиллерии. Вертушки на предельно малой высоте отстреляли «асошки» (АСО, тепловые ловушки для защиты от ракет с тепловой головкой наведения) и зажгли камыши, чтобы выдавить «духов» на открытое пространство. Не всем бандитам удалось уйти в Марджу. В бою уничтожили безоткатное орудие, из которого «духи» стреляли по нашей броне. На этот раз все закончилось благополучно, не считая оторванного колеса у БТР и нескольких контуженных бойцов и офицеров.

Самое неприятное для меня как для командира было то, что прошло всего несколько дней, как я принял отряд, а тут подрыв. Получилось «шашкомахательство» какое-то... В то же время пустить группу по другому маршруту через Систанай было равносильно самоубийству. Вражеский кишлак Систанай прижимает дорогу к такому же кишлаку Марджи. И если бы наши стали пробираться между кишлаками, их бы там всех грохнули. За подрыв БТР на итальянской мине в том бою мне крепко досталось от командира бригады Дмитрия Михайловича Герасимова. Дело в том, что в это время душманы вели активную минную войну и командование всеми силами стремилось сократить потери от подрывов. Для борьбы с душманскими минами кроме обычных мер применялись минно-розыскные собаки из роты минирования – Дана и Ингул.

В НАЧАЛЕ ПУТИ

На трибуне НШ 22-й бригады п/п-к Ильиных В.И. Капчагай, 1976 г.

У штаба бригады. Слева направо: зам по тылу п/п-к Малыгин В.А., командир бригады п/п-к Мороз И.К., НШ бригады м-р А.Н.Шинкарев. Капчагай, 1976 г.

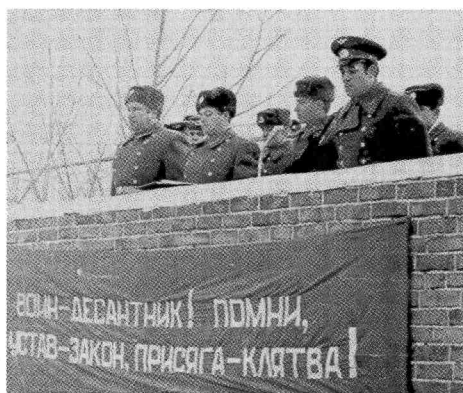

Вынос знамени 22-й обрСпН. Капчагай, 1977 г.

Праздничный приказ зачитывает
НШ м-р Шинкарев А.Н. Капчагай
1977 г.

В день присяги на трибуне командование 22-й обрСпН. Слева направо: командир подполковник И.К.Мороз, начПО подполковник А.А.Зайцев, у микрофона военнослужащий – отличник боевой подготовки – напутствует молодое пополнение, справа: старший офицер отдела СпР РУ штаба САВО подполковник Н.А.Лобанов

На рыбалке на Капчагайской ГЭС (плотина – слева дальше)

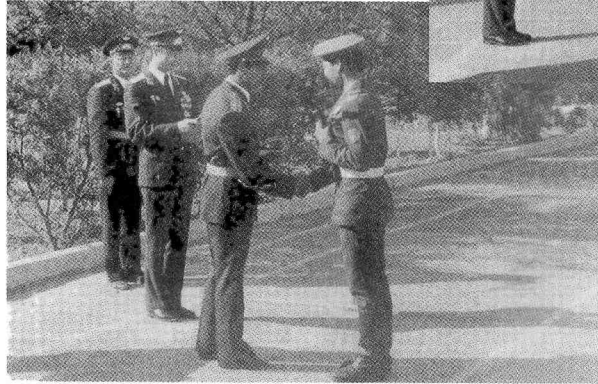
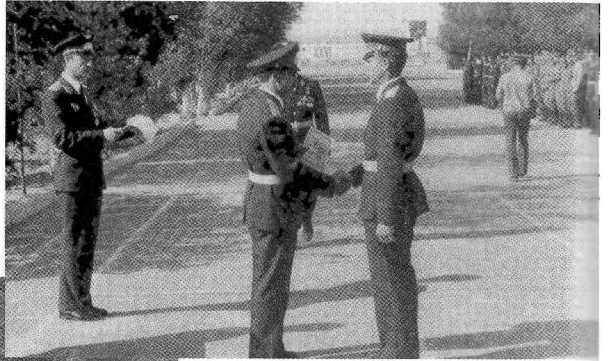
Строевой смотр, справа:
зам. НРУ штаба САВО п-к
Тарасов Ю.А.. Капчагай,
1981 г.

Принятие присяги. Кап-
чагай, ноябрь 1981 г.

Строевой смотр л/с проводит НШ 22-й бригады п/п-к А.Н.Шинкарев. Капчагай, 1981 г.

Командир бригады подполковник Груздев С.И. награждает грамотами отличившихся солдат. Приказ зачитывает НШ бригады подполковник Шинкарев А.Н., сзади ИО НОРО капитан Бодров В.С.. Капчагай, 1981 г.

Прохождение торжественным маршем. Управление 22-й обрСпН: замкомбрига м-р Ильин А.С., НШ бригады п/п-к Шинкарев А.Н., зам по тылу п/п-к Малыгин В.А.

На трибуне командование бригады. Слева направо: командир бригады п/п-к Груздев С.И., начПО п/п-к Зайцев А.А., пропагандист ПО майор Рыбаков, зам. по тылу п/п-к Малыгин В.А., зам. командира по ВДП п/п-к Масалитин М.П.. Капчагай, 1981 г.

НШ 22-й обрСпН подполковник Шинкарев А.Н.

Справа: подполковник Шинкарев А.Н. поздравляет отличника боевой подготовки

Подполковник А.Шинкарев вручает переходящий Вымпел отличнику боевой подготовки батальона связи. Справа командир группы связи и замполит батальона связи майор Э.Терновский. Капчагай, 1982 г.

КАПЧАГАЙСКИЙ БАТАЛЬОН

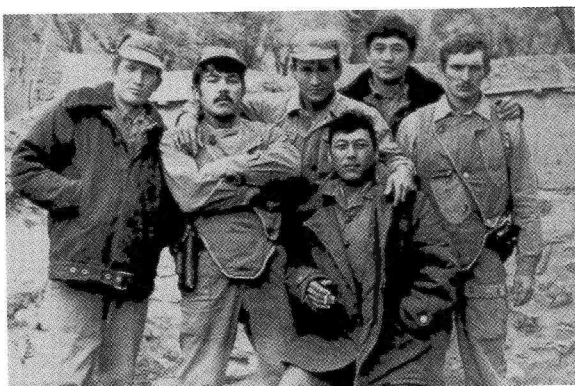
(до марта 1985 г.)

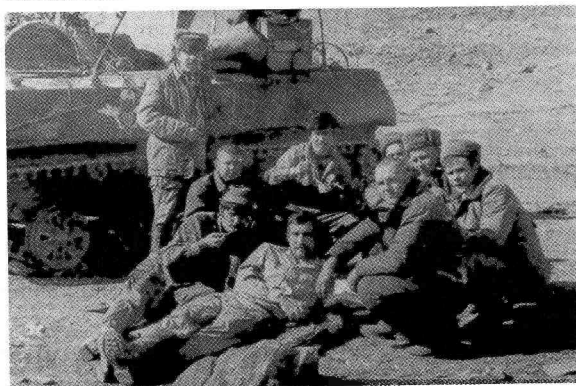
Первый командир 177-го ооспН в Афганистане майор Б.Т.Керимбаев. Капчагай, 1981 г.

3-я группа 1-й роты 177-го ооспН. Командир группы лейтенант А.С.Матвийчук. 1981 г.

Офицеры 1-й роты 177-го ооспН. Чарикар, 1981 г.

Разведчики 3-й роты 177-го ооспН на привале возле БМД-1 в ходе марша из Панджшерского ущелья в Гульбахор. Панджшер, март 1983 г.

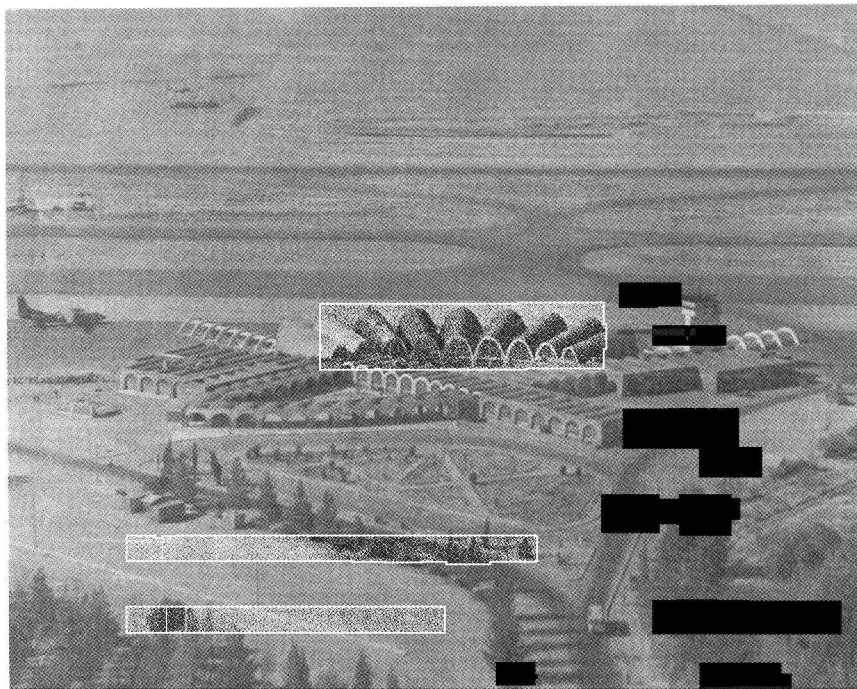
Сборы командиров бригад СпН на базе 5-й обрСпН БВО. Слева направо: п/п-к Герасимов Д.М., 3-й – ком. 4-й обрСпН п-к Тюхов В.Н, 7-й – п-к Большаков, ком. 12-й обрСпН/п-к Фисюк А.И., командир 24-й обрСпН п/п-к Колб Г.А., командир 10-й обрСпН п/п-к Старов Ю.Т., командир 8-й обрСпН NN, командир 16-й обрСпН п/п-к А.А.Овчаров, NN. Марына Горка, 1982 г.

Слева направо: комбриг 22-й обрСпН п/п-к Герасимов Д.М., м-р Радчиков В., зам. комбрига п/п-к Керимбаев Б.Т., к-н Азимов А. (177-й ооспН), ст. офицер 3 отдела РУ штаба САВО п/п-к Плешаков А.И. Капчагай, городок ВДП 22-й обрСпН, октябрь 1984 г.

22 БРИГАДА В АФГАНИСТАНЕ. 1985 г.

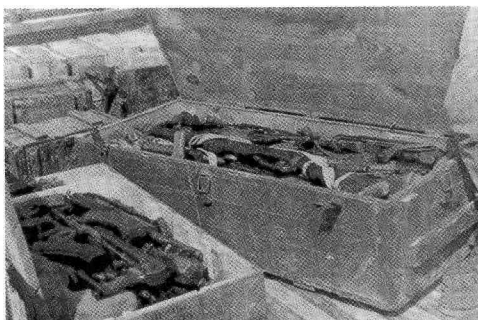
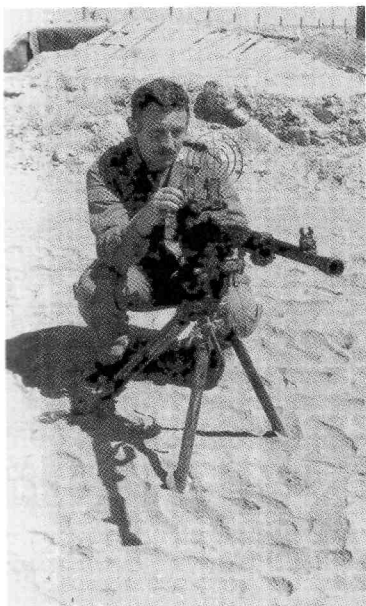
(с марта 1985 г.)

Аэропорт Кандагар.
1985 г.

Г52. Командир 22-й
обрСпН п/п-к Гера-
симов Д.М. спустя
несколько дней по-
сле прибытия в Аф-
ганистан. Лашкаргах,
апрель 1985 г.

Г64. Трофейное стрелковое оружие и боеприпасы, захваченные 173-и оосПН весной 1985 г.

Г65. П/п-к Герасимов за трофейным пулеметом СГМ китайского производства. Пулемет – один из трофеев, захваченных весной 1985 г. при налете на школу гранатометчиков

Г68. 173-й оосПН. У автомобиля «Датсун», подаренного 173-му оосПН Бабраком Кармалем в 1984 г. Слева направо: п/п-ки Герасимов и Чубаров, майор Мурсалов – командир 173 оосПН. За маскировочными сетями ЦБУ отряда. Кандагар, 1985 г.

У жилого модуля в гор-
родке 70 омсбр, напротив
штаба 173 ооспН, слева
направо: командир 173
ооспН майор Мурсалов
Т.Я, зкбр п/п-к Масали-
тинМ.П., советник коман-
дира 466 оп «Коммандос»
ВС ДРА п/п-к Чубаров
А.С., командир 22-й
обрСпН п/п-к Герасимов
Д.М. Кандагар, 1985 г.

НР 173-го ооспН лейтенант Гугин с
осведомителем. Кандагар, 1985 г.

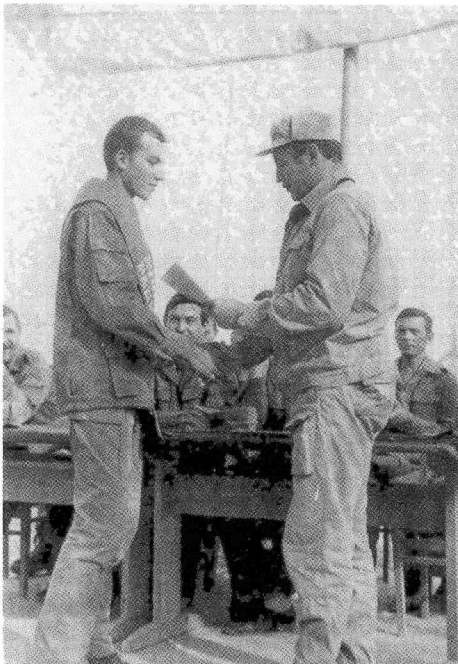
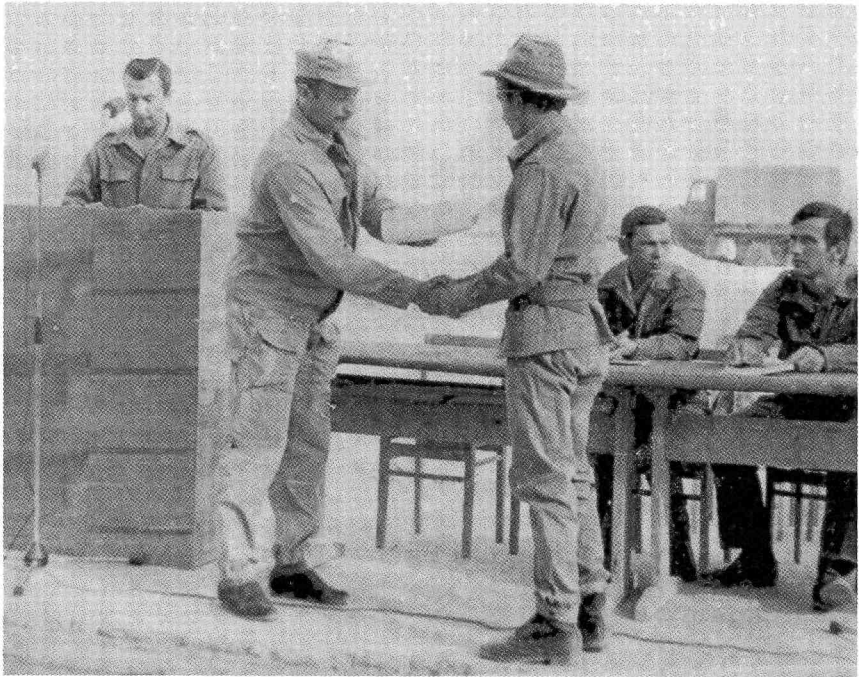
370-й ооспН. Оружие, захваченное
бойцами отряда у моджахедов. Слева
направо: п/п-ки Дадаев, Масалитин, Ге-
расимов. Лашкаргах, 29 сентября 1985

Слева направо: 1-3 – охранники вождя белуджей; 4, 5 – наши переводчики; далее: вождь племени белуджей Мирсаим Мирхазар; в очках бывший террорист в Пакистане, а в 1985 г. преподаватель англ. языка и врач у белуджей; губернатор провинции Гильменд; п/п-к Герасимов Д.М.; 2-й секретарь НДПА в провинции Гильменд Пайвастан; командующий Цирандоем Миндузей; советский партийный советник; командир 370-го ооспН м-р Крот И.М.; советский переводчик. Лашкаргах, 21 июня 1985 г.

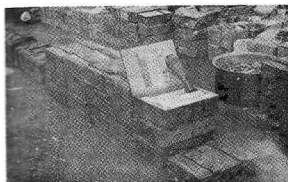
4-я партконференция 40-й ОА. Сидят, слева направо: 4-й – ген. армии Зайцев, 6-й – ЧВС 40-й ОА ген.-м. Щербаков, 7-й – командующий 40-й ОА ген.-м. Родионов; стоят 2-й ряд, слева направо: 3-й – командир 15-й обрСпН п/п-к Бабушкин, 5-й – командир 22-й обрСпН п/п-к Герасимов, 6-й – начПО 22-й обрСпН п/п-к Таран. Кабул, 1985 г.

Праздничный приказ зачитывает м-р
Василюк, грамоту вручает отличивше-
муся бойцу командир бригады п/п-к
Герасимов Д.М. За столом справа ко-
мандир 370-го ооСпН майор Крот
И.М. Лашкаргах, 1985 г.

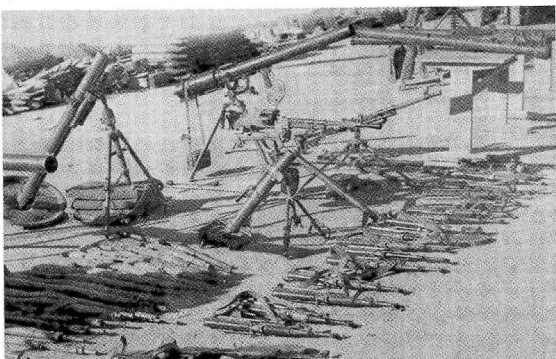
Лучшего радиста награждает грамо-
той комбриг. Лашкаргах, 1985 г.

22 БРИГАДА В АФГАНИСТАНЕ. 1986 г.

173-й ооспН. Трофеи после захвата УР «Горы Хадигар» в феврале 1986 г.

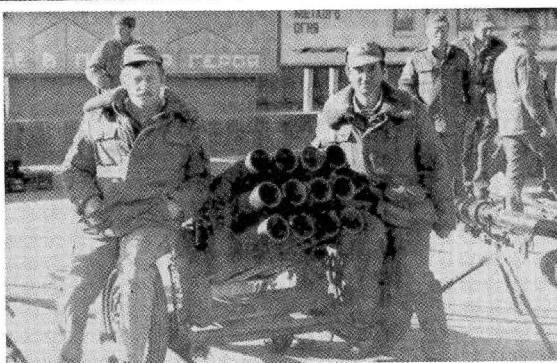
173-й ооспН. Трофеи, захваченные в УР «Васатичигнай». Февраль 1986 г.

173-й ооспН. Трофеи, захваченные в УР «Васатичигнай». Слева направо: п/п-к Герасимов Д.М., начПО 70 омсбр NN, капитан Бохан С.К. Перед штабом 70-й омсбр

Радиостанции, захваченные у моджахедов. 2 марта 1986 г.

Герасимов и Дадаев у 12-ствольной ПУРС китайского производства, захваченной 173-м ооспН в УР «Васатичигнай». Перед штабом 70-й омсбр, 3 марта 1986 г.

173-й ооСПН. У захваченных боеприпасов. Слева направо: п-к Цивилин, его зам. с трофейным японским мегафоном, который 173 ооСПН захватил у духов, п/п-к Герасимов Д.М. Кандагар, 5 апреля 1986 г.

Справа: сотрудники ОАГр «Лашкаргах». Лашкаргах, весна 1986 г.

Два афганских комбрига: подполковники Герасимов Д.М и Бабушкин В.М. 1986 г.

173-й ооспН. Трофеи, захваченные 1-й группой 1 роты 173 ооспН у г. Миргьянау-Манджигар (40 км севернее аэродрома Кандагар). На фото: стоит у машины – к-н А.Тарасов, показывает рукой командир отряда к-н Бохан С.К., зам. ком. 1-й роты ст. л-т Козлов С.В, НР 173-го ооспН ст. л-т Кривенко С.А. Расположение 173-го ооспН у склада РАВ, апрель-май 1986 г.

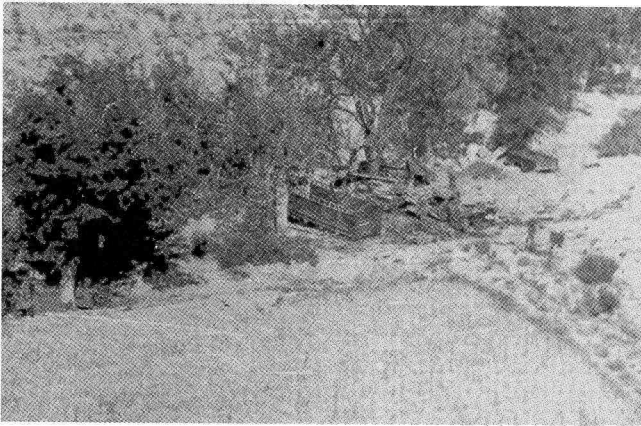
370-й ооспН. Занятия по преодолению препятствий. Лашкаргах, весна 1986 г.

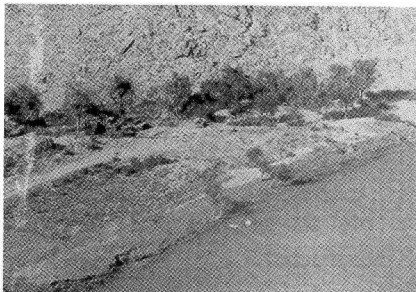
186-й ооспН. Духи, уничтоженные РГСпН. Провинция Забуль, 15 сентября 1986 г.

173-й ооСпН. Захвачены 6 а/м «Симург» с оружием и боеприпасами по наводке группы наблюдателей под командованием л-та Бескровных. На фото слева: за идущей фигурой – капитан Бохан, ст. л-т Кривенко, п/п-к Герасимов, спиной майор Корчагин; на фото справа: слева – 2-й переводчик 173-го ооСпН ст. л-т Журабой Холлов, спиной – п/п-к Герасимов Д.М., НР 173-го ооСпН ст. л-т Кривенко С.А., командир 173-го ооСпН к-н Бохан С.К., НШ 173-го ооСпН м-р Корчагин А. рассматривают трофейную печать исламского комитета. Кандагар, перед штабом 173-го отряда, апрель 1986 г.

173-й ооСпН. Духи, уничтоженные группой ст. лейтенанта Александра Тутова у к. Гаркалай. Апрель 1986 г.

173-й ооСпН. Караван на дневке уничтожен досмотровой группой под командованием лейтенанта Семгайкина. Район кишлака Шерджанака. Еще один автомобиль с реактивными снарядами был уничтожен на переправе. Апрель-май 1986 г.

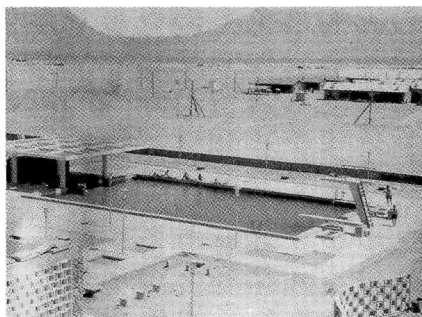
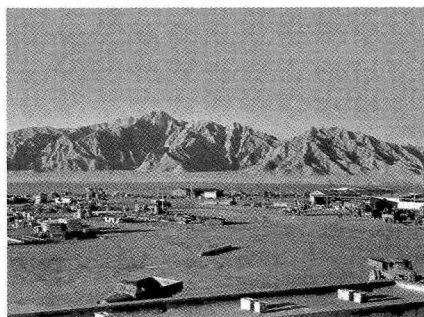
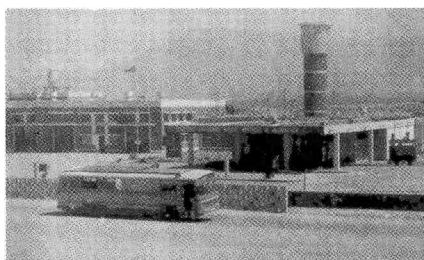
Слева направо. Стоят: командир овэ Бургард, п/п-к Герасимов Д.М., зкбр Масалитин М.П., ст. офицер 3 направления 5 управления ГРУ ГШ п/п-к Ламинин А.Т., зам НПО п/п-к Бугаенко Б.М., ншбр п/п-к Фазылов И.К., замполит овэ 280 овп (Кандагар). Сидят: начОПО штаба бригады м-р Василюк, ком. 370 ооспН м-р Крот И.М., зкбр по вооруж. п/п-к Дадаев В.К., нач. особого отдела м-р Олексенко П.С. Лашкаргах, 10 апреля 1986

370-й ооспН. Результат за-
сады группы под командо-
ванием НШ 370 ооспН капи-
тана Липиева П.С. Машины
забиты при преодолении
брода через Гильменд.
Лето 1986 г.

370-й ооспН. Зам. ком. 22-
й обрСпН подполковник
А.Т.Гордеев и командир
370-го ооспН А.Г.Фомин у
забитого «Симурга». Дос-
мотровые действия пров.
Гильменд, 1986

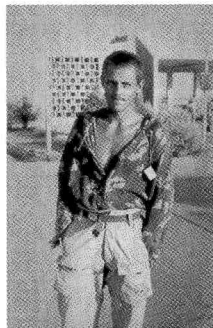

ППД 411-го ооспН. Фарахруд, 1986 г.

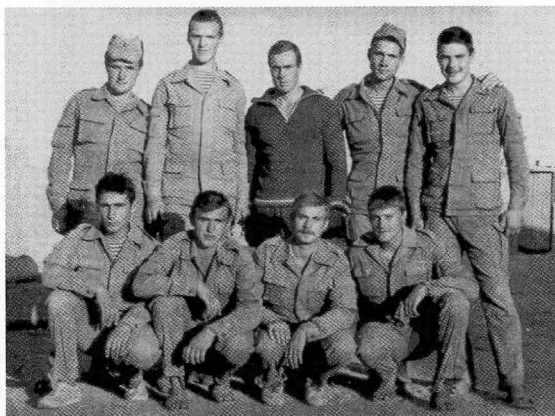
411-й ооспН. Трофеи с каравана, забитого группой капитана Кравца. Слева направо: Сергей Стрекалов, прапорщик Сидоров, прапорщик Стефиев, Игорь Грильборцер. Фарахруд, 1986 г.

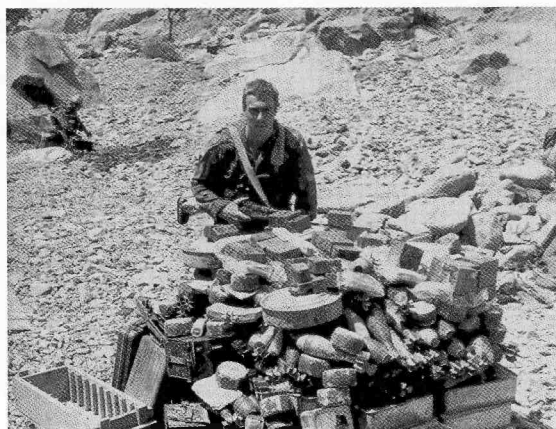
411-й ооспН. Олег Огиенко. Фарахруд, 1986 г.

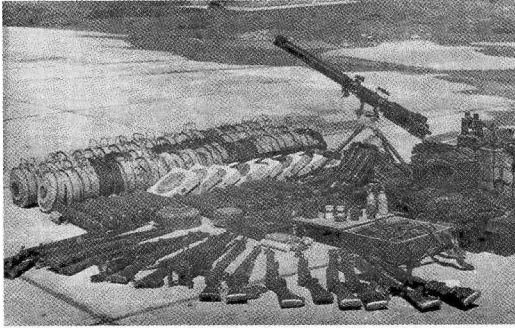
Слева: ряд. А.Шипунов, рота минирования 173 ооСпН; справа вверху: со 2-й группой 1-й роты 173-го ооСпН. Кандагар, 1986

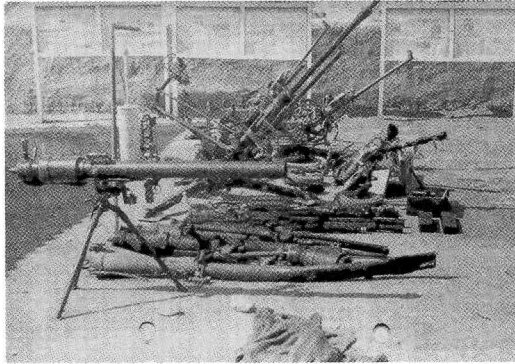
Рота минирования 173-го ооСпН. Кандагар, 1986 г.

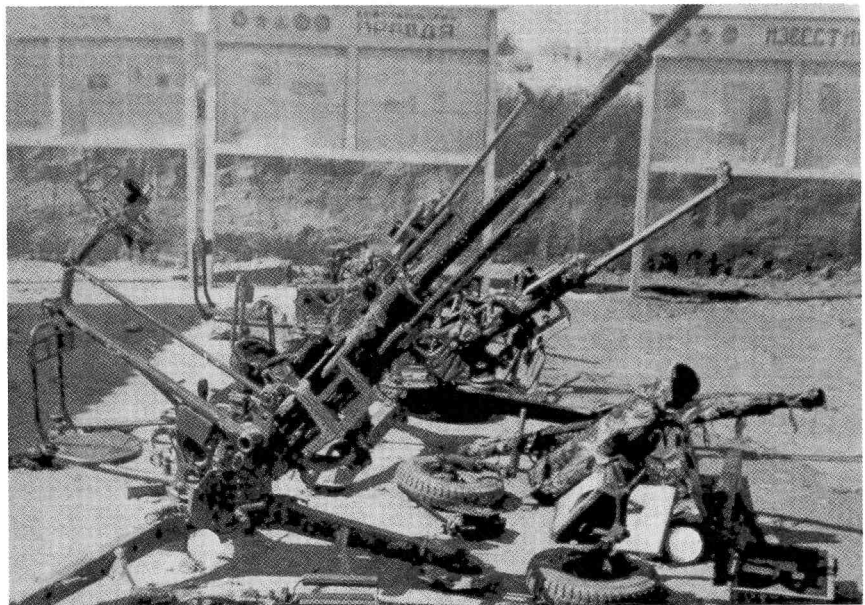
«Ща как бабахнет». Командир роты минирования лейтенант Михайлов. Кандагар, 1986 г.

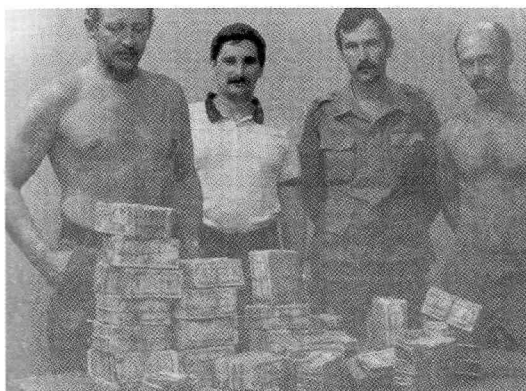
Слева: 411-й ооспН. Результат боевых действий на перевале 1994. Фарахруд, апрель 1986 г.

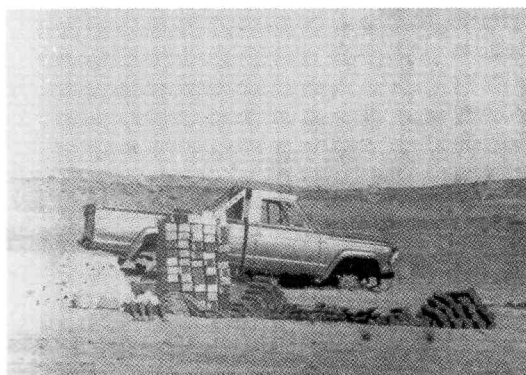
173-й ооспН. Трофеи, вывезенные из УР «Чинарту» после его разгрома в августе 1986 г.

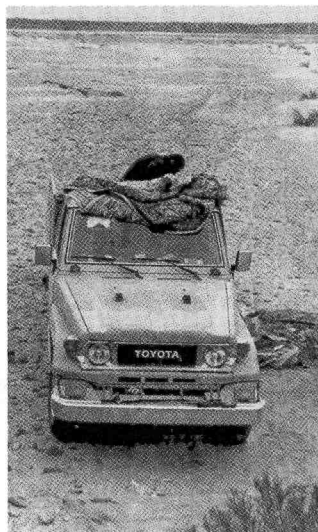
173-й ооспН. Зенитное оружие захваченное в УР «Чинарту» в августе 1986 г.

173-й ооспН. 2 милл. 600 тысяч афгани, захваченные 1 июля 1986 г. в районе Кандагара. На фото: п/п-к Д.Герасимов, командир группы, начальник штаба 173 ооспН майор А.Корчагин, зам. ком. 173-го ооспН майор Б.Хохлов. Кандагар, июль 1986 г.

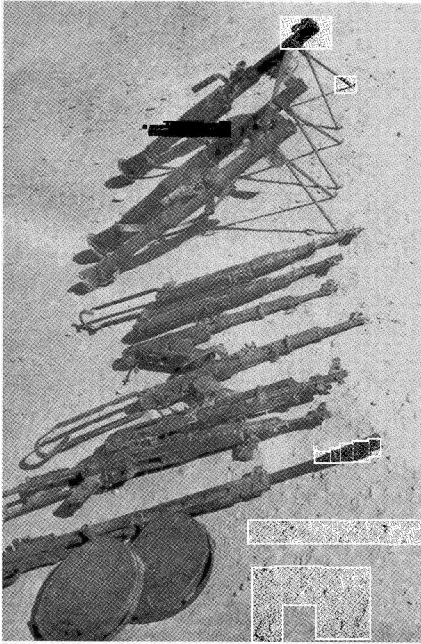
370-й ооспН. Результат досмотровой группы. Груз выгружен, уничтожено 15 духов. Провинция Гильменд, пустыня Дашти-Марго, осень 1986 г.

370-й ооспН. Трофейная «Тойота», захваченная при переправе через р. Гильменд. 1986 г.

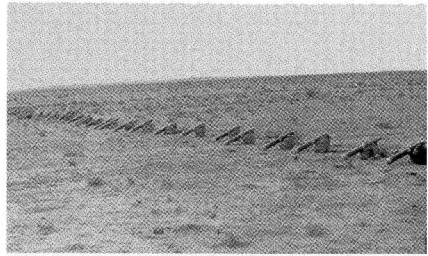
370-й ооспН. РГ на марше. Осень 1986 г.

370-й ооспН. Стрелковое оружие и гранатометы китайского производства захваченные в результате досмотровых действий. Пров. Гильменд, 1986 г.

370-й ооспН. Результат работы досмотровой группы в пустыне Регистан. 1986 г.

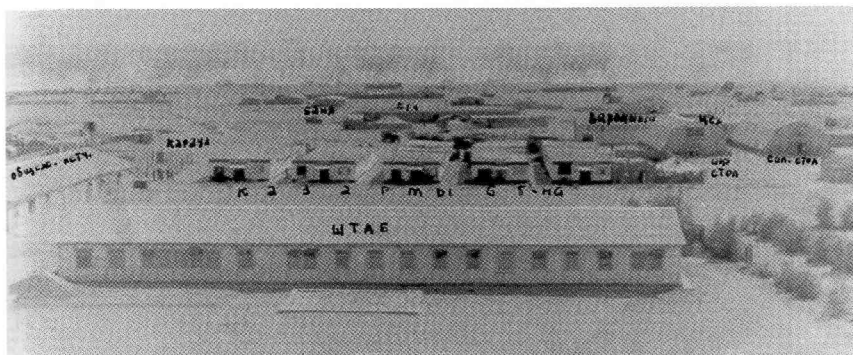

173-й ооспН. РС, подготовленные моджахедами к пуску по аэродрому Кандагар. Обнаружены и обезврежены досмотровой группой. Конец 1986 г.

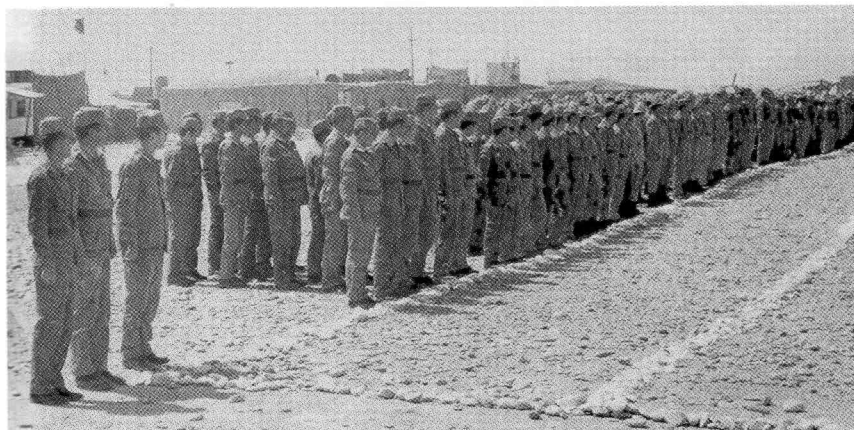

Справа змкбр. 22-й обрСпН п/п-к Гордеев А.Т. Пустыня Дашти-Марго, декабрь 1986 г.

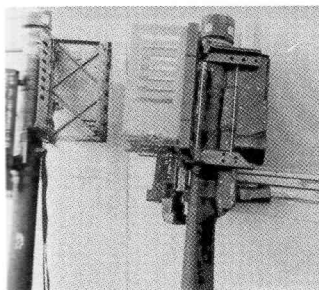
22-я БРИГАДА СПН В АФГАНИСТАНЕ. 1987 г.

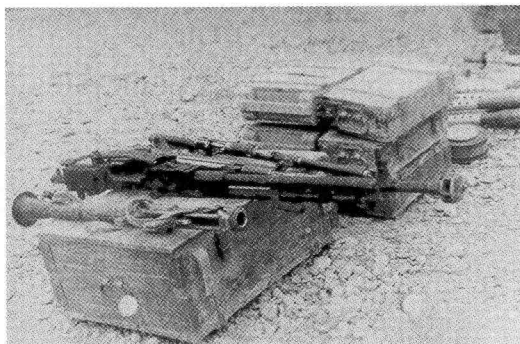
План в/городка управления и штаба 22-й обрСпн и 370-го ооспН. Лашкаргах, 1987 г.

Управление 22 обрСпн и личный состав 370 ооспН. Лашкаргах, 1987 г.

186-й ооспН. ПЗРК «Стингер», захваченные досмотровой группой в районе Мильтанайского ущелья. 5 января 1987 г.

411-й ооспН. Результат работы досмотровой группы под командованием м-ра Юрченко 7 янв. 1987 г.

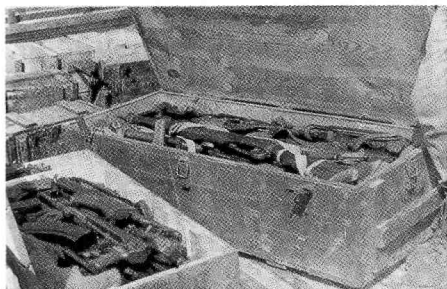

Командующий южной ставкой генерал армии Зайцев (в камуфляже) вручил командиру 22-й обрСпН п-ку Герасимову вымпел МО СССР «За мужество и воинскую доблесть». Лашкаргах, 13 февраля 1987 г.
Справа: подполковник Гордеев А.Т. поощряет отличившихся. Кандагар, расположение 173-го оосПН, 23 февраля 1987 г.
Внизу: полковник Герасимов Д.М., начПО подполковник Петрачев, зкбр подполковник Гордеев А.Т. Лашкаргах, зима 1987 г.

173-й ооСпН. Захвачен склад боеприпасов в УР «Делаки Пайин». 28 февраля 1987 г.

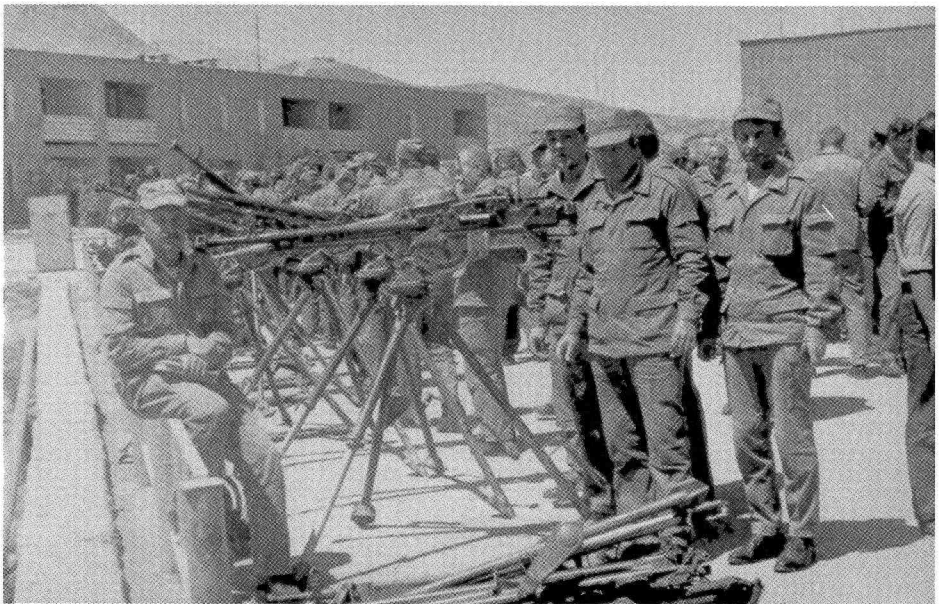
173-й ооСпН. Результаты налета на УР «Делаки Паин». 28 февраля 1987 г.

370-й ооСпН. После совместных действий с местными органами власти. Отличившиеся в бою бойцы отряда, награждены ценными подарками губернатором пров. Гильменд Шах Назаром (стоит слева 7-й). Лашкаргах, март 1987 г.

370-й ооСпН. ПЗРК «Стрела 2», проданные поляками сотрудникам ЦРУ. Захвачена в засаде РГСпН в пров. Гильменд 1987 г. На фото: наклонился командующий 40-й ОА Дубынин, за ним ком. ОАГр «Лашкаргах» Сосипатров (в гражданке), нач. ПО 22-й о-брСпН Петрачев, командир 22-й обрСпН Герасимов. Лашкаргах, 1987 г.

Показ трофеев, захваченных спецназом, при штабе 40-й ОА. Весна 1987 г.

Сборы командного состава частей спецназ. Ст. л-т Горошко, ст. л-т Брестлавский и др. изучают трофейное оружие. Джелалабад, август 1987 г.

Слева: На фоне дворца Тадж-Бек. Показные занятия в штабе 40 ОА. В центре п-к Герасимов Д.М., слева начПО Петрачев. Кабул, 1987 г.

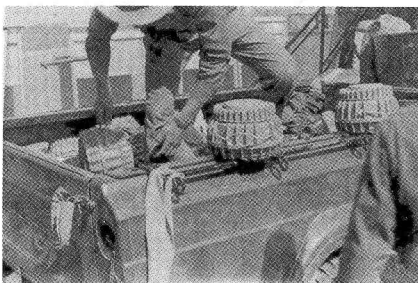
Сборы командиров и руководящего состава частей и соединений спецназ. Слева направо: NN, комбриг 12-й обрСпН Старов Ю.Т., Рыжик М.И., комбриг 22-й обрСпН Герасимов Д.М., Корчагин А., Петрачев, Удовиченко В. Джелалабад, весна 1987 г.

411-й ооСпН. Результат работы досмотровой группы. Пров. Фарах, 1987 г.

411-й ооСпН. ПУ РС захвачена в засаде РГСпН в пров. Фарах. 1987 г.

173-й ооСпН. Захвачен караван с минами в р-не Вашер. 1987 г.

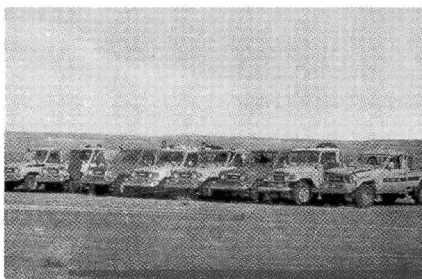
Посещение 22-й обрСпН генералом армии Варенниковым (в камуфляже). 1987 г.

На сборах командования частей и соединений СпН ОКСВА. Командиры батальонов: 1 – В.Гилуч, 3 – В.Горатенков, 4 – будущий Герой РФ Я.Горошко, 6 – В.Еремеев, 7 – А.Нечитайло, 8 – А.Худяков; командиры рот – Должиков, С.Бреславский, М.Горбунов, П.Михалев, А.Панин. Джалалабад, август 1987 г.

370-й ооспН. Один из автомобилей «Тойота», перевозивший опиум-сырец, и захваченный в пустыне Дашти-Марго. 1987 г.

370-й ооспН. Автомобили «Тойота», перевозившие 14,5 тонн опиума-сырца в Пакистан. Лашкаргах, 1987 г.

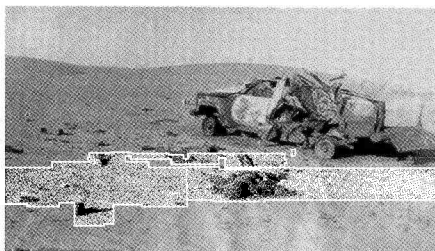
У трофейного автомобиля «Симург», оборудованного трофейным 12,7-мм пулеметом ДШК китайского производства, начальник ГРУ ГШ генерал-полковник Михайлов (4-й слева), далее – полковник Д.М.Герасимов, капитан С.В.Бреславский. Лашкаргах, 1987 г.

Комбриг Герасимов Д.М. на КП. Лашкаргах, 19 мая 1987 г.

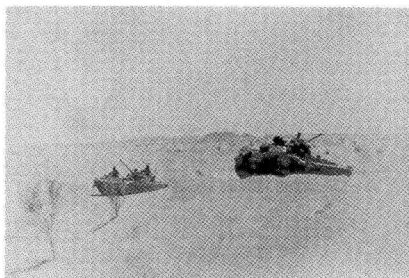
После облета в ущелье Маруф. Слева направо: Олег Якушев (323 группа); NN (прапорщик-медик); Анатолий Коргчагин (замкомбата); Валерий Ковалев (321 группа). Кандагар, февраль 1987 г.

Результат РГ СпН л-та Назарова. Сарба-Надир, пустыня Регистан, август 1987 г.

Командир 370-го ооСпН майор В.В.Еремеев на трофейной «Хонде». Лашкаргах, 2 августа 1987 г.

370-й ооСпН. Разведывательный отряд СпН № 610 под командованием ст. л-та С.Бреславского ведет поисково-засадные действия в р-не горы Маликдукан, пустыня Регистан. Июль 1987 г.

370-й ооСпН. Проверка готовности РО СпН к выводу в р-н г. Казагар, пустыня Дашти-Маргокх. Замполит 2-й роты ст. л-т Сонин, командир группы ст. л-т Козловский, старш. Оспанов, с-т Хацуков и др. Август 1987 г.

Слева направо: начПО 22-й обрСпН п/п-к Петрачев, за ним замкомбригады п/п-к Гордеев А.Т., командующий 40-й ОА генерал-майор Дыбынин В.П., НР штаба 40-й ОА полковник Кокорин, комбриг 22 – полковник Герасимов Д.М. Лашкаргах, 1987 г.

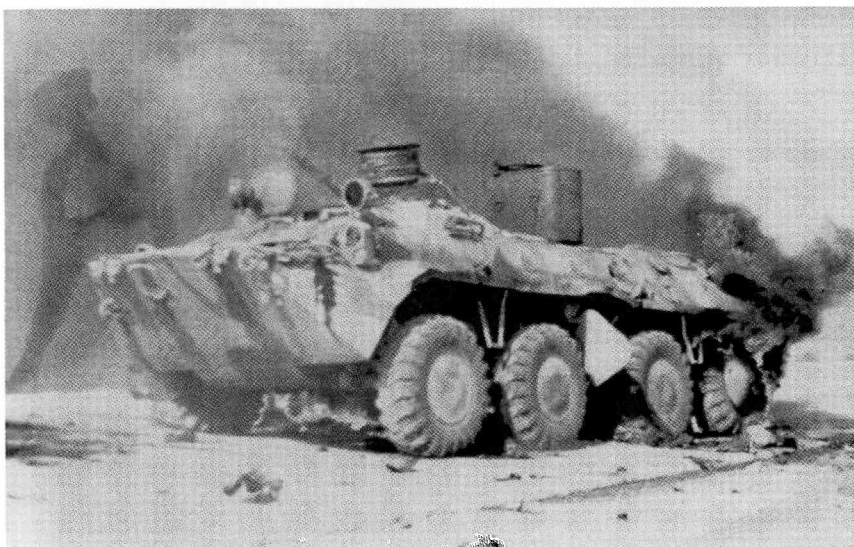

370-й ооСпН. Вывод РО СпН 630 в район Рудбара, Галачах, Дишу, пустыня Регистан. На фото замкомроты ст. л-т Ахмедшин, НИС ст.л-т Матвеев, НСРАВ ст. л-т Зайцев, с-т Романенко, с-т Андрианов, ряд. Булыга и др. Январь 1988 г.

Справа: 370-й ооСпН. Сержант Юнсов из Янгиюля в р-не Марджа. Апрель 1988 г.

Слева: НШ Ю.Швыдкий и командир 173-го ооСпН С.Бреславский. Кандагар, 1988 г.

Горит БТР-70. Перевал Абхарма. 29 февраля 1988 г.

Отправка дембелей в Союз. Командиры групп второй роты 173-го отряда: Валерий Ковалев (321), Виктор Мусоров (322), Валерий Григорьев (323), Сергей Раковский (группа АГС). Кандагар, май 1988 г.

«Черная площадь» – забор из битой техники. Кандагар, 1988 г.

Встреча солдат необъявленной войны в пункте постоянной дислокации 16-й обр СпН. Комбриг Неделько Анатолий. Пгт. Чучково, 30 августа 1988 г.

370-й ооСпН с Боевым Знаменем части вернулся из Афганистана в пункт постоянной дислокации пгт. Чучково. Впереди: командир отряда Еремеев, нач. штаба отряда капитан Мокров, знаменщики с-т Загородний, с-т Жунусов. 30 августа 1988 г.

В пустыне стояла страшная жара. Броня и стволы обжигали руки. После боя только подошли к каналу с водой, бойцы рассудок потеряли, бросились в канал – и как давай пить! Я кричу командирам: «Хоть охранение выставьте!» Какой там!.. Стреляю в воздух, снова кричу – ноль внимания! В такую страшную жару начинаются галлюцинации, люди нередко полностью теряют контроль над собой и ничего не боятся, ничто не может остановить неукротимого желания утолить жажду. Так я и охранял свой народ, пока все не напилось, не стали хоть чуть-чуть соображать, и вспомнили, наконец, что жизнь в опасности.

Через зону ответственности отряда проходили условно восемь караванных маршрутов, по которым шли банды и осуществлялись поставки оружия, боеприпасов, перевозились наркотики и медикаменты. На моем участке караваны прорывались в центральные районы Афганистана со стороны Пакистана через перевал Шебиян по пустыне Регистан, со стороны Ирана – по пустыне Дашти-Марго. Бандгруппы передвигались в составе караванов с оружием, боеприпасами и наркотиками в основном ночью. Нередко они вклинивались в состав мирных караванов с товаром или маскировали свой караван под мирный.

Если говорить о караванах, то они были или вьючные, или автомобильные. Автомобильный караван обычно состоял из 2–12 легковых тойот-полугрузок, очень редко попадались грузовые «бурбухайки». Вьючный караван состоял, как правило, из десяти-двадцати одногорбых верблюдов. В типичном боевом караване процентов тридцать-сорок груза составляли промышленные и продовольственные товары, еще тридцать-сорок процентов – оружие и боеприпасы, а остальное – медикаменты и наркотики, в основном «ханка-терьяк» (опиум-сырец в мешках), реже – гашиш. Конечно, «духи» всеми способами маскировали оружие, боеприпасы и наркотики под мирные грузы.

Обычно впереди боевого каравана «духи» пускали мирный караван из шести-восьми верблюдов, а через некоторое время уже шел основной, боевой караван. Охрану осуществляла, как правило, банда из пятнадцати-двадцати человек. Кроме них были погонщики верблюдов. Непосредственно перед караваном шла группа из пяти-шести человек на «вьюках» – головной дозор. В ядре каравана, где находился груз, обычно было человек пятнадцать-шестнадцать. Все вооружены автоматами и гранатометами. Это были достаточно подготовленные «духи», но нельзя сказать, чтобы слишком хорошо. Однако на расстоянии сто-двести метров стреляли они довольно точно. Плюс к этому они были знакомы с тактикой действий мелких подразделений. Если надо было сосредоточить огонь всей бандгруппы на одном нашем солдате, который стрелял по ним, то с этим они вполне справлялись. Тренировали душманов на территории Пакистана в учебных лагерях, в так называемых «школах талибов». Оружие у душманов было в основном китайского, арабского и румынского производства, мины – итальянские, пластмассовые, радиостанции и оптика – американские и японские, а экипировка – куртки, спальники – американская.

Тушенка, тушенка, тушенка!..

Сам отряд спецназа у нас был большой – более пятисот человек по штату и большое количество заштатников на восполнение текущего некомплекта бригады. Ведь люди болели, погибали... Мы стояли практически на самом юге, наши самолеты к нам не летали. Добраться до нас можно было на вертолетах через Кандагар. Каждые две недели я направлял колонну порядка сорока машин под командованием командира роты Вити Немушкова, замполита Равиля Зайнулина или замполтылу Ильи Петовраджи в Туругунди, на границу с Союзом через Гиришк, Диларам, Шинданд, Герат за имуществом и продовольствием. Ведь холодильников у нас не было, кондиционеров – тоже. Поэтому все время нас кормили одной тушенкой. Тушенка, тушенка, тушенка!.. Сколько я ни пытался добиться чего-то еще, удавалось улучшить питание всего на неделю-две. Потом все возвращалось на круги своя. Это же не Кабул, а самая окраина Афганистана. А вообще, полет из Кабула до Лашкаргаха – это меньше часа на афганском Ан-26 – у арбатско-кабульских деятелей считался чуть ли не боевым выходом: они сразу требовали награды, «горку», «песочку», тельник, трофейный американский спальник, «бакшиш» (подарок). Для них это было целое событие – боевой выход, командировка на войну! Для создания боевой установки (чтобы комиссия побыстрее покинула расположение отряда) я устраивал ночью боевые тревоги по отражению нападения со стрельбой, шумом, артиллерийской иллюминацией. Эффект был неотразимый, комиссия улетала в Кандагар первым же бортом.

Помню, как-то прилетела к нам комиссия больших арбатско-кабульских партийно-политических военначальников со своими помощниками. Все такие вальяжные, чистенькие, важные! А ребята наши только что с боевых вернулись – грязные, оборванные, просоленные, пулемет за ствол тащат. И тут началось: «Да ты что за командир!? Да посмотри, как они у тебя ходят: рвань, в кроссовках, автоматы и пулеметы за стволы тащат! Да как ты позволяешь!?!». А выглядели бойцы так потому, что на боевые (боевой выход) мы старались ходить в КЗС (комплект защитный сетчатый) и в кроссовках. Прикид весь в сеточку, в жару хорошо продувается, но одноразового использования. А кроссовки нам комсомольцы из ЦК ВЛКСМ подарили – 200 пар московских «адидасов». Весь отряд ходил на боевые в кроссовках, очень удобная обувь. Боевое напряжение групп было очень высоким и, к сожалению, «горка», «песочка» и «эксперименталка» быстро превращались в лохмотья в ходе боевых действий, а новое обмундирование поступало по установленным нормам носки и не выдерживало экстремальной эксплуатации.

Я стою и понять не могу – что тут такого необычного? Ведь люди с войны вернулись. Меня это тогда здорово задело: «А вы что, хотите, чтобы после пятнадцати суток войны в пустыне на сухпайке без воды они строевым шагом, с песней шли и подтянутыми были при этом? Да не бывает такого!». С боевых бойцы все возвращались обветренные, прожаренные, черные от пыли и грязи, вшивые, изодранные. Живая, реальная жизнь сильно отличалась от киношной и телевизионной.

Будни войны

«Духи» иногда обстреливали гарнизон эрэсами (РС – реактивный снаряд) из района Калабуст, где находилась арка Александра Македонского. Из минометов не достреливали, хотя и пытались. Однажды случилась страшная трагедия. Сидят ребята из отряда спецрадиосвязи в курилке, и прямо в центр курилки прилетает эрэс. В итоге трое убиты, восемь ранены. На такие обстрелы мы очень резко реагировали – поднимались все сразу (артиллерия, авиация, дежурная группа), находили огневые точки противника и уничтожали по максимуму. Так что местное население из ближайших кишлаков изо всех сил старалось держаться от злых «духов» подальше – себе дороже обходилось.

Местное население по отношению к нам вообще-то вело себя довольно дружелюбно. Торговцы на рынке нас приветствовали и очень ждали, когда мы у них что-нибудь купим, за покупку давали «бакшиш». Мальчишки – бача – пытались всучить солдатам «чарс» (слабый наркотик), что-нибудь купить-продать, или что-нибудь открутить у техники. Местные жители приходили к нам лечиться. К 1988 г. обстрелы гарнизона прекратились.

Мы вели разведывательно-боевые действия в основном на автомобильной технике, на броне или пешком при поддержке авиации и артиллерии. На вертушках контролировали караванные маршруты в горах и в пустыне, выводили группы в засады. Вели поиск бандгрупп на трофейных автомашинах «тойота» и мотоциклах «ямаха». В каждой роте было по 3–5 таких «тойот», «ниссанов», «доджей», «симургов». Нередко наши группы переодевались в национальную одежду, пристраивались к караванам белуджей, с которыми были дружны. Вождь племени белуджей Мир-Хазар с чудесной бородой и его сын Мираджи иногда приглашали наших представителей в гости.

Были у меня в отряде два замечательных старших лейтенанта Сергей Зверев и Сергей Дымов, командиры групп. Эти уникальные спецназовцы нередко захватывали по несколько машин с оружием, а в апреле 1987 года умудрились с боем захватить караван из двенадцати таких машин! Очень удачливым командиром был капитан Сергей Бреславский, кроме оружия и боеприпасов он пару раз захватывал кассу ИПА, нередко выручал меня в критических ситуациях. Блестяще выполняли боевые задачи старшие лейтенанты Юра Швыдкий, Алексей Панин, Юра Мокров, Миша Федин, Саша Назаров, Валера Травкин, Слава Безматерых. Отлично воевали сержанты Товкес, Насонов, Оспанов, Ксенофонтов, Бощенко, Жунусов, Кимбаев, Завгородний и многие другие. Особая благодарность нашим вертолетчикам: комэску Сергею Косенкову, Мише Азанову, Илье Рыжкину и всей 205-й отдельной вертолетной эскадрильи. Вертолетчики для спецназовцев были полубогами. Без них мы не смогли бы успешно выполнять боевые задачи. Только они могли в критической ситуации спасти группу за многие километры от пункта постоянной дислокации (ППД).

Сам я на боевые летал раза два-три в неделю, а раз в два-три месяца выводил отряд в рейд на перехват караванов дней на десять-пятнадцать. В день мы совершали два-три вылета на досмотр караванов. Бывало, и но-

чью летали на воздушную охоту на боевых вертолетах Ми-24. Как правило, на ночную охоту с приборами ночного видения летали Панин, Швыдкий, Мокров. К сожалению, у нас было мало летчиков имеющих допуск к ночной посадке в пустыне, что осложняло эвакуацию раненных в ночном бою.

Утро начиналось в четыре часа. Я инструктировал и отправлял на караванные маршруты досмотровую группу на двух вертолетах. С ними поднимались две вертушки прикрытия – Ми-24. Командир группы располагался между левым и правым летчиками, борттехник – за курсовым пулеметом в носовом блистере, в открытую боковую дверь и в хвостовой части вертолета на турель устанавливались ПКМы, открывались иллюминаторы и в каждое окно устанавливался ствол. В пять утра досмотровая разведывательная группа (ДРГр) улетала на воздушную разведку местности. Мы взлетали так рано потому, что уже к девяти утра температура воздуха поднималась настолько, что вертушкам сложно было летать. Караваны шли примерно в это же время. Ближе к полудню они вставали на дневку, потому что днем невозможно передвигаться по пустыне в такую жару никому – ни людям, ни даже верблюдам. Чтобы сократить потери от тепловых ударов, с 12.00 до 16.00 в отряде прекращались полевые занятия и работы, людям предоставлялся отдых. А я вместе с вертолетчиками просил Всевышнего не посылать врагов моим командирам в это время. К сожалению, нередко, Он не внимал нашим просьбам.

Летаем мы над своей зоной и смотрим по сторонам. Видим – караван. Разворачиваемся. Даем предупредительную очередь с борта. Караван останавливается. Все поднимают руки и машут руками, кричат: «палуч, палуч» – мы, мол, мирные белуджи, летите дальше!

Решаем – будем все-таки досматривать. Снижаются Ми-8 с досмотровой группой. Ми-24 кружат в боевом охранении. Подсели, выпрыгиваем. Из вертолета первыми идут пулеметчики, затем командир с досмотровой группой, из второго вертолета выпрыгивает и занимает позиции огневая подгруппа прикрытия. И очень часто бывало так: мы начинаем приближаться к каравану, а тот, кто только что махал нам руками, достает ствол – и давай нас мочить! Начинается бой.

Как-то раз в такой ситуации командиру группы Андрею Перемитину пуля попала в «лифчик» на груди и застряла в снаряженном магазине. Удар был такой силы, что чуть сердце не остановилось у парня, синяк был на всю грудь. Только выскочили, побежали на досмотр каравана – «дух» достает свой «карамультик» и начинает стрелять. Если в группу начали стрелять, тут уж нет прощенья никому. Досмотрели караван. Все у них было – оружие, боеприпасы, наркотики. Загрузили результат в вертолет и улетели.

С захваченным трофейным оружием, боеприпасами и медикаментами все было понятно, а куда девать наркоту? Медики отказались организовывать переработку наркотиков в болеутоляющие средства. Командование требовало уничтожать наркоту на месте, но наркотики не тонут, при подрыве только разлетаются. Приходилось сжигать – резины и соляры не хватало на такие объемы.

Однажды, после выполнения боевой задачи в районе колодца Галачах, пустыня Регистан, возвращаемся с ротой Миши Федина в ППД. И вдруг со стороны «зеленки» из кишлака нас плотно стали обстреливать из безоткаток! Я отряд в пустыню отвел, артиллерию развернул – мы в этот раз выходили на броне и даже с гаубицами Д-30. Артиллеристам нужно было обнаружить цель. Для этого мы с артиллерийским наводчиком на броне стали передвигаться на видном месте вблизи зеленки. И «духи» не выдержали, начали по нам стрелять! Артнаводчик засек цели и передал координаты. В результате «духовские» безоткатки были уничтожены, но и кишлаку, из которого по нам стреляли, здорово досталось. Вроде жестоко, но зачем они стреляли? Мы же их не трогали, шли себе мирно мимо...

Основную часть караванов и бандгрупп, что шли из Пакистана, наши спецназовцы брали в районе Багата на Сарбанадирской тропе. Но бывало и по-другому. Однажды мы очень жестоко бились с «духами» в горах, в районе перевала Шебиян. Вертолетчики были не в восторге от вылета на Шебиян – далеко, летать в горах сложно, жара, воздух разряжен, топлива не хватает, нужно дополнительные баки устанавливать на борт. И вот что придумали – в районе глинистых озер в пустыне Регистан примерно на середине пути сделали площадку подскока вертолетов. Там ровное-ровное как зеркало место километров на десять-пятнадцать, твердое, как хороший бетон, тяжелые самолеты принимать можно. Мы туда выгоняли авиационную «землю» под прикрытием брони, ставили охранение. Потом на броне подходил сам отряд, прилетали вертолеты. Они здесь дозаправлялись, загружали группу и летали вдоль гор вплоть до стыка трех границ у кишлака Рабати-Джали, куда одним перелетом с группой на борту не долететь.

Как-то вылетели мы на разведку караванных маршрутов в сторону Рабати-Джали. С нами был комбриг – Юрий Александрович Сапалов, и ХАДовец (сотрудник афганских спецслужб). Летим, летим – вроде никого нет. Вдруг в районе перевала Шебиян боковым зрением замечаю – стоит в мандехе (небольшое узкое ущелье) синяя «тойота», значит где-то рядом и остальной караван. Не хотелось связываться в бой, имея командира бригады на борту, да и группа была сборная. Я сделал вид, что не вижу каравана. Летим дальше. А начальник разведки, Леша Панин, стучит мне в кабину, кричит и руками размахивает:

— Караван, командир, караван! Ты что, не видишь, что ли?

Я ему:

— Да вижу я, Леша, вижу!

Кругнулись, подсаживаемся, и начинается долбежка.

Накануне Сережа Бреславский отмечал день рождения и присвоение капитана. Летчики, да и командиры на борту плохо себя чувствовали. Двадцатьчетверки подавили ДШК, восьмерки высадили нас метрах в ста от «духовских» кладок и улетели на дозаправку. У душманов в горах не окопы были вырыты, а сложены кладки из камней – почти что крепость, укрепленный район. Лезем мы на эти горушки, а «душки» по нам постреливают из-за

кладок. Мы развернули АГС и обработали «духовские» кладки. Вижу – «душки» побежали.

Я трассой Лехе цель показываю, кричу:

– Леша, смотри!

Он – дынь-дынь-дынь, и... «духи» попрятались. Поднялись мы на одну горушку быстренько, на другую – и вышли к ущелью.

Смотрим сверху – «духовский» лагерь: палатки, костер горит, оружие и боеприпасы разбросаны и никого нет. Мы прикрытие наверху поставили, а сами – я, да Алексей – вниз пошли посмотреть, что там такое. Трынть-трынть-трынть – спускаемся. Все тихо. Я говорю Лехе:

– Смотри, что мы здесь взяли!

Вокруг – оружие, боеприпасы, чуть поодаль «тойоты» стоят. Леха начал в первую очередь скручивать с машины магнитофон (в то время был такой дефицит!). Я ему:

– Давай стволы собирать!

А он:

– Подожди, командир, успеем, пока вертушки прилетят.

И тут – такой залп по нам сосредоточенным огнем из автоматов с горы напротив! Бросили мы все эти магнитофоны – и дунули к своим! Так быстро я даже сотку никогда не бегал! А Леха ведь опытный офицер, старается изо всех сил прикрыть наш отход, настоящий герой! Я ему:

– Ты в сторону от меня беги, труднее будет в нас попасть!

А он все равно пытается прикрыть меня. Наше счастье – не попали: мы очень быстро бежали. Я петлял и еще Леху отталкивал, а он все равно прикрывал меня. Короче – запутали мы «духов». Бежим..., язык на плече..., в глазах красные круги – ведь стояла жуткая жара! До кладки добежали чуть живые, но целые.

Вызвали авиацию. Для авиационной поддержки отряда в Кандагаре всегда была дежурная пара «Грачей» в пятиминутной готовности. Но в этот раз прилетели МиГи. Пилот мне:

– Земля! Земля! Я – 800-й, ты меня наблюдаешь?

– Наблюдаю.

– Обозначьте себя.

Зажигаем красный дым. Себя обозначили.

– Наблюдаешь?

– Наблюдаю.

Я ему даю азимут, дальность, цель – караван с оружием. А МиГи где-то на семи тысячах метров барражируют. Я командиру: «Ты спустишь хотя бы до трех». Он: «Нет, запретили нам ниже семи работать». Летчики не хотели нарушать наставление по полетам и попасть в зону поражения «Стингера».

Начали они бомбить. А по науке нельзя наводить авиацию на цель ближе пятисот метров от группы. У меня с Лехой такое впечатление, что они прямо на нас бомбы бросают. На самом деле они отбомбились подальше от нас, где тоже были «духи». С командиром кандагарского авиаполка у меня были приватные отношения.

Я ведущему:

— Воздух! Я – Земля. Отличная работа! Передайте командиру, что «Мираж» (это мой позывной был) в трудную ситуацию попал, пусть еще пару «Грачей» придет на поддержку.

Сами бьемся с «духами», перестреливаемся, пытаемся их «мухами» пошугать. Минут через сорок приходят «грачи»:

— Мираж! Наблюдаем тебя...

— Азимут..., дальность..., цель...

Пришли они тоже высоко – на семи тысячах. Но потом с боевого разворота с кабрированием (кабрирование – поворот летящего самолета вокруг поперечной оси, при котором поднимается нос самолета) как пошли вниз! Сначала один бросил бомбы, потом – другой... В ущелье – дым, огонь, взрывы! Разбомбили все.

После этого мы уже спокойно с группой спускаемся. Нормально идем, никто нас не обстреливает. Леха все-таки скрутил магнитофон с машины, которая пыталась удрать.

Пока он двигался в сторону машины, я с группой досмотра шел прямо по ущелью. Вдруг боковым зрением вижу «духа», который из-за укрытия показывает, что намерен сдаться. Слышу очередь из автомата – та-да-да! А это боец за камень падает и в падении этого «духа» бьет.

Досматриваем убитого. ХАДовец установил по документам, что уничтожен командир бандгруппы ИПА. Я стал бойца воспитывать:

— Ты зачем стрелял, его в плен надо было взять?!

А он в ответ:

— Командир, а если бы «дух» успел первым в меня выстрелить?

Это все в доли секунды произошло. Да, пожалуй, боец был прав. В бою прав тот, кто первым уничтожит угрозу своей жизни и жизни товарищей, «цинки» нам не нужны. В этом бою у нас обошлось без потерь, даже раненых не было. Уничтожили мы крупный караван и взяли пленных.

Я думаю, что душманы просто одурели, когда нас увидели, – слишком далеко мы были от наших коммуникаций, километров двести пятьдесят-триста от Лашкаргаха. Они, скорее всего, надеялись, что мы не будем в бой вязываться и досматривать караван. Но Леху не обманешь! А вот то, что «духи» не попали по нам с Лехой, – это большая удача, могло закончиться все очень плачевно. Мы были уверены, что «духи» бросили караван и разбежались, но мы ошиблись. Удовольствия, конечно, во всей этой истории мало. В горячке боя не чувствуешь страха, не замечаешь ничего. А потом, когда возвращаешься, начинаешь чувствовать боль, растрескавшиеся губы, снимать полосами обгоревшую кожу с открытых частей тела, видеть, что у тебя сбиты колени, порваны локти, разбиты пальцы. Идет отходняк, отдача в чисто психологическом плане... И думаешь: «А тебе это надо?..».

Кроме поиска противника с вертолетов, мы проводили и засады. Ведь через нашу зону по пустыне Регистан проходила знаменитая Сарбанадирская (Багатская) тропа в зеленую зону Гильменда. Регистан – это голая пус-

тыня, раскаленные сыпучие пески, лунный пейзаж и жуткое испепеляющее солнце. Жара страшная... Поэтому мы заранее пролетали вдоль тропы на вертушках и смотрели, где лучше посадить группу, чтобы колодец был или хотя бы какая-то растительность. Высаживаем группу, командир организует наблюдение по кругу на вероятных направлениях движения караванов. Чтобы не уснуть и не пропустить караван ночью пили стимулятор – сиднокарб. Часто сидели в этом пекле по трое-пятеро суток – никого нет. Ведь разведка у душманов тоже работает. Поэтому я обычно одновременно высаживал по три-пять групп, чтобы перекрыть сразу несколько маршрутов в полосе тридцать-сорок километров. Конечно, просочиться через эту полосу было можно. Но нам везло, и на нашу долю приходилось самое большое количество перехваченных боевых караванов.

Начальником штаба у меня был Саша Телейчук, очень грамотный офицер. Как-то приходит он и говорит, что пришли данные – небольшой караван из двух машин в семнадцать часов будет следовать в направлении Марджи. Я ему: «Ну, давай, на вертушки – и вперед!». Он сажает группу Семененко на вертолеты и полетел. Я думал, что там всего две машины, Саша их быстро захватит – и делу конец! А в караване оказались еще и мотоциклы, и тракторы. Наши хотели их, как зайцев, взять, а «духи» неожиданно оказали серьезное сопротивление. Начали их бить вертушками – «духи» на мотоциклы прыгнули и стали уходить.

Воевали, воевали с ними, и в конце концов загнали «духов» в камыши у канала. Они разбежаться не стали, а собрались вместе и опять оказали ожесточенное сопротивление. В камышах их не видно: они из укрытия бьют, а наши на открытом песке лежат. Плюс ко всему рядом договорная зона (территория, обязанности по контролю за которой передавалась в руки местных старейшин) – кишлак, откуда «духи» подкрепление подтянули. Кишлак поддерживал их огнем из пулеметов. Бой шел порядка двух часов, солнце стало садиться. На некоторое время была потеряна связь «земли» с «воздухом». Мы на центре боевого управления (ЦБУ) отряда все очень нервничали, при докладах старшим начальникам о ходе боя белая «труба ЗАС» раскалялась докрасна. Практика показала, что нельзя зря дергать командира группы. Командир группы при выполнении боевой задачи и Бог, и Царь, и Воинский начальник. В дальнейшем я никогда не сообщал командованию о завязке боя, а докладывал только результат. В конце концов летчику боевого вертолета Ми-24 Илье Рыжкину удалось уничтожить «духовские» пулеметные расчеты. Сожгли камыши и уничтожили уходящих в кишлак «духов». В результате группа захватила в этом бою две «безоткатки», ДШК, итальянские пластмассовые мины, китайские боеприпасы.

В том бою, слава Богу, никого из наших не убили, но подранили одного сержанта и тяжело ранили майора Анатолия Егорова, оперативного дежурного отряда. Ему перебило ноги, да еще и в живот попало. Он родом из Ленинграда, сын начальника кафедры Академии тыла и транспорта. Слава Безматерых оказал первую помощь и вытащил Толю из боя в вертолет.

Командирский крест

Егорова быстро эвакуировали в Кандагар, оттуда – в Кабул, из Кабула – в Ташкент. К тому времени я на практике убедился, что тяжелораненного надо обязательно доставить в Кандагар живым и, желательно, в сознании. Врачи вытаскают умирающего с того света. Хотя с кандагарским госпиталем иногда бывали трения – им статистика хорошая нужна была. Ведь командиру отряда важно доставить раненого до госпиталя живым, а госпиталю важно, в свою очередь, чтобы раненый не скончался после приема. А наши врачи в отряде – Дима Свириин, Эльбрус Фидаров, Саша Образцов, Володя Долгих – были замечательные и многим помогли сохранить жизнь и здоровье.

Безусловно, каждая травма, каждое ранение и гибель – большая трагедия и боль для командира и всего отряда. Бой – процесс обоюдный: или – ты, или – тебя. К большому сожалению, за время моего командования отрядом у нас все-таки погибло десять человек. Среди них было восемь солдат и два офицера – Костя Колпашиков и Ян Альбицкий.

Я помню всех своих ребят и свой командирский крест несущий по жизни.

В жестоком бою у Марджи погиб перед дембелем прекрасный разведчик, нештатный переводчик, сержант Шамсутдинов, подорвались на трофейной «тойоте» и погибли у озера Хамун радисты Чечун и Яцкив, попали в засаду у кишлака Шабан и героически погибли, прикрывая отход группы разведчики Лебедев, Голощапов, Гавриленко, на перевале Эр-Мирза погиб водитель Шкарин, нелепо погиб водитель Лабутин. Потери наши по меркам Афганистана были меньше, чем у других. Особенно если учитывать характер выполняемых задач и боевое напряжение.

Старший лейтенант Ян Альбицкий, секретарь комитета комсомола отряда, был тяжело ранен в голову в конце июля в последнем бою перед выводом отряда из Афганистана. Когда я с врачами – Образцовым и Свириным – прилетел за ним и раненым сержантом Бощенко к Травкину в пустыню Регистан, Ян был в сознании. Обколотый «прамидолом» он уверял меня, что чувствует себя хорошо, но в вертолете потерял сознание. С большим трудом Образцов и Свириин поставили ему капельницу, так как вены ушли под кожу и их на всем теле невозможно было найти. Весь полет мы качали его, не давая «уйти». Нам удалось дотянуть Яна живым до Кандагара. Однако через неделю при транспортировке раненых из Кандагара в Кабул Ян Альбицкий скончался на борту самолета.

Младший лейтенант Костя Колпашиков, слушатель 3 курса ВИИЯ, старший переводчик отряда, в январе 1988 г. должен был поехать в отпуск. Я ему говорю – поезжай, а он мне: «Холодно в Союзе, вот в феврале на последнюю операцию под Мусакалу схожу, тогда и полечу». Тут еще начальник штаба отряда попросил: «Это мой лучший помощник. Пусть сходит». В ходе операции «Юг-88» надо было сломить сопротивление «духов» в базовом районе Мусакалы, Сангина, Каджаков. Мулла Насим со своей бандой не давал возможности местным властям организовать эксплуатацию электростанции в Каджаках. Нужно было провести зачистку этого района и ослабить влияние местных вождей. С этой целью проводилась крупная войсковая операция.

Одной из групп спецназа в этой операции командовал старший лейтенант Ильдар Ахмедшин. С ним в группе были Костя Колпащиков и Валера Польских – офицер управления бригады. В ходе поисково-засадных действий группе пришлось продефилировать неподалеку от кишлака Шабан. Здесь они и попали в засаду – кинжальным огнем бандгруппы из кишлака сразу сожгли два наших бэтээра. В этом бою у нас погибли три человека, двенадцать спецназовцев получили ранения. Костя Колпащиков в бою немного обгорел. Мог остаться в строю, но врач бригады настоял на эвакуации. Обычно раненых и убитых эвакуируют на разных вертолетах, а в этот раз правило нарушили. К несчастью, вертолет с ранеными и убитыми на борту разбился ночью при взлете... Погибшие умерли дважды... Погиб Костя Колпащиков, левый летчик – командир кандагарского вертолетного полка, правый летчик и еще несколько раненных. Валера Польских был еще жив при эвакуации в госпиталь, но захрипел и скончался у нас на руках, когда мы его ночью выносили из вертолета в Лашкаргахе. Выжил «бортач» (борттехник) и водитель бэтээра Леня Булыга (призывался из Беларуси).

Ильдар Ахмедшин в том бою получил жесточайшую контузию. Ночью, когда убитых и раненых привезли в отряд, в ходе опознания смотрю: среди трупов лежит Ахмедшин – не Ахмедшин, живой – не живой, непонятно. Спрашиваю: «Это Ильдар?» Отвечают: «Да, он живой, но очень тяжело контуженный». Ильдар полгода лечился в ташкентском госпитале, сбежал из него и нагнал отряд, по-моему, уже в Шинданде, в ходе вывода. Я ему говорю: «Да ты лежи в госпитале, лечись!». А он: «Нет, честь имею, я выйду вместе с отрядом, под своим Боевым Знаменем!». Следует отметить, что Боевые Знамена были не у всех отрядов и наши ребята очень гордились своим Боевым Знаменем.

Потом Ахмедшин командовал этим отрядом уже в Чучково, встречал я его в Чечне в Первую кампанию. А погиб Ильдар случайно – возвращался с железнодорожной станции, и его машина сбила. И вот что печально – после вывода из Афганистана немало офицеров и солдат погибло в таких же бытовых ситуациях при нелепых обстоятельствах.

В бою под Сангином ранили сержанта Диму Андрианова, призывался он из Москвы. При отправке в Кандагар Дима спрашивает: «Владислав Васильевич, что у меня с ногой?». Я посмотрел – ранение вроде не очень серьезное. Я ему: «Ты не переживай, сейчас мы тебя до Кандагара дотянем. Все будет нормально». Проходит время – мне сообщают, что ему ногу оттяпали. Я прилетаю в госпиталь, начинаю разбираться. Оказывается, его вовремя не осмотрели в приемном отделении. А там же жара... Началась гангрена, сепсис. На мой взгляд, ногу можно было сохранить. Так обидно и стыдно мне стало – ведь я ему обещал, что все нормально будет!..

В бою мы все одной крови – красной

Бое столкновения происходили, как правило, перед заходом солнца, ночью и по воскресениям. Бой – это страшная вещь. О нем легко только рассказывать. А там – стрельба, взрывы, дым, гарь, крики, кровь, пот и

слезы, бах – 300-й, бах – 200-й, быстреей, быстреей, быстреей!.. Вперед! На взлет! Нет бойца??? Давай назад!!! А он дрожит, бедный, на точке эвакуации: «А я не успел добежать!».

Сейчас некоторые деятели заявляют, что в Афгане бросали своих людей в бою, что своих расстреливали. Это бредовый вымысел. Мы никогда своих людей не бросали и не расстреливали. Ценою еще больших потерь освобождали своих ребят захваченных в бою. Тела погибших обменивали на пленных или выкупали.

Я считаю, что нашему солдату цены нет. Наше государство в неоплатном долгу перед солдатами и офицерами, прошедшими Афган. Воевали они все беззаветно. В основном это дети рабочих и крестьян из малообеспеченных семей. Конечно, в то время большую роль играла идеология коллективизма и взаимопомощи. Нас ведь как учили – человек человеку друг, товарищ и брат. Сам погибай, товарища выручай. Плюс ко всему мужской коллектив. Каждый хочет себя проявить с лучшей стороны, дух соперничества присутствует. Говорят какому-нибудь бойцу: «Ты такой-сякой, плохо помылся, плохо побрился». А он в бою доказывает, что он лучше, чем о нем говорят.

В бою мы все одной крови, причем *красной*, а не голубой. Конечно, потом, когда бой закончился и все вернулись в ППД, вступает в действие иерархия – начинаем разбираться, кто как воевал, кто всю воду в пустыне выпил, кто стрелял, а кто дрожал, кто попал, кто не попал. Хотя, конечно, отношения между старшими и младшими у нас были жестковатые. Ведь менее опытные не знают, например, что всю воду в пустыне выпивать сразу нельзя, что старших надо слушаться... Непослушание ведет к неоправданным боевым и не боевым потерям. Поэтому старшие воспитывали нерадивых очень конкретно, так что понимание приходило быстро. Но были и особо хитромудрые мальчиши, просидевшие весь Афган в баграмском реабилитационном центре, где использовались администрацией госпиталя, мягко говоря, не по назначению.

С водой вообще была проблема. Во время выходов на боевой технике бывало, что и из радиаторов автомобилей воду выпивали. Ведь обычно разведчик с собой брал одну-две фляги с водой, каждая по полтора литра. А приходилось на этой воде неделю воевать, а то и больше... Например, высаживаем группу на вертушках на три дня. А тут то вертолет где-то завалили, то еще что-то – и через три дня бойцов не получается снять. Запрашиваем по «Ангаре»: «Ребята, продержитесь еще пару дней?» – «Продержимся». А солнце не щадит, «душманская отрада». Проходит пять дней, они докладывают: «Командир, нам тяжело, вода кончается». А вертолеты все не летают. Нет «добра» из Кабула. И группа «Экран» в штабе Армии ничем не может помочь. Высокое начальство все разбирается с подбитым вертолетом. Проходит семь, восемь, десять дней... Прилетаешь забирать ребят – а у них уже обезвоживание организма началось. А что такое обезвоживание? Люди одуревают, от людей остаются только кожа да кости, да еще при этом понос начинается. Забрасываем чуть живых пацанов в вертолет, везем в отряд. Сажаем ребят в бассейн, чтобы они отмокали, а они пить прямо из бассей-

на принимаются! После этого дизентерия, вши, тиф, желтуха начинает долбить... Война есть война – страшная, неприятная работа. Никакой романтики, сплошная грязь.

Победить самих себя

Оставаться людьми в таких нечеловеческих условиях помогало то, что нас в армии всегда учили преодолевать трудности. И я учил своих бойцов, что мы должны победить сами себя, что мы должны стать лучше и сильнее, чем природа и обстоятельства. Я им говорил, что они самые лучшие, что они герои и могут выполнить самую трудную задачу, но обязательно должны остаться в живых. От командиров групп я требовал соблюдения главного принципа: «Прежде чем залезть в какую-нибудь аферу, подумай, как ты из нее будешь вылезать. Если знаешь, как вылезать, – тогда давай! Если не знаешь, как выбраться, – не лезь туда, дорогой!».

Мы ведь кадровые офицеры, и нас готовили к войне. Быть командиром не просто, а в Афганистане было сложнее во много раз. Очень много разных горе-начальников изображали из себя крутых маршалов, так и норовили потешить свое самолюбие, снять с должности, «сфотографировать» командира, что наносило и наносит большой ущерб воинской службе. Такой обструкции подверглись Бабушкин, Сапалов, Удовиченко, Ключков, Терентьев, Юрин, Портнягин. Выдержали удар и продолжали успешно командовать Нечитайло, Блажко, Горатенков и ряд других заслуженных и уважаемых командиров. Однако мы – офицеры и грех нам жаловаться на судьбу. Для офицера, для командира проявить свои навыки, умения в бою всегда считалось достойным уважением. Мы ощущали себя сыновьями фронтовиков Великой Отечественной. И то, что они в свое время сумели защитить страну и победить фашистов, для нас являлось образцом служения Отечеству. Именно это было основой настроения практически всех офицеров – девяносто девять и девять десятых процента. И офицеры вели за собой солдат.

За отличия в разведывательно-боевой деятельности (РБД) солдаты и офицеры представлялись к орденам и медалям. По мере активности РБД я представлял офицеров к орденам вначале за десять караванов, потом за пять, за три, а весной 1988 г. по требованию генерала В.И. Варенникова за каждый результат. Нередко представления к государственным наградам возвращались в отряд без реализации с резолюцией: «Плохо описан подвиг...».

Денежное довольствие офицеров в Афганистане было примерно 300 чекмов (один доллар у «менял» в Кабуле или Москве был равен трем-пяти чекмам), а солдаты получали мизер – хватало на один поход в магазин за газировкой «Си-Си» или соком «Дона».

Об афганцах

Хочу несколько слов сказать про афганцев. С одними из них нам приходилось воевать, а с другими – сосуществовать. Я не могу сказать, что афганцы – злые люди. Они просто другие. Афганцы – люди очень далёкие от европейской культуры. В общении они нормальные, но понимание, что такое

хорошо и что такое плохо, у них другое. Я это понимание называю мусульманско-средневековым. Наши узбеки и таджики, которые в отряде служили, мне признавались: «Как хорошо, что мы оказались в Советском Союзе! Мы не хотели бы жить, как афганцы!».

Островки современной цивилизации были только в Кабуле. А основная территория Афганистана – дремучее средневековое царство. И большинство местного населения начало тянуться к изменениям – ведь они разговаривали с нашими узбеками и таджиками. Однако надо учесть и то, что это исламское государство, которое предполагает наличие авторитарных теократических лидеров, ведущих жестокую борьбу с любым «неверным» мировоззрением. И если простые люди даже и не согласны с такими лидерами, они им подчиняются согласно вековым традициям и исламу, который требует от людей быть покорными. Хотя жили афганцы и продолжают жить очень тяжело – ведь это горы и почти сплошная пустыня: белуджи в пустыне для соблюдения гигиены просто песком омываются в отсутствии воды. Их мир совершенно другой, у них иное мировоззрение.

Как-то случилась со мной характерная история. Был у меня один местный афганец, который давал мне информацию по караванам. Было ему лет сорок, хотя выглядел он на все шестьдесят. Однажды я угостил его сгущёнкой:

— Молодец, ты мне хороший караван подарил!

Через некоторое время он приходит на КПП с девочкой в парандже и говорит:

— Дай мне ящик того, чем ты меня угощал, а я тебе ее в жены отдам!

Я вызываю зама по тылу, даю команду принести ему ящик сгущёнки, ящик тушёнки и говорю:

— Забирай девочку, сгущёнку вместе с тушёнкой, но только караваны мне дальше сдавай!

Мы искренне хотели помочь афганскому народу выйти из средневековья и создать своё государство, создать нормальные экономические и социальные условия для жизни. Мы же видели наглядно, как живут те же узбеки и таджики у нас и как они живут в Афганистане! Это – небо и земля. Те, кто служил раньше в южных республиках Советского Союза, а потом попал в Афганистан, наглядно убеждались, что мы выполняем там благородную миссию. И если мы поможем афганцам хотя бы дотянуться до уровня наших среднеазиатских республик, то нам надо будет ставить памятник при жизни. Мы глубоко были убеждены, что несём прогресс и процветание в эту Богом забытую страну. К сожалению, исламский экстремизм продолжает процветать на афганской земле.

По итогам РБД в 1987 г. наш отряд, наряду с баракинским и газнийским, был признан одним из лучших в составе ОКСВ в Афганистане. Следует отметить, что наши военачальники С. Ф. Ахромеев, Б. В. Громов и Г. П. Греков высоко ценили разведку Спецназ. В. И. Варенников иногда лично звонил мне прямо в отряд и благодарил за результаты.

БОЕВАЯ РАБОТА 106-го ОТРЯДА СПЕЦНАЗ

Прибыв к новому месту дислокации, отряд 15 мая 1985 г. приступил к выполнению боевых задач. Через его зону ответственности (искл. н. п. Тангай, н. п. Мамай (южн. Газни), отм. 2330 (12 км. сев. Шахри-Сафа), отм. 2319 (40 км вост. Спинбульдак) проходили оживленные караванные маршруты, по которым доставлялось оружие и боеприпасы из Пакистана в южные провинции Афганистана. Основной особенностью района было то, что ранее здесь советские войска не появлялись. Дороги же позволяли доставлять оружие не на вьючных животных, а на автомобилях. Отсутствие опасности при доставке оружия позволяло моджахедам использовать большегрузные трейлеры «Мерседес». Даже после начала боевой деятельности спецназа в этом районе, мятежники не изменили своей тактики, поскольку «Мерседес» мог двигаться даже по грунтовой, но хорошо укатанной дороге со скоростью 50–70 км в час и проскакивать опасный участок от границы до конечного пункта за несколько часов. В силу этого, наиболее характерной тактикой отряда были засадные действия. Особенно на начальном этапе моджахеда недоценили опасность, которую нес в себе факт расположения отряда в данном районе. Охрана маршрутов не была должным образом организована, поэтому и результативность засадных действий с самого начала была высокой.

186-й отряд по результативности периодически соперничал со 173-м ооСПН. Именно разведорганы 7-го отряда во время облета захватили первые образцы американского ПЗРК «Стингер». Однако, как на начальном этапе, так и в последующем, действия отдельных командиров групп порой были недостаточно продуманными. Из-за чего отряд нес потери.

22 июня 1988 г. отряд был выведен из состава 40-й ОА, прибыл в Союз и вошел в состав 8-й отдельной бригады специального назначения Прикарпатского военного округа. Наиболее эффективно воевали Е. Сергеев, В. Ковтун, Я. Горошко, О. Онищук.

Основным генератором идей по организации специальных действий в зоне ответственности «7-го отряда» был заместитель командира батальона капитан (немного позднее – майор) Евгений Сергеев. Вспоминая о начале боевой деятельности отряда, он пишет:

«Когда начались плановые боевые выходы, пошли и первые результаты. Все они анализировались и обсуждались. Это давало хороший результат в плане обмена опытом и скорейшего обучения командного состава отряда различных категорий. Край был, как говорят, «непуганых дураков» (или, как каламбурили – «непуганых духов»).

Самые же первые потери у нас появились, когда в отряд пришел новый командир отряда. Из Кандагара прибыл майор Лихидченко, который там был начальником штаба отряда.

Меня и командира второй роты Щербакова вызвали на какое-то совещание в Лашкаргах. Незадолго до нашего отлета в отряд поступила информация о наличии склада с оружием в одном из кишлаков. Улетая, я просил комбата, чтобы не проводили налет без меня. Мне казалось, что я как заместитель «по бою» должен участвовать в разработке и проведении первого налета отряда. Однако комбат не стал меня дожидаться, и налет провели без нас. Хотя налетом это назвать трудно. Разведанные не проверялись, доразведка объекта не проводилась, да и замысла какого-то хитрого не было. Кишлак атаквали в лоб на броне. Нарвались на огонь и в результате погибли два бойца из второй роты и лейтенант Новиков из роты минирования (подробнее о налете на кишлак Пурдиль можно прочитать в очерке «Горький опыт неудач» // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 474–477).

На начальном этапе примерно полгода группы отряда не уходили далеко от расположения, работая в радиусе 5–10 км. Первый результат в 186-м ооСПН дала группа лейтенанта Алика Алабергенова. Они забили грузовую машину всего в 3 км от расположения отряда. Правда, результаты на начальном этапе были небольшие – 2–3 автомата, боеприпасы, 2–3 мины.

Как писал Владимир Ковтун, в то время, для того чтобы добиться результата, надо было просто не лениться и соблюдать элементарные правила маскировки в этом «краю непуганых идиотов».

Эти же требования сохранились и после того, как отряд спустя полгода после прибытия получил свои вертушки. Но такая халява, видимо, расслабляла офицеров отряда, и они не все и не всегда выполняли элементарные требования безопасности.

Так например, случились первые потери в группе Алабергенова. Его бойцы просто уснули, и «духи» расстреляли одну из троек. Врага потом, конечно, уничтожили, но людей не вернуть.

4 ноября 1985 г. группа Василия Чебоксарова провела успешную засаду на караван из четырех автомобилей на трассе Кабул–Кандагар в районе кишлака Чариле в 14 км севернее г. Калат. В результате засады уничтожено 4 автомобиля, 34 моджахеда. Захвачен 82-мм миномет, 12,7-мм ДШК, 2 автомата, а также боеприпасы к указанному оружию. Группа потерь не имела.

Вскоре после этого 11 ноября 1985 г. старший лейтенант Константин Кожмяков силами БГ № 725, действуя на трех БТР-70 и одном БТР-60п «Чайка», провел засаду на два автомобиля противника, которые перевозили оружие и боеприпасы 75 км севернее Шахджоя. В 20.30 на дороге было обнаружено движение автотранспорта противника на удалении 8 км. Головной БТР скрытно приблизился к обнаруженным ночью машинам на минимальное расстояние и открыл огонь. В результате засады уничтожено 2 автомобиля, 28 моджахедов. Захвачено два 82-мм миномета, 5 ДШК, 3 безоткатных орудия, 1 пулемет СГМ, 18 единиц стрелкового оружия и два РПГ-7, а также боеприпасы к данным видам оружия в большом количестве.

Как писал Е.Г.Сергеев, самым результативным офицером отряда был Владимир Ковтун (о засадах, которые он провел со своей группой см.: *Ковтун В. Леденящий зной Шарджоя* // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 479–483).

Также об одной из засад группы Ковтуна вспоминает Александр Чубарь. Это была первая засада, в которой ему довелось принимать участие.

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ В РЯДАХ 22-й обрСпН

(А.Е.Чубарь)

Начало. Первый опыт

Вспоминая Афган, я неизменно возвращаюсь мыслями к началу своей службы в должности начальника штаба 186-го отдельного отряда специального назначения.

Я приехал в Афганистан уже сложившимся офицером в звании капитана. Звание «майор» догнало меня в Афганистане через три недели после пересечения мной границы СССР–ДРА.

За плечами была служба в 16-й обрСпН, определенные успехи и заслуженный авторитет. А что ожидало меня на новом месте службы в отряде, дислоцированном неподалеку от населенного пункта Шахджой? Конечно, была уверенность в своих силах, ведь не из придворного штаба я приехал, но червь сомнения все же разъедал меня. Все ли будет получаться сразу, будет ли поддержка со стороны командира отряда и его заместителей, безошибочно смогу ли найти общий язык и понимание со своими непосредственными подчиненными, с офицерским составом отряда?

Кроме этого меня, безусловно, беспокоили отличия, и немалые, между планированием разведывательно-боевой деятельности, применяемом в условиях 40-й Армии и классическим планированием применения сил и средств специальной разведки в условиях Европейского театра войны.

Оставляю в стороне мое прибытие сразу в Лашкаргах, в штаб бригады (так было предписано в разведотделе штаба 40-й армии). В принципе, два дня «стажировки» при штабе 6-го отряда ничего полезного никому не дали, кроме лишних нервов Леше Щербакову, которого я менял в Шахджое и который меня с нетерпением ждал. Просто какой-то клерк где-то поставил галочку.

Мое прибытие в Шахджой я помню, как будто это было вчера, и, наверное, никогда не забуду. Я летел из Кандагара в Шахджой на почтовых вертолетах, время было обеденное, солнце стояло высоко. Мы шли на средней высоте в районе Калата, тогда это еще было безопасно в нашей провинции Заболь. Вдруг, описывая широкое полукружье, к нам подошли две «двадцатьчетверки», и всем, и в том числе и мне, было понятно, что эти вертушки не следовали с нами из Кандагара. Они подошли достаточно близко, так, что можно было разглядеть лица пилотов. Вот с таким эскортом мы и сели на нашей площадке Шахджой. Каково же было мое удивление, когда из одной вертушки прямо с места второго пилота спрыгнул на землю, подбежал ко мне и начал обниматься какой-то парень в нашей «мабуте». Только тогда

я понял, что это и есть капитан Алексей Щербаков, начальник штаба отряда, для смены которого я и прибыл.

Затем пошли обычные рутинные мероприятия, связанные с передачей и приемом дел и должности. Леша уехал в Союз, и я, стараясь не разрушить то хорошее, что создавал мой предшественник, начал, не теряя времени, вникать во все вопросы, связанные с планированием разведывательно-боевой деятельности, боевым дежурством, бесперебойным обеспечением связи как с вышестоящими штабами, так и с группами, находящимися на боевом выходе, а также в вопросы службы войск, внутреннего порядка и воинской дисциплины. Уже после короткого ознакомления с делами отряда я понял, что всем вышеперечисленным вопросам мне предстоит уделять самое тщательное внимание.

Было все вновь и непривычно. Жара, ранний рассвет и ранний заход солнца, ветер. Отсутствие привычных условий быта, проживание в морском контейнере, заглубленном в землю, однообразная, явно не домашняя еда. А самое главное, что времени на раскачку не было. Любые решения нужно было принимать в сжатые сроки и с минимумом исходных данных. Это касалось всех сторон моей деятельности как начальника штаба, и обеспечения боевых действий, и участия в них, и повседневной деятельности отряда.

С офицерами отряда я быстро достиг взаимопонимания. Конечно, в своей службе я опирался на поддержку командира отряда майора Нечитайло Александра Анатольевича. Однако наиболее существенную помощь и поддержку мне на первых порах, и не только, оказывал заместитель командира отряда, легендарный, не побоюсь этого слова, майор Сергеев Евгений Георгиевич. С Женей мы сначала жили в одном контейнере-землянке. Это уже потом, через три месяца, я оборудовал смежную со своим кабинетом комнатку в штабе отряда под небольшую спальню. Женя был сложным в общении человеком. Колочий, резкий, прямолинейный. Но это нивелировалось его честностью, глубокой порядочностью, высоким профессионализмом, смелостью и беспримерной преданностью делу, которому он посвятил свою жизнь, специальной разведке.

Моим ближайшим подчиненным и помощником был лейтенант Иванов Владимир, начальник разведки отряда. Молодой по годам, но уже опытный офицер, имеющий за плечами и результативные боевые выходы, и опыт руководства штабом отряда. Неунывающий, приветливый, доброжелательный молодой человек, профессионально подготовленный, думающий офицер.

Конечно, можно было бы упомянуть здесь всех офицеров отряда, но хочется отметить тех, которые были близки мне, именно по духу, по восприятию окружающего мира, по своим личностным качествам. Заместитель командира 2-й роты старший лейтенант Ковтун Владимир, переводчик штаба отряда младший лейтенант Боев Александр, переводчик 2-й роты младший лейтенант Рождественский Сергей.

Моя адаптация к новым условиям проходила достаточно легко. Сказывался высокий уровень боевой подготовки, характерный для Чучковской бригады, а также богатый опыт учений, полученный в период службы в 16-й

обрСпН. К тому же буквально с первых дней службы в составе 186-го ооСпН я постоянно учился новому, причем считал нужным и полезным учиться у всех: офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат. На память приходят два случая. Первый боевой вылет с досмотровой группой и первый боевой выход с РГСпН.

В первом случае я выступал в роли старшего офицера и действовал с одной из досмотровых групп. После вылета на вертолетах Ми-8 и в сопровождении пары Ми-24 мы достаточно скоро обнаружили караван из нескольких машин, двигавшийся со средней скоростью километрах в тридцати от пункта постоянной дислокации нашего отряда. Командир группы принял решение досмотреть караван. Я впервые в своей жизни не только участвовал в досмотре каравана по результатам воздушной разведки, но и столкнулся с этим впервые, так как данный способ ведения разведывательно-боевых действий до войны в Афганистане не применялся и даже не изучался. Естественно, я наблюдал за ходом досмотра и сам участвовал в нем, изучая действия разведчиков и оценивая их.

Мой первый боевой выход на разведывательно-засадные действия я спланировал совместно с Володей Ковтуном. Старший лейтенант Ковтун отличался высокой тактической грамотностью, личной смелостью, любовью и верой в него подчиненных. Не было ни одного солдата, который бы не хотел «пойти на войну» с Владимиром Павловичем, потому что все знали: Ковтун возвращается с живыми разведчиками и Ковтун дает результат. В этом боевом выходе была своя изюминка. К нам в шахджойский гарнизон регулярно, с периодичностью один раз в три-четыре месяца, прибывала войсковая колонна, которая доставляла нам из Кабула через Газни по так называемой «дороге жизни» все виды обеспечения: боеприпасы, продовольствие, ГСМ и т. д. и т. п. Вот возможности скрытного перемещения, связанные с этой колонной, и решено было использовать для доставки РГСпН в район ведения разведки. Дело в том, что доставка разведгрупп в районы поисково-засадных действий, удаленные на 30–70 километров, как правило, происходила на вертолетах посадочным способом. Естественно, скрытно это делать удавалось не всегда. Тем самым группа изначально подвергалась опасности быть обнаруженной, а затем и уничтоженной.

Старшему лейтенанту Ковтуну Владимиру – командиру РГСпН, в составе которой я действовал в качестве старшего офицера, была поставлена задача прибыть в район Верхних бродов с целью организации засады на пути вероятного передвижения каравана машин мятежников.

Согласно замыслу личный состав разведгруппы скрытно расположился в составе колонны на ее транспортных средствах непосредственно перед выдвиганием колонны за пределы гарнизона. Проехав около 70 километров в сторону Газни, примерно в 17.00 по местному времени колонна сделала очередной привал. Здесь мы под покровом наступающей темноты спешились и выдвинулись в направлении Верхних бродов. Нужно упомянуть, что в составе РГСпН было три офицера: Ковтун Владимир, Рождественский Сергей в качестве переводчика и я.

Марш в район разведки был сложным. Протяженность маршрута составляла порядка 35 км. Местность сильно пересечена, глубокие мандехи чередовались с высокими, крутыми холмами. Было чисто физически трудно, нужно было успеть до рассвета прибыть в район разведки, найти и оборудовать подходящее место для дневки, а также замаскировать его. При этом необходимо было вести разведку на марше и передвигаться предельно бесшумно и незаметно.

Конечно, мы успели, но было очень нелегко. Я раньше никогда не испытывал такого напряжения физических и моральных сил, ни на самых сложных учениях, ни на самого высокого уровня спортивных соревнованиях. Несмотря на то что я был мастером спорта по офицерскому многоборью, но все-таки я не был так втянут в совершение подобных переходов, как командир группы и его подчиненные. Ковтун, видя, что мне сложно, предложил мне передать мой РД-54 с притороченным к нему грузом одному из солдат. Признаюсь честно, малодушная мыслишка промелькнула, но сразу же была мною отброшена в сторону. Я ответил Володе, что об этом не может быть и речи. После этого двигаться стало даже как-то легче.

До этого я десятки раз выдвигался в район разведки на учениях, но марш в боевых условиях был для меня новым опытом. И я внимательно наблюдал за действиями разведчиков, учился у них.

Время на дневке прошло как-то незаметно, подошли сумерки, стало темно. РГСПН начала выдвижение к месту засады, которое было спланировано заранее, но уточнялось уже на месте в период дневки. Мы не успели к месту устройства засады буквально один километр, как увидели огни нескольких автомобилей, движущихся в колонне, как раз на участке, выбранном при планировании засады. Пришлось атаковать сходу, используя всю огневую мощь группы. Ответный огонь духов не заставил себя ждать, но внезапность и натиск разведчиков сыграли свою роль. Мы захватили три машины, набитые боеприпасами и оружием. При этом группа потерь не имела и уничтожила около десяти мятежников. Вскоре последовала попытка духов отбить захваченное оружие. Мы выдержали довольно приличный обстрел со стороны противника и не дрогнули, даже когда против нас были применены фосфорные реактивные снаряды. Это зрелище не для слабонервных. Позднее мне стало известно, что фосфорные РС до этого в Афганистане не применялись.

Возможности в таких условиях установить связь с Центром у нас не было, но везение на войне никто не отменял. Пролетавшая неподалеку в направлении Кандагара пара СУ-25 увидела зарево пожара еще издалека. Удалось установить с ними связь по «Ромашке». Это было уже под утро, ночь заканчивалась. Вскоре на поддержку из Кандагара прилетела четверка СУ-25, а также прибыли вертушки нашего отряда, две «восьмерки» и две «двадцатьчетверки».

Мой первый боевой выход закрепил те знания, навыки и умения, которые я приобрел за годы службы, годы боевой подготовки в условиях мирного времени в Союзе.

Друг

С моим другом, Костей Прокопчуком нас судьба сначала вела параллельными курсами: мы оба уроженца Западной Украины, оба закончили сначала Калининское суворовское военное училище, затем Киевское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М.В. Фрунзе. Но пересеклись и познакомились мы в 1977 г., когда я был уже курсантом четвертого, выпускного курса, а Костя же только поступил на первый курс. Свел нас спорт. Костя был талантливым спортсменом, мастером спорта по военному троеборью. Мы общались, нам было интересно друг с другом.

Затем я окончил училище, распределился в Чучково. Казалось, наши пути разошлись. Но прошло три года, и Константин Прокопчук попал служить во вторую роту Чучковской бригады, в которой служил и я командиром первой группы. С этого момента и до его гибели 21 апреля 1987 г. мы уже не расставались, если не считать, что в Афганистан я прибыл на полтора месяца раньше, чем он.

По прибытии в Афганистан капитан Прокопчук Константин Васильевич принял под командование 3-ю роту Кандагарского отряда, роту с богатыми боевыми традициями и заслуженными наградами, роту, в которой офицеры, сержанты и солдаты отличались высоким моральным духом и боевой выучкой. К чести Кости нужно сказать, что он совсем не потерялся на этом фоне. Он неоднократно командовал РГСПН и РОСПН на боевых выходах. Рота под его командованием регулярно показывала высокие результаты в боевой деятельности. Костя совсем мало успел повоевать на афганской земле, всего семь месяцев, но успел завоевать признание, уважение и любовь подчиненных и товарищей по службе. Его отличали командирская мудрость, талант разведчика, забота о подчиненных, беспримерное мужество, отвага и личная смелость. Сами за себя говорят его три боевых награды: орден Красной Звезды и два ордена Красного Знамени, один из них посмертно.

Погиб он геройской смертью. 21 апреля 1987 г. 3-я рота в составе РОСПН должна была обеспечить безопасность площадки для доставки самолетом гуманитарного груза в районе крупного населенного пункта Теринкот. Для этой цели сначала планировался массовый посадочный десант. Костя с подчиненными летел в вертолете Ми-8 в тесном строю. Трудно сказать, по чьей вине, но два вертолета столкнулись в воздухе, и в их вертолете начался пожар, вот-вот мог взорваться дополнительный бак. Тем не менее капитан Прокопчук успел буквально выкинуть из горящего вертолета пять своих бойцов, которые смогли открыть свои парашюты в воздухе. Сам он, к сожалению, десантироваться не успел. Вертолет взорвался, и Костя погиб.

Для меня весь ужас этой трагедии обострялся еще тем, что в эти дни я был пролетом в Кандагаре. В воскресенье, всего за день до трагедии, мы с Костей провели несколько часов вместе. Купались в местном водоеме, загорали, мечтали о мирной жизни в Союзе, обсуждали его возможную предстоящую свадьбу в отпуске...

Костин командир, а мой друг и однокашник Сергей Бохан, также, как и я, был знаком с Анной Нестеровной, Костиной мамой, а я неоднократно

бывал у них в гостях. Он хорошо понимал, что для нее, потерявшей мужа в 1968 г., гибель любимого сына будет жесточайшим ударом. Для того чтобы хоть как-то смягчить горе матери, Бохан предложил командиру бригады полковнику Герасимову Дмитрию Михайловичу направить меня в качестве сопровождающего «груз-200».

Мое «путешествие» в гермокабине Ан-22 в компании с... двадцать одним сопровождающим в течение пяти суток через весь Советский Союз можно описывать в отдельной книге. Это же кто-то придумал маршрут Шинданд–Ташкент–Свердловск–Новосибирск–Томск–Куйбышев–Чкаловское–Вильнюс–Ровно. Вместо того чтобы мне с Костей лететь на запад, пришлось посетить Сибирь. Я думал, что поседею, пока прибуду на место, но не знал, что самое тяжелое меня ждет впереди. Там, в Ровенской области, в поселке под названием Смыга я понял, что самое невыносимое и сложное на войне – это смотреть в глаза Матери погибшего Солдата, в глаза, в которых всегда стоит немой вопрос: «Как же так? Почему мой сын погиб? Почему он погиб, а ты жив?». Я преклоняю колено и склоняю голову перед памятью тысяч погибших на этой войне, я прошу прощения у всех матерей, чьи сыновья вернулись в цинковых гробах...

Костю хоронил весь поселок, а школа, в которой он учился, сейчас носит имя капитана Прокопчука Константина Васильевича.

* * *

Отдельных добрых слов заслуживает начальник разведки отряда лейтенант (на момент ввода отряда) Владимир Иванов. Несмотря на свою молодость и небольшой опыт офицерской службы, он был очень грамотным офицером и начальником разведки. Умел систематизировать и анализировать добытую информацию. Используя свою коммуникабельность, он быстро наладил контакт со всеми структурами, которым по долгу службы было положено снабжать отряд разведывательной информацией. Прежде всего, это относилось к местной Оперативной Агентурной группе, которая добросовестно и регулярно снабжала командование отряда высококачественной... дезинформацией. О непростых отношениях с теми, кто в первую очередь должен был обеспечить спецназ оперативной информацией о противнике, подробнее можно прочитать в очерке Евгения Сергеева «По агентурным данным» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 483–485).

Здесь, как и в Кандагаре, самой достоверной информацией были данные, добытые в ходе боевой деятельности разведгруппами отряда. Об одном из базовых районов моджахедов стало известно командованию отряда. Этим объектом был... крупный уездный центр Шинкай. Местные и наши власти ни при каких обстоятельствах не согласились бы на действия советского спецназа в этом населенном пункте. И тогда Евгений Сергеев пошел на хитрость. Он поставил задачу Сергею Киршину: с группой скрытно выйти в окрестности Шинкай и к назначенному сроку себя демаскировать. Что и было в точности исполнено. Духи атаковали группу, а Сергеев под

прикрытием операции по спасению группы провел налет. Подробнее об этом случае пишет Владимир Ковтун в своей статье «Налет на Шинкай» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 486–487).

Наверное, самым громким результатом отряда стал захват ПЗРК «Стингер» американского образца. Однако, несмотря на громкие обещания, офицеры, захватившие этот важный трофей, награждены должным образом не были. Об этом вспоминает начальник штаба отряда Александр Чубарь.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

(А.Е. Чубарь)

1 ноября 1986 г. шифровальщик отряда положил передо мной шифротелеграмму за подписью главкома Южной Ставки генерала армии Зайцева. В телеграмме речь шла о сосредоточении усилий всех сил и средств разведки войск Южного направления в целом, и 40-й армии в частности, на захвате образцов ПЗРК «Стингер», а также любой документации по этому комплексу. Конечно, прошло уже двадцать пять лет, и дословно текста телеграммы я не помню. Однако я не ошибусь, если скажу, что было обещано следующее. Лицу (или лицам), первым захватившему ПЗРК «Стингер», будет незамедлительно присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

5 января 1987 г. разведгруппа под командованием заместителя командира 186-го ооСпН майора Сергеева Евгения захватила три ПЗРК «Стингер», один из которых оставался в снаряженном состоянии, а также полный комплект документации к этому комплексу. В составе группы, кроме Сергеева, были офицеры отряда – старший лейтенант Ковтун Владимир, лейтенант Чебоксаров Василий, лейтенант Антонюк Валерий и младший лейтенант Скоробогатый Константин. Непосредственный захват документации и одного из комплексов осуществил Володя Ковтун. Новость была ошеломляющей. Буквально весь личный состав отряда испытывал гордость и радость от того, что мы стали ПЕРВЫМИ, нам это удалось, удалось то, что не смогли сделать до нас ни высокопрофессиональные специалисты оперативно-агентурной разведки, ни представители органов государственной безопасности, НИКТО!

В срочном порядке были подготовлены Представления на присвоение Звания Героя Советского Союза на майора Сергеева Е.Г., старшего лейтенанта Ковтуна В.П., командира вертолетного отряда майора Соболя и одного из сержантов группы, фамилию которого, к сожалению, за давностью времени забыл.

Представления в установленном порядке были доставлены в штаб нашей родной 22-й отдельной бригады специального назначения. Нужно было вариться в этой обстановке, обстановке всеобщего ожидания заслуженных наград нашим товарищам, чтобы понять ту степень разочарования, которую

испытал, по-моему, каждый офицер, прапорщик, сержант и солдат нашего отряда, когда пришло известие о том, «что ничего геройского не произошло, ведь никто не погиб. За что давать Героев?». Это я цитирую слова одного высокого на то время военачальника.

Сергеев и Ковтун, два офицера-разведчика, за плечами у которых несколько десятков боевых выходов, получили за поимку «Стингера» по ордену Красной Звезды. Кто-то скажет, что это высокая государственная награда, и будет прав. Но в то же время ряд должностных лиц армейского и окружного звена, никакого прямого отношения к проведению операции по захвату ПЗРК «Стингер» не имеющих, были награждены орденами Ленина и Красного Знамени с формулировкой «за успешную подготовку и проведение операции по захвату ПЗРК “Стингер”». Для сравнения скажу, что орденом Красной Звезды в штабе армии награждали практически каждого офицера по окончании срока службы в Афганистане, если только он не скатывался в беспрудное пьянство.

Прошло уже много лет, уже умер от ран и контузий, полученных на двух войнах, умер в полном забвении со стороны государства Женя Сергеев, уже у многих участников той славной операции седые волосы и не самое лучшее здоровье, но надежда все же не умирает, как не утихает боль от той жуткой несправедливости, которую учинили с нашими товарищами «неизвестные» начальники. Все-таки живет надежда, что хоть посмертно, но Родина оценит человека, руководившего операцией по захвату ПЗРК «Стингер», операцией спасшей в конечном итоге тысячи солдатских жизней.

* * *

О том, как были захвачены первые американские ПЗРК «Стингер», можно прочесть в статье Владимира Ковтуна и Евгения Сергеева «Как взяли первые “Стингеры”» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 487–490).

История американских поставок ПЗРК «Стингер» в Афганистан тесно связана с деятельностью американского сенатора Чальза Уилсона, который поставил перед собой личную цель – обеспечить афганских моджахедов эффективными средствами борьбы с боевыми вертолетами Ми-24. Еще до поставок «Стингеров» Уилсон финансировал покупку ЦРУ партии зенитных пушек «Эрликон», способных поражать воздушные цели на высоте 6000 м и дальности до 10000 м. По иронии военной судьбы первый «Эрликон» захватила группа старшего лейтенанта Олега Онищука, который заменил в Афганистане Владимира Ковтуна. В ночь на 17 июля 1987 г. в результате засадных действий группы в районе к. Спингбарга был захвачен автомобиль «Симург» и уничтожены два груженных верблюда. В результате была захвачена 20-мм ЗУ «Эрликон», 57 автоматов Калашникова китайского производства, несколько гранатометов, безоткатное орудие, 82-мм миномет и 3 пулемета РПД китайского производства. Группа потерь не имела. Подробности этого успешного выхода можно прочитать в статье Игоря Когута «Эрликон» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 491–494).

К сожалению, Олег Онищук погиб в бою у кишлака Дури. 31 октября 1987 г. Также погибла и часть его группы. О его последнем бое, за который он и сержант Исламов были удостоены высокого звания Героев Советского Союза (посмертно), можно прочитать в материале Владимира Ковтуна «Героизм – всегда проявление чьей-то глупости» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 494–498), а также в статье Сергея Буковского «Бой под кишлаком Дури» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 498–505).

Кроме названных Онищука и Исламова, звание Героя было присвоено и капитану Ярославу Горошко, который прибыл на вертолетах для спасения группы и вступил в бой с моджахедами, которые еще не успели отойти.

За потери в группе Олега Онищука командир отряда подполковник Нечитайло, не принявший необходимых и срочных мер по эвакуации группы, был отстранен от занимаемой должности и направлен в Союз.

Может сложиться впечатление, что кроме Онищука в отряде воевать было некому – это не так. В ночь с 5 на 6 января 1987 г. БГ № 735 под командованием майора Кабашникова уничтожила в районе кишлака Чарале караван из двух автомобилей (Газ-66 и УАЗ-469) и мотоцикла. В результате засады были захвачены оружие и боеприпасы. Потерь бронегруппа не имела. Однако после гибели группы Онищука в отряде ощущался некий надлом. Командиры групп с опаской выходили на войну. И результат засады группы лейтенанта Александра Шишкану в районе кишлака Пурдиль в конце декабря 1987 г. был особенно важен для поднятия боевого духа отряда. В результате засады был уничтожен один автомобиль «Тойота», захвачен автомобиль «Симург» и груз медикаментов, предназначавшихся для полевого госпиталя моджахедов. Подробности этого, одного из последних выходов групп отряда, можно прочитать в материале Александра Шишкану «Позывной “Шмель”» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 506–513).

Отряд покинул Шахджой в мае 1988 г. и первым из 22-й бригады двинулся в сторону границы с СССР через Газни, Кабул, Саланг и далее на Хайратон. Вышел в Союз 22 июня 1988 г. и вернулся в состав 8-й обрСпН, где был сформирован.

БОЕВАЯ РАБОТА 411-го ОТРЯДА СПЕЦНАЗ

Уже в конце 1985 г., непосредственно в Афганистане, был сформирован восьмой отряд специального назначения, вошедший в состав 22-й бригады. Он разместился в Фарахруде.

411-й ооСпН начал свое формирование в населенном пункте Шинданд (ДРА), в гарнизоне 5-й мсд.

Особенностью комплектования отряда являлось то, что практически все офицеры и личный состав уже не менее полугода прослужили в Демократической Республике Афганистан.

Комбатом был назначен А.Г.Фомин, ранее начальник штаба 7-го отряда, заместителем А.Худяков, прибывший из Союза. Там он служил в Московском разведцентре. Начальником штаба был Н.Дубровин, служивший до этого командиром роты в Лашкаргахе. На все должности командиров рот, групп, отделений прибыли люди из действующих в то время в Афганистане отрядов 22-й бригады специального назначения. На все остальные должности прибыли офицеры, прапорщики и личный состав из частей 5-й мотострелковой дивизии, дислоцирующейся в Шинданде. Как это обычно случается, дивизия избавилась от «балласта». Многие употребляли наркотики, воровали и продавали все, что можно было продать или обменять.

Примером тому может служить замполит отряда, капитан Владимир Кошелев, которого сбагрили из пехоты в отряд за систематическое пьянство и уже в Союзе из 10-й обрСпН за это же и уволили. Правда, при полном сопротивлении обеих сторон.

Можно представить, с какими трудностями пришлось столкнуться командованию части и командирам подразделений в работе с людьми, чей профессиональный и моральный облик оставляли желать лучшего. Только благодаря авторитету, основанному на боевых заслугах, высоких профессиональных и личных качествах таких офицеров, как Константин Кожмяков, Александр Миrowsкий, Вадим Быков и некоторых других, дисциплина в отряде была.

В последних числах декабря 1985 г. отряд в полном составе на боевой технике совершил 100-километровый марш в пункт постоянной дислокации, где и встретил новый 1986 год.

Зона ответственности

Из восьми отдельных отрядов специального назначения, действующих в Афганистане, семь были развернуты на восточном и южном направлениях, прикрывая границу с Пакистаном, и лишь 411-й отряд был нацелен на восток, где находился стык границ Пакистана, Ирана и Афганистана. Но основная часть границы здесь проходила с Ираном. Несмотря на то что Иран менее активно поддерживал афганских моджахедов, снабжение оружием,

боеприпасами и пополнение бандформирований обученным пополнением с востока шло также регулярно. Однако по сравнению с восточным участком границы интенсивность поставок, особенно на начальном этапе, была не высока. Соответственно и результативность была довольно низкой.

Исходя из особенностей оперативной обстановки и географических свойств местности, большой площади района зоны ответственности, применялась тактика ведения поисково-засадных действий. В начале уходило сроком на 3 дня, далее на 5 суток на удаление до 100 км от ППД. Группы доставлялись на вертолетах или на бронетехнике. Ежедневно на вертолетах совершались облеты местности с целью обнаружения и уничтожения «духов», а также разведки местности. Собранные сведения позволяли более эффективно использовать группы в пешем порядке и на броне. Налеты были редкостью.

На удалении более 100 км по всем направлениям отсутствовали какие-либо части ограниченного контингента, и «духи» порой вели себя беспечно, за что и страдали. Со временем отряд увеличил эффективность своей работы и серьезно осложнял жизнь «духам» в своем районе. Был выведен в Союз в составе 22-й обрСпН и остался в ее составе.

Особо хочется отметить результативную деятельность переводчика отряда лейтенанта В. Велиева, командиров групп старших лейтенантов М. Краильникова и М. Романенко.

Хроника боевых действий

К сожалению, боевая история 411-го отряда началась не очень удачно. Как уже было сказано выше, в отряд при формировании зачастую были направлены далеко не самые лучшие офицеры. Это относится прежде всего к выходцам из 5 мотострелковой дивизии. Но и отряды спецназ также не стремились отдать лучших офицеров. Именно это и стало причиной трагедии.

28 апреля 1986 г. бронегруппа 1-й роты под командованием старшего лейтенанта Лукоянова возвращалась в ППД. Маршрут движения был намечен и определен с учетом опасных мест, которые следовало избегать. При форсировании мандеха Шам столкнулись с затруднениями. Находившийся в составе бронегруппы замполит 1-й роты Федорцов склонил Лукоянова к изменению маршрута и движению через кишлак. Не зная обстановки в районе, Лукоянов поддался на уговоры, и броня двинулась через кишлак Шихалда. Но в кишлаке заглохла одна из БМП, идущих в замыкании. Еще одна машина остановилась для буксирования. В это время моджахеды открыли огонь из безоткатного орудия и миномета, а также стрелкового оружия. В результате обстрела погибло двое и три человека были ранены.

Через час прибыла дежурная броня отряда, до которого было всего 10 километров. В ходе боя техника, убитые и раненые были эвакуированы. В итоге отряд потерял убитыми 2, ранеными – 13 человек.

Об этом бое, трудностях начального периода и первых результатах отряда можно более подробно прочитать в очерке Владислава Велиева «Я был всего лишь переводчиком» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 515–517).

Особенности района действий 411-го отряда заключались в большой территории, представлявшей собой преимущественно каменистую степь. Население проживало в основном в зеленой зоне в районе рек. Остальная территория была заселена слабо. Это позволяло органам отряда длительное время оставаться не обнаруженными. А большие расстояния требовали использования техники. Поэтому органы 411-го ооСпН, очень часто действуя на броне, имели успех.

Примером таких действий может быть засада, организованная заместителем командира отряда капитаном А. Худяковым в ночь с 16 на 17 мая 1986 г. в районе гор Ларти. Бронегруппа действовала по оперативной информации, полученной от ОАГр, о том, что из кишлака Хурмалик в направлении базового района в горах Лур-Кох проследует транспорт моджахедов. На данном маршруте БГ № 825 организовала засаду. Бронегруппа расположилась за поворотом дороги под прикрытием гор Ларти. На вершине был выставлен наблюдательный пост. В 4.00 наблюдатели доложили о приближении машин. В 4.05 был открыт огонь из засады, в результате успешного проведения которой было уничтожено два автомобиля моджахедов и шесть боевиков. Захвачено: одно безоткатное орудие, один РПГ-7, 4 единицы стрелкового оружия, 33 противотанковых мины, а также боеприпасы к различным видам стрелкового оружия. Спецназ потерь не имел.

Также в августе БГ № 825 вела поисково-засадные действия в районе 66 километров южнее Фарахруда. В ночь на 20.08.1986 командир группы старший лейтенант Войтех обнаружил движение транспортных средств противника во встречном направлении. Он принял решение развернуть четыре БТР-70 в линию, продолжить сближение и встретить противника огнем.

Замысел удался. В результате встречного боя было уничтожено четыре моджахеда. Захвачено два автомобиля, четыре автомата, а также большое количество боеприпасов к стрелковому и тяжелому оружию, которое доставляли духи.

Так же, как и в других отрядах, в 411-м практиковали облеты местности. Иногда наведение досмотровых групп осуществляли разведгруппы, обнаружившие движение противника в своем районе, но не имеющие возможности воздействия на него.

Так 5 ноября 1986 г. РГСпН № 812 обнаружила движение автомобиля на удалении от группы на расстоянии порядка 10–12 км. Командир отряда майор И.М. Крот принял решение вылететь на вертолетах для перехвата данной машины. Примерно в 16.00 данный автомобиль был обнаружен возглавляемой им досмотровой группой. В результате боя автомобиль был уничтожен, а также 3 моджахеда, находившиеся в нем. Захвачено: РПГ-7 – 1, автомат – 1, а также боеприпасы к ним.

В середине 1986 г. в отряд прибыли новые офицеры, которые внесли позитивные перемены в результативность отряда. Среди них выделялся лейтенант Михаил Красильников. Этому молодому офицеру просто феноменально везло. О своей боевой деятельности он рассказал в очерке «Перемены на западном направлении» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 517–525).

Но не всем в Фарахском отряде везло так же, как Михаилу Красильникову.

18 марта 1987 г. РГСПН № 813 под командованием лейтенанта Столяра десантировалась с вертолетов в районе 40 километров восточнее н. п. Даши-Джудай. Организовав засаду в указанном районе, группа в течение нескольких суток результата не имела, однако наблюдала на некотором расстоянии движение автомашин противника.

Днем наблюдатели заметили пыль от транспортного средства на удалении несколько километров. Командир группы, взяв с собой четверых разведчиков, решил провести поисковые действия в этом направлении. Пройдя около 4 километров и не обнаружив противника, командир принял решение возвратиться и на обратном пути столкнулся с моджахедами, передвигавшимися на мотоцикле и автомобиле «Симург».

В коротком встречном бою был уничтожен автомобиль и мотоцикл, а также 11 боевиков противника. Но в этом бою погибли также командир группы и еще один разведчик. Все остальные получили тяжелые ранения. В бою было захвачено стрелковое оружие боевиков и боеприпасы, перевезимые в машине.

Как мы видим, боевая обстановка в районе Фарахруда отличалась быстрой сменой ситуации, неожиданными поворотами. Планируя одну задачу, зачастую разведчикам приходилось ориентироваться по ситуации и проводить совершенно незапланированные действия. Примером тому является бой, который вела группа старшего лейтенанта М. Мироненко в начале августа 1987 г. Группе была поставлена задача установить систему минирования «Охота», но внезапно была вынуждена провести засаду. Подробнее об этих событиях можно прочитать в материале Дмитрия Резникова «Караван вместо «Охоты»» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 526–528 – очерк написан на основе воспоминаний участников событий).

Следует понимать, что спецназ во всех районах Афганистана, где бы он ни действовал, был серьезной проблемой для моджахедов и их зарубежных покровителей. Безусловно, иностранные инструкторы из Ирана не могли не пытаться хоть как-то нанести поражение органам 411-го оОСПН.

Так в расставленную ловушку 29 февраля 1988 г., незадолго до вывода войск, попала группа старшего лейтенанта В. Гончара. Выманив разведчиков под предлогом защиты местных дуканщиков от произвола душманов, группа в результате попала в подготовленную засаду. В первые секунды боя были подбиты первый и последний БТР колонны, командир получил тяжелое ранение, также были ранены еще пятеро разведчиков, а двое убиты.

Об этом тяжелом бое рассказано в очерке Олега Кривопалова, Владислава Велиева и Олега Огиенко «Защищая “дуканщиков”» (ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 3. С. 577–580).

Этот бой был в числе последних в Афганистане. В мае отряд начал готовиться к выводу. Зона действий органов отряда резко сократилась, а число выходов резко снизилось.

ВИНТОКРЫЛЫЕ БРАТЯ 22-Й БРИГАДЫ

(В. Ю. Марковский)

Учитывая специфику спецназа

Радикальные перемены в обеспечении спецназа вертолетами произошли в конце 1985 г., когда в Афганистан были направлены вертолетные эскадрильи, специально сформированные и предназначенные для обеспечения действий частей СпН. По решению командования, 15-й бригаде СпН была придана 239-я отдельная вертолетная эскадрилья (овэ), 22-ю бригаду СпН должны были поддерживать вертолеты 205-й овэ. С учетом специфики предстоящей деятельности и базирования эскадрильи формировались по отличному от принятых в армейской авиации штатов №15/423, согласно которым в них насчитывалось по пять звеньев из четырех машин. Основной тактической единицей спецназовских эскадрилий являлся вертолетный отряд из 8 вертолетов (двух звеньев на Ми-24 и на Ми-8), обладавший достаточной автономностью и обеспечивавший решение большинства задач – как по транспортно-десантным возможностям звена «восьмерок», способных за раз перебросить до роты бойцов, так и по огневым возможностям боевых Ми-24. Соответственно, в 205-й овэ насчитывалось 32 вертолета, по 16 Ми-8 и 16 Ми-24 в 4-х отрядах – в полтора раза больше, чем в эскадрильях обычных полков, и с полуторным комплектом летного состава в 48 экипажей.

Оснащение техникой

В отличие от обычных смен, прибывавших на службу в Афганистан и на месте принимавших изрядно поработавшую технику, спецназовские эскадрильи уже при формировании получили новые вертолеты последних серий, только что выпущенные Казанским и Арсеньевским заводами – «восьмерки» Ми-8МТ с высотными двигателями повышенной мощности ТВЗ-117МТ, боевые Ми-24В и недавно появившиеся пушечные Ми-24П. Вертолеты несли весь комплекс «афганских» доработок с усиленной бронезащитой: заполнением топливных баков поропластом, предотвращавшим взрыв и пожар при прострелах (подвесные баки Ми-8 также склеивались снаружи протектором из пористой листовой резины), экранированием трубопроводов масляной и гидросистем стальными листами толщиной 5 мм для защиты от пуль и осколков и более надежной системой управления с разнесенными тросами, что исключало их одновременное перебитие (как это случалось неоднократно прежде). Обязательным к этому времени являлся комплекс защиты от ПЗРК: кассеты с тепловыми ловушками АСО-2В*, «холодильники» эжекторно-выхлопных устройств ЭВУ, понижавшие тепловой фон двигателей в 2–3 раза, и станция оптико-электронных помех СОЭП-В1А

* АСО – автомат сброса отражателей; предназначались для сброса противорадиолокационных патронов с металлизированными отражателями.

«Липа» (УМП-В1А), мощными импульсами ИК излучения срывавшая наведение зенитных ракет. Вертолеты, прибывшие с завода, имели 1000-часовой назначенный ресурс, что позволяло рассчитывать на их работу, по крайней мере, в течение года эксплуатации (в 1985 г. в ВВС 40-й Армии налет на Ми-8 достигал 963 ч., на Ми-24 – 660 ч.).

Формирование эскадрилий

205-я овз формировалась на базе вертолетного полка в Безречной (ЗабВО) и дополнительно комплектовалась личным составом из частей ПрибВО, САВО и др. Формирование эскадрильи завершили к ноябрю 1985 г. Ее командиром назначили подполковника Валерия Бургардта. 239-я овз подполковника Григория Леонтьева была сформирована на аэродроме Камень-Рыболов (ДальВО), а экипажи и техсостав для нее набирали из дальневосточных вертолетных частей в Черниговке, Оборках, Средне-Белой. Перед переброской к месту службы эскадрильи прошли специальную подготовку на аэродромах ТуркВО в Кагане и Чирчике, где размещался Центр подготовки летного состава, сформированный «под Афган».

Наряду с адаптацией и акклиматизацией к горно-пустынным условиям вертолечки в течение месяца осваивали методику взлета и посадки на высокогорных площадках, изучали особенности штурманского дела в пустынной и горной местности, маневрирование в горах, ведение разведки и боевое применение. Немало дало и непосредственно общение с местными летчиками, не раз уже побывавшими «за речкой» и делившимися военным опытом – от специфики обслуживания техники и летного дела до поведения при обстреле и способах защиты от желтухи и дизентерии. «Пропускная способность» Центра была ограниченной, не хватало не только инструкторов, но и жилья в местной гостинице, и эскадрильи проходили программу поочередно.

Ввод в Афганистан и адаптация на новом месте

Первой в Афганистан отправилась 205-я овз, прибывшая к месту назначения 25 декабря 1985 г. Перелет осуществлялся «своим ходом», а требуемые средства обслуживания и аэродромную технику доставили самолетами ВТА. Отряды эскадрильи разместили рядом с пунктами постоянной дислокации спецназовских батальонов – в Шахджое, Кандагаре, Лашкаргахе и Фарахе. Штаб эскадрильи находился в Лашкаргахе, обеспечивая тесный контакт с командованием 22-й бригады СпН. Через месяц, 30 января 1986 г., в Афганистан перебазировалась 239-я овз с 24 вертолетами (по 12 Ми-8 и Ми-24). Один из ее отрядов под началом замкомэска остался в Джелалабаде рядом со штабом 15-й бригады СпН и коллегами из 335-го обвп, а другая часть во главе с комэска и группой руководства сразу же ушла в Газни для работы совместно с «Чайкой» (таким был позывной тамошнего спецназа) и Баракинским отрядом.

На месте новичков по типовым маршрутам вывезли экипажи 280-го и 335-го полков, знакомя их с обстановкой в зонах ответственности, ориен-

тирами, типовыми объектами работы и целями, попутно указывая рискованные места, куда соваться можно было лишь с оглядкой, – противник к этому времени располагал немалыми силами, а его ПВО представляла собой реальную опасность в виде налаженной системы с постами обнаружения, линиями связи и многоярусной обороной вблизи баз и укрепрайонов. Кандагарский 280-й полк и далее продолжал работать в интересах спецназа рядом с 205-й овэ, при необходимости оказывая поддержку, в том числе и предоставляя свои машины. В Джелалабаде из состава 335-го обвп было выделено звено, пару недель занимавшееся вводом в строй прибывших (в просторечии их задача заключалась в том, чтобы «водить за руку и тыкать носом в цели»). Этому способствовало и то, что в 335-м полку встретилось немало знакомых – как и 239-я овэ, смена в полк прибыла из ВВС ДальВО, но имела уже полугодовой опыт службы в Афганистане.

В августе 1986 г. газнийская эскадрилья 335-го обвп заменилась в Союз, что продиктовало необходимость перемен в дислокации частей. Эскадрильи полка обеспечивали работу в приграничной полосе, горах и кишлачных зонах Джелалабада, Асадабада и Гардеза вдоль рек Кунар и Кабул (до Митерламской развилки), по долине которой вела дорога на пакистанский Пешавар – давний оплот моджахедов с десятками баз и лагерей. Группа Г.Леонтьева вернулась в Газни, где силы 239-й овэ вновь объединились с тем, чтобы поддерживать операции спецназа в провинциях Газни, Пактия и Пактика – сложной в тактическом отношении высокогорной местностью, изобилующей множеством горных хребтов с выводящими к границе ущельями и распадками, заснеженными зимой и покрытыми скудной растительностью летом. В зоне ответственности проходили до 100 только известных караванных маршрутов, большей частью тянувшихся от приграничного Парачинарского выступа, что и потребовало концентрации сил.

Аэродром Газни, известный под позывным «Скоба», был достаточно оборудован и располагал полосой длиной 360 м из металлического профиля, однако его превышение над уровнем моря в 2180 м и разреженность воздуха изрядно осложняли выполнение полетов, а окружающий горный рельеф обуславливал единственное направление взлета и посадки.

Еще труднее приходилось работающим из Гардеза – при взлете с «Пучка» (так звучал позывной здешнего аэродрома), лежащего на высоте 2330 м, двигателям и лопастям винтов буквально не хватало воздуха. Даже в нежаркое время года мощность ТВ3-117 при этом падала более чем на треть, ухудшая поведение машины и все ее боевые возможности. Наблюдались проблемы с запуском, а сами люди, впервые попавшие в такие места, испытывали одышку и головокружение.

Проблемы комплектования и профподготовки

Скомплектованные эскадрильи спецназ представляли собой «сборную солянку» из вчерашних выпускников училищ, значительную часть которых составляли прошедшие ДОСААФ и экстерном сдавшие экзамены «на летчика», выпускников гражданских институтов, не имевших еще допуска к

самостоятельной работе, а то и на месте знакомившихся с вертолетом, и едва отошедших от Афганистана летчиков и технарей, возвращавшихся «по второму кругу». На дисциплине и ответственности это сказывалось не лучшим образом, первое время ощутимо влияя и на результативность работы.

Подготовке препятствовало полное отсутствие на местах каких-либо методических сборников и информационных выпусков по опыту использования и эксплуатации авиатехники в Афганистане. Подготовленные в ТуркВО и ВВС 40-й Армии рекомендации в части не доходили, характер боевых действий там считался «нетипичным» для современной войны и не рассматривался в программах военных училищ, а первая конференция ВВС по изучению опыта Афганской войны была проведена только в начале 1986 г., и то ее материалы носили весьма обобщенный характер «основных направлений по дальнейшему повышению эффективности» и совершенствования неперменной партийно-политической работы.

При таком положении дел командиру отводилась первостепенная роль – его требовательность, опыт и личный пример позволяли сплотить группу, обеспечивая успех боевой работы, и не в последнюю роль ее продуманной организацией постараться избежать ненужных потерь (их доля по причине недисциплинированности, слабой выучки и порядка оставалась достаточно высокой). В полной мере эти факторы сказались в начале деятельности эскадрилий спецназа.

Неудачный дебют

Дебют 239-й овз начался с разбитых машин – не прошло и месяца на новом месте, как пострадали сразу три вертолета, и лишь по случаю обошлось без жертв. После перелета в Газни в воскресенье 16 февраля 1986 г. заруливавший на стоянку Ми-8мт в тесноте прошелся винтом по находящимся на ней вертолетам. В стороны полетели обломки лопастей, пострадал редуктор; боевую деятельность эскадрильи пришлось начинать с поиска и замены восьми пострадавших лопастей. Не прошло и двух недель, как 26 февраля в операции под Ургунум была потеряна другая «восьмерка». Осуществив налет на душманский склад, рота спецназа захватила солидные трофеи. Для их вывоза запросили «вертушки». Пришедший вертолет выполнил посадку на хребте на высоте под 3000 метров и, загрузившись, пошел на взлет. На беду, экипаж имел слабую подготовку к полетам в высокогорье: едва оторвавшись, машина «посыпалась» и рухнула в ущелье, перевернувшись на склоне, несся винт и застряв между валунами. Экипаж и разведчики на борту отделались ушибами, но машина ремонту не подлежала. Оправдывая потерю, «наверх» доложили о поражении вертолета вражеской ПВО, после чего последовал запрет на полеты в этот район, и продолжавший работу спецназ едва не остался без авиаподдержки.

Для эффективной работы СпН и авиации требовались новые организационные мероприятия. Спецназовские эскадрильи, как и все части армейской авиации, входили в состав ВВС 40-й Армии, подчиняясь ее командующему (с декабря 1985 г. эту должность занимал генерал-майор В.С.Кот,

опытный летчик и знающий командир, уже во второй раз направленный в Афганистан). В оперативном отношении комэска и командиру спецназовской бригады предоставлялась свобода и самостоятельность в постановке задачи и порядке ее выполнения, существенно сокращавшая процедуру (обычным порядком работа, организуемая в соответствии с Боевым Уставом, предполагала получение боевого распоряжения из штаба ВВС армии, принятие решения, его доклад вышестоящему начальнику и после утверждения постановку задачи личному составу и подготовку экипажей).

Деятельность спецназа требовала результата, выдвигая к командирам особые требования. В одном из руководящих документов о специфике задач эскадрилий спецназа напрямую говорилось: *«От авиационных командиров требуется глубокое предвидение, основанное на прочных знаниях тактики действий противника, тщательной оценки обстановки, своевременного принятия решения и постановки задачи каждому экипажу».*

Важнейшим при этом, помимо обычных командирских забот о подготовке летчиков, техники и организации повседневной службы, становилось владение обстановкой в зоне ответственности и всеобъемлющая информированность – начиная от характера местности, наличия пригодных для посадок мест и маршрутов, обеспечивающих скрытность и маскировку действий, и оканчивая жизненно необходимыми сведениями о противостоящей стороне: численности, вооружении и дислокации группировок, их руководстве, планах и источниках снабжения. Пословица «Предупрежден – значит, вооружен» в полной мере подтверждала свою правоту.

Вооружение

В самих спецназовских эскадрильях с учетом их специфики пулеметные Ми-24В заменили на пушечные Ми-24П (так, в 205-й овз к весне 1987 г. оставался единственный Ми-24В и то в основном потому, что он все время стоял в ремонте в ТЭЧ Кандагара и его не могли сдать соседям). Мощная и надежная 30-мм пушка, заимствованная со штурмовика Су-25, стала любимым оружием летчиков, позволяя поражать прицельным огнем практически любые цели. Автоматика стрелкового прицела С-17В-1 обеспечивала точную и эффективную стрельбу, и для уничтожения душманской машины в караване или огневой точке хватало 10–20 снарядов, что позволяло летчикам вести огонь в экономящем боеприпасы режиме «очередь короткая» и темп стрельбы «малый».

Спецназовские Ми-8МТ в обязательном порядке предписывалось оснащать парой блоков УБ-32, а Ми-24 к этому времени полностью перевооружили более мощными 20-зарядными Б-8В20 с 80-мм снарядами типа С-8. На деле указание соблюдалось не всегда: многие предпочитали не брать блоки и за счет экономии веса сохранить нужную в горах маневренность и «летучесть» Ми-8, больше полагаясь на огневое прикрытие «полосатых» (обиходное название в армии вертолетов Ми-24. – С.К.) и считая достаточным собственных пулеметов и оружия досмотровой группы на борту. Предусмотренная доработка силовых установок с впрыском воды на входе в дви-

гатель, повышавшая производительность компрессора и располагаемую мощность с одновременным охлаждением двигателя, однако, не прижилась – система требовала использования дистиллированной воды в условиях, когда и обычной то и дело не хватало.

При необходимости вертолеты оснащались бомбами – средством поражения куда более мощным, чем привычные С-5 и С-8. Обычно использовались осколочно-фугасные бомбы калибра 100 и 250 кг или РБК-250 с осколочной «начинкой», каждая из которых несла по 150 кг авиабомб или 42 бомбы по 2,5 кг – оружие, как указывалось в руководстве по применению, весьма эффективное «по живой силе и технике противника в районах сосредоточения и на марше» (что как нельзя лучше подходило для караванов и стоянок мятежников). Бомбы использовались при столкновении с крупной и защищенной целью, а РБК позволяли накрыть обширную площадь, поражая даже разбегающегося и прячущегося неприятеля и давая впечатляющий результат сплошного накрытия цели, где в дымном эллипсе в сотню метров все исчезало в сполохах разрывов. Чаще других бомбы несли Ми-24В 239-й овз, где горы с множеством укрытий делали недостаточным другое оружие. В Газни использовали даже «пятисотки», причем поначалу не обошлось без недоразумений: бомбили с небольшой высоты залпом неподалеку от аэродрома, вертолеты ударной волной разбросало в стороны, а в самом гарнизоне сыпались стекла, и все ходило ходуном.

Часть вертолетов Ми-24 доработали под установку тяжелых НАР типа С-24. Внушительные двухметровые ракеты можно было прицельно применять с дальности более 2000 м, оставаясь вне зоны досягаемости душманских ДШК и ЗГУ, а их 123-кг БЧ при весьма высокой точности не уступала осколочно-фугасной бомбе. На открытой местности поражающий эффект усиливало использование радиовзрывателя РВ-24, подрывавшего ракету над целью, полосу ее сверху градом 4000 массивных осколков и фугасным ударом. В 239-й овз первый показательный пуск выполнил сам комэск, в качестве мишени выбрав заброшенную мечеть прямо у аэродрома. Прямым попаданием строение разворотило до основания, разметав в пыль глинобитные стены.

Применение также нашли подвесные пушечные контейнеры УПК-23-250, в ряде случаев оказавшиеся более эффективными, чем блоки НАР. Пушка ГШ-23Л обладала мощным поражающим действием, прошивая очередь даже неуязвимые для ракет метровые глинобитные дувалы, уничтожая транспорт караванов и благодаря точности огня и высокой прицельной дальности демонстрируя преимущества в дуэльных ситуациях при встрече с душманскими ДШК и ЗГУ. В одном из таких случаев при высадке спецназовцев из Джелалабада в сотне метров от «восьмерок» комэска 335-го обвп А.М.Райляна внезапно ожила «сварка» (так прозвали ДШК за характерные вспышки при стрельбе). Огонь в упор мог стать фатальным, но ответный залп подвесных пушек командирского Ми-8 буквально разнес каменный дувал и пулемет вместе с расчетом.

В кандагарском отряде 205-й овз вертолеты с С-24 выполняли вылеты на ночную «свободную охоту», используя очки ночного видения ПНВ-57Е и

спецназовские ночные бинокли БН-2. Полеты выполнялись над пустыней и в предгорьях обычно экипажем комэска и штурмана эскадрильи. Однако вылеты проходили без особых результатов – армейские средства ночного видения были слабоваты для поиска целей и сколько-нибудь эффективного прицеливания. Летчики пробовали вести поиск, ориентируясь на свет фар, и провели несколько ночных атак, но контрольные вылеты наутро не подтверждали успеха. Тем не менее распоряжением начальника разведки ВВС 40-й Армии требовалось продолжать ведение поисковых полетов днем и ночью, парами и отдельными вертолетами «путем визуального наблюдения». Очевидно, что неудачи ночной работы явились следствием недостатков организации и отсутствия продуманной тактики – все же в других частях такие вылеты с использованием САБ давали результаты.

Тактика

Рекомендованный боевой порядок вертолетов звена при поиске строился следующим образом: впереди шла пара Ми-8 с десантом, следом – пара Ми-24 (поначалу ведущими выступали Ми-24, выполнявшие разведывательно-ударную роль и с ходу атаковавшие противника, но практически сразу с учетом обстановки и необходимости проведения досмотра грузов и самих караванщиков, распознать характер которых с воздуха было трудно, поиском стали заниматься преимущественно «восьмерки», на борту которых наблюдение вел как экипаж, так и десант, а командир разведгруппы находился рядом с летчиками, вместе с ними принимая решение). В парах дистанция между машинами выдерживалась 300–400 м, интервал 100–200 м с превышением замыкающей пары в 100–500 м, обеспечивающим ей свободу маневра. Высота полета обычно выдерживалась равной 1500–1800 м, откуда обеспечивался достаточный обзор местности, однако профиль полета мог меняться в зависимости от условий, рельефа и обстановки: если трасса проходила через участки, где отмечались средства ПВО противника, высоту увеличивали до 2500–3000 м. Над пустыней и в горных распадках к караванному маршруту подкрадывались на 10–15 м, оставаясь незамеченными до последнего момента.

Вертолетчикам при досмотрах особо предписывалось не выполнять посадок ближе 3000 м от селений и построек, избегая попадания под обстрел из-за дувалов, а саму высадку группы вести в 800–1000 м от каравана. На деле, если караванщики сразу не выказывали «дурных» намерений, экипаж сажал машину в 400–500 м от цели – все же разведчикам требовалось пробежать эти полкилометра с оружием наизготовку и выкладкой на своих двоих, а дело зачастую решали минуты, не давшие тем опомниться. Прочие пункты инструкций и наставлений тоже не были догмой – многое решалось на месте, по опыту и ситуации.

При высадке обеих групп один Ми-8 садился прямо перед караваном, преграждая путь, а другой выбирал место для посадки «сбоку-сзади», пересекая возможные пути отхода и блокируя разбегающихся «духов». Все время, пока шел досмотр, двигатели машин не глушились, продолжая «молотить»

на малом газу в готовности к взлету для огневой поддержки или эвакуации бойцов. Тактика досмотра также выбиралась по обстоятельствам: разведгруппа могла сразу направиться к цели, полностью полагаясь на прикрытие кружащих над ней вертолетов, или действовать уставным порядком, оставляя пару пулеметчиков на флангах и рассыпаясь в цепь по фронту «двойками» бойцов, прикрывающих друг друга. В обязательном порядке в составе досмотровой группы находился радист с УКВ-радиостанцией Р-392 или заимствованной в МВД «Ромашкой». Спецназовское правило гласило: «Группа боеспособна, когда в ней жив командир и радист», – связь обеспечивала взаимодействие с прикрытием, позволяя предупредить об опасности, держать вертолетчиков в курсе о ходе досмотра, а при необходимости – вызвать помощь и дать целеуказание.

Потери 239-й овэ

В конце зимы 1986 г. при досмотре душманского каравана в районе Мушхель звено 239-й овэ попало под сильный огонь. Транспорт шел на тракторах, где оказались и зенитки. Ведущий Ми-8 комэска Г.Леонтьев получил прострел двигателя и, дымя, пошел на посадку неподалеку. Высыпавшие из него бойцы показали командиру потеки масла, лившегося по борту. Разведчиков забрала ведомая «восьмерка» капитана Максимова, с перегрузкой пошедшая на аэродром. Неприятелем в это время занялся Ми-24, а экипаж кое-как латал поврежденную машину. Чинить вертолет на месте было нечем, и командир принял решение взлетать на одном двигателе, хотя место вынужденной посадки и находилось на высоте 2500 м. С трудом ему удалось оторвать вертолет от земли и под прикрытием Ми-24 благополучно добраться домой.

Первая катастрофа в 239-й овэ произошла над самым аэродромом Газни – при заходе на посадку у 2-го разворота 2 мая 1986 г. разбился Ми-24, в котором погиб летчик-оператор В.Феденев, а командир получил тяжелые ранения. Причиной был назван обстрел противника, хотя на этот счет имелись и другие мнения: никто не заметил огня по вертолету, а сами летчики эскадрильи считали, что на борту отказали оба генератора, и вертолет шел на посадку обесточенным. Растерявшийся экипаж не успел вовремя переключиться на аварийный преобразователь тока ПО-750 и, потеряв пространственную ориентировку, врезался в землю.

Другой Ми-24 был потерян в горах под Газни 15 июля 1986 г., выполняя в составе пары задание по сопровождению транспортной колонны из Шахджоя. В 50 км от Газни вертолет, шедший на высоте 3900 м, был обстрелян из ДШК, позиция которого находилась на горной вершине. Вертолет получил многочисленные повреждения и стал падать, однако экипаж сумел благополучно его покинуть на парашютах. В другом вылете в районе Гудалекалай пулевое ранение получил штурман эскадрильи, но поврежденная машина с пробоинами вернулась на базу.

19 августа в боевом вылете погиб командир звена Ми-8 капитан Н.С.Гончарук. При эвакуации разведгруппы его вертолет попал под обстрел,

пули прошли кабину экипажа и тяжело ранили летчика. Гончарук из последних сил направил машину в сторону и спас экипаж. Вертолет довел домой штурман, принявший управление у теряющего сознание командира, который умер в воздухе.

Новые потери принесла зима – на этот раз причиной неприятностей стало не ухудшение погоды с зимней мглой и туманами, не единожды приводившими к авариям в горах. Осенью 1986 г. моджахеды получили первые ПЗРК «Стингер», быстро ставшие основной опасностью для авиации. Компактный и удобный в обращении «Стингер» был быстро освоен боевиками, существенно усилив неприятельскую ПВО и осложнив работу авиации. ПЗРК явился весьма действенным средством: ИК-головка самонаведения обладала селективным действием, позволяя выделять цель на фоне помеховушек, повышенная до 3500 м высота применения в буквальном смысле подняла душманскую ПВО на новый уровень, а мощная осколочно-фугасная боевая часть была способна причинить самолетам и вертолетам фатальные повреждения. Теперь летчикам следовало опасаться не только очагов зенитной обороны у душманских баз и опорных пунктов – зенитчики с ПЗРК могли прикрывать караваны и поджидать цели прямо у аэродромов.

Вертолетчикам спецназовских эскадрилий до поры до времени удавалось избегать встречи со «Стингерами», но уже через две недели после Нового года, 14 января 1987 г., ПЗРК был поражен Ми-8 из 239-й овьэ, выполнявший перевозку людей в Кабул. Вертолет был сбит над Суруби, попадание пришлось в двигатели, и экипаж капитана Цупко сразу покинул машину. Этот случай получил неприятный резонанс: летчики второпях выскочили через блистеры, не предупредив пассажиров, и тем пришлось выбираться самим из падающей машины. Парашютами успели воспользоваться только четверо, остальные четыре человека разбились вместе с вертолетом.

Под самый конец зимы, 27 февраля 1987 г., в эскадрилье был сбит Ми-24, выполнявший ночное прикрытие собственного аэродрома. Такое дежурство потребовалось организовать в ответ на неоднократные попытки минометных и ракетных налетов, а с участвовавшими обстрелами самолетов и вертолетов на взлете и посадке охрана аэродромов стала обязательной, и для патрулирования окрестностей днем и ночью выделялась пара Ми-24. Вертолет, выполнявший облет аэродрома Газни на высоте 1600 м, получил множественные повреждения от прямого попадания ракеты. Дальнейшее происходило на глазах у всей эскадрильи: летчик капитан С.Н.Рабко и оператор старший лейтенант Ю.Матвеев пытались покинуть его с парашютами, но управляемая машина стала валиться и зарубила их винтом.

7 марта 1987 г. и эскадрилья лишилась еще двух Ми-24. На этот раз обошлось без жертв и без огня противника. Пара Ми-24 сопровождала «восьмерки», вылетевшие со спецназом к Гудалекалаю. [...] Более «летучие» Ми-8 с энергичным набором высоты преодолели перевал и сели на площадку, а Ми-24, с их большим весом и удельной нагрузкой, не хватило скороподъемности, и без того невысокой в горах. Отворачивать в узком распадке было некуда, и обе машины, как ни тянули их летчики, «легли» на склон.

Потери 205-й овз

В 205-й овз первый год боевой работы также не обошелся без потерь, причем виной изрядной их доли стали ошибки экипажей и сложные местные условия. Если в горах работу осложняли разреженность воздуха, сложный рельеф и трудности с выбором посадочных площадок на склонах и горных «пяточках» с почти постоянными ветрами, то в южных пустынях помехами были летняя жара, однообразие местности, запыленные площадки, с которых нелегко было взлетать и садиться из-за риска потерять пространственную ориентировку в накрывающей машину непроглядной пылевой пелене, подломать вертолет, а то и перевернуться, налетев на камень.

9 июня 1986 г. при взлете с полевой площадки в Фарахруде Ми-24В капитана В. Пегухова накрыло облако пыли. Командир, имевший уже более 150 боевых вылетов, пытался вглядываться в едва угадываемую землю, вместо того чтобы сосредоточиться на приборах, и не справился с управлением. Вертолет успел оторваться от полосы, стал разгоняться, но накренился и столкнулся с землей, снеся при этом правое крыло, хвостовую балку и лопасти винта. При ударе командир получил тяжелые ранения, а штурман-оператор ст. лейтенант В.Е. Шагин погиб.

В конце лета, 25 августа 1986 г., при ночном вылете потерпел аварию Ми-8 Фарахского отряда. Задачей был эвакуация тяжелораненого из разведгруппы, неподалеку от Фараха. Вылетать пришлось ночью, хотя командир экипажа капитан В.М.Голев прибыл в эскадрилью лишь за пару недель до этого и толком не успел восстановить навыки работы в здешних непростых условиях. Тем не менее сочли, что опытный летчик, уже побывавший ранее в Афганистане и имевший на счету 866 боевых вылетов при более чем 5000 часов полета, справится с задачей.

Ночной вылет в предгорья, продолжавшийся всего 15 минут, стал для летчика последним – потеряв ориентировку при заходе на площадку, Голев утратил контроль над машиной, она задела землю и перевернулась. Командир экипажа погиб, а все находившиеся на борту, включая двух медиков, получили травмы.

Как бы ни относились к приметам, но все эти происшествия случались по пятницам; исключением не стала и авария 6 октября 1986 г. – в пустыне под Кандагаром был разбит Ми-8МТ, вновь пришедшись на «черный» день. Вертолет потерял управление на взлете и упал, получив значительные повреждения, однако экипажу повезло – летчики выбрались из разбитой машины невредимыми и их вывезла другая «восьмерка». Эта авария открыла новую череду происшествий, за 10 дней унесших сразу три вертолета.

Очередная «восьмерка» из состава эскадрильи была потеряна при высадке разведчиков 9 октября 1986 г. в горах у селения Заринхейль под Шахджоем. Это происшествие обошлось без жертв, но вертолет полностью сгорел.

Ровно через неделю, 16 октября, при доставке продовольствия на сторожевые посты у Тависи в провинции Фарах погиб еще один Ми-8. В этих малообжитых местах вертолетный отряд в Фарахе был ближайшим и его время от времени привлекали к «непрофильным» задачам по снабжению. Вер-

толет попал под огонь ДШК, загорелся и упал вместе с экипажем капитана Е.Зырина, погибшим в машине.

При аварии в Кандагаре был разбит еще один Ми-8, экипаж которого не справился с управлением на взлете. Вертолет завалился набок, поломал лопасти винта и снес хвостовую балку с рулевым винтом, однако эту машину удалось восстановить. Имел место также случай посадки Ми-8 на свое же минное поле, когда экипаж ошибся с выбором площадки. Вертолет прошел по заградительным минам, подорвался и получил более 500 осколочных пробоин. К счастью, в этом случае никто не пострадал, но ремонт машины потребовал несколько месяцев.

Всего же, по неофициальным данным, «не для начальства», с учетом машин, которые не удалось восстановить после поломок, первый состав 205-й овз за 15 месяцев работы потерял 12 вертолетов. Столь серьезные потери, притом по большей части не боевые, были справедливо отнесены командованием на счет недостаточной подготовленности летного состава и слабой организации, ответственность за которые возлагалась на руководство.

Не замедлили последовать меры по укреплению командного звена: распоряжением недавно назначенного на должность командующего ВВС 40-й Армии генерал-майора Д.С.Романюка (к слову, прибывшего из того же Забайкалья) прежний командир эскадрильи подполковник В.Бургардт был снят с переводом в соседний кандагарский 280-й овп. На его место оттуда назначили подполковника Шиловского – опытного замкомандира полка, уже год воевавшего.

Последняя боевая потеря в первом составе 205-й овз произошла 10 января 1987 г. под Кандагаром, когда высаженная под вечер засада вскоре «засветилась», оказавшись в окружении, и нуждалась в эвакуации. При полете и заходе на посадку вертолеты встретили плотный огонь. Сесть смогла одна «восьмерка» капитана Дубины, экипажу которого уже на земле пришлось отстреливаться от наседавших «духов». Борттехник ст. лейтенант В.Цуркан вел огонь из ПК через боковой иллюминатор, и когда он нагнулся за новой патронной лентой, туда влетела граната из РГ, разорвавшаяся прямо в грузовой кабине. Борттехника спас висевший за спиной парашют, принявший осколки. Машину быстро охватило пламя, и экипажу пришлось поспешно выскакать наружу.

В наступавших сумерках вертолет напарника подобрать их не смог, летчикам пришлось под огнем уходить в горы вместе с разведчиками, отрываясь от преследования. В перестрелках прошла ночь, а утром на выручку прибыли свои вертолеты, под защитой Ми-24 вывезшие домой всю группу.

История имела трагикомическое продолжение: незадолго до этого борттехник, на свою голову, поссорился со снабженцами и теперь те, припомнив недавние указания Минобороны об усилении материальной ответственности, вменили ему в вину потерю бронезилета, оставшегося в сгоревшем вертолете. Споры со складскими прапорщиками были безнадежны, а у офицера еще несколько лет после случившегося исправно вычитали деньги за утраченное казенное имущество.

МЫ УХОДИМ

О том, как проходила подготовка к выходу бригады и как шел вывод из Афганистана, вспоминают командир 22-й бригады в то время полковник А.Т.Гордеев, командир 173-го ооСпН в то время капитан С.В.Бреславский, командир 411-го ооСпН в то время майор В.А.Мертвищев, командир 370-го ооСпН майор В.В.Еремеев, командир группы 1-й роты 173-го ооСпН Д.Л.Подошковых, командир группы 2-й роты В.Ковалев.

МЫ – СПЕЦНАЗ!

(А.Т.Гордеев)

На войну под личную ответственность!

До Афганистана я был заместителем комбрига в Бердске. В 1986 г. должен был убыть для замены подполковника Масолитина, который был заместителем командира 22-й бригады в Лашкаргахе. Но при прохождении медицинской комиссии у меня в медицинской книжке врачи увидели запись «хронический гастрит». На этом основании они решили признать меня негодным для службы в районах с жарким климатом.

Ну, тут уж я взмолился: «Вы представьте, как на меня будут смотреть мои товарищи и мои начальники, которые будут считать, что я прикрылся гастритом, чтобы уклониться от службы в Афганистане, где, уже всем давно известно, идет война!». Подумали и попросили меня написать, что я согласен ехать в Афганистан под мою личную ответственность за состояние моего здоровья. Я дал такую расписку.

Это здесь все кратко описано, но на самом деле эта канитель тянулась довольно долго, и Масолитин меня не дождался в Афганистане. Убыл в Союз без замены. Поэтому должность я принимал без него.

Вникаю

В 22-ю бригаду прибыл я в августе 1986 г., представился Дмитрию Михайловичу Герасимову, который командовал бригадой. Он сказал, что меня не торопит и поставил задачу изучать обстановку, вникать в суть происходящего. Недели две я занимался изучением отчетов о боевой деятельности разведорганов отрядов, где указывались положительные действия и ошибки, допущенные командирами при выполнении боевых задач. После этого я облетел для ознакомления все отряды бригады, а потом вышел с разведотрядом «6-го батальона» в пустыню с бронегруппой, которой командовал Алексей Панин. Выход был на большое удаление, ходили за Фарахруд под

Зарандж. Вроде бы стало более или менее понятен характер боевых действий, которые вела бригада в Афганистане.

Когда Дмитрий Михайлович понял, что я уже освоился на новом месте, он стал доверять мне выполнение отдельных задач. Например, когда группа попадала в затруднительное положение, я занимался организацией действий по ее прикрытию и эвакуации. По сути, работал, как пожарная команда.

Качественная подготовка приносит результаты

По ходу дела я понаблюдал, как готовятся к выходу группы 370-го отряда, и решил это дело поправить. До этого вся подготовка группы сводилась к выезду на стрельбище, где стреляли по «цинкам» от патронов и консервным банкам с небольшого расстояния. Это мне совсем не понравилось. Когда я после такой «подготовки» проверил оружие одной из групп, оно оказалось не приведенным к нормальному бою. Поэтому я разработал план двухсуточной подготовки группы к выходу для выполнения боевой задачи. Вся подготовка начиналась с приведения к нормальному бою всего оружия. Потом выполняли упражнения на стрельбище, проводили практические занятия по МПД на инженерном городке, а там уже и тактика действий. Отрабатывались порядок действий дозоров на марше, порядок действий ядра группы и тому подобные вещи. После этого добился от заместителей командиров отрядов, чтобы не они занимались выполнением сложных задач, а их подчиненные. Заместители же должны были отвечать за подготовку групп. Ну и если возникала критическая ситуация, лично осуществлять эвакуацию групп.

Когда удалось систематизировать и отладить подготовку к выходу и деятельность руководства по оказанию помощи группам с началом боя, потери стали меньше, да и результаты пошли. И даже комбриг как-то мне заметил: «Слушай, Александр Тимофеевич, у нас что-то результаты пошли». На что я заметил: «Дмитрий Михайлович, а вы это ни с чем не связываете?». Он понял намек и согласился: «А, ну да! Молодец».

Исполняющий обязанности

Когда время командировки Дмитрия Михайловича подошло к концу, он мне сказал, что ходатайствовал перед руководством ГРУ о назначении меня командиром бригады. Но в ГРУ возразили: «А куда мы будем девать комбригов в Союзе?». В результате на замену Герасимову прислали Сапалова, который в то время был командиром одной из лучших бригад советского спецназа (она базировалась в Марьиной Горке). По логике вещей, он должен был быть одним из лучших командиров соединений спецназа в Афганистане, но на самом деле, он с самого начала, как заглянул в бутылку, так из нее и не выбрался, пока его оттуда силой не вытряхнули обратно в Союз.

Все время его отсутствия я был исполняющим обязанности комбрига. Так и представлялся: «Исполняющий обязанности командира 22-й отдельной мотострелковой бригады подполковник Гордеев».

Как-то начальник штаба армии генерал-майор Греков не выдержал:
— Да сколько ты будешь исполняющим?

На что я резонно заметил:

— Когда назначите командиром, тогда и перестану быть исполняющим обязанности.

— Ничего, потерпи. Скоро назначат!

Это скоро тянулось почти до вывода бригады из Афганистана. На должность назначили месяца за три до вывода. Наверное, искали кого-то, но потом прикинули, что коней на переправе не меняют, поскольку вывод войск был уже на носу. Так и назначили. А на должность заместителя командира бригады месяца за два до вывода прибыл подполковник Русков Сергей Иванович.

Война требует назначать командиров на местах

Мое личное мнение, что в условиях войны на должность командира части или подразделения лучше всего было назначать из тех, кто уже служил в этой части и подходил по боевым и морально деловым качествам для этой должности. Направление же из Союза командиров ни к чему хорошему не приводило. Подтверждением моей мысли может быть не только пример с назначением Сапалова комбригом, но и, например, назначение командиром 173-го отряда майора Горатенкова. Я его знал по совместной службе в 67-й бригаде в г. Бердске. В целом, в мирной жизни, довольно сильный был комбат, а вот в Афгане не сложилось. Его беда была в том, что он не хотел ни к кому прислушиваться. Менял он на должности Сергея Бохана, который себя зарекомендовал в Кандагаре с самой наилучшей стороны и потому имел полное право давать советы своему заменщику. Но Горатенков их просто игнорировал. Я также, как старший товарищ и командир, советовал ему больше прислушиваться к командирам рот и даже групп, поскольку им «на земле» виднее. Но и меня он не послушал. 173-й ооСПН, несмотря на очень интенсивные боевые действия и сложную во всех отношениях зону ответственности, имел к его приходу довольно скромные потери, по сравнению с другими отрядами спецназ, воевавшими в Афганистане. И очень внушительные результаты. Но командование майора Горатенкова для отряда обернулось всплеском самых массовых и неоправданных потерь за всю его историю. В конце концов его убрали в 668-й отряд, а на должность комбата в Кандагаре назначили Сергея Бреславского.

Варенников и политика национального примирения

В 1987 г. почти с начала года была декларирована «Политика национального примирения». Первый заместитель Министра обороны генерал армии Варенников поставил во главу угла восстановление производственных объектов, инфраструктуры, строительство школ в Афганистане, где шла война. Запретил при движении колонн проводить превентивную огневую подготовку в опасных направлениях. Отвечать огнем разрешено было только на огонь душманов. Сразу же возросло количество засад на маршрутах движения колонн. Когда он прилетел к нам в Лашкаргах, офицеры его рабочей группы предупредили: «Не вздумай при Варенникове сказать, что в районе Шинданда есть недостроенная узкоколейка. Он заставит ее восстановить и достроить!».

В Кандагаре он заставил восстановить асфальтовый завод, который находился за городом. Восстанавливали около двух месяцев, выпустили первую продукцию, а через три дня «душманы» его взорвали.

Однажды он прибыл в Лашкаргах с новой идеей: «Гордеев, в районе Каджаки есть электростанция. Давай слетаем, посмотрим. А это на севере зоны ответственности, в краях, где нога советского солдата не ступала. Полетели. Командиром группы на борту был Сергей Бреславский. Туда прошли без проблем. Сели, осмотрели электростанцию. Там ничего не работало. Правда, место в горах было красивейшим. Взлетели и легли на обратный курс, но при возвращении вертолеты подверглись сильному обстрелу. И это объяснимо. Духи не ждали от нас такой дерзости, и потому сначала все прошло спокойно. Но поскольку возвращались также, как и пришли, духи приготовились и организовали встречу.

Когда прилетели, Варенников накинулся на Бреславского: «Почему по нашим вертолетам стреляли?». Как будто это он стрелял. Никакие доводы в оправдание он не слушал.

Несмотря ни на что, Варенников решил восстановить электростанцию и дать электричество в Кандагар, Гиришк и в Лашкаргах.

— Гордеев, напиши письмо всем командирам бандформирований о том, что мы будем восстанавливать электростанцию, чтобы они нам не мешали, так как это делается на благо народа, и перешли письмо через советников.

— Товарищ генерал армии, может быть не стоит этого делать, — попытался возразить я. — Давайте потихоньку восстановим и запустим.

— Нет, ты напиши то, что я сказал. Пусть они знают, что мы помогаем афганскому народу.

Сказано-сделано. Вскоре нам стало известно по линии агентуры, что до этого известия на линии электропередач было подорвано 15 опор, а вскоре после получения информации о ремонте станции, подорвали еще десять.

После этого Варенников принял решение провести там армейскую операцию. Подтянули туда 2 АК генерала Улеми, на электростанцию высадили дшб 70-й мотострелковой бригады, да и наша бригада туда выдвинулась. Из Шинданда прибыл мсп.

Конечно, с боями электростанцию отбили. Ковырялись с ремонтом около трех месяцев. Турбины доставляли из Союза через Кабул–Газни–Калат–Кандагар. По дороге от Канадагара до Калата уже несколько лет никто не ездил, поскольку вся дорога была подорвана и заминирована. Тем не менее протащили по ней эти турбины, установили на электростанции Каджаки. Но так электростанцию до конца и не восстановили. Самым уязвимым местом была ЛЭП, где «духи» регулярно взрывали опоры, которые не успевали восстанавливать. Выводы делайте сами.

Подготовка техники

Перед выводом в бригаду перестали присылать молодое пополнение. Стали производить расчеты личного и офицерского состава, определять, кого и куда отправлять для службы в Союзе. Параллельно с этой работой

мы начали готовить технику к маршу. И если техника, которая выходила на боевые действия, никаких сомнений не вызывала, то техника, которая стояла на приколе все время, вызывала серьезные опасения за ее способность пройти до границы СССР своим ходом. Прежде всего, это относилось к радиийным машинам. Всего в бригаде было 4 батальонных и один бригадный узел связи. Для того чтобы быть уверенным, что на марше машины не встанут, я отдал приказ всю технику связи и другую, которая давно не выезжала, проверить в охраняемых районах. В целом каждая из них должна была пройти по 500 километров за те два-три месяца, которые оставались до вывода. Те машины, которые ломались во время этого испытания, сразу начинали ремонтировать, и таким образом все неисправные машины были восстановлены. Однако были еще машины, которые восстановить своими силами мы были не в состоянии. Их я постепенно переправил в Тарагунди с колоннами, которые постоянно ходили за боезапасом и продовольствием. Машину цепляли к другой на жесткой сцепке и буксировали до границы. В районе Тургунди все эти машины были собраны на отдельной площадке, которую охраняла рота бригады. Всего таким образом я переправил туда, еще до начала вывода, около шестидесяти машин. Освободившись на марше от такого балласта, я надеялся, что бригада выскочит из Афгана, как ласточка.

Ищем объездной путь

Если бы все так готовились к выводу, как делала наша бригада, то и вывод прошел бы намного слаженнее, с минимальными задержками на марше и потерями техники.

Но в Кандагаре стояла 70-я омсбр, у которой своей неисправной техники было немерено, а особенно изношены были танки. Кроме нее, в Кандагаре находился госпиталь, аэродром с ОРАТО и ОБАТО, военторг и прокуратура. Они технику не готовили никак и потому все свое добро тащили на сцепке.

Перед выводом ко мне зачастили начальники из Союза. Первоначально бригаду собирались вывести в СКВО, но потом приняли решение подчинить ее Ставке войск южного направления, которая стояла в Баку. Поэтому, как будущий мой начальник, прибыл командующий войск Ставки южного направления генерал Армии Зайцев. Он поставил мне задачу изучить вариант вывода кандагарского гарнизона через пустыню, минуя город и кандагарскую зеленую зону. Выбор варианта движения из Лашкаргаха в Кандагар или наоборот, он оставил за мной. Главное было найти маршрут в обход Кандагара, поскольку проводка колонн через город обычно сопровождалась боями, а на выводе духи обещали вернуть все накопившиеся долги.

Я решил искать маршрут двигаясь с двух разных направлений. Русков должен был идти с подразделением 173-й ооСпН из Кандагара, а я – из Лашкаргаха, и в пустыне планировали встретиться. Колонны комплектовали абсолютно всеми образцами гусеничной и колесной техники, которая была по штату в отряде, чтобы понимать, что сможет пройти, а что сядет в песках.

Конечно, это было дело не простое. В пустыне ориентиров-то не густо, и можно было легко не встретиться. Но, несмотря на это, мы все же встре-

тились практически «нос в нос». Сейчас, вспоминая, я и сам удивляюсь, как это получилось, но школа спецназа никогда не подводила.

Для связи я взял с собой нашу радиостанцию КВ-диапозона Р-394 и периодически связывался с узлом связи, запрашивая координаты кандагарцев. В принципе, по направлению шли нормально. Но надо понимать, что это абсолютное бездорожье и потому нам приходилось периодически вытаскивать застрявшие машины.

Когда уже оставалось до встречи километров семьдесят, ближе к вечеру послышался гул моторов. Понятно, что в пустыне на технике никого, кроме наших, быть не могло. Когда оставалось километров 15, связались по УКВ-радиостанции. Я спросил Рускова, слышит ли он меня. Он ответил, что слышит. Я попросил дать ракету. Когда я ее увидел, стало ясно, что мы уже не разведемся. К этому времени почти стемнело, и мы решили заночевать на месте, чтобы ночью по барханам не таскаться. А утром уже встретились.

Идем через Кандагар

После возвращения я доложил генералу Армии Зайцеву, что пройти в обход Кандагара смогут далеко не все. Колонна – максимум машин из пятидесяти. Идущие за ней, сядут в песке, поскольку колея сильно разбивается. Зайцев понял, и далее решили все-таки выводить войска через город Кандагар. Перед выводом поставили задачу, кто за что отвечает. За так называемый «кандагарский куст» отвечает командир 173-го ообрСпН капитан Бреславский, я его должен был подхватывать в районе Геришка, и далее уже идти вместе. А за весь «южный куст», куда входили все части и соединения кандагарского гарнизона, а также мои подразделения, назначили ответственным меня.

При построении колонны все гусеничные машины шли в колонне, а боевым обеспечением занимались подразделения на БТР-70. Это объяснялось более высокой живучестью БТР к подрыву на минах. Ведь при выставлении блокпостов приходилось двигаться по незнакомой местности и ездить по обочинам, где духи ставили мины.

Первой пошла колонна 22-й ообрСпН, которую возглавлял Русков, а я шел с отрядом. В Геришке встретились с кандагарской колонной и вместе дошли до Диларама. Здесь остановились на привал. Я сразу приказал развернуть станцию спутниковой связи, в течение получаса связался с командованием и сообщил информацию о ходе марша.

Об организации вывода

Но, как выяснилось, связи, кроме как у спецназа, больше ни у кого не было. Тут-то и замечались офицеры из штаба армии, которые в Кандагаре пытались меня «нагнуть».

Я доложил о результатах марша и залез на крышу кунга. Отдыхаю. У машины, как положено, часовой выставлен. Через некоторое время часовой докладывает:

— К вам полковник такой-то из штаба армии.

— Что ему нужно?

— Он хочет по нашим средствам связи связаться с командованием для доклада.

— Не положено! У него нет допуска для работы на совсекретной технике спецрадиосвязи.

Тут уже полковник, минуя часового, взмолился:

— Слушай, комбриг! Дай доложить руководству!

А я ему с крыши:

— Ты в Кандагаре меня «драл», а теперь: «дай доложить»?

Потом сжалился, конечно.

Это я не к тому, как я счеты сводил, а о том, что армейское начальство вывод не продумало должным образом. Во всяком случае, вопрос обеспечения руководства устойчивой связью в неподготовленных местах со штабами на марше решен не был, и они постоянно бегали для связи в спецназ.

На марше танки кандагарской бригады постоянно ломались и отставали. Сначала я ждал их, а потом плюнул. Если они не озаботились подготовкой к маршу, то почему все остальные должны их ждать. Уже на крайний случай поставили бы танковый батальон вперед, как самое проблемное на марше подразделение бригады. Они бы и задавали скорость движения всем остальным. Нет же, их сунули в хвост колонны.

Вышли в Шинданд. Там собрал всех командиров генерал Армии Зайцев и спрашивает у командира 70-й омсбр:

— Ну как ваши подразделения, все вышли?

— Так точно! — не моргнув глазом, доложил комбриг.

— А у меня есть информация, что у вас танковый батальон отстал и до сих пор не вышел в Шинданд.

— Он не отстал, он у нас в арьергарде!

Зайцев крякнул, но ничего не сказал.

Мы – спецназ!

В Шинданде Зайцев приказал построить спецназ. Увидев наше войско, он ужаснулся. Ведь в Афганистане ходили, кто в чем. Он мне и говорит:

— Слушай, сейчас же на выводе корреспондентов понаедет не только со всего Союза, но и со всего мира, а тут по виду не воинское соединение, а банда какая-то.

Я его успокоил:

— Не волнуйтесь! У наших бойцов в машинах припасена парадная форма со всеми орденами и медалями. Выглядеть будем так, как надо!

Он немного успокоился, но, уходя, сказал: «Смотри, не подведи!».

Провели на аэродроме в Шинданде парад. Все прошло нормально. Мы, как обеспечивающие вывод, уходили последними. Глянул на места, где пехота стояла, а там боеприпасы в ящиках прямо в штабелях остались. Пришлось экскаватором копать яму и все закапывать. Вывезти мы их уже не могли.

В Герате нашу колонну обстреляли. Но огонь был не сильным, никого не задело, и потому мы прошли, не отвечая на обстрел.

Вышли на Кушку. А там уже снова армейские полковники. Требуют доклада о том, сколько машин вышло, сколько отстало. Я докладывать не стал, сказав, что хвост колонны бригады еще подтягивается, а через полтора часа доложил, что все подразделения и все машины бригады прибыли.

Проверяющий мне не поверил:

— Не может быть!

— Как не может быть, если в техзамыкании ехал мой заместитель по вооружению полковник Нехай и доложил, что все машины прибыли своим ходом?

— Не может быть! Пойдем считать машины.

Пошли считать машины. Колонна около 600 единиц техники. Считали часа два, но в конце выяснилось, что все на месте.

Полковник искренне удивился и сказал, что мы единственное не только соединение, но и вообще воинская часть, которая вышла своим ходом в полном составе, ничего не бросив по дороге. Ну, тут я не замедлил вставить:

— Ну, а что вы думали? Мы же спецназ!

* * *

О сложном периоде вывода вспоминает Сергей Бреславский, которому выпала нелегкая доля принять 173-й ооСпН в период подготовки к выводу войск из Афганистана. Самым сложным моментом вывода войск на первом этапе был вывод частей Кандагарского гарнизона Зоны «ЮГ». Для выполнения плана вывода надо было пройти печально известную «Кандагарскую зеленку». Духи готовили для шурави «теплые проводы».

АФГАНИСТАН (продолжение)

(С.В.Бреславский)

За что мы любим армию?

Запись в моем дневнике от 26 мая 1988 г.: «Чем интересна служба в ВС, так это необыкновенно резкой сменой обстановки. Вчера утром встречает меня комбат и говорит: “Есть одно неприятное известие. Сегодня рассчитываешься и едешь в Кандагар у Горатенкова принимать батальон”.

Уже вечером начальник штаба бригады подполковник Коновальчиков представил меня батальону. Сегодня утром провел опрос жалоб и заявлений. Предположительно 26 июня мы должны выйти из Кандагара. Времени на подготовку в обрез. 27.05 вечером с группой офицеров вылетаю в Шинданд для организации взаимодействия на марше. До 1 июня все служащие СА и вольнонаемные должны вылететь в СССР».

Так в мае 1988 г. я принял дела и должность командира 173-го ооСпН, дислоцировавшегося в Кандагаре. Западная граница зоны ответственности

граничила с зоной ответственности 370-го ооСпН, а вся зона имела ряд существенных отличий и особенностей. Я знал, что эта должность кому-то уже предлагалась, но по каким-то причинам они не согласились. Тогда я даже и не подозревал, что в судьбе каждой воинской части и ее коллектива двумя самыми сложными периодами являются: первый – формирование части, обустройство и организация боевой подготовки на новом месте; второй – передислокация с переходом на новый штат и обустройством на новом месте. И хотелось бы подчеркнуть, что все это – в особых условиях. Тем не менее за время своей службы я никогда не отказывался от предложений старших начальников. И в этот раз согласился, не раздумывая, тем более начальником штаба 173-го отряда в то время был мой однокашник по киевскому училищу Юра Швыдкий – профессионал, потрясающий человек и офицер. Единственное, что я попросил у начальника штаба бригады, – это взять заместителем командира отряда майора А.В.Петрова из штаба бригады. На что начальник штаба полковник Коновальчиков дал добро.

Отряд и задачи

На момент приема мной должности командира 173-го отряда его управление и командный состав имели следующий состав: начальник штаба отряда – капитан Ю.Н.Швыдкий, заместитель командира отряда – майор А.В.Петров, замполит батальона – капитан Сергей Осадчук, позже стал капитан Андрей Махмутин, зампотех батальона – майор Петр Харитонов, зам по тылу батальона майор Анатолий Глядаев, начальник отделения кадров и строевой лейтенант Андрей Хоптяр, начальник медпункта капитан Эльбрус Фидаров.

Ротами командовали опытные офицеры: командир 1-й роты – капитан Зайков А.Н., его заместитель – старший лейтенант Михаил Дядюшкин, командир 2-й роты – старший лейтенант Ерофеевский, его заместитель – старший лейтенант Игорь Морозов, командир 3-й роты – старший лейтенант Алексей Панин, его заместитель – старший лейтенант Игорь Веснин, командир группы связи – старший лейтенант Сергей Бесков, командир роты минирования – капитан Валерий Гурин. Управление и командный состав отряда, а также его подразделений, включая основную массу командиров групп СпН, были офицерами с опытом боевых действий. Они хоть и имели разный уровень подготовки, но были людьми, знающими свое дело и умеющими работать. И все же в поведении некоторых командиров групп, в их отношении к повседневной деятельности своих подразделений были и свои особенности, с которыми приходилось бороться.

После приема-сдачи дел и должности мы тепло простились с предыдущим комбатом подполковником В.А.Горатенковым и его заместителем майором В.И.Чернышевым. Горатенков убывал в Бараки на должность командира такого же отряда СпН, а Чернышев – в Союз для поступления в академию.

В соответствии с предстоящим выводом, перед отрядом стояли две параллельные задачи:

– подготовка личного состава отряда, техники, вооружения, имущества к выводу;

– продолжение боевой активности с применением групп СпН для преследования внезапных нападений бандгрупп на объекты советских войск.

В связи с этим отряд не прекращал проведение воздушной разведки местности с досмотром караванов и засадных действий.

Запись в дневнике от 31.05.1988: «Срочно вызвали на ЦБУ 70 бригады. Прибыл заместитель командующего генерал Пищев, поставил задачу: подготовить роту для действий в Кандагаре, вторую – для охраны ППД. Говорит, “духи” захватывают восточную окраину Кандагара. Потом все прояснилось. Сегодня через Кандагар прошли без единого выстрела две наших колонны. Третья не пошла, потому что заметила скопление вооруженных мятежников в городе. Из чего сделали вывод, что они должны захватить Кандагар. Информации по противнику никакой. Вот и питаемся “дугими” слухами».

В июне 1988 г. было получено распоряжение штаба бригады прекратить боевую работу и сосредоточиться на подготовке личного состава, вооружения и техники, материальных средств отряда к выводу. Но после ночного обстрела реактивными снарядами автомобильного парка 70 отдельной мотострелковой бригады, участвовавших в нападении на блокпосты мотострелков, нам снова поставили задачу на поисково-засадные действия и воздушную разведку местности. Заместитель командира отряда майор А.В. Петров лично возглавлял ежедневную воздушную разведку. Мы продолжили проведение засадных действий на подступах к району дислокации частей и подразделений кандагарского гарнизона советских войск в обычном боевом режиме. Попеременно от рот назначались разведывательные органы для проведения засадных действий, круглосуточно в готовности держали дежурную бронегруппу и группу СпН для десантирования из вертолетов. Нередко вертолеты возвращались с дырками в корпусе от пуль бандитов, стрелявших с земли, в ходе досмотров караванов возникали огневые контакты. Так получилось, что в конце июля 1988 г. я принял участие в последнем вылете на воздушную разведку местности 173-го ооСпН.

Из дневника: «Среди некоторых взводных процветает “директорство”, зазнайство, низкий уровень профессиональной подготовки. По году, по два в армии прослужили, а уже “устали” с личным составом работать. С войны, с облета, со стрельб приходят и “ноги в гору”: “Старшина, ротный, работайте, а мы устали”. Кого ротным поставить, ума не приложу».

К выводу готовились и мы, и духи

Мы готовились к выводу. Обстановка складывалась не совсем благоприятная. «Духи» в преддверии нашего выхода почувствовали, что боевая активность 40-й армии ослабевает, и готовились к «последнему звонку».

1 июня 1988 г.: «Обстановка сложная. Сегодня ночью “духи” захватили уезд Аргандаб провинции Кандагар. Гульбедин Хекматияр поставил задачу своим группам быстрее заканчивать подготовку к обстрелам колонн совет-

ских войск. Главной задачей определил – захват г. Кандагар. Вывод отложен до августа».

Выход Западной группировки Советских войск был запланирован через Кушку. Дорога на север в Союз для 70-й омсбр, в том числе и 173-го ооСпН, проходила по единственной дороге через Кандагар. Штаб 22-й обрСпН, оценивая сложившуюся обстановку и угрозы, решил провести разведку маршрута вывода в обход Кандагара через пустыню Регистан с выходом в ППД 22-й обрСпН южнее г. Лашкаргах, далее через Геришк по Трансафганской магистрали на север. Для разведки данного маршрута на базе 173-го ооСпН была подготовлена колонна из гусеничной и колесной боевой техники с личным составом, организована связь. Для руководства колонной из штаба бригады прибыл недавно приехавший из Союза зам. командира бригады подполковник С.И. Русков. Познакомились. Офицерам сразу не приглянулся его легкий «апломб». Я понимал, это была обычная ситуация для больших начальников, которые еще не перестроились после «мирной» жизни. Колонна убыла, и через некоторое время с ней пропала связь. Штаб бригады всполошился, нас с нач. штаба Ю.Швыдким командование бригады «изнасило-вало»: «Где колонна?». Только к вечеру я узнал, что она благополучно встретилась с другой колонной, которая вышла ей навстречу из Лашкаргаха. Оказалось, что замкомбрига объявил режим радиомолчания, а то, что радист обязан был выходить на обязательные сеансы связи, почему-то упустил.

Запись от 5 июня 1988 г.: «Сегодня ночью убежал боец из 2-й роты. В 4 утра нашли. Живой. Мерзавец, погулять решил. А тут еще “духи” обстрел затеяли с 1.30 до 2.30. Подожгли две автомашины в автопарке 70-й бригады. Вызывал генерал Пищев, зам. командующего Армии. Никто не может понять, откуда стреляли. Довоевались! Утром он собрал командиров. Отметил в лучшую сторону подготовку техники 173-го отряда СпН. Рассказал, как был подбит вчера БТР у входа в Кандагар. Проинформировал, что “духи” окончательно решили до 16 июня захватить Кандагар. Думаю, тогда мешок завяжется конкретно».

В период июнь–июль магическое слово БЧС (боевой и численный состав) уже просто снилось. В ходе планирования и формирования колонны 173-го отряда начальник штаба отряда Юра Швыдкий со штабом постоянно уточнял состав колонны, расстановку личного состава и техники. Кроме нашей техники, нам постоянно подкидывали в колонну то одно, то другое, что-то забирали, что-то придавали. По действовавшим тогда в 40-й армии приказам на одну единицу боевой машины разрешалось ставить в колонну не более десяти небоевых единиц техники. У нас этот норматив ни в одном варианте БЧС не выполнялся. Мы ходили к командиру 70-й омсбр полковнику Гришину Н.Н., к его заместителю и постоянно пытались решить эту проблему.

Помимо всего, остро стояла проблема увольнения солдат и сержантов отряда, выслуживших свой срок. На выводе не очень-то хотелось оставаться без обстрелянных, подготовленных солдат. Особенно нам не хватало механиков-водителей. Пришлось поговорить с ребятами, поскольку я не мог их

задерживать, да и им не терпелось домой. Тем не менее нашлись добровольцы, которые поняли наши проблемы и остались до прибытия в н. п. Иолотань на территории СССР, где у нас предполагалось перестроение отряда. Низкий им за это поклон. Настоящие мужики. Ну а остальным мы торжественно на плацу отряда вручили прибывшие боевые награды и проводили на аэродром Кандагара.

«Мы выйдем с высоко поднятой головой»

Запись в дневнике от 22 июня 1988 г.: «Голос из-за бугра» сообщил, что «вывод Советских войск из Афганистана задерживается до 15 августа», а наши молчат. Недавно дежурный по ЦБУ капитан Пушкарев А.В. прострелил себе ногу, его взяли на воровстве, офицерским собранием судили за пьянство, постановили выгнать из армии. Он и решил устроить постановку с самострелом. Отправили в Союз. Пусть прокуратура разбирается.

Ст. л-т Мальков из 3-й роты при стрельбе из АГС-17 случайно был ранен в шею осколком от гранаты. Сегодня на облете был ранен сапер: сквозное и ушиб сердца (бронезилет на нем был, слава Богу), два ребра сломано. Еще у одного пробито легкое. Отправили в Кабул. «Духи» здесь конкретные».

26 июня 1988 г.: «Сегодня вывел группу Подушкова Д.Л. для предотвращения обстрелов, а вчера Дядюшкина на поисково-засадные действия».

Подготовка техники к передислокации – один из сложных процессов. Боевая техника, которая постоянно применялась и обслуживалась, с ней проблем не было. Но остальная была в ужасном состоянии. Песок, солнце и отсутствие плановых регламентных работ сделали свое дело за четыре с лишним года. Некоторая техника не подлежала даже «реанимации». Остальная требовала ремонта. Некоторые «умные» зампотехи последние четыре года просто использовали стоящую технику в качестве источника запчастей.

На совещании, проводимом генералом Варенниковым В.И. в июле 1988 г. в Кандагаре, я предложил в связи с обострившимся противостоянием с «духами» и сложностями в восстановлении техники, большую часть «убитой» техники передать афганским «товарищам», часть вывести, а личный состав отправить к местам дислокации самолетами. На что генерал сказал «нет» и добавил: «Мы выйдем с высоко поднятой головой».

Оставалось только одно – восстанавливать машины ценой героических усилий зампотехов, которые отправились в поиск запчастей по «ридной Афганщине». Надо отдать должное зампотеху отряда Петру Харитонову, кроме двух единиц техники, все было восстановлено в кратчайшие сроки. А те две единицы нам пришлось прицепить на жесткие буксиры и «потерять» на марше в ходе «обстрела духами».

Следующим этапом вывода была подготовка казарменного фонда и вещевого имущества к передаче афганским военным. Согласно приказу мы обязаны были передать по актам с фотографиями казарменные помещения, застеленные по уставу кровати, тумбочки, кондиционеры – все в целостности и сохранности. Что и было сделано. Правда, как только мы покинули территорию, приехали афганские «товарищи», и последующее напоминало дей-

ствия махновских банд: все было варварски разграблено и вывезено. Остались лишь остовы казарм.

Не нужно ездить, где попало

Запись в дневнике от 29 июня 1988 г.: «Духи активизировались. Обстрелы почти каждый день. На облете мы взяли документы у одного погибшего “духа”. У него был авиабилет из Карачи в Исламабад и обратно с открытой датой, дневники, другие документы».

Запись в дневнике от 1 июля 1988 г.: «Духи оборзели. Вчера в 70-й бригаде украли прапорщика и солдата, а их “наливник” угнали. Сегодня “духи” уже днем долбили прямо по ППД».

Несмотря на подготовку к выводу мы продолжали вести боевую работу. Замполит роты А. Панферов возглавил разведывательный отряд и организовал два наблюдательных пункта юго-восточнее Кандагара, на путях вероятного выдвижения «духовских» караванов из Пакистана. При обнаружении движения машин он передавал информацию на центр боевого управления отряда, мы, в свою очередь, отправляли ее лётчикам, и те наносили удары. На следующий день мы отправляли туда досмотровую группу. Через две недели «духи» поняли, что кто-то наводит авиацию, начали прочесывать местность, обнаружили места расположения групп. Эти события совпали со временем готовности к выводу. Отряд благополучно был эвакуирован.

Запись в дневнике от 3 июля 1988 г.: «Наверху приняли решение сначала выводить Фарах, Лашкаргах, а нас после. По-моему, там сидит враг и делает все, чтобы нас легче было раздолбать. Ведь логика подсказывает, что сначала надо выводить дальних, через контролируемые нами районы, потом ближних, так постепенно, по территории нами контролируемой, вывести все войска направления. Но Громов на 19 партийной конференции заявил, что “из всех провинций, с которыми граничит Пакистан, советские войска выведены”. Тогда чьи же мы, пакистанские?»

Прочитали в газете, что в Кандагаре успешно воюют республиканцы с “духами”. Свыше тысячи “духов” убито, столько же ранено. “Среди них обнаружено тело пакистанского журналиста”. Это как раз тот с билетом и дневниками, и с оружием. Не нужно ездить, где попало.

Политработники продолжают свои “танцы журавлей”. Вчера в отряде избрали секретаря парторганизации, но не того, которого “прислали” из политотдела бригады, а своего, но тоже сволочь. Сегодня же прилетает зам-начальника политотдела переизбрать».

«Донна, шило, Скляр, Завеса»

Запись от 8 июля 1988 г.: «В 70 бригаде нашли того прапорщика и солдата. Оба трупы. Сегодня должно решиться – когда же нас выведут. А то началось: отпуска на Родину, вывод из Кандагара в январе. Думаю, они вводят в заблуждение “духов” вместе со своими».

Комиссия из политотдела уехала, переизбрав нужного парторга отряда, изрядно взбудоражив личный состав коммунистов.

Кстати, я вычислил, средний возраст офицеров и прапорщиков батальона – 26 лет и 8 месяцев».

В батальон в преддверии передачи части имущества «духам» потянулись начальники различных служб. Самый лучший «бакшиш» оказался нож разведчика образца 43 года. В результате грамотных действий моих начальников служб, у меня в Союзе будет в запасе полностью списанное вещевое имущество, кое-что из инженерного, автомобильного и связи. Самое главное, что потерянное, утраченное, выведенное из строя различное имущество, которое не списывалось и висело еще от моих предшественников, мы успешно списали».

Запись в дневнике от 9 июля 1988 г.: «ПУ ГШ “Экран” запретил облеты дальше 30 км от ППД. Это, конечно, издевательство. Принесли телефонограмму: “Командиру отряда. Донна, шило, Скляр, Завеса”. Дежурный по ЦБУ, принявший телефонограмму, товарищ Шукурула Зукурулаевич тоже расшифровать не смог. Юра Швыдкий разъяснил. Из Кабула к нам летит подполковник Скляр, офицер разведотдела армии. Подготовить стол, спирт разбавить соком в бутылках под названием “Дона”. Вот такие дела.

Вчера вышли 2 бронегруппы Раковского и Портасова для проведения действий по предотвращению обстрелов ППД. Утром на связь вышел только Портасов, второй молчит».

Запись от 11 июля 1988 г.: «Дядюшкин Миша, командир 1 роты “удружил”. Сегодня привели деда афганца. Тот пожаловался, что у него забрали барана. Спрашиваю его, а я тут причем? Он говорит, люди были на БМП. Спрашиваю, номер запомнил? Выдает номер БМП Дядюшкина. Говорит, что его сыновья у “душманов” воюют, он пожалуется им. Пришлось вызвать Дядюшкина. Оказалось, на выходе у кого-то был день рождения, и они решили это дело отметить по возвращению, но с барашком. Дядюшкину было предложено решить этот конфликт мирно и выплатить дедушке компенсацию, которая его обязательно устроит. А на выходе эта БМП, вместе с Дядюшкиным, пойдет в головной походной заставе с подкрашенными белой краской номерами, чтобы лучше было видно».

Запись в дневнике от 13 июля 1988 г.: «Духи собираются захватить Кичкинахуд. Что отрезет нас от Гиришка. Мы, конечно, можем оказаться в окружении. Но ценой, как всегда, невероятных усилий, прорвемся.

Прибыло пополнение из Союза. Ряд товарищей, как всегда, без аттестатов, без имущества, с вшами и дизентерией. Вводить в строй, а полевой формы нет. Начальники только телеграммы шлют о необходимости работы о пополнении. На кой черт под вывод этот “призыв в Афган”?

Появился устойчивый слух. На генерала Варенникова в Политбюро послали “телегу”. “Почему присвоили Героя СССР?” Собрали 900 подписей. Думаю, от безделья фонтанируют слухами.

Зия Ульхак в Пакистане заявил, что в ближайшее время будет брать Кандагар. Жара нещадная, на солнце до плюс 80°».

В этот же период у меня состоялась одна любопытная встреча. Привели ко мне в кабинет наблюдателя от ООН с переводчиком и парой политработ-

ников армии. Он бывший военный, американец. Живо интересовался подготовкой батальона к выводу, ходил в автопарк, прошелся по казармам. Наши отряды СпН в Афганистане своими названиями маскировались под отдельные мотострелковые батальоны. Наш именовался 3 омсб. Завершая встречу, там же у меня в кабинете я понял, что он в курсе, что мы не мотострелки. А в конце он задал вопрос о зарплате наших военнослужащих. Я сказал, что сержант получает 25 чеков, а офицер в среднем 300. Он попросил уточнить, сколько это будет в долларах. Военный переводчик, видимо, был в курсе этой проблемы. “Если официально один доллар – 2 рубля 67 копеек, а один чек равен рублю, то сержант получает около 10 долларов, а офицер около 117 долларов”. “В час?” – спросил американец? “Нет, – говорю, – в месяц”. Тот был дико удивлен. “Тогда я понимаю, почему вы не смогли ничего здесь сделать”, – произнес он. Я задал вопрос об их зарплатах. Оказалось, что он во Вьетнаме получал до 2500 долларов, в зависимости от района, в котором проходил службу. Я намекнул ему, что даже за такие деньги они ничего не смогли сделать во Вьетнаме. Значит, должно быть что-то поглавнее, чем деньги.

А на следующий день в штабе 70-й бригады он меня увидел, радостно остановил и заявил, что он подумал и пришел к выводу, “вот если бы ваших ребят, да во Вьетнам с нашими зарплатами, то мы бы точно там выиграли”. Я ответил, у нас говорят: “Если бы у бабушки был член, то она была бы дедушкой”. Ему эта поговорка явно понравилась, он заразительно рассмеялся, на том мы и расстались.

Дата вывода названа

Запись от 20 июля 1988 г.: «Позавчера собирал нас генерал Варенников. Он объявил, что вывод 1 августа. И завертелось. Начался армейский бардак. Готовились, тянули, опять готовились. А тут выяснилось, что никто не готов. 70-я бригада и остальные части гарнизона собираются мне в колонну сбросить весь “мусор”, пристегнуть, что им негоже. А так же мне поставлена задача со всем этим «что негоже» дойти до Гиришка, оставить там две роты и с одной идти дальше. Будто бы за Гиришком “духам” раздали холостые боеприпасы, или там начинается родная Украина».

В результате бесконечных перестановок, уточнений и замен, 173-й отряд должен был выходить двумя колоннами. Первая – 160 машин, вторая – 60 машин. В первой колонне, помимо управления отряда, 1 роты, роты минирования, роты связи, подразделений обеспечения, нам дали сопровождать технику отдельного радиопеленгационного центра (орпц), отдельного батальона аэродромно-технического обслуживания (обато), батальон связи и радиотехнического обеспечения ВВС (обс и РТО), что составили половину первой колонны. Вторую колонну, в составе 2-й и 3-й рот, возглавлял заместитель командира отряда майор Петров А.В. К ней «пристегивались»: батарея 152-мм пушек «Гиацинт» и РСЗО «Смерч». Про орпц и «Смерч» нам сказали, если кто-нибудь их продырявит – «оторвут все спереди и сзади одновременно». Мы с благодарностью приняли на себя оказанное доверие.

Подполковник Казаков

Утром 31 июля я построил колонну в походный порядок, в готовности к приказу на марш. Ко мне подошел небольшого роста подполковник и представился, что фамилия его Казаков, он из штаба армии, из группы генерала Пищева, поедет со мной в качестве контролирующего. Я приказал начальнику штаба капитану Швыдкому Ю.Н. определить ему место в колонне. Казаков немедленно потребовал себе радиста с радиостанцией. Как только он получил радиста, тотчас стал отдавать какие-то указания в сети. На что ему было сказано, что у него режим «глубокого радиомолчания». Он сильно обиделся и потребовал себе каску и бронежилет. У меня они были точно по количеству личного состава. А запасные выполняли функции защиты на дверях водителей колесной техники. Проходя мимо него в очередной раз, я увидел, что он забрал каску и бронежилет у радиста. Пришлось моего радиста посадить внутрь БТР. Помню, кто-то из офицеров ему сказал, что, проходя через Кандагар, «духи» будут стрелять в офицеров, определяя их по звездочкам на погонах. Он тотчас начал снимать звезды. Я посоветовал этого не делать и свёл всё к шутке. Но Казаков уже был вне себя.

Мы вытянулись на дорогу, ведущую в Кандагар. Я отдал приказ на марш, доложил о готовности к движению в штаб 70-й бригады и ждал команды «Вперед». Через час поступила команда вернуться в расположение отряда. Сегодня не выходим. Позже стало известно, что подразделение 70-й бригады, обеспечивающее проводку через город Кандагар, подверглось огневому воздействию. Был уничтожен танк, погибли люди.

Как только мы вернулись в исходное положение, подполковник Казаков убежал в штаб 70-й бригады, откуда мне немедленно позвонил заместитель командира бригады и выговорил за какие-то неправильные действия и за нетактичное поведение с Казаковым.

На следующее утро 1 августа попытка № 2, или «дубль второй», – выход 173-го отряда. Построение, приказ. Тут Казаков снова попытался отдавать какие-то указания. Меня это взбесило, и я предложил ему сесть на указанное ему место и слушать эфир, не нарушая режима радиомолчания. С оскорбленным лицом подполковник удалился на свой БТР.

Команда: «По машинам!». Мы обнялись с Сашей Петровым, он остался со второй колонной отряда и выходил позже. Встретиться мы должны были на пункте заправки перед Фарахрудом, следующем относительно крупном населенном пункте на нашем маршруте, где у нас был запланирован ночной отдых. Но встретились только в Шинданде.

Нам было приказано строго-настрога на выстрелы «духов» не отвечать. Офицерам я, в свою очередь, приказал в случае любого, даже одиночного выстрела, сосредоточенным огнем сносить все, что нам может нанести ущерб. Не хватало еще на выводе кого-то потерять. Проходим Кандагар, знаменитые камыши, «Черная площадь». В эфире слышу: «По мне ведут огонь справа из дувала». Я даю команду на открытие огня. Шквал огня. Далее через десять минут ситуация повторилась. В эфире слышу визг: «Вам приказано было не открывать огонь!». Это был, конечно, подполковник Казаков.

Пройдя Кандагар, мы остановились на ночлег рядом с «пустынным» батальоном 70-й бригады. Подразделения батальона обеспечивали безопасность на данном отрезке маршрута советских войск. Только я расставил технику в линию машин, как ко мне подбежал Казаков и сказал, что ему нужна связь с Кабулом, со штабом 40-й армии, и что он меня сейчас будет снимать с должности. Связь я ему не дал, и он побежал в «пустынный» батальон, где и заночевал. На следующий день мы выдвинулись к следующему месту ночного отдыха к н. п. Гиришк. К вечеру были там, Казаков сказал, что ему нужно на блокпост 5-й мсд, он был недалеко. Я приказал сопровождающему его сержанту доставить подполковника, оставить его вместе с вещами и вернуться к колонне. Так я избежал от назойливого и инициативного проверяющего. Как мне тогда казалось. В Дилараме были утром. Пункт дозаправки еле нашли. Ни регулировщиков, ни старших. Далее на Фарахруд в 411-й отряд («8-й омсб»).

План вывода в действие

В Фарахруде 2 августа, в день ВДВ, мы тепло встретились с командиром 8-го отряда майором В.А. Мертвищевым. Они располагались на территории придорожного кемпинга на трансафганской магистрали. А вечером: «Бойцы вспомнили минувшие дни...». Славный спецназовский стол, бутылка со спиртом с наклеенным рисунком черепа с костями, незатейливая еда и радушие однополчан. Наутро мы продолжили движение. К вечеру 4 августа были в Шинданде, пункте встречи со штабом 22-й обрСпН.

Добыл вариант, когда прибыли в Шинданд, а там нас не ждут. Опять ни пункта встречи, ни регулировщиков, ни хрена. Доложил командиру полковнику Гордееву А.Т., получил указания на следующий день.

Запись в дневнике от 4 августа 1988 г.: «Командир бригады сообщил, что у нас два варианта: либо мы передадим 30 БТР и 10 БМП в 5-ю мсд, а остатки техники поедут в Туругунди, а лишний личный состав на самолеты. Либо движемся дальше, а технику передаем в Туругунди. Сообщил, что наш отряд едет в Баку с бригадой. Мои 2 и 3 роты вышли из Кандагара 3 августа, встали в Гиришке на блоки для усиления подразделений 5-й мсд при выходе 70-й бригады. Пришел НШ Юра Швыдкий, говорит, Саша Петров доложил, что блоки обстреливали духи реактивными снарядами, потерь нет.

Запись от 5 августа 1988 г.: «Сегодня прибыла колонна бригады. Русков сказал, что мы уедем из Шинданда 9 августа и встанем на блоки в Туругунди. Рассказали, что 70-ю бригаду немного пощипали в Кандагаре. Мою вторую колонну обстреляли свои с блоков.

Юра Швыдкий загрузил после того, как объявили, что идем в Баку. Я в таком же состоянии.

Утром нас посетил начальник политотдела бригады и как-то странно долго рассматривал мой УАЗик, который мы везли в кузове УРАЛа. Через час я был у командира бригады, где была поставлена задача на передачу в 5 мсд части боевой техники отряда. А в конце мне было предложено передать УАЗ в политотдел бригады. Мне пришлось «пролегендировать», что он не на ходу,

поломан, и вопрос отпал сам собой. Тем более я не сильно погрешил против правды, он действительно требовал ремонта. Но осадок остался.

Запись от 7 августа 1988 г.: «6 августа прибыл Саша Петров со 2-й и 3-й ротой. Посетовали с начальником штаба на организацию вывода войск. Никто ничего не знает, цифры ни у кого не совпадают, для журналистов красить машины, а элементарных условий солдатам для сна не можем обеспечить: поставили палатки и голые кровати, а в них жара плюс 70°. Форму нашу спецназовскую (“мабуту”) носят все, кроме нас. Поэтому наши носят оборванные КЗСы, остатки “мабуты”, драное х/б. Но на выход мы их оденем. Из рюкзаков вытащим заветную “песочку”. С приходом бригады число руководителей возросло в несколько раз».

Запись от 8 августа: «Генерал Пицев построил всех командиров частей. С моим отрядом пойдет колонна в 240 машин. Пожурил нас за то, что в Кандагаре мы немного постреляли. Казаков настучал. Началось “броуновское движение” по сбору данных от командиров. Необходимо колонну сначала построить на бумаге, затем на местности, поставить задачи, проверить готовность к маршу, распределить личный состав и т. д. и т. п.».

173-й ооСпН обеспечивает вывод западного направления

Запись от 9 августа: «В 5.40 была построена колонна в 240 машин, начальник штаба проверил порядок построения колонны, личный состав. Тут приехал комбриг подполковник Гордеев и приказал возглавить колонну подполковнику Рускову».

Для всех нас это было неожиданностью. Ведь для формирования единой колонны отряда и «примкнувших» к нам пришлось сильно поработать. А тут «здравия желаю». «Всем спасибо, все свободны». Народ смотрит на меня ошалевшими глазами. Я спросил Сергея Ивановича Рускова: «Товарищ подполковник, вы будете отдавать приказ на марш?». Но он предложил это сделать мне. Ничего не оставалось, как скомандовать начальнику штаба Юре Швыдкому: «Зачитайте приказ на марш» и убить на свою машину. Прошли Герат, дозаправились и к 17.00 в полном составе были около н. п. Туругунди, недалеко от границы с СССР. Как обычно, нас никто не ждал, сами искали место для расположения. Как только разместились на ночлег в сухом русле реки около дороги, приехала куча полковников из оперативной группы армии, и начали каждый свое: БЧС, заправку, помывку, запреты на выезд, быстрее на блоки и т. д. Место сказали поменять до сумерек. На следующий день вроде успокоились. С утра было выставлено три блока, обеспечивающих безопасность оперативной группы Армии и пункта заправки.

Позвонили из оперативной группы, которая располагалась в палатках, в 100 метрах от нас, на другой стороне дороги, и сказали срочно прибыть командиру. Поскольку с нами был подполковник Русков, я предложил это сделать ему, как старшему по должности и званию. Не помню уже его аргументы, но пошел я. В палатке на меня прямо-таки напал какой-то человек в «афганке» без знаков различия. А за его спиной я увидел злорадное лицо все того же подполковника Казакова, которого я надеялся больше не увидеть.

Короче, мне было высказано все, что накопилось у заместителя командующего ТурКВО, в результате жуткого рассказа подполковника Казакова обо мне. Последнее, что я помню:

— Вас там под руки водили на войне, а вы так с подполковником, как вы вообще здесь?!

Все, конечно, вперемешку с матом. Затем вдруг он выдохся и уже спокойно приказал доложить, где находятся блоки, какие задачи, сколько человек и т. п.

В течение двух дней прибывали и убывали части 70-й бригады. Позже нас заставили убрать место их пребывания – 7 машин хлама вывезли, 10 машин закопали.

Затем 10 августа приехала колонна нашей 22-й бригады. Начальник политотдела требует дать ему УАЗ, остальные БЧС, и ставят кучу ненужных задач из категории «не спешите выполнять, скоро поступит команда отставить». На следующий день все стихло. Уехали. НачПО подполковник Петрачев УАЗ все-таки забрал.

До Родины 13 километров

13 августа во второй половине дня поступила команда до утра 14 августа снять блоки, технику передать пехоте, то ли из Герата, то ли из Шинданда, и убыть в Союз. К вечеру успели поменять два блока. Выяснилось, что на блоке у командира роты Алексея Панина пропал рядовой Харьков. Старший на БТР сержант послал его «побегать» вокруг БТР за то, что тот при чистке оружия произвел случайный выстрел. Харьков ходил вокруг БТР и пропал. В то время с нами находился заместитель начальника разведки ТурКВО полковник Чернобылов В.Н. Я доложил ему о происшествии, он посетовал и поторопил с поисками. В 6 часов утра расцвело. Бойца нет. Блоки сняли к 10 часам.

Тут к нам прибыл генерал Пищев. Приказал собраться, помыть личный состав, разрядить все вооружение на оставшейся у нас технике, выгрести из техники все боеприпасы, «разбоеприпасить» личный состав, убраться на территории, проверить все документы на пересечение границы, подготовить и передать в оперативную группу письменный доклад о том, что секретные документы в наличии, привести к «единому знаменателю» наши БЧС с БЧС оперативной группы армии, подготовить списки офицеров и прапорщиков отряда и передать в кадровые органы через оперативную группу армии, подготовить паспорта на личный состав офицеров, проверить и подписать акты передачи техники и еще много разных бумаг (никаких компьютеров, принтеров и прочего счастья бюрократов тогда не было) и дал нам на это целый час времени! Только после этого мы могли построиться и пересечь границу.

Подполковник Русков, полковник Чернобылов, генерал Пищев торопят, командуют, ругаются.

Понимаю, что Пищеву нужно доложить Громову о нашем пересечении границы 14 августа. Все остальное волнует только нас. Боеприпасы, выстрелы к гранатометам, реактивные противотанковые гранаты, ящики, разный

другой хлам пришлось сбросить в большую яму и закопать. Вроде бы все завершили. Построились. Генерал Пищев перед строем. И тут вдруг начались взрывы в этой яме. Кто-то из «добросовестных» солдат бросил в яму окуроч. Нужно было видеть лицо генерала.

Под эту импровизированную канонаду в 11.20 московского времени мы, 173-й ооСпН, 374 человека и 60 единиц техники, выдвинулись в сторону границы с СССР. До Родины оставалось 13 километров. Там на основании приказа командира 173-го ооСпН на марш комбинированным способом, 21 единица техники и 292 человека, должны погрузиться в железнодорожный состав и убыть в н.п. Иолотань, остальные 39 единиц колесной техники и 82 человека должны были двигаться самостоятельно во все тот же н.п. Иолотань. Где нам предстояло, согласно выписке из Приказа о передислокации части № 314/1/0015 от 15.04.1988, переформироваться и убыть комбинированным маршем под Баку, в ППД Перекишкюль.

Заместитель командира 3-й роты старший лейтенант Веснин остался искать рядового Харькова.

Мы с начальником штаба отряда Юрой Швыдким стояли у пограничного КПП «Кушка» и вместе с генералом Пищевым считали технику отряда, выходящую из Афганистана. Одной не досчитались. Я отправил Юру на УАЗе в Туругунди. Начальник штаба вернулся и рассказал, что лейтенант Рахлий на штабном БТР по техническим причинам остановился, но уже продолжил движение. И действительно, вскоре показался БТР. Вдруг он остановился рядом с нами, и лейтенант Рахлий на «голубом глазу» докладывает, обращаясь ко мне:

— Товарищ капитан, да я в «дукан» зашел, «афшки» остались, чтобы не пропали.

Генерал Пищев, полковник Чернобылов, не отошедшие еще после прощального «салюта», посмотрели на меня глазами полными изумления и тоски. Но, видимо, прочитали то же самое в моих глазах и промолчали.

На этом наши приключения не закончились. При пересечении границы мы тащили на буксирах две БМП. Одна из них зацепила пограничный столб с гербом СССР, другая чуть не свалилась в реку Кушка с моста – из эжектора БМП брызнуло масло и залило лицо механику-водителю. Но все обошлось.

Кушка–Иолотань

После пересечения границы мы с начальником штаба проверили готовность колонны колесной техники к маршу и собирались убыть проверить погрузку остальной техники и личного состава, убывающих эшелонном на вокзал Кушка. Тут мне полковник Чернобылов говорит, чтобы я ехал к железнодорожному составу и далее следовал с ним. А начальник штаба пойдет с колесной колонной. Хотя в приказе на марш мое место было определено в колесной колонне, я сказал «Есть!», забрал вещи, своего юного друга – двухмесячную овчарку по имени Чарли – и с начальником штаба уехал на вокзал. Я остался там, а Юра Швыдкий сел в УАЗ, чтобы вернуться к колонне. В это время собака пряталась от жары под УАЗиком. Когда машина

тронулась, Чарли не успел выскочить из-под машины и попал под колеса. Мой друг, стойко выдержавший такой длительный марш, через несколько минут умер у меня на руках. Похоронил я его там же на станции.

Погрузкой техники на эшелон, согласно приказу на марш, руководил старший эшелона заместитель командира 173-го ооСпН майор Петров, ему помогали зампотех отряда майор Харитонов, замполит капитан Осадчук, офицер разведотдела ТуркВО подполковник Терентьев. Погрузка двигалась быстро, грамотно и без суеты.

К концу погрузки вижу идущего старшего лейтенанта Веснина, а впереди него рядового Харькова. Лицо у него слегка помято. Игорь Александрович доложил о прибытии. Ну, теперь весь 173-й отряд был в сборе.

Вот мы уже на эшелоне в движении. Ехали в старом товарном прогнившем вагоне. Навстречу нам проскочил эшелон товарняка с точно такими же вагонами, только там были коровы. Посмеялись.

В 10.00 15 августа были на вокзале в Иолотани, разгрузились, построились, гусеничную технику передали и к 17 часам маршем прибыли в учебный центр под Иолотанью, где уже располагалась наша бригада.

Моя колесная колонна уже на месте, начальник штаба Юра Швыдкий и зампотылу Толя Глядаев встретили, сразу же доложили, воды нет, одеял нет (мы их все в Кандагаре «духам» передали). Пошел докладывать комбригу о прибытии.

Начался период реформирования. Из 530 человек в новом штате должно остаться 370 человек. Технику сверх штата мы должны были передать. Процесс «кого куда» очень деликатный и не быстрый. Параллельно готовились к комбинированному маршу в ППД Перекишкюль, в 30-ти км от Баку. Планировалось, что бригада по-батальонно выдвигается железнодорожным транспортом в Краснодарск. Там личный состав с частью колесной техники садится на плавучий паром и идет на Баку, другая часть техники движется в обход Каспийского моря на Баку.

Наши представления к наградам по итогам вывода были ополовинены. Ни одно из наградных представлений на руководство отряда по итогам вывода реализовано не было. Зато на высоком идейно-методическом уровне было проведено партийное собрание коммунистов бригады на тему: «Итоги вывода на территорию СССР и задачи коммунистов на период реформирования части». Политработники все без исключения были представлены к различным государственным наградам и получили их.

К 9.30 22 августа в 173-м ооСпН были закончены мероприятия по переходу на новый штат и подготовлены документы необходимые для перевозки войск железнодорожным и водным транспортом. Было организовано материальное обеспечение, необходимое для караульной и внутренней службы в ходе марша. 23 августа мы погрузились на эшелон и выдвинулись из Иолотани (ныне Ёлётен) в Краснодарск (ныне Туркменбаши). Впереди было около 1000 километров.

Дмитрию Подушкову также довелось принимать участие в выводе отряда в Союз. Ниже мы продолжим его хронику деятельности 173-го ооСпН в период: апрель 1987 г. – август 1988 г., подготовленную автором на основе его дневниковых записей и по памяти.

В ФИНАЛЕ АФГАНСКОЙ ИСТОРИИ

(Д.Л.Подушков)

Апрель. Пару раз в неделю по ночам обстрел гарнизона реактивными снарядами. Сначала вместе со всеми выбегаешь на улицу и прячешься в убежище. Спустя пару недель – выгоняешь бойцов в убежище, а сам возвращаешься спать в казарму. Будь, что будет.

При одном из обстрелов гарнизона РС-ми в мотострелковой бригаде погибло четверо и ранено четверо.

Возле батальона базируется батарея гаубиц «Гиацинт» и РСЗО «Ураган». Как только начинается обстрел гарнизона, они начинают долбить по «зелёнке», все казармы трясутся. В воздух поднимается пара Ми-24 и тоже долбит по «зелёнке». Спустя время обстрел прекращается.

Дневник: «Безотцовщина – бич. Мужские качества дефицит. Лишь десять из тридцати солдат признают в своем воспитании мужской авторитет (из опроса). Из семнадцати–восемнадцати солдат группы, идущей на боевой выход, пять–шесть человек – дееспособный костяк, семь–восемь – откровенный балласт, несут себя и оружие. Лучше бы без них, но нельзя, а других нет. Но и это еще не все. Некоторые старшие командиры считают, что на войну надо брать всех, с тем, чтобы там их всех воспитывать и перевоспитывать. Странно, всегда казалось, что на войне воюют...».

Где-то в это время. Я занимаюсь огневой подготовкой на стрельбище со своей группой. Подъезжает «броня» 1-й роты. Везут на расстрел каких-то главарей «духов».

12 апреля. У мотострелков. На проводке колонны в Кандагаре поджигают БТР. Сильно ранен комбат из бригады – оторвало ногу. На помощь не спешат – огонь очень сильный. В подошедшем наконец БТР не оказывается жгутов и бинтов. От потери крови он умирает.

Из дневника: «Иногда не пишу полную правду, всё как есть, из суеверия...».

13 апреля. Вызвал особист. Предупредил, чтобы в письмах не был очень откровенен в своих оценках Афганской войны. Моего товарища из Разведуправления ЛенВО, которому я писал письма по его вопроснику для кандидатской диссертации по философии, тоже трякнули. (После возвращения в Союз он мне признался: «А я и не понял за что!».)

15 апреля. При обстреле гарнизона РС-ми в 70-й омсбр погибло 4 и ранено 4 человека.

18 апреля. Недалеко от аэродрома при заходе на посадку упал МиГ-23. По официальной версии, сбит ПЗРК. Пилот погиб. Какой-то генеральский чин. «Броня» третьей роты ездил обеспечивать охранение работы комиссии.

Выход в Союз назначен (в очередной раз, сроки всё время переносятся) на 15 мая. «Духи» усилили переброску оружия из Пакистана. Везут в т.ч. ПТУРЫ – тоже готовятся к нашему выходу. Наша деятельность сильно ограничена – радиус действий (групп) сужается до 30–40 км. «Духи» громят погранбатальоны правительственной армии. (Заезжали в них пару раз – та ещё банда. Никакой службы, конечно, просто борьба за выживание.) «Духи» подходят к батальону, присылают парламентария – один день на раздумье – переход на сторону «духов» или уничтожение. Выбора для большинства, конечно, нет.

Где-то в это же время в гарнизон приезжал начальник Группы управления Министерства обороны СССР в Афганистане – Главнокомандующий Сухопутными войсками – заместитель министра обороны СССР В.И. Варенников – настраивал морально на вывод. Я взял слово, спросил, почему ограничивают боевые действия, сказал, что это неправильно, даём «духам» собираться с силами. Он согласился, сказал, что боевые действия нужно вести, но беречь людей.

Эпизод. Пришли бензовозы и заправили все БМП 1-й роты... водой – продали по дороге всю солярку.

Где-то в это же время. Группа 2-й роты под командованием Игоря Мусорова вышла на «броню» – тонус поддержать. Особо не таились. Встали в небольшой «зелёнке» недалеко от кишлака Гаркалай совсем недалеко от ППД (дальше 30 км уже не пускают, только облёты). Только стемнело – со стороны Пакистана идёт караван. В ходе засады захватывают МАЗ с оружием и боеприпасами, вторую машину, кажется, уничтожили. Я в это время был дежурным по автопарку. Слышу и вижу всполохи боя. Звоню дежурному по части: «Наверное Мусоров бьёт караван...» – раньше, чем группа связалась с батальоном по радиостанции.

28 апреля 1988 г. Десантировались с брони и сели в мандех прямо у дороги, в том же месте, где взяли 2 «Симурга» и МАЗ на облёте. Работать в этом месте было очень удобно из-за большого количества мандехов и рукотворных арыков. Прямо, как линия окопов, в полный профиль.

На вторую ночь идет мотоцикл в сторону Пакистана. Дозор, думаю. Пропустить или бить? Решил бить из бесшумного оружия. В группе таких только три ствола. У меня ПБ, у прапорщика-заместителя АПСБ, у разведчика АКМС с ПБС-1. А прапорщику в этот момент по нужде приспичило. События развивались стремительно. Уже чуть ли не бегом бежим. Только вышли метров на двадцать от дороги, подошел мотоцикл. Свалили с двух стволов. Мотоцикл набок, к нам колесами. Посылаем пули на добивание. Вдруг от мотоцикла тень метнулась в мандех. Засветились! Начали стрелять из автоматов.

Темно. Подошли. Оказалось, мотоцикл упал за небольшой бугорок, и все пули на добивание ушли в него, в мотоцикл, и в переднего «духа»... Досмотрели, с багажника сняли куртку с документами, прошли по мандеху –

никого нет, но капли крови. Смотрю документы из куртки – немец ушел! Связываюсь по радиостанции с батальоном – шлите «броню»! Отвечают – утром прищем. Дежурный будить комбата не стал, потом ему за это ввалили. Собираемся.

Вдруг в «БН» вижу, через место засады идут два «духа» гуськом. До них метров двести. Я еще подумал, как будто мотоцикл ведут. Огонь! Отстрелялись, смотреть ночью не пошли. Отошли на полтора километра. Утром подошли. Лежит мотоцикл с рюкзаком. В рюкзаке фотопленки, фотографии, дневники, книги и наркота.

Пришла «броня», 30 км до батальона я ехал на трофейной «Ямахе».

15 мая. Сильно простудился, всё горло обложено. Это при 40 градусной жаре! Но обычное дело. С жары в офицерский кубрик – холодная газировка, кондиционеры... Игорь Веснин дал трофейный антибиотик из каравана. Утром проснулся – внутри ничего не чувствую. Совсем ничего, ни одного органа. Ощущение – как будто совершенно пустой. Но сразу выздоровел.

Анонимно опросил бойцов группы (раздал самодельные анкеты) – из 16 человек 10 пробовали наркотики.

25 мая записывали «добровольцев» для перевода в Кабул. Т.к. батальон уходил из Кандагара в первый этап вывода, а из Кабула во второй – на полгода позже. В. Горатёнова уже перевели туда комбатом. На его место прислали С. Бреславского из Лашкаргаха. Офицеры, которые не выслужили два года, многие «записались». Я тоже. Но в результате остался в батальоне.

В этот же день бойца из моей группы убило током в бане. Группа была на выходе. Я его брат перестал – разгильдяй. В бане шёл ремонт, меняли проводку, а он пошёл туда без разрешения. Очень банально. Был на войне, а убило током из-за разгильдяйства. Разумеется, списали «на боевые потери». Сочинили «описание подвига», представили к ордену и отправили на Родину...

27 мая. Третья рота участвовала в проводке советской военной колонны через Кандагар, выставляла блоки. Накануне был обстрел колонны практически в центре города, «духи» подбили в т.ч. танк охранения. Роту поставили в оцепление прямо в этом месте. Подъехали. Увидели какую-то группу бородатых «душков» с автоматами. Пообщались. Якобы «союзники», но кто их разберёт! Спиной лучше не поворачиваться. Очень напрягает. Я с группой бойцов сел в полуразрушенную виллу прямо напротив места, где был подбит танк. В углу комнаты нашли выстрелы к РПГ. Или остались с прошлой засады, или уже приготовлены к новой. Через несколько часов прошла колонна. Пылища, жарыща... Но всё прошло нормально. Мы уезжаем вслед за колонной.

29 мая. «Духи» повели настоящую войну. Колонны через Кандагар пройти не могут. На проходе сожгли ещё один танк и 4 машины. Агентура сообщает, что будет ещё жестче. При этом деятельность наших войск, и в т.ч. батальона, в виду предстоящего вывода и всяческих договорённостей ограничена – только защищаемся.

1 июня. Вечером в батальоне объявили тревогу. «Духи» полностью перерезали дорогу на Кандагар. Колонны с грузами пройти не могут. Офицерам

зачитали закрытое письмо ЦК КПСС о ситуации в Афганистане. Ничего для нас нового. Сообщают об усиленной переброске оружия из Пакистана в Афганистан, в т.ч. с участием армии Пакистана – караваны идут и днём, и ночью... Происходит усиление группировок противника, сведение их в армейские подразделения, создаются новые укрепрайоны. Погранбатальоны армии ДРА уже частью уничтожены, частью переходят на сторону противника. «Духи» обещают захватить власть в Кандагаре спустя 5 дней после нашего ухода.

Для разблокирования дороги на Кандагар 70-я омсбр запросила помощь, и комбат назначил 3-ю роту. Иду к комбату: «Разрешите идти с третьей ротой». Разрешает. Начинаем собираться. 2–3 часа сидим в ожидании выхода. Спустя время следует команда «отбой».

Всех нервирует ситуация «ни войны – ни мира». То запрещают полностью боевые действия, то разрешают, но «не далеко». По телевизору – Горбачёв братается с Рейганом.

Где-то в это время. Гарнизон правительственных войск в Калате попросил помощи – «духи» каждую ночь подъезжают на машинах и окучивают. Летим двумя вертолётами Ми-8 – в одном группа минирования, в другом мой, Ми-24 в прикрытии, как обычно. В нескольких километрах от Калата садимся на грунтовую, хорошо накатанную дорогу. Минёры ставят систему «Охота», мы в охранении. Улетаем. Дня через 3 вертолётчики слетали посмотреть, сообщили – подорвалось две машины.

4 июня. Партсобрание. Выступаю. Говорю о приписках результатов; о получении боевых наград людьми, которые не ходят на боевые; о том, что в то время, когда командиры групп воюют и добывают батальону «результаты», шмотки из Союза раскупают и командирам групп ничего не достаётся; и т. д.

Ночью со стороны «зелёнки» очередной сильный обстрел гарнизона. Где-то на территории мотострелковой бригады возник сильный пожар. Реактивные снаряды взрываются в 100–200 метрах от казарм батальона. Утром находим воронки и осколки прямо у глинобитного забора батальона.

На следующий день мою группу послали на облёт в «зелёнку» прямо на запад и северо-запад от ППД – никогда туда не летали – искать огневые позиции пусковых установок РС. Кружимся довольно долго. Сильно напряжены и мы, и вертолётчики. Группки «душков» с разных сторон внимательно наблюдают за вертолётами. При нашем подлёте прячутся в кяризы. Там же думаю и пусковые установки. Ничего не обнаруживаем, возвращаемся.

7 июня. Летаем несколько дней подряд на облёты в пустыню Регистан, в т.ч. посмотреть можно ли войскам выйти через пустыню. Без вариантов. Техника не пройдёт.

Бортмеханик из курсового пулемёта стреляет по джейрану и убивает его. Подсаживаемся, забираем. Вертолётчикам будет допаяк. Отличные ребята, все, как родные. По-другому и быть не может. Наша жизнь зависит от них, их – от нас.

Вечером – по зелёнке стреляет «Ураган». Один из зарядов неисправен и падает на аэродром. Мы это наблюдаем всё в «прямом эфире». Позже сооб-

щили – сгорел Су-25 и погиб боец из охранения. Конечно, официально – «в ходе ракетного обстрела».

17 июня. Летаем на облёты реже. «Духи» успокаиваются. Первый же облёт в «зону» на восток даёт результат: «Тойота» и 4 ствола.

19 июня. Лёха Панин на облёте с группой уничтожил 3 машины.

Старший офицер Р., в Афгане без году неделя, пишет себе уже на орден: «Веснин, достаньте мне бронезилет американский. Я Вам приказываю!».

25 июня. Игорь Веснин на «бронь» с зампотехом Костей Паркачёвым забили на маршруте Канате–Хаджибур «Симург» и 9 «духов».

На облёте 1-й роты при досмотре мотоциклистов ранили бойца. Кладут в вертолёт бойца и затаскивают мотоцикл.

29 июня. В засаде с группой на юго-восток от ППД на границе договорной зоны. Жара адская. Ветер с Регистана. Всё железное раскалилось. Ждётся ночи, но только к 4 утра чуть-чуть становится полегче, а утром опять по новой... Спать невозможно, какие-то куски и обрывки из забытья...

Июль. Хроника.

Обстрелы гарнизона участились. Почти каждую ночь, а иногда уже и днём. На аэродроме повреждено 4 вертолёта. Сообщили – 23 июня в Кабуле в ходе обстрела на аэродроме сгорели 8 штук Су-25. Наша артиллерия и авиация тоже наращивают удары по зелёной зоне Кандагара в виду предстоящего вывода.

Прапорщик и солдат из мотострелковой бригады поехали ночью на бензовозе торговать горючкой с «духами». Место, где их убили, нашли, а трупы нет.

На зарядке утром нашли 3 автомата – пехота приготовила к продаже.

Офицер и 2 солдата с «точки» охранения пошли в магазин – трупы нашли, автоматы пропали.

Из «зелёнки» по гарнизону заработала гаубица Д-30.

С БТРов в 70-й омсбр сняли пять КПВТ – приготовили к продаже.

Однокашник по училищу Саша Егельский даёт интервью в Джелалабаде.

Фотография однокашника же Юры Боровского (Асадабад) в «Правде» от 15 июля.

Сообщили – при выходе войск из Шахджоя заведено десятки уголовных дел. 18 единиц огнестрельного оружия хотели провезти в Союз.

2 июля. Меня перевели в 3-ю роту (это больше мой выбор) на место бывшего по ранению Андрея Малькова. Несколько недель назад на стрельбище боец низко поставил ствол, АГС выстрелил, близкий разрыв гранаты, осколок ранил Андрюху в горло. Его отправили в Союз. Вообще, ввиду близкого вывода народ по возможности на самолётах отправляют в Союз всех, в ком нужды на выводе не будет.

Игорь Веснин переболел малярией.

Где-то в это время 3-я рота участвовала в закладке тайника для агента-нелегала. Он из русских. Мы уходим – он остаётся. Заложили много боеприпасов, ВВ, средств связи.

7 июля. Голодуха. Завоз продуктов и товаров уменьшился. Не наедаемся. Магазин пуст.

Третья рота занималась МПД с бойцами метрах в 300 от ППД. Рассадили пару ящиков ВВ. В отряде подумали, что начался обстрел РС.

9 июля. Прилетели два корреспондента ТАСС из Кабула. Один – Снастин Александр Васильевич (45–47 лет). Говорим, что думаем. Гласность. Но они предупреждают, что мало что попадёт в сводки.

11 июля. «Духи» пристрелялись к ООН-вскому городку в Кандагаре и методично его долбят. В нём живут «сказочники» и советники. (Мы ездили туда иногда плавать в бассейне.) Всех перевозят в гарнизон. «Советовать» они теперь ездят в Кандагар только пару раз в неделю.

Оповестили – в Кандагаре сформированы террористические группы из детей и подростков. Вооружены гранатами и пистолетами.

16 июля. В 70-й омсбр «духи» утащили двух солдат. Солдат свёл счёты с сержантом – застрелил из АК.

19 июля. Сообщили. Вчера на проводке колонны погибло 10 человек из 70-й омсбр. «Духи» завезли около 1000 РС.

21 июля. Вчера омсбр не смогла выставить блоки для проводки колонны – «духи» не дали.

В районе Дамана подожгли бензовоз. Его дотащили до блокпоста, он взорвался, сгорело ещё два бензовоза, 1 БТР, 1 «Урал» – 2 солдата погибли, около 10 раненых.

28 июля. Часть бойцов гарнизона и обслуживающий персонал продолжают самолётами отправлять в Союз. Приехало телевидение. Но точной даты вывода не называют. Скорее всего, скрывают специально, чтобы не было утечки информации. Вообще дата переносилась уже много раз.

29 июля. Ходил с бойцами разгружать боеприпасы на склад – правительственной армии создаются запасы на несколько месяцев.

31 июля. Вывод батальона начинается. Роль батальона на выводе – боевое охранение выходящих колон.

1-я рота и управление батальона в составе общей войсковой колонны сегодня попытались пройти Кандагар. Но мотострелки не смогли выставить даже охранения – очень плотный огонь. Погиб офицер, пропал солдат, повредили 3 танка (а их, как говорят, всего-то в гарнизоне осталось штук 12). Вечером колонна вернулась.

1 августа. Сегодня колонны прошли Кандагар. Был только один подрыв, погиб один сапёр. Мы в опустевшем гарнизоне и батальоне. Вещи уже собраны и погружены на БТРы – всё под завязку. Я оставляю свободное место в одном из БТРов на случай ранения. Приходит со своими баулами обособит и заполняет его.

Вечером по ТВ показывают начавшийся вывод войск из Кандагара (съёмки на аэродроме – митинг и погрузка на самолёты) – самый южный гарнизон. Завтра должны уходить мы. Все офицеры собираются в большой офицерской комнате третьей роты. Несут всё, что не допито. Игорь Морозов притаскивает бидон с брагой. Народ пьёт, черпая кружками. Я один почти трезвый. (Третий, четвёртый тост – это святое, дальше «прогуливаю»). Саша Тор предлагает тост «за тех, кто не пьёт». До поздней ночи перебираем афган-

скую эпопею отряда, кто что помнит. Я записываю на магнитофон. (Плѐнка сохранилась до сих пор.)

2 августа. Утром грузимся на «броню». В батальон заезжают с баулами офицеры правительственных войск – принимают имущество. Всё, понимает-ся, чисто формально – берите, что дают.

Весь день стоим в общей колонне с САУ «Гиацинт» и РЗСО «Ураганам» недалеко от батальона – мы их боевое охранение. Но пока дорога «духами» закрыта. Ночь спим на «броню». На недолетах взрываются реактивные снаряды. В парке 70-й бригады, уже занятой «братьями по оружию», взрывается бензовоз. Огонь перекидывается на несколько соседних машин с боеприпасами. Фейерверк на полночи. Где-то слышатся выстрелы.

3 августа. Мой день рождения. Мне 25 лет. В шлемофоне слышны переговоры подразделений, обеспечивающих проводку колонны: «По мне работают с миномёта. Это Гундиган!». Уже есть раненые и убитые. Ждем, когда подавят огневые точки. Начало движения отложено уже на час... Напряжение нарастает. Скорей бы уж! 11.15 – тронулись!

Довольно резко втягиваемся в город. Пылища, солнце жарит всюю. На выходе из города пыль вокруг становится настолько плотной, что невольно опускаешь автомат – воспользоваться все равно не успеешь, видимость метр-два. Входим в «зеленку» – со всех машин по прилегающей к дороге местности открываем плотный автоматный огонь. Не дать «духам» шанса на реализацию своих замыслов и себя подбодрить. Чувство раздетого донага на людной площади. Мир, как никогда, зыбок. Быстрого движения колонны не получается: кто-то оторвался вперед, кто-то отстает, у кого-то поломки, где-то остановилась САУ... Несколько десятков минут – и годы войны остаются позади. Прошли 30 километров – впереди еще 800, но эти 30, как те 800.

Вечером становимся на первую блокночѐвку слева от дороги. Вспомнили, что у меня день рождения. Делаем нехитрый ужин, пѐм по маленькой, едим арбузы и виноград, Игорь Веснин дарит от всех большую пачку афгани.

4 августа. Подъезжаем к мосту через реку Гильменд. Останавливаемся на дороге. Река полностью пересохла, остались только отдельные лужи. Слева в километре от дороги обширная «зелѐная зона». Лѐха Панин идёт в ближайший мандех по нужде. Вдруг свист мины и с перелѐтом разрыв. «Ничего себе дела!» – орѐт Лѐха из мандеха. Все прячутся за технику, ложатся за дорожную насыпь и открывают огонь по «зелѐнке». Определилось, раз отсюда стреляют – здесь и стоять. В усиление нам придали автоматический миномѐт «Василѐк» – командира взвода знаем по Кандагару. Он заряжает кассету и делает серию выстрелов по «зелѐнке».

Съезжаем с дороги влево, в складках местности скрываем технику, ведѐм поочерѐдно через прицелы БТРов наблюдение и предупредительный огонь. Офицеры решили половить рыбу «на гранату». Подходим к большой луже, бросаем из-за укрытия РГД-5 – взрыв, штук 40 мелких рыбѐшек всплывают кверху пузом. Съедобно? Варим уху.

Мимо всё время идут советские колонны: выходят кандагарский и лашкаргахские гарнизоны. У афганцев с проезжающих барбухаек берѐм «в долг»

продолговатые арбузы, только ими и можно напиться. К вечеру меняем место и решаем съездить частью роты в засаду. Неугомонные! Часть «брони» оставляем в поле. Стемнело. Бойцы разожгли костры, чтобы приготовить ужин. Вдруг сильный обстрел. Вокруг «брони» рвутся 18 снарядов. «Броня» докладывает нам по радиостанции, снимается с места и выезжает на дорогу. Мы, конечно, тут же возвращаемся. Слава Богу, никто не пострадал.

5 августа. Проходит техническое замыкание. Наша рота оказалась самой крайней. Все войска уже прошли, и мы догоняли потом ушедшие вперед колонны. В Дилараме скопилась масса техники.

6 августа. Проходим Фарахруд и забираем колонну 8-го отряда 22-й бригады СпН. Присутствие духов особо не чувствуется. Проезжаем место, где погиб Валера Гончар. Следы боя ещё видны. В 8-м отряде один из БТРов носит его имя. Когда проходили горный хребет, в одном месте видим разбитую, еще до вывода, колонну – 9 подбитых бензовозов, 1 танк, 4 БМП.

7 августа. К вечеру доезжаем до Шинданда. Где ночуем. Огромное количество техники со всего юга. Общаемся с народом. Здесь обстановка значительно спокойнее, чем в Кандагаре. Многие офицеры, отслужив 2 года, не видели в глаза «духов». (Это ещё раз к теме «бегство из Афганистана советских войск».) От Шинданда до приграничного Туругунди дорога уже совсем другая – ни воронок, ни подбитой техники. Вдоль дороги до Союза тянется бензопровод (показатель!), взрывают его редко. Чаще врезаются и воруют бензин. Одиночные армейские машины ездят свободно – инциденты крайне редки. Во всех кишлаках много «духов» с оружием – местная самооборона. Никакой агрессии не проявляют, напротив, многие искренне сожалеют, что «шурави» уходят – подрыв всему бизнесу – русские много покупают и дают горючку. Чувствуется, здесь за годы войны всё устоялось, отношения налажены.

8 августа. Проезжаем Герат. Зелёная зона очень обширная, всё те же вооруженные «отряды самообороны» в кишлаках, но солдаты на блоках ходят в полный рост. Демонстрируют, что опасности нет. Удивляет, что и здесь ближе к Союзу советских товаров в кантинах практически нет, а только японские, американские...

11 августа. Становимся ротой на горке на блоке в боевое охранение у Туругунди. Уже видна граница СССР и пограничные вышки. Несколько дней стоим на блоках. Колонны подходят к границе. Каждую ночь – фейерверк: трассера, осветительные ракеты... Есть раненые. Бойцы нашей роты пытаются торговать с местными – меняют патроны и гранаты на женские косметические наборы. Если узнаём – наказываем. Особенно предупреждают – на границе будут сильно шмонать, не вздумайте провозить оружие.

16 августа. Снимаемся с блока, едем к границе. Сдаём БТРы, оружие и боеприпасы. Автомобили оставляют отряду. Моемся в бане. Водители остаются продолжать службу в Афгане. Им предстоит ещё ходить даже в Кандагар, возить грузы для правительственной армии. Разумеется, они не в восторге. Один боец третьего срока службы из нашей роты теряется. Усиленно ищем. Это сильно нервнует. Спустя время находим среди обширных войск – «зачмырили», поэтому ушёл.

Набиваемся в поданные КАМАЗЫ, как сельди в бочку.

В 12.15 пересекаем границу. Кушка, Союз. Общая длина маршрута от Кандагара, таким образом, составила почти 1000 км.

В Кушке – никто нас не ждёт. Еды нет. Совсем. Все в тихом шоке. Никаких запасов не делали, все видели по телевизору, что встречают хорошо. Но то телевизор... Доедаем скудные сухпайки, офицеры идут в гарнизонную столовую. Грузимся в телячьи вагоны.

17 августа. Прибываем в Иолотань, ставят в войсковой учебный центр на границе с пустыней в палатки, где стоим в т.н. «карантине» неделю: ни нормальной еды, ни света, ни нормальной воды – дают на несколько минут три раза в день... Деятельности никакой – тупое безделье от еды до еды, которую невозможно есть. Офицеры выходят в город, чтобы поесть и позвонить домой.

24 августа (не точно). Грузимся снова в телячьи вагоны и через Мары, Ашхабад, Небит-Даг южной границей пустыни Каракум едем до Красноводска – порта на восточном берегу Каспийского моря. Очень интересное место. Грузимся на паром.

27 августа (не точно). Просыпаемся утром в открытом море. Выходим на палубу – внизу плавают нерпы. Ближе к западному берегу вода становится грязной, появляются нефтяные вышки.

Прибываем в Баку. Бригаду поставили в г. Перекишкюль, в расположении бригады оперативно-тактических ракет. Условий нет совсем: ни казарм, ни нормальных общежитий для офицеров. Всё обустройство будем делать сами.

* * *

Период подготовки 173-го отряда к выводу вспоминает Валерий Ковалев, в то время командовавший группой 3-й роты.

САМОЕ ЯРКОЕ ВРЕМЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ

(В.В.Ковалев)

Всплеск боевой активности перед выводом

В конце февраля 1988 г. Виктор Мусоров забил крупный караван с оружием. По-моему, это был последний значительный результат. После этого мы с ним уехали в отпуск, а когда вернулись в мае, практически боевых действий уже и не велось.

В это время шарджойский отряд активно готовился к выводу в Союз. Нашего комбата майора Горатенкова перевели на аналогичную должность в баракинский отряд. И слава Богу!

На его место пришел Сергей Бреславский, а начальником штаба вместе с ним из Лашкаргаха прибыл Юрий Швыдкий.

Тогда же в мае мы попрощались с 205-й вертолетной эскадрильей, которая была придана нашей бригаде и работала исключительно со спецназом: облёты, разведка местности, высадка и эвакуация групп.

Прощание было трогательным. Улетая, эскадрилья несколько раз прошла над расположением отряда на малой высоте, отстреливая тепловые ловушки, своеобразный прощальный салют.

После их убытия мы, как и ранее, стали взаимодействовать с вертолетным полком, стоявшим в Кандагаре.

Неожиданно возник некий всплеск боевой активности. Снова стали совершать облеты и планировали проведение засадных действий. Правда, действовали не далеко от расположения отряда. Километров тридцать, может, чуть больше. Но к этому времени духи обнаглели, и группа третьей роты под командованием Андрея Малькова недалеко от ППД взяла машину. В этот период уже не было такого, чтобы действовало сразу несколько групп, максимум – одна. Поэтому в ее состав входило сразу несколько офицеров. После этого был результат на облете. Работая с полковыми вертолетчиками, мы в полной мере ощутили отсутствие 205 эскадрильи. Нет, полковые вертолетчики не боялись войны, но, пытаясь соответствовать новому назначению, шли на неоправданный риск. Они могли зависнуть под огнем или сесть так, что потом на аэродроме приходилось считать пробойны в бортах. Во всяком случае, после того облета не было ни одной вертушки, которой бы не пришлось латать борта. При этом нужды в этом риске не было.

Тогда-то вертолетчики полка и испытали на себе, что работа с группами спецназ имеет свою специфику, а их коллеги из 205-й эскадрильи по праву имели особый статус.

Выходы в это время носили не плановый характер, как раньше, а спонтанный. По сигналу «Три зеленых свистка» быстренько собирались и летели. Если к чему-то и готовились, то наспех, буквально «на коленке».

Готовимся к выводу

Через некоторое время стали пробивать маршруты вывода. Поступила информация, что Кандагар сильно озлоблен и Красную армию пропускать через город без боя не собирается. На политическом уровне начались переговоры и торги. Поскольку переговорный процесс шел тяжело, начали искать обходной маршрут для выхода. Летали в пустыню в поисках такого пути и даже совершили пробный марш. Но скоро стало ясно, что наш отряд уйти сможет, а соседняя мотострелковая бригада со всеми своими тыловыми колоннами, а также аэродромное обеспечение и реактивные системы «Ураган», пройти по пустыне не в состоянии.

В этот период несколько раз группы отряда высаживались на разведку маршрута. При этом им везло, и они брали кое-какие небольшие трофеи. Результаты использовали для того, чтобы представить к наградам тех, кто еще не был награжден.

В конце концов Сергей Бреславский с начальником штаба разработали план марша отряда. Нам в колонну отряда придали роту аэродромного обес-

печения. Потренировались в совместных действиях на марше. Это было необходимо, потому что боевого опыта было, хоть отбавляй, а вот обычного опыта движения колонной в составе отряда, а также опыта управления колонной на марше ни у кого не было.

Стали готовить городок к передаче афганским властям. Наконец-то наши переводчики получили ту языковую практику, ради которой их и направляли в Афган. До этого они наравне с другими ходили в составе групп, били караваны, участвовали в налетах на базы духов. Там основным помощником в переговорах был «разговорник под редакцией профессора Калашникова».

Здесь же они в полной мере общались с представителями местной власти и различными комиссиями. Городок мы сдали в целости. Ни единого треснутого стекла, ни единой перегоревшей лампочки, все кондиционеры на своих местах.

Дубль первый. Неудачный

Наконец наступил момент, когда колонна вытянулась для марша. Впереди шли подразделения 70-й омсбр. Проводка вышла на свои привычные места. Танки заняли привычные позиции, и первое подразделение пошло в Кандагар... Однако на этом все и застопорилось. Вскоре мимо нашей вытянувшейся в направлении Кандагара колонны стали возвращаться МТЛБ, на которых везли раненых бойцов мотострелкового батальона, который ушел на проводку. Появились слухи о том, что танки, выезжая на свои привычные места, наезжали на фугасы, и от них ничего не оставалось. Очевидно, что духи к этой встрече подготовились основательно. Поэтому речи о движении колонны в этот день не могло и быть. Все вернулись на исходные позиции. Отряд снова занял сданный афганцам городок.

Снова началось гадание на кофейной гуще. В кругу офицеров обсуждались разные варианты: выход через Калат-Газни, на Кабул, а далее, как уже вышедший в Союз 186-й отряд нашей бригады, через Саланг, на Хайратон. Кто-то предполагал, что мы здесь все оставим «зеленым», а сами улетим бортами из Кандагарского аэропорта. Точной информации не было прежде всего в целях сохранения секретности. Но, я думаю, и на нашем верху еще был не ясен конечный вариант развития событий. Наконец там договорились, и войска из гарнизона стали уходить по частям.

Прощай Кандагар!

Снова вытянулась колонна отряда. Для равномерного распределения сил по всей длине колонны походные порядки боевых подразделений разбавляли аэродромными подразделениями обеспечения и обслуживания.

Проводка нашей колонны вошла в Кандагар, а за ней пошли и мы. Проезжая через город, увидели мы и то, что осталось от танка, наехавшего на фугас во время предыдущей попытки пройти Кандагар «кавалерийским наскоком».

Еще раньше, за год или более до вывода, на «Черной площади» всю подбитую технику, которой скопилось на обочинах немало, собрали, поставили

на бок, создав, таким образом, непрерывный импровизированный забор-бруствер, защищавший движущийся транспорт от огня моджахедов. Это заметно обезопасило движение по самому рискованному участку.

Личный состав ехал на броне «по-афгански», в готовности отражать нападение противника. Как всегда, техника через Кандагар шла на максимальной скорости с интервалом 300 метров, а танки, БТРы и БМП проводки находились в готовности открыть огонь со своих позиций. Стационарные огневые точки на сопках и высотках тоже были готовы прикрыть колонну огнем. Но все было относительно спокойно. Стрельбы не было ни с той, ни с другой стороны, что являлось исключением из привычного правила.

Мне и раньше приходилось бывать в Кандагаре. Всегда при движении советской техники через город стационарные точки и бронетехника проводки вели методичный огонь «в сторону противника», вдоль улиц, по зеленке. Видимо, на этот раз тишина стволов явилась результатом достигнутой договоренности «верхов». Правда, по броне что-то цокало. Может камушки, а может все-таки пули с дальнего расстояния.

За Кандагаром колонна собралась, и далее пошли более компактно. Где-то останавливались на ночевку. Кажется, в районе Геришка к нам присоединился 370-й отряд со штабом 22-й бригады и подразделениями обеспечения и обслуживания бригадной структуры.

Моя группа двигалась в головном дозоре на трех БМП-2. На всем пути следования проверяли или обстреливали подозрительные, удобные для засадки места.

Точно помню, что несколько дней стояли в Фарахруде, ожидая 411-й отряд. Позавидовали условиям, в которых находился братский батальон. Личный состав располагался в бывшем профилактории-санатории, в комнатах с большими лоджиями, с видом на живописную речку и мирную (!) зеленку. А офицеры жили в двухэтажных коттеджах, во дворе каждого был бассейн. Мне довелось побывать у Андрея Панферова в качестве гостя в его коттедже, поплавать в бассейне. Курорт, а не ППД отряда спецназа.

За время стоянки в Фарахруде бойцы отдохнули, искупались в речке, позагорали. Даже рыбы успели наловить и побаловаться ухой.

Довольно долго стояли в Шинданде. Мы передали наши достаточно новые БТР-80 в 108-ю мсд, которая выводилась позже нас. Вместо бронетранспортеров для перевозки личного состава нам выделили новые КАМАЗы. БМП-2 оставались в строю до Союза. Их передали уже в Иолотани в десантно-штурмовую бригаду.

Вывод войск довольно плотно контролировался миротворческими силами ООН. Международные представители разных стран в голубых беретах могли воочию увидеть, как идет вывод советских войск из Афганистана.

Обеспечивая безопасность вывода

Войска, выходявшие из Афганистана, обеспечивали безопасность друг друга. В частности, около недели наш отряд на одной из точек за Гератом обеспечивал выход подразделений 70-й бригады и других частей. Они шли

с очень слабым прикрытием. Но все было довольно спокойно. Приезжали к нам местные духи. Цель была – получить от нас боеприпасы: «Командор, зачем тебе боеприпасы в Союзе? Оставь их нам, а мы тебя угостим».

Предложили соревнования по стрельбе. Стреляли по гильзам. Я это соревнование выиграл без напряжения, поскольку стрелял из своего личного АКМС, а их автоматы были абсолютно не пристреляны и били не туда, куда целишься. Заикнувшись в начале общения о пари, после этого они больше про него не вспоминали.

Периодически они приезжали в гости. Мы снова общались, устраивали очередные стрелковые соревнования. С тех пор личный состав моей группы имеет полное право считать себя победителями международных соревнований. В целом обстановка оставалась довольно спокойной, вплоть до нашего ухода.

Некоторое время стояли в Туругунди. Там нас ожидала процедура таможенного контроля. Никакой контрабанды у нас, конечно, не было, но пришлось расстаться с некоторыми сувенирами. До сих пор жаль доставшийся мне от Сергея Лежнева НР-43. Пришлось оставить и трофейные штыки, и кинжалы, и духовскую саблю.

ВЫВОД 370-го ооСпН ИЗ АФГАНИСТАНА

(В.В.Еремеев)

Первыми из Афганистана вышли отряды спецназа, которые дислоцировались в Джелалабаде и в Шахджое. А в августе 1988 года и я вывел свой отряд в Советский Союз.

На выводе наш отряд шел в составе бригады. Шли перекатами, прикрывая во взаимодействии с кандагарским и фарахским отрядами колонну выводимых войск. На подходе к Шинданду ночью в боевом охранении колонны был ранен рядовой Яблочков из роты Травкина. К сожалению, в шиндандском госпитале ему ампутировали ногу.

Первый привал был в Шинданде. Там пришлось обеспечивать безопасность ООНовских наблюдателей из экзотического Непала (во смеху-то было), прошли таможду, изъяли все лишнее, чтобы не попало в Союз. В Шинданде состоялся митинг и парад выводимых частей. Второй привал был в Туругунди – помылись перед пересечением границы, сдали боеприпасы. Третий привал был на нашей территории. Очень хотелось выпить по случаю возвращения в Союз, однако действовал горбачевский «сухой закон» и во всей колонне не нашлось и грамма спиртного.

Весь путь от Лашкаргаха до Кушки со мной на броне ехали корреспонденты из наших и зарубежных газет, а писатель Александр Проханов – до Герата. Незадолго до вывода он прибыл в Лашкаргах, жил в отряде и знакомился с нашей боевой деятельностью. В Герате мой бэтээр с Прохановым и

журналистами на борту обстреляли из толпы. Радикалы хотели спровоцировать ответный огонь, я уже дал команду «К бою!» и запихал пассажиров в броню, но командир бригады Александр Тимофеевич Гордеев проявил завидную выдержку и провокация сорвалась.

6-й омсб «СПЕЦНАЗ» пересек границу 11 августа 1988 года. Первое, что я увидел на нашей стороне, переехав мост – выбеленную известью мазанку с огромными буквами «БУФЕТ». Встречали нас туркмены с цветами, лепешками, зеленью. В Кушке состоялся митинг. Отряд в составе бригады совершил марш от Лашкаргаха до Иолотани. В Иолотани мы несколько дней приводили себя в порядок на полигоне 56 одшбр у Толи Варцабы в ожидании погрузки на эшелон до Чучково.

В Иолотани генерал А. Колесников из Ставки войск южного направления, будущий начальник Генерального штаба, популярно разъяснил нам, что афганская война не пользуется уважением в Союзе и нас здесь не ждут. В Иолотани из Чучково прибыла делегация во главе с Сашей Чернецким для сопровождения отряда в ППД. Эшелон шел до Чучково неделю.

30 августа 1988 года 6-й омсб «СПЕЦНАЗ» под Боевым Знаменем торжественно вошел в Чучково. Хлебом и солью встречали воинов-интернационалистов, с честью выполнивших свой долг, комбриг Анатолий Неделько и местные жители.

Прошло много лет с тех давних пор. Практически все участники афганских событий давно закончили государственную службу. Судьбы офицеров и солдат отряда сложились по-разному. Андрей Перемитин погиб в Первой чеченской кампании, Кошелев – во Второй. Ушли из жизни славные командиры: Ахмедшин, Плужников, Матвеев, Козловский, легендарный Веснин. Многие ребята после развала СССР стали успешными бизнесменами, но немало и тех, кто не смог смириться с новыми реалиями жизни. Кое-кто стал «солдатом удачи». Семь офицеров 6-го омсб стали командирами отдельных бригад (высшая командирская должность в спецназе): Иван Михайлович Крот (командовал полком и бригадой), Александр Гурьевич Фомин, Владислав Васильевич Еремеев, Петр Семенович Липиев (командовал двумя бригадами), Юрий Александрович Мокров (командовал двумя бригадами), Сергей Владимирович Бреславский, Валерий Юрьевич Травкин. Стали большими начальниками Миша Федин, Вова Чернышов, Эльбрус Фидаров. А.Г. Фомин и В.Ю. Травкин стали генералами. Легендарный выпускник 9-й роты РВДУ Александр Гурьевич Фомин был тяжело ранен в Чечне, за подвиг в бою с террористами ему присвоено высокое звание Героя России.

Теперь песок в пустыне Регистан осваивает английский принц Гарри, и весь мир восхищается им...

ИЗ ИСТОРИИ 411-го ооСпН (май 1988 – август 1988)

(В.А.Мертаищев)

Интернациональный долг выполнен

С того времени, когда произошли описываемые события, уже прошло немало лет. Вполне естественно, что многое забылось, стерлось в памяти, может быть, выглядит лучше, чем было тогда. В то время у всех у нас было одно существенное преимущество – мы были молодыми. А причастность к великим событиям – участие в выполнении интернационального долга в Афганистане – сама по себе исключала всякие мысли, что какая-то задача может быть не выполнена.

Для всех нас, проходивших службу в Афганистане, 1988 г. особых изменений не принес. Мы также продолжали выполнять интернациональный долг. Однако в воздухе чувствовалось приближение перемен. Связаны они были, прежде всего, с изменением внутривойскового курса руководства Афганистана.

С вступлением на руководящий пост первого лица в ДРА Наджибуллы в январе 1987 г., в ОКСВА все чаще стали поговаривать о том, что политическое руководство СССР считает интернациональный долг перед ДРА со стороны СССР выполненным и уже прорабатывается вопрос о выводе советских войск на родину. Такие разговоры то затухали, то вновь активизировались, что в прочем никак не отразилось на боевых действиях. Все шло своим чередом: офицеры заменялись по плану, солдаты – в соответствии со сроком службы.

Снова этот вопрос уже более серьезно начали прорабатывать с наступлением 1988 г., хотя еще продолжалась довольно масштабная войсковая операция «Магистраль» на востоке Афганистана и планировалась войсковая операция «Юг-88». Мы, конечно, могли только догадываться о том, что делается в верхних штабах. Но уже в феврале этого года в батальоне приступили к планированию вывода, проработке поэтапного вывоза и сдачи на армейские склады имущества, подготовке проведения других соответствующих такому случаю мероприятий. Первоначально сроки были привязаны к марту месяца.

Однако в марте, когда основные расчеты были подготовлены, до всего личного состава была доведена информация о том, что в связи с осложнением обстановки на территории РА (в середине 1987 г. наименование страны было изменено: Демократическая Республика Афганистан стала называться Республика Афганистан) вывод откладывается. Для нас это новостью не было. Единственным ограничением для офицеров стало внесение изменений в график замены и отпусков: их просто отменили, хотя некоторые случаи все-таки были.

В мае 1988 г. для поступления в академию убыл командир батальона Худяков А.Н. и заместитель командира по политической части Князь С.Н. Дела и должность последнего принял прибывший из Кандагара Панферов А.Б.,

очень быстро вросший в обстановку и влившийся в коллектив. Вместо Владимира Мухина на должность заместителя из Лашкаргаха приехал Сан Са-ныч Белик с должности дежурного по ЦБУ 370-го ооСпН.

Порядок вывода

Необходимо отметить, что основной костяк офицеров в батальоне к этому времени уже служил в Афганистане год-полтора, поэтому особых проблем служба не создавала.

В мае было приостановлено увольнение личного состава в запас. Тогда личному составу было предложено написать рапорты о желании продолжить службу сверх установленного срока до вывода. Бойцы проявили патриотизм и сознательность, и в основном все написали их.

С мая месяца начала работать оперативная группа армии по подготовке первого этапа вывода войск. Парадоксально то, что нам никто ничего не говорил о сроках и порядке вывода отряда.

В мае месяце 186-й ооСпН вышел через Газни и Кабул в район Хайратона, где встал для обеспечения вывода войск из Восточной зоны, в частности, 154-го ооСпН из Джелалабада и 334-го ооСпН из Асадабада. 668-й и 177-й отряды оставались до февраля 1989 г. и обеспечивали вывод войск на втором этапе. 173-й, 370-й и 411-й отряды вместе со штабом бригады выходили на первом этапе во вторую очередь, в августе 1988 г.

Боевые действия приобретали все большую направленность по обеспечению безопасности военных городков, что к июлю месяцу выразилось в сокращении удаления выходов разведывательных групп. Если раньше уходили до 180 километров, то теперь дальность облета не превышала 50 километров. Дальность выхода на броне, также была ограничена до 70 километров. Этим немедленно воспользовались моджахеды, которые произвели несколько обстрелов нашего расположения реактивными снарядами. Однако надо сразу заметить, что это имело скорее психологическое воздействие, поскольку попаданий, которые бы нанесли какой-либо урон, не было. Это объясняется тем, что обстрел духи проводили, используя примитивные направляющие и несовершенные прицелы, когда огонь велся при помощи пусковой установки. Также и мест, удобных для того, чтобы произвести прицельный обстрел при помощи ПУ и безнаказанно уйти в радиусе 5–7 км (эффективная дальность РС китайского производства), в нашем районе не было. Местность была открытой, а кишлачная зона шла вдоль реки Фарахруд. У нас охранение тоже не дремало. И при обнаружении подозрительного движения батареи «Град» и самоходные гаубицы «Гвоздика» открывали огонь на поражение. На ближних подступах находились танки в капонирах, которые в ночное время вели разведку местности при помощи ночных прицелов.

Дату вывода мы вычислили

Тогда же в июле месяце командованием бригады была поставлена задача по подготовке городка и соответствующих документов к передаче афганским частям и подразделениям. Эта задача в конечном итоге была выполнена.

Неожиданно в конце июля поступила команда уволить в запас солдат, выслуживших установленный срок службы. Поскольку задача была срочная, то ни о каких партиях увольняемых речи не шло. Раньше нам давали дни и количество увольняемых, которые должны были прибыть в Шинданд к указанному сроку, то в этот раз все случилось неожиданно. Самолет доставил молодое пополнение. Команда поступила вечером, и мы срочно вертолетами перебрасывали в Шинданд увольняемых в запас, а оттуда теми же бортами доставляли молодое пополнение в отряд. Все делалось в страшной спешке, включая оформление документов на увольнение в запас.

Второго августа прилетел Член Военного Совета Армии генерал Захаров, вручил комсомольские знаки «За воинскую доблесть», которые остряки прозвали «Отличник пятилетки», и улетел, снова ничего не сказав нам о сроках вывода.

О том, что и нам пора в дорогу мы узнавали по косвенным признакам. Например, по-моему, 3 августа выходил 173-й отряд из Кандагара. Они остановились у нас на ночлег. Кстати, и об их прибытии мы узнали по факту.

Наспех накрыли поляну, немного посидели вечером. Кандагарским отрядом тогда командовал капитан Сергей Бреславский, который и сказал, что на него возложена задача по обеспечению беспрепятственного прохождения нашими подразделениями участка маршрута севернее Герата. Встретились мы с ними очень хорошо и на следующий день также тепло проводили в надежде на скорую встречу в Шинданде.

О нашем выводе по-прежнему никто ничего конкретного не говорил. Но, слава Богу, в отряде были довольно опытные офицеры на должностях заместителей и начальников служб. Вот по косвенным признакам, которые они определяли, мы и ориентировались.

Приходит зампотех подполковник Михаил Максимович Крутых и говорит: «Надо бы нам начинать колонну вытягивать. Колонны с юга идут. Вертолеты летят». Приходит начальник связи и говорит, что связь пропала. Позвонил, – сказали, что они уже свернулись.

Вот так вот вычисляли примерное время начала нашего движения и готовились, выстраивая колонны, загружая имущество и проч.

На наше место дислокации должна была прийти 21-я дивизия ВС Афганистана. Городок, конечно, было жаль. Мы его очень хорошо обустроили и все восстановили. У нас стояли три паровозных движка, которые обеспечивали работу электростанции. Мы полностью были автономны и постоянно имели и свет, и воду, чего в округе не было. Одним словом – оазис.

Пришлось все сдать, когда пришел афганский полк, а они уже на третий день движки запароли. Готовили горячую пищу мы по-прежнему в столовой и питались там, а бойцы наши уже жили на технике.

Всю гусеничную технику: БМП и «Шилки» мы отправили своим ходом в Шинданд. А «Шилки» потом ушли в Торугуди. У нас в колонне оставалась только колесная техника.

Никак не удавалось поймать губернатора с начальником штаба дивизии. Губернатор должен был поставить подпись о том, что городок принят, а на-

чальник штаба – поставить печать. В конце концов подписать у губернатора акты смогли, а печать по-прежнему поставить не удавалось. Начальник штаба постоянно где-то отсутствовал, то на боевых, то еще где-то.

Несмотря на то что вывода ждали и были уверены в его неизбежности, команда поступила, как всегда, неожиданно. 4 августа примерно в 22.30 звонок начальника штаба бригады майора Рудого:

— Ты знаешь время начала движения своей колонны?

— Нет, — отвечаю.

— В пять утра.

— У меня акт передачи городка подписан, но печати нет.

— Почему?

— Потому что время никто не определял. Сказали, по возможности подписать и печать поставить. Такая возможность до сих пор не представилась.

— Ты мне загадки не загадывай. Звони в Кабул.

Позвонил я в Кабул. Там мне сказали, что до пяти утра время еще есть. Надо вопрос решить.

Утром через ретранслятор по Р-392 связался с советниками и объяснил проблему. Пока говорили, показалась колонна нашей бригады.

Как выяснилось, согласно плану предполагалось весь маршрут разбить на две части: до Шинданда и после него.

Собственно говоря, маршрут до Шинданда и далее в сторону государственной границы был изучен достаточно хорошо, если не сказать больше. Связано это было с тем, что еженедельно у нас отправлялась автоколонна за материальными средствами на дивизионные склады в Шинданд и реже, но тоже достаточно регулярно, до перевалочной базы в Турагунди.

Все по плану

Поэтому все прошло по плану. Двинулись в путь. Надо заметить, что местные органы провели среди населения сильную пропаганду. Были выпущены листовки, где рука отводила прицел автомата, где была изображена советская колонна.

Только на одном из участков пришлось задержаться. Саперы обнаружили мины и обезвреживали. Вообще мы шли уверенно, но из-за этого пришли в Шинданд только к вечеру. В Шинданде технику вытянули в колонну, а нас разместили справа от трассы. К исходу 5 августа весь батальон сосредоточился в Шинданде. В этот же день, практически вслед за нами, туда прибыли управление бригады и лашкаргахский батальон (командир подполковник В.Еремеев). Таким образом, уже 5 августа вся бригада сосредоточилась в этом пункте. После нескольких дней, проведенных в Шинданде, 10 августа после торжественного митинга, на который специально прилетел член Военного Совета ТуркВО, вся колонна пришла в движение и начала выдвижение к государственной границе, куда мы прибыли к исходу этого же дня.

В целом можно сказать, что эта часть марша прошла без каких-либо осложнений. Связано это было с тем, что сам марш был хорошо спланирован, проведена серьезная работа с местным населением со стороны со-

ветников всех уровней всех ведомств, военного руководства 40-й Армии. Кроме того, на всем протяжении маршрута были выставлены блокпосты от 5-й гвардейской мсд. Особенно запомнилось, когда проходили Герат, этот древний город, упоминавшийся еще в записях о походах Александра Македонского и даже ранее. Вдоль всего маршрута по городу стояли люди в праздничных одеждах с цветами в руках. И казалось, что их отношение к нам было очень искренним.

По прибытии в Турагунди отличились тыловые службы, поскольку несмотря ни на глубокую ночь, ни другие обстоятельства, была организована сдача несданных в Шинданде боеприпасов, обслуживание техники и даже помывка личного состава в бане. Кое-кому даже удалось перехватить 2–3 часа сна. До сих пор глубокое уважение вызывают водители, как и когда они успевали все делать – непонятно. Если солдаты других специальностей могли в ходе марша и подремать, то эти должны были все время быть на чеку.

В 06.00 11 августа 1988 г. батальон в составе бригады пересек государственную границу СССР.

Командиры 22-й отдельной бригады спецназ в 1976–1988 гг.

Воинск. звание	Фамилия, имя, отчество	Период командования
подполковник	Мороз Иван Кириллович	07.1976–08.1979
подполковник	Груздев Сергей Иванович	08.1979–08.1983
п/п-к, полк-к	Герасимов Дмитрий Михайлович	08.1983–07.1987
подполковник	Сапалов Юрий Александрович	07.1987–04.1988
полковник	Гордеев Александр Тимофеевич	09.1987*–08.1988

Командиры отдельных отрядов СпН 22-й обрСпН

Воинск. звание	Фамилия, имя, отчество	Период командования
----------------	------------------------	---------------------

177-й ооСпН, «второй батальон» (Маймене, Руха, Гульбахор, до марта 1985)

майор, п/п-к	Керимбаев Борис Туkenovich	02.1981–10.1983
подполковник	Квачков Владимир Васильевич	10.1983–02.1984
подполковник	Грязнов Владимир Алексеевич	02.1984–05.1984
капитан	Кастыпкаев Бахыт Мукашевич	08.1984–11.1984
майор	Юдаев Вячеслав Васильевич	11.1984–07.1985

173-й ооСпН, «третий батальон» (р-н г. Кандагар)

капитан, майор	Мурсалов Тахир Якубович	11.1984–10.1985
капитан, майор	Бохан Сергей Константинович	10.1985–06.1987
майор, п/п-к	Горатенков Валерий Александрович	06.1987–05.1988
капитан	Бреславский Сергей Владимирович	05.1988–08.1988

370-й ооСпН, «шестой батальон» (г. Лашкаргах)

майор	Крот Иван Михайлович	03.1985–08.1986
капитан	Фомин Александр Гурьевич	08.1986–05.1987
майор	Еремеев Владислав Васильевич	05.1987–08.1988

186-й ооСпН, «седьмой батальон» (р-н г. Шахджой)

подполковник	Федоров Константин Константинович	04.1985–05.1985
капитан, майор	Лихидченко Александр Иванович	05.1985–03.1986
майор, п/п-к	Нечитайло Александр Иванович	03.1986–04.1988
майор, п/п-к	Борисов Алексей Евгеньевич	04.1988–05.1988

411-й ооСпН, «восьмой батальон» (Фарахруд)

капитан	Фомин Александр Гурьевич	10.1985–08.1986
майор	Крот Иван Михайлович	08.1986–02.1986
майор	Юрченко Александр Евгеньевич	12.1986–04.1987
майор	Худяков Александр Николаевич	04.1987–08.1988
майор	Мертвищев Виталий Александрович	04.1988*–08.1988

**СПИСОК ПОТЕРЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА
22-й отдельной бригады специального назначения
с 1981 по 1989 гт.**

Управление 22-й обрСпН

прапорщик	Аббасов Вагиф Муталибович	07.05.1987
рядовой	Абдуллаев Ибрагим Саллендин-оглы	16.02.1987
рядовой	Андросов Артур Кларкович	07.05.1987
капитан	Губенко Михаил Семёнович	07.05.1987
ст. прапорщик	Жакпаев Уазыркан Увалиевич	07.05.1987
ст. прапорщик	Нагуманов Минегали Закизянович	28.03.1987
рядовой	Писарев Евгений Анатольевич	07.05.1987
ст. лейтенант	Польский Валерий Геннадьевич	06.02.1988
рядовой	Путкарадзе Тенгиз Георгиевич	16.02.1987
капитан	Радчевский Геннадий Иванович	04.12.1985
рядовой	Ткаченко Виталий Владимирович	21.09.1987
рядовой	Уринбаев Абдирашид Абдисаттарович	16.02.1987
капитан	Фазлиев Александр Гатович	07.05.1987
рядовой	Халиков Бахритдин Эргашевич	16.02.1987
прапорщик	Хачатрян Павлик Торникович	07.05.1987

177-й ооСпН (до марта 1985 г.)

рядовой	Абдрахимов Ербол Рафаэльевич	23.09.1982
рядовой	Абдулахаев Бахтияр Боходырханович	22.01.1985
рядовой	Абдылдаев Курмантек Туменбаевич	02.11.1982
рядовой	Аболик Александр Иванович	14.01.1984
рядовой	Авизов Закир Кузыевич	12.09.1982
рядовой	Адаменко Дмитрий Васильевич	29.09.1984
рядовой	Аксенов Сергей Николаевич	30.07.1982
мл. сержант	Алеев Владимир Геннадьевич	04.11.1983
рядовой	Анаров Алтынбек Ализахович	03.10.1984
сержант	Ахметов Базарбай Турашович	02.07.1982
ст. лейтенант	Ахметов Калибек Газизович	15.05.1982
сержант	Аюченко Олег Петрович	11.06.1982
ефрейтор	Байджанов Равиль Умаралиевич	27.08.1982
сержант	Баркин Николай Александрович	04.07.1982
капитан	Батуев Батожан Бимбаевич	03.07.1982
ефрейтор	Беззубцев Андрей Евгеньевич	10.06.1983
рядовой	Бекботаев Владимир Александрович	04.07.1982
рядовой	Белов Александр Анатольевич	21.12.1985
ст. лейтенант	Белов Виктор Владимирович	20.03.1985
сержант	Белозор Леонид Павлович	02.07.1982
рядовой	Бердалиев Зарылбек Сасыкулович	25.08.1982
рядовой	Бердиев Олег Турдиевич	05.06.1984

ст. лейтенант	Березин Владимир Юрьевич	15.12.1981
рядовой	Богданов Валерий Борисович	09.07.1984
мл. сержант	Богомолов Владимир Николаевич	20.03.1985
прапорщик	Бондарь Евгений Дмитриевич	14.01.1984
прапорщик	Бубенцов Александр Николаевич	10.07.1982
прапорщик	Великоборец Виктор Александрович	18.01.1984
рядовой	Виняр Пётр Иосифович	16.10.1984
мл. сержант	Вислобоков Константин Александрович	04.11.1983
рядовой	Волков Александр Викторович	20.12.1982
мл. сержант	Гимазетдинов Ханиф Кашфетдинович	04.11.1983
рядовой	Гладышев Пётр Александрович	03.02.1984
сержант	Гуляев Александр Васильевич	14.01.1984
ефрейтор	Гуляев Виктор Николаевич	04.11.1983
рядовой	Давыдов Алексей Евгеньевич	14.12.1981
ефрейтор	Деревянчук Андрей Иванович	23.09.1982
мл. сержант	Джумаканов Ерболат Кумарбекович	09.09.1984
рядовой	Долгих Александр Витальевич	17.09.1982
ст.сержант	Ефанов Александр Александрович	27.08.1982
сержант	Желудков Александр Викторович	14.12.1983
рядовой	Животков Андрей Николаевич	01.08.1982
рядовой	Жилинский Дмитрий Романович	10.07.1982
рядовой	Жильников Виктор Иванович	10.07.1982
мл. сержант	Забродин Владимир Николаевич	13.07.1984
рядовой	Залевский Владимир Александрович	14.01.1984
рядовой	Золотухин Александр Васильевич	08.07.1983
ефрейтор	Иванов Андрей Алексеевич	07.11.1981
рядовой	Игнатенко Юрий Николаевич	22.10.1984
сержант	Ишмаев Шамиль Сабаханович	11.11.1982
ст. лейтенант	Казакон Андрей Владимирович	20.03.1985
мл. сержант	Карпов Константин Николаевич	13.01.1984
рядовой	Катасонов Игорь Анатольевич	10.07.1982
рядовой	Кахаров Гафур Махмудович	12.11.1984
сержант	Кожанов Сергей Викторович	05.11.1983
рядовой	Колесов Сергей Геннадьевич	07.11.1982
сержант	Кононов Александр Борисович	19.11.1982
ст. сержант	Круглов Владимир Анатольевич	20.11.1982
рядовой	Латипов Хайбулло Абдуллоевич	23.09.1982
мл. сержант	Лепидов Александр Валентинович	13.12.1983
ст. лейтенант	Литвинов Владимир Владимирович	30.06.1984
сержант	Лушников Геннадий Анатольевич	27.08.1982
мл. сержант	Мажатов Руслан Анатольевич	03.07.1982
рядовой	Макаренко Юрий Николаевич	11.06.1982
мл. сержант	Макаров Александр Евгеньевич	14.01.1984
мл. сержант	Максимов Олег Анатольевич	17.01.1982
рядовой	Маликов Игорь Ирикович	16.11.1982

майор	Махметов Орынбек Охан-Улы	20.03.1985
ст. лейтенант	Мирошниченко Сергей Михайлович	14.01.1984
сержант	Михайлов Олег Александрович	24.03.1985
ефрейтор	Моминов Абдусамат Бегмуратович	14.01.1984
рядовой	Мухамедъяров Марат Сайфулович	28.09.1984
мл. сержант	Назаров Абдузохид Саидович	08.08.1984
сержант	Нех Юрий Павлович	10.06.1982
рядовой	Никонов Валерий Анатольевич	23.12.1983
сержант	Ниязов Маркс Сибгатович	14.01.1984
лейтенант	Нуманов Раим Абдуллаевич	23.03.1985
ст. лейтенант	Оразалиев Хурсанали Маликович	14.08.1982
ефрейтор	Оспанов Мухтар Залелович	12.05.1982
рядовой	Останаев Абдусатор Фатахович	10.07.1982
рядовой	Перфильев Александр Васильевич	11.06.1982
рядовой	Петров Александр Александрович	24.05.1982
рядовой	Петров Александр Алексеевич	16.09.1984
рядовой	Попов Александр Владимирович	29.06.1984
рядовой	Рахимов Абдукаххар Абдуллакович	14.01.1984
сержант	Савченко Юрий Васильевич	25.03.1983
рядовой	Садыков Дайыр Абылович	30.07.1982
сержант	Сиваченко Юрий Витальевич	30.01.1983
мл. сержант	Синельников Николай Анатольевич	13.12.1983
рядовой	Ситников Анатолий Александрович	12.09.1982
рядовой	Скуляк Николай Иванович	03.08.1983
ефрейтор	Смирнов Вадим Николаевич	14.01.1984
мл. сержант	Страшнов Андрей Николаевич	05.07.1984
рядовой	Сулиев Мейралы Едигарович	30.07.1982
рядовой	Табаров Раджабали Сафаралиевич	20.07.1982
рядовой	Ташев Муратбек Нумутбекович	31.08.1983
мл. сержант	Ташнабаев Исманжан Кучкарович	12.09.1982
сержант	Тердикбаев Тойбек Джекшенович	12.10.1982
рядовой	Токмаков Владимир Александрович	23.12.1982
рядовой	Толибов Садри Хасанович	04.11.1983
рядовой	Толмачев Олег Филиппович	30.06.1984
ст. лейтенант	Трепавлов Анатолий Лингардович	20.03.1985
мл. сержант	Тураходжаев Сирожиддин Садырович	14.01.1984
рядовой	Упеков Канат Перненбаевич	23.09.1982
рядовой	Хаитбаев Бахтиер Одилевич	02.10.1984
рядовой	Хамдамов Ислам Акрамович	18.07.1983
прапорщик	Харитонов Владимир Александрович	13.01.1984
прапорщик	Хребтов Валерий Геннадьевич	18.06.1984
рядовой	Чернов Виталий Владимирович	10.03.1982
рядовой	Шемелин Виктор Константинович	03.11.1982
мл. сержант	Шульга Сергей Викторович	23.05.1984
рядовой	Шумаков Сергей Иванович	06.07.1982

рядовой	Щербаков Александр Анатольевич	14.01.1984
рядовой	Эгамов Ибодулло Файзуллаевич	08.08.1982
рядовой	Юлдашев Марат Гафурович	30.06.1984
ефрейтор	Ярошевич Александр Борисович	21.06.1983
Пропали без вести:		
рядовой	Абдурашидов Юсуф Абдулагаевич	05.08.1982
сержант	Ануфриев Михаил Викторович	02.07.1982

173-й ооСнН

рядовой	Авдевич Сергей Дмитриевич	25.05.1988
рядовой	Аверьянов Александр Юрьевич	27.10.1985
лейтенант	Акбулатов Мансур Равильевич	19.05.1987
рядовой	Антипенко Геннадий Николаевич	21.04.1987
рядовой	Арончик Александр Леонидович	01.02.1986
рядовой	Арсенов Валерий Викторович	28.02.1986
рядовой	Ахмедов Искандер Абубакирович	07.02.1986
рядовой	Базлов Александр Владимирович	30.09.1984
мл. сержант	Бардин Александр Михайлович	25.08.1987
сержант	Бевз Игорь Анатольевич	28.08.1984
лейтенант	Бескровных Игорь Константинович	26.04.1986
рядовой	Бобожонов Алифон Атаханович	19.10.1984
рядовой	Бурдунюк Иван Григорьевич	06.08.1985
Рядовой	Бутаев Гайратшо Абдусатторович	21.04.1987
рядовой	Велигурский Юрий Владимирович	21.04.1987
рядовой	Веремчук Николай Анатольевич	24.10.1987
рядовой	Власов Владимир Викторович	09.04.1985
рядовой	Волков Владимир Александрович	24.10.1987
рядовой	Волков Вячеслав Анатольевич	02.05.1987
рядовой	Гладкий Константин Викторович	29.11.1986
мл. сержант	Горобец Вячеслав Владимирович	24.10.1987
сержант	Горожанцев Александр Яковлевич	25.04.1986
сержант	Горячев Андрей Станиславович	24.10.1987
рядовой	Гричак Валерий Петрович	04.01.1987
мл. сержант	Давронов Давронжон Тургунбаевич	01.03.1985
рядовой	Дергач Евгений Михайлович	21.04.1987
рядовой	Евдокимов Олег Викторович	21.08.1987
мл. сержант	Егоров Олег Сергеевич	24.10.1987
рядовой	Зеленин Сергей Николаевич	02.05.1987
прапорщик	Зубанов Василий Викторович	22.06.1984
рядовой	Илинбаев Анатолий Илаевич	04.10.1984
рядовой	Касидов Сергей Александрович	21.04.1987
сержант	Калжикеев Батырбек Мусатаевич	21.05.1985
мл. сержант	Каменский Геннадий Викторович	24.10.1984
рядовой	Каменсков Юрий Иванович	29.09.1984
мл. сержант	Капустин Иван Владимирович	21.04.1987

рядовой	Каримов Акрамжан Абдумуталович	21.04.1987
рядовой	Кахидзе Тенгиз Тиглаевич	30.04.1984
майор	Ковтун Владимир Андреевич	21.04.1987
мл. сержант	Козлов Алексей Викторович	21.05.1987
мл. сержант	Константинов Виктор Олегович	24.10.1987
сержант	Краваль Александр Брониславович	21.04.1987
ст. лейтенант	Куба Сергей Владимирович	26.01.1986
рядовой	Курка Пётр Иванович	09.04.1985
рядовой	Кучерявец Николай Григорьевич	21.05.1987
рядовой	Кушаков Александр Михайлович	31.10.1986
рядовой	Лебедкин Юрий Александрович	21.04.1987
лейтенант	Лежнёв Сергей Валентинович	02.05.1987
капитан	Мазитов Марат Гильметдинович	22.03.1985
мл. сержант	Манченко Альберт Владимирович	29.11.1986
рядовой	Мартынюк Игорь Витальевич	21.04.1987
сержант	Махцаев Иса Салаудинович	17.09.1986
рядовой	Мелехов Игорь Петрович	08.04.1984
рядовой	Михайленко Олег Михайлович	23.06.1984
рядовой	Наимов Бахриддин Мирзоодилович	24.10.1987
ст. лейтенант	Ненно Михаил Николаевич	21.04.1987
рядовой	Непесов Таныркули Мерездурдыевич	02.12.1986
рядовой	Новицкий Василий Иванович	12.03.1988
рядовой	Оразалин Серикбай Балхашбаевич	17.09.1986
рядовой	Ошомок Сергей Александрович	24.10.1987
рядовой	Павлюшин Павел Валерьевич	17.09.1986
рядовой	Пахно Сергей Вадимович	21.04.1987
капитан	Попов Валерий Анатольевич	10.01.1987
мл. сержант	Порошин Александр Николаевич	12.10.1985
капитан	Прокопчук Константин Васильевич	21.04.1987
ст. лейтенант	Пустовой Владимир Витальевич	16.06.1985
рядовой	Расулов Захиршок Умарович	11.05.1986
сержант	Рафиев Назим Магеррам-оглы	10.01.1987
рядовой	Сарабашян Арменак Сурунович	22.03.1985
рядовой	Седых Александр Павлович	28.02.1985
рядовой	Скачков Сергей Иванович	26.05.1987
рядовой	Смоляной Владимир Александрович	17.09.1986
майор	Удовиченко Владимир Михайлович	24.10.1987
рядовой	Филимонов Алексей Викторович	20.05.1985
рядовой	Хлибийчук Станислав Степанович	21.05.1987
сержант	Цымбал Виктор Юрьевич	21.04.1987
мл. сержант	Чайка Анатолий Николаевич	04.05.1984
рядовой	Чинкин Виктор Станиславович	17.09.1985
сержант	Члачидзе Зураб Спартакович	27.12.1985
ефрейтор	Шакиров Ильмир Абузарович	04.01.1987
капитан	Шапочкин Олег Аркадьевич	06.03.1985

мл. сержант	Шахмат Тарас Михайлович	10.01.1987
мл. сержант	Шелег Игорь Геннадьевич	08.08.1986

186-й ооСнН

мл. сержант	Абдукадыров Ильхом Абдуганиевич	13.07.1986
рядовой	Алимов Рустам Турабович	31.10.1987
мл. сержант	Атажанов Рузимбай Режемович	26.11.1986
ефрейтор	Афанасьев Григорий Викторович	03.10.1985
рядовой	Бельдеман Александр Григорьевич	15.07.1985
рядовой	Борисов Александр Викторович	15.04.1986
рядовой	Борщ Василий Андреевич	19.03.1986
рядовой	Быков Алексей Владимирович	21.03.1988
мл. сержант	Войцеховский Сергей Петрович	13.11.1986
рядовой	Далабаев Шакир Пулатович	23.09.1987
рядовой	Джафаров Таир Теймур-оглы	31.10.1987
лейтенант	Довгуля Валентин Николаевич	26.11.1986
рядовой	Иванов Олег Леонтьевич	31.10.1987
мл. сержант	Исламов Юрий Верикович	31.10.1987
рядовой	Лазарев Михаил Анатольевич	14.07.1987
рядовой	Москаленко Игорь Васильевич	31.10.1987
рядовой	Мурадов Яшар Исбендияр-оглы	31.10.1987
рядовой	Мурадян Марат Бегеевич	31.10.1987
рядовой	Новиков Александр Борисович	26.07.1987
лейтенант	Новиков Сергей Васильевич	07.07.1985
сержант	Оксак Олег Павлович	19.10.1985
ст. лейтенант	Онищук Олег Петрович	31.10.1987
рядовой	Опаец Валерий Константинович	19.04.1986
рядовой	Опеевалов Александр Владимирович	03.06.1985
рядовой	Пустаков Кудратулло Негманович	15.07.1985
рядовой	Салахиев Эркин Искандарович	31.10.1987
рядовой	Сапаев Боходир Каримович	07.05.1988
мл. сержант	Сидоренко Роман Геннадьевич	31.10.1987
ефрейтор	Скопец Павел Владимирович	31.03.1987
мл. сержант	Солдатов Владимир Юрьевич	15.06.1985
рядовой	Солиходжаев Джура Исходжаевич	01.08.1985
ефрейтор	Стельмашук Александр Михайлович	07.07.1985
ст. лейтенант	Схабенко Николай Николаевич	05.11.1985
рядовой	Тарнавский Валерий Болеславович	27.07.1985
мл. сержант	Тищенко Анатолий Григорьевич	03.10.1985
рядовой	Фаррахов Эраст Ранасович	08.12.1986
рядовой	Фурман Александр Николаевич	31.10.1987
рядовой	Хасанов Абдували Сангакович	13.08.1987
рядовой	Хроленко Михаил Владимирович	31.10.1987
рядовой	Юлдашев Артиквей Абдурашидович	08.08.1985
рядовой	Ютовец Николай Леонидович	07.07.1985

370-й ооСнН

лейтенант	Альбицкий Ян Валерьевич	01.07.1988
рядовой	Андреев Алексей Николаевич	19.01.1986
рядовой	Атанбаев Иржанбай Буранбаевич	06.12.1985
мл. сержант	Бабуцкий Сергей Александрович	07.06.1987
лейтенант	Бахметов Виктор Валентинович	13.08.1986
ст. лейтенант	Бородин Григорий Леонтьевич	29.06.1985
рядовой	Винник Иван Богданович	07.05.1987
сержант	Волков Евгений Николаевич	04.09.1985
мл. сержант	Гавриленко Сергей Николаевич	07.02.1988
сержант	Голощاپов Андрей Юрьевич	06.02.1989
рядовой	Гостев Владимир Викторович	06.12.1985
мл. сержант	Драчук Андрей Иванович	19.01.1986
ст. лейтенант	Жамлиханов Рашид Камилович	06.12.1985
ст. лейтенант	Зубишин Николай Николаевич	06.12.1985
мл. сержант	Кайв Ао Аларович	19.01.1986
рядовой	Калевич Дмитрий Иванович	19.01.1986
мл. сержант	Кирсанов Александр Геннадьевич	06.12.1985
лейтенант	Козлов Владимир Семенович	03.07.1985
мл. лейтенант	Колпациков Константин Николаевич	07.02.1988
сержант	Кулаев Владимир Борисович	06.12.1985
мл. сержант	Куприянов Евгений Анатольевич	06.12.1985
рядовой	Лабутин Игорь Владимирович	23.01.1988
рядовой	Лавренчук Олег Иванович	12.12.1986
рядовой	Лебедев Дмитрий Анатольевич	06.02.1988
рядовой	Маркитанов Сергей Михайлович	06.12.1985
рядовой	Масленков Игорь Викторович	19.01.1986
рядовой	Мельников Андрей Александрович	03.07.1985
ефрейтор	Миллер Александр Яковлевич	06.12.1985
сержант	Мионов Вадим Петрович	16.03.1987
мл. сержант	Мостяев Николай Иванович	06.12.1985
рядовой	Николенко Сергей Владимирович	06.12.1985
рядовой	Русин Николай Павлович	06.12.1985
рядовой	Рылов Владимир Николаевич	03.07.1985
рядовой	Савченко Геннадий Александрович	07.07.1985
ефрейтор	Содиков Акбар Ганиевич	06.12.1985
мл. сержант	Чечун Николай Константинович	29.08.1987
мл. сержант	Шамсудинов Курбонали Айнидович	07.10.1987
рядовой	Шкарин Сергей Алексеевич	25.09.1987
рядовой	Яцкив Богдан Степанович	28.08.1987

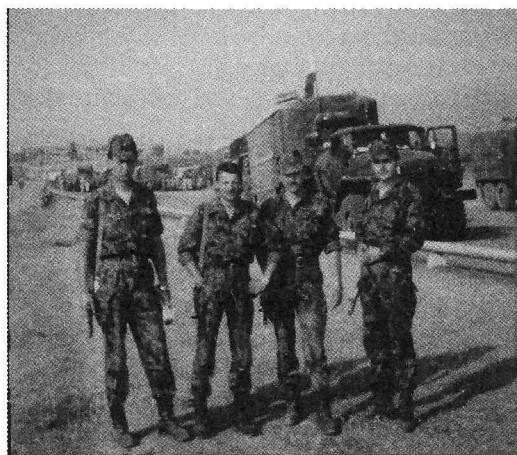
411-й ооСнН

мл. сержант	Абдурахманов Ибрахим Махкамбаевич	28.04.1986
рядовой	Адамавичюс Стасис Генрикович	02.08.1986
рядовой	Амонкявичюс Арвидас Ионович	02.05.1986

рядовой	Бабаян Мартирос Васильевич	12.08.1987
рядовой	Байданов Рысбай Усенбаевич	02.11.1987
мл. сержант	Белинский Юрий Николаевич	23.03.1987
капитан	Быков Вадим Вячеславович	30.10.1986
ст. лейтенант	Гончар Валерий Николаевич	29.02.1988
ст. лейтенант	Грицишин Пётр Иванович	12.08.1987
мл. сержант	Джураев Солик Абдираззакович	19.12.1986
рядовой	Егоров Николай Геннадьевич	03.03.1988
рядовой	Зенька Валдис Брониславович	28.04.1986
мл. сержант	Максюта Юрий Григорьевич	28.04.1986
лейтенант	Низамеев Ленар Азатович	28.03.1987
ефрейтор	Рабец Юрий Владимирович	27.06.1988
рядовой	Саркисян Андраник Суренович	21.10.1987
лейтенант	Столяр Сергей Владимирович	23.03.1987
ст. лейтенант	Сысоев Леонид Константинович	21.10.1987
рядовой	Хошимов Равшан Абдурахманович	01.03.1988
рядовой	Чёрный Виктор Васильевич	26.12.1986
рядовой	Шаюнусов Шабадал Шаирханович	23.03.1987
сержант	Яременко Владислав Александрович	29.02.1988
Пропал без вести:		
лейтенант	Ермошин Анатолий Петрович	19.06.1986

В РОССИЮ ЧЕРЕЗ АЗЕРБАЙДЖАН

О начале службы в Союзе рассказывают командир бригады А. Т. Гордеев, командир 173-го отдельного отряда Сергей Бреславский, командир 411-го отдельного отряда Виталий Мертвищев и командир группы 173-го ооспН Валерий Ковалев. О том, как 22-я бригада, выйдя из Афганской войны, сразу погрузилась в череду межнациональных конфликтов, в полном смысле слова: «Из огня, да в полымя».

МЫ – СПЕЦНАЗ!

(А. Т. Гордеев)

Актуальные вопросы руководства и вопросы дисциплины

Вскоре после прибытия в Кушку появился заместитель начальника разведки ТуркВО полковник Чернобылов и задал первый вопрос:

— Ты мне холодильник привез?

Не про то, как часть вышла из Афганистана, а про барахло. Я не понимаю:

— Какой холодильник?

Он сердится:

— Ну, я же тебе говорил, чтобы ты мне холодильник привез!

Говорю:

— Ничего не привез! Некогда было холодильниками заниматься.

Это он запомнил, и кровь нам портил, пока в ЗакВО не ушли.

Генерал Фуженко был заместителем командующего ТуркВО, он определил порядок нахождения на Кушке. Сначала прошел мининг, встреча, корреспонденты.

В Кушке стояли день и потом сразу же ушли своим ходом на Иолотань. После Афгана было непривычно ехать по дороге. Дороги ровные без воронок. Указатели и знаки на дороге не простреленные. Отойдя километров 200, заночевали в поле. Прибыл проверяющий и снова удивлялся. Оказывается, мы единственная часть, которая не стреляла в этот день в воздух. Боеприпасы-то у всех остались. И трассера небо расчерчивали, чуть ли не до утра.

— Как это у вас никто не стреляет?

— А я построил всех и сказал, что если хоть кто-то стрельнет разок, вся бригада до утра будет стоять в строю.

Проверяющие

Вышли в Иолотань. Здесь началось переформирование бригады. Стали переводить ее на новый штат. Технику всю сдали. На переформировании был Чернобылов и за эти две три недели выпил у меня всю кровь своими дурацкими придирадками. Ходил за мной по пятам и житья не давал. А потом я узнал, что он большой почитатель Бахуса. Я ему в нагрузку придал «Деда Нехая» зам. ком. бригады по вооружению, чтобы они вместе ему поклоня-

лись. На четыре дня они пропали из моего поля зрения, и работать можно было спокойно. Правда, возникли опасения за состояние здоровья Нехая. Выписал я ему командировочное предписание и отправил к новому месту службы. Технику в эшелоны грузили офицеры бригады без него.

Вскоре проверить, как у нас идет переформирование, прибыл начальник штаба Ставки войск Южного направления Колесников Михаил Петрович. А мы все боеприпасы, которые были в россыпи, в ящиках и в пачках, сдали в Кушке. Но там я сразу сказал, что разряжать пулеметные ленты, где были патроны БЗТ, мы не будем, поскольку это чревато травмами. Договорились, что при первом удобном случае мы их расстреляем. И вот прилетает на вертолете Колесников, а у меня на специально отведенном участке полигона эти патроны расстреливают. Он приходит ко мне восхищенный:

— Слушай, единственная бригада, которая не успела выйти из Афгана, а уже занятия по боевой подготовке полным ходом!

Ну, я опять «щеки надул»:

— Мы же спецназ!

— Да, вижу! Был у других. Что-то невообразимое. Арбузы жрут, и тут же корки бросают. Бардак, мусор кругом. А у тебя порядок! На полигоне учебные стрельбы. Молодец! Мы бригаду берем в прямое подчинение командованию Ставки войск Южного направления.

Так я узнал, что нас вместо Новочеркасска будут далее выводить в Перекешкюль, близ Баку.

На новом месте

Эшелоном мы дошли до Красноводска. Оттуда до Баку на пароме через Каспий.

В Баку нас встречал генерал армии Зайцев с генералами и офицерами ставки и первый секретарь ЦК компартии Азербайджана Везиров, а с ним целая делегация партийных функционеров. Сразу на встрече он мне прямо сказал: «Мы всячески будем помогать вашей бригаде». Я сначала не придавал его словам значения, потому что обычно все так говорят, но потом забывают про эти слова. Думал так, дежурная фраза партийного руководителя. Но Везиров оказался человеком, который слов на ветер не бросает. Он там же познакомил меня с Куликом, который был начальником военного отдела ЦК, и дал его номер телефона, чтобы я мог звонить непосредственно ему, если у нас возникнет какая-то нужда. Надо сразу заметить, что и этот телефон и помощь, оказанная нам ЦК КП Азербайджана, на новом месте очень пригодились. В военном городке была школа восьмилетнего образования. Дальше дети должны были ездить за 5 км в поселок Хурдалан. Я воспользовался телефоном Кулика. Он пригласил меня к себе в ЦК компартии Азербайджана, на встречу вызвал и министра образования республики. Он сказал: «Нужно помочь реорганизовать восьмилетнюю школу в одиннадцатилетку». На что тот ответил, что в республике нет свободных учителей школьного образования. Но он не учел того, что жены офицеров это почти все либо учителя, либо медики. Так в городке появилась отремонтированная школа

одиннадцатилетка. Таким же образом открыли здравпункт со специалистами детского и женского направления. С самого начала 411-й ооСпН встал в Патандаре – районе Баку, а остальные подразделения бригады в Перекешкюле, недалеко от Баку.

Расположились в одном городке с бригадой оперативно-тактических ракет «Луна-М» армейского подчинения. Для нас было отремонтировано две казармы, и начались «ужасы мирной жизни». После войны, когда мерилom эффективности офицера был результат боевой деятельности или его отсутствие, здесь снова начались проблемы «порядка в тумбочках», необранной территории или расположения, самовольных отлучек бойцов.

На многих это оказало сильное воздействие, и перестроиться смогли далеко не все. Многие написали рапорты об увольнении. Приходилось с ними работать.

«Прелести» придворного положения

Близость Ставки и ЦК КП Азербайджана имели и оборотную сторону медали. Постоянные визиты высоких гостей выбивали из размеренной боевой учебы. Иногда приходилось поддерживать порядок за счет боевой подготовки. А началось все со строительства забора.

В Союзе это был пункт у многих генералов. Потом строили плац. Начальник политуправления (ПУ) Ставки генерал Кочкин оказал помощь в создании ленинских комнат. Но самым сложным этапом строительства оказалось строительство трибуны. Зайцев указал место ее строительства и сказал, что через неделю проверит. Залили фундамент. Но тут прежал генерал Кочкин.

— Почему трибуна здесь?

— Главком указал на это место.

— Делайте там-то и там-то. А с главкомом я договорюсь.

Все сломали и перенесли туда, где сказал сделать трибуну Кочкин. Благо строили не своими силами, а строители.

Приехал Главком и удивился, почему трибуна не там, где он указал. Ему докладываю, что Кочкин выбрал другое место и обещал с ним согласовать. Но как выяснилось, не согласовал. Стали снова переносить трибуну. По обыкновению командир бригады, то есть я, стал крайним в этом принципиальнейшем споре Главкома и начальника политуправления Ставки по такому жизненно важному вопросу, как место трибуны на плацу бригады спецназ.

Новые тревоги

Но скоро настали времена, когда всем стало не до этого. Начались волнения в Азербайджане. Сумгаит рванул еще до нашего прибытия в Союз. Потом начались карабахские события. В связи с этим подразделения бригады постоянно находились в отрыве, решая самые разнообразные задачи. Бригаду поставили на границу с Карабахом. Несколько раз группы вылетали в Карабах.

Примерно в 1990 г. Ставку расформировали и бригаду передали в подчинение штабу Закавказского Военного округа. Когда мы находились в распоряжении Ставки, естественно, ее командование постоянно ставило нас в пример руководству округа. В новой ситуации окружное начальство не замедлило на нас отыграться, зачистив с проверками, которые, само собой разумеется, находили у нас искомые недостатки и нарушения, за что снова отдувался я. Тем не менее, когда начались брожения на Кавказе, подразделения бригады систематически выезжали для усиления охраны штаба округа.

С началом серьезных боевых действий между Арменией и Азербайджаном начались и обстрелы населенных пунктов Азербайджана с территории Армении из градобойных орудий. Тогда группам 173-го отряда пришлось вести разведку позиций артиллерии и потом проводить налет для ее уничтожения. В качестве проводников в группы выделялись милиционеры. И примерно в то же время какая-то похожая на нас группа прибыла в населенный пункт и, взяв в качестве проводников милиционеров, увезла их в неизвестном направлении. Местные грешили на нас. Однако в процессе выяснения некоторых деталей, стало понятно, что наши к этому отношения не имели. Опрашивая местных жителей, мы спросили, какие были автоматы?

— Такие, как у вас, только с деревянными прикладами.

— А какие радиостанции?

— Японские маленькие.

Ни того, ни другого у нас не было. Так стало ясно, что кто-то работает под нас.

Позже выяснилось, что армяне сформировали из добровольцев славянской внешности, которых у них было немало, группы, которые приезжали в азербайджанские села под видом подразделений Советской армии и забирали милиционеров как проводников. А потом их обменивали на своих пленных. Армяне платили за это хорошие деньги.

Так они убивали сразу двух зайцев, вдобавок бросая на нашу бригаду тень недоверия местных жителей.

Невыполнимые задачи и «неположенные» награды

Применение органов специальной разведки шло по устным указаниям старших начальников РУ ЗакВО без оформления каких-либо документов. Поэтому это создавало определенные проблемы с прокуратурой. В Армении объекты, против которых мы работали, охраняли внутренние войска МВД СССР. По сути, мы должны были действовать против своих же.

Однажды мне позвонил начальник РУ ЗакВО Иваненко и поставил задачу уничтожить железнодорожный мост в Индживане. Через этот мост шло сообщение Армении и Нагорного Карабаха, соответственно по нему и по автодороге, идущей рядом, в Карабах поступали подразделения армянских боевиков.

Заказали вертушку и отправили командира группы и старших офицеров 173-го отряда для авиаразведки подступов к объекту и для его фотографирования. Мост оказался мощнейшим сооружением, для подрыва которо-

го требовалось не меньше грузовика ВВ. Естественно, группа доставить такое количество взрывчатки на себе не могла. И от выполнения этой задачи пришлось отказаться.

Вообще в тот период наша бригада вместе с лагодехской бригадой работали в качестве пожарных команд ЗакВО. Поэтому, когда бойцы и офицеры успешно выполнили одну из боевых задач, я представил их к награде. Но в ответ пришло разъяснение, что «в мирное время повторное награждение производится не ранее, чем через пять лет после предыдущего награждения». А у нас предыдущие награждения были в Афганистане, и, конечно, пяти лет еще не прошло. Пришлось звонить в Штаб Округа и объяснять, что если не будет наградений, то в конце концов прекратятся поступки, которые требуют награждения. Кто же будет воевать? Вроде бы дошло.

Нападения на бригаду

В расположении бригады тоже было не все спокойно. Поэтому из музея бригады, где находилось трофейное оружие, были извлечены китайские ЗГУ. Как экспонаты они имели сверление патронника. Мои умельцы заклепали сверления и восстановили боевые качества пулеметов. Их мы установили на крыши домов. В семьи были выданы автоматы, патроны и по одной гранате. С женами провели занятия на стрельбище. Каждая семья знала, где в квартире самое безопасное место при обстреле. Если что, дети укрывались обычно в ванной комнате, а жена занимала позицию у двери с автоматом. Это было необходимо, поскольку многие офицеры находились в длительных командировках и семьи оставались без их защиты.

В то время в Закавказье довольно часто имели место случаи попыток захвата техники и вооружения. В этом, как правило, принимали участие военнослужащие азербайджанцы. Так, например, командир разведбата 195 мсд, наполовину азербайджанец по национальности, вывел разведбат на полигон на боевой технике. Выехав за окраину Баку, он приказал личному составу покинуть машины и положить оружие. Далее скомандовал сделать двадцать шагов вперед. Когда личный состав и офицеры выполнили команду, из канавы появились боевики, которые собрали оружие и, завладев техникой, угнали ее.

Были попытки нападения и на нашу технику

В то время в нашу бригаду из всех бригад спецназа ГРУ ГШ ВС СССР под видом добровольцев ссылали нарушителей воинской дисциплины. Сами по себе это были вполне нормальные ребята, которым, возможно, не хватало каких-то приключений. А у нас этого было в избытке. И они проявляли себя вполне адекватно в сложной обстановке.

Так, однажды колонну машин, которые мы после восстановления забирали с бакинского авторемонтного завода, решили захватить боевики. Они остановили колонну и, угрожая оружием, решили завладеть техникой. Но не на тех напали. В каждом кузове сидело по два вооруженных солдата. Один из сержантов, не раздумывая, применил оружие и сразу завалил

боевика. Сразу открыли огонь и остальные, в результате колонна ушла беспрепятственно.

Вскоре после этого мне позвонил начальник разведки округа:

— Гордеев! Что там у вас творится? Мне звонят из Баку и говорят, что 22-я бригада берет штурмом город!

Я говорю:

— Пока еще нет. Но если дело и дальше так пойдет, то за этим дело не станет. Товарищ генерал, если серьезно, то сегодня отбили вооруженное нападение боевиков, пытавшихся завладеть автотранспортом бригады. Такие случаи с нашей стороны надо, наоборот, поощрять.

Он не спорил и даже помог, когда потребовалось солдата, получившего ранение в этой стычке, переместить в Тбилисский госпиталь из Баку, поскольку ему стали угрожать боевики.

Также была попытка нападения боевиков на городок, которую пресек патруль, заметивший подозрительную машину. В результате перестрелки было уничтожено семь боевиков и четверо ранено. Все они были в импровизированных масках, сделанных из женских чулок, с оружием. Автоматы, которые захватили у них, проверили по номерам, и выяснилось, что это стволы, которые были захвачены бандитами при нападении на караул Бакинского ВОКУ буквально за сутки до этого.

Трупы лежали на КПП, а раненых отправили в бакинский госпиталь. За убиенными приехали местные.

Взаимопомощь, основанная на личных договоренностях

Больше никто проверить нашу боеготовность не пытался, поскольку рядом было достаточно воинских частей, где служба войск была поставлена весьма слабо. К тому же сильно влияла обстановка развала страны, и она передавалась многим военным. По сути, везде нарастал развал частей округа и советской власти в Закавказье.

Когда начались описанные события, я, чтобы усилить охрану и оборону бригады, приехал к командиру 195-й мсд и попросил выделить мне десять БМП. Он меня отправил к начальнику штаба. Спрашиваю его:

— Дашь?

А он:

— Да забирай! Все одно растянут! Скажи мне только, когда тут совсем невмоготу будет, я с комендантской ротой и знаменем дивизии приду к тебе. Защищать?

— Нет проблем!

— Приезжай только ночью, чтобы не нервировать местных.

На том и поладили. Офицеры бригады, окончившие общевоинские и танковые училища, и отобранные бойцы, работавшие до армии трактористами, выполнили функции механиков, и десять БМП постоянно дежурили на охране городка.

В то время постоянно приходилось добиваться какого-то взаимодействия, используя личные контакты и договоренности. Так аэродром в Насос-

ном сдался довольно скоро, а вот в Сеталчае, где стояли штурмовики, летчики до последнего никому ничего не давали и ни в какие игры с боевиками не пытались играть.

У нас с командиром полка была устная договоренность. Он меня просил усилить его караул, прислав роту, а я его просил, по моему звонку пройти на малой высоте над городком, чтобы все понимали, что если что, то нас и с воздуха прикроют. На том и порешили. Пару раз он проходил над городком. Поэтому наша броня и его авиация, да еще слава подразделения, где офицеры и солдаты открывают огонь не раздумывая, отбивали охоту у желающих проверить нашу боеготовность.

Его часть улетала в Россию в тот же день, когда уходила наша бригада. Он поднял свой полк и с последней эскадрильей сделал боевой заход на аэродром, разнес все приводы, склады, КДП и прочую инфраструктуру, а потом улетел в Россию. После этого, в наказание за содеянное, командира части отправили в Забайкалье. Но через полгода командование осознало, что именно такие офицеры и нужны России, и его вернули на прежнюю должность.

Как сохранили бригаду

Вопрос перевода бригады в СКВО тоже решался не наверху, а на личных контактах. Первоначально, когда начались волнения и парад суверенитетов в СССР, бригаду собирались расформировать, а оружие передать Азербайджану.

На нас такой расклад не устраивал. На офицерском собрании бригады приняли решение с боями уходить в Россию.

Об этом я и доложил Герасимову. Он обалдел и спрашивает:

— Гордеев, ты что в Афганистане не навоевался?

А я ему – такое решение офицерского состава соединения.

После этого я стал продавливать решение о передаче нас в Северо-Кавказский военный округ. Звоню Манченко:

— Владимир Андреевич, в СКВО нет бригады спецназ, а нас хотят расформировать. Как бы сделать так, чтобы нас передали в СКВО? Тем более нас изначально хотели поставить в Новочеркасске.

Он говорит:

— Ты понимаешь, должно быть решение Начальника Генерального Штаба о передислокации соединения спецназ.

— А кто должен докладывать о такой необходимости НГШ?

— Командующий войсками округа. В данном случае командующий войсками СКВО должен доложить, что ему такая бригада нужна, и он готов принять и разместить ее.

Чтобы наладить контакт в СКВО, я обратился к начальнику РУ штаба ЗакВО с просьбой посодействовать в передаче бригады. Было уже ясно, что ЗакВО тоже не долго осталось существовать. Иваненко пообещал выйти на командующего с тем, чтобы он ходатайствовал о передаче бригады в СКВО. При этом обещал связаться с начальником РУ штаба СКВО и также ходатайствовать о приеме в округ 22-й бригады СпН.

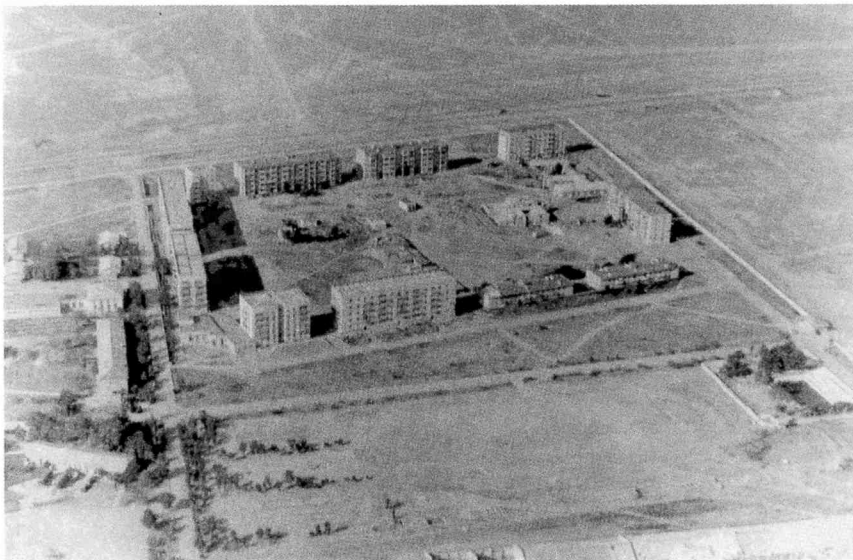
АЗЕРБАЙДЖАН

Присяга молодого пополнения 173-го отряда. Перекишкюль, лето 1989 г.

«Дембеля» и командир роты ст. лейтенант И.Морозов перед памятником погибшим 173-го ооспН. Перекишкюль, 1989 (?)

Пункт постоянной дислокации 22-й отдельной бригады СпН и 173-го ооспН в Перекишкюле АзССР. 1988–1990 гг.

Казарма 2-й роты 173-го ооспН. В центре: ст. лейтенанты И.Морозов, М.Крайнев, В.Ковалев. Перекишкюль, 1990 г.

321-я РГСПН 173-го оОСПН на соревнованиях групп. Подготовка к десантированию. Спinoй – командир группы Валерий Ковалев, с парашютом в руках и ПБ на поясе – сержант Валерий Чижма. Грузия, лето 1990 г.

Соревнования групп. 321-я РГСПН 173-го оОСПН на марше. В белой «арафатке» командир группы В.Ковалев, сзади рядовой В.Чернобровкин и радист. Грузия, лето 1990 г.

Справа: на горном стрельбище. М.Крайнев (323), В.Ковалев (321 гр.). Перекишкюль, лето 1990 г.

На горном стрельбище 2-я рота 173-го отряда призыва 1989–1991. Перед строем командир роты Игорь Морозов. Перекишкюль, 1990 г.

Армяно-азербайджанский конфликт. 173-й отряд покидает Гянджи

Армяно-азербайджанский конфликт. 2-я рота 173-го отряда в лагере. С. Гырли Акстафа, апрель 1991 г.

Блокпост 2-й роты. С местной милицией стоят с-т Муковин, к-н И.Морозов, к-н В.Ковалев. НКЮ, Мозамлы, апрель 1991 г.

Армяно-азербайджанский конфликт. 322-я РГСПН получает задачу. На переднем плане сержанты Серго и Грязнов; перед строем ПНШ 173-го отряда Андрей Хоптяр, командир группы Михаил Приймак; спиной – командир 173-го ооСПН Александр Петров. Граница Армении и Азербайджана, май-июнь 1991 г.

Погрузка техники на эшелон. Офицеры 173-го ооСПН Андрей Хоптяр и Валерий Ковалев. Кизляр, июнь 1992 г.

Вывод бригады из Баку в Ростов. Офицеры 173-го ооспН: С.Федоренко, В.Ковалев, И.Морозов, М.Крайнев. Пригород Махачкалы, июнь 1992 г.

Прибытие колонны после разгрузки эшелона в Ковалевку. Офицеры 173-го отряда М.Крайнев и В.Ковалев, спиной – зам. командира бригады А.И.Руссков. Июнь 1992 г.

В РОССИИ

Стрельбище Казачьи лагеря. Ростовская обл., осень 1992 г.

Прыжки в Азове. 173-й ооспН

ОСЕТИНО-ИНГУШСКИЙ КОНФЛИКТ

Осетино-ингушский конфликт. Пленные ингуши и трофейные деньги. Владикавказ, ноябрь 1992 г.

Осетино-ингушский конфликт. Трофейное оружие и боеприпасы. 173-й ооспН. Владикавказ, 1992 г.

Офицеры 22-й обрСпН у штаба бригады. Ковалевка, 1993 г.

Полковник С.В.Бреславский с дочерью Дашей около штаба бригады. Ковалевка, лето 1995 г.

Подполковник О.В.Мартьянов – начальник штаба 22-й обрСпН. Ковалевка, май 1995 г.

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

Справа: капитан В.М.Рыбак с командиром группы капитаном Малаховым. Чечня, декабрь 1994 г.

Внизу: группа В.Дмитриева на фоне дворца Дудаева. Грозный, февраль-март 1995 г.

Развед. группа 173-го ооСПН перед выходом в г. Грозный. Вверху третий слева командир роты к-н В.М.Рыбак. Аэродром Моздок, 12 декабря 1994 г.

Комбриг 22-й обрСпН С.В.Бреславский с В.Каменюкой.
Чечня, январь 1995 г.

Сводный отряд 22-й обрСпН под командованием майора В.М.Рыбака вернулся из
Грозного. Моздок, январь 1995 г.

Командир 22-й обрСпН полковник С.В.Бреславский вручает боевые награды.
Чечня, 1995 г.

Железнодорожный вокзал, 173-й ооспН вернулся из Чечни.
Новочеркасск, осень 1995 г.

Командующий СКВО генерал-полковник Квашнин в 22-й обрСпН. Слева командир бригады полковник С.В.Бреславский. Ковалевка, 1995 г.

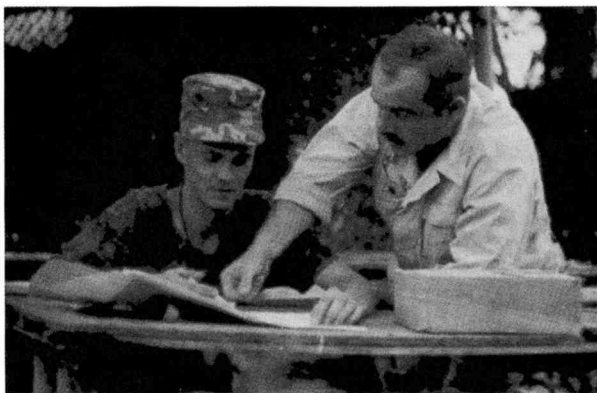
Офицеры штаба 173-го отряда (нач. инженерной службы к-н Никуличнев, ст. пом. нач. ОРО капитан Отто, нач. штаба м-р Олемский, ст. пом. нач. отделения БУ к-н Гобузов, нач. ОРО м-р Морозов, к-н Харин, пом. нач. ОРО Резниченко). Ханкала, осень 1995 г.

Докладывает командир
22-й обрСпН полковник
С.Бреславский. Кова-
левка, 1995 г.

Зам. командира 173-го
ооСпН по тылу подпол-
ковник С.И.Николенко.
Ханкала, 1996 г.

Начальник отделения
боевого управления
майор И.Морозов ставит
задачу помощнику
начальника ОРО млад-
шему лейтенанту Кузь-
мину. Ханкала, 1996 г.

Слева сверху: ввод войск. ЧР, 11 декабря 1994 г.

Вверху: разведотряд 173-го ооСпН на боевом задании. ЧР, 4 декабря 1994 г.

Слева: перед армейской операцией. В.Дмитриев у палатки начальника разведки группировки. ЧР, в районе Шали, лето 1995 г.

Слева вверху: 173-й ооСпН. Подготовка группы к боевому выходу. ЧР, лето 1995 г.

Вверху: 173-й ооСпН. Стрельба из РПГ-7. ЧР, лето 1995 г.

Слева: 173-й ооСпН. Стрельба из РПГ-22. ЧР, лето 1995 г.

Ханкала, лето
1995 г.

Учебная стрельба из АПСБ. Ханкала, 1995

Снайпер Юрий. Ханкала, лето 1995 г.

Ханкала. Фото С.Штинова

Стрельба из ПКМ. ЧР, лето 1995 г.

Прикрытие. Фото С.Штинова

Загрузка спецназа. Фото С.Штинова

Грозный взят.
Пр-к В.Каразий
на фоне руин.
Март, 1995 г.

Слева – майор
В.Каменюка,
справа – док-
тор, за плечами
Бамут. ЧР, ап-
рель 1995 г.

Пр-к В.Каразий на фоне президент-
ского дворца в Грозном. ЧР, 1995 г.

Нехитрый спецназовский быт. ЧР, 1995 г.

Каразий с группой на выходе. ЧР, 1995 г.

Группа 173-го ооспН во главе с зам. командира отряда майором В.Каменюкой
спешивается для выполнения задачи. ЧР, 1996 г.

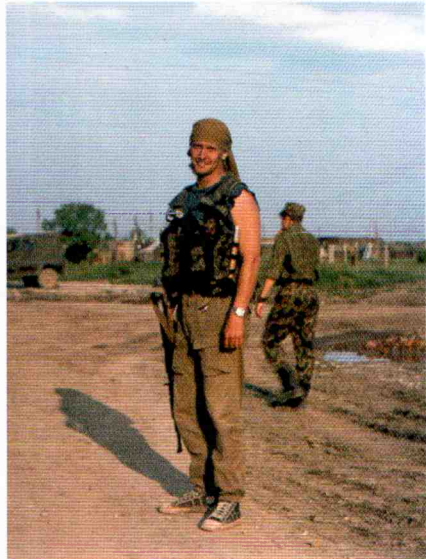
Во главе РГСПН зам. командира 173-го отряда майор В.Каменюка. ЧР, 1996 г.

Майор В.Каменюка и пр-к В.Каразий на задании в трофейном джипе. ЧР, 1996 г.

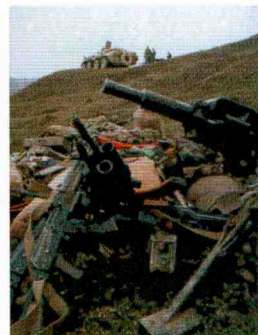
Пр-к В.Каразий и м-р В.Каменюка. 1995 г.

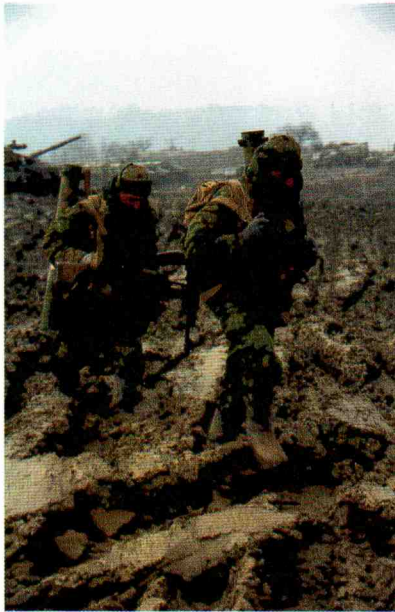
Герой России м-р В.Недобежкин. 1995 г.

Боевая операция. Фото А.Е.Неменова

«Прощай, оружие!»

Первая Чеченская. Фото В.Сварцевича

КП отдельного отряда 22-й обрСпН. Слева направо: Х, НШ п/п-к О.Мартьянов, п-к С.Руссков, ком. роты м-р Галимов, ком. роты И. Михайличенко. Гудермес, 1996 г.

Офицеры 173-го ооСпН. Замполит 2-й роты Лупанов, нач. инженерной службы отряда, командир роты В.Дмитриев. ЧР, лето 1996 г.

«Аксайцы». ЧР, август 1996 г. Фото С.Штинова

1. Операция под Бамутом. ЧР, июль 1996 г.;
2. Площадка над Ведено. ЧР, 1995–1996 г.;
3. Эвакуация раненого. Шатой, 1996 г.;
4. Площадка под Шали;
5. Горит НПЗ. Грозный, август 1996 г.

Все фото – вертолетчика Станислава Штинова

Специалисты Кадочникова проводят практическое занятие с офицерами 22-й обрСпН. Ханкала, июль 1996 г.

Знамя бригады. Аксай, 1997 г.

Командование 22-й обрСпН и РУ штаба САВО. Слева направо: начАС м-р N, экВР подполковник Донцов, Шульганов, комбриг подполковник П.Липиев, нач. отд. РУ штаба СКВО полковник С.Руссков, зам. НШ САВО генерал-майор N, N, НР штаба САВО полковник Е.Марусин, УК штаба САВО полковник Каспаров, нач. ОПО штаба 22-й обрСпН подполковник В.Баландин, офицер ВДС штаба округа п/п-к Доценко. Аксай, 1997 г.

Герои РФ капитан С.Харин и капитан В.Скороходов, вдова Героя РФ капитана С.Косачева Ольга (впоследствии стала НМС 22-й обрСпН), Герой РФ майор В.Недобежкин, НШ 22-й обрСпН подполковник О. Мартьянов, его жена Ирина. Аксай, май 1997 г.

Вверху: Прохождение торжественным маршем. Впереди: НШ п/п-к О.Мартыянов, зам. по ВР п/п-к В.Донцов, зам. по ТЧ м-р А.Свериденко, зам. по тылу п/п-к Я.Шульганов. Аксай, 1997 г.

Справа: женщины-военнослужащие 22-й обрСпН проходят торжественным маршем. Аксай, 1996 г.

В пистолетном тире 22-й обрСпН. Командир 22-й бригады полковник П.С.Липиев, начальник РУ штаба САВО генерал-майор Кудреватый В.П. Аксай, 1998 г.

ДАГЕСТАН

ПВД отрядов 22-й бригады в н.п. Корт-Маскала (Дагестан) с декабря 1998 г. по 2002 г.

ВДП в Дагестане. 1998 г.

Стрельбы в Каспийске. Август 2000 г.

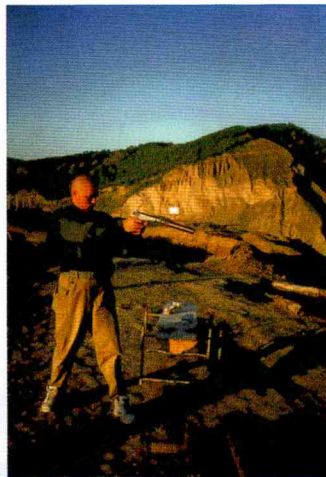
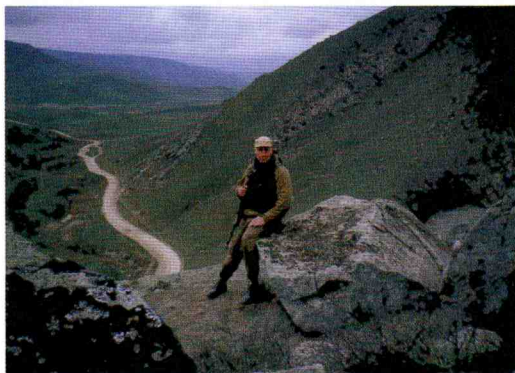
Горная подготовка в Дагестане. 1998 г.

Совместные ТЗ с 77 брМП. Каспийск

173-й ооспН в Дагестане. 1998–1999 гг.

Полдела сделано. Направляю в Ростов Рускова С.И. Он прибывает на прием к начальнику разведки округа полковнику Евтушенко, а тому уже звонили из ЗакВО, и он отвел Рускова к начальнику штаба округа. К этому времени на территории СКВО тоже начались конфликты между ингушами и осетинами, и им такое боеспособное подразделение, способное к быстрому реагированию, было необходимо. Поэтому они приняли бригаду с радостью.

Фуженко, бывший замкомандующего в ТуркВО, когда мы выходили из Афганистана, стал командующим СКВО и вспомнил нас:

— Да я помню 22-ю бригаду спецназ. Отличное соединение. Конечно, берем!

Далее последовал его доклад НГШ и соответствующая директива о передислокации нашей бригады.

Таким образом, весь перевод бригады в СКВО – это чисто наша инициатива.

Передислокация

Когда мы готовились к выводу, я приказал в направлении спецразведки 5 управления ГРУ ГШ у полковника Манченко В.А. десять самолето-вылетов Ил-76 и на самолетах отправил всю секретную технику связи и семьи офицеров вместе с ней.

И вообще я считаю, что моя главная заслуга за все годы службы, что мне удалось сохранить от расформирования 22-ю бригаду, вывезти все семьи из Закавказья, никого не бросив.

До сих пор вспоминаю картину, которую наблюдал в Насосном, откуда уходило несколько наших бортов. На груди вещей сидит женщина с двумя детьми. Ее привезли из какой-то части и сказали, что если ей повезет, то ее кто-нибудь захватит в Россию. И это картина была характерной для Закавказского Военного округа. Мы эту семью забрали.

После того как соответствующие телеграммы командующих СКВО и ЗакВО ушли в адрес НГШ о том, что один не против отдать, а другой не против принять нашу бригаду, я начал направлять в СКВО своих офицеров, чтобы готовить место для размещения семей.

В СКВО нам помогли с размещением семей на первое время. Все семьи загрузили в самолет и отправили. Все семьи там встретили и разместили. Если семьи уезжали к родным, им заказывали билеты на день их прилета, встречали, отвозили на вокзал или в аэропорт, и они уезжали дальше. Этот вопрос был отработан очень хорошо.

Марш на Родину

Перед выводом бригады приехал начальник направления спецразведки полковник Герасимов Дмитрий Михайлович и начальник разведки ЗакВО генерал-майор Иваненко. Колонну вытянули к маршу. Он все проверил, и утром планировали начать марш. Но уже к вечеру приехали местные военные полицейские с требованием оставить БМП, поскольку они не входили в штат нашей бригады.

Иваненко решил не обострять ситуацию и посоветовал машины отдать азербайджанской военной полиции. Для приема машин прибыли курсанты Бакинского ВОКУ из местных. Из этих десяти машин только шесть смогли своим ходом дойти до асфальта шоссе. Остальные машины наши механики-водители вывели из строя.

Марш начался в пять утра, и к концу дня мы уже были на границе. Движение колонны сопровождали военные полицейские Азербайджана, якобы с целью не допустить провокаций и обеспечить движение бригады спецназ. Хотелось бы мне посмотреть на тех, кто бы попытался это сделать. На границе с Дагестаном нас остановил пограничный пост. Якобы они не получили команду пропустить бригаду.

Я, пользуясь случаем, обратился к азербайджанским военным полицейским, которые должны были обеспечить беспрепятственное движение колонны, за содействием. Но те оказались не способны решить эту задачу. Начали что-то мямлить про то, что надо подождать решения сверху. Сколько это будет длиться было не ясно, поэтому я отдал команду: «Вперед!». И машины, снеся шлагбаум, пошли в Россию.

После пересечения границы переночевали в поле, а на следующий день прибыли в Кизляр. Здесь бригада погрузилась в эшелоны и далее по железной дороге прибыла в Новочеркасск. Выгрузились в чистое поле, поставили палатки. Снова началась стройка.

Военное искусство постройки забора

Командующим округа стал генерал Митюхин, очень большой любитель и знаток строительства. Знакомство с новым командующим СКВО началось с забора бригады. Территория шла под уклон и построенный нами забор соответственно. Но командующий был искушенным в строительстве человеком и потому знал, что верхняя кромка забора должна иметь нулевой уровень. Вызвал полковника Иванова (начальника строительного управления) и приказал ему исправить то, что построили мы, при этом не забыв мне сказать, что я ничего не умею строить. Собственно, я с ним и не спорил. Иванов поставил забор в соответствии с его требованиями, и плиты забора шли ступеньками. Но поскольку перепад высот был большим, через две плиты высота забора становилась недостаточной. Сделав замечание Иванову, что и он ничего не умеет строить, командующий поставил эту задачу полковнику Шетваряну, заместителю по строительству и расквартированию, и приказал ему строить забор вокруг бригады. Плоды его трудов тоже не пришлось по душе командующему, и зам по строительству немедленно узнал, что и он не умеет строить. Настала очередь генерал-майора Недорезова, заместителя по вооружению, которому Митюхин приказал поставить нам забор на том основании, что парк техники – это вотчина заместителя по вооружению. Однако Недорезов также не оправдал надежд командующего. И на военном совете округа командующий заявил: «Даже своим заместителям я не могу поручить строительство обычного забора. Никто ничего не умеет!». В конце концов забор поставил начальник штаба округа на том основании,

что разведка находится в его ведении, а забор этот вокруг бригады специального назначения. Чтобы поставить забор так, как надо было командующему, пришлось вывести уровень площадки городка в ноль, а только потом ставить забор. В конце концов затраты, связанные со строительством этого несчастного забора, обошлись казне в копейку, а забор стоил столько, будто бы он из золота.

Конфликт с командующим

Бригада, несмотря на весьма слабую обустроенность, постоянно привлекалась для тушения национальных конфликтов, которые теперь полыхали на территории России. Осетия Южная и Северная, уже во всю тлела Чечня. Но командующий занимался другими делами. Постепенно он снял с занимаемых должностей всех командиров соединений округа. Наступила моя очередь. Но сделать ему это мешала защита ГРУ ГШ.

Как то, когда забор уже стоял, он вновь приехал и что-то снова ему не понравилось. Поэтому он заявил: «Гордеев, ты от прыжков с парашютом становишься все дурнее и дурнее, потому как головой, наверное, бьешься».

Тут я не выдержал и ответил: «Товарищ командующий, я же не говорю, что танкисты во время движения танка бьются головой о броню и тоже дурнеют. Или офицеры штаба округа, засыпая за столом, бьются головой о стол и тоже дурнеют».

Этого он вытерпеть не мог и вызвал меня на военный совет. Там он заявил, что я единственный командир соединения в округе, кого он еще не снял с занимаемой должности. После этого он потребовал от меня, чтобы я написал рапорт на увольнение, что я делать категорически отказался и к тому же, в свою очередь, потребовал высказать мне претензии, которые должны лежать в основе такого его требования.

Заявление о том, что я не справляюсь с обязанностями комбрига, было голословно. Но он продолжал настаивать, а я стоял на своем. На том пока и расстались.

Я, прибыв в бригаду, позвонил в ГРУ начальнику направления спецразведки полковнику Манченко В.А. и доложил о том, что командующий хочет меня снять. На что Владимир Андреевич вполне резонно заметил: «Зае...тсь! Еще ни один командующий не снял ни одного нашего комбрига. Пусть сначала напишет в ГРУ, а мы тут рассмотрим». И Манченко был на сто процентов прав, поскольку это была прерогатива далеко не командующего округа. На данную должность назначали в ГРУ и снимали в ГРУ, а в советские времена такие кадровые решения согласовывали с военным отделом ЦК КПСС.

В это время в Ростов приехал Ельцин. Необходимо было усилить его охрану, и Геннадий Иванович Захаров, руководитель спецназа президента РФ, обратился ко мне за помощью. Я, конечно, выделил необходимых людей, и они отработали по поставленным задачам очень хорошо. Захарову это понравилось, и он предложил мне перевестись в СБП.

Но я не любитель скакать из ведомства в ведомство, о том Захарову и сказал. Он предложил подумать и уехал.

За год командующий меня допек до крайней точки своими придирками. Мне предлагал перейти в ГСН «Вымпел» и Дмитрий Михайлович Герасимов, который к этому времени стал ее командиром. Но меня держал квартирный вопрос. Герасимов не обещал его решение ранее, чем через полгода.

А тут опять в Ростов приехал Ельцин. Мы снова встретились с Захаровым, и он снова повторил свое предложение. При этом сказал: «Смотри, я больше предлагать не буду». И я согласился. Тем более что Захаров обещал, что у меня квартира будет в течение месяца, и слово свое сдержал.

* * *

411-й отдельный отряд спецназ стоял в г.Баку, отдельно от расположения бригады. Это наложило определенный отпечаток на организацию жизни и быта военнослужащих, а также на характер боевой подготовки отряда, который имел значительную самостоятельность в тот период. О бакинском периоде рассказывает командир отряда Виталий Мертвищев.

ИЗ ИСТОРИИ 411-го ооСпН (август 1988 – февраль 1990)

(В.А.Мертвищев)

Переход на новый штат

После нашего выхода в Союз 173-й отряд еще до 14 августа оставался на блоках в Афганистане. В Кушке провели митинг. Были накрыты столы. Но перехватить что-то существенное нам не удалось. Выпили с замполитом по стакану минералки и очень быстро снова погрузились и двинулись в сторону Иолотани. Отъехали от Кушки несколько километров и когда начало вечереть, встали, отъехав немного от обочины на ночлег. В шесть утра мы снова двинулись в путь и к четырнадцати были уже в Иолотани. Здесь мы разместились на полигоне 56-й одшбр. Ее тоже выводили на первом этапе. После стольких лет войны им «крупно повезло» – местом их дальнейшей службы стала Иолотань.

На полигоне десантников мы в течение двух недель переводили наши подразделения на новый штат. За счет людей 173-го, 411-го отрядов и 370-го ооСпН, который спустя некоторое время убыл в Чучково, был сформирован управленческий отряд бригады. В ее состав также вошли два отдельных отряда, кандагарский и наш. Здесь же мы сдали остатки нашей техники. Единственное, что у нас осталось – техника спецрадиосвязи.

В другие части были отправлены военнослужащие не спецназовских ВУСов, а также лишние, в основном старослужащие, которые оказались за рамками новых штатов. Бойцов, откровенно говоря, было жаль. Им оставалось дослужить буквально пару месяцев и ехать в другую, незнакомую часть, конечно, им было тяжело. Глядеть на этих ребят с боевыми награда-

ми на груди, с которыми мы воевали больше года, а теперь отправляли неведомо куда, без слез было невозможно. Они тоже просили их взять с собой. Но новый куцый штат отдельного отряда, который предполагал всего 375 человек, не позволял это сделать.

В это же время шла подготовка документации к перевозке железнодорожным транспортом. Мы уже знали, что местом нашей дальнейшей службы назначен поселок Перекишкюль в 60 километрах от Баку, столицы Азербайджана. По всей видимости, решающим фактором, повлиявшим на выбор места для дислокации бригады, стали Сумгаитские события в феврале 1988 года, когда непримиримыми стенками встали напротив друг друга азербайджанцы и армяне.

После того как мы перешли на новый штат, мы отправили в Баку оперативную группу для подготовки расположения для отряда, а примерно 26 августа наш отряд отдельно от бригады погрузился в эшелон и убыл в Красноводск, куда мы приехали через двое суток. В Красноводске мы погрузились на паром и, переплыв Каспий, оказались в Баку. Здесь нас встретил начальник разведки Южной ставки генерал-майор Исаев.

В Баку

С прибытием в Баку навалились проблемы, которые не были основными раньше. Прежде всего, бытовые. К офицерам приехали семьи, надо было решать квартирный вопрос. Немаловажную роль играло и то, что рядом, буквально в 10 минутах езды на автомобиле, была расположена Ставка войск Южного направления, которую в то время возглавлял Герой Советского Союза генерал армии М.М. Зайцев, а начальником штаба был генерал-лейтенант М.П. Колесников, будущий начальник Генерального штаба ВС РФ. К сожалению, оба уже ушли из жизни. Встретили нас в Баку очень радушно и везде мы встречали полную поддержку.

Местом нашей дислокации стал городок, который нам освободил строительный отряд в пригородном районе Баку, который назывался Патамдар. На мой взгляд, это было идеальное место для расположения отряда. Четырехэтажная казарма вмещала все подразделения. Помещение штаба включало примерно двадцать комнат, где разместились и штаб, и управление. Был небольшой медпункт, складская и парковая зона. Имелся свой магазин и солдатская чайная. Также была своя кочегарка и баня. Городок стоял на окраине, рядом располагалась гора и недалеко море. Место для полевых занятий отряда прекрасное. При этом офицеры и прапорщики жили в городе, что было немаловажно. С квартирами нам тоже сразу помогли. Восемь квартир дали сразу. Остальных офицеров и прапорщиков разместили в гостиницах и общежитиях. В течение года и они тоже получили хорошие квартиры в Баку.

Вместе с тем остро встал вопрос воинской дисциплины, потому что вместо уволенных в запас солдат поступило молодое пополнение, и некоторая напряженность между солдатами-афганцами и вновь прибывшими присутствовала. Командиры подразделений были очень опытными офицерами,

хотя многие из них были весьма молоды. В этой связи хотел бы сказать добрые слова о таких офицерах, как А.Воронов, А.Степаненко, М.Красильников, С.Сухоруков.

Подчиняясь ставке, мы получили карт-бланш на отбор и комплектование отряда офицерами и прапорщиками любых частей ЗакВО.

Боевая подготовка против соблазнов большого города

Естественно, что после Афганистана у бойцов в городе было много соблазнов. Поэтому единственным способом удержать отряд от нарушений, была интенсивная боевая подготовка. Мы прикинули, что одна рота может обеспечить несение караульной и внутренней службы в городке в течение недели. Поэтому мы запустили афганский вариант. Одна рота несла службу, другая готовилась к полевому выходу, а третья интенсивно занималась боевой подготовкой на полевом выходе. Полевой выход проходил в алгоритме выполнения боевой задачи спецназом. В понедельник командир роты получал боевое распоряжение. Рота приводилась в боевую готовность. Начиналась подготовка групп и подготовка необходимых средств. Либо в ночь на вторник, либо во вторник утром рота по группам выбрасывалась на автотранспорте в район проведения учений. Здесь отрабатывался сбор на площадке приземления, совершался марш в район разведки. Проводился поиск объекта, который обычно имитировала одна из наших машин. Отрабатывались действия групп на дзевке. Далее они выходили на берег моря, где находилась ракетная точка. По договоренности с ракетчиками мы проводили учебные стрельбы в направлении моря. Конечно, стрельбище не было оборудовано необходимой мишенной обстановкой, но тем не менее мы старались создать максимальное количество учебных точек.

В конце полевого выхода они совершали марш в расположение отряда и в конце пятницы оказывались на месте. В субботу они уже заступали в наряд. Рота, которая несла службу, начинала подготовку, а та, которая готовилась в расположении, уходила на полевой выход. Этот цикл позволял обеспечить высокую напряженность боевой учебы, что впоследствии позволило успешно выполнять поставленные отряду задачи.

Межнациональные конфликты

В это время в стране уже всюю раскручивались силы, которые раскачивали наш общий дом – СССР и которые в конце концов его раскололи. Нарастало напряжение в народе, частыми стали массовые выступления с самыми разными лозунгами, участились нападения и погромы местных органов власти, формировалось негативное отношение к военной службе.

Как оказалось, в последующем все подразделения бригады, в том числе и 8 батальон, были довольно активно задействованы в решении самых различных задач. Первыми такими задачами стали: обеспечение безопасности местных городских и республиканских партийных органов, обеспечение призывной кампании в армию. Уже в октябре практически все подразделения бригады были привлечены к выполнению этих задач. Кроме того, для

стабилизации обстановки были привлечены воинские части других военных округов, и в первую очередь парашютно-десантные части. Надо сказать, что своевременно принятые меры сыграли положительную роль, и обстановка внешне выглядела спокойной. Напряженность вновь возросла, когда произошли апрельские события в Тбилиси и Вильнюсе.

В конце октября начались волнения в Баку, и нас подняли для обеспечения порядка в городе, обеспечения призыва на военную службу. Начиная с ноября 1988 года по апрель 1989 года батальон выполнял задачи по охране нескольких объектов в городе Баку. На нас, в частности, была возложена задача охраны одного из райкомов компартии Азербайджана.

Осенью 1988 года вместе с войсками, вошедшими в город Баку, прилетел парашютно-десантный полк 76 ввд и разместился в нашем расположении. У нас, кроме наряда, все были на задачах в городе. Они выполняли задачи с нашей базы, что для них было очень удобно. Но напряжение в городе стало постепенно спадать. В апреле 1989 года полк вернулся в свое место постоянной дислокации, а мы также вернулись в свой городок.

Прыжки, академия, отъезд

Весной мы провели учения и парашютные прыжки, совершение которых стало значимым событием. Весной 1989 г. у 22-й бригады еще не было своей базы для совершения прыжков с парашютом, и вся бригада выезжала в Лагодехи в 12-ю обрСпН для выполнения программы прыжков по ВДП.

Сложность выполнения этой задачи заключалась в том, что наш батальон, единственный из всех, формировался на территории Афганистана, тогда как другие подобные подразделения вводились с территории СССР. Костяк офицеров составляли выпускники общевойсковых военных училищ, которые в предыдущей службе с воздушно-десантной подготовкой не сталкивались. Поскольку совершение прыжков было организовано на базе бригады в Лагодехи в Грузии, то нам предстояло выехать туда двумя партиями, что и было сделано.

После этого я уехал в Москву поступать в Военную академию им. Фрунзе. Успешно сдав экзамены, я в сентябре прибыл в отряд для сдачи дел и должности начальнику штаба Александру Кириченко.

Летний период 1989 г. прошел относительно спокойно, а осенью опять началось противостояние между азербайджанцами и армянами, только уже более организованно и массово. Маховик очередных волнений начал вновь раскручиваться, и это ощущалось в городе. Как и год назад были привлечены войска из других военных округов. В январе 1990 г. батальон – единственное из подразделений бригады – был задействован непосредственно в Баку при вводе войск и в дальнейшем для обеспечения порядка. Мне известно, что в период очередных беспорядков наш отряд действовал в районе Сальянских казарм, где пришлось применять оружие. Особенно отличились тогда командиры групп А. Васильев и А. Думский. В этот период около месяца в Баку работал генерал армии Варенников. Все это время его со своей группой охранял Александр Думский. Видимо, делал это настолько успешно, что

Варенников лично отдал распоряжение о представлении его к награждению орденом «Красной звезды».

И опять внешне воцарился мир, но время было упущено. Мягко говоря, на фоне бездействия местных властей возврата к прежнему образу жизни и мыслей быть не могло. Это особенно бросалось в глаза тем офицерам, которые прибывали из глубинки России.

Батальон находился в Баку до лета 1992 г., а затем был перемещен в Перекишкюль. Командиром батальона с февраля 1990 г. до того времени был А. Телейчук, который продолжил начатые в Афганистане традиции и успешно справлялся со всеми задачами.

АЗЕРБАЙДЖАН

(С.В.Бреславский)

Перекишкюль

25 августа мы были в Красноводске. Часть техники и весь личный состав отряда, за исключением караулов, разместили на пароме и вышли в Каспийское море. Расстояние до столицы солнечного Азербайджана чуть больше 300 километров мы прошли за 12–13 часов. Днем 26 августа мы уже пришвартовались в порту Баку. Нас встречал офицер разведуправления ставки войск Южного направления подполковник Ю.К. Харченко. На своей технике мы прибыли в пункт постоянной дислокации Перекишкюль, в 30-ти километрах от Баку. Там на территории воинской части, в «курилке» около казармы, нас встречал начальник разведки генерал-майор Л.Т. Исаев и начальник 3 отдела РУ Ставки «Южного» направления полковник Г.А. Колб. Я доложил о прибытии отряда. После короткого построения мы приступили к размещению личного состава в помещениях казармы.

Вскоре начали прибывать эшелоны с техникой. Наш зампотех майор Петр Харитонов и в этот раз оказался молодцом. Единственной колонной, которая сошла с платформ и прибыла своим ходом в ППД без дозаправки, была колонна 173-го ооСПН. Что и было отмечено начальником разведки генералом Л.Т. Исаевым.

Через несколько дней на плацу, на первом после прибытия из Афганистана общем построении бригады, нас лично приветствовал Главнокомандующий войсками Южного направления генерал армии М.М. Зайцев. Дул сильный ветер, и во время приема доклада полковника А.Т. Гордеева у Главкома постоянно срывало фуражку с головы. Затем они обнялись. В объятиях гигантского роста генерала, комбриг просто утонул.

Оказалось, это по его просьбе в Москву мы оказались в этом «чудном» месте. «Спасибо» Михаил Митрофанович!

В городке ракетчиков, где нас расположили, было построено два новых дома, и в нескольких домах были еще свободные квартиры. Как это бывает,

началась нездоровая суэта вокруг их распределения. Появились «нытики»: «Вот руководство получит, а нам не достанется». Я построил отряд и объявил, что пока последний лейтенант не вселится под крышу, я никуда из походного КУНГа (Кузов Универсальный Нормального Габарита), в котором я и заместители отдыхали на марше в ходе привалов и который теперь стоял рядом с казармами батальона, не уйду.

Квартиры получили все. Это было моим первым и последним местом службы, где офицер-холостяк мог вселиться по своему желанию в комнату в общежитии или в комнату в двух-трех комнатной квартире. А женатые офицеры и прапорщики могли выбирать. Правда, нездоровый ажиотаж все-таки внесли некоторые политработники, опомнившись и взяв на себя функцию распределителей жилья. Начали прибывать семьи. Быт налаживался.

Но когда на доукомплектование отряда стали прибывать офицеры из других округов, начали вспыхивать конфликты на почве: «Я кровь проливал, а ты в Союзе отсиживался». Приходилось объяснять офицерам, что каждый офицер в Советской Армии выполняет то, что ему говорят. И он не виноват в том, что кто-то оказался в Афганистане, а кто-то на Земле Франца Иосифа, а кто-то в Киеве. Везде настоящий офицерский труд почетен и заслуживает одинакового уважения. Тем не менее психологическая обстановка была неоднозначной. Партийные и комсомольские собрания давно превратились в простую формальность, если не в повинность. Только личные беседы руководства отряда давали какой-то эффект.

Началась вроде бы мирная жизнь, про которую многие офицеры отряда, прибывшие в Афганистан сразу после училища и «Курсов Героев Советского Союза» в Чирчике, даже и не подозревали. Я в очередной раз напоминал офицерам про совещания в Кандагаре, когда я им говорил, мол, не торопитесь, не намазано там медом, там все наоборот, там ваш героизм никому не нужен, там караулы, старшие машин, старшие на работах, на стройках и еще хрен знает где. Не верили. Через неделю такой мирной жизни некоторые командиры групп начали писать рапорта на увольнение. Я с заместителями посоветовался, и мы приняли решение не держать офицеров. Видимо, переход от «солёного к горькому» не всем был по зубам. Да и морально к другой жизни они так и не смогли адаптироваться. В этом была часть и моей вины.

Казарменный фонд, куда вселили 173 отряд, представлял собой старенькие, но вымытые казармы, с потрясающе отремонтированными ленинскими комнатами, в которых были установлены даже кондиционеры. Член военного совета Ставки, говорят, дневал и ночевал со своими офицерами в этих ленкомнатах. И действительно, как только мы приняли их по Актам, офицеры, которые действительно там находились перед нашим приездом круглосуточно, облегченно выдохнув, тут же уехали.

Историческая подоплека национального конфликта в Азербайджане

Тем не менее, на первый взгляд, мирная обстановка не была такой уж мирной. Неспроста генерал Армии Зайцев настоял в Москве на том, чтобы 22-я обрСпН была передислоцирована из Афганистана в Азербайджан.

Нашему появлению здесь предшествовали трагические события в Сумгаите в феврале–марте 1988 г. Я кратко опишу их, чтобы стали понятны причины, по которым мы оказались под Баку.

В конце 1980-х гг. с лозунгов о «Перестройке» и «Гласности» в некоторых республиках СССР началось национально-освободительное брожение за независимость, чему сильно способствовало осязаемое ослабление центральной власти на национальных окраинах.

В Азербайджане этот подъем начался на фоне разгоравшегося армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта, который имел давнюю историю. Пик обострения пришелся на февраль 1988 г., когда в НКАО и Армянской ССР прошли митинги с требованием присоединения НКАО к Армянской ССР. А 20 февраля 1988 г. сессия областного Совета народных депутатов НКАО в Степанакерте приняла обращение к Верховным Советам Азербайджанской и Армянской ССР и СССР с просьбой о разрешении выхода НКАО из состава Азербайджана и присоединении к Армении. После того как армянское большинство облсовета НКАО приняло решение об отделении Нагорного Карабаха, вооруженный конфликт был неизбежен.

Взрыв митинговой активности и призывы к отделению от Азербайджана в преимущественно армянском Степанакерте привёл к ответной реакции азербайджанской общины. В первую очередь это коснулось соседнего Шушинского района НКАО и азербайджанского города Агдам, расположенного у границ области. 22 февраля у армянского населённого пункта Аскеран на территории НКАО произошло вооруженное столкновение между азербайджанцами из города Агдам, направлявшихся в Степанакерт для «наведения порядка», милицейско-войсковыми кордонами, выставленными на их пути, и местным населением. В результате столкновения погибли два азербайджанца, пятьдесят человек получили телесные повреждения.

Тем временем обстановку за пределами НКАО продолжало накалять появление в Баку и Сумгаите беженцев-азербайджанцев из Кафанского и Мегринского районов Армянской ССР.

В результате этих событий к концу февраля 1988 г. в Азербайджане находилось уже свыше 4 тысяч беженцев из Армении, которые размещались в Баку, Сумгаите, Гяндже и других городах.

Распространение слухов о том, что в Армении убивают и насилюют азербайджанцев, возбуждение ненависти к армянским землякам на фоне профессиональной и бытовой неустроенности и лишений, призывы освободить квартиры от армян и самим поселиться в них, позволили организаторам февральских событий в Сумгаите легко спровоцировать определённую часть мусульманского населения города на погромы и убийства армян.

Организация и содержание митинга 27 февраля 1988 г. в Сумгаите были не случайными. Прежде всего, в митинге принимали участие представители лишь азербайджанского населения. Во-вторых, в ходе этого мероприятия, формально организованного горкомом КПСС, прозвучали явные обвинения армян в разрушении территориального единства Азербайджана и угрозы в их адрес. Оглашались провокационные сообщения о притеснении азербай-

джанцев в Карабахе и Армении и даже о якобы уже имевших там место зверствах в отношении азербайджанцев. Среди участников митинга появились и так называемые «кафанские мученики», которые «подтверждали» факты зверств и наличия тысяч азербайджанских беженцев из Армении. Армяне обвинялись в том, что они живут в Сумгаите лучше многих азербайджанцев, имеют благоустроенные квартиры и дома, занимаются только интеллектуальным трудом. Прозвучал призыв «Смерть армянам!».

Азербайджан имел исторические корни армянских погромов: в 1905 г. в Сумгаите, и в 1918–20 годах в Баку. Поэтому армянский погром, который произошел в Сумгаите 27–29 февраля 1988 г., в истории Азербайджана был не первый.

Когда я впервые увидел Сумгаит в сентябре 1988 г., был в шоке. Дома были покрыты толстым слоем разноцветной пыли из труб химических предприятий. Сумгаитские химические предприятия были среди первых в Советском Союзе по уровню загрязнения окружающей среды. Детская смертность была столь высока, что в Сумгаите возникло даже специальное детское кладбище. Многие дети рождались с физическими и умственными отклонениями. Население было недовольно тяжелой экологической обстановкой. Но нужно было направить это недовольство в национальное русло.

Из 250-тысячного городского населения около 18 тысяч были армяне. Сумгаитские азербайджанцы являлись в основном выходцами из сельских районов, составляли наименее образованный и квалифицированный состав работающих. Среди них была большая текучесть кадров, высокий уровень безработицы и правонарушений. Они представляли собой прекрасную среду для организации массовых беспорядков. Очевидно, что погром не был стихийным. Погромщики врываются в квартиры, имея на руках заранее составленные списки проживающих там армян. В результате продолжавшихся трое суток бесчинств, были разгромлены и сожжены десятки, ограблены сотни квартир и домов. По официальной версии, было зверски убито 26 человек, многие десятки армян были зверски избиты. По неофициальным данным, погибших было намного больше.

Участие в поддержании правопорядка в г. Баку и области

Обстановка, в которую мы попали, мало отличалась той, что имела место в Сумгаите в феврале и марте этого года. Криминогенная обстановка в городе Баку, на мой взгляд, была неуправляемой. По-прежнему имели место случаи избития армян в общественном транспорте. Справедливости ради, стоит заметить, что коренные бакинцы были более терпимы и к армянам, и к евреям, и к русским, чем их соплеменники, прибывшие в Баку недавно из сельских районов республики. Но, несмотря ни на что, случаев насильственного выселения армян в городе Баку становилось все больше. Не ослабевал поток беженцев азербайджанцев с территории НКАО и Армении, так же как и поток беженцев армян из Азербайджана. Приезжих азербайджанцев стали селить в освободившиеся квартиры, хозяева которых спешно покидали город. Критическая масса недовольства населения нарастала.

Бригаде была поставлена задача организовать в указанных районах блокпосты, усилить комендатуры, участвовать в мероприятиях по соблюдению комендантского часа и поддержанию правопорядка.

В октябре пришел Приказ Министра обороны о присвоении мне воинского звания «майор» досрочно, а в ноябре в бригаду пришел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении личного состава бригады орденами и медалями за Афганистан. Мне был вручен орден «Красное Знамя» (это еще за время службы в 370-м ооСпН). Гуляли по-взрослому. К заместителям приехали жены и дети. Чтобы не возникло вакуума в наших взаимоотношениях, я регулярно собирал заместителей с женами и детьми то у меня в однокомнатной квартире, то у кого-нибудь из замов, ужинали, выпивали, знакомились. Таким образом, нам удалось сохранить тот дух единomyслия и взаимопонимания, который у нас сложился за время службы в Кандагаре и на выводе.

Могу с гордостью и ностальгией сейчас в 2011 г. констатировать, что это был лучший коллектив управления, порядочных и профессиональных заместителей, с которыми мне когда-либо приходилось служить и которых я когда-либо видел за всю свою службу.

В конце ноября 1988 г. на главной площади Баку митинговые страсти начали накаляться. Начались круглосуточные митинги. По городу бродили толпы народа, какие-то типы с зелеными повязками и кричали «Карабах!», «Сумгаит!». На площади Ленина собралась огромная толпа. Митингуют, пьют, едят и спят. По ночам жгут костры. На бульваре расположились брезентовые палатки. Демонстрантам бесплатно раздают продукты и воду. По слухам, азербайджанская оперная певица Зейнаб Ханларова прислала митингующим в подарок грузовик с колбасой. Площадь увешана лозунгами: «Армяне – вон из Азербайджана!», «Армяне, убирайтесь!», «Свободу Ахмедову!». Это сумгаитский убийца, его огромный портрет висел на Доме правительства. Рядом висят портреты Хомейни, Алиева и Муслимзаде (Первый секретарь Сумгаитского ГК КП Азербайджана в период Сумгаитской резни).

В выступлениях одна и та же риторика: «Армяне едят наш хлеб и плюют нам в лицо! Вся история Армении – это гадость!», «Сумгаит – это город, где азербайджанцы героически защищали армян», «Резню в Сумгаите спровоцировали армянские подстрекатели!». Постоянные крики о некоем всемирном армянском заговоре.

24 ноября 1988 г. в Баку было введено особое положение и комендантский час. Запрещены демонстрации, митинги. Но, несмотря на это, народ с площади не расходился. Мы ждали провокаций.

Помню, недалеко от бригады, в степи, с подразделениями отряда пришлось организовывать занятия по разгону демонстрантов, по отсечению главарей и их задержанию и эвакуации. Да, такой херней нам еще не приходилось заниматься! Но где Спецназ не пропал! Никто не знал тогда, что нам предстоит этим заниматься в ближайшие двадцать лет.

А по местному телевидению выступали знатные азербайджанцы. Один из них, чуть не плача, говорил, что азербайджанцы в своей собственной рес-

публике подвергаются дискриминации со стороны армян, что все лучшие рабочие места, должности, квартиры занимают армяне, евреи и русские, что надо принимать меры.

Вскоре азербайджанцы принялись за евреев и чуть позже за русских. Автомастерские, автомагазины, простейшие производства после исхода армян закрылись. С репрессиями против евреев начали закрываться аптеки, в медицинских учреждениях появился дефицит врачей, в школах и ВУЗах не стало хватать учителей. Азербайджанцев же можно было увидеть на площади Ленина, на рынке или в чайхане, но не на работе. Их это устраивало.

В течение зимы-весны 1989 г. в Баку продолжалось массовое бегство армян, не прекращались систематические нападения на армян и евреев, избиения и убийства, погромы отдельных кварталов, выселения из жилья. По городу шатались толпы, их разгоняли, стрельба слышалась по всему городу.

В ноябре-декабре 1988 г. по Азербайджану прокатилась новая волна армянских погромов. Наиболее крупные произошли в Баку, Кировабаде, Шемахе, Шамхоре, Мингечауре. Были выдавлены жители десятков армянских сел, ряда сельских районов Азербайджана. Такая же участь постигла население более 50 армянских населенных пунктов северной части Нагорного Карабаха – горных и предгорных частей Ханларского, Дашкесанского, Шамхорского и Кедабекского районов, включая 48-тысячное население армянского Гандзака (Кировабад, ныне Гянджа). Впоследствии после этих событий в Азербайджанской ССР, исключая оставшуюся под контролем армян часть Нагорного Карабаха, осталась около 40 тысяч человек от почти 600-тысячного армянского населения главным образом в Баку, где еще в начале 1988 г. жили около 240 тысяч армян.

В декабре 1988 г. демонстрации под крики «Карабах!», «Мечь!», продолжались, поэтому 7 декабря 1988 г. в город были введены танки, БМП, солдаты. Народ говорил: «Слава Богу, что зашли, а то здесь было бы хуже, чем в Сумгаите».

Ну, а на следующий день я наблюдал народную радость по поводу землетрясения 7 декабря в Армении и гибели тысяч людей. Азербайджанцы ликовали и накрывали столы. А я задавал себе один и тот же вопрос: «Где наш знаменитый пролетарский интернационализм?». И ответа не находил.

А на площади Ленина в Баку снова лозунги: «Вернуть Кировабаду имя Низами Гянджеви!», «Восстановить Советскую власть в НКАО!», «Освободить азербайджанскую землю от экстремистов и армян!». На другой стороне площади, над трибуной, снова портрет Ахмеда Ахмедова, приговоренного к высшей мере наказания за зверства в Сумгаите.

Несмотря на сложную обстановку бригада находила время для проведения учений, сборов по воздушно-десантной подготовке (ВДП). Весной 1989 г. мы со 173-м отрядом выехали на сборы по ВДП под н. п. Лагодехи в Грузию. В Лагодехи стояла дружественная бригада СпН. На ее базе мы и организовывали парашютные прыжки. Вскоре к нам приехал заместитель командира бригады по тылу. Собрался прыгать в свой день рождения. Мы ему настоятельно советовали не делать этого, потому что у десантников есть

такая старая проверенная примета, в день рождения не совершать прыжки. Поскольку офицер пришел из пехоты, он в это не поверил и прыгнул. Сломал ногу. Мне потом рассказывали, что на сборах следующего года он опять собрался прыгать в свой день рождения. Его опять отговаривали. Но он сказал, что бомба дважды в одну воронку... и прыгнул. Сломал руку. А может, это уже легенда.

В июле 1989 г. я передал дела и должность командира 173-го отдельного отряда специального назначения моему боевому заместителю, прекрасному человеку, майору А.В. Петрову, попрощался с личным составом, представился командиру бригады и своим заместителям за офицерским столом и убыл поступать в военную академию им. М.В. Фрунзе. На следующий год ко мне в Москве присоединился и начальник штаба Юра Швыдкий. Но это уже другая история.

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ в 22-й обрСпН

Азербайджан–Аксай

(В. М. Рыбак)

Первые впечатления

Прибыл в бригаду в декабре 1988 г. с должности командира взвода курсантов Киевского ВОКУ на должность командира группы 1-й роты 173-го ооСпН. Ротой командовал капитан М. Дядюшкин, командир отряда – майор С. Бреславский, НШ – майор Ю. Швыдкий.

Бригада только вышла из Афганистана, обустроилась в Перекишкюле, что в 30 км от Баку. Условия скотские, казармы не обжитые, парковая и складская зоны убогие, жилой фонд для офицеров изношенный. Главный центр общения офицеров и членов семей – офицерское общежитие. Конечно, после службы в Киеве вся эта новая обстановка действовала удручающе, в первый день пребывания на территории гарнизона даже наводила на мысль о целесообразности дальнейшей службы.

В замешательство ввела и первая встреча с комбатом. Сергей Владимирович с начальником штаба долго пытали, пытаясь выяснить, за что бравого старшего лейтенанта, золотого медалиста выперли из столицы Украины и заслали в одно из самых дальних и забытых, на тот день, мест службы. Рассказ о том, что перевод осуществился в плановом порядке в связи с решением военного руководства страны о комплектовании командиров курсантских взводов и рот офицерами, имеющими опыт службы в войсках и боевой опыт, доверия не вызвал и командование не убедил (они и до сих пор не верят, считают, что в училище был какой-то залет или кому-то перешёл дорогу), тем не менее, ознакомившись с положительными характеристиками, получил от командования добро на приём группы и наилучшие пожелания в службе.

Обстановка и задачи

Бригада в это время выполняла задачи по поддержанию правопорядка на территории республики и защите армянского населения. После Сумгаитских событий обстановка была напряженная, продолжались провокации в отношении некоренного населения, обстрелы воинских частей.

В 1989 г. обстановка в основном стабилизировалась и начиная с лета бригада приступила к выполнению плана боевой подготовки. В этом же 1989 г. командование бригады доверило мне готовить группу для участия в соревнованиях на первенство групп СпН сухопутных войск, которое было запланировано в августе на базе учебного полка в Печорах. Общее руководство подготовкой было возложено на заместителя командира бригады подполковника Рускова С.И., который в последующем стал для меня и учителем, и старшим товарищем, и другом, который до конца моей службы помогал, продвигал и в трудную минуту поддерживал. Подготовка к соревнованиям в значительной степени позволила мне разобраться со всеми особенностями и тонкостями действий подразделений СпН, что в дальнейшем в ходе выполнения реальных боевых задач неоднократно не только помогало их выполнить, но и сохранить жизни подчиненных. На соревнованиях группа выступила довольно успешно, впервые участвуя в подобного рода мероприятиях. Мы заняли 9-е место из числа 24-х команд участников.

Не обошлось, правда, и без казусов. На 2-м этапе соревнований во время десантирования радист не смог привести в действие грузовой контейнер с радиостанцией и приземлился с ней на мягкое место. У подполковника Рускова, который наблюдал за десантированием, едва не остановилось сердце, но техника оказалась надёжней человека, и проблем со связью до конца соревнований не было. На 4-м этапе во время ночного отдыха ко мне в ушную раковину забралось насекомое. Ухо опухло, и уже стоял вопрос о снятии командира группы с соревнований, но, благо, местные эскулапы провели хирургическое вмешательство и извлекли из уха большого паучищу.

В 90-м году бригада вновь принимала активное участие в ходе бакинских событий, когда представители родившейся в Азербайджане общественной организации «Народный фронт» от митингов и мелких провокаций перешли к открытому противостоянию и вооруженным выступлениям против местных органов власти, блокированию и обстрелу воинских частей и военных городков. В Баку и другие города Азербайджана были введены войска, которые силовым методом восстановили порядок. Наибольшие потери (более 50-ти убитых) понесли десантники во время ввода в Баку. Задачей бригады в это время было ведение разведки маршрутов выдвижения войск, блокирование участков дорог, обеспечение охраны штаба ставки южного направления и жилых городков.

Участие в армяно-азербайджанском конфликте

Осенью 1991 г. оперативная группа бригады была переброшена в район аэродрома Акстафа на армяно-азербайджанскую границу, где в течение нескольких месяцев выполняла боевые задачи по выявлению и уничтожению

вооруженных формирований, терроризирующих местное население. Наиболее запоминающимся является мероприятие по уничтожению батарей градобойных орудий, расположенных на территории Армении, из которых велись постоянные обстрелы приграничных населенных пунктов.

В один из дней моей роты была поставлена задача на ведение разведки и проведение спецмероприятий по уничтожению батареи градобойных орудий южнее населенного пункта Кемерли.

Отряд в составе роты, имея в своём составе проводника-азербайджанца, в ночь, скрытно совершил переход порядка 10 километров. Марш проходил в очень сложных условиях. Проводник вел по звериным тропам, и поэтому практически весь маршрут нам пришлось преодолевать то согнувшись, то в полуприсяде, то на получетвереньках, а где-то приходилось передвигаться и ползком. Но к утру он вывел нас в район высоты 363.0, где была обнаружена батарея. В ходе наблюдения за объектом были установлены пути подхода, система охраны, состав обслуживающего персонала и другие необходимые детали. Всего на огневых позициях находилось более 20 человек. В результате оценки обстановки я принял решение ночью провести налёт. Организовал наблюдение, поставил задачи подгруппам, организовал взаимодействие и дал команду на подготовку к проведению мероприятия. Однако в полдень наблюдатель сообщил, что основная масса обслуживающего персонала загрузилась в автобус и убыла в рядом стоящее село, предположительно на обед. На позициях батареи осталось два человека охраны. В ходе короткого совещания с командирами групп капитанами В. Цапко и О. Харчевным было принято решение изменить время проведения налёта и, используя благоприятную ситуацию на объекте, провести его немедленно. Уточнив на месте задачу, приступили к выполнению. Группы захвата и огневого обеспечения скрытно выдвинулись к объекту, бесшумно оглушили и связали охрану. После этого группа минирования осуществила закладку зарядов в казённую часть орудий, боеукладки и пульт управления огнём. Для подрыва использовался пластик и зажигательные трубки ЗТП-300.

Получив доклад о готовности к подрыву, я дал команду отходить на пункт сбора (ПС). Отряд вышел на ПС установленным ранее порядком, где собрался в полном составе. После срабатывания зарядов я, наблюдая в бинокль, лично убедился в том, что подрыв зарядов достиг ожидаемого результата, после чего я дал команду на выход в район эвакуации. Для этого использовали заранее выбранный маршрут.

В ходе разбора действий были отмечены высокая выносливость и слаженность тактических действий личного состава, а также высокие профессиональные знания и навыки МПД. Можно сказать, что налёт прошёл по классической схеме. Однако успешное выполнение задачи омрачило то, что пока мы минировали орудия, проводник-азербайджанец застрелил двух армян, которых связали мои бойцы.

Уже в базовом лагере на используемых нами частотах вышли представители армянских вооруженных формирований и сообщили, что знают про нас

всё: место дислокации бригады, фамилии командиров, адреса семей. Они напомнили, что мы живём в одной стране, и предупредили, что, если нужно, всех найдут, а за убитых будут мстить. Честно скажу, это подействовало сильно, поэтому в дальнейшем старались по возможности крайние меры не применять.

По возвращении в Азербайджанское село проводник эмоционально рассказал односельчанам о наших подвигах, поэтому глава администрации устроил пышный приём: шашлык, зелень, сыр, вино, чача. В общем, соблазнили нас кавказским гостепреимством, и потому к указанному сроку в базовый лагерь бригады мы не вышли. Командир бригады полковник Гордеев отправил за нами заместителя комбата подполковника Петрова. Прибыв в Кемерли и застав меня с подчинёнными в таком состоянии, он был очень «огорчён», но быстро извлек нас из-за столов и, проверив оружие (благо всё оказалось на месте), возглавил колонну отряда. Спас меня от гнева Гордеева только результат.

Обострение обстановки в Азербайджане

С переходом власти к «Народному фронту» в начале 1992 г. обстановка обострилась, продолжались провокации в отношении военнослужащих и членов семей, участились случаи захвата оружия и техники. Бригада находилась в состоянии постоянной боевой готовности. Хотелось бы отметить, что, несмотря на многие попытки нападения на одиночные автомобили и солдат и офицеров, ни одного ствола или единицы техники боевиками «Народного фронта» захвачено не было.

В свою очередь уверенные действия личного состава заставили уважать и бояться ребят из Перекишкюля. Так, в один из дней в районе площади 11-й Красной Армии с целью захвата подвергся нападению автомобиль «Урал» со старшим – начальником автослужбы отряда старшим лейтенантом В. Луганским. В результате бдительности и активных действий личного состава нападение было отбито, два бандита уничтожены.

В ППД бригады также были приняты беспрецедентные меры безопасности: созданы группы быстрого реагирования, на крышах жилых домов развернуты НП и оборудованы пулемётные гнезда, организовано патрулирование внутри и по периметру городков, офицерскому составу выдано на руки оружие и боеприпасы.

Однажды в вечернее время патрулём под руководством прапорщика Шведова на дороге Баку–Шемаха, проходящей в непосредственной близости от территории военного городка, был обнаружен стоящий на обочине автомобиль «Урал» без номеров и опознавательных знаков. При попытке досмотра автомобиля из кузова по патрульному наряду был открыт огонь из стрелкового оружия. Патруль вступил в бой с группой вооружённых людей, вызвал дежурные силы и средства и до их подхода во взаимодействии со вторым патрульным нарядом во главе с прапорщиком С. Кунгурцевым вел обстрел автомобиля. Когда дежурное подразделение прибыло на место боя, то в ходе его осмотра в кабине «Урала» ими был обнаружен труп в черной

маске, а также автомат и пистолет, а в кузове автомобиля большое количество боеприпасов. Со слов патрульного наряда, несколько бандитов, отстреливаясь, отошли в направлении гор. В это же время было замечено движение легкового автомобиля по дороге со стороны учебного центра Бакинского общевоинского училища в нашем направлении. Две группы из состава моей роты заняли огневые позиции вдоль обочины дороги. Когда автомобиль приблизился, оказалось, что это УАЗ-469, также без номеров и опознавательных знаков. Начальник ОПО бригады подполковник С. Рудой дал команду остановить машину, однако водитель машины, увидев на дороге солдат, увеличил скорость, и УАЗ начал быстро удаляться. Трудно сказать, кто дал команду на открытие огня, но огонь по отъезжающей машине был открыт из нескольких десятков стволов практически одновременно. В результате огня стрелкового оружия транспортное средство остановилось.

В ходе досмотра салона машины были обнаружены: один раненый боевик и три трупа в масках. При них было: 5 автоматов, различное оборудование и средства связи, принадлежащее полигонной команде БакВОКУ. Через несколько часов в бригаду прибыло большое количество работников прокуратуры, местных властей и «Народного фронта». Буря возмущений по факту «массового убийства мирных граждан» спала после того, как при проверке номеров захваченного оружия оказалось, что несколькими днями ранее оно было отобрано у выездного караула одной из воинских частей. На следующий день убитые бандиты были с почестями захоронены в центре города Баку, а бригада объявлена «вне закона».

По решению командования ЗакВО для усиления в бригаде по временному штату была создана рота на БМП (машины получили в мотострелковом полку, который дислоцировался в Сальянских казармах). Возглавил роту капитан В. Малахов. В дальнейшем, до самого вывода бригады, это подразделение служило реальным устрашающим элементом для тех, кому мы мешали. В июне 1992 г. перед самым выводом, а точнее в ночь перед ним, по приказу Командующего ЗакВО, несмотря на упорное сопротивление командира бригады полковника А. Т. Гордеева, техника была передана уже созданным на тот момент Вооруженным силам Азербайджана.

Для перегона БМП прислали курсантов Бакинского ВОКУ, однако разочарованные решением руководства и обиженные на всех наши «танкисты» (так мы называли экипажи машин) под руководством старшего лейтенанта А. Хоптяра в последний момент перерезали в силовом отделении всех БМП патрубки и маслопроводы. Поэтому с утра, когда под флагом РФ колонна бригады начала движение, вдоль трассы на различном удалении друг от друга стояли наши ставшие родными БЭХи с различными движками. Ожидаемых провокаций до границы не произошло, уж больно грозный вид имела колонна.

Нельзя не отметить тот факт, что благодаря уверенным и жёстким действиям командования и всего личного состава, бригада – единственная из всех частей, дислоцированных на территории Азербайджана, вышла в новый пункт дислокации со всей техникой, вооружением и боеприпасами.

На новом месте

После выхода бригады в Ростовскую область первым временным местом дислокации стало учебное поле полка гражданской обороны возле села Ковалёвка. На тот момент в ротах оставалось по 5–6 человек, так как в течение полутора лет молодого пополнения в бригаду не поступало из-за протестов родителей призывников, направляемых для прохождения службы в республики Закавказья. В течение нескольких дней оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и различное военно-техническое имущество было сдано на окружные склады, развернуты палатки для проживания оставшегося личного состава, организована примитивная служба войск в виде импровизированного КПШ, жиденького патрульного наряда и наряда по столовой.

До конца лета задач практически никаких не поступало, и в образовавшуюся передышку офицерский состав предавался радостям жизни в забегаловках и на левом берегу Дона.

Но осенью, в самую распутицу, бригаду переместили на несколько километров севернее и расположили на бывшем гороховом поле, где началась реальная борьба за выживание в условиях низких температур, грязи, недостатка, а зачастую и отсутствия воды и света.

В этих условиях одновременно началось строительство одноэтажных зданий барачного типа и комплектование бригады личным составом, который из-за отсутствия элементарных бытовых условий и творившегося в стране бардака бежал из подразделений «пачками», под прикрытием Комитетов солдатских матерей. При этом боевой подготовки никакой, учебно-материальной базы нет, стрельбища нет и даже оружия нет и т. д. Спас бригаду от деградации и разложения разразившийся конфликт между ингушами и северными осетинами.

Осетино-ингушский конфликт

В ноябре получили боевую задачу, как обычно, очень быстро укомплектовались, вооружились, за неделю провели с бойцами занятия на пальцах, восстановили почти разграбленную технику и колонной своим ходом выдвинулись в столицу Северной Осетии – город Владикавказ, где расположились на базе общеевойского училища. Признаться честно, это была всеобщая радость оказаться в теплых казармах с горячей водой. Задачи были несложные – патрулирование, поиск и изъятие оружия и боеприпасов у населения и так называемая «свободная охота», которая заключалась в патрулировании заранее выбранного маршрута на бронетехнике. Так продолжалось до начала 1994 г. Потерь не было, особых подвигов не совершали, результатами похвастаться особо не могли, если не считать задержанного автомобиля ГАЗ-66 с двумя бандитами, у которых были изъяты крупные суммы денег, автомат Калашникова и пулемет КПВТ. Положительным моментом является то, что в этот промежуток времени сформировались воинские коллективы. И командиры, и личный состав имели возможность предметно заниматься боевой подготовкой, что очень пригодилось в последующих испытаниях, выпавших на бригаду в ходе обеих Чеченских кампаний.

САМОЕ ЯРКОЕ ВРЕМЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ (окончание)

(В. В. Ковалев)

Переформирование

Вышли сначала в Кушку, а затем переместились в Иолотань, где шла сдача оружия и остатков техники, а также проводилось переформирование и переход на новые штаты. Было принято решение, что 370-й ооСпН возвращается в состав 16-й бригады. В составе 22-й бригады останется 173-й и 411-й ооСпН, а также будет сформирован линейный 1-й батальон бригады. Поскольку боевая техника штатом не предусматривалась, отправились в другие воинские части наши зампотехи, механики-водители и операторы-наводчики. Переформирование шло за счет личного состава и офицеров подразделений бригады примерно 2–3 недели. Личный состав перемешивался, переходя из одного подразделения в другое.

К сожалению, вывод принес не только приятные хлопоты, но и проблемы, которых никогда ранее в отряде не было. Безделье в боевом подразделении никогда не приносило пользу. Началось стремительное падение воинской дисциплины, как в среде солдат и сержантов, так и в среде офицеров и прапорщиков. К этому времени пришли награды, и мы ходили их обмывать. Местные увеселительные заведения благодаря нам выполнили и перевыполнили социалистические обязательства по денежной выручке.

Наконец прошли новые назначения согласно вновь утвержденного штата, а «лошкаревцы» убыли в Чучково. Также в Чучково отправили Игоря Веснина и Сашу Тура из нашего отряда. Первый батальон бригады был сформирован из личного состава 370-го отряда. Штат его был довольно куцый и состоял всего из двух рот разведки. В отдельных отрядах также произошли изменения. Вместо группы связи появилась рота связи. Вместо роты материального обеспечения остался взвод. Определенные изменения претерпел и штаб отряда.

К середине августа эшелонами через Красноводск, паромом через Каспийское море мы прибыли в Баку. Бригада вошла в подчинение командованию Ставки Южного направления, которая размещалась здесь. Пунктом постоянной дислокации стал н. п. Перекешкюль, где располагалась 136-я ракетная бригада.

Место унылое, малопривлекательное. Если внутри периметра городка еще попадались деревья, то вокруг – типичная горно-пустынная местность. До города около тридцати километров.

Здесь разместился штаб бригады, первый батальон, батальон связи и 173-й отдельный отряд.

Фарахрудскому 411-му отряду снова повезло. Их пунктом постоянной дислокации стал один из районов Баку под названием Патамдар. В сравнении с Перекешкюлем просто центр цивилизации с видом на море, и, что самое ценное, отряд оставался отдельным географически.

Рота ветеранов

С прибытием в Баку наши бойцы тут же начали демонстрировать местным бойцам-ракетчикам свой «крутой норв».

Во избежание эксцессов всех дембелей и старослужащих, увольнение которых должно было состояться осенью 1988 и весной 1989 г., свели в 3-ю роту 173-го отряда. Но поскольку это была рота Героя Советского Союза Арсенова, то, опасаясь за моральное состояние роты, ее переименовали во 2-ю роту. Также там были ребята призыва осени 1987 г. Они практически застали только краешек войны, прибыв за 2–3 месяца до вывода, и поэтому были на нижней ступени иерархии военнослужащих срочной службы в этой роте. Их было немного, человек 5–6.

В роту отобрали самых зубастых офицеров, поскольку это воинство в Союзе стало слушаться весьма неохотно. Командиром роты назначили старшего лейтенанта Игоря Морозова, командирами групп меня, Виктора Мусорова и Александра Тоскина. Он поступил в училище из прапорщиков и был самым старшим среди нас по возрасту и при этом довольно мягок и добр к солдатам. Надо сразу заметить, что Игорю Морозову удалось наладить с личным составом нормальные отношения. Возникло нечто вроде договоренности о взаимном уважении. Бойцы не наглют, поскольку командуют ими боевые уважаемые офицеры, но и офицеры, памятуя о заслугах своих подчиненных, не перегибают палку в отношениях.

Конечно, так или иначе, были нарушения воинской дисциплины. И сарказмы, и неуставные отношения и по отношению с младшим призывом, и при общении с личным составом соседней ракетной бригады. Но, так или иначе, это имеет место всегда в воинских коллективах, где служат люди. Весь вопрос в том, насколько это происходит часто, выходит ли за какие-то общепринятые нормы. Нашими стараниями это оставалось в неких приемлемых рамках.

О бытовых условиях и боевой подготовке

Вывод бригады из Афганистана находился под пристальным вниманием политического руководства. Первый секретарь Компартии Азербайджана Абдурахман Везиров лично интересовался состоянием дел в бригаде, неоднократно приезжал к нам, контролировал, как идет обустройство на новом месте. Благодаря ему для части было сделано очень многое. Быстро решился жилищный вопрос. В рекордные сроки для семей офицеров и прапорщиков были построены новые многоэтажные дома улучшенной планировки. Квартиры получили все, при этом хочешь – двухкомнатную, хочешь – трехкомнатную.

Военный городок, детский сад и школу тоже быстро привели в порядок. Магазин неплохо снабжался, стали строить офицерское кафе. Сделали для нашей бригады собственный отличный строевой плац, автопарк, воздушно-десантный комплекс.

Командование бригады каждому офицеру предоставило отпуск две недели, для того чтобы перевезти семью.

Но все это приводило к тому, что к нам в бригаду зачастили представители ЦК КП Азербайджана, Южной ставки, другие высокие гости. Соответственно началась рутинная работа по поддержанию соединения в состоянии постоянной готовности к... приему гостей. Побелка бордюров, покраска травы и асфальта и прочие радостные для боевых офицеров и солдат вещи. Кстати, оружие в бригаде появилось далеко не сразу. Был только набор автоматов и патронов для несения караульной службы.

Боевое назначение было туманным, поскольку наша бригада подчинялась ставке. Против кого мы должны были применяться, против Турции или против Ирана, было непонятно. Никаких распоряжений и установок на этот счет не было. Поэтому и боевая подготовка шла весьма условно на начальном этапе нашего пребывания в Закавказье, которое было не самым лучшим местом для продолжения службы после Афганистана. И если бойцам ничего не оставалось, как спокойно дожидаться увольнения в запас, то практически все офицеры категории командир группы написали рапорты об увольнении из Вооруженных Сил, полагая, что в Афгане долг Родине ими возвращен сполна. Правда, из всех написавших до госпиталя дошли человек пять, а уволился только один – Дима Подушков. Всем давили на совесть, даже возили на беседу к Члену военного совета Южной Ставки. Там обещали «синие горы и голубые дали», но все это было не серьезно. Тем не менее все, за исключением Димы, рапорты забрали. Он же занял жесткую позицию, которая формулировалась примерно так: «Я честно служил и был даже кандидатом в академию Советской Армии. Я бы и дальше продолжал служить, но не в Закавказье. После войны не хочется заниматься стройкой и прочими невоенными вещами, да еще под командой таких-то и таких-то, которых я не уважаю». Он готов был уволиться любым путем и добился своего.

В феврале 1988 г., еще до нашего вывода из Афганистана, грянули Сумгаитские события. Они-то и стали причиной того, что бригаду поставили в Азербайджан. Первоначально, по слухам, ее должны были вывести в Новочеркасск.

Первые Бакинские волнения

Опасения руководства вскоре подтвердились, и специальное назначение безоружной бригады стало понятно. В Баку начинались волнения. Поскольку оружия не было, выдали всем черенки от лопат и провели боевой расчет. Несколько раз поднимали по тревоге, но спустя некоторое время распускали в расположение. Штатное оружие получили, если не ошибаюсь, ближе к зиме.

В октябре 1988 г. я убыл в отпуск за своей семьей и уже дома из теленовостей узнал о серьезных волнениях в Баку. Но это меня не испугало. Я знал, что по боевому расчету за поддержание порядка в аэропорте отвечает рота моего друг Владика Шкиперова. Он нам и поможет добраться.

Действительно, поздно вечером прилетели в Баку и на выходе из аэропорта увидели бойцов в десантной форме. Я в гражданке. Подхожу:

— Солдат, ты с первой роты?

— Да.

- Где могу найти старшего лейтенанта Шкиперова?
- Не знаю такого.
- Хорошо, давай уточним. Ты с первой роты первого батальона?
- Да.
- И не знаешь Шкиперова?
- Нет!
- Ну, ты, солдат даешь! Командира роты надо знать!

Выхожу на площадь перед аэровокзалом и вижу БМД, по номерам которых я понимаю, что это машины рязанского полка тульской ввд.

Оба-на! Выходит тут все серьезнее, чем я предполагал, и сил нашей бригады недостаточно.

На мою удачу встретил однокашника по училищу. Попросил помочь. Он это мигом организовал. Власть принадлежала военным, и потому через несколько минут подъехала машина такси, которая в соответствии с распоряжениями военных властей была готова доставить меня с семьей в наш городок... бесплатно! Едем по городу и я вижу, что здесь не только тульская, но и псковская десантная дивизия, и масса курсантов школ МВД, и школ милиции. Буквально на каждом перекрестке Баку стоят блокпосты военных и милиции. Меня до глубины души поразило нахождение советской бронетехники на улицах столицы одной из пятнадцати советских республик. Ну, думаю, приеду в часть, разберемся.

Новое назначение бригады

Утром действительно ситуация прояснилась. Наша бригада не принимала участие в полицейских мероприятиях на улицах города, а находилась в здании райкома КП Азербайджана Октябрьского района. С этого дня и на долгие годы в наш лексикон вошла фраза «выполнение неспецифических задач». Нам были приданы микроавтобусы РАФ, которые до означенных событий мирно трудились в качестве маршрутных такси. В экипаж такой «боевой» машины входил офицер с радистом, несколько бойцов и милиционер в звании старший лейтенант или капитан одной из школ милиции неobjятного Союза. Он нужен был для соблюдения законности. О том, как она соблюдалась милицией, я скажу ниже.

Задача заключалась в оперативном реагировании на сигналы о фактах беспорядков. Такими фактами, как правило, были посягательства азербайджанцев на жизнь и имущество армян, проживавших в Баку. Когда я через пару дней прибыл в этот райком, то увидел, что крайне редко можно было застать во дворе хотя бы две машины одновременно. Не успевал экипаж вернуться с одного выезда, как тут же поступал сигнал об очередной задаче. Эта карусель крутилась безостановочно в течение нескольких пиковых дней. Люди не успевали не просто отдыхать, но и даже спать и принимать пищу. Комендантом Октябрьского района города Баку был назначен замкомбрига подполковник С.И. Русков. Он и распределял задачи.

Обычно на месте происшествия картина была характерная. Одноэтажные домики, где армяне компактно проживали своими диаспорами, или

многоквартирные многоэтажные дома. В доме простреленное стекло, кровь на подоконнике, выломанная дверь. В углу забившаяся и испуганная до смерти семья армян. По показаниям картина событий была тоже довольно типичной для тех дней. Толпа вламывалась в дом, хозяев избивали, забирали ценные вещи, но к нашему приезду мародеры разбежались, и милиционеру оставалось только зафиксировать факт преступления в протоколе.

Мы действовали, примерно как на облете. Машина подъезжала, из нее высаживалась группа и проходила в дом, прикрывая выход, еще один человек оставался для охраны машины.

Иногда выезжали двумя-тремя группами, что позволяло блокировать квартал, перекрыть проходные дворы и задержать налетчиков.

Пик нагрузки длился несколько дней, а потом активность выездов стала спадать. Во дворе скапливалось несколько машин, свободных от выездов. Появилось время для сна и отдыха. Можно было увидеть спящих солдат и офицеров или играющих в нарды в ожидании очередной задачи. Кто-то читал книги, кто-то пытался смотреть «телек». Постепенно в соответствии с уменьшившимся объемом задач, сократили количество привлеченного личного состава. Часть вернули в расположение бригады.

У братьев-десантников

В этот период затишья решил я навестить своих однокашников по десантному факультету РВДУ. У них основные силы располагались на блокпостах, контролируя передвижение по городу и соблюдение комендантского часа. На всех блокпостах обязательно находились милиционеры. Их собрали со всех школ и институтов МВД СССР. Очень много было подразделений Внутренних Войск. Дивизия Дзержинского блокировала центральную площадь города.

Иногда движущиеся без разрешения машины задерживали до утра. Какие-то машины милиционеры арестовывали, иногда десанникам пришлось открывать огонь.

В Насиминском райкоме, в центре города, рядом с железнодорожным вокзалом располагался штаб тульской ввд.

У туляков, как и у нас, тоже были мобильные группы, правда, на БМД. Они выезжали не по фактам грабежей армян, а в случае, когда собиралась толпа не менее 300 человек. Прибыв, они обычно добивались того, что люди расходились. Конечно, это было совсем непросто. Начинали с уговоров, реже в ход шло оружие. Но работать с толпой очень сложно. Надо знать ее психологию. В стае каждый заводит соседа. И истерия нарастает до взрыва. Для эффективного давления на толпу необходимо лишать ее заводил. Обычно именно они и делают погоду. Как только толпа лишается этих дестабилизирующих субъектов, она постепенно успокаивается. Очень эффективен был способ, когда из толпы вытаскивали такого заводилу и очень красиво били ему лицо. Толпа обычно впечатлялась и расходилась. Иногда для достижения эффекта мог сойти не обязательно заводила. Просто, подходящий для этих целей субъект, стоящий рядом. Орать же просто на толпу бесполезно.

У десантников эти вопросы были отработаны. Когда из толпы выдергивали зачинщиков, их доставляли в «застенки» райкома, во дворе которого дежурил «реанимационный» автобус. Это на тот случай, если гвардейцы-десантники немного переусердствуют в вопросах воспитания нарушителей порядка. Надо сказать, что медики в этом автобусе работой были обеспечены, «материал» поставлялся, как на конвейере.

Командовал дивизией полковник А.И.Лебедь.

Поступив в РВДУ в 1981 г., я еще застал его командиром курсантской роты. И вот довелось с ним снова встретиться в коридорах Насиминского райкома. Устав слушать вопли задержанных, Лебедь вышел в коридор из своего кабинета:

— Что здесь происходит?

— Пытаемся объяснить зачинщикам их неправоту.

— А вот так вот сделать нельзя, чтобы оно не орало на весь райком?

Далее комдив продемонстрировал, что и как надо исполнить. «Оно» действительно больше не орало.

Конечно, Лебедь пользовался у бойцов непререкаемым авторитетом.

С ним в райкоме стоял костромской полк. Парадный. Тот самый, что ежегодно представлял воздушно-десантные войска на Красной площади. Парни, один к одному, как на подбор все рослые. Когда я приехал к Виктору Назарову, своему другу и однокашнику в гости, то не застал его. У них был аврал, и свободных групп практически не было. Мне предложили подождать моего товарища. Только он вернулся, как спустя несколько минут звучит команда: «Назаров! На выезд!». Снова сижу, жду. Тут появился Лебедь:

— Ты кто такой?

— Был у вас курсантом тогда-то.

— Понял, а почему в гражданке?

— Я сейчас служу в 22-й бригаде спецназ.

— Отлично! Не забыл, как водить БМД?

— Нет!

И тут я получаю от Лебеда задачу срочно выехать на очередной сигнал с остатками личного состава, находившимися в штабе дивизии. Уже спускаюсь вниз по лестнице, и мне навстречу поднимается Виктор. Увидев его, Лебедь дал мне отбой, а Виктор в очередной раз убыл на усмирение кого-то.

«Бойцы правопорядка»

В начале 1989 года волнения пошли на спад. Часть десантников уехала. Поле этого нашу бригаду начали ставить на блокпосты.

Один из таких блокпостов находился на перекрестке проспекта Ленина и еще какой-то оживленной улицы. На посту стоял БТР и танк с экипажем. Курсантов школы милиции человека три и наших бойцов столько же. Службу солдат периодически должен был проверять офицер.

Хочу сразу заметить, что наши бойцы из этой службы не пытались извлечь какую-то выгоду. Может быть, были отдельные случаи мздоимства, но люди, совершавшие такие проступки, не афишировали это.

В милиции было все наоборот. Если наши тяготились такой службой, то милиционеры туда стремились. Спросите почему? Правильно! Еще тогда они из этого извлекали самую существенную материальную пользу. Как это происходило я увидел во время одной из первых проверок блокпоста.

Увидев меня, милиционеры радостно воскликнули: «Вот! Командир приехал! Давайте покажем ему, как мы рады его видеть. Вася, продемонстрируй наше кавказское гостеприимство!».

Далее, как я понял, все шло по уже накатанной схеме. Останавливалась движущаяся через блокпост машина, ставилась на штраф-площадку и водителю объявлялось, что и в течение какого времени он должен доставить на блокпост и как «накрыть поляну». По свидетельству «солдат правопорядка», попадались и непонятливые, которые удивлялись, почему это они должны что-то приносить, если они ничего не нарушили. Тогда появлялся один из слушателей школы, который до поступления служил в ГАИ. Он быстро доказывал водителю, что машин без нарушений не бывает, и тот вскоре соглашался с выдвинутыми требованиями. Приносили и соленья, и варения, и колбасы, и деликатесы, все что только милицейская душа не пожелает. Конечно, брали они не только натурпродуктом, но и не гнушались принимать ассигнации.

— Что? Комендантский час наступит через пять минут? Да! Но я ведь буду тебя проверять только пять минут, а потом уже наступит комендантский час!

В результате у человека возникали проблемы на ровном месте и разрешить их можно было, только положив «защитнику социалистической законности» N-ую сумму в правый или в левый карман.

Конечно, в городе были беспорядки и в этой мутной воде совершались вполне реальные преступления, в частности угоны автотранспорта. Подъезжая к посту, угонщики просто бросали машину. Если вы думаете, что машины вскоре возвращались законным владельцам, то вы сильно ошибаетесь.

Как минимум с них сразу же сливался бензин и продавался кому-то. Но количество автомобилей, задержанных за различные нарушения, росло, и милиционеры пользовались ими безраздельно и по своему собственному усмотрению. Например... играли на них в мотобол.

Однажды они предложили мне съездить с ними в Патамдар, где временно располагалась их школа. Ехали в комендантский час безо всяких пропусков, но останавливаясь на постах, мы объясняли, кто мы и куда едем, и нас пропускали. На «Площади фонтанов» было некое подобие одесской Потемкинской лестницы. Ничтоже сумняшеся на этой машине, принадлежащей какому-то гражданину, товарищ милиционер спустился по этой лестнице. Когда кончился бензин, машину бросили. Далее поехали на другой, такой же взятой у знакомых милиционеров на другом посту.

В общем, после всего этого беспредела по защите имущества граждан, за машинами можно было не приходить, а отправлять их прямо на свалку.

Стояли мы на этой точке около месяца, после этого нас сменил другой отряд. Постепенно волнения сошли на нет, и первые Бакинские беспорядки закончились.

Рота

Весной 1989 г. демобилизовались последние бойцы, воевавшие в Кандгаре. Поскольку мы остались без личного состава, то заниматься с прибывшим молодым пополнением предстояло тоже нам. Мы должны были не только провести с ними курс молодого бойца, но и произвести отбор, оставив в бригаде только самых достойных. Количество прибывших значительно превышало потребности бригады. Тех, кто по каким-либо критериям был забракован, отправляли служить в другие части. В течение месяца мы занимались с этими ребятами, помогали им сержанты, которые были самым молодым призывом в роте дембелей-афганцев. Наградой нам за эту селекционную работу послужило право из всех отобранных в бригаду произвести отбор для своей роты. Избрать из избранных. Парни были в основном с Дальнего Востока: Хабаровск, Владивосток, Комсомольск-на-Амуре.

Курс молодого бойца закончен, пополнение распределено по подразделениям. Вдруг вызывает заместитель командира бригады С.И. Русков. Оказывается, к нему пришли двое из отчисленных нами, которых отправили для дальнейшего прохождения службы в бригаду связи. Они самовольно оставили часть, но дезертирами себя не считают. Хотят служить, прямо горят желанием. Но у них, видишь ли, условие. Хотят служить у нас. Русков приказал нам их взять. Это были самые слабые солдаты в нашей роте. Но я уверен, что в любом другом подразделении они наверняка были бы в числе лучших!

За исключением сержантов, которым уже через полгода предстояло увольнение в запас, рота состояла из одного призыва. Ребята имели правильное воспитание, понимание чувства локтя. Настоящие русские мужики. Они считали, что надо служить по-настоящему, а не прохлаждаться во время службы. Отличные были парни.

За все время службы я не видел ни у нас, ни где бы то ни было, подразделения лучше и сплоченнее. Я говорю так, не потому что это была наша рота, а потому что это действительно так. Это было воинское подразделение, такое, каким оно должно быть.

Игорь Морозов очень толково и интересно организовал боевую подготовку. Он не ленился проводить ночные занятия в поле, практические занятия по минно-подрывному делу. Стреляли часто. Правда, штатного спецназовского стрельбища не было, поэтому упражнения, которые выполняли бойцы, не соответствовали требованиям курса стрельб. Но мы, используя нашу фантазию, боевой опыт и подручные материалы, могли накрыть любую мишенную обстановку. Бойцы стреляли отлично безо всяких подстав и «мухлеза». В тире набивали руку в стрельбе из ПМ и бесшумного оружия.

Был в городке бассейн. В отличие от многих других воинских частей, где бассейнами пользуются исключительно офицеры и члены их семей, наши бойцы были допущены к этому благу. Поэтому личный состав имел возможность отрабатывать нормативы по плаванию с оружием и в обмундировании, а также соревноваться в обычном спортивном плавании.

С большим уважением в подразделении относились к воздушно-десантной подготовке. Устраивали соревнования на знания теории, матчасти, со-

ревновались в скоростной укладке парашютов. Программу перевыполняли все, при этом искали и находили возможности для дополнительных прыжков. Условия для этого в бригаде были. Аэродром Насосная рядом, оттуда взлетали при прыжках с самолетов ВТА. А напротив КПП части имелась бетонная взлетная полоса, позволявшая использовать вертолеты Ми-6 и Ми-8. Площадка приземления находилась здесь же, в непосредственной близости от городка.

Личный состав интересовался службой, занимался спортом, организовал художественную самодеятельность. В роте был свой ансамбль, ребята писали песни. По спорту рота была первой и постоянно выигрывала соревнования на первенство бригады. Практически все съездили в отпуск и не по одному разу. Был такой не рядовой случай. Сержант Валера Чижма, уже женатый парень, за отличие в службе съездил в отпуск неоднократно. После победы на одном из соревнований по гиревому спорту, где призом был опять же отпуск, Валера попросил отпустить вместо себя другого солдата.

Неуставных взаимоотношений не было вовсе. Это был настолько четкий и отлаженный механизм, что по большому счету офицеры могли бы приходить на службу иногда, и все бы шло так, как надо. Поэтому на нашу роту командование бригады делало особую ставку и поручало особые задачи.

По инициативе Игоря Морозова в роте был создан мини-музей. Экспонатами служили фотографии, которые когда-то украшали стены нашего кандагарского модуля, шильды от забитых транспортных средств, некоторые личные вещи, карты зоны ответственности отряда с отмеченными результатами, датами и номерами групп. Это также играло важную роль в поддержании традиций, в воспитании у бойцов чувства гордости за легендарное подразделение.

Командованием отряда была установлена традиция – 24 октября, дата, когда отряд понес самые большие потери, отмечать День Памяти погибших. Много позже этот день приказом министра обороны официально назначен Днем Спецназа. Для нас же он по-прежнему остается Днем Памяти.

На соревнованиях

Как показатель уровня подготовки приведу пример. В 1990 г. в бригаде готовились к соревнованиям групп на первенство Вооруженных Сил СССР. Командиром группы был назначен Сергей Федоренко. Для этого, по обыкновению, собрали сборную со всей бригады, вошли в эту группу и двое бойцов из нашей роты. Сборная готовилась пару месяцев, а потом ей предстояло ехать в Лагодехи на соревнования групп СпН Закавказского Военного округа. В них должно было участвовать по две группы от бригад и одна от отдельной бакинской роты. О том, что должна ехать вторая группа, видимо, в штабе бригады узнали незадолго до выезда на соревнования. Комбат построил отряд, и спустя некоторое время выяснилось, что второй группой будет моя штатная группа. Попытка откосить, уповав на то, что не готовились или предложение отправить кого-то помоложе, действия не возымели. Условия соревнований учили по пути в Грузию, в дороге. Понятное дело, что что-то

из экипировки у нас отсутствовало, за что на первом этапе соревнований сразу же мы получили штрафные баллы. Второй неудачей стал жребий. Нам выпало десантироваться первыми, что усложняло действия моей группы и облегчало работу остальным.

Третья проблема – радист. У Сереги Бескова, командира роты связи, все ребята были подготовлены хорошо. И наш радист был молодцом, но недавно переболел желтухой. Это стало известно уже на марше. Пришлось разгрузить парня и нести его РД, питание к станции. Саму КМку и оружие он все-таки не отдал.

Но, несмотря ни на что, в ходе соревнований моя группа обставила всех, кроме группы 12-й бригады, которая там готовилась к соревнованиям и, само собой, всю округу знала, как свои пять пальцев.

Когда подводили итоги, решили, по согласованию со мной, присвоить нам третье место, поскольку к соревнованиям все же готовилась группа Федоренко, именно ему предстояло ехать на Союзные «скачки».

Возвращаясь в бригаду, мои парни заподкалывали разведчиков Федоренко: «И что толку, что вы готовились столько времени? А результат? Мы и в нарядах ходили за вас, и специального времени на подготовку не имели, и все равно вас обставили». Возразить было нечего.

Попытка заняться боевой учебой

Тем временем в расположение бригады провели озеленение, навели порядок с хранением и учетом оружия. Организовали музей бригады. Трофеи, вывезенные из Афгана, сначала хранились в ящиках на складе артвооружения, а потом для музея выделили помещение, а для экспонатов сделали красивые остекленные шкафы. Из экспонатов в основном были старые винтовки и карабины «Ли Энфильд», но была и пара пулеметов, шестиствольная пусковая установка реактивных снарядов и даже одна винтовка М-16.

Сделали классы боевой подготовки, но времени заниматься плановой боевой подготовкой не было.

Как-то мы с офицерами посчитали, сколько времени за предыдущий год находились в ППД. Выяснилось, что всего три месяца. Остальное время – то в командировках, то на блокпостах, кого-то охраняли, кого-то с кем-то мирили.

И все-таки по возможности боевая учеба проводилась. Проводились и учения. Батальонные, бригадные, совместные с ракетчиками.

Летом 1989 г. принимали участие в учениях с органами госбезопасности. На этих учениях моя группа должна была вести наблюдение за переброской войск. Сразу за ростовской трассой проходила железная дорога, что было очень удобно. В течение пяти дней мы, переодетые в гражданку, успешно изображали из себя группу туристов, загора и купаясь в море и по ходу наблюдая за движением по автомобильной и железной дороге на нашем участке. В назначенное время радисты уходили подальше и давили оттуда связь.

После второго сеанса в нашем районе появились УАЗики со странными гражданами, которые опрашивали отдыхающих о подозрительных лицах, за-

меченных ими. Но, судя по тому, что мы отработали без проблем, никто ничего не заметил.

Как-то вечером пришлось защитить честь женщины. Какой-то азербайджанец привез ее на пляж купаться, но потом стал издеваться над ней и избивать. Мы стояли перед дилеммой, вступить за честь женщины, рискуя в ходе разбирательств с милицией засветить наше задание, или, молча, сидеть и смотреть на все это. Выбрали третье. Безо всяких разбирательств дали мужику в морду, а женщину посадили в машину на трассе и отправили в Баку.

Кто-то из наших проник на крупный склад боеприпасов и успешно его «уничтожил», кто-то вынес из штаба Ставки документы, попутно нарушив связь.

Правда, одну группу чекистам все же удалось взять. Командовал ею офицер, который перед Афганом служил в Марьиной Горке, где его во время совместных учений с КГБ тоже повязали. Вот такая стабильность.

В учениях с ракетной бригадой получали выгоду обе стороны. Разведчики тренировались в организации и проведении поиска оперативно-тактических ракет на позициях, вскрытии системы управления, охраны, обороны. Проникали на объект, традиционно снимали номера с машин, хулиганили. Ракетчики учились противостоять диверсантам, пытались добросовестно охранять позиции и имущество. Не могу говорить за всех своих сослуживцев, но моей группе всегда удавалось без проблем проникнуть на объект, как будто охраны там вовсе не было. А ведь ракеты у них были нешуточные, «Эльбрус», по классификации супостата – «Скад Б».

Был случай, вызвавший серьезный резонанс.

Группа первого батальона под командованием капитана Яремчука пересердствовала и захватила какую-то машину-радиостанцию. Игрушка оказалась жутко важной и секретной. Виноватыми, как водится, назначили не ответственных за неприкосновенность, а организаторов учений и инициативных разведчиков.

Однако этот всплеск боевой подготовки скоро снова сошел на нет.

Армяно-азербайджанский конфликт

С обострением армяно-азербайджанского конфликта наша бригада выехала в Казах на границу Азербайджана и Армении.

В это время армяне обстреливали территорию Азербайджана из градобойных орудий, которые, по сути, являлись обычными зенитными орудиями калибра 85 мм.

В первый же день несколько групп получили задачи. Нас собрали офицеры, прибывшие из ГРУ, и сообщили, что обстановка серьезная и потому действуем в соответствии с инструкцией по боевому применению. Какой-то полковник сказал: «О том, что вы здесь, никто не должен знать, а если он случайно узнал об этом, то ему крупно не повезло...».

В то же время не было никаких боевых приказов, никаких оперативных дел на группы никто не оформлял. Задачи ставились исключительно устно. Первая группа была моя, вторым офицером у меня был Серега Федоренко.

Вторая группа была Валеры Рыбака, а третья группа – из 411-го отряда, к сожалению, фамилию командира не помню.

В первый же вечер мне поставили задачу взорвать мост и сделать завал на дороге для воспрепятствования доставки из глубины территории Армении боеприпасов к градобойным орудиям.

Задача Рыбака – обнаружить позиции градобойных орудий.

Какая задача стояла перед группой 8 батальона, мне неизвестно.

Моей группе придали двух местных милиционеров-проводников, которых мы забрали в какой-то деревне на границе. Они были вооружены автоматами. Чтобы они не отличались от нас, мы их переодели в маскхалаты. Получили взрывчатки столько, сколько смогли унести, и пошли.

Перед самой границей милиционеры начали проявлять беспокойство: «Командир, если тебя армяне поймают, они еще подумают, что с тобой делать. А если возьмут нас, то головы отрежут сразу». Спрашиваю, что они предлагают. А предложение простое: «Дальше идти опасно, можно мы здесь останемся?». Как гора с плеч! Конечно, можно! Бойцы из них были никакие, о скрытном и бесшумном передвижении они и не слыховали, физическая подготовка отсутствовала напрочь, нянькаться с ними надоело, как проводники они мне тоже были ни к чему. Идите по домам! Аллах с Вами!

Дальше шли своей группой без задержек. Перед рассветом прибыли к участку дороги, на котором надо было сделать завал. Подорвали часть насыпи и деревья, чтобы они перегородили дорогу. Дневку провели на горе, покрытой густым лесом и кустарником. В следующую ночь двинулись ко второму объекту. Мостом оказалась бетонная труба, через которую были переброшены бревна. Чтобы нормально разрушить мост, нашей взрывчатки было мало, и потому мы вместе с ВВ заложили «Мухи», «Шмели» и все, что могло взрываться. Рвануло неплохо. Далее начали ускоренно уходить с места диверсии и не напрасно, поскольку нас вскоре начали искать и даже организовали некое подобие преследования.

Но мы оторвались и вышли на гору, откуда нас должны были забирать. Сутки пересидели, организовав наблюдение за результатами нарушения дороги. Завал армяне расчистили быстро. Но мы ничего другого и не ждали. А мост нам было не видно, он был километрах в десяти.

Одно было ясно, нас ищут. С горы в стороне наблюдали действия, напоминавшие действия группы на облете. При этом работали Су-25. Похоже, что пытались эвакуировать чью-то группу. Стало ясно, что война разгорается всерьез. Нас вовремя эвакуировали вертолеты, поскольку к нашей высоте постепенно подтягивались какие-то формирования.

Когда приземлились на аэродроме, то первых, кого я увидел, это офицеров военной прокуратуры. Они сразу начали меня крутить:

— Ну, рассказывай! Где был, что делал?

— Никого не трогал, ничего не знаю.

— А милиционеров куда дел?

— Отпустил.

— Поедем, будешь писать объяснения, где милиционеры.

Приезжаю, докладываю комбригу. Он звонит начальнику разведки округа. Слышу в трубке: «Кто командир группы?»

— Ковалев

— Да он их зарезал!

Вот это да! Спрашиваю комбрига:

— Что делать. Он мне говорит:

— Вспоминай куда их дел.

— Что вспоминать? Отпустил!

Ушел я в палатку, как оплеванный. Но ладно бы такое было только со мной. То же с Рыбаком. Весь тот же расклад. Но хуже всего досталось командиру группы 8 отряда. Во время выхода на площадку для эвакуации он столкнулся с преследователями. Получился встречный бой, но наши оказались проворнее и точнее. У нас пострадавших не было. Так его спасло только то, что на вертушке, которая его забирала, стоял фотопулемет, и на снимках отчетливо было видно, что трассы летят с обеих сторон. Только после этого его простили и дали орден «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени. А до этого, совершенно однозначно, определяли парня в тюрьму.

Все это нам всем сильно не понравилось.

Ночью за мной приехал особист: «Поехали в деревню! И твое счастье, если менты будут живы». Приезжаем в деревню, находим ментов. Они дают объяснения, что это именно они, и в доказательство показывают маскилаты, которые я у них не забрал. После этого и меня простили, но приказали готовиться к следующему выходу.

А вторая задача состояла в том, чтобы организовать засаду на некую группу, которая внешним видом и вооружением выглядела похоже на нас. Крепкие ребята, славянские лица, камуфлированные костюмы, приборы бесшумной стрельбы. Они приехали в соседнюю деревню и увезли куда-то двух милиционеров. Местные думали, что это мы.

Отсидели несколько суток в засаде в ожидании. Но было понятно, что здесь эта группа уже не появится. Что ей тут делать, если «ментов» они уже отсюда забрали? Привезти их обратно и попасть под наш огонь?

Следующая задача еще смешнее. Вызывает меня комбриг. Показывает на карте армянский город Иджеван. В пригороде железнодорожный мост, а под ним шоссе. Задача – рвануть мост так, чтобы он упал на автодорогу и прекратил движение и по ней. Полетели на облет. Мост, который я увидел, производил впечатление своими размерами. Несколько рядов железнодорожных путей, на бетонных быках. Под ним восьмиполосная автотрасса. Но самой большой радостью было то, что он находился за чертой города... только на старой карте. Сейчас же он был в городе, который видимо бурно развивался последние годы. Рядом с мостом отвесная скала. А на охране нормальное подразделение внутренних войск МВД СССР. Рядом караульное помещение и с каждой стороны по закопанному танку. Самый настоящий стратегический объект, который и охраняется соответственно.

Мне повезло, что со мной полетел начальник штаба отряда Андрей Григорьев, который был по профессии минер, а кроме него фотограф и кино-

оператор, которые все запечатлели на пленку. Прибыли, докладываем, показываем. Комбриг и говорит: «Раз такое дело, мы будем думать о том, как тебе ВВ на мост доставить, а ты думай, как задачу будешь выполнять».

Прикинул я, что заходить лучше с отвесной скалы. Там охраны меньше. Часовых уберем из бесшумного оружия. Караулку блокируем, экипажи до танков не добегут.

А тем временем Григорьев посчитал, сколько ВВ надо, чтобы этот мост рвануть. Выходило около железнодорожного вагона. Наши на полном серьезе рассуждают: «Группа Ковалева захватывает мост и удерживает его до доставки необходимого количества ВВ, а вертолеты доставляют взрывчатку на мост. Ковалев его подрывает и уходит».

Я тихо охреневаю от этого бреда и спрашиваю: «А нельзя ли туда одну хорошую бомбу бросить?». Мне отвечают, что самолеты там светиться не должны. Мне не понятно, в чем была разница между одним самолетом и кучей вертолетов, доставляющих взрывчатку на мост. Но мне уже ставят задачу готовить группу. Все остальное – не моего ума дело.

Больше всего меня в этой задаче напрягало то, что нам предстояло валить пацанов срочной службы, таких же, как и мои бойцы.

Когда же я задал вопрос своим разведчикам, готовы ли они выполнить такую задачу, они все, как один, выразили желание участвовать в этом мероприятии. Тут-то я в первый раз по-настоящему испугался реальной угрозы гражданской войны.

Слава Богу, поступила команда отставить.

После этого наш отряд уничтожал градобойки, проведя налет на позиции, а также мост, который я взрывал на первом выходе. Выяснилось, что он почти не пострадал.

В этот раз доставили ВВ столько, сколько нужно. При минировании моста туда выскочила какая-то местная машина, которая открыла огонь по подгруппе обеспечения. Подгруппа обеспечения ответила.

Когда проводили налет на позиции градобойных орудий, пришлось уничтожить какую-то охрану.

И опять дилемма, то ли нас награждать, то ли сажать в тюрьму.

Тот период был еще характерен тем, что в расположении ощущался недостаток питьевой воды. Зато вместо воды в центре полевого лагеря стояла огромная цистерна марочного вина «Акстафа» (винный завод находился в соседнем населенном пункте). Эта цистерна являлась презентом местного населения нам, как доблестным защитникам азербайджанского народа. Подогретые несправедливым отношением к нам военной прокуратуры и этим вином решили мы организовать забастовку. 9 мая приходит комбат и сообщает об очередной задаче. А мы ему в ответ: «Мы больше никуда не пойдем, пока уголовные дела, на нас заведенные, не закроют». Он сильно не настаивал.

Спустя некоторое время приходит снова и говорит: «На Севане зажали группу лагодехской бригады. Надо бы помочь». Посовещались и решили: «Лагодехцам поможем, а больше никуда не пойдем, пока наши условия не

выполнят». По дороге на аэродром поступила команда отставить. Их вытащили без нашей помощи. В конце концов уголовные дела закрыли и нас даже наградили, выдав по медали.

После этих событий я уехал в отпуск, а когда вернулся, бригада была уже в ППД. Но до возвращения они сначала перебрались в Кировабад, а потом в Нагорный Карабах, и там тоже перед ними ставили подобные задачи.

В результате личный состав нашей роты вместо благодарности за отличную службу уволили только в конце июня.

Вместо них нам снова прислали на перевоспитание весь сброд, но теперь со всего спецназа. Из Оловянной, из Уссурийска, из Бердска. Причина заключалась в том, что Закавказье признали «горячей точкой», где могли служить только добровольно изъявившие такое желание солдаты-срочники. Расторопные отцы-командиры быстро организовали «добровольное желание» среди залетчиков и разгильдяев. После нашей отличной роты работать с нарушителями воинской дисциплины было трудно. Приходилось перестраиваться, чтобы обламывать разгильдяев, верховодивших в роте. Все они были уже не молодые солдаты, а прослужившие год-полтора.

Новые волнения и ГКЧП

В январе 1990 г. в Баку снова начались волнения, и при этом они были намного серьезнее первых. Тогда снова в Баку были переброшены Тульская, Псковская, Белградская дивизии ВДВ, почти все бригады спецназа ГРУ, дивизии внутренних войск, школы милиции, училища МВД со всего Союза.

Из окна моей квартиры было хорошо видно заходящие на посадку на аэродром Насосная самолеты ВТА. Переброска войск велась несколько дней. Ил-76 без перерыва один за другим взлетали и садились. Но нас, как местных, для наведения порядка в городе решили не привлекать, а задействовать для решения задач в окрестностях Баку, для охраны Ставки и личной охраны прибывающих из Москвы высоких начальников.

Моему подразделению поставили задачу прибыть на склад боеприпасов для усиления его охраны. Прибыли, представились командиру. Он в недоумении. Оказывается, он никого не ждал и не просил в помощь. Ну, раз приехали, надо использовать появившиеся дополнительные силы. Сходили пару раз в караул для ночного усиления постов, и тут выяснилось, куда же нам на самом деле надо было ехать.

Как оказалось, объектом, охрану которого нам надо было усиливать, была Подвижная ракетно-техническая база (ПРТБ). Ее командир, полковник Сухов, запрашивал нас для усиления аж через Москву.

Это был очень серьезный объект, предназначенный для обеспечения ракетных бригад ядерными боеприпасами, приведения ракет и боевых частей в полную готовность. Там хранились и обслуживались ядерные боевые части.

Как выяснилось, базу предполагалось эвакуировать в Россию, и спецбоеприпасы готовили к отправке. Командир же, видимо, сильно опасался, что местные попытаются этому помешать, и потому сильно «истерил». В частности, приказал открыть огонь по проезжавшим мимо БМД псковской дивизи-

зии ВДВ, которые малость заблудились и имели неосторожность проехать мимо забора базы. Благо, у нас ума хватило не выполнить этот приказ. Шахнули из РПГ в сторону. Полковник Сухов обиделся и попросил вместо нас... бронепоезд. Если кто-то думает, что это шутки, так нет. Прибыл реальный бронепоезд с командиром, тоже полковником, а нас отправили в бригаду.

На охране Командующего

После известных Тбилисских событий, когда якобы «озверевшие десантники гонялись с саперными лопатками в руках за невинными старушками», отношение к военным в Грузии стало, мягко говоря, нетерпимым.

В связи с этим командованием Закавказского округа было принято решение об усилении охраны штаба округа, а также организации физической защиты командующего и начальника штаба. Видимо, не было уверенности в боеспособности штатного батальона охраны.

Получалось так, что опять кроме спецназа некому было это поручить. Вот она, очередная неспецифическая задача. Одна из рот нашей бригады находилась в Тбилиси и работала в качестве телохранителей и охранников штаба. Через месяц-полтора ей на смену прибывала другая рота. Довелось и нам поработать в личной охране. Солдаты жили с батальоном охраны, а офицеры в офицерском общежитии.

Командующего войсками округа генерал-полковника Патрикеева охраняли, переодевшись в гражданку. Для его сопровождения нам выделили «Волгу». В машине кроме водителя обычно сидел офицер и два солдата, естественно, все с оружием и боеприпасами. Командующий со своим порученцем никуда без них не ездил. Утром машина охраны приезжала к нему на дачу для дальнейшего сопровождения в течение дня, как нитка за иголкой, вечером сопровождали домой. Сложность заключалась в том, что машина командующего двигалась по городу на максимальной скорости, совершенно не заботясь о том, успевает ли машина сопровождения совершать маневры. Например: ведущий мчится на мигающий желтый сигнал светофора, ведомый пересекает перекресток уже на красный. Экстрима и адреналина хватало, как и краски чужих машин на нашем бампере.

Нам приходилось сопровождать командующего на переговоры с Гамсахурдия, ездить в аэропорт встречать Министра обороны, участвовать в других мероприятиях, поездках и встречах. Также наши охраняли и начальника штаба округа. Но у того охрана была скромнее. С ним же в машину садилась пара наших вооруженных бойцов и все.

Одновременно с нами по задачам начальника разведки работали коллеги из 12-й обрСпН. Но эти действовали на машинах с грузинскими номерами с грузинскими паспортами. Какие задачи они решали, мне неизвестно, за исключением того, что они, в частности, охраняли премьер-министра Грузии Китавани.

Были периоды затишья и благополучия. Тогда отпадала необходимость в нашем присутствии в штабе округа. Но такие периоды были очень кратковременными.

В 1991 г. расформировали Южную ставку, и наша бригада стала начинаться Закавказскому военному округу. В это время народные фронты, на самом деле не очень-то и народные, стали вновь проявлять свою активность. Начались очередные безобразия, которые они готовили.

Нас снова стали привлекать для охраны командующего войсками округа.

Однажды даже пришлось применить оружие. В этот день я был «дежурным по сопровождению». Мы сидели и «писали пулю». В разгар игры раздался звонок – вызов сопровождения. Пока порученец не убедится, что наша «Волга» стоит у подъезда, командующий из штаба не выйдет. Чтобы не прерывать игру, я попросил своего товарища: «Олег, ты все равно не играешь, не в службу, а в дружбу, слоняй за меня!». Он согласился.

Дача командующего располагалась в сосновом бору на горе, куда вела извилистая дорога-серпантин. Когда машины уже приближались к конечной точке маршрута, попали под огонь стрелкового оружия. «Волга» командующего сразу ушла вперед, а наши остановились и ответили из автоматов и подствольников. Потом прошли по следу и увидели кровь. Видимо, кого-то подранили. Этот случай подтвердил, что мы там не напрасно штаны прошиваем.

Помимо этого нас привлекали в качестве резервных сил в период свержения Гамсахурдия и приведения к власти Шеварднадзе. наших же бойцов привлекали для усиления охраны узла связи и для усиления наряда по КПП.

Конфликт с батальоном охраны

Естественно, наши бойцы, не отличавшиеся примерной дисциплиной, проживая в батальоне охраны, «уважать себя заставили». Но, кроме того, заступая в караул, они несли службу, как положено, и тем самым подрывали активную торговлю бойцов батальона охраны с населением. В то время в Тбилиси не было ничего, даже хлеба. В полную силу вступали коммерческие взаимоотношения. И бойцы батальона охраны Штаба округа бойко торговали всем, что только можно было украсть на военной службе. Наверное, это стало одной из основных причин дальнейшего конфликта, о котором я расскажу ниже. Пока наши были в составе роты, с ними «противник» вынужден был считаться. Но когда перед выводом бригады из Закавказья начальники служб приехали сдавать имущество своих служб в штаб округа, сопровождавших их бойцов из нашей роты было человек семь, не больше. Бойцы батальона, увидев, что спецназовцев на этот раз совсем мало, решили отыграть «за прежние обиды». Но наши бойцы, как спартанцы, заняли узкий проход на лестнице, в результате к ним подойти могли одновременно не более трех человек. Комендатура прибыла к месту побоища, когда у наших сильно устали руки и начали болеть кулаки. Прибыв, «комендачи» арестовали только спецназовцев, своих, по понятным причинам, не трогали. Утром, когда я приехал в штаб, меня вызвали к начальнику разведки округа.

— Где твои солдаты?

— Кто спит, кто машины охраняет.

— Нет, они на гауптвахте! Но почему только разведчики на «губе»?

Начальник разведки округа в то время имел огромный вес и особые полномочия. Поэтому он при мне позвонил в комендатуру, и довольно скоро на комендантском автобусе пленников возвратили. Наши вернулись слегка потрепанные, но не побежденные.

Но конфликт на том не был исчерпан. Однажды один из моих бойцов пошел на узел связи позвонить. Солдаты батальона охраны отловили его, пользуясь явным численным преимуществом. Солдата доставили в казарму, привязали к турнику и долго избивали, а потом легли спать. Пользуясь этим, разведчик освободился от пут, но дневальный заметил это и поднял тревогу. В результате солдат стал спускаться по водосточной трубе, которая между вторым и третьим этажами оборвалась, и беглец с этой высоты рухнул спиной на бордюрный камень. В результате оказался в госпитале. Ему крупно повезло, отделался только ушибами. После этого случая начальник разведки, опасаясь «эскалации напряженности» и мести спецназовцев за своего товарища, передислоцировал нас в расположение РЦ.

Тогда же произошел курьезный случай. В Тбилиси какой-то «камикадзе» во время остановки наших машин пытался сначала предъявить какие-то претензии к Советской Армии, а потом разогнал свою «шестерку» и врубился в переднее колесо «Урала». Водитель «Урала» вышел, отряхнул разбитые стекла «Жигулей», посмотрел на «камикадзе» сочувственно, и колонна поехала дальше. «Жигули» же восстановлению не подлежали. Да и «террорист» от собственного теракта пострадал не слабо. Видимо, это был, хоть и неудавшийся, но один из первых в нашей стране террористов-смертников.

ГКЧП и обострение обстановки

В штабе округа мы были частыми и, как потом выяснилось, желанными гостями.

Как-то летом 1991 г. подхожу к расположению и вижу свою группу, построенную с оружием и рюкзаками в полной боевой. Думал, что кто-то за что-то моих подчиненных таким образом решил «взбодрить». Но выяснилось, что именно нашу группу ждет НШ округа в Тбилиси. За нами прислали самолет командующего.

Прибыли в Тбилиси и только там узнали, что в стране ГКЧП. Что это за хрень, нам никто не разъяснил. Пошарахались там безо всяких задач, и через несколько дней нам сказали, чтобы мы возвращались. И если туда – с комфортом, то обратно, как попало, на попутных самолетах и вертушках. Правда, уже на этапе перелета в Баку, летуны на радость детишкам, играющим в песочнице, посадили для нас вертушки прямо перед КПП городка.

После ГКЧП и формального развала СССР ситуация стала стремительно ухудшаться. На воинские части и городки постоянно совершали нападения боевики народного фронта Азербайджана.

Наш городок тоже перешел на усиленный режим охраны. На крышах пулеметы, в каждом подъезде вооруженный солдат.

Городок стоял обособленно, и до ближайшего населенного пункта было километра три не менее. Поэтому было организовано внешнее и внутреннее

патрулирование. На КПП стояла зенитная установка ракетной бригады. Группу детского сада тоже на прогулке охранял вооруженный солдат.

Командованию бригады каким-то образом удалось получить в свое распоряжение роту БМП из расформированного Бакинского ВОКУ.

Эта боевая техника в ночное время также использовалась для охраны и обороны городка. Меры были вовсе не излишними, поскольку в это самое время народный фронт активно разоружал воинские части. Были нападения на караулы, на гарнизоны, на склады. Поэтому со временем боевики неплохо вооружились.

Все члены семей прекрасно знали, где в квартире самое безопасное место, если начнется обстрел дома, а женам для защиты семей выдали автоматы с боеприпасами, поскольку их мужья частенько отсутствовали, выполняя различные задачи за пределами городка.

Боевики получили отпор

В один из дней напали и на нас. Из бригады на военный авторемонтный завод, который находился в Баку, отправляли для ремонта технику. И тут надо было забирать ее после ремонта. В то время уже никто без вооруженной охраны не ездил. Колонна из 2–3-х машин возвращалась с завода и остановилась возле рынка. Старший решил посетить рынок. Пока он ходил за покупками, к машине подошли боевики. Один, угрожая пистолетом, потребовал от водителя оставить ключи, автомат и покинуть машину, а другой бойцам, которые сидели в кузове, также приказал покинуть машину, оставив оружие.

Но наши не подчинились. Несмотря на то что команду никто не отдавал, солдаты, не раздумывая, открыли огонь из автоматов. Стреляли по нападавшим и по автомобилю, на котором они подъехали. Бойцы сделали все профессионально, так, что из мирной толпы, которая всегда присутствует у любого рынка, не пострадал ни один человек. Досталось только вооруженным боевикам. Очень уверенно сработал один сержант из роты связи. Он первым открыл огонь и завалил боевика с пистолетом. Бандиты получили жесткий отпор, правда, в перестрелке легкое ранение получил боец Сагитов. Как бы то ни было, но наши машины благополучно покинули место перестрелки. Слух об этом, естественно, разнесся по Баку.

Спустя некоторое время случился еще один инцидент.

В один из вечеров наш внешний патруль в составе прапорщика Шведчикова и двух солдат заметил на дороге автомобиль «Урал». Как уже было сказано выше, вокруг нашей части никого не было и делать там гражданским было нечего. Поэтому прапорщик задал естественный вопрос тем, кто находился в кабине: «Кто такие? Что здесь делаете?». Ему ответили, что они ждут еще одну машину. Тогда прапорщик потребовал показать, что находится в кузове. В ответ оттуда посыпались боевики и открыли огонь из автоматов. Шведчиковых выхватил пистолет и кувырком ушел в канаву, откуда открыл огонь. Бойцы тоже залегли и поддержали начальника патруля автоматными очередями. К ним подключился внутренний патруль, прибыла дежурная группа. Столкнувшись с таким организованным и дружным отпо-

ром вражеский «Урал» предпочел спастись бегством. Услышав стрельбу, «на огонек» подтянулись офицеры из ДОСов.

Моментально созрело решение: силами дежурного подразделения при поддержке инициативной группы офицеров организовать засаду на ту машину, которую дожидался грузовик. Действительно, спустя некоторое время с горы показался УАЗик. Совместными усилиями автомобиль был расстрелян.

При досмотре обнаружили в машине несколько убитых азербайджанских боевиков с оружием, в камуфляже и с черными чулками на головах. Обнаруженное у них оружие было недавно захвачено у караула аэродрома Насосный.

Никто из «народных фронтов» не взял на себя ответственность за действия боевиков, но хоронили их в Баку с воинскими почестями.

Желания нападать на бригаду спецназа больше ни у кого не возникало. Захваченный УАЗик был восстановлен и еще послужил нам. Правда, комбригу полковнику А.Т.Гордееву активисты «народного фронта» попытались предъявить некоторые претензии, но это выглядело не более эффектно, чем твяканье шавки из подворотни.

Готовимся к выводу в Россию

В 1992 г., в феврале–марте, пришло распоряжение о передислокации бригады. Уже было известно, что уходить будем в Ростов-на-Дону.

Семьи, кто мог, отправлял в Россию. Морока была с заказом контейнеров. Азербайджанцы вставляли палки в колеса. В апреле месяце для бригады были выделены самолеты Ил-76, которые вывозили не только бригадное имущество, но и семьи и имущество офицеров и прапорщиков, у кого были какие-то проблемы с заказом контейнеров.

Офицерам разрешали долететь до Ростова и помочь семьям с размещением. То есть командование бригады проявило заботу о людях, и все наше перемещение было организовано достаточно хорошо.

В мае–июне 1992 г. наступил момент, когда все было готово к выводу бригады из Азербайджана в Россию. Как и при выводе из Афганистана бригада, уволив дембелей, перестала принимать молодое пополнение.

Все, что можно было вывезти авиацией, вывезли. Все остальное, что могло ехать, ехало, что не могло ехать – буксировали. Поскольку водителей не хватало, бросили клич в среде офицеров: «Кто умеет ездить?». Важно было не наличие водительского удостоверения, а именно умение управлять автомобилем. Получив машины, офицеры, как обычные водители, готовили их к маршу.

Колонна в основном состояла из техники батальона связи, РМО и роты БМП-2. Ей командовал Андрей Хоптяр, выпускник Московского ВОВУ, помогал ему Владимир Малахов, который тоже окончил профильное училище, знал, что такое БМП, а главное – умел и хотел с техникой возиться.

Колонна была готова к маршу, выстроена перед КПП возле аэродромной бетонки. Начало движения наметили на утро. Наличие боевой техники придавало некую уверенность в своих силах в то беспокойное время. Но вдруг,

поздно вечером, в бригаду прибыли азербайджанские власти и потребовали БМП сдать. Поскольку это техника не была штатной и не принадлежала нам, решили не спорить. Передача прошла без эксцессов. Но как только подписали акт передачи, Хоптяр за какие-то пять минут умудрился сломать все, что только мог и даже заклинил башню на своей машине. Безо всяких команд другие механики-водители поступили аналогично.

Возник очень тонкий политический момент. Боевую технику мы передали, и теперь местные с нами могли разговаривать с позиции силы. Очень не хотелось омрачать радость расставания перестрелкой. Но, слава Богу, этого не произошло.

Марш

От ГРУ ГШ вывод бригады курировал подполковник А. Корчагин. На протяжении всего маршрута он находился в составе колонны. Также вывод контролировал НРУ СКВО, в чье распоряжение и передавалась бригада. К сожалению, его фамилию не помню.

Колонна двинулась в путь. Несмотря на то что никто не чинил никаких препятствий, шли тяжело. Изношенные машины ломались. Часть офицеров, решивших попробовать себя в роли водителя, поняли, что погорячились.

В это время в Чечне уже было беспокойно, и поэтому ее решили обойти. Колонна дошла до пригорода Махачкалы, там переночевали, затем прибыли в Кизляр, где была загрузка на эшелон и далее железной дорогой через Астрахань на Волжский и Волгоград, а оттуда на Новочеркасск, где должны были разгрузиться.

Приехали в Кизляр. А там только что прошла операция «Путина», в ходе которой против браконьеров, незаконно вылавливающих осетрину и вытряхивающих из нее черную икру, очень жестко отработали какие-то силовые подразделения правоохранительных органов.

Мы расположились недалеко от города. Завтра погрузка. Решили прикупить продукты. Скинулись и направили «продкоманду» на машине на рынок. Спустя некоторое время посланники вернулась, но доставленных продуктов оказалось намного больше, чем предполагалось. Начинаем выяснять, в чем дело. Рассказывают: подъехали к рынку, вышли из машины, направились к прилавкам, а рынок сразу же опустел. Какая-то странная ситуация. Товар лежит, а продавцов нет. Спрашиваем соседей:

- Чья рыба?
- Ничья!
- Сколько стоит?
- Нисколько! Так забирай!
- Seriously?
- Seriously!

Ну, сколько рук было, столько и забрали.

Ужин, прямо скажем, удался! На следующий день ситуация прояснилась. Часть офицеров занималась с бойцами погрузкой техники в эшелон, а

часть отправилась в город. Кому-то надо было позвонить домой, у кого-то еще какие-то дела были. В городе познакомилась с местными, от них и узнали, что нашу «продкоманду» приняли за «ментов». Подкатили к рынку лихо, развернулись с визгом шин. Из машины выскочили резво, в камуфляже, с оружием, к прилавкам двинулись решительно. Потому продавцы сочли за благо бросить товар и скрыться. Но никто не обиделся.

Погрузка закончилась в срок. Офицеры разместились в пассажирских вагонах, а личный состав в теплушках. Будучи опытными в таких вопросах, мы с Морозом взяли раскладушки и поставили их в теплушках. А на первой же остановке к нам потянулись офицеры из пассажирских вагонов. В вагонах летом жара, духота, а у нас – прохладненько. Вдоль Волги живет какая-то жуткая мошка, которая не просто кусает, а выгрызает кусок тела. В спальнях вагонов от нее спасения не было, а у нас ее, видимо, ветерком сдувало, и мы ехали вполне комфортно.

На новом месте

Прибыли в Новочеркасск, выгрузились и приехали в Ростов, в чистое поле, встав в Ковалевке, возле психиатрической клиники. Поставили палатки. Правда, это было временным местом дислокации бригады, и через некоторое время мы переехали в поселок Степной на окраине Ростова. Жилищный вопрос был не решен никак. Офицерам и прапорщикам было предложено искать себе съемное жилье.

Но не прошло и недели, как часть офицеров и личный состав уже убыл в Цхинвал для урегулирования очередного конфликта. Это было, прямо скажем, очень не по-людски. Многие приехали с семьями. Личные вещи находились в палатках на военном аэродроме Военвед, семьи тоже еще нигде не размещены, а их мужей отправили разгребать очередную заварушку. На семьи наплевать! Это подвигло многих офицеров написать рапорты на увольнение из Вооруженных Сил.

В ноябре одно из подразделений 173-го отряда убыло во Владикавказ. Там Хоптяр обморозил себе руки-ноги. Никто не знал, куда и зачем вылетают из Ростова. А в Осетии их выбросили высоко в горах. Ни одежды, ни обуви подходящей не было. Да и смысл этих действий был туманен.

Как бы то ни было, обустройство началось очень оперативно. Уже осенью поставили первые кирпичные казармы. Года за три построили все, что нужно. Но в первую зиму штаб бригады находился в палатках, и женщинам штаба, чтобы не заболеть, приходилось согреться спиртом и водкой.

Я в ноябре 1992 г. перевелся в 3-ю гв. обрСпН, а оттуда уволился в запас. Службу в бригаде, и особенно в Азербайджане, вместе с женой вспоминаем, как самое интересное и яркое время нашей жизни, несмотря ни на какие трудности, невзгоды и опасности. К азербайджанцам, несмотря на конфликт, никакой неприязни не испытываю, собственно, как и ко всем другим жителям Закавказья.

Горжусь тем, что много лет имел непосредственное отношение к 173-му оСпН и считаю отряд одним из лучших и боевых подразделений ГРУ.

Постепенно в подразделения бригады прибывали выпускники военных училищ, что называется «еще не нюхавшие пороху». Одним из них был выпускник 5-го батальона Рязанского ВВДУ лейтенант Никитин. Ниже мы приводим воспоминания Константина Никитина о периоде службы в первом отряде 22-й бригады в Перекишкюле и возвращении бригады в Россию.

В ПЕРВОМ БАТЕ

(К. Никитин)

Особенности службы и быта

В сентябре 1988 г. после окончания училища мы, пять выпускников, прибыли для прохождения дальнейшей службы в 22-й обрСпН, н.п. Перекишкюль Азербайджанской ССР. На момент прибытия мы были первые военнослужащие, кто влился в бригаду в Союзе, остальные все были «афганцы». Бригада полтора месяца назад вышла из Афгана, и бытовые условия были «не очень». Солдаты срочной службы разместились в казармах бригады ракетчиков, с которой мы делили военный городок, а офицеры – как повезет. Командный состав (командир, замы и т. п.) поселили в домах офицерского состава ракетчиков, остальные кое-как разместились, кто на свободных местах в общежитии, а кто и в казарме с личным составом. Мы, четверо выпускников, попавшие в батальон управления, или в простонародье «первый бат», переехали из училищной казармы в солдатскую, в бытовую комнату. Было очень удобно, из комнаты вышел – ты на работе, в комнату вошел – ты дома. Так продолжалось около полугода, пока доблестный советский стройбат ударными темпами строил дома офицерского состава для нашей бригады и делал пристройку – модуль к старому офицерскому общежитию. Старая офицерская столовая с трудом справлялась с посетителями, пока не построили новое офицерское кафе. Т. к. в старой столовой посуду мыл наряд из солдат нашей бригады, то в конце октября 1988 г. примерно треть офицерского состава обеих бригад слегла с желтухой. Воин, заразивший всех, заболел ещё в Афгане, но даже не знал об этом. Узнал вместе с нами, заболевшими.

Межнациональные конфликты нарастают

Примерно в середине ноября 1988 г. продолжились непростые азербайджано-армянские отношения, начатые в феврале 1988 в Сумгаите. Батальоны бригады бросили на блокпосты в городе и вокруг него. Не знаю, что делал 8-й батальон, они стояли на окраине г. Баку, и знакомых у нас, недавно прибывших, там практически не было. Третий, кандагарский, выставил блокпосты в городе, а наш бат выставил блокпост на перекрестке двух дорог на подъезде к городу, и одна РГСпН заняла железнодорожное депо. Командиром этой группы был мой однокашник по училищу Дима Ершов. Условия жизни у него были по сравнению с нашими просто царские. А мы жили ря-

дом с блокпостом, офицеры – в кунге, а солдаты в яме с нарами, накрытыми лагерной палаткой. Яма-палатка отапливалась печкой, которая топилась углем. Переночевав в этой импровизированной землянке, утром ты наполнил шахтера из забоя. Умывались рядышком, через дорогу, где на поверхность выходила некая труба, из которой текла вода. Дело в том, что труба и вода были с расположенной рядом птицефабрики, поэтому умываться умывались, а пить даже не пробовали. Примерно в январе 1989 г. беспорядки прекратились.

«Перекуку»

Бригада вернулась к своим местам дислокации, и началась попытка наладить боевую подготовку. Сделать это было достаточно трудно, т. к. какая-либо материальная база абсолютно отсутствовала. Но боевая подготовка потихоньку наладилась. Хотя особо бурной её назвать нельзя. Создали и материальную базу для проведения занятий.

Запомнившимся событием в жизни бригады для меня было 23 февраля 1989 г. В этот праздничный день вручили все награды солдатам и офицерам, заслуженные ими в Афганистане. Ставка войск Южного направления, а именно ей мы тогда подчинялись, придержало все награды, пришедшие в адрес военнослужащих бригады, и выдало их для вручения именно в День СА и ВМФ. Это был поистине золотой дождь, пролившийся на бригаду. Далее на три дня жизнь в бригаде замерла – гуляли. Постепенно начали заменяться в другие части офицеры-афганцы. Прибывали офицеры из других частей и родов войск. На тот момент среди военнослужащих спецназа наша бригада популярностью не пользовалась, а место дислокации считалось просто дырой, несмотря на то что н. п. Перекишкюль находился в 30 км от г. Баку. Оглядываясь назад, я понимаю, что останься целым Союз ССР и если бы далее шла спокойная жизнь, наверное, бригада обустроилась бы окончательно, и «Перекуку», как его называли, был бы не самым плохим местом. Но что выросло, то выросло.

Новая резня

Спокойная и размеренная жизнь продолжалась недолго, до января 1990 г. В Баку опять началась резня армян, и в ночь с 18 на 19 января состоялся ввод войск в город для предотвращения насилия и поддержания конституционного порядка. В связи с тем, что бригада дислоцировалась рядом с Баку, было решено не применять её в разворачивающихся событиях, ограничили лишь выставлением блокпостов на трассе Тбилиси–Баку, а 8-й бат задействовали для охраны генеральского городка.

Вечером 19 января 1990 г. я с солдатами моей группы был выставлен на наблюдательный пост рядом с расположением бригады. Около 23.00 я наблюдал прохождение колонны автомобилей в сторону города Баку. В колонне было 9 «Икарусов», 11 «Рафиков» и около 40 легковых автомобилей. Т. к. связь отсутствовала, я был вынужден вернуться в ППД и доложить об увиденном, однако эта информация никого не интересовала, в связи с тем, что

наш батальон собирался выставить блокпост в составе батальона, и «как хорошо, что я вернулся». Ночью мы встали на блок на трассе Тбилиси–Баку.

Утром я «имел счастье» вновь лицезреть «свою» колонну, она шла в обратном направлении. Мы её, естественно, тормознули и начали проверку документов. На вопрос, кто такие, нам сказали, что они студенты бегут от беспредела в Баку. Всем «студентам» было лет 30–35, бородатые, крепкого телосложения. Но все документы в порядке, и мы ихпустили, а всех документов-то был один серпастый-молоткастый. На мой взгляд, это были боевики Народного фронта, которые ехали в Баку на помощь своим отражать русскую «агрессию», но немного опоздали: Тульская воздушно-десантная дивизия вошла в Баку быстрее.

Жизнь на блокпосту была проста и не замысловата. Стояли на трассе, половину дороги перегородил БАТ, стоят две приданные БМПешки, наши «Уралы» и «степь да степь кругом». Ни палаток, ни другого укрытия не было. Между двух «Уралов» натянули солдатские плащ-палатки, вот и всё убежище. Питались в самом начале сухим пайком, за которым ежедневно ездили в бригаду. Но так продолжалось всего три дня, потом приняли «мужественное» решение: на блоке стоит сутки одна рота, другая её меняет и так «через день – на ремень». Питались тем же сухпаем, но его выдавали перед заступлением на пост. Дополнительно продуктами делилось местное население, чаще добровольно, иногда не очень.

Служба на блокпосту также была довольно проста: проверялся весь транспорт и пассажиры, следующие в обоих направлениях. Транспорт проверялся весь, у пассажиров проверялись паспорта. Поскольку их нигде не было, узурпировали права ГАИшников и поверяли водительские удостоверения водителей и документы на машину. Далее осуществлялся личный досмотр всего мужского поголовья автомобиля, женщин даже не пытались досматривать, все понимали, что этого никто не позволит. Особых инцидентов не было, но на третий день существования нашего блока в машине следующей из города был обнаружен револьвер системы Наган и патроны к нему. Пассажиров задержали и отправили в бригаду, дальнейшая их судьба мне не известна. По истечении трех месяцев обстановка в городе и его окрестностях нормализовалась, и наши блокпосты опять свернули.

На этом приключения 1990 г. не закончились. 14 апреля батальоны бригады совершили марш в районы городов Кировабад (ныне Гянжа) и Казах. Штаб бригады, батальон связи и наш отряд разместились на военном аэродроме г. Кировабада. Третий батальон – в Казахе. В то время набирала обороты война в Нагорном Карабахе, и нам предстояло в очередной раз выступить в роли миротворцев. Задачей на тот период было поиск и уничтожение градобойных орудий, которые армяне использовали для обстрела азербайджанских сел. Надо отметить, что тот, кто планировал эти «миротворческие» задачи, сделал грамотно: части, имеющие ППД на территории Азербайджана, занимались поиском и уничтожением армянской техники, а те, кто дислоцировался в Армении – наоборот. Через пару недель нашу миссию свернули, и мы прибыли в ППД.

Жизнь-то налаживается...

Остальное время 1990 г. прошло в обычном режиме. Шла боевая подготовка, строилась и совершенствовалась материальная база.

Были наконец построены дома офицерского состава, и мы переехали в нормальные квартиры. Начал налаживаться быт, несмотря на то что воду давали три раза в сутки, периодически отключали электричество. Деревянные столбы ЛЭП, которые шли к нашему городку, были поставлены еще в 1975 г., насквозь прогнили и ломались. Все это было не беда, зато квартир было столько, что народ периодически переезжал из одной квартиры в другую, даже холостяки жили в квартирах, кто хотел. В офицерской общаге также имелись свободные места. Позднее решили вопрос и с электроэнергией: привезли дизель от подводной лодки, который выступал в роли генератора. Как только пропадало электричество – запускали дизель. Его мощности хватало не только на наш городок, но на микрорайон Мушвиг, который находился в трех километрах от нас.

Боевики активизируются

В конце 1990 г. наш батальон был отправлен в город Тбилиси для охраны и обороны штаба Закавказского военного округа и других военных объектов в городе. Нашей роте досталось охранять и осуществлять контрольно-пропускной режим в Доме офицеров Тбилисского гарнизона.

В марте 1991 г. нашу роту отправили на два месяца в Тбилиси для охраны штаба ЗакВО и лично Командующего округом. Однако сменили нас только в декабре месяце. В этот период бригада опять выезжала в район Нагорного Карабаха с «миротворческими» задачами.

После ГКЧП начался развал некогда «великого и могучего». На территориях бывших союзных республик начались формирования национальных армий, тогда они назывались «национальные гвардии».

Вследствие этого начались нападения на воинские части и караулы с целью захвата вооружения и военной техники. В Тбилиси это выразалось в захватах военных УАЗиков. А в Азербайджане форму эпидемии приняли нападения на караулы и воинские части. На наш городок не напали, но и мы не смогли полностью увернуться от этой эпидемии. Боевики Народного фронта Азербайджана захватили и разоружили учебный центр Бакинского общевоинского училища. Также пытались захватить БТР-80, на котором начальник центра проверял посты.

В надежде перехватить БТР по пути в город, боевики на Урале подъехали к трассе Тбилиси–Баку, прямо напротив забора нашего городка. Вокруг периметра нашего городка передвигался патруль на автомобиле «Урал» в составе: начпатруля-прапорщик, солдат-водитель и два автоматчика. Этот патруль и выехал прямо на одиноко стоящий «Урал» боевиков. Пытаясь досмотреть автомобиль и пассажиров, прапорщик попал под автоматный огонь боевиков, но остался цел и невредим. Помощь патрулю пришла очень быстро, и победа осталась на стороне нашей бригады. Этого происшествия вполне хватило для того, чтобы нас не трогали вплоть до передислокации бригады.

Передислокация

В новом 1992 г. началась подготовка к передислокации бригады из Закавказского военного округа в Северо-Кавказский. Началась отправка семей к родственникам и упаковка вещей. Отправить вещи контейнером из Баку было невозможно, азербайджанцы отказали военным в такой услуге. Поэтому была разработана схема переправки вещей на родину: вещи складывались во всевозможные ящики, затем вывозились на аэродром и там грузились на самолеты ВТА. Самолеты переправляли вещи в город Ростов-на-Дону и там команда солдат, специально командированных туда, грузили вещи в контейнеры (контейнеры находились прямо на аэродроме). Таким образом, к апрелю в городке остались одни мужики, и «быт был прост, как 2 копейки».

В связи с многочисленными захватами и расстрелами караулов, в помещениях между двух оконных рам были установлены мелкоячеистые сетки, так называемые «противогранатные». Внутри казарм за обычными дверями были установлены решетчатые двери, которые в ночное время запирались на навесной замок.

Ключ от замка находился у старшего малой или большой резервной группы – также нововведение того времени. Малая резервная группа состояла из офицера (прапорщика) и трех солдат, которые в ночное время несли службу внутри казармы, вооруженные автоматами, помимо внутреннего наряда. Большая резервная группа назначалась от одного из батальонов и состояла из офицера (прапорщика) и двадцати солдат, которая помимо охраны собственного расположения выдвигалась для усиления караула и обороны офицерского городка.

Офицеры и прапорщики, убывая после окончания рабочего дня домой, получали в ружпарке автоматы и боеприпасы. Таким образом, после первого выстрела «на уши» вставал весь городок, и толпы вооруженного народа выдвигалась к месту событий. Плюс мотострелковая дивизия, дислоцированная в г. Баку, «подарила» нам девять БМПешек, «лишь бы духам не достались».

Катастрофически не хватало личного состава. Дембеля «осень-91» уволились, а молодое пополнение не прибыло. Для того чтобы просто перегнать имеющуюся технику из Ростова-на-Дону, прислали 80 дембелей-водителей. Им обещали, что они быстро перегонят технику и «домой, сады опрыскивать». Они рассчитывали на две недели, а вышло два месяца. И все равно за руль некоторых машин пришлось садиться офицерам.

Наконец 8 июня 1992 г. мы «сдали городок азербайджанцам», на самом деле мы его просто покинули. Переночевав в поле, в 5 утра мы приготовились к маршу, но тут прибыли представители Минобороны Азербайджана и потребовали сдать все БМП.

Комбриг сначала пошел в отказ, но прибывший с представителями начальник разведки ЗакВО приказал машины сдать, иначе нас не выпустят с территории республики. Делать нечего – машины сдали, но, что смогли, испортили. Из 9 машин только три ушли своим ходом. Затем мы двинулись и без эксцессов пересекли границу Азербайджана и Дагестана.

Здравствуй, Россия!

Переночевав и заправив машины, на следующий день мы выдвинулись на окраину г. Кизляр, где и расположились в ожидании погрузки на эшелон. Три дня в ожидании и три дня двигались в эшелоне. Ехали в обычных теплушках, я думал, что их уже и нет, причем нашему батальону (в количестве 30 человек, включая командиров групп и рот) «повезло»: именно в нашем вагоне не было досок под нары, и мы все вместе с имуществом ехали на полу.

Прибыли в Новочеркасск, затем маршем выдвинулись к части гражданской обороны, расположенной в 20 км от Ростова-на-Дону. Там мы разместились в палатках, уволили дембелей весна-92, которые были с нами весь путь и уволились одни из самых последних в ВС России. Потихоньку офицеры начали снимать жилье в г. Аксай и в г. Ростов-на-Дону. Прибыло новое пополнение, начался курс молодого бойца.

Привет, Осетия!

В ночь с 5 на 6 ноября 1992 г. бригада была поднята по тревоге, и оперативная группа бригады убыла в город Владикавказ в район осетино-ингушского конфликта. Оперативная группа в количестве примерно 170 человек, из которых около сотни были офицеры, разместилась в казарме Владикавказского общевоинского училища. Солдаты были этому несказанно рады, всё-таки казарма – это не палатка. На тот момент войска, задействованные в наведении порядка, вышли на административную границу с Чечней, и нас начали использовать для ведения разведки чеченских боевых сил. К сожалению, на выходе я простудился и на три месяца выбыл из событий.

В 1993 г. началось строительство военного городка для бригады. Наш батальон в мае 1993 г. убыл во Владикавказ, где батальоны бригады несли службу, сменяя друг друга. Мы находились в распоряжении временной администрации, которую возглавлял генерал-полковник Шаталин, командующий внутренними войсками СССР. Мы сопровождали различных командиров и начальников, перевозили ингушей из н. п. Джейрах в Назрань, т. к. из Джейраха в Назрань можно было попасть только через территорию Северной Осетии. Вообще-то этим должны были заниматься ВВшники, но они забили на это дело. При нас произошла смена начальника временной администрации: Шаталина сменил Поляничко, бывший второй секретарь ЦК КП Азербайджана. В середине июня нас сменил 411-й отряд. А через неделю-полторы Поляничко, совершавший инспекционную поездку вместе с командиром 49-го корпуса (ныне 58-я армия) генерал-майором Корецким, попал в засаду. Погибли Поляничко, Корецкий и охранявший их сотрудник свердловской (Екатеринбургской) «Альфы» Виктор Кравчук.

Усиливаем

В пункте постоянной дислокации потихоньку начал налаживаться быт: мы въехали в новые казармы, началось строительство домов офицерского состава. Начался более-менее нормальный процесс боевой подготовки. Но периодически нас дергали на различные мероприятия, типа приезда в

Ростов-на-Дону Президента России Б.Н. Ельцина. Наши солдаты под руководством начальника штаба бригады подполковника С.В. Бреславского участвовали в охранных мероприятиях. Пару раз поднимали по тревоге, когда был захват заложников в Минводах, но кроме пары дней, проведенных на аэродроме г. Батайска на усилении, далее дело не пошло, да и нечего нам было делать при захвате заложников, не наш профиль. Осенью 1993 г. я перешел на работу в штаб бригады, передав свою группу Валере Скороходову, будущему Герою России.

Летом 1994 г. непонятно почему расформировали наш первый батальон. Офицеров и личный состав передали в третий – «кандагарский». Осенью в бригаде на основе третьего отряда сформировали оперативную группу и отравили в Моздок, тогда никто не знал, зачем и для чего.

А между тем впереди была тяжелая Первая чеченская кампания.

ЦИТАДЕЛЬ СПЕЦНАЗА – АКСАЙ

(С. В. Бреславский)

Вернулся я в родную 22-ю бригаду СпН уже в конце 1993 г. За спиной была академия, женитьба, рождение дочери, командование 370-м отдельным отрядом СпН 16-й обрСпН: участие в уборке урожая в Московской области, гражданской войне в Таджикистане, Орден «За Личное Мужество», участие в событиях в Москве образца «осени 1993 года».

Как было дальше в Азербайджане и как развивались события в бригаде я, конечно же, знал и следил за всеми изменениями, вплоть до передислокации 22-й бригады СпН из Азербайджана под Ростов-на-Дону летом 1992 г., на голое поле, названное позже поселком Степным. Я знал о героическом периоде 173-го отряда в Нагорном Карабахе, знал какие усилия и ухищрения потребовались от командования бригады и личного состава, чтобы сохранить бригаду, которую едва не расформировали в Азербайджане в 1992 г., знал и про Осетино-Ингушский период 1992–1993 гг.

В ноябре 1993 г. я прибыл в н. п. Аксай Ростовской области из 16-й обрСпН. Стоял густой туман. Был вечер воскресного дня, поэтому командира бригады полковника А.Т. Гордеева я нашел дома и доложил о прибытии. На следующее утро я был в бригаде и официально представлен командиром по случаю прибытия и назначения на должность начальника штаба бригады. Знакомство с личным составом бригады было недолгим. Половина офицеров и прапорщиков была мне знакома с Афганистана или Перекишкюля. Территория была сравнительно небольшая, сборно-щитовые казармы, в которых размещались штаб, подразделения, караульное помещение, медпункт, столовая, газовая котельная, один жилой дом для офицеров и прапорщиков в стадии строительства. Автопарк представлял собой обозначенную на местности территорию. Также на нашей территории располагались еще две части

разведуправления округа. Таким образом, три части образовывали гарнизон. Комендантом гарнизона был командир 22-й обрСпН. Рядом с гарнизоном проходила трасса Воронеж–Ростов-на-Дону.

Командиром родного 173-го ооСпН уже был майор А.Г. Иванов. С ним я был знаком еще с детства. Мы познакомились с ним в 1974 г. в Белоруссии, в н. п. Марьина Горка, где стояла 5-я обрСпН. Наши отцы служили в одном округе. Тем же летом 1974 г. я совершил свой первый прыжок с парашютом.

Мой друг и однополчанин, командир 173-го ооСпН майор Александр Владимирович Петров, к тому времени, к моему огорчению, уже уволился из армии и жил в н. п. Аксай. Но в бригаде продолжали служить толковые и грамотные офицеры и прапорщики, которых я знал и уважал еще с Афганистана и Баку: командир отряда подполковник С.В. Баранов, начальник инженерной службы бригады майор С.В. Чернышев, заместитель комбрига по вооружению майор А.В. Свириденко, начальник службы артвооружения майор А.Н. Тоскин, начальник вещевого службы капитан И.И. Григорьев, командир отряда майор В.В. Шпильчин, командир отряда спецрадиосвязи майор С.П. Бесков, начальник оперативного отделения отряда связи майор А.К. Чистяков, начальник вещевого службы капитан И.И. Григорьев, начальник вещевого склада прапорщик С.А. Бойко и многие командиры рот и групп, прапорщики бригады.

Начал я свою службу в бригаде с основных вопросов: боевая готовность, служба войск, планирование боевой подготовки, мобилизационная работа, обустройство подразделений штаба и штабов отрядов, организация работы внутрипроверочных комиссий и так далее.

Спустя некоторое время службы в бригаде, несмотря на огромный боевой опыт офицеров и прапорщиков бригады, я стал замечать, большинство из них чувствовали себя уставшими, расслабленными. Без долгой ротации некоторые, я бы сказал, «забронзовели». Такое настроение передавалось даже тем, кому нужно было с утра до вечера пахать и учиться. Во многом это зависело от работы и поведения командиров батальонов, заместителей комбрига.

Предыдущий начальник штаба бригады был мне хорошо известен еще с Афганистана – подполковник Ю.А. Рудой. Энергичный, активный офицер. Что-то у него не срослось с командиром бригады, и он уволился в запас. Коллектив штаба бригады составляли в основном подготовленные офицеры и хорошие помощники. Мой заместитель подполковник В.Г. Баландин был грамотным и, главное, надежным человеком.

Но как же мне тогда не хватало моего лучшего начальника штаба 173-го ооСпН Юры Швыдкого и боевого зама Саши Петрова! Однако это кино обратно не крутилось.

В начале 1994 г. приехала моя семья, и служба пошла своим чередом. Полевые выходы, сборы по ВДП, строительство многоквартирного дома, котельная, автопарк, планирование, подготовка к проверке, проверка, постоянные «вводные», семейные и жилищные проблемы офицеров. Я старался вникать во все, поскольку мне очень хотелось помочь командиру бригады, хотя бы часть его проблем взять на себя. Так прошел почти весь 1994 год.

Однажды приехал в бригаду контр-адмирал Захаров из Службы Безопасности Президента РФ. С ним был офицер, с которым мы сталкивались как-то на соревнованиях групп в 16-й обрСпН. Поговорили. Захаров предложил мне поехать в Москву к ним в СБП. Предложение было, конечно, заманчивым, но было много «но». Во-первых, я недавно приехал в бригаду, в которую пригласил меня именно комбриг, который для меня очень много сделал, и я не мог его подставить. Во-вторых, это была другая система. Ну и, в-третьих, я пошел посоветоваться с комбригом. Его аргументы были, на мой взгляд, очень правильные, но главное, я почувствовал, что нужен моему командиру. А это очень важное ощущение в военной службе, особенно в Спецназе. Поэтому я, конечно, отказался.

В октябре командир бригады уехал в отпуск, мне пришлось участвовать в командно-штабной игре штаба СКВО. Общая фабула где-то звучала так – «Участие войск округа в борьбе с сепаратистскими формированиями». Предчувствие какой-то беды висело в воздухе.

В ноябре приехал комбриг из отпуска, и я узнал, что его переводят в Москву. Я был рад за него. Ведь Александр Тимофеевич Гордеев более шести лет командовал 22-й бригадой, да еще в такие нелегкие годы: Афганистан, вывод, реформирование, Азербайджан, передислокация на новое место под Ростов, Северная Осетия. Дети выросли, и, конечно, он хотел им дать хорошее образование и условия для жизни. У него поджимали сроки. Я быстро принял дела и должность и после его отъезда завершил все формальности с Актами приема-передачи.

А уже в конце ноября 1994 г. я получил Боевое распоряжение НГШ и распоряжение Командующего СКВО сформировать оперативную группу бригады и к 1 декабря с одним отрядом прибыть в г. Моздок. Разместиться на военном аэродроме и быть в готовности к выводу шести разведорганов в составе группы СпН для действий на территории Чеченской республики.

**ЧЕЧЕНСКИЙ ЭТАП ИСТОРИИ
22-й БРИГАДЫ СПЕЦНАЗ
(1994–1996)**

В чеченском конфликте 1994–1996 гг. российский спецназ принимал участие с момента ввода войск в Чечню. Сводные и отдельные отряды действовали от бригад Московского, Сибирского, Северо-Кавказского, Уральского, Забайкальского и Дальневосточного военных округов.

Уже начало Первой чеченской кампании было омрачено попаданием в плен разведотряда 173-го ооСпН (об этих событиях можно прочитать воспоминания Игоря Морозова «Исповедь кавказского пленника» // ИЭ СПЕЦНАЗ ГРУ. Кн. 4. С. 206–215, а также анализ ситуации Сергея Козлова «Кто виноват?» // Там же. С. 215–220). Явное сожаление вызывает также использование спецназа «не по назначению» – не в качестве разведки с использованием профессиональных навыков спецназовцев, а в качестве «пушечного мяса», при нехватке обученной пехоты при штурме Грозного или при проведении других армейских операций.

Тем не менее боевая деятельность разведгрупп 22-й обрСпН в период Первой чеченской войны по единодушному мнению военных специалистов заслуживает самой высокой оценки.

О событиях Первой чеченской кампании вспоминают Сергей Бреславский, командовавший бригадой, Олег Мартьянов, бывший в ту пору начальником штаба бригады, Валерий Рыбак, командовавший ротой 173-го ооСпН, Вячеслав Дмитриев*, командовавший группой, а затем ротой, подполковник Аскеров*, командовавший в ту пору группой отряда. Они вынесли из этой войны не только горечь первых дней, но и радость многих побед.

К сожалению, победа в августовских боях 1996 г. в Грозном, вырванная у «духов» ценой многих жизней, стараниями «миротворца» Александра Лебеда была подарена бандитам, отодвинув наведение порядка в этом регионе на несколько лет.

К весне 1995 г. отряды из Чечни были выведены, за исключением 173-го отдельного отряда специального назначения Северо-Кавказского военного округа, доукомплектованного личным составом 411-го ооСпН; отряд находился в Чечне со 2 декабря 1994 г. по январь 1997 г. – практически весь период ведения там боевых действий.

* * *

По праву командира предоставим первое слово Сергею Бреславскому. Ему пришлось с первых дней конфликта возглавить оперативную группу бригады, а затем и принять бригаду по правилам военного времени в отсутствии штатного командира. Это был очень сложный период, как в военном отношении, так и в нравственном. О многих событиях того периода он вспоминает с искренней горечью. Но из песни слов не выкинешь...

* «Вячеслав Дмитриев» и «подполковник Аскеров» – псевдонимы действующих ныне офицеров спецназа.

ПЕРВАЯ ЧЕЧНЯ

(С. В. Бреславский)

Впереди была Чечня

30 ноября около 12 часов дня я принял доклад начальника оперативно-го отделения бригады, подполковника В.Г.Баландина, о том, что колонна бригады, согласно решению на марш командира бригады, построена. С нами в колонне шел представитель разведуправления СКВО, начальник 3-го отдела полковник С.И.Русков. С моим появлением в бригаде, его отношение ко мне, я это чувствовал, было натянутое. Почему – не знаю. Я по натуре не был злопамятным, а уж для Сергея Ивановича ни я, ни мои подчиненные ничего плохого никогда не делали.

После приказа на марш и инструктажа старших машин колонна вышла из расположения бригады по маршруту: Ростов-на-Дону, Тихорецк, Кропоткин, Армавир, Невинномысск, Минеральные Воды, Прохладный, Моздок. Предполагалось совершить двухсуточный марш с четырьмя привалами и одним ночным отдыхом 31 декабря на окраине Невинномысска. Города, естественно, мы обходили. Погода стояла морозная, на дорогах местами был лед. Поэтому скорость я держал около 50–60 км/ч. Когда мы отъехали недалеко от Ростова, в нашу колонну вклинился автомобиль «Жигули» и врезался во впереди идущий «Урал». Потеряли около часа. Вскоре повторилось то же самое, но мы уже не останавливались, и к обеду 1 декабря 1994 г. были в Моздоке, на военном аэродроме. Вначале нас разместили вблизи штаба Группировки, в поле. На следующее утро мы все: техника и люди, были по пояс в грязи. При этом вокруг были чистые бетонные полосы, рулежки, капониры. С просьбой перенести расположение отряда на твердую поверхность я обратился к полковнику Рускову, как к одному из моих начальников в Округе. Их у меня было пять: Командующий войсками генерал-полковник Митюхин, начальник штаба округа генерал-лейтенант Потапов, начальник разведки округа генерал-майор В.Н. Чернобылов, заместитель начальника разведки полковник В.И. Евтушенко и начальник отдела РУ округа, который занимался нашим боевым планированием, полковник С.И. Русков. Но что-то у него не получилось.

В результате мне пришлось обращаться к моему давнему знакомому, еще с Таджикистана, полковнику П.Г.Горшенину, офицеру Генерального штаба, которого я встретил в Оперативной группе Генштаба. На следующий день мы перебазировались на другой конец аэродрома и расположились на широкой рулевой полосе и в открытых капонирах. Грязи пришел конец.

Болезни застоя и идеи войны

Как я уже писал выше, одним из наиболее отрицательных факторов в офицерской службе является отсутствие ротации. Офицеры вырастают в одной бригаде, новые люди, взгляды, методики, ничего не привносится.

У офицеров постепенно глаз «замыливается», все становятся «своими» родными. Вчерашние сослуживцы становятся начальниками, а сколько водки выпито вместе. Уровень дисциплины и боевой подготовки неуклонно падает.

Так было и в нашей 22-й обрСпН. Комбат, подполковник Махаринский, пил вместе со своими офицерами прямо в расположении отряда, в служебное время, и в обед, и в ужин. На вопрос, «Почему?», отвечал: «А это наше личное время», и продолжал пить. При этом заместитель командира бригады подполковник Г.К. Харченко сидел там же, а потом имел наглость заявлять мне, что я не понимаю офицеров.

А была еще одна категория офицеров. Вместе «ведра крови» пролили, за спиной не одна война, а его не оценивают по достоинству, ведь должностей, которые все выше и выше, на всех не хватает. Коллектив начинает болеть. Весь этот застой в армии 90-х породила все та же «перестройка», «гласность» и развал СССР.

На фоне этого «брожения» было и абсолютное непонимание очень многими военными, как и за что нужно убивать, вроде бы своего, на своей земле, в своей стране.

Те, кто не жил в СССР, этого никогда не поймут. Мне, будучи суворовцем и курсантом, а затем и офицером, довелось отдыхать в 80-х и в Кабардино-Балкарии, и в Абхазии, и в Карачаево-Черкесии, а также бывать по служебным делам в Грузии, Армении, в это же время не раз проезжать Дагестан, Чечню, Ингушетию. Последний раз я с Лешей Паниным ехал из Перекишкюля в Москву поступать в академию в 1989 г. Мы проехали с остановками через Дагестан, Чечню и Ингушетию и оказались в Ростове-на-Дону. Везде нас радушно встречали, все было просто и по-советски. Но даже я, оказавшись в Чечне после Афганистана, Азербайджана и Таджикистана, понимал – чеченцы зарвались. Но в то же время возникал справедливый вопрос: «Где были вы, руководители страны, когда они вооружались, когда им дали возможность подготовиться, выдавить и уничтожить массу русскоязычного славянского народа из своих домов, со своей земли?».

Об этом я пытался разговаривать с офицерами. При этом я не жалею ни капли, что запретил в тот период смотреть телевизор и читать российские газеты. Там против нас, нашими же политиками, была развязана настоящая информационная война. Недаром, видимо, некоторые из тех, кому тогда в Москве в истерике дозванивался Дудаев в январе–феврале 1995 г., умолявший о передышке (и она вдруг наступала объявлением временного перемирия для обмена убитым), до сих пор у руля государственной и экономической политики.

О том, что в Чечне разыграли личные амбиции и нефтяная тема, не знал только ленивый. Поэтому идея необходимости войны у многих офицеров не срасталось с реальностью.

К тому времени иллюзий насчет интернационализма, братства народов, после Афганистана, Азербайджана и Таджикистана у меня оставалось ровно 25 %. Забегая немного вперед, скажу откровенно, эти остатки быстро развеялись уже в 1995 г. в Чечне.

Готовимся к войне

Тем временем шесть групп от 22-й обрСпН начали подготовку к выполнению разведывательных задач. Нам предстояло десантироваться на маршрутах выдвижения войск, замаскироваться и вести разведку перемещений незаконных вооруженных формирований. Я посмотрел местность, на которой предстоит их выполнять, – голые поля вдоль дорог, лишь редкие жидкие посадки. Населенные пункты очень близко. Исходя из уже имеющейся информации, инженерные сооружения, опорные пункты, переброска войск, какие-то линии обороны и их фортификация, бандитами явно не предполагались. Они собирались противопоставить нам партизанские действия, а не классическую оборону. Но ведение разведки предполагает вскрытие любых объектов противника.

Вечером ко мне зашел один командир роты и сказал, что он «на войну не пойдет», поскольку он не уверен в своих бойцах, он с «ними мало занимался, в основном караульной службой и хозработами». Тогда в декабре 1994 г. я первый и последний раз в своей военной жизни услышал такое от командира роты, спецназовца. Я спросил, а разве остальные командиры больше других занимались боевой подготовкой? Мне было сказано, что за других он ответственности не несет. Этот офицер прибыл ко мне в 173-й ооСпН еще в Перекишкюле на доукомплектование. Тогда он показался мне грамотным, толковым командиром группы СпН. В этот раз я ему только сказал: «Хорошо, ты можешь не идти и не готовить людей, позови ко мне командира 1-й группы». На том и расстались. Позже этот синдром, как мне показалось, у него прошел, но осадок у меня остался.

Для единого понимания офицерами некоторых вопросов боевой подготовки, управления и взаимодействия я провел несколько практических занятий со всеми категориями офицеров 173-го ооСпН. Отработали вопросы скрытного и бесшумного передвижения, управления группой в ходе ведения разведки в тылу противника, организации управления огнем в ходе проведения засад и налетов. После чего командиры приступили к проведению занятий со своими группами. Стрелковые тренировки, радиотренировки, подготовка оружия и средств связи, приведение оружия к нормальному бою, физподготовка – всем этим вопросам было посвящено время, выделенное на подготовку к выполнению боевых задач, поставленных Начальником Генерального штаба.

Во исполнение указа Президента РФ от 30 ноября 1994 г. «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской республики», директивой Министра Обороны предусматривалось: действиями войсковых группировок под прикрытием фронтовой и армейской авиации выдвинуться по трем направлениям к г. Грозный, блокировать его и создать условия для добровольного разоружения НВФ. При отказе – провести операцию по захвату города. В дальнейшем стабилизировать обстановку по всей территории республики.

В ходе подготовки групп я часто бывал в штабе временной группировки войск, где обстановка в Чеченской Республике и в г. Грозный до начала

боевых действий оценивалась на основании добываемой развединформации. На основании данных космической и воздушной разведки в штабе Группировки уже к 4–5 декабря была собрана информация по опорным пунктам, узлам сопротивления, численности и вооружению размещенных в них группировок, маршрутах переброски подкреплений, инженерном оборудовании местности. Были подготовлены формуляры на основные объекты системы республиканского управления и другие важные объекты с их точными координатами в Чеченской Республике и в г. Грозном.

Мне вдруг стало понятно, что эта «история» быстро не закончится. 6 декабря боевые задачи НГШ были отменены, и мы продолжили заниматься боевой подготовкой и оборудованием лагеря. Одновременно нам были поставлены задачи по проведению ночных засад вокруг аэродрома в целях предотвращения проведения диверсий и нападений на объекты аэродрома, органы управления и войска, располагавшиеся на нем. В ходе проведенных мероприятий было изъято несколько десятков охотничьих ружей. Пришедшие за ними в комендатуру и подтвердившие их собственность документами, получили их обратно. Перемещения местных жителей вокруг аэродрома резко сократились.

Начало силового решения конфликта

9 декабря Президент Б.Ельцин издал указ № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта». В тот же день Правительство России приняло постановление № 1360, предусматривающее разоружение этих формирований силовыми методами.

Министр обороны П.С. Грачев в Моздоке, в штабе группировки, проводил совещание с руководящим составом. На совещании присутствовали министр внутренних дел Ерин, директор ФСК С.В. Степашин, командующий округом генерал-полковник Митюхин, а также командиры соединений и частей Группировки. Грачев настраивал нас на победу, уточнял готовность частей. Выступая, Митюхин сказал, что нужно еще время для подготовки войск. После чего Грачев разнервничался, в пылу своего эмоционального выступления он так размахивал руками, что сидящие от него по правую и левую руку Ерин и Степашин, казалось, ещё чуть-чуть и получают по физиономии.

11 декабря я был в штабе Объединенной Группировки войск. В 7.00 три группировки российских войск «сводных» полков, отрядов, групп на Моздокском, Владикавказском и Кизлярском направлениях, 6 колоннами, по 4 маршрутам, выдвинулись в сторону г. Грозный. Карта вскрытой группировки, которая висела на стене на пункте управления разведкой, наглядно демонстрировала, что простой прогулки не будет. Помню, я тогда задал вопрос заместителю начальника разведки полковнику В.И. Евтушенко, показывая на карту, синюю от «вскрытого противника»: «Владимир Иванович, по моему, мы влезли к большую жопу». На что он ответил, мол, Сергей, не волнуйся, «за нами танки, авиация, артиллерия, регулярные войска. Они не смогут всему этому противостоять». Я сейчас думаю, что тогда у большин-

ства командиров было подобное мнение. И у тех, кто возглавил сводные колонны, и у тех, кто планировал и управлял в штабах. А ребята, которые побывали в Афганистане, Нагорном Карабахе, Таджикистане, очень хорошо были знакомы с методами партизанской войны, т. е. с вероятным характером действий местных жителей. Уже на следующий день наши колонны начали блокировать в населенных пунктах местное население. Потом начались обстрелы на привалах. 12 декабря появились первые раненые и убитые. Объединенная Группировка втягивалась в «мероприятия по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской республики». Позже в интернете я прочитал труд генерал-лейтенанта В.Я.Потапова «Действия соединений, частей и подразделений Сухопутных войск при проведении специальной операции по разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики». После прочтения я задал себе вопрос: «Если так все здорово было организовано, что же случилось *со всеми нами и с нашей армией?!*». Но это было потом.

Квашнин

В конце декабря 1994 г. в Штабе Объединенной Группировки войск появился генерал А.В.Квашнин. Он прибыл из Москвы с должности первого заместителя начальника Главного оперативного управления Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации.

Первое знакомство с Квашниным состоялось в штабе группировки, которую охраняли мои разведчики. Вечером я зашел проверить несение службы и услышал на втором этаже крик, с очень знакомыми словами и интонациями. Как мне рассказывали армейские старожилы, да и сам я успел убедиться, многие советские Командующие округами не ругались матом, они на нем разговаривали. Таким был Митюхин, таким же предстал передо мной и Квашнин. Конечно, «армия это не институт благородных девиц», говорил когда-то мой старшина учебной роты в 3-й гв. обрСпН Виктор Николаевич Батюк. Но эта «картина маслом» уж очень напоминала знаменитых персонажей – градоначальников Салтыкова-Щедрина. Человек лет пятидесяти, в коричневом армейском свитере с растянутой горловиной, в брюках от полевой формы песочного цвета с пузырями на коленях, в носках и армейских тапочках, стоял в коридоре второго этажа и кричал кому-то: «Паркетники, генералы х..вы, понаехали б..ди, ни х.я не делаете!!». И что-то далее в таком духе. Я спрашиваю бойца, стоящего внизу у двери, а кто это? «Новый Командующий», — докладывает боец. Потом Квашнин приезжал ко мне в расположение, мы ему организовывали показ оружия и техники, стрельбы из стрелкового оружия. Он тогда единственный раз выглядел как нормальный офицер, разговаривал тихо и вежливо.

Генерал армии П.С.Грачев 21 декабря 1994 г. представил на совещании в Моздоке в качестве нового командующего войсками Объединенной Группировки генерал-лейтенанта Анатолия Квашнина, вместо командующего войсками СКВО генерал-полковника А.Митюхина. А в феврале 1995 г. его же назначили командующим СКВО, заменив того же генерала Митюхина.

Наращивание группировки войск

Начали прибывать отряды СпН из Самары, Асбеста, Бердска, Чучково. Я вновь встретился с давними однополчанами и сослуживцами, Андрей Перемитин, мой замком роты в Афганистане, Володя Козлов, однокашник по академии и сослуживец по Чучково, генерал-майор Н.З. Сивачев, наш начальник разведки 40-й ОА в Афганистане, офицеры моего 370-го ооСпН, со многими из них я был в Таджикистане в 1992 г.: капитан Валера Козлов, капитан Андрей Чуньков, капитан Владимир Лаптев, капитан Сергей Самсоненко, майор Виталий Санин, майор Александр Бобко, майор Александр Фролов. Мы им оказывали любую посильную помощь. Кто бы мог тогда предположить, что уже в январе 1995 г. почти весь отряд погибнет в Грозном, под обломками взорвавшегося здания, в котором их разместят. А уже позже, в мирное время, погибнут офицеры 370-го ооСпН 16-й бригады, входившего в состав 22-й обрСпН в Афганистане, майор Э.А. Ахметшин и подполковник И.А. Веснин, которые вместе со мной проходили службу в Афганистане и Таджикистане.

Из Ростова-на-Дону прибыл отряд СОБР, командиром которого был мой давний знакомый Слава Мартынюк. Ребята убывали в сторону Грозного, при этом у них не было ни достаточного количества еды, ни карт, ни боеприпасов, ни схемы Грозного. Дали все что могли. Приехало Управление специальных операций ФСК, во главе которого был наш бывший командир 22 бригады в Афганистане генерал Д.М. Герасимов. У ребят тот же вариант, что называется: ни поест, ни попить. В офицерской столовой покормили, дали с собой продуктов. А 20 декабря Дмитрий Михайлович пригласил меня на празднование их профессионального праздника к ним на базу недалеко от аэродрома. Там я познакомился с директором ФСК С.В. Степашиним, он оказался на редкость коммуникабельным и интеллигентным человеком.

На тот момент в штабе Группировки скопилось столько генералов, сколько я не видел на Ходынском поле в 1993 г. со времен «Второго московского путча». Казалось, что какая-то казачья дивизия забрела в штаб Группировки. Была даже организована казарма для тех генералов, кому их подчиненные не могли предоставить кров.

Как-то вечером мне позвонил полковник В.А. Манченко и попросил прислать УАЗ в штаб Группировки. Вскоре он привез ко мне в расположение двух офицеров. Их нужно было переодеть в полевую форму и временно разместить и накормить. Это были два полковника из Москвы, из нашего Главного Управления ГШ. Уже через час полковники В.И. Лактионов, Н.Н. Костечко и я сидели в специально выделенном КУНГе, ужинали и вели теплую беседу. Их интересовало как все начиналось, какие задачи стояли, какие стоят, общая оперативная обстановка в Чечне и Ингушетии. Судя по вопросам и манере разговора, это были офицеры с большим жизненным и профессиональным опытом, прошедшие серьезные ступени в военной разведке, как в войсках, так и в органах управления. Они вызывали у меня большую симпатию и уважение, особенно Вячеслав Иванович Лактионов. Это был человек с простым открытым, слегка обветренным русским лицом.

Его улыбка сразу же располагала к себе. Эти офицеры, так же как и мы, прекрасно понимали сложность и неоднозначность событий, в которые мы все были вовлечены. Позже в Моздоке полковник Лактионов приезжал ко мне в расположение с генералом В.В.Красновым. Мы им показывали образцы оружия, методику подготовки групп, расположение бригады на аэродроме.

На следующее утро примечательная картина предстала перед моими глазами на аэродроме Моздока. Два Ил-76 приземлились, рампы открылись, и из них вышли солдатики, «одетые вовсе не по росту», без оружия. Именно так, по-другому их назвать было нельзя. Эта картина до сих пор перед моими глазами. Ребятишки в шинелях не по размеру, половина без «хлястиков», тоненькие шейки болтаются в грубых воротниках шинелей, новенькие вещмешки образца времен Первой мировой войны, глаза настороженно-перепуганные с немым вопросом: «Куда я попал?». Старший у них был какой-то полковник. Подъехал генерал, полковник скомандовал «Смирно!». Пока они разговаривали, я спросил солдата, откуда они и когда принимали присягу. Оказался осенний призыв, присягу приняли чуть ли не вчера, оружие держали на курсе молодого бойца, сами из Волгограда. А меня самого два дня назад «задрали» со страшной силой за то, что мой водитель УАЗа прослужил менее шести месяцев. А тут такое!

Ребят распределили по машинам с эмблемами Внутренних войск и увезли в неизвестном направлении.

Вопросы медицинского обеспечения

Где-то в середине декабря на аэродроме разместились два надувных госпиталя МЧС. Светлые, чистые! Хирурги – видно – матерые. Оборудование, все чин по чину! Мы думали, вот это здорово! Если что случится, сразу окажут квалифицированную помощь! Привезли моего солдата с ранением в ногу. Мы его доставили в госпиталь МЧС, благо он стоял напротив штаба группировки. А мне говорят: «Не возьмем, обслуживаем только местных жителей, гражданских». Какие слова у меня были в голове, и особенно эмоции, хорошо помню.

В трехстах метрах я нашел зеленый ГАЗ-66 с красным крестом и развернутой палаткой, примыкавшей к нему. Я заглянул внутрь и увидел в слабом свете одинокой лампочки от аккумулятора молодого офицера и двух медсестер, сидящих за столом. На столе вареная картошка и огурцы с хлебом. Они ужинали. Это была наша военная медицина. Мы быстро договорились, они осмотрели солдата и отправились в операционную. На мой вопрос, что я могу для них сделать, последовал конкретный ответ: «Поесть бы чего-нибудь». За то время, пока они были в операционной, мой водитель съездил и привез тушенки, хлеба, мороженных «ножек Буша», сигарет. Кстати, «ножками Буша» нас снабжали с середины декабря 1994 г. по 1 февраля 1995 г. Далее они проходили только по документам в штабе тыла округа. Военный медик был очень растроган и предложил свои услуги хоть круглосуточно. Слава Богу, не случилось больше надобности.

Фатальная череда ошибок превратилась в беду

Где-то в конце декабря пришел приказ Министра обороны от 3 декабря 1994 г. о назначении меня командиром бригады. Начальником штаба был назначен подполковник Олег Мартьянов, мы учились с ним в академии в одной группе, он воевал в Афганистане. Я был очень рад его назначению и ждал с нетерпением его прибытия, поскольку в то время в управлении бригады было мало единомышленников и людей, на которых можно было положиться. Он приехал в декабре, перед Новым 1995 г.

За несколько дней до этого события у меня состоялся разговор с начальником разведки СКВО на предмет возможности вывода групп на большое расстояние от войск. Пришли к выводу, что оптимально все-таки пока работать от войск. Поскольку сейчас, в начале года, в Чечне погода не позволит эвакуировать группу в экстренной ситуации. Туманы и очень низкая облачность исключают эту возможность. На том и порешили.

28 декабря мне было предложено выехать в бригаду, поскольку в ближайшее время серьезных изменений в ситуации не предвиделось. Как раз в этот день прибыл начальник штаба. Предупредив Олега Мартьянова о том, чтобы без меня никаких действий по выводу групп, куда бы то ни было, не предпринимал, я уехал в бригаду, в Ростов.

И только 3 января я узнал о том, что в ночь на первое января отряд, в составе 23 человек, под руководством майора Морозова был выведен на юг Чечни для ведения разведки. Я тотчас вылетел в Моздок.

Меня встретил начальник штаба, доложил обстановку. Ничего хорошего. Оказывается, в связи с тем, что отряд Морозова был обнаружен практически сразу после десантирования, он запросил эвакуацию, ведь разведку вести, когда ты уже обнаружен, абсурдно. Но руководством оперативной группы разведуправления СКВО в этом было отказано. Таким образом, был нарушен основополагающий принцип обусловленный опытом применения частей СпН в Афганистане. А здесь пошли дальше, приняли решение усилить отряд и десантировать к нему командира батальона с еще двадцатью четырьмя разведчиками. Сегодня утром это и было сделано, как вкратце доложил начальник штаба. И теперь по заснеженным горам в колонну по одному объединенный отряд из 47 человек, оставляя за собой след, который можно увидеть даже из космоса, по местности с плотностью населенных пунктов один на девять квадратных километров, в период заготовки дров местным населением, в период постоянной нелетной погоды, продолжил вести разведку.

Начиная с 3 января, я неоднократно ставил вопрос об эвакуации отрядов. При этом выдвигал следующие аргументы:

1. Об отряде в 47 человек знают все окрестности юга Чечни;
2. Ведение разведки такой толпой в районе, в котором все контрразведывательные силы знают об их местоположении, не соответствует ни одному требованию к разведке;
3. При боестолкновении с чеченцами (а оно обязательно рано или поздно состоится – принцип волчьей охоты), знающими местность и кото-

рые в состоянии в короткие сроки собрать превосходящие силы, мы не в состоянии спрогнозировать даже с 50% вероятностью их поддержку, прикрытие и эвакуацию, даже только раненых, в связи с полным отсутствием погодных условий и значительной удаленностью отрядов от войсковых группировок;

4. Срочная эвакуация отрядов может быть невозможна по погодным условиям.

Исходя из сказанного, я предложил, либо вывести их в пункт временной дислокации, перегруппировать, уточнить задачи и вывести в новые районы, но в составе разведгрупп, либо перебросить вертолетным способом в другие районы и тоже по группам.

Мне очень «понравились» аргументы одного из главных наших руководителей полковника Рускова: Морозов испугался восьмерых «чеченов», но мы его еще одним отрядом усилили. Другие более высокие руководители военной разведки с несколькими генеральскими звездами в унисон ему вторили, что, мол, на такую массу народа чеченцы побоятся нападать. При этом они, видимо, даже не предполагали, что речь идет не о мотострелковом батальоне с его общевойсковыми задачами. Потом один из них проговорился, показывая на карту: «На юге у нас нет разведорганов, если мы твоих эвакуируем, что будем начальству говорить?».

«Мы сдаемся, мы в Грозном»

После долгих уговоров 5 января, когда командир объединенного отряда майор А.Г.Иванов доложил о захваченных ими пленных, руководство разведкой все-таки приняло решение на эвакуацию. Иванову немедленно была дана радиограмма: выйти в указанный район, подобрать площадку для эвакуации, доложить координаты и быть в готовности к эвакуации. Я заметался в армейской авиации с планированием вертолетов. Дежурил с несколькими офицерами бригады на аэродроме. Погоды, естественно, не было. Вылетавший утром вертолет-разведчик докладывал одно и то же. Утром 7 января объединенный отряд из 47 человек (7 офицеров, 2 прапорщика, 37 солдат и сержантов) был окружен, в ходе боя два военнослужащих было убито (рядовой Луговенко Андрей Сергеевич, снайпер-разведчик, рядовой Дьякон Евгений Викторович, снайпер-разведчик), двое ранены, эвакуация из-за погодных условий и огневая поддержка с воздуха были невозможны. Войска Группировки находились далеко и не могли выдвинуться для поддержки и эвакуации отряда. Им было предложено сдаться. Во избежание еще больших потерь командир отряда принял решение сложить оружие.

7 января я с группой офицеров сидел в вертолетах, готовых к вылету, поскольку мы уже знали о том, что ребята окружены и ведут бой. С вертолетчиками уже была договоренность: «Черт с ними: с погодой, с начальниками! Летим выручать и эвакуировать!». Подъехал начальник штаба и передал мне последнюю радиограмму от Иванова: «Мы сдаемся, мы в Грозном». Тем не менее мы вылетели – четыре Ми-8 и четыре Ми-24. Нижняя кромка облаков была где-то на высоте 100–200 метров, и это на равнине. На протя-

жении сорока, минут пока мы летели, я не видел ни одной дыры в облаках, чтобы можно было увидеть землю. Над облаками начали появляться вершины гор. Выйдя в район эвакуации, я начал запрашивать «Землю». В ответ – молчание. Рядом с площадкой эвакуации я увидел плоскую гору, возвышающуюся над облаками. По карте высота над землей была не более 1 километра. Я тогда подумал, почему они не вышли на нее? Командир вертолета согласился попробовать опуститься ниже. Мы, опускаясь, зашли в облака. За окном сплошное молоко. Снова запрашивали «Землю» – молчание. Настал момент, командир мне показал на высотомер – ниже уже некуда, можем зацепиться за «высоковольтку» или за деревья. Внизу туман. Пришлось подниматься обратно. Ми-24 сообщили про минимальный остаток топлива. Пришлось уходить на аэродром Владикавказа. Действительно, Ми-24 садились реально пустыми баками. Если бы с первого раза мы не зашли на аэродром, затянутый облаками, они бы просто упали. Я им до сих пор очень благодарен. В Афганистане летчики не позволяли себе так рисковать.

На утро следующего дня мы снова в районе. В ответ тишина. Вернулись в Моздок. На докладе генерал Краснов спросил, а не мог ли Иванов сам сдать отряд? Я предложил, сначала их вытащить, а потом разобраться что к чему, кто виноват, а кто герой. Генерал обнадежил меня и сказал, что поисками и возвращением людей будут обязательно заниматься.

Через неделю я узнал, что ими почему-то никто не занимается, но при этом все знают о нашей проблеме.

Кто реально помогал освобождению

Я вышел из штаба группировки. Что делать, как их вытаскивать, пока не знал. И тут я увидел генерала Цаголова Кима Македоновича. Он был в военной академии им. М.В. Фрунзе когда-то начальником кафедры. Я поздоровался, представился и кратко обозначил свою проблему. Он предложил пройти к нему. Так мы познакомились. Ким Македонович был представителем министра по делам национальностей. Я все ему детально рассказал. Он молча набрал какой-то номер и включил на громкую связь: «Здравствуй Руслан, это Ким Цаголов». На том конце ответил Аушев, Президент Ингушетии. Цаголов в двух словах рассказал проблему, сказал, что там бывшие «афганцы», и попросил его помочь в этой проблеме. На что тот ответил: «Ким Македонович, Вы знаете, я Вас уважаю, но не я эту войну начинал. Я ничем помочь не могу».

Когда-нибудь я опишу детально все, что было сделано и как. Этой задачей с начала и до конца занимались пять человек: генерал К.М.Цаголов, генерал В.Н.Чернобылов, подполковник О.В.Мартьянов, начальник особого отдела округа (или зам, к сожалению, не помню его фамилии, но очень хороший человек и офицер. Как я понял, у них в Шали, там, где находились наши люди в плену, был и их человек) и я. Хотя не исключаю, что могли быть и какие-то другие, неведомые нам люди.

В течение последующих десяти дней вся наша команда занималась установлением связи с руководством бандитов в Шали, согласованием

условий обмена, поисками по спискам представленным чеченцами людей для обмена, сначала разговор шел о деньгах, затем об обмене на людей. Первый их список состоял из персонажей, которым уже была назначена высшая мера (это к вопросу: «Был ли уголовным режим Дудаева?»). Москва отказала. Следующий список содержал количество чеченцев из расчета за одного нашего двое их. Согласились. Я объехал две близлежащие тюрьмы, вагоны для временного содержания заключенных, это такие тюрьмы на колесах. Списки были отправлены в остальные тюрьмы.

21 января, прямо на мой день рождения, случилось событие. Майор А.Г.Иванов и рядовой контрактник А.В.Калинин были доставлены из Грозного. Андрей был изрядно избит, после этого у него сильно обострились раны, полученные в Афганистане. Я спросил, кто же его назначил командиром разведоргана на войну? Ведь мы все знали, что состояние здоровья Андрея было явно не для «гарцевания» по горам. Он мне ответил, что Русков. Мы пошли в баню, выпили, поговорили. Его, оказывается, сразу отделили от отряда вместе с рядовым Калининным и увезли в Грозный. Там выясняли, кто и что, затем, видя, что ничего не получается, проявили жест доброй воли и передали нашим войскам в Грозном. С Ивановым еще работали «особисты», но, как я понял, ничего крамольного не накопили. И я тут же отправил его лечиться в Аксай в ППД.

К 23 января 60 чеченцев были доставлены самолетом в Моздок под конвоем солдат внутренних войск. Бойцы этих внутренних войск, показывая свою лихость и боевитость, пока везли пленных, изрядно их побили. Когда мы временно разместили их у себя, нашему медику пришлось их лечить, а зам. по тылу кормить и обувать, поскольку некоторые были даже без обуви.

25 января мы вылетели на обмен к н. п. Герзель-Аул. Встретились с бандитами в небольшом придорожном ресторане на границе с Дагестаном. Их делегацию возглавлял Абу Мавсаев – начальник департамента госбезопасности Шали, с ним была его сестра с эсэсовским лицом и свирепым взглядом и пара сумасшедших бандитов. С нашей стороны делегацию возглавлял К.М.Цаголов. Встреча началась с истерики Абу Мавсаева по поводу недавней бомбежки нашей авиацией Шали и окрестностей. В пылу истерики встреча была сорвана. Ким Македонович сказал Мавсаеву, чтобы тот до завтра успокоился, а он пока разберется, почему и кто бомбил. Завтра встречаемся в то же время и в том же месте. Мы улетели вместе с пленными чеченцами ни с чем.

Ну, все! Едем домой!

26 января 1995 г. утром мы были снова в том же месте. В этот раз обстановка выглядела более спокойной. Бандиты заявили, что майора Дмитриченкова они нам не отдадут. Он, по их мнению, был то ли представителем ФСК, то ли летчиком. Признак, по которому они это определили: на нем была зимняя летная куртка темно синего цвета, которую носили летчики и спецподразделения ФСК. Мои аргументы, что он простой офицер, только в летной куртке, не возымели действия. Последний вопрос бандитов был о

том, кто из нас поедет на территорию, контролируемую бандитами, и заберет солдат и офицеров и привезет к мосту, соединяющему границы Дагестана и Чечни. Цаголов сказал, что едет он, вызвался и я, мотивируя, что это мои люди. Условие было одно – мы едем без оружия. Мы вышли из кафе, я попросил Олега Мартьянова быть в готовности к обмену, обеспечить на всякий случай прикрытие обмена, а мы с генералом Цаголовым сели на заднее сиденье старенького «опеля» и с двумя бандитами впереди поехали к мосту. Проезжая по нему, мы были удивлены большим количеством боевиков с оружием на чеченской стороне и иностранных журналистов. Чеченцы знают толк в PR-акциях. Пока ехали, чеченцы слушали музыку, болтали друг с другом. Ким Македонович тихо спросил, есть ли у меня оружие, я ответил, не разведчика НР-43, внизу на ноге. «А у вас», – спросил я. Он ответил, что у него ПСМ, генеральский пистолет. «Что будем делать, если что?» – спросил Цаголов. Я ответил, что дорогу запоминаю, этих двух я успею убрать, машину заберем, вернуться сможем, но только сейчас. Когда приедем, черт знает, сколько их там может быть. Вот так «воркуя», как потом, лет через двадцать, Ким Македонович описывал эту историю, мы ехали минут 25–30. Подъехали к какой-то школе на окраине села, тут я увидел, как вокруг футбольного поля бегают мои ребята. Как только мы остановились, их загнали в какой-то подвал. Рядом стоял автобус ПАЗик. Нам предложили в него сесть. Я сел перед входом. Кто-то дал команду нашим ребятам подняться и садиться в автобус. Все входящие в автобус удивленно на меня смотрели, и только у Игоря Морозова взгляд был какой-то настороженный, перепуганный что ли. Отойдет, подумал тогда я.

«Ну, все ребята, едем домой», – сказал я, обращаясь ко всем сидевшим в автобусе. Тем не менее меня и Цаголова не покидало ощущение вероятности какой-то провокации. Поэтому всю обратную дорогу мы были в напряжении, я внимательно следил за маршрутом, который хорошо запомнил. Подъехали к мосту, выгрузили ребят. Пресса тут как тут. Начался обмен под крики чеченов, клацанье затворов фотоаппаратов. Один наш – два их, на середине моста пересекаются. В 16.00 в н.п. Герзель-Аул мы завершили операцию и вернули моих офицеров и солдат, за исключением майора В.В. Дмитриченкова и двух погибших, которые были погребены недалеко от н.п. Комсомольское. Чуть позже я обменял дядю Джохара Дудаева на майора Дмитриченкова, а тела погибших ребят из Элисты мы обменяли на несколько ящиков тушенки. Так завершилась эта трагическая страница истории 22-й бригады СПН.

Чеченцы всех солдат, находящихся в плену, заставили написать родителям письма. Те приехали и «напали» на Командующего Квашнина. Командующий приказал мне отпустить всех солдат домой. Я ответил ему, что в этом случае другие решат, что, для того чтобы попасть домой на тридцать суток, нужно сдать в плен. Квашнин ответил на своем командирском языке. Приказ есть приказ. Построили, помыли, накормили и отпустили в отпуск. Вернулись из «отпуска» лишь ребята из Элисты, земляки погибших разведчиков под Комсомольским. Полковник Русков приказал почему-то

оружие им не давать. Я им все же дал трофейное, и они до увольнения в запас честно служили своей Родине.

Позже всплыли какие-то разговоры о непонятном поведении в плену некоторых офицеров. Я же не хотел копаться в этой истории, поскольку все равно одной правды не бывает.

Подводя черту

Конечно, этот случай спецназу славы не добавил. Общая тональность комментариев такова и была. Наши окружные полководцы все стрелы перевели на командира бригады, то есть на меня. Но все всё «понимали» или делали вид, что, мол, мы понимаем, но «что поделаешь, с каждым такое может случиться». Ситуация напомнила мне старый детский анекдот, когда в автобусе мужик испортил воздух, все расступились, и дабы выйти из глупого положения, этот же мужик говорит стоящему рядом парню: «Да не красней ты так, с каждым может случиться!».

Кто из «критиканов» и как повел бы себя там, под Комсомольским в январе 1995 г., я хотел бы посмотреть. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Может быть, если бы они все полегли там, под Комсомольским, в истории появилось бы еще одно героическое событие, на примере которого можно было бы воспитывать нашу молодежь. И тем полководцам, которые их туда бездарно направили и не приняли вовремя нужного решения, эта гибель была бы на руку, подобно гибели 6-й роты ВДВ во Второй чеченской. Позже я узнал, что все тот же Русков сказал, что он сделает все, чтобы в бригаде не осталось ни одного офицера, попавшего в плен. Прав ли он? Он свое обещание выполнил. Но время все расставило по своим местам.

Многие офицеры и солдаты, побывавшие в плену, впоследствии успешно продолжили служить Родине. Ровно через год после этих событий в 1996 г. лейтенант В.А. Скороходов получил звание Герой России, прапорщик В.Б. Паршонков погиб в Чечне 1996 г. Большинство офицеров успешно воевали, были награждены, поступили в различные академии, Андрей Хоптяр стал командиром 122-й мсд.

Некоторые офицеры сами приняли решение оставить службу в армии по причинам, только им ведомым. Командир отряда майор А.Г. Иванов ушел в запас в связи с обострившимися ранами. Те сержанты и рядовые, кто не вернулся из отпуска в феврале 1995 г., я убежден, не выдержали экзамен на высокое звание «Мужчина».

Ну а генерал Цаголов Ким Македонович получил выговор от своего начальства за то, что занимался не своим делом. Вот такой была самая трагическая страница в истории 22-й обрСпН.

Подводя черту, могу с полной уверенностью сказать – любое решение командира, доведенное до конца, считается верным. Война это не соревнование, у кого больше погибнет солдат и офицеров. Да, они остались не в красивой легенде, а в жизни. Уверен, что этот случай им послужил наукой. Но не уверен, что наукой эта трагедия послужила тем, кто принимал решение: на вывод, на продолжение действий, на усиление еще одним отрядом, на то

что «само рассосется», на назначение «крайних». Тем, кому просто нужно было доложить, что разведорганы ТАМ у нас есть.

Мне «посоветовали» уволить майора А.Г.Иванова из рядов ВС РФ. В принципе такое было возможно. Но я, пытаясь сохранить офицера, знакомого мне еще с детства, решил перевести его на комбата кадра, а Мокрова, который находился на этой должности, поставить на 173-й ооСпН. Я ему сказал, для того чтобы вывести из-под удара Иванова, нужно, чтобы 173-й отряд возглавил он. Юра мне говорит: «А как насчет заместителя комбрига?». На тот момент должность заместителя командира бригады была вакантна. Я ответил, что туда я планирую его друга, такого же «свободного» комбата Андрея Тарасова, ведь он подполковник, уже командовал развернутым отрядом, да и постарше будет. А ты, говорю, Юра, ведь до академии был начальником штаба отряда. Теперь есть возможность показать себя. Где как не на войне это можно сделать в полной мере. Он взял время подумать и все-таки согласился. Но я почувствовал тогда, что он обиделся. Я не придавал значения этому, думая, что все решено правильно и по справедливости.

«Боевые» заместители в деле

Из Аксая звонил заместитель командира бригады подполковник Харченко, просил разрешения на приезд в Моздок. Я дал добро. Подполковник Ершов, зам. по ВДП, вышел с колонной из бригады и почему-то вернулся обратно. Колонну в Моздок привел другой офицер.

Г.К.Харченко приехал, слегка «под шафе», бодро провел один день и попросился в Грозный. В это время уходила колонна с группой Лимонова, и я отправил Харченко с ним. Через три дня на меня вышел Лимонов и попросил «срочно убрать подполковника Харченко, который, напившись, занимается «чапаевщиной», разъезжает на боевой технике и стреляет во все, что движется». Мне позвонили из штаба группировки и подтвердили информацию. Я дал срочную радиограмму Харченко вернуться в Моздок. Позже он уехал в бригаду и тоже сильно на меня обиделся.

Живые герои не нужны

Приехал отряд по ротации из «Северной» Группировки. Замкомбата Володя Каменюка отличился. Когда начался обстрел КП генерала Рохлина на консервном заводе, и была попытка его захвата, Каменюка с группой вышел на прикрытие. Рядом со входом стояли машины, груженные минами к миномету. Один автомобиль горел. Володя сел в него, завел и под обстрелом отогнал подальше на улицу, по которой продвигались бандиты. Вернулся, отогнал второй загоревшийся автомобиль. С сержантами нашел командира минометной батареи с солдатами, прятавшихся в подвале, заставили выйти к орудиям и организовали отражение нападения на КП Группировки. Мне была передана радиограмма генерала Рохлина с описанием подвига и ходатайством о присвоении майору В.Каменюке звания Героя РФ, а остальным участникам орденов «Мужества». Я доложил руководству, и вскоре меня с участниками этих событий вызвал Квашнин. Они рассказали из первых уст,

как все было. Он во всеуслышание распорядился написать представления. И на этом все, как всегда, закончилось. Живые герои тогда в 1995 г. были не нужны.

Война «двухгодичников»

Война продолжалась. Активное участие в боевых действиях принимали: замкомбата майор В.В. Недобежкин, майор В. Каменюка, капитан В.А. Олемской, комроты старший лейтенант М.В. Абрамов, комроты майор А.Е. Хоптяр, комроты майор В.М. Рыбак, командиры групп старший лейтенант И.И. Михайличенко, капитан О.Л. Гобузов, лейтенант В.Г. Ястребинский, лейтенант К.С. Смирнов, старший лейтенант Б.В. Сысенко, капитан Д.В. Лимонов, лейтенант С.В. Скорородов, старший лейтенант К.В. Козлов.

Я не буду пересказывать дальнейшие события в Чечне 1995 г., они в цветах и красках детально описаны полководцами и начальниками различных уровней в воспоминаниях и жизненных отчетах.

Но многие мероприятия, организация, практические действия вызывали у меня, как у офицера с высшим военным образованием, удивление, недоумение, а подчас приводили в замешательство.

В такие моменты возникало сомнение, а действительно ли у НИХ за плечами академия Генерального штаба или хотя бы военная академия им. М.В. Фрунзе? Отсутствие в колоннах организованной разведки на марше, отсутствие сторожевых постов и элементарного охранения на привалах, неразумное распределение сил и средств по колоннам, отсутствие элементарных объективных докладов о текущей обстановке, неумение ходить по карте, блуждание колонн, сосредоточение боевой техники на ограниченном пространстве, отсутствие управления в ходе боя, война подразделений и частей различных ведомств и министерств вне всякого взаимодействия. При этом такое наблюдалось сверху и до низу, на уровне взводов, рот, групп, батальонов, батарей и т. д. Больше всего поражало «броуновское движение» войск в городе. Стрельба по своим. Сигналы опознавания были определены не у всех. Все вперемешку: милиция, внутренние войска, пехота, морская пехота, десантники, тыловики и хрен знает еще кто.

26 января 1995 г. в Грозном трагически погиб от руки снайпера командир группы лейтенант Черников Владимир Владимирович. Это был грамотный офицер, преданный спецназовскому ремеслу человек. В декабре 1994 г. перед самым новым годом он находился в очередном отпуске, сам приехал в Моздок, нашел меня и просился с группой на войну. Он очень хорошо знал город, поскольку родился в нем и призывался из него в армию. Тем не менее я его отправил обратно в Ростов. В январе он снова приехал, и я сдался, поскольку город мало кто знал так, как он. Это еще раз о том, что: «На войну не просятся, от войны не бегают». До сих пор не могу себе простить этого. Ведь я знал эту непреложную заповедь, а подумал, что проскочит.

Мои группы СпН, действовавшие в «Северной» группировке, чаще всего применялись для «латания дыр», то в качестве штурмовых групп, то отрядов эвакуации техники, то групп для «зачистки» местности. При этом объем раз-

ведывательных и специальных задач почему-то был ничтожен. В связи с передачей в оперативное подчинение групп спецназ Группировкам на направлениях, радиосвязь с ними по указанию объединенного штаба была прекращена, соответственно и управление было утрачено. Информация от групп в оперативную группу разведуправления СКВО, естественно, попадала не постоянно, а по желанию командующего Группировкой на направлении. Все и вылилось в очень самостоятельные действия руководителей Группировок на направлениях. Складывалось впечатление, что всей войной руководят «двухгодичники». Кто не знает, это вчерашние студенты, приходившие из ВУЗов послужить два года в армии в качестве офицеров. Поэтому я ее так и называл: «война двухгодичников». Значительно позже я узнал, что наш командующий как раз из таких ребят.

Примером задач, которые ставят «двухгодичники», может быть следующая история. В марте я получил задачу, захватить на одном аэродроме вертолеты Ми-8, завести их и угнать с помощью экипажей вертолетов. Самолет Ту-134, стоявший на аэродроме, уничтожить. Командиром отряда согласно боевому распоряжению, подготовленному С.И. Русковым, назначили меня. Я сформулировал замысел и доложил руководству. Предполагалось, что я с отрядом из 25 человек плюс шесть летчиков с техниками приземлимся на указанный аэродром на Ан-24 и высадимся из него. Самолет уйдет, а мы захватим вертолеты. Далее техники поставят аккумуляторы, летчики заведут двигатели, а в это время мы заминирuem самолет и после этого улетим на захваченных вертолетах. Были и запасные варианты. Подготовка шла полным ходом. Но как-то вечером приходит ко мне Олег Мартыанов, показывает на карте этот аэродром и говорит, что у него большие сомнения, то что его территория попадает в разрешенную зону боевых действий, поскольку это территория Ингушетии. Я тотчас поехал к генералу В.В. Краснову, представителю Генерального штаба, и доложил ему наши сомнения в законности предстоящих действий. Впоследствии, видимо, разобрались, и эта задача была снята.

Особенности организации применения спецназа

К сожалению, вплоть до конца чеченской войны не было создано централизованное обобщение и доведение положительного и негативного опыта действий отрядов СпН в Чечне. Что позволяло совершать одни и те же ошибки приезжающим частям и подразделениям СпН.

К марту 1995 г., в связи с практикой применения подразделений СпН «от войск», появилась и закрепились тенденция постановки боевых задач устно или по средствам связи либо передачи в штаб батальона боевого распоряжения после выполнения боевой задачи. Эту удобную позицию заняло и руководство оперативной группы ГРУ ГШ. Отработанный алгоритм: боевое распоряжение – боевой приказ – непосредственная подготовка – оперативное дело – вывод, соблюдался лишь тогда, когда руководство отряда СпН контролировалось штабом бригады либо при выходе на выполнение боевой задачи составом, не менее роты. В случаях, когда задачи ставились немед-

ленно, что было чаще всего (сопровождение, противодиверсионные действия вблизи полевого лагеря), документы вообще не оформлялись, что являлось грубейшим нарушением основ боевого применения соединений и частей СпН.

В это время начальник разведки генерал Чернобылов сказал, что полковник Г.К. Харченко уходит к Квашнину порученцем. Спросил, что я по этому поводу думаю. Я ответил, что ничего хорошего это нам не сулит. Его завистливость, скверный характер и вредные привычки сослужат нам плохую службу. Я просил генерала отговорить Командующего от этого шага. Начальник разведки сказал: «Все нормально, он же из нас! Наоборот, свой человек там будет кстати».

В результате Г.К. Харченко стал порученцем у Квашнина. Над разведкой СКВО нависла угроза, которая впоследствии явно материализовалась. Зам. начальника разведки мне жаловался, что Харченко постоянно подставляет нас Командующему.

Осенью в бригаде начали работать комиссии из штаба округа. Офицеры прямо говорили мне: «Командующий взелся на тебя с подачи твоего бывшего зама. Что у тебя с ним?». Что я им мог рассказать, что он мерзавец, алкоголик и завистник?

Хоть они и держали нос по ветру, но в результате так и не нашли в бригаде ничего криминального. За что получили нагоняй от Командующего.

Затем возник очередной повод. Мои контрактники «пощипали» ларек в Грозном. По этому поводу был собран целый Военный Совет, на него вызвали меня, начальника штаба, комбата, командира роты и командира группы этих контрактников. Вы бы слышали этот монолог Квашнина. Нас, стоящих в одну шеренгу перед сидящими членами Военного Совета, перед злорадно строящим рожи, сидящим за столом порученцем Харченко, Квашнин «разрывал на части», демонстрируя свое военное красноречие, незнание устава и бескрайнее хамство. Затем меня вызвали отдельно в кабинет Командующего (так должно было быть до того). Здесь в присутствии начальника штаба округа Квашнин продолжил свои сентенции на тему: «мерзавец комбриг». Затем он предложил мне написать рапорт о переводе в другую часть. Я ответил, что это будет сделано только при наличии веских причин. Я таковых не вижу. Потапов, начальник штаба округа, вдруг произнес: «А он еще и диссертацию пишет». Тут Квашнин получил новый импульс: «Да вас в училище надо отправить, лекции читать, преподавателем со своей диссертацией. Мне не нужны умные командиры!». И остальное в том же духе. Был момент, когда я чуть не плюнул ему в лицо. Ведь я понимал, откуда ноги растут.

В коридоре штаба меня поджидал Харченко.

— Ну, все, тебе конец! Я же обещал! — напомнил он мне недавний разговор, когда он приезжал в бригаду с очередной комиссией. Я его послал с большим удовольствием.

А позже реакция начальника штаба округа была просто удивительной:

— Сергей, ты же видишь, я ничего не мог сделать, он же Командующий. Ну, ничего, все будет хорошо, — успокоил он меня.

Шпиономания и ее последствия

В связи с возникшей в какой-то период времени в 1995 г. шпиономанией, появилась патологическая скрытность между всеми органами управления, оперативными группами видов и родов войск, министерствами и ведомствами. Так летом 1995 г. командиру 173-го ооСпН, дислоцированному на аэродроме Ханкала, была поставлена задача на сопровождение бронегруппой офицера-разведчика из ГУ ГШ. Реальный район выполнения задачи доведен не был. Определили лишь то, что работать будут в городе Грозный. Было указано, что письменное боевое распоряжение будет передано в штаб батальона позже. Таким образом, командир отряда реальных исходных данных для принятия решения на применение РСпН не имел. В связи с отсутствием на выполнении других задач опытных солдат, назначил в состав группы вновь прибывших разведчиков из псковского батальона. Связь была организована на частотах УКВ-диапазона, что обеспечивало контроль группы на указанное расстояние.

При этом я, командир бригады, находился в это время в расположении отряда. Накануне вечером встретился с подполковником П. Тот сказал, что никаких экстремальных действий не намечается, он просто съездит на встречу в Грозный. В то время обстановка в городе вполне была стабильной. Он попросил мой УАЗик, и я, конечно, дал добро. Еще пошутил, сказав, что на нем нарисована эмблема ВДВ, и поинтересовался, не помешает ли она? Тот ответил, что никоим образом. Командир группы старший лейтенант Михайличенко на двух БТР и одном УАЗе утром выехали из расположения отряда. Заехали в оперативную группу ГШ на другой стороне аэродрома, забрали там генерала Краснова и убили с ним совершенно в противоположную сторону, далеко на юг. При этом группа вышла за боевые порядки наших войск, на территорию, контролируемую чеченцами. Оказывается, подполковник П. и генерал должны были с кем-то встретиться на подконтрольной бандитам территории. Из-за большой дальности до Центра связь с группой прервалась. Они попали в засаду в населенном пункте, погиб подполковник П. и мой солдат, двое других были сброшены выстрелом из РПГ с брони. Генерал был ранен. Он скомандовал командиру группы: «Вперед!», и люди остались в селе. Выйдя на пост российских войск, генерал с останками подполковника П. был эвакуирован. Командир группы ринулся искать своих солдат. Благо местное население испугалось, и бойцов даже сопроводили до российского поста. Ротный вернулся на базу и рассказал, как все было.

Конечно, если бы командир бригады знал особенности данной задачи, то, что в составе РСпН едет генерал ГШ РФ, и то, что группа будет выходить за боевые порядки, можно было бы укомплектовать группу свободными офицерами, передетыми в солдатскую форму, организовать устойчивую связь с «Центром» и самое главное – организовать прикрытие встречи дополнительной бронегруппой, размещенной вблизи боевых порядков, организовать взаимодействие с охранением общевойсковых частей, одним словом, стандартные мероприятия, проводимые в таких случаях. Люди могли бы остаться живыми.

Далее, в ходе действий в составе «Южной» группировки летом 1995 г. укоренилась практика применения подразделений для наступательных и штурмовых действий, а не для добывания сведений и проведения спецмероприятий. Необходимость этого была обусловлена, прежде всего, низкой подготовкой войск, а не нехваткой войск для их выполнения.

И ты Брут...

В сентябре я взял отпуск на 15 суток и поехал в Москву к родителям. Зашел к друзьям в Контору, где в классе как раз показывали какие-то элементы экипировки для частей СпН. Зашел и начальник ГУ генерал-полковник Ф.И. Ладыгин. С ним мы познакомились еще в ноябре 1993 г., во время Второго путча. Он узнал меня и предложил зайти к нему рассказать, что нового в бригаде, последние новости из Чечни. Во время моего доклада у него в кабинете вдруг позвонил телефон. Генерал взял трубку, начал разговаривать. Потом спросил собеседника: «А какие к нему претензии, он как раз у меня?». Закончив разговор, он сообщил, что звонил Командующий, «жаловался на тебя, сказал, что работать с тобой не хочет. Что случилось?». Я в двух словах описал ситуацию с пленными, с Харченко, с комиссиями. Он ответил: «Не волнуйтесь, Сергей Владимирович, мы вас не бросим».

В октябре дежурный по бригаде принес мне телефонограмму от дежурного по Округу. Текст примерно такой: «Командиру бригады срочно прибыть на Ханкалу. С собой иметь пистолеты. Собрать офицеров бригады, имеющих опыт боевых действий в Чечне, и вылететь вместе с ними. Командующий войсками Округа». Я попросил дежурного дословно уточнить телефонограмму. Он подтвердил правильность полученного нами текста.

Я позвонил на Ханкалу. Комбата Мокрова не было. Дежурный мне доложил, что в батальоне все в порядке. Тогда я позвонил начальнику штаба округа. Он сказал: «Раз Квашнин приказал, вылетай. Что к чему, я не знаю».

На военном аэродроме Ростова на вылет была очередь. Мне пришлось взять ящик с пистолетами Макарова и вылететь первым. На аэродроме «Северный» комбат Мокров меня не встретил. Я нашел БТР 173-го отряда, который кого-то только что привез из оперативной группы ГШ. Он-то меня и доставил на Ханкалу. Комбат был на докладе у начальника управления ГШ, генерала Симонова – нашего главного начальника.

Я поехал в оперативную Группу ГШ, в надежде там выяснить, что же случилось, зачем нужны пистолеты и «офицеры с боевым опытом». Подхожу к калитке на территорию оперативной Группы ГШ. У входа стоит генерал В.И. Прядко, бывший начальник разведки ПриБВО. Я представился. Он тут же, изменившись в лице, торжественно произнес: «Бреславский, это вы позорите разведку? К вам масса претензий у Командующего войсками, да и у нас тоже». Я его видел второй раз, знал, что генерал находится в распоряжении начальника ГУ ГШ. Поэтому спокойно спросил:

— А что собственно случилось, товарищ генерал? Я прибыл согласно телефонограмме из Округа. Мне было сказано привезти пистолеты и офицеров с боевым опытом. Они прилетят завтра. Пистолеты я привез.

— Вы, Бреславский, опоздали. Вам было сказано вчера прилететь, — не скрывая ехидства, произнес генерал.

— Вчера не было ни одного борта на Чечню, — ответил ему я и пошел к беседке, в которой сидел генерал Симонов с комбатом Мокровым.

Подойдя, я доложил о прибытии. Мокров, развалившись, сидел на скамейке. Симонов меня остановил:

— Вы там постойте, пока мы поговорим с комбатом.

Я впервые в армии видел такое наглое демонстративное унижительное пренебрежение. Я развернулся и пошел к КУНГам оперативной группы ГШ. Там я встретил своего боевого товарища Виталия Мертвищева и спросил его, что случилось?

Он поинтересовался:

— А что, Симонов не сказал?

— Нет, — говорю я.

— Владимирыч, да я вообще-то не знаю. Командующий приезжал, ругался на тебя, приказал вызвать.

Я не стал ждать, пока эта «сцена у фонтана» будет закончена, и пошел на выход. Там я снова встретил генерала Прядко. Он уже более дружелюбным тоном рассказал мне, что они планировали спецоперацию. Обсуждали ее с Командующим.

— Мокров доложил, что все бесшумное оружие комбриг увез в ППД, а радиостанции неисправны. Тот начал возмущаться, а комбат говорит: «А у нас и постельного не хватает». Типа «комбриг не заботится». Тогда рассерженный Командующий дал команду вызвать тебя, чтобы заслушать и заодно привезти бесшумное оружие.

— А что с офицерами? — спросил я.

— А он дал команду, чтобы ты забрал офицеров отряда, которые выезжали в ППД по семейным обстоятельствам.

Я все понял и подумал, что надо срочно дать отбой офицерам, которых я хотел с собой забрать. Про телефонограмму я уже не стал разжевывать генералу. Они все равно находились на «одной волне» с Квашниным, и это не имело смысла. В подобных случаях такие «нюансы» их уже не интересуют.

Я поехал в отряд и через двадцать минут выяснил, что постельное белье сгорело при пожаре бани, за стенкой которой был вещевой склад. Вопрос с нехваткой «радиостанций» в отряде оказывается звучал совсем по-другому. Из бригады в батальон была доставлена станция Р-157. Она принималась по Акту приема-передачи. И была исправна. Здесь на Ханкале начальник Р-157, прапорщик, «запускал ночью силовую станцию, какой-то забытый ломик заклинил силовую и в радиостанции что-то замкнуло».

С бесшумным оружием еще проще. Они захотели ПССы (пистолет специальный самозарядный), а я еще в мае дал команду, при передислокации отряда из Моздока на Ханкалу, о сдаче этих пистолетов на склад. По штату этого оружия у них в отряде не было. Но при необходимости их можно было доставить из бригады в течение полутора суток. Остальное бесшумное оружие: ПБ, АПСБ, АКМС с ПБС, порядка 20 единиц, в отряде имелось.

Что это за спецоперация, которая требует большего количества оружия? Мне все стало ясно, когда я узнал, что обо всем этом было доложено только комбату. И с этим товарищем мы были вместе в Афгане, в 370-м ооСпН, где он был дежурным по ЦБУ! В Союзе я принимал участие в поступлении его в академию, затем ходатайствовал перед комбригом о направлении после академии его, по его желанию, в нашу бригаду на должность комбата.

Я поехал к Симонову, доложил ему реальную обстановку. Он выслушал меня и сказал: «Ну, мнение Командующего это уже не изменит. Твоя информация запоздала, Бреславский». После этого я улетел обратно в бригаду.

Под занавес

6 ноября 1995 г. на Ханкале разведгруппа 173-го ооСпН под руководством старшего лейтенанта Кириченко была назначена для сопровождения высокопоставленного чиновника ЧР. В районе центрального рынка г. Грозный были убиты из бесшумного оружия ефрейтор Дюжева Анжела, лейтенант Куленкович, старший лейтенант Кириченко. Ребята прошли по чеченскому рынку.

Мы их похоронили. У Дюжевой остался один ребенок. Её папа, отставной военный, закончил службу на Украине. Он высказал мне просьбу остаться в военном городке с ребенком и принять гражданство России. Мы нашли возможность поселить его в квартире дочери, дали работу в бригаде. Насчет гражданства это была не наша епархия.

Несмотря ни на что, боевая работа продолжалась, боевая подготовка в ППД проходила в плановом режиме. Так получилось, что основная тяжесть Первой Чечни легла на плечи 173-го ооСпН, а повседневная жизнь бригады лежала на 411-м отряде. К сожалению, не всегда им командовали достойные офицеры. Тем не менее хотелось бы упомянуть толковых командиров групп, рот, офицеров штаба этого отряда. Большое спасибо им за труд и терпение. В будущем обязательно об этом будет написано, и будут упомянуты все пофамильно.

Как-то вечером мне домой позвонил Владимир Андреевич Манченко, начальник нашего направления в ГУ ГШ ВС РФ, и сказал мне, что при всех сложившихся обстоятельствах есть возможность перейти в Главное управление ГШ и поехать в командировку. Я поблагодарил его, взял тайм-аут, посоветовался с женой и согласился. Конечно, было жаль начатой работы, я только начинал входить на заданный режим, мне было тогда всего 34 года.

После прощального ужина, на котором было много офицеров из разведуправления, включая начальника разведки генерала В.Н. Чернобылова, командиров частей гарнизона, моих заместителей, представителей администрации района, я навсегда простился с 22-й отдельной бригадой специального назначения и убыл в Москву.

Эпилог

Большая часть истории 22-й отдельной бригады специального назначения, так или иначе, была связана с боевой деятельностью. Недаром бригаде

в де-юре мирное время было присвоено звание Гвардейская. Много через ее горнило прошло прекрасных солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров. Многие были награждены, есть и свои Герои Советского Союза, России. Уверен, что большинство из нас, тех, кто прошел эту школу, вернулись домой другими, обновленными и повзрослевшими. И, конечно, мы все заслуженно гордимся своей службой в прославленном соединении. Уверен, что в каждом из нас живет и частица погибших ребят, и она всегда будет давать нам силы становиться сильнее, честнее и справедливее.

Бригада меня воспитала, провела через все основные должности: командир роты, заместитель командира отряда, командир отряда, начальник штаба бригады, командир бригады. Она наградила меня тремя боевыми орденами, присвоила два воинских звания досрочно, дала возможность увидеть людей в самых экстремальных условиях и научиться понимать их, познакомиться с потрясающими людьми и стать с ними друзьями. Низкий поклон за это моим командирам, низкий поклон моим подчиненным, однополчанам и сослуживцам.

Считаю, что годы моей жизни, отданные служению 22-й отдельной бригаде СпН, это лучшее, что могло случиться со мной, лучшее, что было в моей жизни. Я искренне горжусь тем, что сегодня, в 35-летней истории 22-й отдельной бригады СпН, есть, пусть не большой, но искренний вклад мой и моих подчиненных.

Слава 22-й Гвардейской отдельной бригаде специального назначения!

Слава солдатам, сержантам, прапорщикам, офицерам и генералам, создававшим и создающим историю бригады!

22-я БРИГАДА ДЛЯ МЕНЯ – ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЭМОЦИИ

(О.В.Мартьянов)

Незнание опасности рождает героев

До 22-й бригады я служил начальником оперативно-планового отделения в Бердске. Родители наши, к сожалению, не молодеют. Поэтому у меня было желание перебраться поближе к дому. Ближе всего к Казани была Самара, где стояла 3-я бригада. Поэтому, когда в бригаду с проверкой приехал полковник В.А.Манченко, который тогда был начальником направления спецразведки, я высказал такое пожелание. Он обещал подумать.

Спустя три месяца, уже в конце 1994 г., он позвонил в бригаду и сказал, что в Самаре не получается, но есть возможность перебраться в Ростов, в 22-ю обрСпН, на должность начальника штаба. Для принятия решения он предложил съездить и посмотреть на место. Но я сказал, что смотреть нечего. Если надо, то я готов убыть к новому месту службы. Вскоре появился приказ о моем назначении.

В Аксай я приехал 25 декабря. В расположении бригады было пусто – «все ушли на фронт». Бригада в это время почти в полном составе находилась в Моздоке. Самым старшим начальником в бригаде в то время был начальник ОПО подполковник В.Баландин. Он меня и познакомил с расположением бригады.

Городок бригады только начал создаваться. Каждая казарма имела автономный септик, а по части ездила машина, которая нечистоты откачивала и увозила. Когда же она ломалась или по иной причине не вывозила накопившиеся отходы человеческой жизнедеятельности, то зловонные потоки текли по расположению бригады, мимо штаба и казарм личного состава. Как я слышал, до меня в бригаду приезжало два кандидата на должность начальника штаба, но, ознакомившись с суровой действительностью, отказались. Наверное, стал я НШ 22-й бригады только потому, что принял предложение не глядя. Увидев это до принятия решения, я, скорее всего, тоже отказался бы. Но... незнание опасности рождает героев!

Два дня я ходил по части – знакомился, а 28 декабря поехал в Моздок принимать дела. Летел на Ил-26 вместе с начальником 3-го отдела РУ штаба округа полковником Русковым С.И. А 28-е декабря – мой день рождения, и мы встречали его в воздухе на борту самолета, поскольку самолет не сразу полетел в Моздок, и мы болтались в воздухе часов шесть.

В Моздоке нас встретили на аэродроме и на УАЗике доставили в расположение батальона. Захожу в КУНГ, стоит Сергей Бреславский, который был назначен недавно командиром бригады. Увидел меня: «Привет! Наконец-то ты приехал! Я через полчаса улетаю. Командуй!».

Сел в машину и уехал. Перед Новым годом ему надо было что-то порешать в штабе округа.

В результате дела и должность начальника штаба бригады я принял за полчаса. Видимо, никто не ждал, что я приеду до Нового года.

Одни эмоции

Утром я проснулся и сразу задался вопросом: «Что делать?». Русков меня представил личному и офицерскому составу на разводе бригады. Без него и замполита я даже не знал, где проводится развод. После этого я начал пытаться вникнуть в решаемые бригадой задачи.

Служба в бригаде началась и продолжилась яркими событиями, выходящими за рамки среднестатистических. 29 декабря я только начал знакомиться с людьми. Из знакомых офицеров было только двое: Юрий Мокров и Андрей Тарасов – оба комбаты кадра. После этого успел немного познакомиться с Андреем Ивановым, который командовал 173-м ооСпН.

В Афганистане я служил в 15-й бригаде, и у нас с 22-й бригадой шло негласное соревнование. Поэтому я, конечно, особенно в начале службы в ней, сравнивал с тем, что было в 15-й или в других соединениях советского спецназа, где мне довелось послужить. К тому же через взлетку стоял отряд 67-й обрСпН, откуда я только что прибыл. Да и отряды других бригад практически все прошли через Моздок, и я имел возможность сравнения.

Сразу скажу, что 173-й отряд 22-й бригады выделялся из всех и этим меня приятно удивил. Все отряды входили в боевую жизнь постепенно, набираясь опыта, впитывая какую-то информацию. А 173-й отряд сделал это без раскочки. Ощущалось, что отряд боевой. Сказывалось сильное влияние офицеров, прошедших Афганистан. Первое, что бросилось в глаза, это то, что в отряде постоянно шла боевая подготовка, причем основной акцент был сделан на полевую выучку солдат. Бойцы постоянно ползали, бегали, отрабатывали какие-то тактические нормативы, отрабатывали движение в составе группы и взаимодействие с дозорами. У остальных все это тоже появилось, но постепенно и несколько позже.

Конечно, заслуга в том, что занятия были с самого начала организованы должным образом, принадлежит комбату, Андрею Иванову. Но и комбриг, Сергей Бреславский, был далеко не равнодушен к вопросам боевой подготовки и строго спрашивал за ее проведение с командиров.

Неудачное начало

30 декабря в Чечню было десантировано с вертолетов три группы: от нашей (22-й) бригады, от 67-й бригады и от 45-го орп ВДВ. Десантникам «повезло» больше всех, так как их просто не смогли высадить. Сибирякам после выполнения задачи пришлось отрываться от преследования, но все же удалось уйти. А вот нашей группе, которой командовал Игорь Морозов, не повезло с самого начала. Их обнаружили практически сразу после десантирования, о чем он и доложил на ЦБУ.

В Афганистане к мнению командиров групп прислушивались, и на той войне группу сняли бы сразу. Высадили бы на следующий день более скрытно, и задача была бы выполнена.

Но здесь в дело вмешались старшие начальники Москвы. А позиция отдельных начальников просто убила: «Все трусы и предатели! Воевать не хотят!». В результате к Морозову выбросили еще одну группу с комбатом Ивановым. Когда же Иванов доложил, что взяли двух пленных в маскхалатах с оружием, реакция снова была более чем странная: «Взяли двух охотников и теперь хотят оттуда побыстрее улететь. Надо им выбросить сухие пайки. Пусть выполняют задачу!». Просто бред.

Когда же пришло радио, что отряд окружен и просит помощи, никто из начальников, до этого брызгавших слюной, ничего внятного не смог предложить. Ребятам передали невнятную команду: «Отходите на юг!».

А потом пришло радио: «Мы сдаемся! Мы в Грозном...».

После мы анализировали ситуацию, и было ясно, что выход из сложившейся ситуации был. В нескольких километрах была высокая гора, куда можно было отойти. Ее вершина не была затянута облаками, и оттуда можно было эвакуировать отряд. Но им надо было передать хоть какое-то внятное предложение позитивного развития ситуации, а не бредовое «пусть отходят на юг!».

Свалившиеся на меня одно за другим события за короткий промежуток времени изменили меня довольно быстро. В эти тяжелые дни сильно помогало то, что рядом были Андрей Тарасов и Юрий Мокров. Мне было с кем

посоветоваться и выработать линию поведения по освобождению пленных. Когда выяснилось, что никто из вышестоящих заниматься пленными не собирался, этим занялись мы с комбригом. В штабе группировки Сергей Бреславский встретился с Кимом Македоновичем Цаголовым, который в это время был заместителем министра по делам национальностей. Это был очень грамотный и мудрый человек, и, что самое главное, имевший трезвый взгляд на происходящее, как в данном конкретном случае, так и в стране в целом. Еще учась в академии им. М.В.Фрунзе, я застал его начальником кафедры научного коммунизма. Уже тогда он довольно критично смотрел на жизнь и на события в СССР. Многие слушатели убегали с других лекций и приходили на его лекции, чтобы послушать то, что он рассказывал. Он видел начинавшиеся в то еще время процессы и понимал, чем это чревато для страны. Понимая это, он говорил нам то, что мы в то время еще даже не были в состоянии осознать. Поэтому, когда мы с Сергеем Бреславским прибыли к нему и обратились за помощью в деле освобождения пленных, он принял нас, прежде всего, как бывших своих учеников. Выслушав, он взялся помочь. Кроме него за это не взялся никто. И его роль в том, что пленных удалось освободить, ключевая.

Во время переговоров с боевиками произошел очень напряженный момент. Приехал один из полевых командиров и привез поражающие элементы авиабомбы в виде шариков. Этими бомбами российская авиация бомбила боевиков. Он был крайне возбужден, за малым в драку не кинулся. И здесь неожиданно помогло то, что ранее я снимался в кинофильме «Черная акула». Когда немного напряжение спало, он неожиданно сказал: «Где-то я тебя уже видел!». Причем повторил это не раз. Тогда я ему и сказал, что, возможно, на экране кинотеатра. Это как-то разрядило общую напряженность, и появилась возможность пошутить, а потом и перевести разговор в спокойное русло конструктивных переговоров.

«Потому все живы»

Вообще-то в Первую Чечню, несмотря на то что все это называлось оперативной группой 22-й бригады, там воевал отдельный отряд. Первоначально туда направили практически всех, но потом оставили 173-й ооСпН, который сменил 411-й ооСпН. Для усиления отрядного узла связи осталась часть батальона связи бригады. Когда комбат остался один, порядка стало больше. Не зря говорят: «У семи нянек дитя без глаза».

Первые группы, которые работали в Грозном, шли в качестве боевых разведывательных дозоров подразделений мотострелков и морпехов, в буквальном смысле слова обеспечивая безопасность продвижения соединений сухопутных войск в Грозном. Известно, что новогодний штурм Грозного обошелся Российской армии в многие тысячи жизней солдат и офицеров. Но, несмотря на сложность решаемых задач, все наши группы, которые работали в те январские дни, отработали без потерь, четко выполнив стоявшие перед ними задачи. Ранения были, но не тяжелые. Когда мы стали обобщать их опыт, мы опрашивали не только офицеров, но и солдат. Их воспо-

минания свидетельствовали о правильной подготовке бойцов перед началом боевых действий. Бойцы рассказывали: «Перед тем как выйти из-за укрытия для преодоления открытого участка местности, мы обязательно бросали дымы и перебежали только под прикрытием дымовой завесы. У пехоты почему потери были? Так они, как тюлени. В бой бегут толпой. Один упал, остальные об него споткнулись. Дымами прикрываться они вообще не умеют. А нам комбат и ротные все показывали. И тренировали переползание и перебежки мы не зря. Потому все живы».

В то время СМИ писали о растерянности российских солдат, об их неготовности к войне. Это могло касаться кого угодно, но только не солдат 173-го ооСПН. Они возвращались из Грозного, накопив нормальную боевую злость, имея трезвую оценку обстановки, просчетов их товарищей из пехоты. Они были настроены воевать и побеждать. Буквально десять–четыренадцать дней сделали их настоящими солдатами. Адаптация прошла на удивление быстро. На мой взгляд, быстрее, чем это происходило в Афганистане. Сильнейшие боевые традиции, заложенные в Кандагаре, не пропали, а сработали должным образом. Офицеры-афганцы, которых в отряде было еще достаточно большое количество, задавали нужный тон всем действиям отряда.

У соседей

Для сравнения отряд 67-й бригады, откуда я недавно прибыл, почти не имел афганцев и потому у них все было намного сложнее. Сказывалось то, что они жили в мирной жизни, учились в мирной жизни и, прибыв на войну, еще не освободились от этого состояния мирной жизни. Поэтому они начали войну так, как учили в теории.

Не очень хорошую службу сослужил для них положительный результат действий группы Евгения Конопелькина, когда они подорвали трансформатор, дорогу, навели авиацию на скопившихся в образовавшейся пробке боевиков и потом им удалось благополучно уйти от преследования. Здесь им просто повезло, хотя, как известно, удача любит сильных. Но эта маленькая победа нанесла больше вреда, чем пользы, поскольку у офицеров возникло ощущение, что они все знают и умеют. «Звездная болезнь» она всегда чревата большими или малыми потерями, в зависимости от запущенности случая.

В Грозном они потеряли группу, пошедшую вытаскивать 131-ю мсбр, которая вела бой на железнодорожном вокзале. Они поехали на двух машинах. Как потом стало ясно, одну у них сразу подбили. Вторую чуть позже. Она заблудилась в городе.

Уже спустя месяца три–четыре тела офицеров и солдат этой группы мы нашли на улицах Грозного. Благо в том году погода была холодной, и тела не разложились до неузнаваемости. Когда поднимали тела бойцов, из них высыпались пули, настолько они были наспигованы свинцом.

Примерно в начале марта комбриг 67-й бригады Л.Л. Поляков прислал в свой отряд подарки, чтобы морально поддержать личный состав и офицеров. А от штаба бригады приехала моя жена Ирина, которая там работала в строевой части. Он проверяла, как организовано делопроизводство в отряде.

А по вечерам я ходил к ней в самовольную отлучку, отряд сибиряков стоял от нас через взлетку.

Родственные отношения

Первая моя командировка в Чечню длилась месяца три. Потом я уехал в Аксай, а Сергей Бреславский остался командовать в Моздоке.

В расположении бригады мне тоже эмоционально расслабляться было некогда. Война есть война. Без потерь не бывает. Первым погиб у нас лейтенант Черников. Он был родом из Грозного и напросился на эту войну. Погиб случайно. Пуля попала ему сбоку, в то место, которое вовсе не прикрыто бронжилетом.

Сообщать о том, что тот или иной офицер или прапорщик погиб, приходилось мне. Это была тяжелая, в эмоциональном плане, задача. В Афганистане нам с этим сталкиваться не приходилось.

В среде офицеров 22-й бригады, которая пережила национальные волнения в Азербайджане, нападения боевиков, сложности вывода из Азербайджана в Ростов, бытовые трудности первых лет, отношения более близкие, семейные. Все друг друга знали. Потеря одного кого-то отзывалась горем для всех.

И поэтому когда старшие начальники ставили задачи, выполнение которых было связано с большим и неоправданным риском исполнителей, руководство бригады всегда старалось сделать так, чтобы либо обеспечение выполнения задачи снижало риск ее выполнения, либо сама задача видоизменялась и становилась исполнимой, а если это было невозможно, то ее отменяли. И комбриг, и заместители понимали, что они рискуют жизнями не каких-то условных командиров и солдат, а жизнями вполне реальных, знакомых им людей.

Наверное, поэтому я до сих пор поддерживаю отношения с офицерами 22-й бригады, с которыми служил в то время. И ветераны бригады до сих пор поддерживают связь друг с другом.

Конечно, дружат офицеры везде, но такого сплоченного коллектива мне больше встречать не посчастливилось за все 33 года моей службы в Вооруженных Силах.

Без преувеличения скажу, что служба в 22 бригаде оставила в моей жизни настолько яркий след, что это я ощущаю его в своей жизни и по сей день.

Почувствуйте разницу

На смену 173-му ооСПН в бригаде готовили 411-й отряд. К моему глубокому сожалению, тех лестных слов, которые я говорил о 173-м отряде, я не могу повторить о 411-м того периода. Я столкнулся с крайне низкой организацией службы войск и боевой подготовки.

При проверке караула можно было видеть, как начальник караула ремонтирует с бойцами свой мотоцикл. Бойцы также занимались, чем попало. Это было более чем странно. В карауле начкару всегда есть, чем заняться. И бойцов на постах проверить, и личный состав свободной смены потренировать

или уж, на крайний случай, просто поговорить с солдатами о жизни, об обстановке, о предстоящих задачах, которые придется решать, сменив 173-й отряд в Чечне.

Но ничего подобного не было. И все шло от командира отряда, который не был заинтересован в этом. Той целенаправленной боевой подготовки, которая имела место в 173-м отряде, в 411-м не наблюдалась. Да и не только это. Батальонная документация не велась. Приказы по отдельному отряду не издавались и не учитывались. В результате на тех армян, которые бегали в самоволках по полгода, уголовные дела завести было невозможно, так как должного учета личного состава в отряде не было.

Очевидно, что часть из них отсутствовала с ведома комбата. Поскольку приехавшие родители некоторых из беглецов были искренне удивлены и возмущены: «Ми же уже договорились». Для наведения порядка пришлось забрать у отдельного отряда право издавать приказы по части, объединив строевые части отдельных отрядов со строевой частью штаба бригады.

Также я объединил секретные части отряда и бригады. Знамя отряда тоже стало храниться в штабе бригады. После этого возможности комбата отправить бойца в отпуск или в самоволку за какое-то вознаграждение стали сильно ограничены. В конце концов комбата сняли с должности командира отдельного отряда и назначили командиром батальона кадра.

После того как комбатом стал Валера Рыбак и отряд постепенно стал приобретать вид нормального боевого подразделения спецназ, ко времени замены 173-м оОСПН в Чечне удалось добиться сносных показателей в боевой подготовке.

Помощь Кадочникова

Через некоторое время в Моздок приехал Кадочников со своими людьми и стал помогать натаскивать и солдат и офицеров. Они тогда разработали систему не просто рукопашного боя, но и систему поведения и выживания и достижения победы в бою.

Самое страшное на войне, это равнодушные командиры. Некоторые уклонялись от предложенной помощи, ссылаясь на то, что сейчас этим заниматься некогда. Те же, кто занимался, получил нужные знания и навыки. Особенно это касалось начальников служб бригады. Стрельбища не было, и поэтому стреляли в полуразрушенном здании. Сначала некоторые начальники служб в проем двери попасть не могли. Но после одной-двух недель занятий даже эта категория офицеров стала попадать в мишень.

Кадочниковцы (Влад Посадский, Олег Ведерников) в определенной степени разгрузили офицеров подразделений, взяв на себя проведение занятий по ряду боевых дисциплин. Они дали очень полезные навыки изготровки к бою, перемещения в бою. (Уже много позже, когда нам пришлось заниматься организацией боевой подготовки в Центре подготовки специалистов, мы обратились к Кадочникову в первую очередь.) Они откликнулись и приехали сразу, а Валера Скороходов, Юра Шмаков не только провели ряд семинарских занятий, но и перевелись к нам для дальнейшей службы. Все что ка-

сается «нижней акробатики»: переползание, изготовка к бою, ведение огня с колена, лежа, стоя, они вывели эти навыки у уже опытных офицеров на новый уровень развития.

Были, конечно, у Кадочникова и иного плана «специалисты» – экстрасенсы, которые якобы определяли скопления боевиков, вода руками над картой. Но здесь очевидной результативности их работы не было. В то время можно было, не раздумывая, ткнуть пальцем в любую точку Чечни и с вероятностью 50:50 установить место нахождения, хоть одного боевика. А если этого не случилось, то можно было сказать: «Вы плохо искали».

Был такой случай. Пропали два солдата. Как потом выяснилось, просто драпанули из части. Но сначала об этом никто не знал. Начали искать. Этих «шаманов» вызвали и поставили задачу установить, где находятся бойцы. Один из них ткнул пальцем в карту. Но Сергей Иванович Русков был человеком опытным в вопросах службы и сказал, что надо просто посмотреть на вокзале. Там и нашли этих двоих беглецов. Но данный «экстрасенс» и тут выкрутился. Он сказал, что ошибся, от того что карта была развернута на 180 градусов. Если ее перевернуть, то он бы все показал правильно.

Но, даже несмотря на этих «шаманов», в целом Кадочников со своими ребятами здорово нам помог.

О работе начальника штаба

В апреле 1995 г. я решил направить в Моздок девчонок с узла связи бригады. Когда на коммутаторе сидит профессиональная телефонистка, качество связи повышается. Да и женский голос на войне мужикам слышать приятнее, чем невнятное бормотание сонного солдата.

Опасности их жизням там не было никакой. Но воспринято ими это было очень агрессивно. А одна даже заявила, что «Мартьянов нас на смерть посылает». О том, что в ход было пущено самое главное оружие – женские слезы, и говорить не приходится. Их мужья, само собой, тоже смотрели на меня волком. Ну как же, я решил их «жен под чеченские пули подставить».

Но я настоял на своем. В Моздоке им поставили отдельную палатку. Построили туалет и приобрели все, что необходимо для гигиены. При этом они стали получать хорошие командировочные. После этого выстроилась очередь, чтобы лететь в Моздок. И наконец-то я услышал: «Спасибо, Олег Викторович!». В итоге узел связи стал работать на порядок лучше.

Связь бригады была одной из самых главных проблем. Когда я прибыл в бригаду, ни одного трезвого офицера подразделений связи найти не сумел. Начальник связи бригады в Моздоке постоянно ходил навеселе. Претензий к его подчиненным особым не было, но тем не менее это выходило за рамки. Не помню, кто-то мне посоветовал, чтобы прекратить это его перманентное состояние, отправить его в бригаду. Что и было сделано. Там его супруга провела ряд реанимационных мероприятий, и Кимыч снова два-три месяца был вполне работоспособен.

Командиром батальона связи был Сергей Бесков. Все они, включая командиров взводов, были профессионалами экстра-класса. Но все офицеры

батальона связи были постоянно пьяны. Непонятно, что было причиной такого поведения. То ли прежнее руководство не замечало их пьянства, то ли они чувствовали себя никому не нужными, но дело обстояло именно так.

В Моздоке я на все это смотрел недели две, а потом стал ходить к ним регулярно «в гости», утром, в обед и вечером. Нет, не ругал и не наказывал. Просто приходил, разговаривал о том о сем. Им выпить хочется, а я сижу и с ними чай пью...

Как бы то ни было, но через месяц они уже стали вести себя иначе. Видимо, они почувствовали себя востребованными и то, что у них появился начальник, которому не все равно, пьют они на службе или нет.

А вот в Аксае уже я приходил к ним раз в неделю, не чаще. Когда комбригом стал П.С. Липиев, он требовал от меня, чтобы я начинал свою работу каждый день с батальона связи. Но я по-прежнему приходил раз в неделю, находил недостатки, устраивал разгон комбату и приходил проверять устранение выявленных недостатков спустя неделю. Это позволяло их держать в необходимом тоне.

Что же касается профессионализма связистов, я уже говорил, что он был высочайшим. И если возникала необходимость формирования каких-то оперативных групп, то благодаря нашему узлу связи вылезали все. Это продолжается и поныне. Крайний раз это случилось в Джаве, где встал батальон связи 22-й бригады и сразу дал связь с руководством. Все же остальные, которые приехали в Осетию, не могли установить связь с командованием. Практически вся связь разведки держалась на одном-единственном узле связи бригады спецназ, который работал бесперебойно.

О работе подразделений штаба должен сказать, что я ее не замечал. То есть я просто говорил начоперу, что надо сделать, и в указанный срок это было у меня на столе в том виде, в каком и должно быть. Это, на мой взгляд, высший показатель профессионализма работы штаба бригады. В оперативной группе за начопера работал Александр Загнойко, который отладил работу своих офицеров, и штаб работал, как швейцарские часы.

Единственной проблемой было добиться его постановки в строй на утреннем разводе. Задерживаясь допоздна, он, как правило, утром отсыпался, и в строю его увидеть можно было редко.

Но здесь мне пришлось проявить настойчивость и дар убеждения. Давить на него взысканиями было бесполезно. Как бы то ни было, через неделю, как он сам заявил, неожиданно для него самого, он стал вовремя вставать в строй управления бригады.

Конечно, отлажена работа штаба была еще до Афганистана. А в Афганистане прошла проверку войной. Работая начальником штаба, я лишним раз убедился, что та система планирования и управления органами специальной разведки, которая была создана нашими предшественниками, создававшими спецназ, была в высшей степени эффективна и работоспособна.

Сейчас, когда бригады передали в состав Сухопутных войск, видно, что все это приходит в упадок. Никто не ставит под сомнение профессиональные качества командиров мотострелковых и танковых соединений, но он отно-

сится к управлению их формированиями. В спецназе же они ничего не смыслят. Может быть, в пехоте и имеет смысл проведение строевых смотров по шесть часов к ряду, но не в спецназе. Это все равно, как если бы налаживать компьютерную программу поставили тракториста. Этот эксперимент может привести к потере спецназа, как такового.

Попович

Вообще 22-й бригада была, безусловно, четким, отлаженным соединением, настроенным прежде всего на ведение боевых действий. Правда, был определенный сбой, когда на место Сергея Бреславского пришел Алексей Попович.

Очень характерным был эпизод на заре его командования. Даже не командования, а еще приема должности. Это было, когда в Первомайском работали 411-й и 173-й отряды. После спешного выполнения задач, когда 411-й вернулся в бригаду, а 173-й на Ханкалу, началось оформление наградных списков. Командующий СКВО генерал-полковник Квашнин приказал всех офицеров, принимавших участие в этих событиях, наградить именными пистолетами. Командир 411-й отряда Валерий Рыбак сразу сказал, что он не Герой, намекнув таким образом на то, что есть более достойные офицеры для награждения. Хотя его отряд и он сам там вполне успешно сработали.

Но тут выяснилось, что есть еще более достойные! Первым в списке, представляемых к именованному оружию, оказался А. Попович, едва прибывший в часть. Начальник разведки объяснял это награждение тем, что новый комбриг сразу начал требовать себе именованное оружие, аргументируя это тем, что без него он не в состоянии командовать бригадой, в которой уже пять Героев Советского Союза, а теперь еще и столько же будет Героев России. Поэтому руководство штаба округа поддалось его давлению.

Странно, ведь, ни они, ни Попович не задумывались, как он сможет командовать таким соединением, имея незаслуженное именованное оружие. Но судя по его поведению, Попович и не собирался командовать. Стилю его руководства более подходят термины «рулить» или «царствовать». Но спустя некоторое время он вылетел из бригады со свистом. Офицеры и личный состав его уже не воспринимали как командира. Надо отдать должное А. Квашнину, который в ту пору командовал СКВО, он быстро разобрался в ситуации и убрал его. Попович числился на должности меньше года.

Квашнин

Справедливости ради надо сказать, что А. Квашнин, будучи командующим СКВО, мог и отодрать, и защитить.

Одним из примеров первого свойства был разнос командования 22-й бригады на военном совете округа за пару недель до событий в Первомайском. Не стесняясь в выражениях и несмотря на то что перед ним боевые офицеры, имеющие высокие правительственные награды, он обвинил нас во всех возможных нарушениях, объявил трусами и предложил рассмотреть его предложение о нашем увольнении.

А спустя две недели, после Первомайских событий, выступая на все том же военном совете округа, он не жалел похвалы: «Эта бригада, которая спасла честь России!» и т. п.

Поскольку две недели назад мы были в числе изгоев, никто и не подумал, что герои, это наша бригада. Участники военного совета напряженно силились понять, кто из двух комбригов-десантников отличился. Ситуацию разрешил начальник штаба округа генерал Потапов, который встал и сказал: «Успокойтесь! Герои – 22 бригада спецназ!».

Конечно, Квашнин даже и не вспомнил о том, как недавно обвинял нас во всех тяжких грехах и само собой не извинился. Да, собственно, никто и не ждал от него.

Зато, когда после Первомайки понаехали сотрудники военной прокуратуры, которые были дагестанцами и азербайджанцами, для того чтобы «снять показания» со всех участников событий, Квашнин на их документах собственноручно написал: «Показаний не давать!» и расписался. Он прекрасно понимал, что любые показания, это адрес проживания и другие установочные данные на участников этих событий. Прокуратура, которая до этого ссылалась на закон о прокуратуре, отстала от нас и испарилась, как их и не было.

К сожалению, больше таких начальников у нас не было. Он не мало сделал и для благоустройства, и для развития инфраструктуры городка бригады. Когда построили детский сад, он у меня спросил: «Что еще нужно для нормальной жизни?». Я ответил: «Школу».

Это было 28 декабря. Он вызвал начальника КЭЧ округа и сказал тому, чтобы к 1 сентября школа начала работать. Тот начал говорить, что это не возможно, и он не успеет. Квашнин абсолютно спокойно сказал: «Никаких проблем, не успеешь – уволишься!».

И 1 сентября школа стояла. Для детей и семей бригады это был реальный подарок и решение многих проблем.

Тогда же он спросил, что еще нужно. В то время предполагалось строительство еще одного дома офицерского состава. Я попросил, чтобы этот дом строили «Волгодонцы», а не военные строители. Квашнин задал вопрос, почему. Тогда я пояснил, что в доме, построенном военными, столько недоработок и брака, что перечислять устанешь. Для примера пальцем отковырял кусок асфальта, который положили военные. Его толщина не превышала сантиметра. После этого все стало ясно. И как не злобствовали военные строители, но строили дом «Волгодонцы», качество работ которых не шло ни в какое сравнение с качеством строительства военных строителей.

Вообще это был на моем веку единственный командующий войсками округа, который бывал в бригаде намного чаще, чем начальник штаба или начальник разведки округа.

Несмотря на то что он был не военным по образованию, но тем не менее, как никто другой, понимал, что такое спецназ и зачем он нужен России. Сейчас это, по-моему, мало кто понимает.

В последнее время, к сожалению, спецназ воспринимается порой как экзотическая игрушка, «вещь», повышающая статус и престиж военного

руководителя, способная заткнуть любую брешь в подготовке подчиненных ему разведывательных и мотострелковых подразделений. Одним из результатов этого стала попытка заменить качество подготовки количеством «мяса». В период моей лейтенантской молодости в бригадах было 600–800 человек (после боев в Чечне их численность довели до 2000–3500). Каждая группа была на учете и контроле. Нас «считали». После Афганистана мало кто сомневается в высоком профессионализме спецназовцев.

В то же время А.Квашнин был очень хороший аналитик и, исходя из сложившейся ситуации, с успехом прогнозировал будущее страны на 5–7 лет. Как-то довелось слушать его, когда он с указкой у карты страны за тридцать минут сделал анализ политических процессов и дал расклад сил в России, далее исходя из этого, он выдал прогноз на ближайшие годы, который полностью подтвердился.

Помощь ветеранов

Незадолго до моего прибытия в бригаду уволились Александр Петров, Игорь Лавров, Сергей Баранов. Они оказались пенсионерами, а тут началась Первая Чечня. Они очень переживали, что не могут принять участие в этой войне. К тому времени они работали в крупных компаниях начальниками служб безопасности, таких как «Союзконтракт», «Доннефтепродукт», и зарабатывали хорошие деньги. Поэтому они, не имея возможности участвовать физически, всегда помогали материально. Был еще Юрий Шашлюк. Раньше он был замполитом батальона в Забайкальской бригаде. Он вообще жил на Украине и, случайно приехав в гости, увидел, в каких условиях находится бригада, которая воюет. И стал абсолютно бескорыстно помогать. Чтобы уйти от соблазна, мы с Юрой Мокровым, который тогда был замкомбрига, выписывали им счета на оплату строительства различных объектов, и они их оплачивали.

На их средства оборудовали стрельбище в карьере. А когда открыли детский сад, в котором не было ничего, они привезли телевизоры и целую «Газель» мягких игрушек.

Как-то на день бригады привезли автобус девчонок из варьете, которые зажигали на плацу.

На свои средства детей бригады возили в развлекательный центр «Лимпопо», который Саша Олейник закрывал специально для них на пару часов, и они там бесплатно играли.

В целом их помощь в то непростое время сыграла важную роль в поддержке морального состояния семей офицеров. А это, сами знаете, очень важно для военного человека.

Завершая свои воспоминания о службе в бригаде, хочу сказать, что, несмотря на многие трудности, которые приходилось преодолевать, я не жалею ни о чем и рад, что согласился на эту должность «не глядя». Ведь трудности закаляют: «То, что нас не убивает – делает сильнее». Наверное, благодаря им служба в 22-й бригаде запечатлелась в моей памяти ярким эмоциональным событием.

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ. ПЕРВАЯ ЧЕЧНЯ

(В. М. Рыбак)

Начало

В конце ноября 1994 г. бригада получила боевую задачу на выход в район аэродрома Моздок, где в соответствии с решением политического и военного руководства страны создавалась группировка войск для силового решения конфликта, назревшего на территории ЧР. 31-го ноября оперативная группа бригады под командованием комбрига подполковника С.В. Бреславского выдвинулась из ППД и к 3-му декабря сосредоточилась в районе аэропорта Моздок, где в ожидании конкретной боевой задачи приступила к боевому слаживанию подразделений. В середине декабря, после провала переговоров руководства страны с Дудаевым, войска начали движение на территорию Чечни и в результате вооруженного противодействия понесли первые потери.

15 декабря меня вызвал С.В. Бреславский и поставил задачу: подготовить из роты отряд в составе 2-х групп СпН и с утра 16 декабря на 3-х автомобилях «Урал» выдвинуться в составе колонны 108-го пдп в район Толстой-Юрт и в дальнейшем действовать в интересах 8-го волгоградского АК под командованием генерала Рохлина. Командиром отряда полковник Бреславский назначил меня, и это вызвало нескрываемое недовольство с моей стороны, так как основные силы роты оставались в ПВД со всем ротным хозяйством, и я считал, что с этой задачей мог бы справиться и один из командиров групп, а мое место с основным составом роты. Конфликт зашел так далеко, что я был отстранен от командования ротой и получил приказ убыть в ППД, но, в дальнейшем страсти улеглись, пришлось смириться и выполнить волю старшего начальника. В последующем я неоднократно мысленно благодарил командира бригады, так как в конце декабря оставшиеся две группы моей роты в составе отряда были выведены вертолетами в район Алхазурово и через несколько дней захвачены в плен чеченцами во главе с командиром батальона майором Ивановым.

16-го декабря мой отряд вышел в район расположения штаба 8-го АК в Толстой-Юрте. Оперативным офицером при отряде был майор В. Недобежкин, заместителем командира отряда – майор В. Каменюка, который в последующем стал настоящей легендой 1-й и 2-й Чеченской войны. После доклада генералу Рохлину о прибытии задачу получили немедленно на проведение поисковых действий в районе аэродрома Ханкала с целью установления характера обороны противника, вскрытия его состава, определения позиций его огневых средств, а также проведения спецмероприятий. Убыли немедленно.

По задаче комкора

Действовать начали из базового района десантников, в районе трех километров южнее Беркерт-Юрт. В ночь на 19 декабря провели разведку аэродро-

ма Ханкала и прилегающей к нему территории. В связи с тем, что задача была поставлена чисто разведывательная, состав группы был определён минимальный – всего 6 человек: майор В. Рыбак – командир группы, капитан В. Каменюка – заместитель командира, ст. лейтенант К. Козлов – радист, В. Демченко – пулеметчик и два разведчика. Выдвинулись около 23.00, маршрут выбрали через лесной массив. Зная по оперативной информации о наличии и активных действиях спецподразделений чеченцев в районе разведки, двигались медленно, с соблюдением всех мер предосторожности. Володя Каменюка шел позади меня и постоянно напоминал: «Михалыч, смотри в оба». Как оказалось в дальнейшем, напоминал не зря. В ходе ведения разведки наша бомбардировочная авиация постоянно работала 500-кг бомбами по аэродрому, где стояли в ангарах и на открытых площадках учебные самолеты Л-39, переделанные Дудаевым под боевые. Бомбы порой рвались не далее 200–300 м от группы. Заслышав их вой, приходилось постоянно ложиться, используя укрытия.

К двум часам ночи вышли к переднему краю чеченцев, который был хорошо оборудован в инженерном отношении: траншеи полного профиля, танки и орудия в укрытиях на огневых позициях. Подготовка обороны продолжалась полным ходом, постоянное движение, крики и ругань чеченцев. До 3-х часов ночи выполняли задачу и начали возвращаться, чтобы выйти в базовый лагерь засветло. Двигались вдоль железной дороги, после перенесённого напряжения наступила какая-то расслабуха, и даже, я бы сказал, потеря бдительности. На одном из привалов с Володей Каменюкой хлебнули немного спиртика (по приказу Бреславского каждому офицеру, убывающему на задачу, была выдана фляжка спирта, что вызвало всеобщее одобрение). Через несколько километров свернули от железной дороги в направлении Беркерт-Юрта. Посмотрел в БН-2 – хотел убедиться, что тыловой дозор отвернул от железки, и тут замерло сердце – вдоль железнодорожного полотна навстречу нам двигалась группа в белых маскхалатах, человек тридцать. Сначала мелькнула мысль, что это группа СпН одной из наших бригад, потом, оценив экипировку и внешний вид (каракулевые папахи, РПГ-7 с вставленными в стволы гранатами, бороды), понял, что это разведгруппа чеченцев. Расстояние до двух бойцов из тылового дозора было около 50–60 метров. Судя по поведению, чеченцы нас не обнаружили, но через считанные секунды они должны были столкнуться с тыловым дозором лоб в лоб. Времени на размышления не оставалось, и я крикнул: «Духи прямо вдоль железки, огонь». Мои слова привели в замешательство и одних и других. Наши бойцы залегли, духи начали в недоумении осматриваться. В эту паузу я шепотом сориентировал капитана Каменюку и пулемётчика сержанта Демченко, где находится противник, дал команду на открытие огня. После первой же очереди из пулемёта трое «духов» упали и начали орать от полученных ранений, остальные залегли и, укрывшись за рельсами, начали вести беспорядочный огонь из всех видов оружия. Расстояние до противника было метров пятьдесят, поэтому даже ночью, без ночных прицелов, промазать очень сложно. Судя по трассам гранат из РПГ, нас они не видели, гранаты и пули летели в

промежуток между ядром группы и тыловым дозором. Исходя из полученной задачи, нашей численности и количества врагов, большая война в наши планы не входила, поэтому надо было срочно вытаскивать тыловую дозор и уходить. В сложившейся ситуации смятение в ряды чеченцев внёс Володя Каменюка. У нас с ним были только поступившие на вооружение в бригаду винтовки ВСС, которые мы успели, находясь в Моздоке, изучить, проверить, привести к нормальному бою и научиться использовать по назначению в различных условиях обстановки. Володя из своего ВСС с ночным прицелом начал методично отстреливать боевиков. В свой БН-2 я отлично наблюдал, как после первого выстрела был убит чеченец-пулемётчик РПК, затем, 2-м выстрелом, был убит гранатомётчик, стали слышны крики на ломанном русском «У них бэсшумныкы». С целью отвлечь огонь противника и дать возможность выйти тыловому дозору к ядру группы, я дал команду пулемётчику срочно переместиться в сторону на полсотни метров и отвлечь огнём противника. После начала работы ПК боевики изменили направление стрельбы, и два бойца из тылового дозора воспользовались этим и вышли к группе. В это же время капитан Каменюка продолжал отстреливать духов из ВССа, что в конечном итоге вынудило их отойти за железку. Я дал команду на отход и сбор в ранее установленном месте.

Тут произошло событие, которое чуть не стало для меня роковым. Я увидел, как от железки ко мне ползком приближается человек в масхалате. В мыслях судорожно проскакивали различные предположения – «Может, дух? А может, Володя Каменюка?». Выкрикнул в направлении приближающегося силуэта – «Вова, ты?». В ответ молчание, но человек замер, потом опять начал ползти. Я прицелился, повторил вопрос – в ответ молчание. В момент окончательного прицеливания наконец-то прозвучало: «Михалыч, это я – Камень». От сердца отлегло. Впоследствии с Володей мы не раз за стаканом вспоминали этот эпизод, в котором я мог убить друга.

Группа собралась в условленном месте метрах в 300 от места боя. Проверили людей и начали движение. Сзади слышалась беспорядочная стрельба на всём аэродроме, видно, мы всех разбудили – и своих и чужих. На этом наши приключения не закончились. Нарушая принципы построения походного порядка группы, я пошёл первым, за мной пулемётчик, потом радист капитан К. Козлов, Володя и сзади 2 бойца. Вышли на дорогу Беркерт-Юрт-Грозный, поднимаю БН-2 и от внезапно увиденного стал, как вкопанный. Впереди у обочины дороги на огневой позиции стояла установка «Град» с установленными ракетами на направляющих и вокруг человек тридцать обслуги и охраны, расстояние – не больше 50 метров. Я подозвал Володю, шёл потом проинформировал его об увиденном. Володя сначала не поверил, потом глянул в бинокль и тоже обалдел. Генерал Рохлин, напустывая нас, обещал за уничтоженный «Град» представление к званию Героя РФ. Накануне, за день до нашего прибытия на позиции десантников восточнее Беркерт-Юрта, по ним чеченцы произвели настильной залп установки «Град». В результате было сожжено две БМД, получила прямое попадание полевая кухня ПАК-200, а потери личного состава оказались порядка 19 человек убитыми

и ранеными. Судя по обстановке, духи решили под утро повторить результат. Сначала у нас появились намерения расстрелять установку из РПП-18 и пулемета. Но, оценив обстановку, решили сначала снарядить боеприпасами магазины и ленты, которые в ходе предыдущего боя сильно поредели. После этого спланировать налет, хотя силёнок для этого было маловато, и даже в случае попадания в установку, нас бы уже оттуда не выпустили. Оставив одного наблюдателя, отошли в лес и начали готовиться к бою.

Я решил выйти на связь и доложить оперативному офицеру В. Недобежину о результатах разведки и боестолкновения, а также передать координаты обнаруженного объекта для нанесения удара артиллерии. Но радиограмму отправить не удалось. Ко мне подошёл наш радист, капитан Козлов, и с видом провинившегося ребёнка, чуть не плача, сообщил, что в ходе ночного боя потерял гарнитуру и блок питания от радиостанции. Остались мы без связи и артиллерии. Но в этот день Всевышний не хотел нашей мужественной гибели и посмертных наград. Как только подготовка к налёту подошла к завершению, наблюдатель доложил, что «духи» спешно снимаются и готовятся к отходу. Соблюдая боевой порядок, определённый в решении, мы быстро выдвинулись к дороге, однако наблюдали уже начавшую отходить колонну в составе «Урала» с ЗУшкой, «Града» и БТР-80, обвешанного чеченками, как яблоками. Конечно, было несколько обидно, что упустили такой престижный результат, но, с другой стороны, произошедшее ранее ночное боестолкновение произошло в непосредственной близости от этой боевой группы и, скорее всего, спугнуло боевиков, заставив их спешно свернуться, не произведя очередного залпа по «десантуре». А это жизни наших солдат, а значит, и результат нашей работы.

Возвращались на базу уже в светлое время, обходя населённые пункты и опасаясь встречи с превосходящим противником, который в то время был повсюду. В последующем, судя по данным радиоперехвата, шороху в эту ночь мы наделали много. Как оказалось, столкнулись мы с подразделением чеченского спецназа, который в том ночном бою потерял 5 человек убитыми и 5 ранеными. Трудно передать словами состояние оперативного офицера Недобежкина, который из-за отсутствия связи с группой, услышав ночью активную стрельбу в районе наших действий, делал для себя самые худшие предположения. После нескольких минут сплошного мата он тепло и нежно обнял нас и поблагодарил за проделанную работу. В этот же день вся добытая нами информация была передана командованию и получила заслуженное одобрение. 23 декабря отряд вернулся в базовый лагерь в Толстой-Юрт.

Совместные действия

В личной встрече с генералом Рохлиным я доложил о результатах разведки. Особо командарма заинтересовали вопросы порядка боевого применения сил и средств СпН и тактики действий. Внимательно выслушав нас, генерал Рохлин поставил задачу: продолжить ведение разведки в районе аэродрома Ханкала и в целях обучения и передачи опыта подразделениям разведбата 20 мсд привлечь в состав групп и отрядов СпН подразделения разведбата.

Нам с Володей Недобежкиным с самого начала не понравилась идея действовать таким составом. Ведь две наших группы и две группы разведбата составляли более пятидесяти человек. Выполнять разведывательную задачу на местности при такой большой плотности противника довольно сложно. Скрытность и бесшумность в таких условиях маловероятны. Тем более были опасения, что чеченцы после недавней ночной «войнушки» предпримут дополнительные меры предосторожности и постараются организовать борьбу с органами нашей разведки. Так оно и оказалось. 24 декабря наш сводный отряд выдвинулся в тот же базовый район восточнее Беркерт-Юрта. К исходу дня прибыли, организовали ночной отдых и на следующий день с утра начали активную подготовку к выполнению задачи. Приблизительно в 14.00 от командира парашютно-десантного подразделения, в расположении которого мы находились, получили информацию и том, что по дороге на н. п. Павловская, на заброшенной ферме, что в 3-х км отсюда, в одном из хранилищ местные жители видели танк, который боевики спрятали, отступая.

Капитан Недобежкин принял решение проверить информацию, и сводный отряд выдвинулся к объекту. Ферму нашли легко, спешились и в боевом порядке начали осторожно выдвигаться в составе нескольких дозоров. Прощупывали каждый метр, опасаясь мин. Уже приблизившись непосредственно к объекту, увидели в приоткрытом ангаре силуэт танка. И в это время раздался одиночный выстрел со стороны рядом стоящего здания, после которого упал заместитель командира разведбата капитан Присяжных.

В ответ был открыт огонь более десятка стволов в направлении произведенного выстрела. В беспорядочной трескотне автоматных очередей впремешку с выстрелами РПГ-18 и разрывами гранат подствольников, трудно было разбирать, кто и с кем воюет. Наконец, по приказу капитана Недобежкина, огонь был прекращен, и к зданию была направлена группа во главе с капитаном В. Малаховым. В ходе досмотра здания была обнаружена огневая позиция снайпера, гильзы, патроны, еда, следы пребывания нескольких человек. В ангаре обнаружили танк с полным боекомплектом в ухоженном боеготовом состоянии, штабеля со снарядами, обжитые помещения со следами недавнего пребывания людей. Тяжелораненый капитан Присяжных был срочно направлен в медроту к десанникам, где через час скончался, не приходя в сознание. От злости и танк, и боеприпасы, да и строения расстреляли огнем приданной нам «Тунгуски» и гранатомётов.

Трагическая гибель капитана Присяжных вызвала определенную подавленность бойцов разведбата. Наши же офицеры ощущали чувство вины, как будто мы что-то не предусмотрели, упустили при проведении мероприятия.

После наступления темноты стали собираться на задачу. Начали движение около 23.00. Непривычные к скрытому и бесшумному передвижению бойцы разведбата полностью демаскировали отряд. Кроме того, отсутствие у них достаточной выносливости не позволяло выдерживать темп движения, в результате чего только к 02.00 нам удалось выйти в район разведки. Тёмного времени оставалось недостаточно для выполнения задачи и возвращения обратно. А тут ещё старший головного дозора капитан В. Малахов сооб-

шил, что обнаружил наблюдателей противника. Я остановил отряд, выдвинулся к головному дозору и, используя ночной бинокль, провёл визуальный осмотр местности. Действительно, оказалось, что в нескольких направлениях от маршрута нашего движения в БН были видны отдельные силуэты, проскакивали сигаретные затяжки и тянуло дымком, все это навело на мысль, что нас кто-то ожидает, плюс сработало шестое чувство.

В общем, учитывая все эти обстоятельства, решил эксперимент по обучению и обмену опытом в реальной боевой обстановке завершить, людьми не рисковать и пока позволяло темное время вернуть отряд в базовый лагерь. Оперативный офицер капитан Недобежкин решение моё утвердил, и к 6.00 отряд вернулся.

26 декабря мы вернулись в базовый лагерь в Толстой-Юрт. Все вышеописанные события начального этапа 1-й Чеченской кампании были впоследствии описаны в книге «Жизнь и смерть генерала» в главе «Михалыч и его ребята». Автор книги – журналист Андрей Антипов всё это время находился с отрядом.

На «Северном»

До 29 декабря выполняли задачи в составе групп в интересах 8-го АК. А 30 декабря мне и капитану Недобежкину генерал Рохлин лично поставил задачу, буквально следующего содержания: «В ночь с 30 на 31 декабря исползть на брюхе весь аэродром “Северный” и прилегающую местность и провести разведку наиболее благоприятных возможных маршрутов для ввода войск Северной группировки в г. Грозный». К выполнению приступили немедленно. Определили состав отряда, до обеда осуществили доподготовку к выполнению боевой задачи и на двух «Уралах» выдвинулись в расположение наших войск, в трех километрах севернее Грозного.

Прибыли к 18.00 в расположение танкового батальона 20 мсд, организовали взаимодействие по вопросам вывода групп через боевые порядки, их возвращения, выработали совместные сигналы оповещения, пароли, отзвы, а также вопросы поддержки огнём артиллерии в случае необходимости.

В 21.00 начали движение в район разведки. Местность вроде бы равнинная, но сплошь и рядом арыки, канавы. Все это выматывало людей. Тем не менее, двигаясь змейкой, за несколько часов маршруты все пробили, кроме того, вышли непосредственно к пригородам Грозного и в значительной степени вскрыли систему обороны на подступах к городу, места расположения огневых средств (артиллерийских орудий и танков), вплотную приблизились к позициям передового охранения чеченцев. На обратном пути попали под разрывы шальных снарядов своей артиллерии.

К 6.00 вернулись в район расположения своих войск, без передышки погрузились на машины и рванули на доклад Рохлину. С докладом прибыли к 9.00. Рохлин нас ждал, внимательно выслушал, все вскрытое у противника тут же наносилось на карту. Комкор поблагодарил за работу, дал команду представить к наградам. Честно говоря, мы с Недобежкиным ждали, что сейчас Рохлин даст добро на возвращение в Моздок к основным силам бригады,

ведь мы свою задачу выполнили, а воевать в городе – не дело спецназа. Но мы глубоко заблуждались, поскольку услышали: «А теперь, орлы, будете со мной воевать Грозный! Хорошие вы ребята, мне понравились! Пойдёте со штабом корпуса, будете моим личным резервом разведки».

Делать нечего, приказы не обсуждаются, и хотя разочарований было много, поблагодарили за доверие и начали собираться в дорогу. Начальник разведки генерал-майор Чернобылов и командир бригады пытались нас отбить от этой задачи, но командующий А. Квашнин все делал в интересах наступающих группировок войск.

В полдень началось движение войск. Мы шли на трёх «Уралах» и приданном БТР за штабом корпуса. Продвижение шло медленно, все точки и очаги сопротивления на маршрутах движения северной группировки моментально подавлялись огнём артиллерии и танков.

Вошли в город не по Первомайской улице, как заранее планировалось, а по параллельной – Лермонтовской. Как впоследствии оказалось, это была хитрость генерала Л. Рохлина. Сделав анализ всех данных разведки, он вскрыл замысел противника и определил направление сосредоточения его основных усилий. Чеченцы ждали нас именно на улице Первомайской (как и было отработано на всех наших документах и картах), сосредоточив на этом направлении большое количество живой силы и огневых средств. Учитывая данные разведки (в том числе и нашу информацию), а также не исключая элементы предательства, генерал утром 31 декабря в последний момент изменил планы и определил только ему до этого известные маршруты, что в конечном итоге помогло избежать заметных потерь войскам северной группировки. У соседей потери были больше. Об участии 131-й мсбр, 81-го мсп и других сейчас много написано.

К исходу светового дня наша колонна уперлась во впереди идущую и остановилась. Мы с В. Недобежкиным и В. Каменюкой вышли из машин и пошли выяснять обстановку. Оказывается, что консервный завод, где расположился штаб корпуса и куда мы должны были прибыть, остался позади. Войска корпуса его проскочили, за исключением одной машины с боеприпасами и продовольствием, которая со старшим капитаном В. Олемским прибыла на консервный завод согласно поставленной задаче. Впереди нас был только разведбат 20-й мсд, который уже вступил в бой и понёс значительные потери в личном составе и технике, потеряв несколько БМП. Оказалось, что наши колонны вышли ко второму больничному комплексу, который расположен практически в центре города, в непосредственной близости от президентского дворца.

Вместе с разведбатом

К великой радости встретили командира разведбата майора Дмитрия Гребениченко, в недавнем прошлом нашего сослуживца по бригаде. Дима был сначала замкомбата по ВДП, а потом чудным образом стал замкомбата по тылу. В дальнейшем, не найдя перспективы служебного роста в бригаде, ушёл на повышение в 20-ю мсд. Майор Гребениченко быстро ввёл нас в

обстановку, объяснил, где и какой противник с нами воюет, и предложил до получения нами дальнейшей задачи воевать вместе. Предложение было принято, поскольку у нас просто не было другого выхода. Совместно с разведбатом организовали оборону, расположили технику, поставили задачу бойцам и стали ждать. В это время звуки боя были слышны по всему городу, на улицах было много убитых местных жителей. В ходе движения колонны первый раненый появился и у нас – водитель «Урала». Его мы успели засветло эвакуировать на санитарном МТЛБ.

Одна из подбитых БМП разведбата с убитым разведчиком и набитая РПО «Шмель» и РПГ-18 стояла на мосту через реку Сунжа. Гребениченко к этому времени уже предпринял несколько попыток вытащить боеприпасы и убитого, но все неудачные. В этом районе работали снайперы противника, поэтому в ходе этих попыток появилось ещё несколько раненых. Он попросил нас помочь. Согласились. Только подготовили группу, но пришлось повременить. Около 22.00 началось то, что в жизни называют избиением младенцев. Обстрел из миномётов по интенсивности был похож на длительную артиллерийскую подготовку атаки. Духи били точно, как потом выяснилось, повсюду, под видом мирняка сидели на крышах и ходили по улицам в районах расположения войск арткарректировщики с радиостанциями. В последующем несколько из них были пойманы и расстреляны на месте. Минометный огонь сопровождался активными действиями пехоты чеченцев, которые из каких только можно щелей, подвалов, а также с крыш домов и из квартир вели огонь в нашем направлении из автоматического оружия, и массово применяя РПГ. Наши «Уралы» сели на обода, поскольку все колёса были пробиты осколками. В результате прямого попадания РПГ загорелась машина разведбата с боеприпасами, подбили ещё две БМП-2. Хочется отметить, что в этих не совсем комфортных условиях офицеры и бойцы не потеряли самообладания. Наоборот, чем интенсивней был огонь противника, тем хладнокровней и обдуманней становились действия личного состава. Действуя в двойках и в тройках, бойцы приспособились вести прицельный огонь: один с использованием ночников наблюдает и засекает, откуда идет огонь, второй прицельно подавляет огневые средства. В результате чувствовалось, что противник несёт потери, так как откровенное хамство при обстрелах из РПГ и стрелкового снизилось.

Новый год

За 15 минут до Нового года всё стихло с одной и с другой стороны без всякой договорённости: своеобразное джентльменское соглашение. Решили и мы воспользоваться паузой, принять поздравления президента, о котором, конечно, в тот момент никто, мягко говоря, хорошо не думал. Собрались офицерским составом в подвале одного из частных домов, накрыли стол: хлеб, тушенка, сухпай и самые различные соленья и домашнее консервирование, которые в избытке нашли в подвалах брошенных домов. И вдруг оказалось, что нет главного атрибута подобных мероприятий – это простой русской водки, поскольку разведбат свою выпил раньше, а наша осталась в

обозе в машине на консервном заводе. К всеобщей радости чудом нашлась единственная бутылка, которая затерялась в моём личном РД. Как ни странно, но на коллектив около 20 человек всем, хоть и по чуть-чуть, но досталось. Пожелав друг другу в Новом году одного – не погибнуть, опять разошлись по своим огневым позициям. В 00.15 джентльменское соглашение закончилось, и «борьба за целостность РФ» продолжилась с новой силой.

Ночью, настроив Р-123 на волну новостей, мы услышали, что за первый день боёв в Грозном федеральные силы потеряли более 100 единиц техники и несколько сотен человек убитыми. Дикторы ссылались на Чеченскую информацию, поэтому сначала внимания мы этому не придали. Однако утром стало известно о трагедии 131-й Майкопской бригады и 81-го мсп из ПУрВО. Стало понятно, что всё намного серьёзней, и на быструю победу надеяться не приходится. В эфире на наших частотах постоянно выходили чеченцы с угрозами, предложениями либо сдаваться, либо уматывать, откуда пришли.

Поле битвы после победы принадлежит мародерам

С утра 1 января огневое воздействие со стороны чеченцев несколько ослабло, однако в течение всего дня продолжались периодически и миномётные обстрелы, и снайперский огонь, и обстрелы войск из стрелкового оружия и гранатомётов. Начали двигаться в направлении центра войсковые колонны 20-й мсд и других приданных подразделений. Ближе к обеду войска заняли 1-й больничный комплекс и прилегающие здания. На его территории начал разворачиваться полевой госпиталь.

Подтянулись подразделения внутренних войск, а также разных СОБРов, ОМОНов, которые рассосались по близлежащим пятиэтажкам и домам в частном секторе с целью проведения так называемой зачистки, которая в конечном итоге превратилась в «вынос наиболее ценных вещей и имущества» из брошенных домов и квартир.

В полдень меня нашёл командир разведбата и сообщил, что через два часа он с батальоном уходит вперёд на 1-й больничный комплекс, и если мы с ним, то надо срочно готовиться к отъезду. Нам очень не хотелось одним без брони оставаться на этом перекрёстке. Но у всех наших «Уралов» были напрочь пробиты колёса. Решение приняли быстро. Володя Каменюка, как настоящий технар, принял командование на себя. После оценки проделанных мероприятий по восстановлению техники мы поняли, что ни в одном сборнике нормативов и в книге рекордов Гиннеса таких результатов просто нет. За три часа силами офицеров и солдат были сбортированы уцелевшие колёса с подбитых и сгоревших «Уралов» и переброшены на наши машины. За разведбатом мы не успели, но техника восстановили и привели в готовность к применению. Однако ближе к вечеру духи опять стали подтягиваться из всех щелей, и вся эта разношёрстная братия быстренько куда-то исчезла.

Мы расположились в подвальном помещении одного из зданий больничного комплекса и, не имея конкретной задачи, организовали охранение и дали возможность личному составу, валившемуся с ног от усталости,

отдохнуть. Подтянулся наш «рал» с капитаном В.Олемским. Приехали тёплые вещи, продукты ну и, конечно же, запасы спиртного. Отметив наступивший Новый Год со ставшими родными коллегами из разведбата, организовали охранение и также пошли отдыхать. За всё время боёв в Грозном это была самая спокойная ночь. В подвальном помещении больничного комплекса, используя предметы постельной группы: больничные матрацы, подушки, одеяла, имевшиеся там в большом количестве, мы оборудовали себе берлогу с шикарными спальными местами. Так крепко я уже давно не спал.

То, что называют подвигом

С утра 2-го января группами по 5–6 человек начали осмотр близлежащих зданий, обнаружили оборудованные позиции и лёжки боевиков, с которых они вели обстрел наших колонн. Вскрыли пути подхода духов к маршрутам выдвижения войск.

Ближе к обеду в здании ПТУ в подвальном помещении расположился штаб и группа управления 20-й мсд, во главе с командиром дивизии генералом Михайловым. Здание находилось прямо напротив места нашего расположения, вокруг без всяких промежутков вплотную друг к другу развернулся узел связи дивизии – несколько КШМ и машин связи. Несколько БМП, танков и «Тунгусок» заняли практически открытые огневые позиции в промежутках между зданиями, прямо на тротуаре разворачивалась миномётная батарея 74-й мсбр. Войска медленно двигались в направлении 1-го больничного комплекса, и улицы сплошь были забиты техникой. Глядя на весь этот хаос, в голову навязчиво лезли нехорошие мысли. Представлялось, как это всё польхнёт в случае прицельного огня артиллерии противника, которого в тот период у Дудаева было достаточно.

В подтверждение наших сомнений и опасений около 17.00 с нарастающей силой начали работать 120-мм и 82-мм миномёты противника. Мины первоначально ложились с большим разбросом, но постепенно, как по указанию невидимой палочки, разрывы стали всё ближе к стоящим на дороге бронеобъектам. В это время мы развели костёр и сели поужинать. Сидели вокруг костра плотным кругом, за углом здания миномётная батарея во главе с молоденьким старшим лейтенантом вела огонь в сторону центра города, судя по внешним признакам – без корректировки по координатам карты. И вдруг одна из духовских мин легла точно на дальнем фланге минометчиков. Послышались крики раненых. От неожиданности мы вскочили, схватили оружие и бросились к миномётной батарее. В это время подряд три мощных взрыва полностью накрыли батарею. Взрывной волной меня отбросило на рядом стоящее дерево, и после этого я потерял сознание. Очнулся в подвале, автомат со мной, голова гудит, из носа кровь, тошнота до рвоты и не могу понять и вспомнить, что произошло и где я нахожусь. Кое-как на звуки выстрелов вылез на «волю», вдохнул свежего воздуха и направился искать своих. Добрался до места взрывов. В это время капитаны Недобежкин и Каменюка совершали то, что принято называть подвигом. Миномётная

батарея была полностью уничтожена. Тремя прямыми попаданиями 120-мм миномёты разбросало, как игрушки. Почти все расчёты пострадали, было много убитых и раненых. Наши бойцы тут же оказывали первую помощь пострадавшим. Но самое страшное – горели штабеля с боеприпасами, в то время как рядом стояли ГАЗ-66, груженные под завязку ящиками с минами. Если бы это всё рвануло, от стоящих рядом образцов вооружения и личного состава осталось бы мокрое место. Володя Недобежкин и Володя Каменюка последовательно с помощью двух бойцов отгоняли и растаскивали в безопасные места технику (БМП, машины связи, автомобили с боеприпасами и т. д.). Штатные водители и механики-водители куда-то разбежались. Наши бойцы по приказу командиров групп тушили и оттаскивали горящие ящики с минами. В общем, неразбериха полнейшая.

А тут ещё чеченцы, по всей видимости, окрыленные успехом, ринулись в атаку со стороны улицы Первомайской. Прямым попаданием из РПГ боевики подбили «Тунгуску» и БМП-2. Также прямым попаданием реактивной гранаты РПГ-2 в голову был убит офицер – старший на «Тунгуске». В пехоте появилось много раненых.

Видя беспомощность командиров пехотных подразделений, нам пришлось взять организацию обороны и отражение атак духов на себя. Свои две группы направили с командирами на наиболее опасные направления. Оставшихся боеспособными миномётчиков, экипажи машин и водителей разбили по отделениям, двойкам, тройкам и под руководством наших сержантов организовали оборону. Наиболее отличился в этой экстремальной ситуации пулемётчик рядовой С. Панюта. Он – бывший уголовник, весь в наколках, случайно попал в спецназ. Здесь же, сохраняя выдержку, он проявил чудеса мужества и самоотверженности. Под огнём противника, практически не используя укрытия, вёл прицельный огонь из пулемёта и одновременно руководил действиями пехоты, подбадривая и вдохновляя бойцов.

Растерянность, усталость и шок

В полночь огонь противника усилился, а у нас стала ощущаться нехватка патронов калибра 5,45 мм, и мы начали экономить боеприпасы. О сложившейся обстановке я доложил находившемуся рядом в подвале здания ПТУ командованию 20-й мсд. К сожалению, невозможно было скрыть растерянность в действиях больших начальников. Надолго запомнились фразы, звучавшие при раздающемся сверху грохоте: «А ну, проверьте кто-нибудь – это мы или по нам». Понимая, что обстановка близка к критической, «целый генерал» попросил меня: «Ребята, ну вы же спецназ, сделайте что-нибудь». И мы сделали. Не смыкая глаз, вели огонь, отстреливались, надеялись на себя и на Господа Бога. С наступлением темноты бой прекратился, духи ушли отдыхать. Подсчитали потери – у пехоты двое убитых и четверо раненых. Опять пошли колонны в направлении центра города, рядом с нами остановилась ротная колонна 74-й мсбр на новеньких БМП-3, у которых мы меняли патроны калибра 7,62 мм на 5,45 мм. В машинах десанта нет, только экипажи. К сожалению, на следующий день практически все эти машины

были сожжены из гранатомётов в районе президентского дворца и здания нефтяного института.

В течение дня в составе групп продолжали вести разведку прилегающей территории. Капитан В. Буданов захватил 3-х пленных. Типичная по тому времени боевая группа в составе гранатомётчика, пулемётчика и одно-двух автоматчиков на автомобиле типа «УАЗ» или «Нива». Эти прятались в одном из частных домов. Взяли их молниеносно. Один был ранен – изъяли оружие, оказали помощь, допросили и передали представителям прокуратуры, которые к тому времени уже начали мелькать среди войск. Очередная ночь прошла спокойно.

На следующий день переместились в район 1-го больничного корпуса, заняли помещение в подвале. Через стенку развернулся штаб 8-го АК с генералом Рохлиным. Там же опять встретились с остатками разведбата 20-й мсд и с Димой Гребениченко. К этому времени у него в батальоне осталось полтора десятка человек личного состава и две БМП-2, причём одна из них с заклиненной башней. В районе расположения – куча подбитой и сожженной техники. Возле подвального помещения, в котором развернулся полевой госпиталь и в котором полным ходом шли операции, были в ряд складированы трупы, не меньше 40–50 тел. Причём каждый день уходили в тыл КАМАЗы, груженные трупами, а их количество не уменьшалось, постоянно доставляли новых. Конечно, обстановка удручающая.

Наши бойцы держались молодцом, а вот в пехоте многие были морально и психологически подавлены, если не сказать раздавлены. В глазах пустота, у многих потеря чувства самосохранения. Наблюдали такую картину. Несколько человек, все чумазые, предположительно экипажи боевых машин, днем сидели вокруг костра, разведённого между двумя БМП, и что-то ели из котелков. Тут разрывается мина, двое убиты осколками. Убитых оттащили к месту складирования трупов возле госпиталя, вернулись обратно и как ни в чём не бывало продолжили принимать пищу.

На наших глазах сгорела колонна с боеприпасами: с десятков «Уралов» и несколько БМП сопровождения. Колонна прибыла к больничному комплексу, остановилась на подъезде в узкой улочке. Машины одна к одной. В первую – прямое попадание мины, возгорание. Водители разбежались, тушить некому. И в течение часа последовательно, по мере перебрасывания огня, сгорают все.

На то мы и спецназ

Нам была поставлена задача совместно с мотострелками занять здание нефтяного института и вести снайперский огонь по боевикам в районе президентского дворца. Две группы во главе с капитаном Малаховым и Будаевым последовательно меняли друг друга на огневых позициях. Работали посуточно. С каждой из групп убывал или капитан В. Олемской, или капитан В. Каменюка. После очередного возвращения проходило обсуждение увиденного и сделанного. Как правило, это звучало так: «А ты видел, как я подстрелил долговязого духа с пулемётом?!».

В целях разнообразия питания в один из дней провели рейд по тыловой зоне. Как говорят, «затарились» консервацией на консервном заводе, пробежались по ликероводочным предприятиям, на которых различного вида спиртных напитков хранились тонны в резервуарах. Все имеющиеся ёмкости наполнили спиртом, коньяком, вином и водкой. Как оказалось, это был бесценный товар, на который можно было в пехоте выменять всё: и продукты, и боеприпасы, и даже женщину. У командира разведбата за 3 литра спирта выменяли БМП-2 с заклиненной башней. Как объяснил майор Гребениченко, всё равно всех людей выбили и воевать пока некому. На этой БМП до самого выхода из Грозного мы осуществляли подвоз продовольствия и боеприпасов. Через несколько дней майор Гребениченко был ранен в руку и эвакуирован в тыловую госпиталь.

Неоднократно к нам на стакан коньяка и кружку чая заходил генерал Лев Рохлин. Ставил задачи по разведке, а зачастую шёл просто душевный мужской разговор.

Возвращение в бригаду

14 января мы получили задачу на вывод и замену отряда. Нельзя сказать, что не обрадовались тому, что свалим из этого кошмара. Начиная с Новогодней ночи, в разговорах с офицерами я говорил, что, если останемся живы, с меня кабак и баня с женщинами. Начинались разговоры с готовности потратить на эти мероприятия 100 долларов (по тем временам большие деньги). По мере осложнения обстановки цена вопроса выросла до 1000. И уже впоследствии, в Ростове, Володя Каменюка буквально силой заставил меня выполнить своё обещание.

В составе колонны из трёх своих многострадальных «Уралов» в сопровождении трофейной БМП выдвинулись в Моздок, в ПВД бригады. В Толстой-Юрте остановились на ночной отдых. Там случайно нашёлся хозяин БМП – это был не понятно откуда взявшийся зампотех разведбата. С мольбой он уговорил нас вернуть ему одну из последних машин. Пожалели, вернули, хотя хотелось пригнать её в Моздок и всех удивить.

Встреча отряда прошла торжественно, всех помыли, переодели, покормили ну и, конечно же, выпили за благополучное возвращение. Омрачалось всё тем, что в это время отряд от бригады под руководством майора Иванова, который был 31 декабря десантирован в районе Алхозурово, попал в плен к боевикам, судьба людей была неизвестна, мы все очень переживали, к тому же там находилось 15 человек личного состава и два офицера из моей роты. 16 января нам вручили государственные награды: мне – Орден Мужества, Володе Недобежкину – медаль «За отвагу». Руководствуясь общим мнением, командир бригады представил к званию Героя России капитана Каменюку, который действительно среди нас был самым заслуженным по результатам работы отряда. Однако представление не прошло – как посчитали начальники, человек на штатной должности командира роты материального обеспечения героем быть не может. Лучшим поощрением от комбрига стало предоставление двухнедельного отпуска.

После описанных событий в Грозный была направлена другая группа 173-го отряда, которую возглавлял «Вячеслав Дмитриев» – офицер, не имевший в то время боевого опыта. О том, как приходилось искать свой стиль работы, он рассказывает ниже в ряде своих воспоминаний.

ГОРЯЧИЙ ЯНВАРЬ 1995-го

(В.Дмитриев)

Вспоминая события января 1995 г. в Грозном, невольно задаю себе вопрос: «Всё ли я делал правильно? Можно ли было действовать по-другому?». И сам отвечаю на него: «Да, я все правильно сделал и действовать по-другому не мог».

Начало войны для 22-й бригады Спецназа ГРУ было тяжелым. Сводный отряд бригады, в который входили опытные офицеры, вынужден был сдать превосходящим силам боевиков в Чеченских горах неподалёку от с. Комсомольское. Кровавые неудачи новогоднего штурма Грозного поселили неуверенность и страх в душах оставшихся в строю офицеров и солдат.

В Грозном работала группа Недобежкина, которой удалось избежать потерь и провести удачные разведывательные действия для корпуса Рохлина. Группа, которой я командовал, должна была их там сменить.

Все оставшиеся силы батальона были брошены на подготовку группы. Командир бригады, находившийся тогда в батальоне, взял нашу подготовку под личный контроль. Мы стреляли днем и ночью, отрабатывали действия в городе, способы опознавания в темноте, замену батарей в радиостанции на ощупь, ориентирование в городе и многое ещё, что, как нам тогда казалось, могло пригодиться.

Советами делились все. Особенно пригодился совет капитана Госкина, он был начальником службы РАВ и, мне казалось, ничего полезного показать не может. Каково же было моё удивление, когда он рассказал про свой богатый афганский опыт и показал, как правильно занимать позицию и делать перебежки к городу. Так они делали в Афганских кишлаках. Мы были готовы воевать, хотели воевать и ещё хотели остаться в живых.

Провожать нас в Грозный вышли все остававшиеся от батальона. Комбриг Сергей Бреславский на прощание обнял меня и сказал: «Сейчас вся надежда на тебя, не подведи бригаду!». После чего прозвучала команда «По машинам», и мы отправились в путь.

Консервный завод

Путь пролегал по разбитой бронетехникой дороге, где наши «Уралы» еле ползли. Хотелось занять что-либо более надёжное для перемещения по городу. Такая возможность появилась во время первой остановки возле Толстой-Юрта. Наши коллеги, спецназовцы из Чучковской бригады, подогна-

ли нам брошенную БМП-1. Она была на ходу, и мы решили её использовать в городе. Но когда мы уже встали в состав колонны, чтобы ехать в Грозный, у машины нашлись хозяева, а появившиеся «особисты» рассеяли наши сомнения по этому поводу. Машину пришлось отдать.

Первая остановка в Грозном была на консервном заводе. Из колонны, прибывшей туда, моя группа и группа Бердской бригады были единственные, кто прибыл не на бронетехнике, а в кузове обычного армейского «Урала». Настоящей войны, а тем более в городе, из нас ни кто не видел, не понятно было, как действовать и чего бояться.

Выгружались под минометным огнем. Бойцы хватали максимум имущества и что есть силы бежали в бывшее здание склада. Там были бетонные перекрытия, за которыми можно было укрыться. Через 10 минут минометный огонь прекратился. Поставив бойцам задачу на обустройство базы, я с заместителем отправился осмотреть консервный завод. Он представлял из себя ряд помещений барачного типа, но построенных очень основательно. В некоторых из них находились штабы частей, в некоторых подразделения, выведенные из боя, и их бронетехника, но кое-где оставались заполненные консервированными соками и компотами помещения. К ним постоянно тянулся людской ручей, уносящий с собой консервные банки.

Возле забора, разделявшего консервный и молочный заводы, из разбитого газопровода вырывался горящий газ, от его огня грелись пьяные солдаты разведроты какого-то полка. Они недавно вернулись с передовой и то ли от водки, то ли от полученных впечатлений вели себя довольно развязано. Одному из них мне захотелось заехать в репу, но, учитывая его возможные военные заслуги, я воздержался.

Минометный обстрел начинался почти по расписанию, и от него не было спасения до тех пор, пока не поймали корректировщика. Кто-то из часовых заметил человека славянской наружности в форме капитана Российской армии, который в одиночку то заходил, то опять покидал территорию консервного завода. Его проверили, номер части в документах не совпадал ни с одним номером частей, вошедших в Грозный, а артиллерийская буссоль и японская радиостанция рассеяли все сомнения. При допросе выяснилось, что он украинский наёмник. Дальнейшая судьба его неизвестна. Кто-то говорил, что его отправили в Моздок на фильтрационный пункт МВД, кто-то говорил, что его расстреляли здесь же за бараками. В тех условиях правдой могло быть и то и другое.

Передав на базу о своём месте нахождения, вместе с оперативным офицером капитаном Нетто и командиром Бердской группы мы отправились в штаб Рохлина, в подчинение которого прибыли. С обстановкой нас познакомил начальник разведки. Утром моя группа отправлялась в распоряжение командира 276 мотострелкового полка.

На передовой

Рано утром на своём «Урале» отправились к центру города в расположение полка. Там в подвале одного из домов нам была поставлена первая бое-

вая задача. Знаний о специфике боевой работы спецподразделений командование полка не имело, один из его руководителей поразил откровенным цинизмом: «Вы должны заскакивать в здания, занятые боевиками, и ножами их там всех, ножами...». Тогда я посчитал это выражение глупой шуткой.

Решением командования группу разбили на две подгруппы и для введения в боевую обстановку нас вывезли на передовую. На месте задачу нам ставил подполковник Смолкин с позывным «Слово». Его БТР-80 буквально прыжками от дома к дому доставил нас на край нашей обороны.

Здесь группа была разделена на две подгруппы. Одна вместе со мной осталась в здании «Кредо-банка», другая с капитаном Хариным – в одном из многоэтажных домов. Кратко объяснив, где наши, а где боевики, подполковник вскочил на БТР и умчался.

Мы огляделись. Этот участок был относительно спокойный. Здание банка было двухэтажным, его заняли совсем недавно, внутри него все сохранилось в целости. Столы, диваны и другая мебель даже не успели покрыться пылью. Казалось, что работники просто не надолго вышли. Только выбитые артиллерийской канонадой стёкла говорили о том, что идёт война. Этот участок держала какая-то рота 276-го мотострелкового полка, но в здании банка я не увидел никого, кроме 3-х морских пехотинцев, которые, поставив АГС-17 на полированный стол в угловой комнате, собирались держать оборону. Они были практически без контроля, офицеров с ними не было, и они успели принять немного горячительного. Сначала даже не хотели подчиняться, но после того как были приведены разведчиками в чувство, превратились в очень хороших солдат. Здесь же организовали оборону здания. Усилий для этого не потребовалось, занятия перед выездом прошли не зря.

Здесь надо сказать несколько слов о группе. В ней было два офицера, два прапорщика, один из которых связист, и восьмерых солдат. Группа могла быть поделена по необходимости на четвёрки, тройки или двойки, которые могли самостоятельно выполнять задачи и принимать ответственные решения. Связь была доведена до каждой двойки, снабженной радиостанцией.

День прошёл спокойно, в небольшой перестрелке по окнам. Кто против нас воевал, мы не видели. Можно было подумать, что впереди никого нет, если бы не иногда раздающиеся крики «Аллах акбар» и влетающие в окна пули. На крики мы не отвечали, на выстрелы вели ответный огонь из АГСа и РПГ-18, которых у нас было в избытке.

Перекресток, на котором мы находились, был кварталах в пяти от двorca Дудаева. По улице впереди просматривался остов сгоревших «Жигулей» и разбитые витрины шикарных магазинов. На многих дверях висели замки. К вечеру мы ощутили нехватку воды. Водки кругом было море, ею мыли руки, умывались, обрабатывали ссадины, иногда пили, но только высококачественную «Смирновскую». Так же много было вина и шампанского. Всё это тащилось из магазинов. Вот только с водой была проблема, она подвозилась с консервного завода, но не до всех подразделений доходила из-за обстрелов. Мы вылили остатки воды в котелки, приготовили ужин и стали готовиться к ночи.

Тревожная ночь, и как под утро спецназовцы чуть не стали миллионерами

Теперь я ясно представлял, что чувствовали наши бойцы в Сталинграде и других городах во время Великой Отечественной войны. Только в Грозном было хуже еще тем, что оружие стреляло точнее и дальше.

Ночью город опустился в сплошную темноту. Ни одного огонька, ни одного звука. Вдруг тишина взрывается разрывами артиллерийских снарядов, автоматными и пулемётными очередями. Небо освещается осветительными ракетами. Через пять минут опять всё стихает. Так продолжается до двух часов ночи. В это время где-то в центре загорается пятиэтажное здание. Его сполохи отбрасывают неровные тени на улицах. Всё приобретает какой-то инопланетный вид. К этому добавляется отдаленный бой барабана и музыка. Это смертники танцуют зикр. От такой какофонии невольно по коже пробегают мурашки. Ночью никто не отдыхает, все внимательно всматриваются в темноту. Примерно в пять утра приходят «гальюны». У одного бойца не выдерживают нервы, и он открывает огонь. Чтобы разобраться подсвечиваю осветительной ракетой место, куда стрелял разведчик. Там никого нет. Оставшееся до утра время проходит в относительном спокойствии. Утром, выйдя во внутренний дворик, вижу, как какой-то офицер или прапорщик, построив местных жителей, раздаёт им деньги. Спрашиваю его:

— Ты что, помирать собрался?

— Нет, там в банке ещё много денег.

Тут я вспоминаю про сейфы, имевшиеся в разных комнатах, и даю команду подчинённым осмотреть их. Большая часть сейфов уже вскрыта, на полу валяются какие-то бумаги, но денег нет. Осматривая помещения доходим до подвала. Могострелки говорили, что там заминировано, мы решаемся осмотреть и его. Прапорщик Соколов и два разведчика, братья-близнецы, спускаются туда, сняв две гранаты на растяжках и одну мину ОЗМ-72. Больше мин и гранат не было, зато в одном из коридоров стояли два больших сейфа, на полу оставались борозды, говорившие о том, что занесли их сюда недавно. Решено было вскрыть эти сейфы на месте, попробовали гранаты, но бесполезно. Хотели расстрелять из гранатомёта, узость коридора не позволяла этого сделать. Я связался со своим оперативным офицером и затребовал пластик и средства взрыва. Естественно, по радиостанции я не мог объяснить истинных причин, для чего он мне необходим, и капитан Отто не поспешил его мне доставить. Он приехал вместе с подполковником Смолкиным. Подполковник сказал, что мы перебрасываемся на другой участок, где готовится штурм. Приказа я не послушался, собрал группу, и мы отбыли в другое место. В здании «Кредо-банка» мы вернулись через три дня, но там уже находились представители военной контрразведки. В одном из сейфов в подвале было обнаружено около 300 тысяч долларов, а также акции, облигации, векселя и другие ценные бумаги на десятки миллионов. Мы опоздали, всё, что не успели растащить, было учтено и опечатано.

Иногда, вспоминая те события, я жалею, что не нашёл повода задержать в здании банка и вскрыть эти злополучные сейфы. Может быть, моя воен-

ная карьера прервалась бы и началась карьера преуспевающего бизнесмена. Но, скорее всего, всё именно так и должно было быть. Контрразведчики не всё сдали государству, часть ценных бумаг они припрятали, а через три месяца попались в Екатеринбурге при попытке обменять эти бумаги на деньги. Уголовное дело было громким, сроки длительными. Хотя кое-кому удалось «соскочить».

Первый штурм

БТР привез нас в один из дворов, выходящих на улицу Космонавтов, на этом участке наступала морская пехота Северного Флота, ребята все крепкие, прямо-таки богатырского телосложения. Чувствовался и какой-то особый, залихватский дух, который бывает только на флоте. Многие из них незадолго до отправки в Чечню были сняты с кораблей и переведены для службы в морскую пехоту. Здесь же я соединился с подгруппой Харина, и теперь моя группа опять была в полном составе. Для них эта ночь прошла беспокойнее, чем для нас. Они ходили в разведку, но, пройдя полквартала, были обнаружены боевиками, которые начали закидывать их гранатами. Гранаты рвались почти под ногами, но никого не задело. Разведчики, рванув быстрее, чем на стометровке, вернулись в расположение морских пехотинцев. Пройти вперёд так и не удалось, везде натыкались на сплошную оборону боевиков. Это означало, что штурм неизбежен. Дома по одну сторону улицы занимали морские пехотинцы, по другую – боевики. Их разделяли какие-то 30 метров – ширина улицы и тротуара. На таком расстоянии противники отлично слышали друг друга. Шла настоящая словесная перепалка. Со стороны боевиков кто-то кричал:

— Пацаны, я из Подмосковья! Земляки есть?

— Есть, высуну рожу, я в неё пулю всажу! — отвечал кто-то из морпехов.

В это время подполковник, который нас привёз на БТРе, собрал командиров для доведения плана штурма. Не знаю, сам он его придумал или получил команду сверху, но план мне не понравился сразу. Готовились мы ко всему, кроме штурма.

Моя группа должна была под прикрытием морских пехотинцев броском преодолеть улицу и заскочив в арку дома напротив, войти внутрь здания, за нами следом пойдет штурмовая группа морпехов. Огневую поддержку будут осуществлять два танка и две ЗСУ «Шилка». Здесь же организовали взаимодействие и связь. Наши радиостанции по частотам не совпадали, поэтому командир роты морских пехотинцев ввел в действие резервную радиостанцию на нашей частоте. Его позывной был «Монах». Радист спросил, какой у меня будет позывной. Я задумался, свой позывной давать не хотелось. Выручил один из моих бойцов, он предложил дать группе позывной «Гоблин». На том и порешили. Так я стал «Гоблином». Подполковник торопил с началом штурма, и мы разошлись на боевые позиции. Задача осложнялась тем, что первый этаж здания, которое мы должны были штурмовать, был зарешечен. В месте с командиром ПДР (парашютно-десантной роты) мы попытались выбить решётки с огнемётов, но всё было бесполезно. Только мы

подошли к арке и кинули туда дымовые шашки, как к нам прилетела граната от подствольника и заработал пулемёт, оставляя фонтаны почти возле ног. Попробовали зайти со стороны скверика вдоль дома под прикрытием танков. Ближе всех подошёл я и спрятался за небольшим выступом, ограждавшим ступеньки в подвал. Тут же перед выступом взрывается граната от РПГ-7. Мне показалось, что неведомая сила отодвинула меня на два метра назад, из разбитого носа потекла кровь. Пришлось вновь отойти. Тогда зашли с другой стороны дома, на следующем перекрёстке. Здесь было тихо.

Спрятавшись за ларьком, подтягиваю к себе группу. Подходит и штурмовая группа парашютно-десантной роты. «Слово» требует броска вперёд, но мы медлим, тщательно изучаем местность. Заранее показываю бойцам их места после броска и объясняю план действий.

— Уходим в проём выбитых окон магазина, там дверь, ведущая внутрь. Через неё пройдем в оставшуюся часть здания.

Здание рядом с тем, куда мы должны были проникнуть, представляло опасность. Там было тихо, но что-то подсказывало мне, что его надо взять под контроль. Оно было напротив дома, куда мы должны были проникнуть, и из его окон мы будем видны, как на ладони.

— «Слово», я – «Гоблин»! Нужно «Шилкой» обработать и взять под контроль здание на противоположной стороне улицы, слева от меня.

Но в ответ я услышал только требование броска вперёд. Я бы продолжал требовать «Шилку», но тут командир взвода морских пехотинцев бросается вперёд, за ним три морпеха. Мне ничего не остаётся делать, как дать команду «вперед» разведчикам. Перебегаем улицу, занимаем позиции. Мои бойцы заняли именно те места, которые я им определил. Морпехи перебегают за нами, но им укрытий не хватает, и они залегли прямо на перекрёстке. Я лежу в небольшом проёме, прижавшись к стене здания. Вдруг из окна, прямо надо мной, открывают огонь из автомата. Несколько человек, залёгших посередине улицы, дернулись и затихли. Что-то стукнуло в руку рядового Откидычева, лежавшего рядом со мной. Всё здание оживает огнём. Понимая бесполезность «Винтореза», выхватываю из рук оцепеневшего морпеха автомат и, встав вдоль стены, открываю огонь по окнам. Первый этаж затихает. Пробуем перевязать одного из морпехов, раненного в живот, ему очень больно, но он терпит. Вкальваю свой промедол и оттаскиваю морпеха в проём, где только что лежал сам. Больше мы ему сейчас ничем не поможем. Огонь затих. Воспользовавшись паузой, даю команду заскочить в здание. Заскакиваем в бывший магазин, пытаюсь пройти по зданию дальше. Тут ждало жестокое разочарование. Дверь, через которую мы собирались проникнуть в здание, оказалась дверью туалета. Все оказались в западне. Находясь, как на ладони, перед противником, мы были хорошей мишенью. Но тут заработала «Шилка», буквально по кирпичам разбирая здание, из которого только что палили боевики, все, кто находился в магазине, тоже начали стрелять. Вслед за этим с двумя пулемётчиками к нам прибежал подполковник Смолкин. Я понял, что надо скорее входить в здание. Наскоро перевязав раненого в бицепс Откидычева и раненого в плечо Шелепова, отдав морпеху его ав-

томат, выходим вдоль улицы. Найдя подходящее окно, решаем проникнуть через него. Повесив за спину ненужный «Винторез», достаю пистолет Стечкина, с ним в узком пространстве намного удобнее. Под прикрытием тройки прапорщика Соколова по живой лестнице проникаю внутрь. За мной подтягиваются остальные бойцы. Из разбитой комнаты проникаем в коридор, за стенкой явно слышны голоса. Все изготовились, врываемся внутрь. Кричу:

— Бросай оружие!

Но среди сидящих на лестнице чеченцев никого с оружием нет. Они начинают кричать, что мирные жители, а боевики убежали. Вскоре подходит штурмовая группа ПДР. Осмотрев дом, морпехи находят много брошенного боевиками оружия.

Позже мы изучили тактику боевиков, которые, при опасности быть пойманными, просто бросали оружие, представляясь мирными жителями. Тогда, впопыхах, мы даже ни у кого не проверили документы. Впрочем, что бы нам эта проверка дала? Без базы данных это пустое дело...

Зачистка

Немного переведа дух и подсчитав потери, приступаем к зачистке квартала. Необходимо осмотреть как минимум десять многоэтажных домов. В это время стемнело, и дальнейшее движение мы были вынуждены продолжать в темноте. Проходим один дом. Тишина. Дошли до исламского центра. Там тоже тихо. Впереди большой двор, по периметру которого девятиэтажные и пятиэтажные дома. Настоящий огневой мешок. Прижимаясь к стене, медленно двигаемся от подъезда к подъезду. Вдруг ясно вижу какое-то движение. Это человек. Нас разделяет расстояние между подъездами. Вся группа укрывается в подъезде. Я ложусь на живот так, что мое тело находится в подъезде, а голова и оружие на улице. Окликаю силуэт:

— Медленно подними руки и иди сюда!

Но стоящий по-прежнему остается без движения.

— Считаю до трёх! После этого стреляю! — произнеся это, начинаю громко и медленно считать: — Раз!.. Два!.. Три!

Примерно на втором счёте у меня тухнет лампочка подсветки сетки прицела ПСО-1. Бросок силуэта в подъезд и отсекающий три патрона выстрел из «Винтореза» произошли одновременно.

— Кажется, не попал. Пошли посмотрим.

Приготовив гранаты, подходим к подъезду, где находился человек. Со стороны лестницы, ведущей в подвал, был заметен небольшой свет. Приготовившись открыть огонь, начинаем спуск по лестнице. За лестницей небольшой коридорчик и просторное помещение. На входе стоит женщина и расширенными от ужаса глазами смотрит на нас.

— Пожалуйста, не стреляйте! Здесь только старики и женщины! — сказала она испуганным голосом.

Всё ещё не веря её словам, осторожно входим в помещение. При тусклом свете свечи нам открылась следующая картина. Где-то пятнадцать человек находилось в этом тесном и сыром помещении. Кроме стола стульев и

кроватей, принесённых из дома, там не было ничего. Это были русские. В этом доме они жили. Уезжать им было некуда. Всю тяжесть этих событий они переносили в подвале, собравшись вместе.

— А где боевик?

— Какой боевик? — спросили меня.

— Тот, в которого я стрелял возле подъезда.

— Так это был не боевик. Это Михаил Филиппович. Наш сосед по квартире, — тихо сказала одна из женщин.

— Он решил выглянуть, что происходит на улице, как его тут же ранили.

Нам показали пожилого мужчину, державшегося за руку. Пуля лишь краем коснулась мышцы, распоров кожу. Ранение было неопасным. Быстро обработав рану и перевязав, прапорщик Соколов спросил его:

— Почему вы не подошли, когда мы вас звали. Хорошо что ранили, могли и убить.

— Испугался я очень! Сейчас все с оружием и все стреляют.

Оставив находившимся в подвале немного продуктов, бинты и лекарства, наша группа двинулась дальше. Впереди горели пятиэтажные дома, языки пламени вырывались из окон с первого до последнего этажа. Нас обдало жаром, как из раскаленной духовки. Чувствовалась вся человеческая незащищённость, словно у грешника перед вратами ада.

Дальше идти было бессмысленно, и мы вернулись к морским пехотинцам, доложив о результатах зачистки подполковнику «Слово».

К президентскому дворцу

Мы очень устали, сказывалось напряжение двух последних дней. В группе было двое раненых, которые до сих пор оставались в строю. Я хотел вывезти группу на консервный завод для отдыха, но БТР «Слова» отвёз нас к зданию театра юного зрителя, только что занятого подразделениями 276 мотострелкового полка. Командир полка нам дал несколько часов на отдых. Связист настроил радиостанцию, связался с бригадой в Моздоке и доложил обстановку. Удивительное дело, не имея связи с подразделениями, находящимися в двухстах метрах от нас, мы имели устойчивую связь со своей бригадой, находящейся в двухстах километрах отсюда. Примерно через двадцать минут пришла радиограмма из Моздока, командир бригады требовал немедленного вывода группы на консервный завод. Он был прав, группе требовался отдых, отправка раненых в госпиталь, и она не должна была решать несвойственные РГСпН задачи.

В три часа ночи всех командиров собрал подполковник Смолкин для постановки задачи. Требовалось пройти до высотного здания, которое стояло на подходе к президентскому дворцу. Дело осложнялось тем, что перед зданием была площадь, на которой негде спрятаться. План не отличался от предыдущего: первыми идёт группа РГСпН, за ними взвода морской пехоты. Тихо подойдя к зданию, врываемся внутрь и захватываем его. Я докладываю, что моя группа не пойдёт. Что я только что получил из центра радиограмму, предписывающую мне вернуться на консервный завод. Подполков-

ник начинает требовать, чтобы группа осталась, угрожает доложить об этом Рохлину, обвиняет в трусости. Но я остаюсь непреклонен. Тогда он пытается уговорить старшего лейтенанта Харина, не помогает и это. Морские пехотинцы заметно приуныли, они и так про себя называли этого подполковника черным ангелом смерти. Если он появляется, это означает движение вперёд, потери, смерть. К чести полковника, он в тылах не прячется, всегда на самом трудном участке. Без него штурм Грозного заметно бы замедлился. Сам он из 276-го МСП, но наступает силами морпехов и нас.

Сейчас я тоже знаю это неписаное правило войны. Ругать будут за потери в своём подразделении, потери в приданных подразделениях особого значения не имеют, поэтому их смело можно ставить на самый трудный участок. Бойтесь быть приданными!

Ко мне подошел командир ПДР и попросил остаться, его и остальных морпехов после штурма мы уважали. Я заколебался. А когда подполковник сказал, что пойдёт первым, решил посоветоваться в группе. В разведке каждый имеет право голоса. Было решено, что мы идём. Только раненых Откидичева и Шелепова отправили в госпиталь.

Вперёд послали тройку Харина с целью осмотреть площадь и подступы к зданию. За ней пошли мы. Подполковник, как и говорил, пошёл первым, все мои попытки уговорить его пойти в середине не увенчались успехом. Очень трудно ходить ночью в воюющем Грозном. Под ногами много мусора, который предательски хрустит под ногами. Медленно продвигаемся вперед. Расставив подгруппы на противоположных сторонах улицы, стараемся держать дистанцию. За нами идут штурмовые группы ПДР. Дошли до последнего перекрёстка, где просматривается площадь. Спрятаться негде. От зданий с левой стороны остались одни стены. Группа с трудом укрывается за небольшими кучами мусора. Морпехи ложатся прямо на перекрёстке, да так плотно, что в темноте становятся похожи на баррикаду. Лежим без движения. Вызываю тройку Харина. Он говорит, что дошел почти до здания и возвращается к нам. Через минуту вижу, как пять темных фигур что есть духу несутся через площадь. Успеваю подумать: «Странно, почему их пятеро? И зачем бежать через всю площадь, когда можно тихо пройти вдоль здания? Так нас всех могут обнаружить...».

Первые двое, перепрыгнув через лежавших на перекрёстке морпехов, не останавливаясь, скрылись в боковом проулке. Бежавшие следом за ними трое резко останавливаются и подбегают к нам. Дело происходило на углу здания возле светофорного столба. Они остолбенели, стоя в двух метрах от нас. В камуфлированной форме, вооружённые автоматами Калашникова, за спиной вещмешки. В темноте отчетливо видно, как сверкают белки их глаз. На вопрос моего пулемётчика: «Вы кто?» — ответ на ломаном русском: «Мы свои...». На секунду у меня шевельнулась мысль: «Может быть, и правда свои. Может, это “Вымпел”».

Но стволы этих троих медленно поворачивались в нашу сторону. Откуда справа раздаётся крик: «Духи!». Стоявший напротив меня дух с криком «Аллах акбар» прыгает в сторону, дав длинную очередь из автомата.

Одновременно с ним нажимаю спусковой крючок и я. Слева звучит длинная пулемётная очередь. Двое боевиков падают, а третий, развернувшись, успевает сделать три шага. Но тут огонь открывают морские пехотинцы, буквально разрубив его тело пулями. Все трое мертвы.

Спрашиваю: «Наши все живы?» – быстрая переключка подтверждает, что все. Даю команду досмотреть тела боевиков. Самого дальнего ползу досматривать сам. Быстро изымаем оружие и документы. Мое внимание привлекает кожаная коробка на шее боевика, думая, что это радиостанция, снимаю её. В это время откуда-то с высотного здания взлетает осветительная ракета. Бойцы, лежавшие прямо на перекрёстке, становятся видны, как на ладони. Туда, в плотную массу народа, падает миномётная мина. Короткая вспышка, подбрасывающая вверх человеческие тела. Тишина. Темнота. Затем раздаются громкие крики и стоны. Бросаемся туда, где взорвалась мина. Даже в темноте видна ужасная картина. Разорванные человеческие тела и торчащие белые кости. Подполковник даёт команду на отход. Сделав импровизированные носилки из крышек от шкафов и дверец холодильников, отгаскиваем раненых в сторону наших войск. Отойдя примерно на квартал, «Слово» даёт команду: моей группе и взводу морпехов прикрыть отход остальных. Когда вынесут убитых и раненых, он пришлёт ещё взвод.

В доме перед площадью

Вернувшись почти на прежнее место, закрепляемся в угловом доме перед площадью. Дом почти не тронут. И даже в свете карманного фонарика видно, что очень богатый. Телевизор на всю стену, резная деревянная мебель, большие зеркала, хрустальные люстры. Комнаты большие, с высокими потолками. Только очень богатые люди могли позволить себе такие хоромы.

Распределив людей по комнатам, обозначив сектора обстрела, позволяю себе и другим немного отдохнуть. Связываюсь по рации с подгруппой Харина. У них все в порядке. Благополучно вернувшись на позиции морской пехоты, они доложили командиру 276-го мсп обстановку. Количество боевиков они посчитать не смогли, но их там очень много. Обнаружили две позиции БМП и танк Т-72. Без артиллерии туда соваться нечего. Тут же на связь вышел командир полка уральцев и попросил скорректировать огонь артиллерии. Выйдя на угол дома, пытаюсь управлять артиллерией. Дело осложняется тем, что планы города у нас были разные. Единственное, что я мог, это кричать по станции:

— Левее! Правее! Ближе! Дальше!

Но и этого оказалось достаточно. После того как первый снаряд улетел за Сунжу, а второй грохнулся возле нашего дома, остальные стали попадать в цель.

Возвращаюсь в дом. Усевшись в удобном кожаном кресле, рассматриваю документы и то, что я вначале принял за радиостанцию. Документы сразу приводят меня в изумление. Эта пятерка – иорданцы. Один из документов выводит на маршрут их попадания в Россию, через подставную фирму од-

ной из кавказских республик. В кожаном футляре оказался фотоаппарат. Радист немедленно доложил об этом в бригаду.

Прибыл обещанный на усиление взвод морпехов. Они сказали, что на ближайшие три квартала мы одни. Наши отошли назад, чтобы выровнять оборону. Главное – продержаться до утра. Я их через балкон провел к морской пехоте. Познакомился с командирами взводов. Мы оказались из одного училища. Через десять минут выяснилось, что в прибывшем взводе пропало два бойца. Пытаюсь отослать за ними командира взвода, но он еще с теми, кто на месте не разобрался, поэтому беру у него одного бойца, который знает пропавших, и отправляюсь на поиски сам.

Выйдя из дома, начинаем двигаться по маршруту, которым прошли морпехи. Проходим один дом, заглядывая в подъезды, никто не отвечает, затем – второй дом. На пути небольшая арка и внутренний дворик, решаем посмотреть и там. Медленно выхожу на середину дворика. Вдруг каким-то внутренним чутьем ощущаю чье-то присутствие слева. Да так четко, что в ухе зазвенело. Боковым зрением замечаю человека в оконном проеме. Резко оборачиваюсь к нему, вижу человека с наведенным на меня оружием. Я уверен, что это морской пехотинец. Говорю ему:

— Мартышка, убери ружье! А то пулю между глаз всажу.

И уверенно подхожу к окну. Силуэт убирает оружие и отходит в глубину комнаты. Тут я понимаю, что неплохо бы спросить пароль. Прижавшись к стене возле окна, называю пароль:

— Мишка!

В ответ молчание. Немного подождав, опять повторяю. В ответ тишина. Только слышно напряженное дыхание человека в комнате. Я серьезно засомневался, что это свой:

— Отвечай, или бросаю гранату!

Пытаюсь выгащить гранату из заднего кармана бронезилета. Армейский бронезилет сделан крайне неудобно, карманы под гранаты находятся сзади в районе поясницы. Вытащить ее мне не удастся, прошу помочь сопровождающего меня морпеха. Но он говорит:

— Товарищ капитан! Это наши! Я уверен, они просто очень боятся. Не бросайте туда гранату, пожалуйста.

Хоть и не убедили меня его доводы, но про себя я решил – пусть лучше уцелеет боевик, чем я убью своего.

Морпеху сказал:

— Ладно, возвращаемся, придешь сюда с командиром взвода. Если это ваши, то заберешь их.

Вернувшись к своим и найдя командира, потерявшего бойцов, говорю ему, чтобы шел их забирать. Но оказывается, что они давно на месте, просто при проверке зашли в спальню и уснули на удобной кровати. Я беру трех своих, возвращаюсь в тот дворик. Но там уже никого. Вернувшись в дом, решили перекусить. На столе лежали консервированные продукты и шоколад. В шкафу нашлась бутылка коньяка и почти ящик шампанского. Поскольку воды все равно не было, отдаю бойцам шампанское вместо компо-

та. С офицерами и прапорщиками пьем коньяк, заедая шоколадом. Теперь я понимаю приказ Дудаева: дома не закрывать, на столах оставить продукты. Боевики могли вести огонь практически из любого дома, при этом абсолютно не заботясь о питании.

Под утро пошел снег. Рассвело. Рассматриваю высотное здание. После ночной работы артиллерии оно стало заметно ниже. У всех, находившихся в доме, сели батареи питания на радиостанциях. Связи не было ни у нас, ни у морпехов. Батареи на новых Р-163-1У и Р-163-05р садились еще быстрее, чем на станциях старого образца. Поэтому когда мы услышали танковый рокот, то не сразу разобрались, наши это или нет. Это были наши.

Дальше развернулась очень интересная картина. Сначала на скорости выскакивал танк Т-80. Сделав выстрел по зданию, разворачивался и быстро уезжал. За ним следом выскакивала «Шилка» и, расстреляв боекомплект, тоже уезжала. Мы вместе с морпехами стали прикрывать действия бронетехники, не давая боевикам сделать выстрел по ним из гранатомета. Подобным образом работала бронетехника на улицах, идущих параллельно нашей. Руководил ими «Слово». В военной смекалке подполковнику не откажешь.

Под вечер начали подходить части морской пехоты и 276-й мсп. Нас отправили на отдых на консервный завод.

На отдыхе

Отоспавшись почти сутки, приведя себя в порядок, докладываю капитану Нетто о проделанной работе. Он доволен, но говорит, что командир бригады ругается. От групп из Бердска, мол, доклады идут постоянно, а вы – как в воду канули. Радиogramмы ваши еле расшифровали. Завтра прилетает начальник разведки округа, все трофеи необходимо передать ему. Но главное, для координации наших действий прибудет заместитель командира бригады по боевой подготовке подполковник Харченко. Это нас не обрадовало, но и не огорчило.

Зато очень порадовала встреча с лидером группы «ДДТ» Юрием Шевчуком. В армейском камуфляже и такой же небритый, как и все мы, он походил скорее на офицера артиллерии или медицинской службы, чем на певца, пока в его руки не попала гитара. Играл он в одном из бывших цехов консервного завода. Это был настоящий акустический концерт. Затаив дыхание, бойцы слушали его песни. Звук, отраженный от стен цеха, разносился по залу. Звучали песни «Грянул майский гром», «Осень, в небе жгут корабли» и «Не стреляй». Последнюю песню его просили исполнить многие. Эта наполненная ненавистью к войне песня стала чуть ли не гимном того периода штурма Грозного. Я попросил его расписаться на ствольной накладке моего АКМСа, которым я заменил «Винторез». Сначала он отказался, сказав, что не оставляет автографов на вещах, несущих смерть, но после того как я сказал, что, может, именно его роспись удержит от необдуманных выстрелов и поможет сохранить кому-то жизнь, он согласился. Этот автомат и сейчас находится в оружейной комнате одной из рот бригады спецназа. Он передается от одного поколения солдат другому как реликвия Чеченской войны.

Прилетел начальник разведки, вместе с ним и замкомбриг, который сразу же принялся приводить нас в чувство по правилам мирного времени, но мы были уже не те, и дело едва не закончилось конфликтом. Передав начальнику разведки трофей, мы получили новую задачу. Нам предстояло действовать вдоль реки Сунжа в интересах мотострелковой дивизии. На следующий день моя группа и группа Бердской бригады под общим руководством Харченко отправились в расположение дивизии.

На Сунженском направлении

Штаб дивизии находился в здании какого-то учебного заведения. Но своим составом дивизия едва могла сравниться с полком. А после того как при входе в Грозный по ней с математической точностью отработала наша авиация, стала и того меньше. Присутствие замкомбрига сыграло свою роль. Штурмовать нам больше ничего не пришлось. Нам была поставлена задача: провести разведку маршрута наступления дивизии.

Поделив маршруты движения для нашей группы и группы Бердской бригады, мы начали медленно продвигаться в частный сектор. В отличие от центра города, здесь было место для маскировки от огня противника, но и определить его наличие было сложнее. Спокойно проходим несколько кварталов, постоянно ожидая встречи с противником, пока не доходим до добротного кирпичного дома на углу улицы. Решаем досмотреть и его. Когда мы зашли во двор, нашему взору предстала ужасная картина: во дворе лежало шесть трупов наших солдат, все они были убиты выстрелами в затылок. Оружия и документов при них не было. По всей вероятности, это были бойцы, попавшие в плен в новогоднюю ночь. Об этой страшной находке мы сообщили по радиостанции командованию дивизии и двинулись дальше.

Поразило нас еще и то, что небольшие группы по два-три человека постоянно перемещались с мест, находящихся под контролем боевиков, в расположение наших войск и обратно. При проверке они показывали документы жителей города и говорили, что идут за гуманитарной помощью на консервный завод. Туда прибыли колонны МЧС и начали раздачу гуманитарной помощи. Были открыты гуманитарные коридоры, благодаря которым боевики получили возможность детального изучения позиций наших войск. Мы прошли вперед еще полквартала, вдали стали видны пятиэтажные дома. С одного из них по нам открыл огонь пулемет. Огонь его был неточный, но ждать, пока стреляющий внесет поправки, мы не стали и вернулись в расположение дивизии.

Ночью моей и Бердской группе предстояло провести засады. Задачу нам ставил подполковник Харченко. Это было намного лучше, чем получать задачу от чужих, поэтому дело у нас пошло быстро и слаженно. Мотострелки выставили слабо охраняемый блокпост в указанном нами месте. Духи обязательно должны были на него клюнуть. Перекрыв подходы, мы создали огневой мешок.

Мы спешили, необходимо было занять позиции сразу же, как только стемнеет, иначе можно было опоздать. Быстро собравшись, начинаем вы-

двигаться на позиции, внимательно просматривая перед собой местность в бинокль ночного видения. Добравшись до места засады, занимаем позиции в угловом доме. Бердская группа запаздывала с выдвиганием. Наконец по радиостанции передали, что и они начали выдвигаться. Им отвели также угловой дом, но на соседней улице.

Через пять минут пулеметная очередь разорвала тишину. В то же мгновение заработали автоматы, было видно, как на параллельной нам улице идет бой. В радиостанции раздался крик:

— Бр-р-роню сюда-а! Срочно!!!

Впрочем, его было слышно и без радиостанции. Вскоре одна БМП рванула вперед, под прикрытием двух других, начавших вести прострел вдоль улицы. Разорвались две гранаты, и все стихло. Набравшая скорость БМП проскочила место боя, был слышен только удаляющийся рокот ее двигателя.

— Оттаскиваем раненых и отходим! — раздался в наушниках голос Влада, командира Бердской группы.

Мы сидели тихо на своих позициях, единственное, чем мы могли помочь в этом случае, это не мешать. Но было непонятно, куда уехала БМП. Вскоре опять ожила радиостанция:

— «Центр», я – «Лиана» (позывной БМП прикрытия). Не пойму, где нахожусь. Тут какая-то площадь, костер и какие-то люди!

— Это духи! — ответил «Центр».

— Ты когда ехал, никуда не сворачивал?

— Не-ет!

— Ну, так быстренько разворачивайся и дуй назад!

Вскоре послышался шум приближающейся БМП, которая вернулась в расположение дивизии. Только десанта внутри нее уже не было. Четырех контрактников из Бердской бригады проинструктировали, что в случае остановки машины необходимо спешиться и занять круговую оборону. Что они и сделали. Каково же было их удивление, когда БМП развернулась и рванула назад, а они остались одни на площади возле духов. Вернуться к своим они смогли только к утру.

Для нас эта ночь прошла тихо. У ребят из Бердска было двое раненых. Пулеметчику прострелило ноги и командиру группы Владу рассекло бровь осколком. Произошел встречный бой. Группа, выдвигавшаяся на проведение засады, столкнулась с группой боевиков, шедших к блокпосту. Благодаря биноклям ночного видения разведчики обнаружили боевиков раньше и первыми открыли огонь. Во встречном бою кто первым откроет огонь и развернется в боевой порядок, тот и выиграет. Выиграли разведчики.

После обеда следующего дня дивизия перешла в наступление. Задачи были поставлены грамотно. Но в среднем звене управление терялось начисто. Поэтому дивизия наступала по одной улице. Дистанция между машинами не соблюдалась. Солдаты прижимались друг к другу от страха настолько плотно, что превращались в большую мишень, по которой невозможно промахнуться. Чтобы воспрепятствовать движению такой массы людей, у боевиков сил не было. Но пощипали они ее достаточно.

На легковых машинах с вырезанным верхом они выскакивали на перекрестки параллельных улиц и, произведя выстрел из гранатомета и пару очередей из автоматов в самую гущу людей, быстро скрывались. Дивизия несла потери, не успев ответить огнем по юрким легковушкам, водители которых отлично знали местность. В некоторых местах огонь вели пешие боевики. Также сделав пару очередей из автоматов, они оставляли свои позиции. Решаем перекрыть одну из улиц, с которой боевики ведут огонь. Вкатив в один из дворов приданную БМП, занимаем удобную позицию.

Прижатые к берегу Сунжи боевики не могут безнаказанно вести огонь, а пятеро человек оказываются зажатыми в одном из переулков. Метнувшись сначала в сторону дивизии, они резко разворачиваются и решают перебежками проскочить участок, простреливаемый группой.

От сосредоточенного огня группы не ушел никто. Изымать оружие и документы у них мы не стали. Это слишком опасно и в нашу задачу не входило.

Троллейбусный парк дивизия заняла. Мы вернулись на консервный завод.

Пропажа «Ориона» и взятие дудаевского дворца

Все очень устали, из-за невысшимого напряжения наступило истощение душевных и физических сил. Многих время от времени преследовала нервная дрожь, нападала бессонница. Группе требовался продолжительный отдых. Подполковник Харченко это понимал, и по его требованию в бригаде нам уже готовили замену. Больше наше участие в боевых действиях не планировалось. Группа готовилась встретить замену и убыть в Моздок. Вечером офицеры и прапорщики решили немного снять напряжение. Когда солдаты, получив по кружке шампанского в качестве лекарства от стресса, были отправлены отдыхать, офицеры и прапорщики собрались за импровизированным столом. Под закуску из сухого пайка «Смирновская» водка пьется очень хорошо. Запивать тоже было чем. Хоть и поубавились за это время запасы соков на консервном заводе, но их все еще хватало всем желающим.

Когда все немного оживились и напряжение стало спадать, к нам подошел подполковник «Слово». Выглядел он очень озабоченно:

— Мужики, «Орион» пропал. Вчера ночью они ушли на гостиницу «Кавказ», и через час связь с ними пропала. Нужно идти искать.

Наше настроение враз переменялось, желания куда-то идти у нас не было, но и отказать в подобной ситуации мы не могли.

Вмешался подполковник Харченко:

— Они никуда не пойдут! Здесь принимаю решения и команду я!

Не буду описывать жесткий разговор двух подполковников. Харченко настоял на своем, мотивируя тем, что ни позывные, ни опознавательные сигналы не отработаны. Можно легко напороться на боевиков или, что еще хуже, погибнуть от огня того же «Ориона».

Поиски были отложены до утра. Как оказалось, правильно: «Орион» нашелся сам. Ситуация была самая банальная – сели батареи на радиостанциях. Но взяли они не только гостиницу «Кавказ», но и президентский дво-

рец. Подойдя и заняв гостиницу, они долго наблюдали за президентским дворцом. Там никого не было видно. Решили его осмотреть. Осмотр подтвердил, что там пусто. Командир решил не оставлять выгодной позиции до подхода основных сил. Доложить обстановку они не могли из-за отсутствия радиосвязи, вот и сидели там, ожидая рассвета.

Весть о взятии дворца разлетелась по войскам мгновенно. Тут же наверх пошли доклады от различных военачальников. Естественно, подразделения, осуществившие штурм, назывались разные. Оставалось водрузить знамя на развалинах дворца. Для охраны знамени пришлось выделить часть группы. Старший лейтенант Харин и три бойца выехали с соответствующими начальниками для его водружения. Военное телевидение этот момент запечатлело, но это уже были официальные версии событий.

* * *

Дождавшись замены, мы благополучно вернулись в Моздок. Такой неразберихи, несущей смерть, я больше не встречал ни разу за время Первой чеченской кампании. Бойцы срочной службы через полгода уволились в запас. Контрактники, прапорщики и офицеры служили и воевали ещё долго.

Командир группы, сменившей нас в Грозном, Вова Черников, погиб через два дня от пули снайпера при попытке подорвать огнем фугасом штаб боевиков в районе троллейбусного парка. Подполковник с позывным «Слово», Смолкин, под Аргуном получил сильнейшую черепно-мозговую травму. Больше не воевал, из армии уволился.

Харин получил звание героя России за бой с бандой Радуева в пос. Первомайское.

Спецназ военной разведки в дни штурма хвалили мало, лишь артиллерия создала ему нерукотворный памятник, превратив метким выстрелом надпись «СЛАВА ТРУДУ!» на одном из высотных зданий в районе площади Минутки в надпись «СЛАВА ГРУ..!». Эта надпись простояла до второго штурма Грозного, после которого от высотного здания осталась куча бетона. Сейчас там красивые дома обновлённого Грозного.

ДВЕ ЗАСАДЫ

(В. Дмитриев)

После тяжелейшего штурма Грозного нам удалось отдохнуть около месяца, и моя группа опять была отправлена в Чечню. Это было в конце февраля. Мы уже получили первый опыт войны и знали, что может нас ждать. От этого было еще страшнее. Бойцов, видевших ужасы декабря 95-го и участвовавших в ночных боях, не надо было агитировать за усиленную подготовку и подгонять за неусердие в учебе. Они же своими рассказами и рвением заражали солдат, еще не участвовавших в боях.

Тренировки шли днем и ночью. Бойцы учились перемещаться на местности в составе троек и точно выходить в нужную точку. Безошибочно определять свой-чужой в условиях ограниченной видимости. Держать УКВ связь и подавать сигналы знаками, огнями и звуками. Также отработывалась тактика и огневая подготовка применительно к городским условиям. В целом это были хорошо обученные бойцы спецназа, и по условиям мирной жизни с ними можно было самую строгую проверку сдать на «отлично». Но меня это не устраивало, и я снова и снова тренировал их, доводя все действия до автоматизма и естественной простоты.

К выезду готовились две группы – моя и старшего лейтенанта Галинова. Командование бригады тоже учитывало опыт работы групп спецназа в городе, когда командиры общевойсковых подразделений использовали их не по специфике боевого применения, а просто посылали в качестве хорошо обученного пушечного мяса на самые опасные участки, куда своих послать жалко. В итоге спецназ нес неоправданные потери, а эффективность его действий была слабая. Чтобы не допустить подобного, старшим сводного отряда выехал подполковник Юрий Александрович Мокров. Он недавно окончил академию и прибыл в бригаду на должность «свободного комбата» (это когда должность есть, а людей в подчинении нет). Его афганский опыт и академические знания должны были способствовать правильному применению наших групп. Он должен был взаимодействовать с руководством группировки и непосредственно командовать нами. Когда поступила команда на выезд, группы, получив в свое распоряжение по грузопассажирскому «Уралу», загрузили снаряжение и уже знакомой дорогой отправились в г. Грозный.

Это уже был не тот город, что встретил нас во время штурма. Было буднично, серо и тихо. Группировка, в которой мы должны были работать, располагалась в аэропорту «Грозный-Северный». Здесь были части различных военных округов, волею судьбы собранные под одним временным командованием. Были части, потрепанные боями в Грозном, а были прибывшие недавно. Различались они уровнем дисциплины и профессиональной подготовки. Мы разместились на 3-м этаже многоэтажного здания. Доставшаяся нам комната не имела дверей и окон. Разведчики уже научились устраивать быт, и за какие-то полдня появились нары, оконный проем аккуратно заделали целлофаном, а для светомаскировки еще и одеялом. Для командиров соорудили стол из ящиков от боеприпасов. Электричеством запитались от общего дизеля, обеспечивавшего всех находящихся в здании военнослужащих.

Мокров каждый вечер ходил на совещание в штаб группировки, но для нас задач не было. Чтобы личный состав не расслаблялся, мы продолжали тренировки, параллельно изучая местность и части, на ней стоящие. Днем группировка занималась повседневной деятельностью, а ночью начинались чудеса. Не было ни одной ночи без ЧП: то кто-то напьется, то застрелится, то что-то сгорит. К тому же город не был мирным. Каждую ночь группировка подвергалась обстрелу из минометов и автоматического оружия. Из-за этого, не участвуя в боях, наши войска несли потери. Армия не могла обнаружить и уничтожить врага, когда он скрывался под видом мирных жителей.

Действия боевиков еще только начинали приобретать характер партизанского движения и вооруженного бандподполья. Подразделений, которые бы умели бороться с бандитским подпольем, армия не имела. Вот тут-то и пригодился афганский опыт Мокрова. Они в Афгане успешно делали засады на моджахедов, обстреливавших наши части. Этим опытом он решил воспользоваться здесь.

Подготовка операции

Для того чтобы мы были в курсе оперативной обстановки и понимали происходящее в группировке, Мокров взял меня и Галинова на одно из совещаний. В комнате для совещаний, которой служила бывшая диспетчерская аэропорта, командиры по очереди докладывали обстановку и получали задачи по предстоящим действиям и распоряжения о выделении людей на охрану объектов. Послушав доклады, я серьезно расстроился. Враги были повсюду, каждую ночь обстреливали группировку, нанося урон в живой силе, технике и материальных средствах. Можно было подумать, что группировка находится на осадном положении, окруженная врагами. Мокров слушал все молча, выступал кратко. А после общего совещания собрал нас в пункте нашего расположения и спросил, что мы об этом думаем. Честно говоря, мы и не знали, что думать, и не представляли, что делать.

Тогда Мокров начал объяснять:

— Товарищи офицеры, запомните простую истину: прошедшее совещание является наглядным примером лжи, ошибок и неправильного представления о происходящем. Часть командиров на боевиков списывает самострелы и неосторожное обращение с оружием, другие ищут способ списания утраченного имущества, третьи таким образом скрывают неуставные взаимоотношения в подразделениях. Наконец, некоторым часовым по ночам грезится нечто, и они палят в белый свет (а точнее, в темную ночь), как в копеечку, а утром бодро докладывают о том, что был страшный бой. Оставшийся небольшой процент является истинными докладами. Наша задача за ближайшие дни установить истину и определить вероятные места нападения боевиков, после чего поставить на них засаду.

Первые дни решено было выставить наблюдательные посты. Поделив группы на двойки, мы распределили их по постам охранения, чтобы лично наблюдать за происходящим. В режиме, когда мы днем отдыхали, а ночью наблюдали, прошло трое суток. Командиров подразделений, на посты охранения которых попадали наши разведчики, это радовало. Они говорили, что теперь будут спать спокойно. И действительно, на постах, где находились разведчики, враг активности не проявлял. Зато расспросы местных бойцов, проведенные разведчиками, подтверждали правоту Мокрова. Часто они палили от скуки или страха, просто в никуда или по ближайшим кустам, так, на всякий случай. Подтвердилось и списывание несчастных случаев на боевые потери. Все же два направления реальных обстрелов выделить удалось.

Одно было со стороны кладбища. Поздно вечером, среди ночи или под утро оттуда раздавалась глухая канонада. Два-три выстрела из миномета в

течение трех–пяти минут по территории группировки. Поскольку все были предупреждены о минометных обстрелах и всех ночных пострадавших старались списать именно на них, то выяснить реальный вред от обстрелов не представлялось возможным. Все же осколочные ранения у бойцов встречались часто, значит, вред от обстрелов был.

Второе место было со стороны артиллерийского дивизиона. Неделю назад на крайнем посту охранения автоматной очередью был убит боец, имевший неосторожность покинуть по нужде окоп. Также подтверждали наличие обстрела следы от пуль на бруствере и МТЛБ, стоявшем в окопе. Ночные бдения наших бойцов тоже дали результат, они ясно видели вспышки выстрелов и определили направления, с которых велся огонь.

Сначала мы решили проверить кладбище и попытаться обезвредить миномет, а боевиками, обстреливающими артдивизион, заняться позже.

Спасительный крест

Внимательно изучив карту, мы определили вероятные маршруты боевиков на кладбище, но они были заминированы. Поэтому никто не предпринимал попыток их осмотра, а боевики, зная проходы, могли безнаказанно вести обстрел наших позиций. Ничего не оставалось, кроме как обследовать его и провести хотя бы частичное разминирование. Нам были приданы бойцы из роты минирования с миноискателями, щупами и прочим оборудованием. Наутро следующего дня мы выдвинулись к кладбищу. День был ясный и безветренный, что способствовало выполнению задачи. Разделив кладбище на сектора, мы облачили в бронезилеты и каски, после чего медленно приступили к осмотру. Шли на безопасном удалении друг от друга, стараясь ступать след в след. Вскоре стало понятно, что мин нажимного действия здесь нет. Зато растяжки зловеще поблескивали в самых неожиданных местах. Сохранилась видеозапись этой операции, потому что Мокров взял с собой видеокамеру.

Это было старое христианское кладбище. Хотя я бы назвал его скорее советским кладбищем. Большинство надгробий было с советской символикой, и захоронения были сделаны во времена Советского Союза, но иногда встречались и православные кресты в железном и каменном исполнении. Вся территория была разбита дорожками и тропинками. За любой оградкой можно было спрятать миномет любого калибра. За четыре часа мы медленно осмотрели большую часть кладбища. Вдруг раздался взрыв. Все замерли в напряженном предчувствии беды. Мокров запросил обстановку по связи.

Галинов доложил, что боец не заметил в траве растяжку и сорвал ее, сработала мина, похоже, ОЗМ-72. Имеется один раненый. Мы двинулись в сторону места происшествия. Оказалось, что там кусты практически сплелись в единое целое, скрывая растяжку. Когда боец решил их осторожно раздвинуть, и произошел взрыв.

Почему так мало пострадавших? Эта мысль нам не давала покоя, заставила более детально изучить место взрыва. Через пару минут картина была ясна полностью. Боевики установили мину за оградкой, в углублении для

вазы под цветы, как раз напротив широкого креста из бетона. Когда боец сорвал растяжку, то выскочившая из стакана мина взорвалась на уровне перекладины креста, который и принял на себя часть осколков, создав мертвую зону поражения вдоль тропинки, по которой шли спецназовцы. Случайность. Но все в душе сказали спасибо Богу за то, что уберег от смерти. Рана у бойца была несерьезная, осколок, процарапав бедро, не остался в теле. Сделав перевязку, мы двинулись дальше.

Осмотр оставшейся части кладбища занял еще пару часов. Нам удалось определить незаминированные проходы и вероятные пути боевиков на кладбище, но миномета мы не нашли. В этот день мы вернулись ни с чем, а ночью кладбище опять отозвалось эхом минометных выстрелов.

Засада на миномет

Вернувшийся с утреннего совещания Мокров сказал, что руководство группировки недоволено нашими результатами: миномет по-прежнему стреляет, а наш результат – раненый боец. Надо было что-то делать. Но перекрыть засадами все пути на кладбище мы не могли, а искать, где спрятан миномет, равносильно поиску иголки в стоге сена. Тогда решили сделать следующее: перекрыть минами МОН-50 известные нам проходы и ждать результатов. Каждое утро производить осмотр мест минирования. Всю вторую половину этого дня приданные нам минеры трудились, устанавливая и маскируя мины, но все равно полностью перекрыть проходы не удалось, не хватило мин. Оставалось надеяться на удачу. В эту ночь была тишина. Осматривать места постановки мин решили поочередно, день моя группа, день Галинова. Мой осмотр результатов не дал, взрывов не было, мины на месте. Вторая и третья ночь также прошли безрезультатно, а на четвертую ночь опять минометный обстрел. Утром все были раздосадованы, боевики все-таки обошли наши ловушки. Группа Галинова, уходившая на очередной дозор, также была уверена в этом. Мы занялись повседневными делами, от которых нас оторвал сеанс радиосвязи с группой Галинова. Не сообщая ничего конкретного, он просил нас срочно подъехать, намекая на определенный результат.

Быстро собрав группу, мы с Мокровым выехали к месту осмотра мин. Подъехав максимально близко, спешили и двинулись навстречу друг другу. Галинов нас встретил на окраине кладбища, близко подходившей к жилым домам, и проводил к месту, где стояла крайняя мина.

Нашему взору открылась следующая картина: на дорожке, скрюченные в неестественных позах, лежали два человеческих тела. Галинов доложил, что они их осмотрели, по внешнему виду это чеченцы, но документов при них нет, оружия тоже.

— Именно поэтому я боялся докладывать по открытой связи, вдруг это просто мирные жители, — сказал он.

— Но, — загадочно продолжал Галинов, — выпавший ночью иней хорошо сохранял следы, ведущие с кладбища, и мы решили по ним пройти, пока он не растаял. И вот результат.

Галинов подвел нас к кустам, где на СПП лежал 75-мм миномет.

Следы привели нас к одной из могил, закрытой широкой плитой, было видно, что плиту трогали, и мы решили ее отодвинуть. Она оказалась нетяжелой и поддалась легко, под ней была яма, в ней стоял этот миномет, направленный на расположение группировки. Так что эти «орлы» почти ничем не рисковали. Приходя по известной тропе, снимали плиту и, сделав несколько выстрелов, ставили ее на место и уходили. Да вот, видно, в конце немного поменяли маршрут, где и зацепили нашу МОНку.

Забрав трофей, мы вернулись в группировку. Весть о захвате миномета быстро облетела всех, и мы были героями дня. К вечеру наш подвиг оброс невероятными подробностями о страшном боестолкновении и море вражеских трупов. Но все равно было приятно. Больше с кладбища обстрелов не было.

Засада в лесопосадке

Несмотря на радость за общий успех, мне было несколько обидно, что удача обошла мою группу стороной. Впрочем, командировка наша продолжалась, как и автоматные обстрелы территории группировки. Командование было довольно нашими действиями и, обрадованное успехами, просило сосредоточить действия на других участках. У нас в запасе имелось разведенное место автоматных обстрелов, и теперь мы решили сосредоточиться на нем. Основную роль в подготовке и проведении засады на этом участке Мокров поручил мне. Алгоритм работы я уже выучил по прошлой засаде. Начали мы с осмотра мест обстрела. Для этого днем вместе с минерами выдвинулись на позицию охранения артдивизиона и с нее в сторону мест обстрела. Артиллеристы на нас смотрели как на сумасшедших. У них сам по себе выход за территорию группировки в необозначенном месте считался очень опасным. Плотность минирования на этом участке была максимально возможной. Мины ставили боевики, а после их ухода наши, причем наши подразделения менялись, и приходившие на это место снова минировали, карт минных полей никто не составлял и ходить по лесопосадке не рисковал. Зная это, боевики безнаказанно вели огонь по нашим позициям.

Мы аккуратно проделали проход до лесопосадки, в ней мин уже не было. Получалось, что боевики могли спокойно доходить до края леса, обстреливать позиции и, защищенные минным полем, спокойно уходить. Осмотр лесопосадки осложнил нашу задачу. Это был не дикий лес, а лесопарковая зона, прорезанная аккуратными дорожками и выходящими между деревьями тропинками. Места, где боевики точно будут проходить, определить было невозможно. Тогда мы решили осмотреть ее всю. Нарушив боевой порядок группы, я шел первым, что тут же принесло неприятный сюрприз, моя нога задела какую-то проволоку, и я заметил, как из кустов выпала привязанная к этой проволоке граната. Я тут же скомановал: «Ложись!», моментально упав на землю ногами к гранате, но взрыва не последовало.

Встав и подойдя к гранате, мы обнаружили, что она просто была примотана изолентой к палке, спрятанной за деревом от людских глаз. Ставили

ее давно, и изоленга, потеряв липкость, размоталась. Когда я задел проволоку, граната просто выпала, и кольцо не было сорвано. Взяв гранату в качестве трофея, мы стали опять предельно внимательны в осмотре местности. Закончив осмотр и вернувшись на базу, я так и не мог определиться с местом и способом засады. Тогда Мокров мне посоветовал: «А ты думай от обратного. Если бы я тебе поставил задачу обстреливать подобное расположение, как бы ты это делал?».

Вначале моя аналитическая мысль буксовала, но когда проанализировал обстановку в лесополосе, работа сдвинулась с мертвой точки. Если необходимо обстреливать группировку, то я не пойду по широким дорожкам, там будут мины и большая вероятность засады. Подходят небольшие тропинки или маршрут вне каких-либо дорожек и троп. Обстрел лучше проводить с окраины лесополосы, где начинается сплошное минирование. Оно спасает от возможного преследования, а лесопосадка – от ответного огня. Так я установил вероятные места перемещения боевиков. К сожалению, их было много, и перекрыть классической засадой не получалось. Поразмыслив, что обстреливающих будет два или три человека, я решил разбить группу на тройки, которыми перекрыть самые вероятные подходы боевиков. Из двенадцати человек группы получилось четыре тройки.

День ушел на подготовку, согласование с постами охраны, организацию взаимодействия, обеспечения и действий в особых случаях.

Как только начало смеркаться, группа покинула крайний пост охраны и по разведанному маршруту двинулась к месту засады. Двигались медленно, прислушиваясь к каждому шороху и звуку. Для движения я пытался использовать очки ночного видения «Квакеры», но вскоре понял, что природное зрение лучше. Постояв минуту с закрытыми глазами, я начал различать силуэты деревьев и рельеф местности. Достигнув намеченного места, тройки разошлись по указанным для засады местам. Вскоре начали поступать доклады:

- «Кола» на месте!
- «Фанта» на месте!
- «Пепси» на месте!
- «Спрайт» на месте!

Не помню, кто придумал использовать в качестве радиопозывных названия прохладительных напитков американского производства, но бойцы их легко запоминали, поэтому позывные оказались жизнестойкими.

Я доложил уже на базу Мокрову, что все на позициях. Для связи с базой мы использовали коротковолновую станцию «Северок», она неплохо зарекомендовала себя в Афгане, работала и сейчас. Потянулось томительное ожидание. Первые три часа мы внимательно вслушивались и всматривались в ночь. Затем наши чувства начали притупляться. Наваливалась дремота. После полуночи подступил холод, и время замедлилось настолько, что секундная стрелка на моих командирских часах показалась медленно-тягучей.

После трех ночи опустился туман, сделав ее темной и молочно-белой. Пришли «галюны». От троек стали поступать доклады, что они слышат и даже видят нечто. Мы уже были знакомы с таким эффектом, когда кажется,

что кто-то идет, ползет, бежит. Причем «галюны» бывают как слуховые, так и зрительные, при этом настолько реальные, что заставляют бойцов нажимать спусковой крючок оружия.

Но я предупредил, что, если кто-то выстрелит и не будет трупов боевиков, тот на следующую засаду пойдет с деревянным автоматом, который выпилим под моим руководством лобзиком. Наступила тишина.

Ее разорвали автоматные очереди в районе поста охранения. Три коротких и две длинных, затем гул от одновременной стрельбы нескольких автоматов и тишина... Я запросил пост охранения, и он доложил, что их обстреляли, а они ответили.

«Неужели обошли? – думал я. – Но где?» Впрочем, в таком тумане не мудрено не заметить врага. Дав команду тройкам ждать дальше, я уже не надеялся на успех, до утра оставалось недолго, туман начал рассеиваться. Примерно в пять я дал команду собраться в точке сбора. Замерзшие и уставшие бойцы радостно выполнили мою команду.

Построив походный порядок, мы медленно двинулись в сторону группировки. Для движения был выбран тот же маршрут, который проходил по широкой дорожке, различимой в темноте. Мы уже проделали почти треть обратного пути. Шли тихо, но той осторожности, как вначале, не соблюдали.

Хруст веток и тяжелые шаги нескольких пар ног все услышали одновременно и замерли одновременно. Это были не «галюны». Звук шел справа впереди и перемещался навстречу нам. Позиция у нас была неудобная, но мы тренировали подобные ситуации, и каждый знал, что делать в подобном случае. Поэтому количество моих команд было минимальным.

— Всем тройкам – осветительные! — по этой команде по одному бойцу в тройке приготовили 50-мм РОП для пуска, прижав их к выемке между стволом и газовой камерой автомата. Они несколько передвинулись от товарищей, чтобы не демаскировать их пуском ракет. Затем, оперев приклад в землю, направили ствол в небо, так, чтобы ракеты, взлетев, оказались за нашими спинами. Тогда они хорошо освещают противника и ослепляют его, а мы оказываемся скрытыми тенями от кустов и деревьев.

Выждав небольшую паузу, даю команду:

— Выстрел!

Четыре ракеты с шипением устремились вверх и, издав глухие хлопки, вспыхнули, осветив местность достаточно ярким светом.

Мы ясно видели, как вздрогнули от неожиданности, а затем бросились бежать три человеческих фигуры с оружием. До них было метров тридцать.

— Огонь! — уже кричал я. Звук автоматных очередей разорвал тишину, каждый успел, пока горели ракеты, выпустить почти по магазину. Фигуры упали, кажется, один что-то кричал, но выстрелы заглушали все. Ракеты потухли, стрельба закончилась, повисла звенящая тишина.

Я доложил Мокрову о случившемся, уточнив, что у нас потерь нет. Он приказал следовать в группировку, оставив осмотр места боестолкновения на утро. До поста охранения мы добрались без происшествий и остались там с нетерпением ждать рассвета.

Когда рассвело, мы двинулись к месту ночного боя. Я опасался, что мы могли попасть не во всех, и боевики, вызвав подмогу, унесли трупы своих товарищей. Но к счастью, этого не случилось. На месте боя нашему взору предстали три трупа, буквально нафаршированные пулями, у одного была прострелена даже ствольная коробка находившегося при нем автомата. Документы были только у одного, это был военный билет, когда-то выданный Шалинским военкоматом. Так что нашими трофеями стали три автомата и один военный билет.

Итог

Наш результат обрадовал руководство группировки, особенно артдивизион, командование которого, как на экскурсию, водило своих бойцов смотреть на убитых боевиков. Вечером следующего дня они нас пригласили в баню, сколоченную из снарядных ящиков, что было для нас лучшей благодарностью. Вскоре активные боевые действия сместились на юг, и части начали перемещаться туда. На фоне крупных боевых столкновений наш результат казался каплей в море. Но мне уже было ясно, что война скоро станет партизанской, а полученный здесь опыт будет востребован еще долго. После нашего отъезда обязанности по борьбе с обстрелами возложили на разведроту одного из мотострелковых полков. Знаю, что у них было две успешных засады, а потом одна из групп, выходивших на операцию, подорвалась на mine. Два бойца погибли, пятеро были ранены.

С Мокровым мы провоевали вместе еще год. Он был командиром 173-го отряда специального назначения ГРУ, а я командовал ротой специальных мероприятий, которая входила в состав этого отряда. Его практические советы были полезными, ценными и краткими. Опыт востребованным. Главное – мы научились думать и воплощать свои мысли в боевой результат, без опоры на общепринятые схемы и рекомендации.

ДОРОГА В АГИШТЫ

(В.Дмитриев)

Начало лета 1995 г. было жарким. Войсками контролировалась вся равнинная часть Чечни. Но горы были не наши. Боевики в горной Чечне держались крепко, а военные стояли в предгорье, перекрывая основные дороги. Входить в опасные узкие ущелья не рисковали. Деревья покрылись листвой, надёжно скрывая позиции боевиков, встречавших точным огнем нашу бронетехнику. Это говорило о неизбежности армейской операции, и она не заставила себя долго ждать.

173-й отряд, перебазировавшийся на Ханкалу, ещё занимался своим обустройством. 1-я и 3-я роты переехали позже 2-й, и им предстояло ещё много сделать для обеспечения своей жизнедеятельности. Так что обеспечи-

вать армейскую операцию поручили 2-й роте. Я был не так давно назначен её командиром, все офицеры и прапорщики, перешедшие под моё начало, были из 22-й бригады, поэтому мы знали друг друга хорошо. Все были с боевым опытом, а Паршонков и Юрин, вернувшиеся из плена, кроме боевого опыта имели личные счёты с боевиками. Все ребята надёжные, а вот с бойцами нам не повезло. Как всегда бывает при формировании нового подразделения, туда отправили весь сброд со всех отрядов. Бойцы, с которыми мы воевали зимой и в начале весны, отслужили установленные сроки службы и уволились в запас. Новых приходилось ускоренно учить и приучать к нашим требованиям. При этом качество подготовки страдать было не должно. Наша рота расположилась в разрушенном сарае, который был отремонтирован нашими же силами. Из досок от бомботары сделали пол, потолок, стены, нары, на которых спали бойцы, обожгли всё это газовой горелкой и покрыли лаком. Это творение напоминало изнутри древнерусскую избу или гридницу, в которой жили дружинники. Вдобавок ко всему, у нас появилась техника, которую требовалось обслуживать, а вместе с техникой механиководители с наводчиками-операторами. Эта братия была переведена из пехоты. С ними пришлось намучиться вдоволь. Дисциплины никакой, зато любовь к алкоголю и способность к различным залётам превышала все пределы. Их уговаривали, воспитывали, учили и даже колотили. Проку было мало, до тех пор пока в роте не появился зампотех. Тогда всех механиков и наводчиков соединили под его началом и контролем. С дисциплиной у них по-прежнему было плохо, зато все БТР-80 были на ходу, и водили их они хорошо.

Исходя из поставленной комбатом задачи, нам предстояло действовать в интересах Владивостокской бригады морской пехоты. Бригада должна была взять под контроль дорогу от Шали до Агишты. Это была предгорная и горная местность, покрытая зелёным лесом. В лесу я не воевал, афганский опыт нам не подходил, так как там горы лысые. А опыт наших товарищей, воевавших в этих горах, закончился пленом, к тому же зимний лес отличается от летнего. Посовещавшись с офицерами роты и вспомнив всё, что могло пригодиться, приступили к тренировкам.

Во-первых, обнаружение противника возможно на более близких дистанциях, чем в другой обстановке, поэтому огневой контакт при встрече с ним будет очень вероятен, во-вторых, в лесу затруднено ориентирование и определение своего местоположения, в-третьих, отсутствие визуального контакта со своими дозорами затрудняет манёвр и взаимодействие.

Вся подготовка осложнялась отсутствием мест, где это можно было потренировать, поэтому тренировались тактико-строевым методом, отрабатывая действия троек до автоматизма при минимальной подаче команд. Разбуди ночью любого бойца, он чётко мог доложить свой манёвр, порядок открытия огня, маскировки, перемещения, постановки мин, отхода и вероятный пункта сбора. Поскольку противник мог появиться с любого направления, отрабатывали действия при его появлении с фронта, тыла, слева и справа. Половину тренировок проводили ночью и со стрельбой боевыми патронами. Особо тренировали порядок передвижения в условиях высокой

вероятности встречи с противником. Это был очень медленный способ передвижения, который предполагал движение одной из троек только под прикрытием другой до места окончания визуального контакта. После этого двигавшаяся тройка занимала позицию и прикрывала движение остального подразделения.

Также отработали организацию засады сходу, вспомнили проведение поиска, когда тройки отсылаются в разные стороны, а подразделение определяет свои дальнейшие действия по результатам их работы. С офицерами и прапорщиками провели занятия по авианаводке и арткарректировке. Казалось, что в короткое время мы впихнули в бойцов такой объём знаний и навыков, на который в обычной обстановке уйдёт не менее года. Через неделю мы были готовы к выполнению задачи.

Выезд

Когда забрезжил теплый рассвет конца мая, колонна из четырёх БМП тронулась в сторону Шали. Комбат решил, что для действий в горах БМП подойдут лучше БТРов, и поэтому мы использовали технику третьей роты. В дальнейшем практика, когда использовалась техника, которая лучше подходит для выполнения задачи, а не закреплённая по штату, стала обычной. Из состава роты выехало две группы по двенадцать человек, также с нами был радист и два человека с группы минирования. До места расположения морской пехоты добрались без происшествий. Большая часть дороги прошла по шоссе. Казалось, войны нет. Вся трасса забита плотным движением, а по обочинам населённых пунктов шла бойкая торговля. Перед Шали движение стало ещё плотнее, только недружелюбные взгляды глаз с обочин рассеивали иллюзию мирного времени.

Несколько километров не доезжая Шали, свернули влево, объезжая этот населённый пункт по просёлочной дороге. Проехав по ней около часа, прибыли в центр боевого управления армейской операцией. Командир морпехов отреагировал на наше появление буднично. Спокойно выслушав доклад, предложил расположиться в ближайшем овраге, а обстановку узнать у начальника разведки. Так мы и поступили.

Начальник разведки кратко ввел нас в курс событий и рассказал о дислокации наших войск. Войска стояли на равнине, перекрывая дорогу, ведущую от Шали в Агишты. Причем наши позиции заканчивались в двух километрах слева и справа от дороги. Дальше шла неконтролируемая зона. Рассказал начальник разведки и о трудностях, перед ними стоящими. Разведрота дивизии попыталась сходу войти в ущелье, но головной БТР был подбит, погиб механик-водитель и два бойца. Огневые точки боевиков удалось подавить и вытащить роту из-под огня, но уничтожить позиции боевиков не получается. Они скрыты растительностью и не поддаются обнаружению с помощью наблюдения.

В эту ночь группа асбестской бригады готовилась провести разведку вдоль дороги с целью выявления позиций боевиков и пеших маршрутов для занятия господствующих высот. Мы с командирами поспешили к коллегам

в надежде ещё что-то узнать о боевиках, оставив бойцов под руководством прапорщиков оборудовать лагерь.

Асбестцы в своём составе солдат срочной службы не имели, только контрактников, ребят опытных и специально подобранных. К задаче подходили основательно. В каждой тройке имелся ночной бинокль, ночной прицел и бесшумное оружие. Снаряжение было хорошо подогнано, что профессиональный взгляд сразу же подмечал. Больше, чем сказал начальник разведки, сказать они не могли и сами надеялись ночным выходом кое-что прояснить. Поэтому мы не стали их отвлекать от подготовки и вернулись в расположение.

Расположенные в сухом овраге БМП были поставлены задом, машина к машине. А между ними оборудовано место для отдыха и приготовления пищи. Впоследствии мы всегда так расставляли машины при базировании в составе сводных подразделений. Во-первых, дополнительная защита; во вторых, контроль имущества; в-третьих, мы скрыты от посторонних глаз. Вскоре стемнело, поскольку задач нам ещё не поставили, офицеры и прапорщики за ужином позволили себе по пять капель. Нашу неспешную беседу с сухпайком и водочкой у костра под звёздным небом прервал сильнейший взрыв. Находившиеся в охранении бойцы доложили, что взорвалась самоходная НОНА, базировавшихся неподалёку артиллеристов, да так, что оторвало башню и отбросило в сторону. Всё расположение войск ожило тревожной суетой, предполагали нападение боевиков, обстрел из гранатомётов или даже танка, который, по данным разведки, у боевиков был. Но всё оказалось проще, обыденнее и от того печальнее. Бойцы курили прямо в башне, от чего загорелась промасленная ветошь, которую они тут же бросились тушить, когда поняли, что без воды не справиться, то один побежал за водой, а второй остался продолжать борьбу с пожаром, в это время боекомплект и сдетонировал. Произошло это непосредственно от пожара или оставшийся в самоходке боец сделал что-то фатально неправильное, осталось тайной. Он оторвался от самоходки вместе с башней, причем тело приземлилось на землю, а душа улетела навсегда...

На такой вот тревожной ноте окончилась первая ночь армейской операции. Утром мы поспешили к разведчикам из Асбеста. Нам не терпелось узнать результаты их ночного выхода. В расположении асбестовцев мы застали нервное напряжение и смертельно уставших людей. Группа сидела у костра, кто пил чай, кто курил. Один из контрактников стучал зубами, его трясло, он, глядя на нас, повторял:

— Ребята, не лезьте в зелёнку, там задница!!!

Их волнение передавалось и нам, но хотелось знать подробности их ночного выхода. Командир группы рассказал следующее:

«Группа двигалась параллельно дороге, на удалении метров 300–500 от неё. Примерно через два часа у самого подножья горы наткнулась на боевиков. Обстрел начался с трех сторон, в кромешной темноте. Приборы ночного видения вырубали лишь частично, изображение на зелёном фоне сливалось с густой растительностью и затрудняло обнаружение противника.

Где точно находится группа, мы не знали, и артиллерия нам помочь не могла. Заняв круговую оборону, отстреливались одиночным огнём на звуки выстрелов противника. Боевики начали кричать: «Русские, вы окружены, сдавайтесь!».

Мы отвечали на голоса противника стрельбой, примерно через полтора часа у нас осталось только треть боекомплекта, а с приближением рассвета ждала гибель. Посовещавшись, решили ползком выбираться в сторону наших позиций. Ползли медленно, на каждый звук с нашей стороны боевики открывали огонь. Не знаю, сколько мы проползли, но наш путь пересекла небольшая расщелина глубиной полметра. Зная, что она ведёт вниз, мы двинулись по ней. По крайней мере, здесь была защита от обстрела. С рассветом мы были на равнине, километра полтора западнее наших позиций. Преследования не было, и мы вернулись на базу».

Выход группы подтвердил наличие боевиков в ущелье, немного уточнил их место расположения, но на вопросы: где конкретно их позиции? сколько их? чем вооружены? где их базы? – ответа не было.

Вскоре меня вызвал начальник разведки и поставил ту же задачу, что и до этого асбестовцам: уточнить позиции боевиков и маршруты выхода на господствующие высоты.

Выход в горы

Весь день мы вели наблюдение с разных мест расположения войск, двигаясь вдоль фронта наших позиций. Используя БМП, выдвигались за фланги расположения на несколько километров. За это время произошло ещё одно событие, повлиявшее на наш план выхода. Около десяти часов утра по дороге от позиций боевиков на большой скорости мчалась в сторону наших позиций машина «Жигули», дежурные огневые средства машину «прохлопали» и огонь по ней открыли, только когда до ближайших окопов оставалось 250 метров. Стреляли из КПВТ БТР-80 и из ПКМ. Попали. Машина свернула на обочину и задымилась. Наблюдатели видели, как с водительского места выскочил человек в камуфляже с автоматом и рюкзаком. Он быстро скрылся в кустах. По нему открыть огонь не успели.

Что это было, разведка наших огневых точек или отчаянная попытка безумца прорваться на равнину? Над этим думали в штабе группировки. Я же думал о другом: «Если сплошного фронта нет, то тот, кто ехал на машине, спокойно попадёт в Шали, обойдя наши позиции слева или справа, к тому же мы видели людской поток местных жителей, которые по просёлочным дорогам шли в горы и с гор. Среди них, наверняка, были и боевики. Если они там спокойно ходят, значит пройдем и мы».

Дальнейшие рассуждения привели к тому, что у боевиков там, если что и будет, то только пост на тропе, который можно обойти, ведь основные силы здесь, перед группировкой. Следовательно разведку надо вести с того направления, двигаясь не по тропе, а по нехоженному лесу.

Обсудив и детализировав эти соображения с офицерами и прапорщиками, я оформил решение на карте и доложил руководству группировки.

Вечер ушёл на доподготовку к выходу, детализацию задач, уяснение порядка действий, организацию взаимодействия с артиллерией, проверку связи, определение маршрута и пунктов сбора. После все легли спать. Как ни странно, спал я крепко и спокойно.

Встали в полчетвёртого утра. Страх не было, а ощущение напоминало чувство детства, когда во время жизни на Дальнем Востоке в отдалённом военном гарнизоне вставал на летнюю рыбалку. По темноте ускоренным маршем выдвинулись на восток, пройдя километра три вдоль подножия хребта. Воздух был свежий. Безветрие. Полное южных ароматов начало лета. Вскоре начало светать, и мы чуть не наткнулись на местных жителей. С этого момента о красотах природы пришлось забыть. Отправив группу, обеспечивавшую возвращение, с задачей, при необходимости прибыть с бронегруппой на определённый здесь пункт сбора, мы начали осторожный подъём в горы.

В головном дозоре шли старший лейтенант Тимофеев, прапорщик Паршонков и боец-срочник, проворный и внимательный. В тыловом дозоре шёл лейтенант Смирнов с прапорщиком Гилёвым и контрактником-снайпером Юриным. Я с замом по воспитательной работе перемещался в ядре группы, осуществляя непрерывное управление перемещением и сличение карты с местностью. GPSов тогда не было. Рядом со мной перемещался контрактник связист Иппатий. Как разведчик он был никакой, зато связист от Бога. Его способность проводить сеансы связи, когда у других не получалось, поражала воображение. С собой он тащил коротковолновый «Северок-К», хорошо зарекомендовавший себя ещё в Афгане, и УКВшный «Арбалет», заменявший громоздкую Р-159. «Арбалет» был компактнее и легче, но капризен и не предсказуем. (Во время Первой чеченской кампании вопрос связи стоял остро. Это сейчас сетью мобильной связи покрыта вся территория, а спецназ получил маленькие и надежные радиостанции, выпущенные по лицензиям иностранных фирм. В то время мы об этом даже не мечтали, первые японские радиостанции у нас появились только через полгода после описанных здесь событий.)

По мере углубления в лес пришло волнение, часто приходилось останавливаться, чтобы сориентироваться и провести доразведку маршрута. Хоть мы и отработали порядок перемещения, горно-лесистая местность постоянно его путала, от чего приходилось либо пренебрегать безопасностью, либо ещё более замедлять движение. Маршрут старались выбрать скрытный и где маловероятна постановка мин. В задачу тылового дозора входило не только наблюдение за тылом, но и постановка скрытых меток, по которым мы могли быстро вернуться к пункту сбора. За час мы проходили не более километра, и на вершине оказались только к обеду. Нам везло, мы не были обнаружены и уже находились в районе разведки. Вдруг Тимофеев в головном дозоре вскинул руку. По этому сигналу все замерли. Я превратился в слух и услышал в отдалении голоса.

Показав знаком всем лечь, переместился к головному дозору, но они пока никого не видели. Но направление звука определили точно. Я дал

команду группе развернуться для прикрытия действий головного дозора, а им аккуратно выдвинуться вперед и посмотреть, кто там.

Дозорные где на корточках, где ползком начинали выдвигаться в сторону голосов. Одной из троек я поручил прикрывать их действия. Ждём. Долгие минуты ожидания приносят результат, дозорные возвращаются, и Коля Тимофеев шёпотом докладывает:

— Там три бородача в камуфляже, у одного пулемёт, остальные с автоматами. Сидят у тропы на спиленном дереве, наблюдения не ведут, похоже это охранение или пост. Удалось подойти метров на 50, ближе опасно. Могут заметить.

Сейчас наша задача разведка, а не налёт, поэтому принимаем решение обойти бородачей и посмотреть, что там дальше. Волнение усиливается. Когда противник близко, все чувствуют себя неудобно. Невысокий лес закончился, дальше высокие деревья и долгожданный хребет, под высокими кронами обзор лучше, но негде маскироваться. Оставив основную группу в кустах, выдвигаюсь с головным дозором на хребет. Первый взгляд за него заставил замереть, и немедленно залечь. Внизу, метрах в 200, был виден лагерь боевиков. Четыре землянки, замаскированный ветками УАЗик и ГАЗ-66, сколоченный из досок стол, за которым сидело пять человек. Движение было и возле одной из землянок. Большого рассмотреть не удалось. По нашим прикидкам, лагерь на 40–60 человек.

Отползаем назад к своим, решаем пройти вдоль хребта и посмотреть обстановку у дороги на Агишты. Пройти удастся метров 300, как снова натываемся на охранение. Здесь оно расположено прямо на хребте, поэтому заметили мы его метров со 100. Видимо, там ещё один лагерь. Дальше судьбу решили не испытывать и возвращаться.

Немного отойдя от опасного места, делаем привал. Здесь ко мне подходит Паршонков:

— Командир, может, накроем первое охранение? Сами проснутся. Там удобно.

Я говорю, что это не входит в нашу задачу, но у него свой мотив:

— Командир, меня в плену шесть раз на расстрел выводили. Выведут и заставят копать себе могилу. А когда выкопаю, ставят возле ямы, очередь над головой и опять на нары. Неужели мы так уйдём?

Советуюсь с замполитом, он не против, остальные офицеры тоже поддерживают. Решаем работать бесшумным оружием. У нас в группе два АКМС с ПБСом и два «Винтореза», из них и создаем огневую группу, остальные открывают огонь только, если понадобится. После этого сеанс связи, вызов бронегруппы на точку встречи и наш отход туда.

В группу входят лейтенант Смирнов, прапорщик Паршонков, прапорщик Гилёв и два контрактника. Начинаем работать. Сначала выдвигаемся на место, откуда в первый раз услышали голоса. Здесь разворачиваемся в сторону охранения боевиков и обеспечиваем выход на боевые позиции огневой группе. На станциях работаем только тонами. Минут через 10 получаем доклад огневой группы, что они на позициях.

Про себя думаю, что ещё не поздно отменить этот налёт, но рука сама жмет тангенту с подачей длинного тона – команды на открытие огня.

Щелчки затворов и звуки выстрелов кажутся оглушительно громкими.

«Ничего себе бесшумное оружие», — думаю я. Но тут же вижу бегущую к нам огневую подгруппу. Их лица радостно-возбуждённые.

— Попали, командир, во всех троих попали, — докладывал Тимофеев.

— Двое даже не дёрнулись, а третий только успел встать во весь рост, как срезали и его.

— Иппатий, давай связь! — сказал я связисту, продумывая в голове доклад. Связь работала хорошо, и вот я уже докладывал начальнику разведки:

— «Амур-18», я – «Донец-85», обнаружил базы боевиков, ухожу от преследования, прошу огневой налет по квадратам... (и выдаю координаты первой базы). Прошу бронегруппу в пункт сбора.

После доклада мы почти бегом спускались вниз. Досмотр результатов огня я запретил из соображений безопасности, а через пару минут за спиной послышались артиллерийские разрывы.

До пункта сбора добрались за полчаса, бронегруппа уже была на месте. Ещё через 20 минут я докладывал результаты выхода начальнику разведки.

Главным результатом были найденные маршруты выхода на высоты, определение расположения баз и наше возвращение без потерь.

Начальник разведки был доволен, и нам разрешили отдыхать.

Армейская операция

Примерно в три часа ночи небо осветилось «люстрами» – специальными осветительными бомбами, брошенными авиацией. Артиллерия начала стрельбу осветительными снарядами, стало светло, как на хорошо освещённой улице, затем горы вспыхнули ослепительной вспышкой, содрогнулись и отозвались громом, то полетели вакуумные бомбы на обратные склоны ущелья. Примерно в четыре утра заработали «Грады» и ожили стоявшие рядом с нами самоходки НОНА. В пять утра роты морской пехоты поднимались указанными мной маршрутами на ближайшие горы, а в шесть колонна бронетехники уже втягивалась в ущелье. К обеду войска вышли возле села Агишты.

Не знаю, в какой степени наши разведанные послужили основанием для подобных действий, скорее всего, они были лишь небольшим кирпичиком в совокупности анализа, авиаразведки, радиоразведки, оперативной, агентурной и других видов разведки, но операция прошла успешно. Нас привлекли только после обеда на обеспечение встречи мотоманёвренной группы десантников. Она обходным манёвром, через горы, должна была выйти южнее Агишты. На своих БМП мы быстро доехали по дороге, которая ещё вчера была непроходимой до указанного места. Это была небольшая открытая поляна, куда выходила горная дорога через перевал. На открытой поляне мы чувствовали себя неудобно. Но ждать надо именно здесь. Вскоре послышался отдалённый рокот моторов, а через 20 минут появилась первая БМД десантников. Но они, вместо того чтобы обрадоваться встрече, быстро

изготовились к бою в нашу сторону и затаились. Я дал условленный сигнал – две красных ракеты вверх, они ответили, но не вышли. Тогда я голосом прокричал пароль, мне ответили отзыв, но переспросили, кто мы и откуда. Тогда я их послал подальше и сказал, что мы сейчас развернёмся и уедем, а они сами пусть ищут штаб группировки и уточняют свои задачи. Это подействовало, и встреча состоялась.

Здесь же я узнал причину их осторожности. Когда они двигались по горной дороге, из леса вышли два морпеха, все атрибуты при них: каски, тельняшки, эмблемы с якорями, повязки из лоскутов тельняшек на руке, обозначающие, что свои. Морпехи радостно замахали десанникам, те замахали им в ответ. Когда до колонны осталось метров 50, первый «морпех» вскидывает на плечо гранатомёт и стреляет по первой машине, а второй дает очередь из автомата. По счастливой случайности граната снесла только брезент, сложенный на первой машине, а очередь прошла над головами. Десантников словно ветром снесло с брони. Ответный огонь результата не дал. «Морпехи» благополучно скрылись в лесу.

В этот же день все занимались досмотром баз боевиков. Мы тоже приняли в этом участие. Всем хотелось побывать на месте налёта. Поэтому я попросил у начальника разведки разрешения досмотра обнаруженных мною баз. Теперь мы туда заходили «духовской» дорогой по ущелью. Здесь пригодились наши минёры. Они осматривали тропу и саму базу на предмет отсутствия мин. База была добротная, землянки в три наката из толстых брёвен, нары на 20 человек, столы, скамейки и даже вешалки. Артиллерия похоже базу пощадила, небольшие воронки говорили, что база обстреливалась, но все землянки были целы. Даже одежда висела на вешалках. Обнаружили мы и полевой склад продуктов. Консервы, макароны и соленья. Всё это отравить невозможно, и продукты пополнили наш рацион. По всему видно, что базу покидали в спешке. Но всё же боевики именно покинули базу, а не были уничтожены авиацией и артиллерией.

После осмотра базы, мы начали осторожный подъём на хребет к месту нашего налёта. Хотелось посмотреть на место боя, обнаружить трофеи мы не надеялись. Здесь нас ждала удача. Тела всех трёх боевиков оказались на месте. Один, похоже, некоторое время был живой и пытался сам себя перевязать, но не смог, умер от шока или потери крови. Оружие лежало рядом, документы оказались при них. Трофеям мы обрадовались. Ведь результат деятельности разведки в спецназе оценивался Афганским принципом: «Есть трофеи (оружие и документы противника) – есть результат». Всё остальное в расчёт не бралось. После осмотра базы и места налёта мы вернулись в пункт временной дислокации.

Также у нас имелась трофейная корова, которая стала нашим ужином. Мы имели полное право на хорошую трапезу, задачи были выполнены, и на следующий день планировалось возвращение на Ханкалу.

В свете происшедших событий я не обращал внимание на военных, ходивших мимо нас. Вдруг Виктор Паршонков замер, челюсть у него отвисла:

— Это... Это же Абу... Абу Мовсаев, начальник следственного изолятора, у которого мы были в плену.

Я тоже обратил внимание на человека в НАТОвском камуфляже с ярко выраженной кавказской внешностью, проходившего мимо в сопровождении двух полковников.

— Абу! — окликнул его Виктор, тот обернулся, на секунду замешкался... и расплылся в улыбке.

— Здравствуй, Виктор, здравствуй. Вот кого не ожидал здесь увидеть, так это тебя. Ты обещал уволиться и не воевать больше, но это не моё дело. Ты, я вижу, удивлён, увидев меня здесь? — продолжал он. — Давай представлюсь! Агент федеральной службы контрразведки Абу!

Виктор не знал, как реагировать, подошедший к нему Юрин тоже был в замешательстве.

— Быстро всё не объяснишь, ты вечером заходи в бункер. (Это бетонное сооружение находилось в 300 метров от нас.) Там за рюмочкой и поговорим.

Вечером Паршонков с Юриным отпросились у меня на встречу с бывшим надзирателем. Вернулись они только под утро. Оба мрачные. То ли от выпитого, то ли от неприятных разговоров, которые для нас остались тайной.

Последний выход и трагедия Паршонкова

Утром пришёл начальник разведки. В лесу морпехи нашли бетонный бункер с железной дверью. Он закрыт. Открыть не получается: нет ни взрывчатки, ни подрывников. Поэтому он нас просил выехать с нашими минёрами и подорвать этот бункер.

Я согласился. Подобная операция боевой считается может с большой нагрузкой, зато, если в бункере будут трофеи, нам как участникам операции обязательно что-либо, идущее в результат выхода, перепадёт. Из трофеев у нас пока один пулемёт и два автомата, по афганским меркам смешной результат. Там, бывало, группа в засаде брала сотни стволов и тонны боеприпасов. Мы ещё не знали, что у Чеченской войны будет другая статистика, в основном удачные разведыводы примерно 3–5 стволов и давали.

Быстро собрались и в составе приданных минёров и тройки Тимофеева на одной БМП выехали к бункеру.

Пока мы ехали, морпехи с помощью танка и троса сумели открыть дверь. Бункер оказался пустой. Немного раздосадованные выехали в обратном направлении. Ехали достаточно быстро. Ущелье само по себе неудобное место, а покрытое лесом с удобными позициями для засады вдвойне. Уже был виден выезд на равнину. Механик-водитель принял в сторону, пропуская встречную колонну бронетехники, и машина подпрыгнула на воронке от снаряда. Трянуло сильно, я удержался с трудом, но Виктор Паршонков, сидевший сзади, удержаться не смог и его сбросило с брони, ударило о проезжающий мимо БАТ и затем только кинуло на землю.

Мы затормозили и подбежали к нему. Из носа и ушей у него шла кровь, плечо было вывихнуто, на ноге открытый перелом, из которого торчала бе-

лая кость. Он был в шоке, но громко кричал. Оказав первую помощь, быстро положив его на носилки, отвезли к мобильному госпиталю, который располагался как раз в том бетонном бункере, где Виктор встречался с Мовсаевым. Врачи сделали ему перевязку и вертолётom отправили в госпиталь. Умер он через месяц в Ростовском госпитале. У него был перелом основания черепа.

Вот таким трагическим происшествием закончился в целом удачный боевой выход.

Что касается Мовсаева, он всегда был на стороне боевиков и только притворялся в лояльности к России. В период Второй чеченской кампании (22 мая 2000 г.) группа спецназа ГРУ под Сержень-Юртом провела успешную засаду. Одного из уничтоженных боевиков спецназовцам удалось опознать. Это был Абу Мовсаев.

ЗАСАДА НА ВЪЕЗДЕ В ГРОЗНЫЙ

(В.Дмитриев)

Осенью 1995 г. Чечня условно находилась под контролем федеральных сил. Условно, потому что войска были по всей её территории, но реальное количество нападений на воинские подразделения только увеличивалось. Многие населённые пункты находились под скрытым или открытым управлением сепаратистов. Части и подразделения несли потери от подрывов, обстрелов, нападений из засад, но эффективного противодействия партизанской тактике боевиков оказать не могли.

Боевики неожиданно появлялись, проводили свои бандитские акции по неуспевающим отреагировать на них военнослужащим и безнаказанно растворялись в безликой толпе мирного населения. В этой обстановке 173-й отряд получил боевое распоряжение на проведение поисково-засадных действий. Причем территорией их проведения значилась вся Чечня. Командир отряда подполковник Мокров вызвал всех командиров рот на совещание и довёл распоряжение, снабдив его своими замечаниями.

Замечания были следующие:

— Что-то я не припомню в «наставлении по боевому применению частей и подразделений специального назначения» термина «поисково-засадные действия». Есть поиск, есть засада, но вместе они не соединяются. Мы что должны кого-то найти, а затем «засадить»?

— Почему искать надо по всей Чечне? Похоже, в группировке не знают даже вероятных мест нахождения боевиков, или они находятся по всей территории.

В любом случае задача требовала выполнения, и Мокров выслушал наши предложения. Мы уже знали примерный алгоритм работы в таких случаях. Он был прост: днем изучаются вероятные маршруты движения боевиков, ночью выставляются засады.

Командир отряда никогда не ограничивал полёт нашей фантазии, если она не выходила за грань оправданного риска. Поэтому все предложения были рассмотрены, и как водится в армии, инициаторы стали исполнителями. Моей роте выпало работать в окрестностях Грозного.

С одной стороны, это центр, как магнит, притягивающий боевиков. С другой, плотность мирного населения, насыщенность различными силовыми структурами здесь намного выше, чем где-либо. Всё это создаёт сложности в распознавании боевиков, и ошибка в объекте засады будет стоить дорого.

Пришлось начинать с изучения плана Грозного. Достаточно подробный план и карта Чечни у нас была, но вот с обозначением места нахождения всех федеральных частей была проблема. Если пункты дислокации подразделений министерства обороны мы знали, то подразделения МВД своих мест базирования, блокпостов и секретов не сообщало. Пришлось потратить неделю на езду по городу и нанесение тактической обстановки на карту. Зато теперь мы хорошо ориентировались в Грозном и подъездах к нему. Оставалось проанализировать расположение частей и определить въезды в город, неконтролируемые федеральными силами. Таких оказалось восемь. Ещё три дня ушло на то, чтобы днем проехать по ним. Три из восьми пришлось отбросить по причине отсутствия возможности проезда по ним, оставшиеся пять вполне подходили для засады.

Новая тактика

Для действий в новых условиях нужна была новая подготовка. Боевики имели пособников в рядах Чеченской милиции, которые оказывали им всяческую помощь и поддержку. Иногда доходило до открытого вооружённого противостояния. В этом случае было необходимо быстро отработать из засады, тут же собрать трофеи (оружие, документы) и уйти. Афганская практика, ждать до утра и с рассветом делать досмотр результатов ночных действий, подтянув авиацию и броню, в нашем случае не подходила. Поэтому алгоритм работы был следующим: ставили несколько мин направленного действия МОН-50, МОН-100 или МОН-200, а в месте предполагаемой остановки объекта засады – мины ОЗМ-72. Объектом засады мог являться одиночный легковой или грузовой автомобиль. Мины приводились в действие электрическим способом. После подрыва проводился обстрел из бесшумного оружия, блокирование и контроль действий противника с незамедлительно следующим досмотром. Поражение всеми видами оружия планировалось только в случае неэффективности бесшумного огня. В такой последовательности противник или правоохранители, которые придут на место происшествия, потратят определённое время, прежде чем определят, что это была именно засада, а не подрыв на mine. Этого вполне достаточно, чтобы проводившая засаду группа отошла на безопасное расстояние.

В подготовке к засадам акцент сместился в сторону наработки навыков быстрой постановки и маскировки мин. Были сделаны специальные маскировочные заготовки из проволочных каркасов, обтянутых маскировочной

сеть, к которым легко крепилась любая растительность. Бойцов тренировали в быстрой постановке мин коллективными действиями. Это когда один готовит место, другой мину, третий разматывает и маскирует линию, другие обеспечивают им безопасность. Делать это надо было максимально быстро и скрытно. Тренировались днем, затем ночью без осветительных приборов. Когда бойцы могли за минуту развернуть минную засаду и при этом случайно проходящий по обочине человек визуально не мог её обнаружить, приступили к практической отработке засадных действий. Между расположением отряда и дорогой на Аргун находился большой карьер. Туда БТРом мы притащили остов разбитой легковушки, который изображал машину противника и на нем отрабатывали практическое действие мин и огня стрелкового оружия.

Выглядело это следующим образом: группа занимала условные боевые позиции, в остове машины размещали бумажные мишени. Затем группа минирования ставила мины, остальные занимались охраной их действий. Иногда давались вводные о неожиданном появлении людей, противника и автомобилей. Минёры при этом должны были замаскироваться.

Командир по радиостанции подавал команду подрыва и огня бесшумным оружием. После команды о прекращении огня выдвигались подгруппы блокирования и обеспечения действий досмотровой подгруппы. Отрабатывался и огонь всеми средствами с последующим отходом. Все было максимально реально. Мины подрывались настоящие, благо в них недостатка не было. Стрельба также велась боевыми патронами. Иногда ставили мишени в мертвых зонах, они изображали спрятавшихся там боевиков, по ним вели огонь подгруппы блокирования и досмотровая подгруппа. Результат минного и огневого воздействия проверялся по количеству дырок в мишенях и остове легковушки.

К сожалению, после нескольких тренировок остов стал, как решето, и пришлось ограничиться только сменными мишенями. Теперь все бойцы хорошо владели постановкой мин, определяли направление полёта осколков, имели «чувство взрыва» (понятие его силы, безопасного удаления и надёжного укрытия). Оставалось реализовать результаты тренировок на практике.

Засада экспромтом

Каждую ночь группы отряда уходили в засаду. На второй день успех был у 1-й роты – они подстрелили пару «душков» в предгорье. К концу недели отличилась 3-я рота – они уничтожили «Газель» с боеприпасами в районе Аргуна. У нас результата не было. То ли засекали наши засады, то ли боевики не ездили в Грозный по ночам. Люди устали от недосыпания и холода. Им необходим был отдых. Почти все возможные маршруты движения боевиков были отработаны. Оставался один, который мы не считали перспективным. Скорее для очистки совести, чем в надежде на результат я решил в субботу выехать с контрактниками на засаду, чтобы отработать и его. Это было в районе Черноречья. Район считался неблагополучным. Ехать туда

надо через весь город, что не останется незамеченным, вдобавок место засады находилось всего в двухстах метрах от блокпоста МВД, который никто не оповещал, что мы будем работать рядом с ними.

В это время темнело рано, шёл моросящий дождь, превративший разбитые войной дороги города в грязное месиво. Выехали мы на двух БТР-80 часов в 6 вечера. Город был полон машин и спешивших домой людей. До Черноречья мы добрались в плотном потоке машин, перед блокпостом ушли вправо, а затем на улочку, идущую параллельно центральной дороге и заканчивающуюся просёлочным маршрутом. Там, где заканчивалась улица и начиналась просёлочная дорога, мы съехали с насыпи в лесопосадку, решив переждать пару часов. Это была окраина, но здесь также ходили пешеходы и проезжали редкие машины. Естественно, наше появление остаться незамеченным не могло. Расставив БТРы так, чтобы можно было быстро выехать на дорогу и при этом их не было видно с дороги, мы заглушили моторы. Выставив наблюдателей у дороги и охранение, ждём в полной тишине. Примерно через полчаса все движения прекратились, я решил для верности подождать ещё полчаса и только после этого пешком выдвинуться к месту засады и начать установку мин.

Место для засады было неудобным, поскольку здесь дорога метров через 100 делала крутой поворот, при этом сама она шла по насыпи, а места вокруг были заболоченными. Мы находились в грязи, неприятно хлюпавшей под ботинками. Чуть дальше протекал ручей. Группа была ниже дороги, имела неудобные позиции и места для маскировки. В случае ответного огня, отход затруднял ручей.

Вдруг от наблюдателя поступил доклад:

— «Кола», я — «Пепси», вижу УАЗик, движется с выключенными фарами. Остановился, что-то выгружает.

Я и сам слышал приглушённый звук мотора.

Следующий доклад шёл шёпотом:

— Они медленно едут вперёд, похоже, осматривают дорогу.

— «Пепси», спрячься! — произнёс я.

Потянулась тишина, сбиваемая приближающимся звуком мотора. Мы затаились, УАЗик медленно проехал мимо нас, несколько раз из него светили фонариком на обочины. К счастью, не в нашу сторону. Через минуту он с включенными фарами быстро проехал в обратном направлении.

Наблюдатели снова были на месте, и их доклад не замедлил себя ждать:

— «Кола», они остановились! Они грузят оружие!

Времени на организацию засады нет, поэтому рискуем:

— «Фанта», при приближении машины заблокировать дорогу!

— «Спрайт», позиция справа у обочины. Задержать, а при сопротивлении уничтожить находящихся внутри.

— «Пепси» и «Кола», блокирование и огневая поддержка! Детализировать задачу времени не было, все бросились к дороге.

Едва мы успели добежать до дороги, как свет фар УАЗика резанул по глазам.

Подгруппа «Пепси», это контрактники Сыч, Идаитов и Яровой, выскакивают на дорогу, их стволы направлены на машину, Идаитов показывает жестом остановиться. Машина сначала прибавляет газу, но бойцы вскидывают оружие и недвусмысленно направляют в лобовое стекло. Тогда она принимает на обочину и резко тормозит, как раз напротив подгруппы «Спрайт». Из правой боковой двери выскакивает боевик с автоматом и пытается принять изготовку для стрельбы, звучат хлопки АКМС с ПБСом, это стреляют Сыч с Идаитовым. Тело боевика падает на обочину. В эту же секунду из левой задней двери выпрыгивает ещё один бандит, но и он не успевает выстрелить, здесь звучит только один выстрел из АПСБ. Бандит оказался в 3-х метрах от Веточкина из подгруппы «Спрайт», который и попал ему точным выстрелом в голову. К сожалению, правая задняя дверь была не под нашим контролем, и какой-то из бандитов выскочил из неё, бросился с насыпи и скрылся в темноте. Вслед ему открыли огонь подгруппы «Пепси» и «Кола», но он быстро исчез в мёртвой зоне за насыпью. В это время братья Веточкины с Иняткиным вытаскивали водителя. Его быстро связали скотчем.

— Тащите его к БТРу, убитых боевиков обыскать и уходим!

— Командир, давайте заберём УАЗик, всё-таки трофей, почти целый! — обратился прапорщик Соколов.

— Хорошо, тогда со своей тройкой в УАЗик, остальные на БТРы!

Я волновался, что скрывшийся в темноте боевик откроет по нам огонь, и хотел как можно скорее покинуть место засады. Но БТРы, как назло, вязли в грязи и не хотели выезжать на насыпь. Это удалось сделать только с 3-й или 4-й попытки. Не буду описывать те неприятные минуты, показавшиеся вечностью. Моторы БТРов будили всю округу и могли заинтересовать, как боевиков, так и милиционеров с блокпоста. К счастью, нам опять повезло, и группа, сопровождая трофейный УАЗик, покинула место засады. Через полчаса езды по ночному Грозному, где, пожалуй, только мы одни и передвигались ночью, группа благополучно добралась до Ханкалы.

Итоги засады

Результатом нашей засады стали: трофейный УАЗик, два АКМа и БОРЗ, ящик НУРСов и устройство кустарного производства для стрельбы ними, два уничтоженных боевика и один взятый в плен, одному боевику удалось скрыться.

Пленного у нас тут же забрали в штаб группировки, где долго и с интересом расспрашивали. Не знаю, обладал он или нет действительно ценной информацией. По крайней мере, нам обрабатывать полученную от него информацию не пришлось. Адресную работу (когда боевиков задерживают в домах) армейский спецназ не вёл, да и не помню, чтобы в Первую чеченскую велась подобная работа.

Разведотдел признал наши действия удачными, а тактику поисково-засадных действий эффективной. Мы же научились работать в новых для себя условиях. Конечно, и эта тактика всё время совершенствовалась, но базой многих дальнейших действий послужила именно она.

Ниже мы публикуем два боевых эпизода, рассказанные ветераном 22-й обрСпН «подполковником Аскеровым». Тогда, в конце Первой чеченской, он был командиром группы 1-й роты 173-го ооСпН. В первом эпизоде описан «классический» налет на базу, во втором – бой, который вели группы из двух рот 173-го отряда, во время штурма Грозного в августе 1996 г.

НАЛЕТ В ДЕНЬ ВДВ

(Подполковник Аскеров)

1996 год, 2 августа. Группа – очень хорошо обученная и слаженная, взаимодействие отработано до автоматизма. При использовании радиостанции применялся только тональный вызов, при общении – только жесты или негромкие хлопки. Шли по лесу вдоль тропы. На тропу не выходили никогда. А еще дождь прошел. Нас из-за этого вообще не слышно.

Пока шли, обнаруживали признаки жизнедеятельности боевиков. То дрова заготовлены там, где местный житель заготавливать их не станет, то удаленный родник, которым явно активно пользуются, то тропа, натоптанная в стороне от населенных пунктов. Обнаруживая всё это, мы оставляли мины.

Спустя какое-то время заняли круговую оборону, а я решил осмотреться и отправил бойцов на разведку. Через некоторое время они вернулись и докладывают:

— Там «духи» с АКМС в разгрузках, с крашенными бородами. Одни кушают, другие в нарды играют.

Оказывается, мы совершенно скрытно прошли три линии охранения крупной базы боевиков. В первой линии у них обычно стояли просто дети. Они размещались на деревьях, возвышенностях и в других удобных для наблюдения местах. В то время базы боевики размещали на удалении до пяти километров от населенных пунктов, поэтому, заметив движение группы, дети сразу же сообщали боевикам. Как правило, кто-то бежал и сообщал об увиденном или, если была возможность, сообщал установленным ранее сигналом.

Вторая линия охранения – ополченцы, то есть «духи», но местные из этих же поселков. Для оповещения они использовали радиостанции. Оружие было, но слабее, чем у боевиков.

Третья линия охранения – это боевики и наемники, назначенные от бандгруппы. Мы же скрытно прошли всех и вышли прямо к их столовой.

Принимаю решение организовать налет. Выслал тройку влево, тройку вправо, организовал тыловое прикрытие. Только собрался начать бой, как и слева, и справа меня вызывают тональным вызовом. Вызвал к себе старших. А они докладывают, что на их направлениях обнаружены инженерные сооружения в виде блиндажей и окопов, а когда сопоставили данные, то

только тех, кого удалось обнаружить, насчитали семьдесят четыре человека. Силы получались явно неравные.

Подумав, решаю сообщить координаты цели для нанесения удара артиллерией. Начали отходить, но, видимо, кто-то из наших «засветился», и началось преследование.

Спасло то, что я всегда брал с собой мины. У каждого бойца, кроме дозорных, было по одной мине ОЗМ-72, и у всех без исключения были мины ПОМ-2р. При отходе у нас начала работать подгруппа обеспечения с минерами. С определенным интервалом они оставили пять мин ОЗМ-72 в неизвлекаемом положении. Все пять сработали. Сначала слышно было, как «духи» орали: «Аллах Акбар!». Но с каждым подрывом вопли становились все тише. Когда рванула пятая мина, за нами уже никто не гнался.

Мы вышли на поле. Здесь нас подобрала броня, прикрыв огнем. Кстати, вопрос эвакуации у нас был также четко отработан. Каждый экипаж знал, как и что он должен делать. Каждый наводчик-оператор машины знал, куда наблюдать и куда стрелять. Такая слаженность была характерна для 173-го отряда.

Отмечу также, что в отряде обеспечение всем необходимым было также на самом высоком уровне. Не было такого, чтобы мне что-то было нужно для выполнения задачи, а этого не было на складе. И еще: всегда при подготовке группы уделяли самое пристальное внимание отработке взаимодействия. Каждый вариант действия не просто оговаривался, а отработывался до автоматизма. Поэтому бойцам было легче ходить на войну, нежели находиться в ППД. На войне физические нагрузки были вполнину ниже, чем на учебных занятиях.

Навели мы артиллерию, а на следующий день решили сходить посмотреть, но, как оказалось, «духи» оттуда еще не ушли. Мы заходили по новому маршруту, поскольку свой старый сами и минировали. Но здесь нас встретили, видимо, ждали. Мы откатились и навели авиацию и артиллерию. Через три дня нас сняли и перебросили на новое место.

В ЛОВУШКЕ

(Подполковник Аскеров)

Первоначально задача 1-й роты 173-го ооСпН состояла в том, чтобы выйти через Центральную больницу на высоту юго-восточнее Грозного. К этому времени боевики блокировали дороги в самом Грозном.

В Центральной больнице мы встретились с 3-й ротой 173-го ооСпН, которая имела задачу оказать помощь 101-й обрОН. Они к этому времени вели тяжелые бои и понесли серьезные потери в личном составе.

В один из дней ВВшники попросили помочь им и выйти для блокирования шести домов частного сектора по проспекту Щорса для прикрытия

действий их подразделений, которые планировали выйти для проведения мероприятия по захвату пленных, чтобы в последующем обменять их на трупы своих бойцов, которых «духи» не отдавали.

Бои в то время шли очень тяжелые, и по напряженности, наверное, их можно сопоставить с боями в январе 1994 г. Трупы – и боевиков, и наших – валялись везде, собаки жрали их.

По данным офицеров 101-й обрОН, в тех домах, которые предстояло захватить, «духов» не было. Они якобы сидели в частном секторе. В 11.00 11 августа 1996 г. вышла третья группа 3-й роты в составе 16-ти человек.

Основная наша ошибка состояла в том, что мы доверились данным ВВ и сами не провели предварительную разведку тех зданий, которые нам предстояло занять. Впереди шла группа 3-й роты, которая заблокировала один из домов, заняв позиции в одном подъезде и на втором этаже. Вслед за ними выдвигалась моя группа.

Как только одна из моих троек подошла к подъезду, по ней ударили из всех соседних домов. Спас их собственный опыт. Используя любые укрытия, они заняли позиции. В домах, которые планировалось занять, все двери первых этажей были металлические, запертые на засовы изнутри. Поэтому разведчики 3-й роты оказались на открытом месте, не имея возможности укрыться в здании. Огонь «духи» вели как из стрелкового оружия, так и из РПГ. Разорвавшись рядом со мной и радистом, граната контузила меня и ранила радиста. Придя в себя, я приказал бойцам заблокировать один из домов, заблокировать этаж, чтобы расширить сектор обстрела.

Выполнив эту задачу, мы запросили артиллерию, которую нам обещали ВВшники, но минометчики отказались нас прикрыть, аргументируя тем, что находятся слишком близко от цели. После того как я пообещал по возвращении зарыть их всех в землю и порекомендовал взять минометы и отбежать на нужное расстояние, огонь был открыт. По сути, мы вызывали огонь на себя, поскольку «духов» было очень много и были они совсем рядом. Но артиллеристы все равно не справились со своей задачей. Они накрыли пару раз «духов» огнем, а потом у них кончились боеприпасы. Это случилось в обед. Далее мы остались без всякой поддержки. В самом начале боя, чтобы вынести раненых к месту, удобному для эвакуации, мы прикрывались дымом и огнем. Это позволило вынести раненых к дыре в заборе. По сути, и мы все могли бы выйти из боя, но под огнем оставалась тройка из состава группы 3-й роты, которую мы бросить не могли. Они и так все уже были ранены и без нашего прикрытия просто бы погибли. Их спасло то, что двое разведчиков, оставшихся в живых, шли в тыловом дозоре. Но и это бы им не помогло, если бы не командир группы. Он просто принял грамотное решение. Я не знаю, из чего они выстрелили, может быть из РПГ, но смогли вынести металлическую дверь. Войдя в здание, они заняли позиции и удерживали их. Ведя огонь по боевикам со своих позиций, мы не позволяли «духам» активно атаковать эту тройку.

К нам на помощь выехала бронегруппа из трех БМП-2, которую отправил Сан Саных Буданов. Они должны были встать вдоль улицы и своим

огнем прикрывать нас. Так или иначе, но огневая мощь автоматической пушки 2А42 – веский аргумент в сложившейся ситуации. Да и броня – есть броня. Но, к сожалению, только одна машина моего замкомвзвода встала на указанное ему место. В чем причина, до сих пор не знаю, поскольку спросить не у кого. Все погибли. Две машины с личным составом проскочили указанное им место и выехали дальше, где тоже попали под огонь. В этом бою героически погиб рядовой Шаров, который, когда остался практически один, залез в горящую машину и, сняв шлемофон с наводчика-оператора, передал в эфир: «Наша машина горит, старшина убит, командир ранен, я тоже горю!». Ценой своей жизни он передал хоть какую-то информацию о произошедшем.

Спустя некоторое время ВВшники, которые просили им помочь, связались с нами и сообщили, что они уходят. Это серьезно осложнило наше положение. Когда их позиции заняли «духи», мы оказались в мешке. К ночи патроны стали заканчиваться.

Несмотря ни на что, позиции оставляли только те раненые, кто уже не мог держать оружие в руках. Я отправлял их в тыл буквально силой, но они не уходили. Помню, парень в разорванном тельнике, на спине сплошное кровавое пятно. Ору на него: «Почему не ушел с ранеными?!». А он отвечает: «Командир, как я могу уйти, вас бросить?». Якушин и Козюра, молодые парни, которые только прибыли из Печор, вызвались доставить боеприпасы. Мы прикрыли их огнем и дымами, и они ушли.

Через некоторое время они принесли ящики с патронами и привели еще одну группу Ленки Сбигнева.

К ночи и эти патроны закончились. Мы примкнули штыки, достали ножи и готовы были биться врукопашную, но «духи», видимо, тоже огрели неслабо и поэтому, пользуясь темнотой, отошли.

Поняв это, мы вывели из здания героическую троицу 3-й роты и вернулись обратно. В этом бою мы потеряли двадцать четыре человека, из них два офицера – погиб лейтенант Гуськов, а лейтенант Меньших пропал без вести. Когда собирали трупы, было видно, что многие умерли мученической смертью. «Духи» издевались, выкалывая глаза, и т. д.

Кстати, сам случай замяли. Никто из участников не был награжден.

* * *

Тем, кто захочет подробнее узнать о результатах работы органов 173-го отряда в Первую чеченскую см. очерк: *Козлов С. Ликвидаторы-2 (ИЭ СПЕЦ-НАЗ ГРУ. Кн. 4. С. 245–249)* – о том, как группы отряда уничтожали полевых командиров сепаратистов и их пособников. На эту же тему, а также об особенностях тактики действий спецназа в Первой чеченской кампании см. очерк: *Козлов С. Трансформация засады? // Там же. С. 328–333.*

О действиях группы, направленной для проведения налета на штаб А.Масхадова, можно прочитать в очерке: *Дмитриев В. В логове волка // Там же. С. 249–259*). Кроме того, подразделения 173-го ооСПН принимали уча-

стие в событиях в Буденновске. Они не штурмовали здание больницы, но на начальном этапе обеспечивали безопасность подступов к Буденновску, а на завершающем этапе, когда заложников вместе с бандитами посадили в автобусы, они сопровождали колонну на вертолетах, ожидая команду, чтобы разделаться с бандитами и освободить заложников. Но такая команда не поступила (полный материал об этих событиях см.: *Козлов С.* Кабул брал, дворец брал. Буденновск? // Там же. С. 259–277).

Также 173-й и 411-й ооСпН принимали самое непосредственное участие в операции по ликвидации банды Салмана Радуева в Первомайском, а подразделение 173-го ооСпН нанесло основное поражение бандитам. Об операции в Первомайском см. очерк: *Козлов С.* Первомайская демонстрация // Там же. С. 282–289, а о прорыве бандитов и действиях 173-го ооСпН очерк: *Недобежкин В.* Прорыв. Где тонко, там и рвется // Там же. С. 282–289. О том, как 173-й отряд отомстил Салману Радуеву за погибших товарищей, рассказывается в очерке: *Лимонов Д.В., Сирица И.В.* Засада капитана Грибова // Там же. С. 293–298. После этой засады Радуев чудом выжил, а за вставленную в его пробитый череп титановую пластину получил прозвище «Титаник».

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПОТЕРЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА 173-го ооСпН в Первой чеченской войне 1994–1996 гг.

рядовой	Авдошкин Павел Васильевич
рядовой	Басангов Мерген Николаевич
рядовой	Бахитов Алексей Зыевич
мл. сержант	Бычков Виктор Николаевич
лейтенант	Винокуров Александр Алексеевич
лейтенант	Гузьков Андрей Викторович
рядовой	Дьякон Евгений Викторович
ефрейтор	Дюжева Анжела Юрьевна
рядовой	Захаров Геннадий Николаевич
рядовой	Зубков Игорь Михайлович
старшина	Идаитов Рустам Таирович
лейтенант	Кириченко Олег Николаевич
ст. лейтенант	Козлов Константин Михайлович
рядовой	Коленкин Александр Викторович
рядовой	Колесянкин Владимир Александрович
капитан м/с	Косачев Сергей Иванович (присвоено звание Героя России посмертно)
лейтенант	Куленкович Андрей Сергеевич
лейтенант	Лакирев Сергей Петрович

рядовой	Лапин Виктор Александрович
рядовой	Луговенко Андрей Сергеевич
ст. сержант	Лужкин Юрий Юрьевич
рядовой	Михайлов Андрей Сергеевич
рядовой	Носов Евгений Владимирович
рядовой	Опольский Олег Николаевич
рядовой	Панов Сергей Владимирович
прапорщик	Паршонков Виктор Борисович
рядовой	Половников Сергей Александрович
сержант	Ритер Виктор Викторович
мл. сержант	Сарыгин Алексей Валентинович
старшина	Сергеев Константин Владиславович
мл. сержант	Скибин Алексей Анатольевич
рядовой	Сыч Александр Иванович
рядовой	Тарабупкин Дмитрий Олегович
сержант	Турский Роман Александрович
рядовой	Убушаев Николай Владимирович
мл. сержант	Фомин Александр Викторович
лейтенант	Черников Владимир Владимирович
мл. сержант	Шаров Дмитрий Анатольевич
рядовой	Шафалович Андрей Николаевич
сержант	Юсупов Михаил Юрьевич
старшина	Яровой Борис Леонидович

**ДАГЕСТАН
ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ
ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ**

После подписания Хасавюртовских соглашений и вывода российских войск в 1996 г. мира и спокойствия в Чечне и прилегающих к ней регионах не наступило. Чеченские криминальные структуры безнаказанно делали бизнес на массовых похищениях людей, захвате заложников (в том числе официальных российских представителей, работающих в Чечне), хищениях нефти из нефтепроводов и нефтяных скважин, производстве и контрабанде наркотиков, выпуске и распространении фальшивых денежных купюр, терактах и нападениях на соседние российские регионы. На территории Чечни были созданы лагеря для обучения боевиков – молодых людей из мусульманских регионов России. Сюда направлялись из-за рубежа инструктора по минно-подрывному делу и исламские проповедники. Значительную роль в жизни Чечни стали играть многочисленные арабские наёмники. Главной их целью стала дестабилизация положения в соседних с Чечнёй российских регионах и распространение идей сепаратизма на северокавказские республики (в первую очередь Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария).

Еще в 1996 г., после подписания Хасавюртовского соглашения, было ясно, что на этом конфликт на Кавказе не прекратится. В то же время существовала реальная опасность распространения идей сепаратизма по всему Северному Кавказу и другим республикам и регионам России. Наиболее подвержен идеям ваххабизма был Дагестан, где спецслужбы Саудовской Аравии и ряда других исламских государств начали активную работу еще в начале девяностых годов. К концу 1997 г. Генеральному Штабу стало очевидно, что именно Дагестан станет первой республикой, которую ваххабиты попытаются отторгнуть от России для создания независимого исламского государства на Северном Кавказе со столицей в городе Джохар (Грозный).

Именно в связи с этим в начале 1998 г. из состава 22 обрСпН в г. Каспийск убыл 411-й ооСпН. Спустя несколько месяцев его сменил 173-й ооСпН. Они так и меняли друг друга вплоть до августа 1999 г. Отряды вели разведку местности в районах, граничащих с Чечней, изучали систему охраны и оповещения административной границы с чеченской стороны. Также отслеживали пути движения и реализации «левых» нефтепродуктов, поступавших в большом количестве из Чечни. Совместно с МВД и ФСБ выявляли каналы торговли оружием. О том насколько спецназ контролировал ситуацию достаточно сказать, что факт вторжения отрядов Басаева и Хаттаба был отслежен группой, находящейся в засаде, о чем информация незамедлительно ушла в Центр. С началом боевых действий спецназ обеспечивал войска разведанными, вскрывая оборонительные сооружения и позиции боевиков. В первую очередь эти задачи решал 411-й ооСпН, а также рота 173-го ооСпН. Из-за увольнения в запас разведчиков, выслуживших установленные сроки, 411-й отряд был укомплектован за счет личного состава 173-го, поэтому от него действовала только одна рота. В последующем группировка спецназа была усилена сводными и отдельными отрядами, прибывшими из практически всех военных округов. Руководил их действиями командир 22-й обрСпН полковник П.С. Липиев.

ДАГЕСТАН. ГРОЗА, КОТОРУЮ ЖДАЛИ

(С. В. Козлов)

Начало

Декабрь 1997 г. в Ростовской области выдался очень холодный. Мороз стоял жуткий. Городской транспорт почти не ходил. Как всегда, «внезапно» в России наступила зима, а зимой, оказывается, технике необходимо зимнее топливо. В этих сложных условиях, когда техника отказывается заводиться, а заведясь, – глохнет, военные грузили БМП и БТРы на железнодорожные платформы. Мало кто задумывался о том, куда это собрались защитники Отечества перед Новым годом. Тот же, у кого возникал такой вопрос, полагали, что начинаются очередные учения. Но техника и личный состав грузились в эшелоны не для учений.

Незадолго до описываемых событий в штаб бригады специального назначения СКВО поступило боевое распоряжение, предписывающее командиру подготовить и к указанному сроку отправить железнодорожным транспортом один из отдельных отрядов спецназ в Дагестан с пунктом временной дислокации в г. Каспийск. Первым туда был направлен 411-й отряд. Прибыв в указанный пункт, он быстро освоился в новом районе и успешно начал Дагестанскую эпопею. Это было тогда, когда всезнающие журналисты еще даже не заикались о непростой и все более обостряющейся обстановке в этом регионе. Спустя три месяца его сменил 173-й отряд. В последующем, вплоть до известного вторжения банд Басаева и Хаттаба в Дагестан летом 1999 г., они так и меняли друг друга. Их работа, не рассчитанная на показуху, во многом смогла положительно повлиять на развитие этих событий.

Куда тѣк чеченский бензин

Апрель 1998 года. Новолакский район. Здесь работала одна из рот 173-го отряда, которая должна была выяснить, насколько возможно беспрепятственно пройти административную границу с Чечней, минуя блокпосты милиции. Кроме того, разведчики собирали данные о движении наливников, как они проходят милицейские блокпосты, куда поступает чеченский бензин и как продается. Они смогли установить, что чеченские боевики поставляли весь самодельный бензин в Дагестан. Здесь он частично продавался на бирже в Хасавюрте, а большая его часть разливалась там же в цистерны и отправлялась в различные регионы России. Безусловно, это не могло делаться без ведома дагестанских властей. Деньги, вырученные за этот бензин, шли частично в их карман, а львиная доля поступала полевым командирам Чечни. Для того чтобы представить объем потока эрзац-бензина, представляемого командирами бандформирований, скажу, что, по данным различных агентурных источников, некоторые из них имели от 200 до 500 бензовозов. Часть этих денег поступала на счета в иностранных банках, а часть шла на закупку оружия, боеприпасов и снаряжения. Все было поделено для того,

чтобы не перебегать дорогу друг другу. Например, рынком сбыта С.Радуева был Ножай-Юртовский район.

Вся информация, добытая разведчиками, своевременно ложилась на стол военного руководства России.

Сколько стоил «цинк» патронов

Кроме того, ими отслеживались пути продажи оружия и боеприпасов из Дагестана в Чечню. Осуществляя подготовку к боевым действиям, чеченские полевые командиры, обладавшие немалыми финансовыми возможностями, организовали широкомасштабную акцию по покупке оружия и боеприпасов у военнослужащих, пользуясь их слабой материальной обеспеченностью и корыстолюбием отдельных из них. Спрос рождает предложение, и военнослужащие некоторых воинских частей активно торговали этим ходким на Кавказе товаром. Даже отдельные офицеры не гнушались такого рода торговлей и привозили на продажу один-два «цинка» с патронами образца 1943 г. к АКМ. Басаев в те времена платил за такой «цинк» один миллион неденоминированных рублей.

По данным агентуры, особо активно действовала группа лиц «кавказской национальности», переодетых в милицейскую форму. Даже при постоянном спросе на оружие на Кавказе, они выделялись повышенным интересом к его приобретению. С этой целью они завязывали знакомство с военнослужащими в пунктах дислокации частей, а также подходили к армейским колоннам и отдельным машинам, сделавшим остановку на маршруте, с предложением продать какое-нибудь оружие. Как потом выяснилось, это была группа дагестанцев, работавшая в интересах чеченских полевых командиров. Ряженные под милиционеров покупали у военных «цинк» за пятьсот неденоминированных рублей, а людям Басаева на Гюрзельском мосту продавали за миллион.

Выявление этой группы для армейского спецназа – задача несвойственная. Методы для ее решения были заимствованы из тактического арсенала агентурной разведки. Разведчикам пришлось внедряться в ряды торговцев оружием, маскируясь под них. Шаг за шагом, постепенно лжеторговцы смогли выявить эту группу и передать информацию заинтересованным органам. Дальнейшая судьба этих любителей легких денег не известна, больше о них никто не слышал.

Как проехать в Чапаево?

Реально оценивая обстановку в регионе, Москва, видимо, планировала ведение боевых действий на территории Дагестана, поскольку кроме этой работы спецназовцы вели разведку местности и, в частности, в Новолакском районе.

Разведгруппы для решения этой задачи исходили весь район, двигаясь в основном ночью и пешком, иногда днем на автомобилях. Спецназовцы работали и вдоль административной границы с Чечней, выявляя места возможного ее пересечения боевиками. Надо сказать, что не везде в Дагестане

чеченцы чувствовали себя уверенно. Это подтверждает забавный случай, произошедший при выполнении этих задач.

Одна из групп должна была проверить возможность движения автотранспорта из Новолакского в Казбековский район, минуя автостреды и асфальтированные дороги. Двигались на автомобиле только по грунтовкам. При въезде в район машина подъехала к милицейскому блокпосту. В Казбековском районе живут преимущественно аварцы, выселенные Сталиным в 1944 г. Мужики все коренастые, невысокие, но очень гостеприимные и веселые. Именно они и несли службу на этом посту. При появлении незнакомой машины из блокпоста выбежали пулеметчик, гранатометчик и два-три автоматчика и заняли заранее подготовленные позиции в готовности открыть огонь. Поняв, что здесь «на халяву» не проскочишь, командир группы решил договориться по-хорошему, для чего вышел из машины, оставив оружие, и направился к милиционерам с поднятыми руками. Вид у него был абсолютно душманский: нос с горбинкой, короткая бородка, запотевшая и пропыленная горная штормовка, такая же «разгрузка».

Увидев его, с поста вышел навстречу милиционер, видимо старший, и крикнул: «Ты кто?». Не доходя до поста, наш офицер остановился и сказал: «Я русский!». Но внешний вид его свидетельствовал об обратном, и в ответ он услышал: «Врешь!». Тогда командир группы снова попытался убедить милиционеров в своей правоте: «Да русский я. Воды можно попить?». Но старший блокпоста оказался парнем бдительным и попросил предъявить документы. Однако разведчики, по вполне понятным причинам, документы на задание не берут. Опять начались расспросы, зачем и куда едешь. Командир попытался их убедить, что он заблудился и едет в Чапаево. Но приняв его за чеченского боевика, а в то время в этом районе частенько появлялся Хаттаб и его люди, милиционеры его не пропустили. Явно издеваясь, старший ему посоветовал проехать в Чапаево через Зандак, который был базой Хаттаба, и через Гильяни, село также известное как один из оплотов боевиков. И тот и другой населенный пункт находятся в Чечне.

Спустя год, когда уже начались боевые действия в Дагестане, один из спецназовских начальников встретился с командиром милицейского батальона Казбековского района, капитаном по званию, но его там все называли Мага Маленький. Они разговорились. Посмотрев внимательно на спецназовскую робу офицера, Магомед припомнил тот случай: «Ты знаешь, в прошлом году ехал один в такой форме, как у тебя. Мне, говорит, в Чапаево надо. Я ему сказал, чтобы ехал через Зандак, через Гильяни. Ишь, хитрец какой, в Чапаево здесь проехать хотел».

Когда же он узнал, что это действительно был наш человек, расстроился.

Шпионские страсти

Карты района были устаревшими, работа разведчиков позволила их уточнить, обозначив имеющиеся новые дороги. В целом Новолакский район был изучен очень хорошо, и не только местность. В районе наладили связи с милицией. В то время руководство УВД Новолакского района ре-

шило создать свой спецназ. Для этого сформировали роту из двухсот милиционеров, которую попросили подготовить одного из спецназовских командиров. Времени для этого было не очень много, но разведчики привели все оружие милиционеров к нормальному бою и провели несколько занятий. Подготовка была закончена, и, по разумению руководства УВД района, очередной милицейский спецназ был готов к действиям.

Очень хороший контакт был отлажен с региональным отделом ФСБ и, в частности, с его руководителем подполковником Гамзатовым, который очень здорово помогал спецназовцам и делился имеющейся у него информацией. Он прекрасно понял, что офицеры, периодически появляющиеся у него в кабинете, отнюдь не из разведроты мотострелкового полка, за которых они себя выдавали, и поэтому общался с ними на равных. Информация, получаемая от него, была очень интересной и полезной. В Новолакском районе работали поротно. Поэтому, как и положено, спустя два месяца одну роту сменила другая. Командиру роты его предшественник передал все наработанные связи. Конечно, познакомил его и с Моматы Гамзатовым. Когда «старички» уехали, у их преемника при встрече с начальником отдела ФСБ произошел курьезный случай. Командир роты, недавно прибывшей в Новолакский район, – парень очень грамотный, но, видимо, для того чтобы не забывать полученную от Моматы информацию, он решил ее записать на диктофон, а уже у себя в расположении повторно прослушать и детально ее проанализировать. Однако по бедности магнитную пленку сэкономил и взял в роту у бойцов первую попавшуюся на глаза кассету. На кассете были записаны какие-то песни. Также в целях экономии решил он не включать диктофон сразу, а только когда Гамзатов начнет говорить что-то интересное. И вот во время встречи, когда разговор перетек в нужное русло, он незаметно нажимает на кнопку, но попадает не на запись, а на воспроизведение, и в кабинете руководителя отдела ФСБ звучит: «Ковыляй потихонечку...». У Моматы глаза лезут на лоб. Владелец диктофона сидит красный. Далее все ясно... В конце августа – начале сентября 1999 г. один из старших офицеров 173-го отряда, установивший первый контакт с Моматы, встретил его, и в разговоре тот припомнил этот случай. Видимо, обида не прошла, и офицер должен был извиниться за оплошность своего товарища.

На замке ли граница?

Кроме местности, спецназовцы изучали и то, как организована охрана границы на чеченской стороне, как работает их система оповещения. Для этого осуществляли провокации, пересекая границу на бронетранспортере, после чего наблюдали за реакцией сопредельной стороны. Система оповещения была у них проста, но надежна. Ей пользовались еще североамериканские индейцы. Как только наш БТР достигал объекта, который, судя по карте, находился на чеченской стороне, сразу откуда ни возьмись появлялись либо одиночная машина, либо пастушок, которые поджигали сухие кусты. Дым поднимался вверх, и его видно было далеко. Из этого можно было сделать вывод, что граница охраняется наблюдателями-сигнальщиками, кото-

рые информируют либо отряд боевиков, расположенный в ближайшем селении, либо отряд самообороны, отвечающий за данный участок границы.

В эту ночь решила вражья стая...

Действия спецназовцев не ограничивались только ведением разведки, они были готовы и к активным действиям. Так, однажды стоящее по соседству подразделение радиоразведчиков зафиксировало в эфире переговоры чеченских полевых командиров, из которых после их перевода стало ясно, что в определенное время два отряда боевиков, по семьдесят пять человек в каждом, должны пересечь границу и уничтожить военный объект в районе Гамияха. Гамиях – населенный пункт в Новолакском районе недалеко от трассы Москва–Баку. Данные радиоразведки подтвердились, когда указанные группы в оговоренный в радиоперехвате срок перешли административную границу Дагестана.

Для организации засады на бандитов разведчики прибыли в расположение батальона 136-й мотострелковой бригады, которое должно было стать для них временной базой. Туда же прибыла большая группа начальников с генеральскими и полковничьими погонами. Любят у нас перестраховываться, заставляя старших начальников подменять штатных, когда возникает нестандартная ситуация. Опыт показывает, что это ни к чему хорошему не приводит. Такие действия, безусловно, подрывают авторитет штатных командиров в глазах их подчиненных. Если командир плох, то его надо снимать с должности в мирное время, а не подменять полковником в боевой обстановке. При таком раскладе у нас в армии полковников на старлеевские и капитанские должности не хватит. Да и толку от такого полковника, который, сидя в штабе, давно забыл, как живой солдат выглядит, не будет. Только вред. И в этом случае произошло то же, когда целый полковник – начальник артиллерии бригады начал командовать артиллерией батальона.

Квакал ли Андрюха?

Согласно замыслу высокого начальства, мотострелковый батальон на БМП, полностью укомплектованный, должен был выйти в предназначенный ему район, где занять оборону.

Двадцать пять прибывших спецназовцев должны былиделиться на три группы: две засадные и резерв, после чего выйти в район действий нарушителей для их уничтожения. Группа, которую возглавлял замкомандира отряда, состояла из пяти человек, группа, которую возглавлял зам. по воспитательной работе – из десяти. То, что пятнадцать человек уничтожат из засады сто пятьдесят, ни у кого из руководства, да и у самих спецназовцев, сомнения не вызвало. Разведчики выбрали очень удачные места для организации засад и могли, в случае надобности, поддерживать друг друга огнем. Кроме того, они организовали взаимодействие с минометчиками. Те показали на карте районы, которые они могут подсветить светящимися минами. Спецназовцев все устраивало, но они строго предупредили начальника артиллерии, что подсветка должна производиться только по их коман-

де. Для того чтобы он понял почему, разведчики объяснили, что они сначала скрытно должны выйти в район, занять свои позиции и только после того, как прекратят свои перемещения, дадут минометчикам команду на начало подсветки местности. В противном случае несвоевременная подсветка демаскирует их действия. Начальник артиллерии бригады-батальона заверил спецназовцев, что все будет исполнено в соответствии с их требованиями. Задача для артиллеристов обычная, для спецназовцев тоже. Единственными людьми, для которых задача спецназа находилась за пределами реальности, были сами мотострелки. Когда разведчики покидали расположение, растворяясь во тьме, пехота смотрела на них, как на смертников.

Недалеко от Гамияха есть источник, где бьют ключи. В темное время суток там никогда никого не было, но в эту ночь спецназовцы с удивлением увидели в этом районе свет фар – судя по всему, пожаловали незваные гости. В район выдвигались сначала вместе, а ближе к месту выполнения задачи разделились. Замкомандира отряда организовал охранение, выслав вперед один разведдозор на две группы, которым командовал лейтенант по имени Андрей. Не обошлось без курьезов. Сигналы, которые определил замкомбата, были следующие: дозор должен был издавать лягушиное квакание и, в зависимости от того, сколько раз он проквакает, ядро группы должно было идти вперед или оставаться на месте. Все было хорошо, пока они не достигли заболоченного участка, где обитало несметное количество лягушек. Выделить в общем хоре квакание Андрюхи было невозможно. Пока гадали – идти вперед или нет, вернулся сам Андрей и разрешил ситуацию.

Когда полковник не на своем месте

Пошли дальше. Ночь была темная, и разведчики могли совершенно спокойно двигаться, не опасаясь за то, что их кто-то увидит. До мест, выбранных для засады, оставалось совсем немного, когда один из разведчиков головного дозора жестом привлек внимание командира группы. У этого парня был автомат с ночным прицелом. Подошедшему командиру он показал направление и прошептал: «Там человек».

Офицер посмотрел в бинокль и тоже увидел мужчину, идущего метрах в двадцати–двадцати пяти от них параллельно, но в противоположном направлении. Оружия при нем видно не было. Командир справедливо рассудил, что, судя по всему, это – разведка боевиков, и спецназовцы не стали его трогать, тем более что их он не видел. Но только они встали и продолжили движение, как внезапно над ними повисла осветительная мина. Падали в траву уже при свете. Конечно, разведчик, которого они видели секунд десять назад, их обнаружил. Через пару минут после того, как мина погасла, спецназовцы были на своих местах, но противник так и не появился. Когда они вернулись в расположение мотострелкового батальона, радиоразведчики принесли очередной радиоперехват, где один из полевых командиров докладывал, что подойти к объекту не может, поэтому они уходят, и что теперь их встреча состоится на Терском хребте. Спасибо за то, что остались живы, «духи» должны были сказать полковнику, подменившему старлея.

Кто лучше роет окопы

В 1999 г. 173-й и 411-й батальоны продолжили выполнять аналогичные задачи на территории Дагестана. В июле в 173-м отряде ушла крайняя партия уволенных в запас, а через некоторое время, 2 августа, «чехи» вошли в Дагестан. Там в это время работал 411-й отряд, а от 173-го отряда затребовали роту на обеспечение лагеря. Однако спустя месяц, 4 сентября, боевики вошли в Новолакский район, заняли его центр – Новолакское, село Гамиях и ряд других. С этого момента рота 173-го отряда также приступила к активным действиям против боевиков в районе, который разведчики знали, как свои пять пальцев. Дислоцировались они в населенном пункте Баташюрт. Тогда там располагалась Шестая Тактическая группировка на базе внутренних войск. Высадившись из вертолетов, они увидели, как высотки, на которых окопались боевики, обрабатывает артиллерия. Духи вошли ночью и к утру окопались. Около тысячи человек отрыли стрелковые ячейки шириной сантиметров сорок, каждая из которых имела специальную нишу наподобие норы, в которой стрелок мог укрыться от артобстрела. Во всяком случае, осколки ему не страшны, да и недалеко разорвавшийся снаряд мог его только засыпать землей. Ну так ведь и откопаться не долго. Позже, когда высоты были взяты, осматривая их окопы, офицеры спецназа пришли к выводу, что «духи» роют их лучше, чем наши. К примеру, абсолютно все окопы имели изломанную линию, а также не только передний, но и задний бруствер, что улучшало маскировку стрелка, так как он во время ведения огня не проецировался на фоне неба. Высота 444,8 расположена в 3 километрах восточнее населенного пункта Тухчар. На позициях, отрытых за ночь на северном склоне этой высоты, боевики оставили 400 человек, а 600 ушли.

О бережном отношении к людям

Начался штурм, в ходе которого жалко было смотреть на то, как бездарно гробили десантников, шедших вслед за ударами авиации и артиллерии. После выступления Ельцина, где он сказал, что еще разберется с военными, как они допустили, что чеченцы вошли теперь и в Новолакский район, Верховное военное руководство надавило на Казанцева, а тот, в свою очередь, поставил задачу десанникам примерно так: «На той высоте чеченские позиции. Завтра там должен быть мой командный пункт!».

В первую же ночь первая группа роты 173-го отряда ушла выполнять задачу. Им предстояло вести разведку позиций боевиков и наводить удары авиации и артиллерии в районе так называемого Хасавюртовского кольца. Наши работали удачно и лазали практически по чеченским позициям, поскольку иначе вскрыть замаскированные позиции в лесу невозможно. В этой ситуации надо оказаться хитрее и скрытнее врага, поскольку если он тебя заметит раньше, то твои шансы стать покойником сильно повышаются.

О героизме

В 411-м отряде погиб командир группы лейтенант Матвиенко. Он со своими людьми выполнил задачу, вскрыл позиции боевиков. По данным,

добытым разведчиками, отработала артиллерия и вертолеты. Вперед должны были идти десантники.

Командир группы решил присоединиться к ним, видимо, полагая, что, зная местность и где расположены позиции чеченцев, сможет быть полезным. Подойдя к генералу, он попросил разрешения принять участие в штурме вместе с десанниками. Генерал сначала возразил, что у лейтенанта есть свои люди, с которыми он и должен выполнять задачи, поставленные руководством, но, видя настойчивость Матвиенко, уступил его просьбе. В ходе штурма Матвиенко застрелил четверых боевиков, выгнал из-под огня раненого десантника. Увидев еще одного, пополз за ним, но когда начал его вытаскивать, приподнялся и получил пулю в грудь. Умер сразу...

Казанцев сказал комбату, чтобы представил его к званию Героя России посмертно. Выполнил это распоряжение комбат или нет – неизвестно, поскольку справедливость этого решения неоднозначна. Матвиенко бросил группу и ушел выполнять задачу, которую ему никто не ставил. Пав в бою, как герой, он оставил группу без командира и лишил ее возможности выполнять задачи, которые ставил тот же Казанцев, а значит, важность их несоизмеримо выше, чем участие в бою, как простой, пусть даже очень подготовленный, солдат.

Всегда ли лучше раз увидеть?

Населенный пункт Ахар и населенный пункт Шушея, по предварительным данным разведки, были заняты чеченцами. Это, кстати, тот самый район, где духи раздолбили один из отрядов спецназа МВД и колонну внутренних войск у высоты 715 «Ретранслятор». Командование решило нанести удар авиабомбами объемной детонации. Для контроля результатов авиаудара рота 411-го отряда в ночь перед БШУ должна была скрытно выйти на позиции перед этими селами. Утром они должны были пойти в села для проверки результатов бомбардировки. Вывести их туда должен был один из офицеров 173-го отряда, знавший местность. Когда ночью командир роты доложил заместителю Казанцева генералу Макарову о том, что собирается идти в этот район для проверки будущего авиаудара, тот ему прямо сказал, что не советует. Генерал готов был предоставить любое обеспечение для выполнения задачи, но, по его мнению, та, которая стояла перед ротой 411-го отряда, не стоила такого риска.

Когда, сидя в окопе, офицеры и генерал развернули карты и, прикрывая ладонями луч, посветили фонариком, по их окопу с сопредельной стороны «духи» открыли плотный и довольно прицельный огонь. Посовещавшись, они решили туда не ходить. Прибыв на КП, доложили комбригу, тот доложил Казанцеву, который отнесся к доводам разведчиков с пониманием.

Опрос местных жителей

Перед ударом один из офицеров 173-го отряда собрал информацию о районе предполагаемой бомбардировки, поговорив с местными милиционерами. У него с ними сложились хорошие отношения еще с 1998 г. Безус-

ловно, что информация, получаемая от местных, требует определенной коррекции, в силу национальных особенностей источника. Любую информацию, полученную на Востоке, надо делить минимум на десять и не ошибешься. По данным, полученным от них, получалось, что Шушея – село, где проживают чеченцы-акинцы. Когда пришли нохчи – уроженцы Чечни, акинцы договорились с ними, чтобы те их село не занимали, дабы не подвергать обстрелу артиллерии и налетам авиации, а заняли Ахар. Что и было исполнено. С этой информацией офицер поспешил на КП, но было уже поздно, авиация уже разбомбила и Ахар, и Шушею.

О стилях руководства

Вообще к спецназу руководство операцией, да и командиры частей относились с особым уважением. До того как спецназовцы поработают в каком-либо районе, ни один командир ни десантного, ни мотострелкового подразделения своих людей в этот район не вводил. Действиями специальной разведки руководил командир бригады специального назначения СКВО, полковник П.С.Липиев. Помимо 411-го отряда и роты 173-го, в его распоряжении находились отряды, откомандированные на войну из других бригад. В операции участвовали и сибиряки, и псковичи, и другие.

Действия сил и средств специальной разведки полковник Липиев распределил профессионально. Взглянув на его рабочую карту, сразу становилось ясно, что ни один из районов, где предполагалось наличие боевиков, не был обделен вниманием спецразведки. Однако, будучи человеком холерического типа, он создавал излишнюю нервозность, которая негативно сказывалась на исполнителях.

Как образно сказал один из спецназовцев, которому пришлось в ту пору работать с П.С.Липиевым: «В мастерски разыгранной шахматной партии фигуры по доске он двигал не пальцами, а пинками». При постановке задачи орал, матерился, и в результате подчиненные не всегда могли понять, что он от них хочет. Другое дело, командир 411-го отряда Юрий Алексеевич К-в. К нему обращались, после того как комбриг «поставил» задачу, за разъяснениями. И он очень спокойно, толково и доходчиво объяснял, что и как надо сделать. Все – и офицеры его батальона, и офицеры 173-го, которым он, как старший, ставил задачи, отмечали спокойную уверенность этого командира. Работая под его началом, они говорили, что были уверены в том, что он их вытащит из любой «задницы». Истерическое поведение комбрига такой уверенности не вселяло, хотя он, наверное, тоже приложил бы все усилия для того, чтобы оказать максимально возможную помощь группе, попавшей в беду.

Об уровне подготовки и обеспечения войск

И в Дагестане, и в Чечне, куда войска вошли в двадцатых числах сентября, спецназ решал задачи, которые обычно ставят войсковой разведке, но из-за того, что уровень подготовки войсковых разведчиков оставляет желать лучшего, приходилось выполнять их задачи.

Кто-то скажет, что у спецназовцев больше возможностей для занятия боевой подготовкой. Ответу – нет. За месяц до отправки «на войну» рота 173-го батальона, по распоряжению того же полковника Липиева, работала в колхозе. Когда же комбат, зная, чем предстоит заниматься этой роте, попросил комбрига не привлекать роту к сельскохозяйственным работам, он им возразил: «А чем я вас зимой кормить буду?». И, наверное, был прав.

Война как нельзя лучше показала, что на одного воюющего солдата должно приходиться полтора–два обеспечивающих. В Дагестане во многом вопросы обеспечения взяли на себя местные жители. Они без какой-либо инициативы со стороны военных обеспечивали их продовольствием. Узнав, когда у военных прием пищи, они привозили бидоны с горячим супом, лаваш, сыр. Молоком солдаты буквально упивались. Люди просто приежались и говорили: «У меня два лишних круга сыра, возьмите!».

О местных жителях. Минусы и плюсы

Но в то же время многие из них вели себя очень пассивно в отношении чеченских боевиков. Они говорили: «Если он меня убьет, то в рай не попадет, так зачем же я в него стану стрелять?». Это было характерно для жителей Новолакского района.

Боевики сначала хотели пройти в Казбековский район, но на пути их встретил отряд бывшего учителя математики, а ныне капитана милиции по кличке Мага Маленький. Бой длился три часа. В ходе боя Магомед выгнал с позиций ополченцев, сказав, что они ему только мешают. Боевики не смогли пройти в Казбековский район и, вернувшись, без труда заняли весь Новолакский.

Помогая нашим войскам продуктами, многие из местных жителей вели разведку в интересах боевиков. Кроме того, как и перед войной, пытались купить оружие, как бы для войны, но на самом деле для перепродажи тем же чеченцам. Один из офицеров спецназа рассказывал, что просили они патроны только в запаянных «цинках». Когда же одного очень настойчивого покупателя спросили, почему он не хочет купить патроны россыпью, дагестанец честно ответил, что, может, он будет воевать, а может и продаст этот «цинк». Возле села Новокули был и такой, который просил за новую белую «шестерку» всего два «красавчика» («Красавчик» – ПКМ, пулемет Калашникова модернизированный. – *жарг.*).

Когда понял, что сделка не получается, поднял цену и просил всего один пулемет Калашникова за его автомобиль.

Сложность отношений с местным населением заключалась в том, что нельзя было просто прогнать назойливых покупателей из-за опасности испортить с ними отношения. Приходилось мириться с их поведением, учитывая особенности кавказского менталитета.

Но при всех минусах, имевшихся из-за тесного общения с населением, плюсов было больше. Отказ населения от активной поддержки боевиков сыграл важную роль в их разгроме.

МНЕ ЕСТЬ, ЧТО ВСПОМНИТЬ

(Подполковник Аскеров)

Несколько слов о командирах

Окончив Омское общевойсковое училище в 1994 г., я начал свою службу в 12-й бригаде, а в 1996 г. был переведен в бригаду спецназ СКВО на должность командира группы спецназ. В 22-й отдельной бригаде специального назначения, которая, когда я начинал в ней служить, еще не была гвардейской, прошел все офицерские должности от командира группы до комбата. Служил в разных отрядах и в предверие 35-летия этого славного и уникального соединения спецназ ВС РФ мне есть, что вспомнить.

Прежде всего, хочу сказать добрые слова об офицерах и генералах, которые в пору моей службы командовали бригадой. Надо откровенно сказать, что с командирами мне повезло. Первым был полковник Петр Семенович Липиев, который командовал во время Дагестанского конфликта и потом в первые годы Второй Чечни. Его подчиненные очень уважали за то, что сам не боялся и не ленился мотаться по горам. Если где-то требовалось его личное присутствие, он брал с собой АПС, радиста и лез в горы.

Его сменил генерал-майор Травкин, с которым нам также служилось очень хорошо, что на войне, что в расположении бригады. Ему выпало командовать бригадой во второй половине Второй Чеченской кампании. Он был очень вдумчивым комбригом. Всегда выслушивал подчиненных и никогда не давил на них своими генеральскими звездами. Решения принимал обдуманно на основании предложений подчиненных. Это позволяло эффективно работать, как на войне, так и в условиях «ужасов мирной жизни». Генерал-майор Травкин своих никогда не сдавал, используя здесь свой генеральский статус, и поэтому все комбаты за него были горой.

Полковник Владимир Владимирович Захаров тоже был прекрасным командиром. Очень грамотный и очень интеллигентный человек. Вежливое и уважительное отношение к людям было в нем не показное, а его естественное состояние. Ему довелось командовать бригадой во время грузино-осетинского конфликта 2008 г., где он себя прекрасно проявил.

Однако начну по порядку.

Каспийск

В Первую чеченскую кампанию я воевал в составе 173-го ооспН и набрался опыта. Об этом я уже писал ранее.

Когда война закончилась, мы недолго сидели в Аксае. Вскоре после завершения Первой чеченской кампании с 1997 по 1999 годы наш 173-й отряд и 411-й меняли друг друга, занимаясь ведением разведки в районах Дагестана, граничащих с Чечней. База в Дагестане находилась в Каспийске. Здесь командир группы имел возможность в течение полугода заниматься с группой боевой подготовкой с утра и до вечера.

В это время нам довелось принять участие в ряде очень интересных учений. Основная часть этих учений проводилась командованием отряда, но были и учения с участием местных территориальных органов ФСБ.

Аэропорт на спор

Одно из таких учений, уже в конце нашей командировки, стало результатом спора нашего комбата, Героя России подполковника Владимира Недобежкина, с дагестанскими чекистами. Это были крутые парни на крутых машинах. У каждого автомат с подствольником и неважно, что для подствольника гранат нет. Подствольник на автомате – необходимый атрибут, демонстрирующий крутость хозяина.

Так вот, они утверждали, что, когда объект охраняют «настоящие дагестанские парни», нашим солдатам, невзрачным на вид, шансов для проникновения на объект и проведения диверсии не остается. Недобежкин предложил пари. На спор предлагалось в условленное время провести диверсию по полному выведению из строя аэропорта Махачкала. Это аэропорт федерального значения, который серьезно охранялся десантниками и «настоящими дагестанскими парнями» из ФСБ. Ударили по рукам.

Не стоит и говорить, что все местные жители и вся милиция были предупреждены о действиях в районе «бандитов». Я тогда был командиром группы, а ротой командовал Алексей Галкин, который в настоящее время также является Героем России. Недобежкин прислал нам боевое распоряжение, в котором было приказано провести диверсию в аэропорту Махачкала.

Доразведка

Днем мы прикинули порядок действий по сбору информации об объекте. Разбились на подгруппы, а в ночь предшествующую налету, как положено, мы провели доразведку объекта. Для этого вышли с гор в намеченные для наблюдения пункты и, наблюдая в ночные бинокли, вскрыли всю охрану и оборону объекта. Объект был, как на ладони, и ночные приборы позволили зафиксировать все посты и секреты, порядок и время смены часовых. После этого оценили противника, и ротный принял решение на проведение диверсии. Действовать решили скрытно, одной группой. Определили боевой порядок, количество и задачи подгрупп, направление и время выдвижения к своим элементам объекта. Порядок обеспечения и отхода. Наши три подгруппы выходили на объект с трех сторон. Моя подгруппа шла на склад ГСМ. Другие захватывали КДП и минировали самолеты на открытых стоянках. Следующей ночью сделали подкоп и вышли на объект.

«Без шума и пыли...»

Нас, конечно, ждали. «Настоящие дагестанские парни» вышли из помещения КДП и, поставив табуреты на подступах, уселись на них, положив автоматы с подствольниками на колени. Они бдительно пялились во тьму ночи. Некоторое время. Но поскольку мы проводили налет в предрассветный период, они к этому времени утомились и добросовестно... уснули, сидя

на табуретах. Тем временем наши солдаты вышли на свои объекты и заминировали их. Моя подгруппа установила заряды на складе ГСМ. ФСБшники здесь также спали на табуретах, только на крыше здания.

Вторая подгруппа заминировала самолеты на стоянках. Десантники, охранявшие ВПП аэродрома, службу несли добросовестно и даже патрулировали вместе с собаками, о которых мы ничего до этого не знали. Но и их удалось обмануть, зайдя против ветра. В результате собаки ничего не учуяли, и вторая подгруппа благополучно пробралась к самолетам, намеченным для уничтожения.

Наша третья подгруппа пометила крестиками охрану КДП. Солдаты подползали сзади к спящим и ставили крестик или писали мелом у них на спине: «Убит». Но бойцы, есть бойцы, поэтому перечень надписей не ограничивался только констатацией условного состояния условного противника.

Выполнили задачу и ушли так, что никто нас не заметил.

Эй, земляк!

Уже за границей объекта на отходе в горы мы натолкнулись на пастухов со стадом. Я на русского не очень похож. Голову привык брить наголо. За время командировки отрастил бороду. Мы все в горной форме с автоматами. Я прикинул, что за местных ФСБшников на учениях запросто сойдем.

— Эй, земляк! — окликнул я одного из пастухов, — Иди сюда! — Он подходит. — Ты видел такой камуфлированный боец? — начал я спрашивать, специально изображая местный акцент. Смотрю он мнется. Я нажал: — Видел или нет?

— Нет не видел.

— Слушай меня! Сейчас разворачиваешь стадо, идешь к тому пастуху и говоришь, что здесь искать не надо, а надо искать там! — и показал направление рукой.

Мне надо было выиграть немного времени, чтобы скрыться в горах. Пастух кивнул и безропотно двинулся в указанном направлении. Понятно, что они выполняли у ФСБшников функции разведки на подступах к объекту.

Только минут через двадцать поднялись вертолеты и начали воздушный поиск в районе места встречи, но нас уже и след простыл. Вышли в безопасное место и связались с Недобежкиным по радио, сообщив, что задача выполнена в полном объеме. Ушли незамеченными.

Следите за руками

Он тут же позвонил чекистам и сказал, что объект уже уничтожен. Они, естественно, не поверили. Вызвали нас. Прибыли в аэропорт три офицера и старшина прапорщик Гуров. Нас принимали в зале, где принимают иностранные делегации и президента. Стол ломился от еды и выпивки, но несмотря на то что мы были голодны, как звери, изображали сытое равнодушные, съев по кусочку, только чтобы хозяев не обидеть.

Нас попросили показать результаты нашей ночной работы. Начали со склада ГСМ. Потому как, если его реально рвануть, то аэропорт надолго

будет выведен из строя. Показали стулья с крестиками и крестики и надписи на спинах охраны. Это для них был шок. Недобежкин веселился от души.

Надо заметить, что, несмотря на то что это вроде бы было ничего не значащий спор, последствия для службы безопасности аэропорта были серьезные. Некоторые начальники лишились должностей. Многих охранников заменили.

Ведем разведку

Но основная наша задача в Дагестане состояла не в проведении таких учений. Здесь мы реально вели разведку приграничных районов с Чечней. Практически облазили весь Дагестан. Очень плотно работали в Чапаевском районе. Здесь перед вторжением Басаева и Хаттаба видели их рекогносцировочные группы. То, что они пойдут через Чапаево, при нападении подтвердилось. Такая информация также поступала к нам и от местных жителей. Несмотря на то что я перевелся уже на повышение в другой отряд, я был в курсе событий в Дагестане. Перед вторжением разведчики нашей бригады наблюдали скопление до 1000 боевиков в районе границы. В Москву ушел доклад о направлении предполагаемого удара. Если бы там планировали предотвратить нападение, они могли бы укрепить блокпосты, находящиеся на этом направлении, подтянуть войска в район и даже нанести превентивный удар в самом начале наступления боевиков. Но это сделано не было. В сентябре 1999 г. боевики Хаттаба и Басаева вошли в Дагестан, разгромив несколько мирных сел. А скоро вслед за этими событиями началась Вторая чеченская.

* * *

23 сентября 1999 г. президент РФ Борис Ельцин издал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации», предусматривающий создание объединённой группировки войск (сил). Через четыре дня, 27 сентября 1999 г., российское политическое руководство в лице главы федерального правительства Владимира Путина делает принципиальное политическое заявление, что не видит смысла в ведении переговоров с президентом Чеченской Республики Ичкерия Асланом Масхадовым. «Никаких встреч ради того, чтобы дать боевикам зализать раны, не будет», – жёстко резюмировал тогда Путин. Ещё через три дня, 30 сентября 1999 г., российские армейские подразделения и части внутренних войск перешли административную границу Чечни со стороны Дагестана и Ставропольского края. Началась Вторая чеченская кампания.

Вместе с Сухопутными войсками вошли и отряды СпН. Они входили в состав войсковых группировок, наступавших с различных направлений. На начальном этапе разведывательные органы подразделений спецназа преимущественно вели разведку в интересах выдвигавшихся войск. Ни один общевойсковой командир не двигал свои войска вперед до тех пор, пока на это не поступало «добро» от командира группы специального назначения. Имен-

но этим, в частности, объясняются небольшие (по сравнению с первой чеченской) потери войск при выдвижении к Грозному.

Спецназовцы принимали самое непосредственное участие в сборе разведывательной информации о группировке боевиков, защищавшей Грозный. Практически вся она была вскрыта с довольно высокой степенью достоверности.

В последующем спецназ также перешел к своей тактике поисково-засадных действий и совершения налетов на обнаруженные базы боевиков. Особенно это было характерно для предгорья и горных районов. Был вновь использован опыт досмотровых групп, действовавших в Афганистане и в 1-ю Чеченскую на вертолетах. В то же время, в силу того, что спецназ был и остается наиболее подготовленной и организованной частью нашей армии, ему также приходилось совместно с органами прокуратуры принимать участие в операциях по борьбе с мародерами.

По оценкам участников боевых действий в Чечне, и в частности сотрудников Управления «А» и «В» ФСБ, лучше спецназа ГРУ во Второй чеченской не воевал никто.

24 октября 2000 г. в ЦДРА была отмечена 50-я годовщина создания рот СпН. На торжественном заседании помимо начальника ГРУ присутствовал начальник Генерального штаба и Министр Обороны. В своих выступлениях они подвели итог полувековой истории спецназа и высоко оценили его заслуги перед Отечеством.

Приказом Министра обороны РФ от 26 июля 2000 г. № 399 учрежден День Спецназа, который отмечается ежегодно 24 октября.

За особое отличие в боях по обеспечению безопасности и целостности Российской Федерации в апреле 2001 г. 22-й обрСпН было присвоено звание гвардейской. Это первая воинская часть, которая удостоилась этого почетного звания после окончания Второй мировой войны.

* * *

Стараниями Российских средств массовой информации о батальонах «Восток» и «Запад», укомплектованных чеченцами, теперь широко известно не только в России, но и далеко за ее пределами. Журналисты позиционировали эти подразделения как отряды специального назначения, подчиненные ГРУ. Однако далеко не всем известно, что действительно отрядом спецназ являлся только батальон «Запад», которым до недавнего времени командовал Герой России, кавалер двух «Орден Мужества» Саид-Магомед Какиев. Этот отряд был сначала штатным подразделением 22-й обрСпН и лишь позже стал батальоном «Запад». После того как подполковник Какиев поступил в Военную Академию, батальон принял Беслан Элимханов.

О том, когда и как формировался батальон «Запад» и как он действовал в ходе Второй чеченской кампании, вспоминает офицер ГРУ, игравший далеко не последнюю роль в этом действии. По вполне понятным причинам имена многих участников описанных ниже событий изменены.

ЧЕЧЕНСКИЙ И КАЗАЧИЙ СПЕЦНАЗ ГРУ

(С. В. Козлов)

Кто стоял за «чеченскими понтами»

Необходимость формирования национальных чеченских подразделений для решения специальных задач на территории Чечни была осознана давно. В конце августа – начале сентября 1999 г., когда отряды Басаева и Хаттаба вторглись в Дагестан, было решено воплотить идею в жизнь. Офицерам ГРУ работать в тот период приходилось с большим количеством чеченцев, относящихся к оппозиции, которые вынуждены были срочно бежать из «Свободной Ичкерии». В Москве и области разведчики подбирали чеченцев, готовили их и направляли в Чечню для того, чтобы они обеспечили в дальнейшем ввод российских войск.

Одному из офицеров ГРУ, работавшему с чеченской диаспорой, тогда же была поставлена задача выбрать группировку чеченской оппозиции, на которую можно было бы делать ставку в дальнейшей военной кампании в Чеченской Республике. Сложность подбора такой группировки заключалась в том, что у чеченцев есть негативная черта – стремление выдать желаемое за действительное. Другими словами, это выражено в поговорке самих чеченцев: «Чеченский “понт” дороже американского доллара».

В поисках реальной силы, на которую можно было бы опереться в Чечне, приходилось от многих чеченцев в Москве слышать, что в их распоряжении находится отряд численностью и пятьсот, и шестьсот, и семьсот человек, вооруженных и снаряженных для активных действий против режима Масхадова. Все они обещали в скором времени организовать встречу со своим полевым командиром, который реально занимается боевыми действиями. Однако когда дошло до дела, то оказалось что у всех один и тот же полевой командир – Саид-Магомед Какиев. При встрече офицер ГРУ спросил, сколько же сейчас реально находится у него под ружьем, Саид-Магомед рассказал, что в настоящий момент у него в строю двадцать девять человек. Правда, есть и другие, которых в ближайшее время можно привлечь.

В октябре в Чечне Саид-Магомед представил офицеру этих двадцать девять бойцов, которые и стали впоследствии костяком отряда.

Исторические корни

Особенность этого отряда состояла в том, что все его бойцы принадлежали к чечено-ингушскому клану, который одним из первых перешел на службу Российской Империи еще в восемнадцатом веке. Это так называемые равнинные, или мирные, чеченцы. Русский царь выкупил у дагестанских князей земли вдоль Терека. Там они и селились. Предки бойцов отряда составляли костяк широко известной «Дикой дивизии», а также служили в охране русского царя. Шло время, и другие кланы могли менять свою линию в отношении к России, в зависимости от того, кто сильнее или кто

больше заплатит. Представители этого клана, избрав однажды свой путь, больше на протяжении веков никогда его не меняли, несмотря на множество политических и иных перемен. То есть понимание того, что будущее Чечни возможно только лишь в составе России, у них было в крови.

В Первую чеченскую кампанию от них был сформирован отряд, который действовал под патронажем ФСК. Но по завершении кампании их бросили. Несмотря на это, они сохранили верность России. В родовом селе Кень-Юрт находилось два батальона по шестьсот человек. Оставшиеся от оппозиции танки они поставили вокруг села, вырыли окопы. С тех пор ни один дудаевский боевик не мог войти в село, где до 1999 г. действовали российские законы. Басаев неоднократно собирал отряды численностью до двух тысяч человек, чтобы уничтожить это гнездо оппозиции. Однако напасть на Кень-Юрт они так и не рискнули, поскольку прекрасно понимали, что эти люди будут драться до конца, а драться они умеют.

Постепенно батальоны поредели и рассосались, поскольку надо было как-то жить. Люди уехали в Россию на заработки. Тем не менее и со стороны Масхадова больше никаких попыток захватить село не было.

Когда российские войска вошли в Чечню, боевиками была запущена дезинформация, благодаря которой Российская армия чуть было не разгромила это село как оплот Масхадова. Благо, разведка сработала нормально, и конфликт быстро разрешился. Но это было позже.

Чеченский отряд

До 27 ноября 1999 г. эта группа патриотов Чечни действовала как партизанское формирование. В ноябре была поставлена задача сформировать из них воинское подразделение. С этой целью были получены оружие, боеприпасы, форма одежды. Все это скрытно было вывезено в Чечню. Отряд вооружили, переодели. Командиром роты был назначен офицер отдельной роты СпН СКВО. Командование долго размышляло над боевым слаживанием, а потом решило: «Десять дней на боевое слаживание тебе много, пять – мало. Семь дней будет в самый раз». Соответственно, спустя неделю отряд приступил к выполнению боевой задачи.

Его основной задачей были проведение диверсий и ведение разведки в Грозном. Дело в том, что по вполне понятным причинам ни одна группа спецназ не могла незаметно проникнуть в Грозный и вести там разведку. Новый отряд имел такую возможность. Основной целью действий отряда в тот период было ведение разведки в районе, примыкающем к Грозному, и в самом городе. Первый разведывательный выход от отряда совершила в Грозный разведгруппа в составе пяти человек 28–29 ноября 1999 г.

Действовать пришлось в Грозненском и Первомайской. Отношение населения к Российской армии в районе было разным. Станица Первомайская примерно на 30–40% состояла из выходцев из Кень-Юрта, а вторая половина состояла из горских ламороевцев, которые были категорически против России. А вот Красная Турбина (неофициальное название Грозненского, так называется и его главная улица. – С.К.) была за Россию.

Была темная туманная ночь. На удалении трех метров не было видно ничего. Офицер, ответственный за подготовку, выводил их с Терского хребта, где уже находился 423-й мсп. Он взял в полку БМП, и они немного подъехали, затем спешились и вышли в Красную Турбину. Там бойцы переоделись в гражданскую одежду и просочились в Грозный, где вели разведку. Со средствами связи на начальном этапе были проблемы, поэтому собранную информацию, как в первые годы Великой Отечественной войны, разведчики-маршрутники сообщали только по возвращении обратно. На отряд было всего три «кенвуда», выкопанных из земли. Их аккумуляторов хватало буквально на час, чтобы только передать срочную информацию.

Диверсии отряд проводил вдоль Старопромысловского шоссе. Тактика диверсий – преимущественно засады. Кроме того, отряд проводил минирование подготовленных противником позиций. У боевиков было недостаточно сил, чтобы занять все оборудованные ими позиции. Поэтому их отряды перемещались по позициям в зависимости от необходимости и задачи. Именно это и использовали бойцы отряда спецназ. Они минировали эти позиции, где духи подрывались на установленных растяжках.

Также разведчики обнаруживали объекты противника, снимали их координаты и передавали командованию для поражения огнем артиллерии.

Казачий отряд

Ближе к январю по инициативе атамана Грозненского отдела Терского казачьего войска Албастова с командованием был согласован вопрос формирования аналогичного казачьего отряда. Но на начальном этапе действовал он отдельно от чеченского.

Одним из первых прибыл в отряд Карл Андреевич Гертер – атаман Якутской станицы. Прекрасный охотник, альпинист. Начинал он службу в Первую чеченскую в звании сержанта, когда офицеров из запаса не призывали. Тогда, чтобы попасть на войну, он решил в военкомате скрыть свое офицерское звание. Во Вторую кампанию в спецназе он снова стал старшим лейтенантом, заместителем командира группы. Позже, в возрасте 46 лет, получил звание капитана и должность командира группы спецназ. С ним были и казаки, которые входили в его группу. Это была обычная практика.

В отряд обычно приходил атаман от станицы и с ним группа из девяти-двенадцати человек. Приезжали со всей России и даже из Белоруссии.

Вообще, о казаках надо сказать, что это были действительно воины-спецназовцы по своему духу. У многих из них не было военного образования и каких-то специальных знаний, но они это компенсировали своим стремлением как можно скорее и лучше постичь доверенное им вооружение, освоить тактику и любым путем выполнить поставленную задачу. Действия их были нетипичными и неординарными даже для спецназа ГРУ.

Разведка Грозного

По мере продвижения войск к 5 января 2000 г. чеченский отряд вышел к совхозу «Родина», но база оставалась в Грозненском. Отряд продолжал дей-

ствовать с передовых позиций общевойсковых подразделений. Однажды разведка отряда выявила базу боевиков в здании бывшей школы. Но школа находилась в мертвой для огня артиллерии зоне. Ее прикрывали высотные здания, стоявшие по соседству. Отряд подошел к объекту на расстояние 50 м и огнем из гранатометов, огнеметов и стрелкового оружия развалил здание.

Оборона Грозного была организована очень грамотно, как в тактическом, так и в инженерном отношении. Во всяком случае, анализ оборонительных сооружений и укреплений, сделанный после штурма, позволяет сказать, что требования инженерного оборудования позиций, принятые в Российской армии, меркнут по сравнению с тем, что ждало наступающие подразделения в Грозном. Очень многое было взято из опыта вьетнамцев в их войне с американцами. Так, например, подземные ходы и тоннели, открытые в земле, и позиции снайперов были подготовлены по вьетнамскому уставу «Подземная война». Снайперы, находящиеся в заглубленных позициях, имели очень узкий сектор обстрела, но били четко во все, что попадало в поле зрения. При этом их сектора перекрывались, поэтому показаться безнаказанно из укрытия было невозможно. В такой обстановке работать было очень сложно. Но отряд продолжал собирать разведанные.

В отряде был разведчик по имени Ваха. Роста весьма скромного, да к тому же из-за ранения в Первую Чечню сильно прихрамывал. В отряде звали его «Ваха с ГРМЗ» (по названию Грозненского ремонтно-механического завода). Но человек – отваги необычайной. Он не вызывал из-за своего жалкого вида подозрений у «духов» и ходил по всему Грозному. Однажды он случайно обнаружил базу боевиков в районе совхоза «Родина». Там в подвале пятиэтажки жила русская старушка. Он к ней, как и много раз до этого, зашел в гости, а там... уже целая банда, которая недавно пришла в Грозный с гор. «Духи» его сразу стали допрашивать, предполагая в нем российского разведчика. Но старушка подтвердила, что он здесь живет и чьи-то вещи сторожит от разворовывания. Все же до конца им не поверили и решили до утра его не отпускать.

В доме было много книг, и боевики заставили Ваху читать им книги о животных. Сами они были неграмотные. Утром он вернулся в отряд, сказав, что за всю свою жизнь вслух он столько книг не прочел... Естественно, доложил о базе.

Когда налет срывают свои...

Это было кстати, поскольку перед штурмом Грозного, примерно 12 января 2000 г., была поставлена задача взять языка для допроса. Брать языка решили, совершив налет на базу.

Пятиэтажный дом, где находилась база, стоял недалеко от окраины Грозного. Чтобы подойти к нему, нужно было ночью преодолеть около 600 метров открытого пространства и выйти к остаткам железобетонного забора. Там планировали расположить одну подгруппу обеспечения. Далее собирались выйти ближе к дому, где расположить еще одну подгруппу обеспечения, которая обеспечила бы отход подгруппы нападения с захваченным языком.

Сам налет планировали начать с того, что подгруппа нападения должна была в трубы печей-буржуек бросить гранаты. После их подрыва, используя замешательство боевиков, ворваться в помещение, захватить языка и отойти по намеченному маршруту под прикрытием второй подгруппы обеспечения, которая, обеспечив отход подгруппы захвата, должна была отходить под прикрытием подгруппы обеспечения № 1.

Сначала все шло по плану. Подгруппы обеспечения вышли на свои позиции, но, как только подгруппа захвата пошла к дому, со стороны наших войск, не то с позиций 423-го мсп, не то с позиций 503-го, 30-мм пушка БМП-2 открыла огонь им в тыл. Разведчики вынуждены были залечь. Руководитель операции, находившийся с отрядом, начал связываться с командиром 423-го полка с просьбой прекратить огонь. Пока от командира полка до взводного распоряжение дошло, ушла куча времени. Но огонь не прекратился. 423-й полк поклялся, что у них никто не стреляет. Время идет. Руководитель связался с 503-м полком. Та же история, и снова мотострелки утверждают, что огонь у них никто не ведет. Тем не менее огонь продолжается.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что разведчики лежали под своим огнем, замерзая в чистом поле, и не могли выполнить задачу, хотя до объекта осталось совсем немного. Но мало того, скоро подключился и АГС-17... Перед рассветом пришлось уйти обратно.

Весь следующий день ушел на поиски неизвестного стрелка и согласование с пехотой, чтобы без приказа не стреляли.

...а когда «духи»

На следующую ночь, с 13 на 14 января, попытка должна была повториться. Для этого руководитель операции поставил задачу командиру роты 22-й обрСпН на «Урале» съездить за недавно полученными японскими радиостанциями, доставить их в отряд, а затем перебросить личный состав отряда к 21.00 в район аэродрома «Северный» для последующего выхода на повторный налет.

Но ни отряд, ни посланная машина не прибыли ни в 21.00, ни в 22.00, ни в 23.00. Чтобы прояснить ситуацию, старшие офицеры, планировавшие операцию, попросили в полку БТР с экипажем и отправились в Грозненский. Расстояние до населенного пункта – около пятнадцати километров. Весь путь проделали без приключений, но, не доезжая несколько сот метров до Турбины, сидящие на броне ощутили сильный запах соляры. Присмотревшись, увидели на дороге след от дизтоплива, а на въезде в поселок сразу же увидели «Урал» и толпу разведчиков вокруг него. «Урал» был весь изрешечен пулями, а в крыше, над местом водителя, застряла граната РПГ-22. Из дырявого бака в заботливо подставленную емкость вытекало дизтопливо.

Как выяснилось, ближе к вечеру на вероятных путях движения боевиков была выставлена засада, на которую около 20.00 с направления из Грозного вышли трое «духов». По сути задача была выполнена. Разведчики доложили об этом прибывшему ротному, а тот, в свою очередь, решил сообщить об этом командованию, но на выезде «Урал» попал в засаду.

«Духи» думали, что в машине отряд, и изрешетили весь кузов, а также неоднократно, но неудачно пытались забросить в кузов гранату. Гранаты отскакивали от тента, прикрывавшего заднюю часть кузова, и падали под ноги нападающим. Каковы их потери, можно только гадать. Сидящим в кабине повезло. «Дух» стрелял метров с тридцати, а потому граната не взвела и не взорвалась. В результате граната РПГ рассекла кожу на голове водителя «Урала» Телятникова. Тяжелое ранение получил также второй офицер, сидевший в кабине. Этот случай еще раз подтвердил истину, что от случайностей войны никто не застрахован и то, что Госпожа Удача часто одной рукой дает, а другой отнимает.

При штурме Грозного войска воевали исключительно днем, но для успешного штурма города надо было преодолеть открытые участки поля для того, чтобы зацепиться за передовые позиции и потом наращивать на этом направлении усилия. Система огневого поражения обороняющимися была выстроена очень грамотно и действовала весьма эффективно. Войска едва попытались атаковать на этом участке, как тут же одно из подразделений потеряло БМП, понесло потери в живой силе и вынуждено было отойти на исходные позиции. Артиллерийская подготовка атаки тоже не давала нужного эффекта. Боевики имели хорошие укрепления, где они без потерь пережидали огневой налет артиллерии, но с его прекращением немедленно занимали свои позиции.

Поэтому было принято решение: ночью отряду чеченских спецназовцев скрытно выйти на передовые позиции противника и захватить их для того, чтобы обеспечить наступление пехоты.

На направлении действий отряда находилось три десятиэтажных здания, которые занимали господствующее положение. С них полностью простреливалась улица Алтайская. По замыслу, с юга должны были подойти подразделения группировки «Запад», а отряд и 324-й мсп должны были действовать с севера. Продвигаясь навстречу друг другу, они должны были отсечь Старопромысловский район от основной части Грозного.

Поскольку до этого никто в Российской армии не действовал ночью, «духи» не ожидали нападения. Довольно легко удалось захватить сначала одну десятиэтажку, а затем и другую. Таким образом, спецназ свою задачу выполнил и рассек район Старых промыслов на две части.

Конец обороны Грозного

Далее войска двигались к зданию Верховного Совета до середины февраля.

15 февраля 2000 г. разведчики увидели, как со стороны противника в их сторону скрытно двигались трое. Приглядевшись, поняли, что свои. Оказалось, что это командир 6-й роты 103-го полка с бойцами. Он и сообщил, что на том направлении «духов» нет. Двинулись вместе вперед.

Ранним утром над развалинами центра висел туман. В утренней тишине периодически раздавался скребущий звук лопаты. На крыше частного дома русский мужик чистил снег...

«Духи» ушли на юг города и потом прорвались в районе Ермоловского, а далее они двинулись на юг Чечни. Но там им навстречу шли войска, которые вводили в ЧР из Дагестана.

Крупная группа численностью около тысячи двухсот человек под командованием Басаева ушла в Веденский район. Часть прорывалась вместе с Хаттабом в направлении Итум-Кале. Основной же массе было приказано возвращаться в населенные пункты, организовывать подполье и готовиться к выполнению диверсионных задач против российских войск.

Доразведка

В марте 2000 г. в один из населенных пунктов горной Чечни вышла группа крупного полевого командира, занимавшего при Масхадове серьезный пост. Обосновались они в небольшом саманном домике по улице Школьная в тупике.

О дислокации и составе банды в марте поступила информация, но доразведку, для того чтобы на месте уже определить, как действовать, провести было невозможно. Домик этот находился практически в центре населенного пункта, и при большом количестве жителей появиться постороннему незамеченным было невозможно. Удалось только на «Жигулях» проехать мимо и мельком взглянуть на указанный дом.

Проведенная доразведка показала, что идти в населенный пункт большой группой нельзя, поскольку она будет легко обнаружена. Маленькой группой – тоже нельзя, так как в этом случае можно вообще не уйти оттуда. Из-за того, что операция планировалась в центре села, ни артиллерия, ни авиация поддержать спецназовцев не могла. Расчет был только на свои силы. Точного количества боевиков на базе также никто не знал.

В конце концов было принято решение включить в состав отряда, проводящего налет, тридцать пять человек как из чеченского отряда, так и из отряда казаков и офицеров 22-й бригады. До этой операции отряды чеченцев и казаков действовали отдельно.

Боевой порядок и взаимодействие

Для действий было решено иметь боевой порядок, который включал в себя две подгруппы обеспечения, каждая по десять человек. Их задачей было обеспечить беспрепятственный отход подгрупп, выполнявших основную задачу налета. Подгрупп нападения также было две, общей численностью пятнадцать человек.

Взаимодействие было организовано только лишь с отделом ФСБ Шалинского района, который находился от места проведения операции примерно в трех километрах. Они были единственные, кто мог оказать хоть какую-то поддержку. Связь поддерживали по радиостанции, а также ими на крышу был выставлен наблюдатель. В случае необходимости мы должны были дать красную ракету.

При выдвижении к объекту впереди шел головной дозор из трех чеченцев с бесшумными пистолетами, чтобы иметь возможность скрытно унич-

тожить охрану. К дому вышли без каких-либо препятствий, также без помех ворвались в дом, а там... сидят напуганные до крайней степени дед с бабкой. Когда они поняли, кто к ним пришел, сразу же указали: «Вам не в этот, вам в соседний дом!».

Совместно пролитая кровь

Пошли в соседний дом. Первыми шли Ваха и еще два чеченца. Проникли во двор, перебравшись через забор. Во дворе стоял ЗиЛ, охраны видно не было. Стали обходить дом и натолкнулись на двух охранников, справлявших малую нужду. Они и сообразить ничего не успели, когда у каждого перед носом появился ствол ПБ. Сняли их без шума.

Когда выдвигались к дому, обнаружили еще одного боевика с пулеметом. Он, судя по всему, тоже был в охране и лежал в пристройке к дому. Но уснул. Когда выходили, увидели торчавший пулемет. Кинулись на него спящего, но мужик был очень здоровый. Он выхватил гранату и выдернул чеку. Тут его и пристрелили. Чеку вставили в гранату. Был он не чеченец, скорее всего, прибалт. Знали его только по кличке.

Далее в дом пошли казак Любченко, Зелимхан Хазбулатов и Беслан Элимханов, который в настоящее время командует батальоном «Запад». Вышибли дверь и рванули внутрь. Беслан шел впереди. На нем был бронезилет из кевлара без дополнительной плиты и на груди магазины от автомата. Войдя в дом, он чуть не наступил на боевика, лежавшего на полу. Рядом с ним лежал автомат. Беслан успел его схватить, но и «дух» тоже. В это время открылась дверь, из которой выскочила женщина и бросилась на Беслана. Началась борьба, которая разбудила одного из спящих, он вскочил и всадил из автомата очередь в грудь Беслану с полутора метров. Элимханова отбросило к стене, и он стал оседать. Он вспоминал потом: «Когда я понял, что мне в грудь, почти в упор, выпустили очередь из Калашникова, я подумал, что уже, наверное, убит, но еще не умер. Старики говорили, что когда умираешь, надо читать молитву, что я и сделал. Скоро почувствовал, как потекла кровь, значит, скоро начну ослабевать, и все... Но прошло время, а я все еще не чувствовал никакой слабости».

На самом деле в его бронезилет вошло пять пуль. Они пробили металлические магазины АКМ и застряли в кевларовом клапане, который застегивается внахлест. И только одна пуля прошла сбоку и повредила кожу. Именно там и текла кровь, но рана была неопасной. На груди, конечно, остались огромные синяки, и все...

Хуже было с другими. Часть пуль не попала в Беслана и прошла далее в нападавших. Одна из них попала Любченко в голову. Скончался он уже в госпитале. Зелимхан Хазбулатов получил две или три пули в живот, потом долго лечился.

Начался бой. КП руководителя был недалеко, сразу за забором, где он развернул радиостанции. Для завершения штурма он подтянул вторую подгруппу нападения. В это время пришел доклад о том, что в первой подгруппе один убит и трое ранены. Два офицера 22 бригады и медик выдвинулись к

дому для оказания помощи, но, как потом выяснилось, сумку медик не взял. Калантаев в одну из комнат, откуда вели ожесточенный огонь, бросил одну за другой шесть гранат. Получилось так, что они обходили стоявший во дворе ЗиЛ справа, а в это время Беслана уже вытаскивали из дома с левой стороны, поэтому командир его не видел и продолжал думать, что в доме все еще наши раненые. В это время подскочивший Калантаев бросил в окно очередную гранату. Что-то загорелось внутри, и в отблеске огня командир увидел лежащего человека и принял его за Беслана. Он заорал на Калантаева, что в доме наши раненые и надо их спасать. Дед, а ему было 65 лет, одним махом запрыгнул в окно. Но тут командир увидел, что лежавший, которого в потемках он принял за Беслана, встает. Этот бородатый «дух» с автоматом, как потом выяснилось, и был главарь банды. Его оглушило взрывами гранат и он лежал без сознания, но когда в доме стало гореть, его припекло и он очнулся, правда, плохо соображал. А из другой комнаты продолжали вести огонь и кричали «Аллах Акбар!». Так все и сгорело.

Итог налета

Спецназ уничтожил человек двенадцать. Только более часа в доме рвались боеприпасы. На пепелище потом собрали около двадцати стволов. Видимо, часть банды отсутствовала на базе.

Когда выносили наших раненых, выпустили ту женщину с ребенком, которая бросилась на Беслана. Жители села высоко оценили то, что спецназ, несмотря на ее явную помощь «духам», с женщинами не воюет. Раненых отправили на резервном УАЗике, который стоял в километре от дома.

С того боя, где и казаки, и чеченцы пролили вместе кровь, между ними завязалась крепкая боевая дружба, которая поддерживается до сих пор.

Развертывание 305-го отряда специального назначения

К 1 мая 2000 г. в смешанном чеченско-казачьем отряде насчитывалось более 350 человек. В этой связи было решено развернуть на базе этого формирования 305-й отряд специального назначения 22-й обрСпН с местом дислокации в Ханкале.

Командиром отряда был назначен Александр Субботин, бывший до этого замполитом 173-го ооСпН и собиравшийся увольняться. Командование знало его еще по успешной работе в Дагестане и потому уговорило принять отряд. Также в отряд пришли и другие грамотные офицеры бригады. Но на начальном этапе в их задачу входило только обеспечение боевой деятельности отряда. Тот же Саид-Магомед Какиев вначале числился заместителем командира группы, хотя на самом деле командовал отрядом чеченцев. Штатным офицерам было запрещено принимать участие в боевых действиях отряда. ГРУ не хотело ими рисковать.

Но постепенно и офицеры включились в боевую работу. Как сказал сам Субботин, неудобно на харчах да на портянках сидеть, когда другие воюют. Командование догадывалось об этом, но смотрело сквозь пальцы, поскольку все шло успешно.

РАЗГРОМ БАЗЫ БАРАЕВА

(С. В. Козлов)

В начале августа 305-й отряд проводил операцию против базы боевиков. Информация о том, что группа базируется в одном из домов в центре одного из населенных пунктов горной Чечни, к нам поступала и раньше. В этом селе и сейчас проживает известный чеченский художник Мехди, который ранее учился в Москве. Сам он вполне мирный человек, а вот сыновья у него пошли в ваххабиты. Отца выгнали из дома, а для матери нашли нового мужа. По их понятиям, женщина не должна жить одна.

Дом этот был известен только по описанию. В конце августа поступила информация, что в это же село должна выйти группа боевиков. По ней должна была отработать другая группа батальона «Запад» под руководством офицера 22-й обрСпН, работавшего с ними с весны.

По данному же объекту работала группа казаков. Взяли санитарный УАЗ-459, в который поместилось одиннадцать человек. Ехали, как было сказано, свернули с моста, повернули налево, а там дорога раздваивается, и по какой из них ехать, не ясно. Решили поехать по той, что левее, и выбрали дом справа.

Все вроде бы совпадает. Времени было около пяти утра, еще не рассвело. Дом быстро окружили, и только подобрались к двери, чтобы ворваться внутрь, как из нее выходит женщина, проходит мимо спецназовцев и совершенно спокойно начинает насыпать зерно. Ни один мускул на ее лице не дрогнул, хотя даже в Чечне у себя во дворе вооруженных людей в масках жители встречают не каждое утро.

В этой ситуации ничего не оставалось, как просто подойти и спросить, кто в доме живет. Женщина невозмутимо ответила, что живет в доме она, ее муж и шестеро детей. Когда она назвала свою фамилию, стало ясно, что это не тот дом.

Спрашиваем, где Мехди живет? Говорит, что не знает, хотя живет в селе очень давно. Странно, не знать, где живет известный не только в селе, но и в Чечне художник. Говорим ей об этом. Она также невозмутимо отвечает:

— Вы же знаете, что чеченцы не скажут. Зачем спрашиваете?

— Да мы можем пойти в вагончик, где он живет, и сами спросить у него, где его дом, — возмущаемся мы.

— Ну и пойдите и спросите, — и продолжает делать свою работу.

Стало ясно, что мы ошиблись и от этой женщины ничего не добьемся. Решили вернуться и пройти по той дороге, что правее. Двух человек оставили с пулеметом для обеспечения.

Вышли к дому. Дом большой, Т-образный, солидные ворота. Дмитрий и ещё один человек прошли дальше, чтобы заблокировать дом с одной стороны, а мы стали обходить с другого бока. Здесь забор перешел в сетку рабица, за которой стоял туалет. И вдруг из туалета выходит мужик в балахоне с

кувшином в руках и видит, как мы, Калантаев и Сашка-казак, занимаем позиции. Сразу кувшин бросил и к дому. Мы открыли огонь, но не попали. Тут открывается дверь, и из нее раздается автоматная очередь. Зацепило в ногу Сашку. Ну и автоматчика мы сразу завалили. Одна сторона дома выходила в кукурузу. «Духи» стали прыгать в окно, чтобы скрыться в кукурузе, но у нас там уже пулемет стоял. С другой стороны у нас стоял Гена Ш. Начали по «духам» бить. Они оказались заблокированы в кукурузе. Только один успел отойти чуть подальше, но по нему тут же открыли огонь и свалили его. Остальные начали отвечать из кукурузы. Причем били довольно прицельно – не высунуться.

Тогда решили использовать дом как прикрытие и через крышу забросать «духов» гранатами Ф-1. Это было не трудно, поскольку дома у чеченцев длинные, но узкие.

Весь бой длился не более сорока минут, а потом мы пошли на досмотр. В кукурузе лежало семеро убитых. Правда, одному из боевиков, тому, что из туалета выходил, удалось уйти, хоть и раненому в спину.

Там, в кукурузе, мы нашли спутниковый телефон, по размеру с ноутбук.

Тут Гена кричит, что в домик рядом забежали еще два боевика. Гранатами не достать, в доме женщины и дети. А тут наша вторая группа после выполнения задачи возвращалась.

Запросили командира по радио:

— У тебя из дымовых средств ничего не осталось?

— Осталось, — говорит.

Бросили в дом пару «дымовух», а из дома толпа женщин, детей и двое с оружием. Тут их и сняли.

Когда досмотрели дом, нашли спутниковую радиостанцию со стационарной антенной, которая поднималась на высоту около 15 метров. Около 40 килограммов листовок: «Воззвание к оккупантам», «Воззвание к чеченскому народу». Огромное количество черных бархатных масок в пачках. Также много радиостанций и батарей к ним. Мы их потом долго использовали для своих нужд.

Чтобы загрузить оружие и боеприпасы, потребовался целый «Урал». Даже не все трупы поместились. Мы их сфотографировали и оставили. Когда досматривали дом и грузили машину, примерно в полукилometре стояла толпа жителей и молча наблюдала.

Глава администрации села вызвал Курчалоевскую комендатуру, сообщив, что в селе убили людей. Прибыл комендант с комендантской ротой, всего человек около ста. Увидели убитых. Тут и вопросов быть не могло. «Духи» бородатые, убитые в бою. Зафиксировали факт и поехали обратно.

Но на окраине села из стогов по ним открыли огонь, ранив около пятнадцати человек. Конечно, «комендачи» развернули свои БМП и в этих стогах завалили еще шесть человек. Там же они захватили их УАЗ, тоже полный оружия. Когда стали выяснять, кто пользовался найденным спутниковым телефоном, установили, что около часа ночи по нему выходил на связь

Арби Бараев. Это он получил ранение в правое плечо, а потом уполз и где-то в селе спрятался.

* * *

Уничтожение этой базы нанесло серьезный урон боевикам. Судя по данным радиоперехвата, Хаттаб лично несколько раз связывался с Саудовской Аравией и называл еще три имени погибших наемников, занимавших высокое положение.

«Духи» даже посвятили этому событию целый разворот своей газеты, где описывался этот бой, конечно, весьма приукрашенно. В газете сообщалось, что в данное село вышла на отдых группа моджахедов. «Ранним утром 1 сентября ничего не предвещало беды. Село спало, когда в него въехали оккупанты»... Далее что-то про то, что шестнадцать моджахедов, и в том числе одна женщина, в тяжелом бою отдали свои жизни за свободную Чечню, став шахидами. И в завершение: «Оккупанты понесли тяжелые потери: 87 убитыми и 161 человек ранеными».

Мы долго смеялись над этой «уткой», вспоминая, что банду уничтожили 11 человек, из которых только один был ранен в ногу. По всей этой шумихе, а также по количеству трофеев и захваченным документам можно было предположить, что «духи» планировали какую-то серьезную акцию, но мы им помешали.

1 мая 2003 г. сформирована 10-я обрСпН

В соответствии с Указом Президента РФ от 10 октября 2002 г. и Директивой МО РФ от 30 ноября 2002 г. Д-063 в составе СКВО сформирована 10-я обрСпН. Войсковая часть 51532 сформирована с задачей: прикрытие государственной границы на юге Российской Федерации, поиск и уничтожение незаконных вооруженных формирований.

Комплектование бригады осуществлялось за счет передачи в ее состав боевых частей и подразделений обеспечения из состава бригад СпН других военных округов. Управление соединения комплектовалось из числа офицеров ДВО и СКВО. Формирование войсковой части 41726 происходило из состава обрСпН ЛенВО и обрСпН МВО; войсковой части 41742 происходило из состава обрСпН и ПУРВО; войсковой части 44183 происходило из состава обрСпН СибВО; войсковой части 55005 происходило из состава военнослужащих, прибывших из частей ДВО и СКВО; отдельный учебный батальон формировался из личного состава, прибывшего для комплектования из военных комиссариатов СКВО.

Таким образом, один из отрядов 22-й бригады и большое количество офицеров были направлены для формирования новой бригады. Как видим, спустя 27 лет история повторилась. Только теперь уже 22-я бригада, как некогда ранее 15-я, стояла у основ нового соединения специального назначения, делясь с ним своими боевыми традициями.

МНЕ ЕСТЬ, ЧТО ВСПОМНИТЬ (окончание)

(Подполковник Аскеров)

В пятом отряде бригады

Осенью 1997 г. меня назначили командиром роты в пятом батальоне, который ранее был 2-м учебным отрядом. Позднее, в 2003 г., он составил основу 10-й бригады при ее формировании в Молькино.

В то время этот отряд был самым молодым в бригаде, но коллектив сложился очень неплохой. Но основная часть офицеров отряда не участвовала в Первой Чечне, и боевого опыта почти ни у кого не было. Командовал отрядом подполковник Сорокин, который ранее служил в Афганистане, но о его заслугах там мне ничего не известно.

У нас с ним был разный подход к службе и к принципам формирования воинского коллектива. В моей роте было пятеро сержантов: Макарычьянц, Победенный, Макушенко и еще двое, фамилии которых я, к сожалению, запамятовал. Они в составе команды бригады на Первенстве Вооруженных Сил заняли второе место по рукопашному бою. Будучи командирами отделений, они имели реальный авторитет у солдат, который основывался не на сроке службы, а на их личных и служебных качествах. Они действительно были лучшими и в спорте, и в службе и потому могли научить любого солдата и показать личным примером, что и как делать. Именно такими должны быть сержанты. Но комбат сказал, что ему в отряде спортсмены не нужны, и потому он всех этих парней перевел в 411-й отряд. Естественно, у Юрия Алексеевича Кунаева они показывали себя с наилучшей стороны.

К сожалению, сержант Макарычьянц, о котором я говорил выше, погиб по вине врачей Владикавказского госпиталя. Широко известен случай, когда в начале 2000 г. в Ботлихе духи с горы ПТУРами обстреляли площадку приземления вертушек. Здесь во время разгрузки вертолета получил ранение и Макарычьянц. Осколок влетел в нос, но наши врачи на месте этого не поняли. Когда его доставили во Владикавказ, местные врачи тоже не разобрались и положили его в коридоре. Но парню становилось все хуже. Несмотря на это, его даже толком не осмотрели и помощь необходимую не оказали. В результате он скончался. Сказать, что жаль его, – ничего не сказать. Он был ростовский армянин, единственный сын из очень богатой семьи. Но отец его был настоящим патриотом и мужчиной и потому сам направил сына служить к нам в бригаду, чтобы и он стал мужчиной. Замечательный был парень. Спасибо его родителям.

Очередные разногласия с комбатом у меня возникли уже во время Второй чеченской войны. 14 декабря 1999 г. мы выехали в Каспийск. Здесь мы готовили бойцов очень хорошо и жестко, но, к сожалению, не долго. Боевая учеба шла в напряженном режиме. Я со своей ротой начинал день с утренней зарядки, в которой принимали участие все офицеры. Совершали короткую пробежку 3 километра вдоль моря в бронежилетах, надетых на десантные

тельники. Потом устраивали занятия по рукопашному бою прямо на берегу, а завершали зарядку купанием. Морпехи, которые там стояли, смотрели на нас широко открытыми глазами. Они утром выходили в шинелях и шапках. И когда мимо них пронеслось человек пятьдесят, от которых валил пар, а потом эта толпа на диком зимнем ветру купалась в Каспии, они просто лишились слов.

Хочу заметить, что, несмотря на такую жесткую закалку, никто ни разу не заболел, а бойцы впоследствии сказали мне большое спасибо. И закалка, и физическая выносливость в горах Чечни очень сильно помогли.

Разный подход

Уже 12 января 2000 г. наш отряд прибыл в Ботлих на своей технике. Я считаю, что тогда водители просто совершили подвиг, проведя колонну старой, изношенной техники по этим скользким дорогам без каких-либо происшествий. Наш зампотех Эрик Эрдниев отработал там на отлично.

В Ботлихе уже находилась 12-я обрСпН, где я сам еще недавно служил. На этой основе у нас с уральцами сразу завязались хорошие отношения. Поэтому, когда надо было обустроиваться, я пошел в 12-ю бригаду к нашим братьям. Они меня познакомили с летчиками, с которыми мы выпили за дружбу и содружество родов войск, и после этого они меня завалили «бомботарой». А что такое «бомботара»? Это упаковка для авиабомб, изготовленная из прекрасных деревянных брусков. То есть – строительный материал. Как рассказывали старшие товарищи, в Афганистане из нее строили все, что только душа пожелает. Вот и здесь мы хотели использовать ее для строительства бани.

Сколько себя помню, в разведке всегда существовало железное правило – пришли с войны или с занятий или прибыли в полевой лагерь, первым делом надо накормить и помыть бойцов. Когда солдат голодный, а у него, извиняюсь за выражение, грязная задница и стертые ноги, он не боец. Мало того, это разлагает подразделение, поскольку запущенные солдаты ощущают ненужность своим командирам и, значит, не пойдут за ними в бой. К сожалению, этим частенько страдает наша «пехота-матушка».

Но... комбат нам строить баню не дал. Вместо этого поставил столбы освещения места построения в вечернее время. То, что шла война и что это демаскировало наше расположение в ночное время, позволяя духам прицельно нас обстреливать, его не волновало. В результате именно это и случилось. Расположение обстреляли.

Я имел опыт Первой Чеченской и прекрасно понимал, что в боевой обстановке нужно. Действия Сорокина вызывали у меня, по меньшей мере, недоумение, и я этого не скрывал. Он управлял отрядом, не выходя из своего кунга. В частности, на этой почве у нас начались с ним серьезные разногласия. В конце концов он отправил меня в бригаду, мотивируя это тем, что если он пойдет в бой, то я ему в спину воткну нож. На что я заметил, что для этого надо выполнить два важных условия, первое – выйти из кунга без бронежилета, а второе – это отправиться на войну.

Железный батальон

В итоге наши разногласия достигли апогея, и меня перевели во второй батальон, который в 1999 г. был только сформирован. Это был так называемый «железный батальон», куда свели всю боевую технику бригады. Его основной задачей был вывод и обеспечение эвакуации и собственно эвакуация групп бригады после выполнения боевой задачи.

Весной 1999 г. его начал формировать майор Рябчиков Дмитрий Федорович, прошедший войну в Афганистане. Личный состав отряда формировался из солдат других подразделений по старому принципу: «На тебе Боже, что нам негоже!», и потому в отряде оказались все «залетчики» и нарушители воинской дисциплины бригады. Но именно из таких людей и получаются хорошие воины, при грамотном подходе к ним. И надо заметить, что коллектив батальона был прекрасным, начиная от офицеров управления и заканчивая последним солдатом. В отряде была одна рота на БМП и две роты на БТР. Но только экипажи машин: на БМП – наводчик оператор и механик-водитель, на БТР – башенный пулеметчик и водитель. Четвертой была моя рота – рота оружия.

Прибыв в отряд, я начал формировать роту, которая была самой многочисленной и составляла по штату 78 человек. В роте было два взвода АГС-17 «Пламя» и взвод 82-мм автоматических минометов «Василек» и 82-мм минометов «Поднос». Помимо этого тяжелого оружия, офицеры для себя, вне штата, получали в службе РАВ бригады пулеметы ПКМ. Поэтому огневая мощь и мобильность у роты была высокая. Рота была полностью механизированной. В ее состав входили: один БТР-80, несколько автомобилей ГАЗ-66 и несколько машин КАМАЗ.

Весь личный состав роты обучался не только стрельбе из всех видов тяжелого оружия роты, но и отрабатывал тактику действий в составе разведывательных групп спецназ. В итоге они могли при надобности стрелять хоть из миномета, хоть из АГС-17, а также выполнять самостоятельно задачи в качестве РГСпН. Единственное, что требовалось – радисты и средства специальной радиосвязи, которых в отряде не было.

Для того чтобы укомплектовать отряд боевой техникой, всю технику 173-го ооСпН и 411 ооСпН собрали в нашем отряде. Техника была далеко не новой и требовала серьезного внимания. Особенно это касалось 173-го отряда, который прибыл с Первой чеченской войны. Состояние техники четвертого батальона, так внутри бригады назывался 411-й отряд, отличалась в лучшую сторону, поскольку находилась в бригаде.

Получив технику, офицеры и весь личный состав начали ее восстановление, но уже осенью 1999 г. началась война сначала в Дагестане, а потом и в Чечне. Поэтому сразу же для обеспечения действий групп часть отряда была направлена в Дагестан, а потом и в Чечню.

Наличие в отряде и своей артиллерии, и техники позволяло успешно выполнять поставленные перед батальоном боевые задачи. Думаю, что не найдется в бригаде хоть один человек, способный сказать о работе нашего отряда хоть что-то плохое. Выезжали часто и работали в самых сложных

условиях, как рельефа местности, так и боевой обстановки. Такая нагрузка, конечно, сказывалась на и без того изношенной технике, и она часто ломалась.

Но, несмотря ни на что, мы всегда вытаскивали группы нашей бригады в самых сложных условиях. И делали это тогда, когда уже никто не брался за выполнение этой задачи. То погодные условия не позволяли летчикам лететь. Туман или низкая облачность. То у тех, кому поручено обеспечение действий наших групп, нет солярки. То еще что-то. Но мы всегда были готовы. Для «железного батальона» не было задач невыполнимых, если дело касалось спасения жизней наших товарищей.

На минном поле

Одним из примеров спасения наших товарищей может служить случай, имевший место в 2000 г. возле Новогрозненского. По ошибке группа 411-го отряда зашла на минное поле, где стояла «Тропа», которая на людей реагировала, а на технику – нет. Нас вызвали на броне срочно эвакуировать группу, в которой были серьезные потери. Три офицера на подрыве погибли, но часть группы была еще жива.

Надо было видеть глаза моего водителя перед минным полем. Он ничего не спрашивал, но глаза его с ужасом вопрошали: «Неужели мы туда поедим?».

Я всех успокоил, сказал, что все будет нормально, поскольку «Тропа» на машины не реагирует. Сказать-то сказал, но сам был не вполне уверен. «Железка» – есть «железка». Если сработает, кому претензии предъявлять? Их уже пытались вытащить до нас, но пешие и потому тоже подорвались.

Заехали на минное поле и старались к убитым и раненым, и оставшимся в живых, подъехать как можно ближе. Но чтобы их вытащить, все равно на землю надо вставать. Инструктирую: «Максимум – два шага». Вот так и вытаскивали. Кое-как вытащили, но пока ковырялись, духи на горе на обочине успели фугас поставить. Единственное, что нас более или менее спасло, заряд они толком не успели присыпать грунтом. Но и так, когда рвануло, у нас сразу вместо трех раненых стало четырнадцать.

Меня тогда контузило не слабо. Фокусы показывал: затягиваюсь сигаретой, зажимаю нос, и дым из ушей идет...

И служить, и воевать, и отдыхать

Через некоторое время я возглавил Второй Железный отряд. Мою роту принял Марат Сабезьянов – очень достойный офицер, настоящий спецназовец.

Кстати, надо заметить, что рота Марата очень тесно работала с 305-м отрядом нашей бригады, который был укомплектован чеченцами и казаками. Практически все выходы этого отряда они обеспечивали, и на выводе в район действий, и в ходе эвакуации.

В ходе Второй чеченской кампании отряд 9 лет постоянно находился в Чечне, дислоцируясь в местах расположений отрядов: в Новогрозненском и на Ханкале.

Первоначально срок командировки составлял шесть месяцев и год. Потом, когда я стал командиром отряда, я заметил, что такие сроки командировки утомляют личный состав. И если «срочника» можно заставить, поскольку ему деться некуда, то в условиях перехода комплектования контрактниками могут возникнуть проблемы. Я решил обратиться к генерал-майору Травкину с предложением изменить цикличность служебно-боевой деятельности личного состава моего подразделения. Надо отдать должное генералу Травкину, что он не любил «махать саблей» и навязывать свое решение, опираясь на свой статус генерала и комбрига. Он всегда выслушивал подчиненных, обдумывал их предложения и потому уже принимал единственное решение, которое он требовал выполнять неукоснительно. В этом отношении с ним было легко и понятно.

Я объяснил, что при условии комплектования контрактниками существующая система не является привлекательной для службы. Если контрактник, не вылезая из Чечни сидит там целый год, он устает. Но если ему нет замены, то он будет вынужден продолжить службу в Чечне и второй год. Мне же было нужно, чтобы ко мне люди тянулись и я мог выбирать лучших для замещения вакансий. Я предложил следующий цикл: три месяца бойцы находятся в боевой командировке в Чечне, после этого месяца отдыхают в отпуске, после этого два месяца готовятся к командировке и потом снова три месяца в Чечне. Эта система позволяла и успешно выполнять стоящие перед нами боевые задачи, и полноценно отдыхать, и нормально готовиться к боевым действиям. Травкину мое предложение понравилось, и он дал согласие на его воплощение.

После того как этот цикл был запущен, мне удалось в кратчайшие сроки укомплектовать отряд военнослужащими контрактной службы. А вскоре мой отряд стал лучшим в бригаде, нарушив устоявшуюся традицию, когда лучшим становился один из отдельных отрядов. Кроме прочего 4 рота отряда заняла в СКВО второе место по гиревому спорту. Команда бригады по рукопашному бою, в которую входили в основном бойцы моего отряда, заняла первое место в округе. Один из сержантов моего отряда стал победителем конкурса «А ну-ка, парень!». Так назывался конкурс на лучшего сержанта округа.

Ему был вручен главный приз конкурса – автомобиль. Об этом даже «Красная звезда» писала.

Неразумное решение

Несмотря на то что в течение девяти лет отряд показывал себя как боевое и эффективное подразделение, действительно необходимое бригаде в ходе выполнения боевых задач, в 2010 году отряд был расформирован.

Я считаю это решение неверным. Идея собрать всю технику в единое подразделение, наделив при этом это подразделение специфическими задачами, связанными с боевым обеспечением деятельности разведорганов бригады, абсолютно верная. Надо понимать, что спецназ – не пехота. Он решает совсем иные задачи. И когда на командире группы спецназ, который

действует в тылу противника без техники, висит боевая техника, ему просто некогда ей заниматься. В нашем же отряде нашей основной задачей было обеспечение исправности боевой техники, поскольку она являлась основным средством выполнения стоящих перед нами задач. Мы при надобности могли выступить и для подстраховки отрядов разведки. Наш личный состав и офицеры, в отличие от бронегрупп, выделяемых от мотострелковых, танковых или десантных подразделений, понимал специфику работы групп спецназа. Нами была отработана своя тактика.

Тактика и взаимодействие

Движение в ночное время по дорогам Чечни было запрещено, и никакие спецпропуска не действовали, поскольку ночью охрана на блокпостах открывала огонь, не спрашивая, свои или чужие. Поэтому по дорогам двигались на БТРах с потушенными фарами и на высокой скорости, просто снося шлагбаум блокпоста. Потом бронегруппа, состоявшая обычно из трех-четырех, реже двух машин, выходила к горам. Две первые машины останавливались для прикрытия, две, шедшие сзади, обходили их справа и слева и подходили к горам. Таким образом, место эвакуации и посадки группы на машины брось в круг.

Для организации взаимодействия мы использовали открытые каналы связи, поскольку закрытых просто не было. Но в переговорах использовались условные наименования, которые были понятны только нам. Однажды мы организовывали показное занятие для руководящего состава милиции в районе стрельбища в Новогрозненском. Для них сделали так, чтобы они могли слышать наши переговоры в эфире. На занятиях работали три машины, обозначавшие нашу бронегруппу. Вдруг вводная: «Подрыв машины. Огонь противника по бронегруппе справа». И далее действия бронегруппы.

В конце занятия они подошли ко мне и сказали, что ничего из сказанного не поняли, хоть и говорили мы по-русски. Секрет в том, что мы использовали только нам понятные обозначения. Например, все БМП у нас были «веточки», все БТР – «мальчики». Далее нумерация машин давала начальную букву имени машины. Например, БТР с бортовым номером 235 – первая буква «Д», значит его имя – «Дима», а если бы это была БМП с бортовым номером 735, то ее имя могло быть «Света». При этом все знали друг друга по «именам»: «Света, Дима, Маша, Саша и т. д.». В результате в эфире раздавалось: «Дима, на жопу упали. Веточкой прикрой слева!». Веточка, это в данном случае ствол КПВТ. То есть в переводе это означало команду: «БТР-235! Остановиться для прикрытия тыла, прикрыть огнем КПВТ левое направление». Или БТР, в который произошло попадание, у него неисправен двигатель, требуется буксир. Запрос по радио: «Дима, что с тобой?». Ответ: «Плохо себя чувствую, нужны усы». Тут же к поврежденной машине подсакивала другая, кидала буксирный трос и вытаскивала поврежденный БТР из-под огня.

Поэтому, услышав в эфире: Дима, Света, жопа, веточки, усы... милиционеры, мягко говоря, пришли в недоумение. Но мы резонно объяснили, что и духи тоже ничего не понимают.

Засада под Алероем

При действиях на броне приходилось и десант натаскивать, особенно если солдаты на войне были неопытные. Так, в 2000 г. пришлось в район разведки выбрасывать группу Портнягина из 411-го отряда, а она полностью из молодых.

Мои на броне все опытные, а эти необстрелянные. Спрашиваю на инструктаже:

— Воевали? Духов видели?

А они, как Громыхало в кинофильме «На войне, как на войне»: «Ишо нет!».

— Тогда слушайте инструктаж. Идем на броне, значит, с вероятностью процентов 60 попадем в засаду. Я вам в ваших тройках определю сектора, куда вы должны будете стрелять, как только попадем в засаду. При этом стрелять надо независимо от того, видите вы противника или нет. Просто море огня в этом направлении. Пока командир примет решение и отдаст распоряжение.

Броде бы покивали головами, типа поняли.

Как я и говорил, попали в засаду в горах под Алероем. Духи из РПГ засадили мой командирский БТР, на котором стоял новый движок. Он у меня согнул на трассе выжимал. А вся бронегруппа-то была всего два БТР. Попадание первой гранаты я после контузии и в шлемофоне не услышал.

Водитель докладывает: «Командир, что-то давление падает». Оборачиваюсь – все сидят, как ни в чем не бывало. Тут вторая граната. Хорошо, что духи били в центр машины, где кронштейны. Тут уж я догадался и на десант ору: «Огонь по направлениям!».

А они все равно пытаются увидеть духов и не стреляют неприцельно. Пока сам не начал из автомата долбить и орать: «По секторам огонь!», стрелять никто не начал. Слава Богу, наконец дошло, и они влупили со всех стволов, как я их вначале инструктировал. Тут и духи притихли. Их, судя по всему, человека три и было. Ударили из РПГ и из автоматов, но как только наш десант наконец ответил, они отошли.

А броня-то уже горит. Хорошо, мы на горке были. Машину с горы столкнуть легче. Подскочила вторая машина и помогла скатить мой БТР вниз к реке. Начинаем бороться с огнем. Но солярку не потушишь. Ее только смыть можно. А как смыть горящую солярку?

Вызвал по радио помощь. Недалеко от этого места отряд Кунаева работал вместе с моими. Они на броне подскочили и все быстро оцепили. А то мы внизу, а сверху на склонах местные. Наконец героическим трудом моих бойцов горящую солярку смыли. Один из моих бойцов, довольно крупный, просто рухнул на землю с ведром. Я думал, что его снайпер снял. А он просто от усталости свалился.

Слово о солдатском мужестве

Хочется сказать отдельное слово о солдатах, которые совершали настоящие подвиги.

Служил у меня рядовой Казак, который и по происхождению был казаком. Кажется, с Кубани. Однажды он был ранен и направлен в госпиталь. Но более или менее оклемавшись в госпитале, он удрал. В госпитале на него подали в штаб округа, как самовольно оставившего воинскую часть (СОЧ). А он своим ходом приехал в Новогрозненский. Без денег и без документов. Прибыл к нам в отряд, представился командиру и попросил разрешения выполнять и далее боевые задачи в составе отряда.

К сожалению, при эвакуации одной из групп наша броня была обстреляна в тумане, и он получил смертельное ранение в голову.

Другой, очень яркий пример, о котором даже писали в окружной газете, произошел с рядовым Калашниковым, солдатом бывшей моей роты. Он шел в головном дозоре группы в районе «Гудера». А во Второй чеченской головные дозоры сталкивались довольно часто. Потому, как и наши группы, и духи из-за частого тумана выходили пораньше. А раньше всех выдвигались головные дозоры. И вот в одном из таких столкновений в тумане наш головной дозор столкнулся с головным дозором духов, практически нос к носу. Возможности применить оружие не было, и началась рукопашная схватка. Конечно, в силу молодости, наши ребята были полегче, но и порезвее. В ходе рукопашной схватки один довольно крупный боевик навалился всей массой на Калашникова, упал на него и начал душить. Но солдат не растерялся в этой ситуации, изловчился, вытащил штык-нож и вогнал его в ухо боевику по самую рукоять. Потом вскочил и из автомата расстрелял еще двоих, с которыми дрались его товарищи. После этого головной дозор отошел к основным силам группы, предупредив их о противнике. Группа заняла оборону и потом без потерь вышла к своим.

Еще пару слов о мужестве. Был у нас еще один замечательный боец, Миша Курамшин. В июне 2000 в горах в головном дозоре столкнулись с духами. Двоих успели положить, но и духи его ранили в ногу. Эвакуировали сначала в Ханкалу в госпиталь. А затем в Моздок и далее в Ростов, тоже в госпиталь. Там сделали операцию, рану зашили... Только ватный тампон в ране забыли. Естественно, рана у парня не заживала. Через 3 месяца направили в Москву в госпиталь имени Вишневого. Но и там разобраться смогли не сразу. В результате у молодого, здорового и красивого парня началась гангрена, и ногу ампутировали выше колена.

Он, конечно, молодец, морально не пал духом, держится. Мне периодически звонит по телефону, называет Батей...

Мужество, оно ведь разного свойства бывает. Одно дело в бою не струсить, совершить геройский поступок. Другое – стать инвалидом по чужой вине в рассвете лет и иметь мужество жить с этим. Не опуститься, не запить. Оставаться Мужчиной! Что перевесит? Ответить не просто.

Несколько слов о комбатах

Хочу сказать добрые слова в адрес командиров 173-го ооСпН Володи Каменюки и 411-го ооСпН Юры Кунаева. Работать с ними было одно удовольствие. Про Юрия Алексеевича Кунаева все говорят только хорошее. Видна

его Афганская закалка и отношение к людям. Его все всегда прекрасно понимали и выполняли его распоряжения, все от солдата до командиров групп, рот и его заместителей. Он умеет очень четко поставить задачу подчиненным. Сейчас бывают отдельные молодые лейтенанты, которые еще с солдатам не научились работать, но, сходяв пару раз в горы, уже могут позволить назвать солдата, например, обезьяной. Это модно у десантников и в пехоте, а плохому быстро учатся. Юрий Алексеевич, если слышал что-то подобное, пресекал немедленно и очень жестко.

Он очень четко и жестко требовал от командиров, сколько раз и когда солдат должен питаться, как часто мыться. Внимательно следил за исполнением своих требований и вычислял легко и быстро, если они нарушались. Ему не лень было пройти по палаткам, пройти в баню и посмотреть, как моются бойцы. Он настоящий «отец солдату», комбат и офицер старой закалки, каких сейчас уже, к сожалению, очень редко можно встретить в наших Вооруженных Силах.

Очень интересно было работать с Володей Каменюкой. За все время его командования в 173-м отряде не было ни единой потери, при этом результаты отряд под его командованием дал очень большие и в очередной раз прославил этот знаменитый отряд. Надо заметить, что и офицеры там были что надо!

Гвардии майор Нос

Например, гвардии майор Сергей Нос (это псевдоним офицера), который прекрасно воевал, но совершал нестандартные поступки, которые приводили руководство зачастую в шок.

Однажды в горах столкнулся с духами и накрошил сразу человек десять. Вышел по радио и запросил эвакуации вертолетами. При этом объяснил, что эвакуация требуется срочно, поскольку духи скоро придут в себя и подтянутся для «разборки». Ему же сообщают, что сейчас к нему придет вертушка, в которую они должны загрузить тела убитых и отправить в ПВД, а потом придет вертушка снова и тогда эвакуируют его с группой. Сергей сообщает, что «потом» уже не получится, поскольку ситуация ухудшается. Но командование на него надавило. Он спорить не стал. Отрезал духам головы и, закинув их в вертолет, эвакуировал всю группу.

Приходит борт и садится в госпитале. Естественно, прибежали девчонки медперсонала. Дверь открывается, и оттуда на взлетку вываливаются сначала духовские головы. Несколько девок потеряло сознание. Да и мужикам, которые ничего подобного в жизни не видели, сильно поплохело. Естественно, его, как обычно, наказали.

Спустя некоторое время группа Сергея снова во встречном бою сразу же завалила несколько боевиков из передового охранения духов. Он с группой занял сильную позицию и продолжил бой. Но и духи подтянули основные силы. Тогда Сергей вызвал центр и запросил эвакуации. Но группа действовали очень далеко, и броня туда дошла бы нескоро, а вертушки из-за тумана не могли лететь. В общем: «выбирайся сам, как сможешь».

В этом районе недалеко стояла пехота, с офицерами которой он раньше познакомился и подружился. Он выходит на них и спрашивает, смогут ли они ему помочь? Парни в пехоте оказались боевые и не отказали. Но пока они собирались, духи начали ему кричать:

— Давай мы своих убитых заберем и уйдем!

А Сергей им отвечает:

— Я вас давно знаю, не первый год воюю. Знаю, как вы забираете своих и уходите. Так что подождите малость. Сейчас наши подтянутся и вдуют вам, как следует.

Ну, лежат, друг в друга постреливают. Нос слышит, что на гору поднимаются «Маталыги» (МТЛБ). Спустя некоторое время на горе послышались команды: «Строиться! В одну шеренгу становись!».

Он бойцам своим говорит: «Прикопайтесь-ка на всякий случай». А духи все лупят. Бойцы замаскировались ветками и листиками. Едва только успели, как послышалась команда: «Штыки примкнуть!». Услышав это, духи офигели и огонь прекратили.

А тут дальше: «За мной! В атаку! Ура!». И тут две роты пехоты, стреляя из всего, что только у них было, совершенно не замечая разведчиков, несутся в атаку. Во главе комбат! За ним бежал, видимо, писарь штаба батальона, с сумкой, в которой лежали магазины. Комбат на бегу бросал ему пустые магазины, а он ему снаряженные из сумки. При этом солдат тащил на себе еще две мины к миномету. Правда, миномета у них никто не видел.

Духи, видимо, настолько впечатлились этой картиной атаки, что отошли без сопротивления. В конце концов пехотинцы выгнали группу и вывезли их на своих МТЛБ.

Он много воевал. В один из выходов его группу зажали, и им пришлось отойти на более выгодную позицию. У него в группе был пулеметчик, казах по национальности. Он оставался прикрывать группу и, выполнив свою задачу до конца, сам погиб. Он настолько четко и самоотверженно действовал, что этим даже заслужил уважение своих врагов. Духи каким-то образом вышли на Сергея и попросили адрес этого пулеметчика для того, чтобы поставить ему там памятник на могиле. Понятно, что никто им адреса не дал, но сам факт говорит о многом. [...]

ОХОТНИКИ В РОЛИ ДИЧИ

(С. В. Козлов)

Война – есть война, и на ней бывает всякое

Рекогносцировка

В середине апреля 2001 г. от одного амира местных боевиков офицерам 22-й обрСпН поступила информация о том, что в Цецен-Юрте живет заместитель Хаттаба, араб Абу Дар, который занимался организацией всех терро-

ристических актов на равнинной части Чеченской Республики. Также приблизительно был указан дом. Но прежде чем проводить операцию, надо было провести рекогносцировку, поскольку действовать на местности по схеме, да еще ночью, довольно неудобно. Нередко какие-то детали, которые потом становятся важными, на схеме упускаются. Поэтому и в этот раз решили отправиться на машине в село. Должны были ехать на «Жигулях», так меньше привлекаешь к себе внимание. Но «Жигули» сломались, и пришлось ехать на белой «Ниве». Это совсем не одно и то же с точки зрения маскировки, поскольку на «Нивах» в Чечне ездят только боевики и спецслужбы.

Выехали на рекогносцировку 17 апреля. За рулем сидел Игорь Х, рядом Алексей У, за Алексеем – старший лейтенант Козуб Андрей, а за водителем сидел чеченец, который давал информацию на Абу Дара. Когда ехали, так и поделили сектора наблюдения. Въехали в Цоцин-Юрт с запада. Между Аргуном и Мискер-Юртом был блокпост милиции. Ехали, естественно, в гражданке и «косили» под чеченцев. У Игоря была даже чеченская черная кожаная кепка. Оружие и боеприпасы спрятали.

На посту пришлось предъявить спеудостоверение. Милиционер, проверявший документы, вместо того чтобы не привлекать к ним внимание, громко произнес: «О, какие тут крутые ребята едут!». Рядом стояли чеченцы. На сделанное замечание милиционер не отреагировал, а спорить дальше, еще больше привлекая к себе внимание, было глупо. Уехали, но по дороге пробили колесо. Правда, Игорь его быстро поменял. Заехали в село, проехали мимо указанного дома и уже стали выкручивать направо, чтобы выехать из населенного пункта. По ходу чеченец рассказывал, кто и где живет, кто поддерживает контакты с «духами».

Засада

На выезде стоял комбайн, вросший в землю, а рядом шла траншея, по которой тянули трубу. Разведчики уже были на окраине, когда водитель крикнул: «Духи!». Прямо по ходу из траншеи не дальше 30 метров торчал пулемет ПКМ, а из-за комбайна на них направили стволы сразу несколько боевиков. Алексей подал команду: «Стойте! К бою!». И тут же начал стрелять из автомата, который лежал у него на панели и направлен был стволом по ходу движения. Это был трофейный АК египетского производства с укороченным стволом, что позволило удобно стрелять из кабины бронебойно-зажигательными. Это и то, что Алексей первым открыл огонь, их и спасло. Машина стала разворачиваться, а Алексей открыл дверь и вывалился на землю, оказавшись между траншеей, где заняли позиции «духи», и сеткой рабица. Машина, сдавая назад, угодила в яму задними колесами. Игорь тоже выскочил и начал стрелять. Место было совсем открытым, и укрыться было негде. Поэтому Алексей нажал на спуск и, не целясь, полоснул длинную очередь в сторону засады, а сам тем временем рванул за сетку, перепрыгнул через забор и начал оттуда звать своих. Куда делся Игорь, было не понятно. «Духи» попытались обойти его слева, и Алексей начал отстреливаться, отходя от укрытия к укрытию.

Погоня

«Духи» гнали Алексея с полкилометра по жилой зоне и огородам. Перепрыгнув в один из дворов, он увидел чеченского мальчишку лет двенадцати. Сразу же вспомнил, что по своему ребенку стрелять не станут, схватил его за руку и стал вместе с ним отходить, отстреливаясь. Так они пробежали еще около двух километров по этому селу, но потом Алексей оставил мальчишку, а сам двинулся к дороге. Он надеялся захватить машину еще в селе и на ней скрыться, но, видимо, звуки боя всех распугали. Попытался остановить КАМАЗ, но безуспешно.

Вышел к реке Хулхулау. Но она довольно широкая, и в апреле, после дождей, полноводная. Вброд не перейдешь. Тут с другого берега его заметили боевики. Они пытались его ловить на машинах и сразу рванули к мосту. Но Алексей – офицер опытный, и поэтому сразу же ушел в частный сектор, где взял в заложницы четверых женщин, поставил вокруг себя по периметру и таким образом прошел еще метров сто пятьдесят. И тут ему повезло, в одном из дворов он увидел «Волгу» и сразу же вбежал во двор:

— Чья машина?

— Моя, я в гости с женой приехал.

Долго не разговаривая, упер ствол в спину хозяину, вместе с женой посадил его в машину и сам туда же и уже на «Волге» выехал на блокпост.

Назад, к месту боя

На блокпосту Алексей взял 12 бойцов ВВ. «Менты» тверские идти отказались. С блокпоста вышел по радио на Курчалоевскую комендатуру. Коменданта он знал лично и попросил его помочь. Дальше, не дожидаясь помощи, они остановили две гражданские «Газели», «Жигули». В машины посадили чеченцев вперемешку с нашими и двинулись к месту боя. Пока ехали через Цоцин-Юрт, насчитали человек 50 вооруженных чеченцев, которые ходили по селу. Правду сказать, Цоцин-Юрт был всегда «духовским». Солдатики перепугались. Алексей ехал на первой «Газели», а задние «Жигули» и «Газель» рванули в поле. Когда он их догнал, молоденький старлей заявил: «Товарищ полковник, мы туда не пойдем! Вы сами видите, что там творится!». Еле уговорил их зайти со стороны поля, чтобы посмотреть, может быть, там кто-то еще жив остался. И тут увидел, идет БТР. Комендант Курчалоя примчался на вырубку на нескольких БТРах.

Подъехали к месту боя. «Нива» вся, как сито. Потом в ней насчитали 72 пулевых пробоины. В салоне остался только чеченец, сидевший сзади. Видно, что его добивали, но погиб, скорее всего, сразу. Тела Андрея Козуба, которому достались все пули, когда Алексей вывалился из машины, на месте не было. Начали искать в округе. Минут через сорок к Алексею подошли и сообщили: «Там подполковника нашли». Он поехал смотреть. Из дома вышел чеченец и сообщил, что в помидорах сидит кто-то из наших. Позвали: «Игорь!». Он поднялся.

Получилось, что они отходили в разные стороны. Игорь заскочил во двор, взял в заложницы жену хозяина и сказал, что если что, то он ее убьет.

После в этот дом заходили несколько раз, но всякий раз хозяин направлял погоню в другую сторону.

Тело старшего лейтенанта Андрея Козуба найти не удалось. Подумав, решили оказать экономическое давление – взорвать все мини-заводы вокруг села. Загрузили ГАЗ-66 взрывчаткой и стали безжалостно взрывать. На третьи сутки тело подбросили. Но жителей предупредили, что если Андрей был жив, а потом его добились, село будет уничтожено. Провели экспертизу. Погиб он сразу, получив шесть пуль в голову.

Эпилог

Вскоре после этого был убит Абу Дар, но в том же бою погиб и комендант Курчалоевского района.

Разведчики и раньше подбрасывали через свою агентуру информацию Абу Дару о том, что у него в окружении работают информаторы ГРУ и ФСБ. Это делалось, чтобы вывести его из состояния душевного равновесия и заставить нервничать, совершать непродуманные поступки. Когда же в нашей «Ниве» «духами» был обнаружен труп одного из его приближенных эмиров, он вообще потерял покой.

Однажды, вскоре после описанных событий, он ехал с водителем на «Жигулях», а в это время шла колонна комендатуры Курчалоевского района. Чтобы «Жигули» не мешали движению военной колонны, их оттеснили на обочину. Но Абу Дар испугался, решив, что его сейчас будут брать, и открыл огонь из автомата, смертельно ранив коменданта Курчалоевского района. Ответным огнем он был уничтожен. Скрылся только водитель «Жигулей».

* * *

Во второй половине августа в Алерое проводилась операция по поимке Масхадова (спецназовцы прицепили ему кличку Ушастик). Летом 2001 г. ему удалось улизнуть, но вины спецназа в том нет. Об этом очерк ниже.

ОХОТА НА УШАСТИКА

(С. В. Козлов)

Обстановка

В конце лета 2001 г. группы спецназ ГРУ работали в зонах своей ответственности, ведя поисково-засадные действия по выявлению и уничтожению небольших групп боевиков на территории ЧР.

15 августа в разведорганы группировки федеральных войск в Чечне поступила агентурная информация о том, что в равнинном Алерое находится Аслан Масхадов с группой боевиков. А поскольку это было в зоне ответственности 411-го отряда, командованием была поставлена задача силами отряда блокировать Алерой до подхода основных сил.

Как раз в это время, с 15 на 16 августа 2001 г., южнее Алероя в 3–5 километрах работали три группы отряда. В тот период Второй кампании спецназ еще привлекали для блокирования и зачистки населенных пунктов. С этой целью названные три группы были перенацелены на Алерой. Из отряда для выполнения задачи были направлены еще три группы. Общими усилиями шести групп спецназ перекрыл южное, юго-восточное и юго-западное направления. Это были наиболее вероятные пути отхода боевиков из села в горы. Больше сделать наши не могли, на тот момент просто не было сил. Но спустя еще сутки в село подошли дополнительные силы. Здесь были и подразделения внутренних войск, и танкисты, и пехота, а также всевозможные ведомственные спецподразделения.

Отряду были приданы группы спецотряда Министерства Юстиции и СОБРа для работы по адресам. Их было человек по 10–15, тех и других от каждой структуры. Таким образом, был сформирован сводный отряд специального назначения.

Далее рассказывает один из офицеров 411-го ооСпН. Из соображений безопасности имени его мы не называем.

Задача

Части сил нашего отряда вместе с СОБРОм и Спецподразделением Минюста была поставлена задача, работать по адресам и искать боевиков. Остальные группы были выделены на блокирование села. Все БМП и несколько БТР были выставлены на блоки, а адресные группы работали только на БТР.

По опыту мы знали, что такая операция займет не менее пяти суток. Наша задача состояла в том, чтобы воспрепятствовать выходу боевиков из села во время зачистки. Слева от нас – сопки, справа – русло реки Малый Мичик. Село находилось в низине. Алерой, по сути, вливается в Центорой. Но в Алерое живет один тейп, а в Центорое – совсем другой. При выполнении своей задачи нам это следовало учитывать.

Одна наша группа занимала позиции на холме. В ста метрах от крайних домов находилась моя группа. Всего на блокировке сидело четыре группы. На обратном скате нашего холма находилась позиция отделения внутренних войск на БМП-1, которым командовал прапорщик. Правда, отделение – это громко сказано. Помимо экипажа, было всего четыре солдата. У каждого всего по четыре магазина. Непонятно, кто и как их отрядил на войну, но на машине было только горячее, и заводилась она только «с толкача». Боеприпасов ни к пушке, ни к пулемету не было. Вот такая «грозная силища». Мы сразу поняли, что это не помощники, поэтому с их направления наставили мин на растяжках. Правда, потом, пока мы сидели, их коровы снимали.

Зачистка и ожидание

Три дня шла зачистка, но все было тихо. В смысле, войны не было. Поскольку по ночам кто-то из прибывших и наши ВВешники палили «в белый свет, как в копеечку», я думаю, они нам в последующем и помочь не могли.

Просто патронов уже на войну не осталось. Собственно, выполнять задачу они и не собирались. Охраняли сами себя.

Мы уже думали, что ничего не получится, начали мысленно готовиться к возвращению в расположение отряда. Погода была сырая и холодная. Ни обсохнуть, ни обогреться было негде. Оставаясь постоянно на месте без движения, коченеешь ночью довольно быстро. Поэтому два моих пулеметчика из трех простудились и заболели. Пришлось их отправить в расположение отряда.

Адресная проверка шла спокойно. Группы последовательно проверяли намеченные адреса, стараясь найти боевиков или что-то, что указывало на их присутствие. Например, какие-то признаки схронов, которые обычно устраивают в домах боевики. Задача эта непростая и требует особых навыков и пристального внимания от бойцов спецназа, поскольку боевики и их пособники тщательно маскируют вход в схрон и надежно прячут оружие и предметы амуниции в тайниках, если в этом есть необходимость. Однако все было чисто, и никто никакого сопротивления не оказывал.

Три дня прошли без каких-то эксцессов, но на четвертые сутки примерно в 17.00 в селе вспыхнул бой.

Обстановка обостряется

Одна из групп, которая проверяла намеченный адрес, натолкнулась на сопротивление. Собственно, когда они работали в здании, все было тихо. Уже сели на броню и тронулись, когда из дома по ним открыли огонь. Скорее всего, у «духов» сдали нервы. А может, так было задумано. Теперь мы уже не узнаем истинную причину. Но, так или иначе, а у дома завязался бой. Спецназ дом блокировал и открыл ответный огонь. Но «духов», занявших позиции в доме, сразу выкурить не удалось. Оборонялись они очень жестко.

Тогда вызвали «вертушку», но работать она не смогла из-за близости наших позиций от дома. Так «двадцатьчетверка» и улетела, не отстрелявшись. Некоторое время еще в селе шла перестрелка, но потом стемнело, и около 21.00 поступил «мудрый» приказ отойти, чтобы продолжить все завтра, вместо того чтобы додавить их сегодня. Или хотя бы жестко блокировать, чтобы не дать переместиться в другое место под покровом темноты. Правда, полностью выполнять этот приказ не стали. Адресная группа немного отошла от осажденного дома и там заняла позиции. Но полностью контролировать дом и подступы к нему уже не могла. «Духи», понятное дело, из этого дома перешли в другое место. Как потом стало ясно, они готовились к прорыву из села. Трудно сказать, для чего это было сделано. Возможно, своим прорывом они пытались отвлечь нас от основного предмета наших поисков и таким образом дать Ушастику возможность скрыться. Понимая, что в эту ночь боевики, возможно, пойдут на прорыв, мы подготовились к ночному бдению. А наиболее закрытые для нашего наблюдения места (тропы, посадка высокой сухой кукурузы) мы заминировали, поставив мины на растяжках. Хорошо, что за день до этого я заставил бойцов вырыть

нормальные окопы и замаскировать их. Позиция наша находилась вдоль одной из троп, которая потом спускалась в лошину.

До 23.00 было тихо. Вдруг сработала растяжка. Мы напряглись, ожидая возможной атаки боевиков. Но сначала послышался собачий визг, а потом, жалобно скуля, собака скрылась где-то в селе.

Около часа ночи мы решили смениться. Полгруппы закончила свое дежурство, подняли вторую половину. Но отдохнуть уже никому не удалось.

Просачивание

В начале второго часа мне доложил наблюдатель: «По склону поднимаются на нас какие-то люди!». Смотрю в БН – точно, идет кто-то. За плечами мешки. Поначалу подумали, что, может быть, это свои. Может, группа СОБРа идет? Но потом я начал соображать. Чего бы СОБРу по ночам шастать там, где и на нашу мину, и на нашу пулю нарваться запросто можно? Если бы они пошли, наверняка бы предупредили. Да и соседняя наша группа тоже так не пошла бы. Сначала бы связалась с нами, прежде чем куда-то в ночи двигаться. Ну и остается одно. «Духи»! Наблюдаем за ними дальше. А они уже совсем близко. Прошли метров тридцать и сели. Посидели немного, видимо, осмотрелись и снова встали. Пошли дальше.

Думаю, что они поняли, что утром и днем их додают, и решили прорываться. А может, и Масхадов их послал, чтобы от себя отвлечь. Они вышли на нас, поскольку в районе наших позиций был самый короткий открытый участок для перехода из одной «зеленки» в другую. Его проскочить проще в темноте. Позиции у нас хорошо замаскированы были, да и сами мы, в отличие от прочих, сидели скрытно. Видимо, за все время мы не «засветились», и «духи» подумали, что это неохранный участок и им удастся беспрепятственно выйти из кольца. Хотя на самом деле, если бы они пошли по дороге, там они точно ушли бы, и никто бы не заметил, поскольку ее вообще никто не контролировал. Когда «духи» окончательно вошли в зону огня, я дал команду. Начал долбить пулеметчик. Отстрелялся. Но странное дело, ответного огня нет. Смотрим – снова идут. Мы снова огонь открыли. Секунд через 5–10 прекратили. Наблюдаю – снова идут. И никто не отвечает.

Прорыв

Я даже растерялся, но тут в ответ как дали из нескольких подствольников. Несколько гранат легли у наших позиций. Одна у нас прямо перед бруствером разорвалась. Хорошо, что окопы оборудовали. Никого не зацепило. Мы им ответили из стрелкового. Кроме того, у меня один расчет АГС-17 совсем недалеко от меня был, а второй – немного в стороне. Начали работать и они, поскольку бой разгорелся не на шутку. Я автоматически посмотрел на часы. Было примерно 1.50.

Недалеко от нашей позиции стоял БТР. «Духи» его засекли и по нему трижды выстрелили из РПГ. Одна граната разорвалась за ним, вторая тоже ушла с перелетом и разорвалась в воздухе, третья попала в колесо, но не разорвалась, как обычно. Кумулятивной струей воспламенило масло, топли-

вопровод, электропроводку. Скоро и сам БТР загорелся. Экипаж под огнем начал спасать машину и тушить пожар. И тут мой пулеметчик вспомнил, что в БТРе у него лежат снаряженные коробки с лентами к пулемету. Ни слова не говоря, он рванул к машине. Я когда сообразил, куда он лезет, кричать что-то уже поздно было. Мысленно с ним простился. Думал, что ему уже конец. Но Бог миловал. Он беспрепятственно вытащил три коробки с лентами и принес на позицию. И снова из пулемета по «духам» долбить начал. А бой тем временем не стихает.

«Духи» яростно отвечали из всего, что у них с собой было. Время идет, а я вижу, что моя группа одна воюет. Никто из соседей не помогает. Решил связаться, запросить поддержку. Кричу радисту: «Что у нас со связью?». А он мне: «Тангенту перебило!». Я ему: «Меняй!». А он: «И так уже меняю».

Я тем временем беру «Муху», которая рядом лежала, начинаю «в запарке» дергать, чтобы взвести. Потом соображаю, что предохранительную чеку выдернуть надо. Дернул кольцо! Снова пытаюсь взвести. Опять не получается, отбросил. А утром разглядел причину. Кольцо выдернул, а чека в пазу так и осталась. Застряла.

Слышу снизу: «Алла-а-акбар!». Кричу связисту: «Ложись!». И сам падаю. Разрыв! Поднимаюсь, снова запрашиваю: «Что у нас со связью!». А он мне: «Вторую тангенту перебило!». Думаю: «Что делать? Без переговорного устройства какая связь?». Но тут радист мне кричит: «У меня третья есть!». Спрашиваю: «Откуда она у тебя? В комплекте только две». Отвечает: «Уходили когда на войну, смотрю, у палатки валяется. Ну, я ее в рюкзак и бросил». Связи ни с кем вообще не было сорок минут.

Соседи

Воевали мы с «духами» примерно до четырех утра. Никто нам так и не помог. Даже соседи, отделение внутренних войск, которое рядом сидело. Когда все кончилось, я к ним троих отправил. Думаю, мало ли чего. Взаимодействие наладить надо. А у них никто ни единого выстрела не сделал. Спрашиваю у командира, почему он не помог нам огнем. Ведь слышал звуки боя. А он говорит: «А я думал, вы балуетесь!». Я даже вскипел: «Мы четыре ночи сидели, не стреляли, а тут с 20-го на 21-е вдруг начали “баловаться”. Хоть бы поинтересовались, с чего это так».

Ну ладно, это – чужие. Начинаю запрашивать другого командира группы, нашего же отряда. А он говорит: «А я не слышал, что бой шел». Мы почти два часа воевали, а он не слышал! Правда, командир еще одной группы попытался нам помочь. Но тут у него какая-то невезуха началась. Он сделал пару выстрелов из БМП, и у него гильза застряла в патроннике. Дает команду расчету АГС-17, чтобы он нас огнем поддержал. А те показывают свою «машинку». Ей в крышку ствольной коробки пуля угодила и все разворотила.

Утром, часов в пять, пошли посмотреть, кого мы замочили. Выяснилось, что пятерых. Четверо недалеко лежали и один немного в стороне, на дороге.

Снова прорыв

В это время по радио слышу, как мой сосед, который боя не слышал, сообщает: «Меня обходят сзади». «Духи» шли от тропы к кустарнику. Мы открыли огонь. Завалили сначала одного, потом второго. Думали – все, но потом заметили и других. Смотрим, еще двое на гору бегут. Открыли по ним огонь, но им повезло, успели за обратный скат забежать. Потом стало понятно, что это вторая группа, только меньше числом, пошла на прорыв. Вроде все стихло.

Стали проверять растяжки, установленные вечером в кукурузе и на тропе. Там стояли «сигналки», три ОЗМ-72 и четыре ПОМЗ. Все растяжки были сняты. При этом проволока на растяжки шла не обычная, а с сигнализационной аппаратуры «Лиана». Она тонюсенькая, заметить очень трудно, особенно ночью. Устанавливали на уровне щиколоток и в кукурузе, и на тропе. Но, видимо, сапер у них очень опытный был. Скорее всего, на четвереньках полз и впереди себя осторожно все ощупывал. Все мины поснимал.

Продолжаем разговор

После этого боя операцию продлили еще на несколько дней.

В первой половине дня 21 августа начали снова село проверять. В домах раненых находили. Во дворах – свежие могилы. Кроме того, раненых находили и в Центорое, и в Бачи-Юрте. Всего мы завалили тогда 22 человека. Как потом выяснилось, на моем участке прорывалось человек пятнадцать. Еще 5–6 «духов» шли у соседа. Правда, говорят, что еще пятерым удалось уйти. Все-таки ночь была довольно темной. Они воспользовались складками местности и по ложбине смогли выскользнуть.

У нас тоже было шесть раненых. Все ранения осколочные от подствольника.

О руководстве

Вообще, конечно, спланирована эта операция была не лучшим образом. Когда мы сидели на блоке, у нас вообще никакой информации о противнике не было. Задача была поставлена очень пространно: «Блокировать... Не допустить...». Конечно, мы не маленькие, и так понятно. Но если бы у нас было больше необходимой информации, можно было лучше отработать.

Потом, после боя, туда войск нагнали немерено. И танкистов, и мотострелков, и ВВшников, чтобы села «шмонать». Но толку-то уже не было. Наши группы тоже ближе к центру переместили. Пришли «вертушки». Их начальник сидел у нас в ПВД и наводил оттуда. Навел. В результате «двадцатьчетверки» накрыли НУРСами позиции одной из наших групп. Слава Богу, никто не пострадал.

Потом сидели еще пять дней, пока все это закончилось. Неожиданно, не понятно зачем, среди бела дня артиллерия стала долбить осветительными. Начался обычный армейский бардак.

Подъехали еще наши спецназеры из уссурийской бригады. Тоже им задача была поставлена кое-как. С грехом пополам и с нашей помощью

разобрались, куда им идти и что делать. Они, правда, тоже нашли рюкзаки, которые «духи» побросали, когда убегали. Подобрали автомат без крышки ствольной коробки. В ходе зачистки нашли бабку, которая прятала в стоге сена пулемет. В подвале одного из домов в Алерое обнаружили оборудованную по последнему слову операцию и взяли хирурга. Масхадова не нашли.

«А был ли мальчик?»

Как говорят, Масхадова тогда вывез на своей машине ныне покойный Кадыров. А чему удивляться, если даже наши российские офицеры за деньги «духов» из блокированных районов вывозили?

Был у нас такой случай. Район блокировали, и старшее начальство очень жестко приказало досматривать машины, которые из района выезжают. Выпускать даже своих из района можно было только по специальному списку.

На блокпосту стояли спецназовцы из соседнего отряда. Старшим у них был замполит, по кличке Батюшка. По аналогии со Святым Отцом, поскольку тоже за души отвечает. Он вообще-то не замполит, нормальный офицер, но сейчас на должности заместителя по воспитательной работе кого только не назначают. А парень он довольно резкий.

Как-то на их пост вышла колонна МВД, а с ними на УАЗике заместитель коменданта района. Батюшка в список смотрит, а там ни про эту колонну, ни про УАЗ замкоменданта, да и про него самого, ни слова.

Он командует:

— Всем к машине! Оружие на землю!

Ну, все – не дети, понимают, что к чему. Милицейские вылезли, безропотно оружие положили и отошли.

А замкоменданта решил Батюшку на голос взять:

— Ты что, лейтенант! Не видишь, кто перед тобой? Да я тебя...

Ну, и так далее.

А сам автомат в руке за пистолетную рукоятку держит стволом вниз.

Но на Батюшку кричать, все равно что на стенку. Он автомат держит наизготовку и свое давит:

— Оружие на землю! Отойти от машины!

Дело в том, что две бородатые хари он в УАЗике давно заметил.

Тут «комендач» не выдержал, вскинул автомат и в Батюшку очередь дал. Да промазал. А Батюшка не промазал.

Шум начался, но когда «духов» из машины заместителя коменданта вытащили, все ясно стало. Заместитель коменданта бандитов за деньги из блокированного района вывозил.

Батюшку за бдительность даже наградить медалью обещали, да так и не наградили. Если бы на блокпостах не продажные «менты» да пехота стояли, а офицеры и бойцы спецназа, то давно бы всех «духов» переловили, включая неуловимого Басаева.

Вот только где столько спецназовцев найти?

О своей службе в 22-й бригаде вспоминает генерал-майор Валерий Юрьевич Травкин – командир гвардейской бригады спецназ в 2002–2007 гг.

КАК Я СЛУЖИЛ В 22 БРИГАДЕ

(В. Ю. Травкин)

В Афганистане

За мою военную службу с 1980 по 2007 гг. наиболее яркие воспоминания и лучшее время службы связано с 22-й бригадой спецназ. Первый раз в 1987–1988 гг. – на должностях командира группы, а затем роты в Афганистане.

В 22-ю обрСпН я попал служить в Афганистане в ноябре 1987 г.

Границу пересек 17 октября 1987 г. и оказался на «пересылке» в Кабуле. Даже прибыв из Ташкента, мы все ощутили сильную жару, когда открылась рампа Ил-76, на котором мы прилетели. Случилось так, что должность, на которую я был предназначен, оказалось занята, и мне пришлось болтаться около месяца на пересыльном пункте в Кабуле. Мимо проходило много людей, которые приезжали по замене, ехали в отпуск, в командировку. Я слушал рассказы о подвигах солдат и офицеров. Хотя рассказы были просты, и подвигом это не считалось. Все просто выполняли свой воинский долг.

Заменщик. Однажды на пересылке я встретил старшего лейтенанта, который не мог заменить по причине отсутствия замены. Познакомились. Звали его Виктором. Вместе поехали в штаб 40-й армии. Пришли к кадровику. Виктор меня представил как своего «заменщика». На вопрос хочу ли в спецназ, я ответил утвердительно. Получил предписание и этим же вечером на Ан-12 улетел в Кандагар.

Утром следующего дня вместе с другими офицерами мы зашли в 173-й отряд, в казарму, где личный состав роты собирался на боевой выход. Это было очень необычно и очень интересно.

Знакомство. Вечером улетел в Лашкаргах, к месту дислокации штаба 22-й бригады и 370-го ооСпН, по афганской нумерации – «шестого омсб». Когда Ми-8 заглушил двигатель, мы оказались в полной темноте. Лишь вдали горели несколько ламп. Я пошел на свет и вышел к ряду казарм из саманного кирпича. Среди этих строений отыскал 3-ю роту.

Зашел внутрь. Меня проводили в каптерку. Там на кровати сидел тогда еще капитан М.П. Федин, аккуратно подшитый, в чистом обмундировании. Мужик в тельняшке, оказавшийся старшиной роты, Володя Непран налил мне стакан самогона. Познакомились. Показали кровать. Наутро выдали тельник, песочку. Представили группе. Командир 1-й группы Вадим Шкиперов на картинках рассказал особенности действий РГ в пустыне. Так я стал спецназовцем.

Боевое крещение. Через неделю, как исключение из правил, я уже с Вадимом вылетел на первый боевой выход. Но до места не долетели, так как обнаружили двух мотоциклистов. Завязалась перестрелка. Один из духов пытался из РПГ-7 сбить вертолет, на котором летел я со своей подгруппой. Я видел направленную на вертолет гранату. Ощущение не из приятных. Подсев, мы выбрали мотоцикл и уже разряженный гранатомет. Это было мое первое боевое крещение. Нам поставили задачу вернуться на базу.

Еще через три дня я уже сам командовал досмотровой группой. Опять повезло. Обнаружили машину с боеприпасами. Был короткий бой. По возвращении командир отряда майор В.В. Еремеев приказал представить всю группу к Правительственным наградам. Свой первый орден я получил уже в июне 1988 г.

Что дал мне спецназ. Я знал и верил, что был частью великой армии и великой страны. Я знал, что если где-то меня будут убивать, то по моему вызову через 20 минут прилетят два боевых самолета, в течение часа – четыре вертолета и 20 моих товарищей, ну, а если ничего не будет летать, то в самый отдаленный район зоны ответственности нашего отряда в течение суток придет броня и нас вытащат.

Еще одно яркое воспоминание. Процесс получения материальных средств, боеприпасов на последнем этапе подготовки РГСпН к боевому выходу для непосвященного человека может показаться хаотичным, неуправляемым. Но это не так. С самого раннего утра люди носятся с рюкзаками, коробками, флягами, пулеметными лентами. В плащ-палатках носят сухой паек. К комнате для хранения оружия подъезжает техника с патронными ящиками. Старшина выдает командирам групп боеприпасы согласно поданных заявок. Гремят патроны и ленты в машинках «Ракова». Эти уже снаряженные ленты укладываются в самодельные безразмерные разгрузочные жилеты, изготовленные из бушлатов без рукавов и с нашитыми на них брезентовыми карманами. 1000 патронов в лентах. Бушлат с такой начинкой стоит на земле, как рыцарские латы. А носить его по горам и пустыне занятие не для слабых. Пулеметчики, как правило, крепкие парни. По окончании процесса «сбора на войну» на улице перед казармой стоят стройные ряды тщательно уложенных рюкзаков личного состава роты, уходящего на боевой выход.

Письма из дома. Самое ожидаемое событие в жизни каждого. Вертолеты с почтой прилетали в Лашкаргах один раз в два–три дня в темное время суток. Никто не ложился спать до прибытия почты. Потом каждый по несколько раз перечитывал эти письма от родных и любимых. И старались сразу же написать ответ. Так что в такие дни спать ложились очень поздно.

На Родину. 11 августа 1988 г. в районе города Кушки 22 бригада вышла из Афганистана на территорию СССР. Сразу за рекой, на советской стороне, на высоком холме стоял большой белый крест – символ величия Российской

ИСТОРИЯ ЧЕЧЕНСКАЯ

173-й ооспН. Построение. ПВД Новогрозненский, 2000 г.

173-й ооспН. Проверка экипировки разведчиков перед выходом на боевую задачу.
ПВД Новогрозненский, 2000 г.

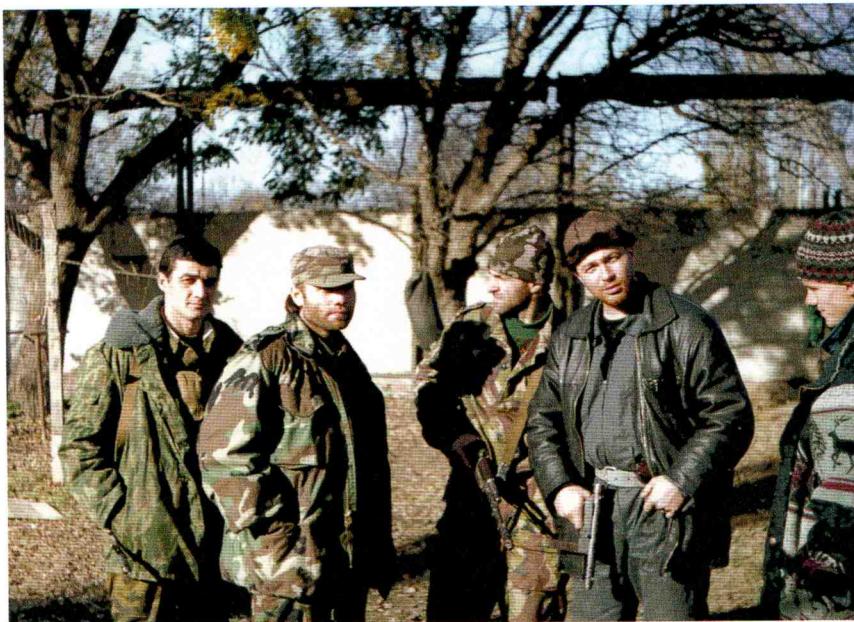
173-й ооспН. Выход к бронегруппе после выполнения задачи. Сентябрь 2000 г.

173-й ооспН. Трофеи, добытые в ходе спецоперации в окрестностях с. Аллерой. Октябрь 2000 г.

С бойцами 305-го ооСпН. 2000 г.

Второй слева – командир батальона «Запад» Саид-Магомед Какиев;
четвертый – В.Каразий. 2000 г.

Вверху: 173-й ооСпН. РГСпН в поиске в окрестностях Бачи-Юрт. Январь 2001 г.

Слева: Подготовка к уничтожению боеприпасов в окрестностях Бачи-Юрт. Январь 2001 г.

173-й ооСпН. ПВД Новогрозненский. Январь 2001 г.

Начальник ГШ ВС России генерал армии А.В.Квашнин повязывает Георгиевские ленты к знамени 22-й бригады (на фото спиной – командир бригады полковник П.С.Липиев). Пос. Степной, март 2001 г.

На параде в г. Аксай Ростовской обл. 9 мая 2001 г.

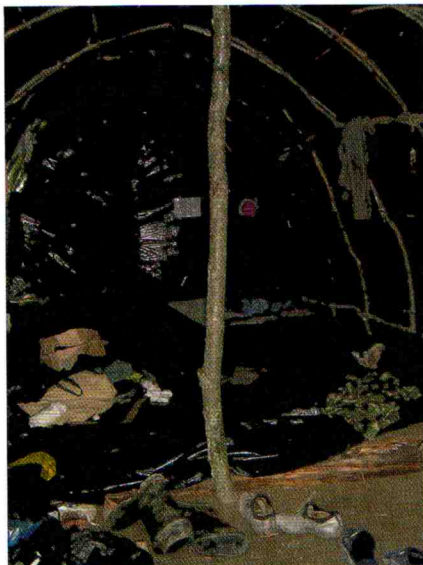
108-й ооспН во Второй чеченской кампании

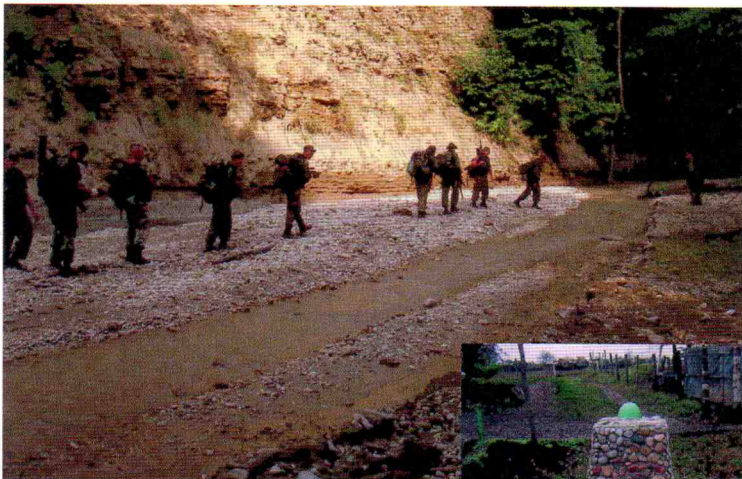
551-й ооспН во Второй чеченской кампании

411-й ооспН во Второй чеченской кампании

База НВФ, захваченная разведгруппой 411-го ооспН

Слева: 173-й ооспН. Выход на боевую задачу в районе Гансолчу. Чечня, июль 2005 г.;
справа: 173-й ооспН. Памятник погибшим в ПВД Новогрозненский. 2005 г.

Командир бригады генерал-майор Травкин. Чечня, 2005 г.

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ – ПРОЛОГ

Группа 173-го ооспн во время обострения грузино-осетинского конфликта.
Рокский перевал, 2005 г.

Южная Осетия, 2006 г.

УЧЕНИЯ «КАВКАЗ-2008»

Вывод групп 108-го отряда морским путем (на «Джейранах»). Учение проводил Ю.А.Кунаев. Каспийск, Дагестан, 2008 г.

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

108-й ооспН. Перед отправкой. Южная Осетия, 8 августа 2008 г.

Слева вверху: Над Бесланом. 8 августа 2008 г.; справа вверху: РГ 108-й ооспН в районе ожидания; слева: колонна 108-го ооспН. Южная Осетия, 9 августа 2008 г.

108-й отряд. Смотр готовности. Южная Осетия, 20 августа 2008 г.

108-й отряд. После выхода. Южная Осетия, 21 августа 2008 г.

Гвардии рядовой к/с радист 4 группы 1 роты 108-го ооспН Сергей Парфенов. Погиб в Южной Осетии 9 августа 2008 г.

Преодоление водной преграды. Южная Осетия, 2008 г.

БП. Южная Осетия, 2008 г.

Броня и расчеты АГС отряда огневой поддержки с личным составом 108-го отряда. Южная Осетия, август 2008 г.

Президент Д.Медведев вручил награду разведчику 1-й роты 108-го ооспН гв. ряд. А.Чебаненко. Москва, Кремль, апрель 2009

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Учебный центр «Дарьял». Справа сверху:
снайпер на позиции. Высота 2200 м

Огневая подготовка

Занятия по радиосвязи

Занятия по оказанию первой медицинской помощи

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ, ЛЕГКО В БОЮ

На полосе препятствий

Строевой смотр

Занятия по ЗОМП

Кросс

Марш-бросок

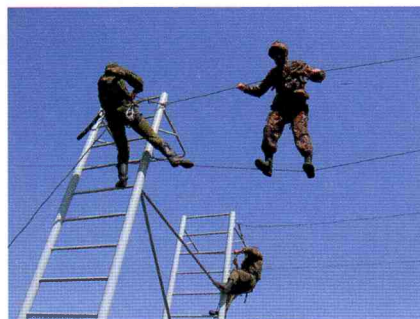
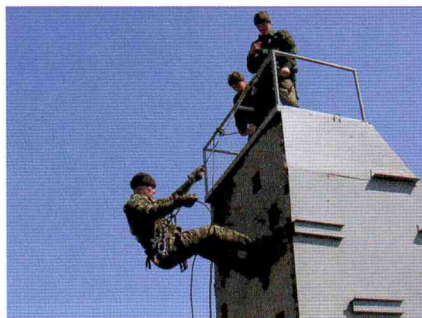

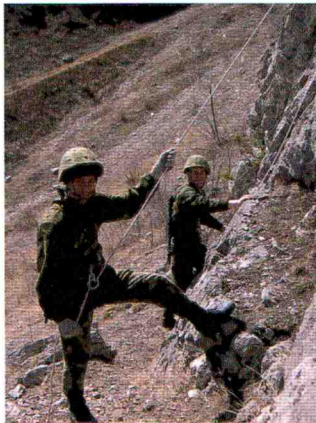
Эвакуация раненого

На связи

ГОРНАЯ ПОДГОТОВКА

ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНАЯ ПОДГОТОВКА

СТРОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

ВРУЧЕНИЕ БОЕВОГО ЗНАМЕНИ БРИГАДЫ

Вручение Боевого знамени. 7 мая 2010 г.

Фото на память после церемонии вручения. 7 мая 2010 г.

Министр обороны С.Б.Иванов и Полпред Д.Н.Козак.
Июль 2007 г.

Памятный подарок вручает
начальник штаба СКВО
генерал-полковник
В.В.Герасимов. 2007 г.

В гостях у бригады
офицеры ОБСЕ.
Январь 2006 г.

У БРИГАДЫ В ГОСТЯХ

Смотр проводит начальник штаба СКВО генерал-полковник С.А.Макаров. Май 2008 г.

В гостях знаменитый оружейник М.Т.Калашников. Сентябрь 2007 г.

Маршал Советского Союза Д.Т.Язов. Апрель 2007 г.

ПАМЯТЬ

Ветераны 173-го ооСпН перед открытием памятника погибшим воинам 22-й обрСпН. Аксай, утро 24 февраля 2000 г.

Памятник погибшим воинам 22-й обрСпН открывают п/п-к В.Недобежкин, п-к А.Полович, п/п-к запаса Т.Мурсков. Аксай, 24 февраля 2000 г.

Ветераны 173-го ооспН у открытого памятника погибшим воинам 22-й обрСпН.
Аксай, 24 февраля 2000 г.

25-я годовщина создания 173-го ооспН. Ветераны отряда у памятника погибшим с
командиром 22-й обрСпН генерал-майором Травкиным (в центре). Аксай, март 2005 г.

В гостях у К.М.Цаголова. С.Бреславский, В.Недобежкин, А.Хоптяр. Москва, 1997 г.

Возложение венков к памятнику погибшим 173-го ооСпН. Аксай, 24 февраля 2000 г.

Храм в честь св. великомуч. Георгия Победоносца в ППД отряда. Аксай, 2005 г. Памятник погибшим 173 ооспН открывает ветеран отряда С.Козлов. 12 июня 2005 г.

Встреча на праздновании 30-летия 22-й обрСпН: В.Чернобылов (4-й слева), далее – А.Шинкарев, С.Руссков, Д.Герасимов, А.Петров (крайний справа). 22 июля 2006 г.

Мемориал «Доблесть и память подразделений специального назначения России» в г. Химки Московской области. 2007 г.

Автор и исполнитель песен о спецназе Михаил Калинин. Москва, 28 февраля 2009 г.

О.Мартьянов, С.Бреславский. Москва, 28 февраля 2009 г.

Фото у Музея Славы 22-й гв. обрСпН в кадетской школе № 1721. 28.02.2008

Ветераны 15-й и 22-й бригад спецназ в кадетской школе № 1721.
Москва, 28 февраля 2009 г.

Слева направо: Э.Язджан, Л.Рожков, С.Козлов, А.Корнев. Батайск, 27 февраля 2010 г.

Общее фото на память в ппд 173-го ооспН. Батайск, 27 февраля 2010 г.

Империи. А у подножия этого же холма был размещен герб СССР. Это была наша Родина. Не было, пожалуй, в тот день ни одного воина, который бы не сглотнул ком в горле от этого зрелища. Мужчины не плачут.

В должности командира бригады

Во второй раз я попал служить в 22-ю бригаду уже в должности ее командира в ноябре 2002 г. и прослужил в этой должности до поступления в Военную академию Генерального Штаба в 2007 г. В этот период на нашу долю выпали не только боевые задачи на территории Северного Кавказа, но и выполнение Федеральной целевой программы по переходу на контрактный способ комплектования. Три года шла эта работа. За это время бригаду посетили, пожалуй, все, кроме Президента РФ и Аллы Пугачевой. Все делалось быстро и непродуманно. Я неоднократно докладывал московским визитерам о тех системных ошибках, которые имелись в содержании ФЦП. Но никого не интересовало мнение командира бригады.

Но главное, чего удалось достигнуть, это создать полноценную учебно-материальную базу боевой подготовки. Нами были построены и оборудованы полигон «Кадамовский», два ВДК, два тира, учебные городки по всем предметам боевой подготовки, два прекрасных учебных корпуса и другие объекты. Только классов по подготовке радистов стало более десяти. Подразделения бригады получили возможность заниматься на хорошо оборудованных учебных местах в двух военных городках и на собственном полигоне. Большой личный вклад внесли в это дело мои заместители полковники М.В. Говорухин, Ю.А. Кожин, А.В. Зинченко, Э.С. Боковец, начальники служб подполковники С.В. Чернышов, И.А. Дейко, майоры О.А. Лупанов, И.А. Дербенев. Был обустроен автопарк бригады под руководством подполковника А.В. Свириденко, а солдатская столовая и банно-прачечный комбинат офицерами тыла во главе с подполковником У.Р. Уруджевым.

В бригаде появился культурно-досуговый центр с бассейном, боулингом и бильярдом. Во многом удалось решить жилищный вопрос. С 2004 по 2007 гг. около двухсот семей офицеров и прапорщиков бригады получили жилье в Степном, Батайске и Аксае.

7 июля 2005 г. у нас побывал Министр обороны С.Б. Иванов и Полномочный представитель Президента РФ в ЮФО Д.Н. Козак. Кстати, Д.Н. Козак тоже бывший спецназовец, он служил в 12-й обрСпН в г. Лагодехи. Все созданное нами получило высокую оценку министра. Но ничего не изменилось в содержании ФЦП.

Несколько лет спустя НГШ Н.Е. Макаров заявит, что ФЦП была ошибкой. Я всегда считал, что в традициях русской армии никогда не было наемничества. Защищать Родину за деньги никто не будет. Да, безусловно, Родина должна достойно платить своим защитникам. Но это не должно быть главным содержанием воинской службы.

То, как и кем комплектовалась наша бригада в тот период невозможно вспоминать без сожаления. Были, конечно, и очень хорошие ребята. Приходили сыновья старых контрактников. Появлялись даже династии солдат. Но

этот порыв был задушен действительностью. Те деньги, которые предлагались контрактникам, были просто издевательством. К середине 2007 г. в бригаде было более половины солдат и сержантов, которые были женаты. А где было жить молодым семьям? Ведь даже не все офицеры и прапорщики имели жилье.

В этот период, кроме Чечни, нам приходилось вылетать и в другие регионы Кавказа. Большая часть подразделений бригады сидела в различных степенях готовности, от десятиминутной до часовой. Энтузиазма это состояние никому не добавляло. Скажу больше, отбивало желание служить. Для того чтобы вывести отдельный отряд на полевой выход на вновь отстроенный бригадный полигон «Кадамовский», приходилось разъяснять большим военачальникам прописные истины о необходимости заниматься боевой подготовкой в поле, а не на приказарменной учебно-материальной базе.

Но даже в этих нелепых условиях нам удавалось совершать парашютные прыжки, в том числе на воду, ночью, из Ил-76. Проводить учения, полевые выходы, стрельбы. Выполнять задачи в Чечне и Дагестане. Это большая заслуга всех офицеров бригады.

В 2004 г. в бригаде был построен храм-часовня Георгия Победоносца. Но и здесь нашелся «талантливый полководец», который везде орал о том, чтобы часовню снести. А теперь наконец-то пришли к тому, что в войсках должны быть военные священники. Так как было в русской армии всегда.

Очень больно вспоминать о потерях. Они были. Тяжелым грузом это осталось в моем сердце. Когда погибал офицер, я всегда сам шел в его семью. Не передать словами те чувства, которые испытывает командир, принося такую страшную весть в семью.

27 апреля 2007 г. в Чечне разбился вертолет с группой 173 отряда. Тогда погибли 18 человек. Тела были настолько изуродованы катастрофой, что требовалась генетическая экспертиза. Мы тогда собрали близких родственников погибших для проведения экспертизы. Очень нам помогли и поддержали офицеры Центра опознания погибших во главе с начальником полковником Волковым, монахи Старочеркасского мужского монастыря, психологи, военный комиссар Ростовской области полковник Трушин. Телеграмму с соболезнованиями прислал Полпред Д.Н. Козак. Остальные «водители» не стали напрягать свою нервную систему подобными переживаниями.

Ежегодно бригада принимала участие в майском параде. На одной из репетиций я заметил, что у воинов, участвующих в параде, недостает на груди государственных наград, которые были им недавно вручены. На следующую тренировку все выехали при наградах. Эффект был ошеломляющий. На две парадные коробки 22-й бригады приходилось больше государственных наград, чем у всех других участников парада. С нескрываемой завистью смотрели курсанты военных училищ и их командиры на ребят в голубых беретах с орденами и медалями на груди. Те же чувства испытывали и зрители парада.

Мы гордились, что являлись частью славной элиты российской армии – «спецназа».

О работе с 22-й обрСпН вспоминает генерал-майор Евгений Викторович Тишин, который руководил специальной разведкой с 1998 по 2004 гг.

22-я ГВАРДЕЙСКАЯ ОТДЕЛЬНАЯ БРИГАДА СпН

(Е. В. Тишин)

На мой взгляд, первое впечатление о бригаде формируется во время знакомства и встреч с людьми, которые служили в том или ином соединении. Мне посчастливилось познакомиться с генерал-майором А.Т.Гордеевым, полковниками С.И.Груздевым, А.Н.Шинкаревым, В.М.Сомовым и многими другими, кто в разные годы возглавлял и служил в 22-й бригаде и кто вспоминает эти годы как лучшие в своей службе, а значит и в жизни.

Первое серьезное мнение о 22-й отдельной бригаде спецназ у меня сложилось после услышанных воспоминаний ее командира генерал-лейтенанта Д.М.Герасимова (в то время полковника), который вступил в должность командира 5-й обрСпН (БелВО) осенью 1987 г., где я после окончания Военной академии им. М.В.Фрунзе проходил службу в должности командира отряда. Дмитрий Михайлович прибыл к нам командиром после более чем двухлетнего командования воюющей 22-й бригадой, управление и штаб которой вводил в свое время в Афганистан.

Он, перенося свой богатейший боевой опыт на организацию боевой подготовки 5-й бригады и командирскую подготовку офицеров, много рассказывал об особенностях планирования боевой подготовки и боевой деятельности 22-й обрСпН, о тонкостях непосредственной подготовки отрядов, рот и групп к выполнению боевых задач и организации повседневной деятельности в отдельных отрядах и в целом в бригаде. Бесценными для нас были его уроки на реальных боевых примерах по организации взаимодействия и всестороннему обеспечению разведывательной и боевой деятельности бригады и отрядов. Особенности управления разведывательными органами в реальной боевой обстановке стояли у него на особом месте в системе командирской подготовки офицеров бригады. Естественно, что вся учеба основывалась на боевых примерах и практическом опыте офицеров, которые служили под его командованием. И хотя к тому времени это была уже четвертая бригада, в которой я проходил свою офицерскую службу, и мне было уже что и с чем сравнивать, но уважение к 22-й обрСпН стало более обоснованным, а не только потому, что она воюет в Афгане.

После окончания Военной академии Генерального штаба в 1998 г. в августе месяце я прибыл в командировку в г. Каспийск для решения ряда служебных задач. К тому времени там уже находился отдельный отряд из состава 22-й бригады. Это было мое первое личное знакомство с командованием и офицерами отряда и бригады. Командиром отряда на тот момент был подполковник Ю.А.Кунаев. Хорошо подготовленный в штабном отно-

шении офицер, способный командир. Боевая подготовка и быт личного состава был организован. Роты занимались огневой подготовкой, МПД, физической подготовкой и тактико-специальной. Под руководством начальника штаба бригады полковника О. Мартянова офицеры отряда и бригады разрабатывали, готовили и практически проверяли свои предложения по боевому применению бронетехники и особенностям тактики действий органов специальной разведки в условиях Северного Кавказа. Уже тогда группы из состава отряда организовано и целенаправленно вели наблюдение за границей с Чечней и сопредельной с Дагестаном ее территорией, собирая информацию, которая в дальнейшем анализировалась в разведывательном управлении СКВО. И поэтому в августе 1999 г., когда начались боевые действия по уничтожению банды Басаева в районе Ботлиха, отдельный отряд 22-й обрСпН проявил себя наиболее боеспособным, слаженным и готовым выполнять боевые задачи в горной местности. Первопричиной этому явилось то, что он планомерно в территориально-климатических условиях Дагестана прошел боевое слаживание и адаптированную боевую подготовку на местности, на которой в последующем выполнял боевые задачи, в то время как отдельные отряды из других бригад СпН были доукомплектованы до определенного штата личным составом и техникой перед самой переброской в район боевых действий. Командиры бригад не имели времени на организацию и проведение в пунктах постоянной дислокации полноценного боевого слаживания подразделений и на подготовку техники к эксплуатации в условиях горной местности и климата на Северном Кавказе. Штабы отрядов также из-за доукомплектования не отвечали в полной мере требованиям по планированию боевого применения выделяемых от отрядов сил и средств, организации связи и управлению группами в условиях высокогорья.

Все это на начальном этапе привело к перераспределению между отдельными отрядами СпН нагрузки и ресурса по выделению разведывательных органов с одной лишь целью, чтобы дать возможность прибывшим командирам бригад и командирам отрядов в кратчайший срок провести необходимые мероприятия по завершению подготовки штабов, личного состава и техники к боевому применению.

И естественно, что в большей мере основная нагрузка на начальном этапе по разведывательной и боевой деятельности легла на плечи отдельного отряда 22-й обрСпН. Но именно так и должна коватьсь Гвардия!

Ростовская бригада, в отличие от других, единственная, которая после передислокации из-под Баку занималась бытовым обустройством, созданием с нуля учебной базы, организацией ремонта и хранения вооружения и техники практически в полевых условиях. Выделенный казарменный фонд не позволял вплоть до 2002 г. разместить отряды одновременно в пунктах постоянной дислокации. Поэтому при плановой замене в районах боевых действий казармы передавались от отряда к отряду, как эстафетная палочка. Но, не смотря на все, подразделения и части бригады были экипированы, укомплектованы и успешно решали боевые задачи в различных районах региона. Хотя, конечно, вопрос экипировки – это извечно больная тема в

Спецназе. Да и проблема с ночными прицелами и приборами до сих пор не решена. Но эта беда всего Спецназа, а не только ростовчан.

Меня пленили люди, которые служили в бригаде. Это на самом деле до фанатизма преданные спецназу офицеры и прапорщики, которые находили возможность заниматься боевой подготовкой с личным составом, вникать в нужды подчиненных больше, чем в проблемы своих родных и близких, по полгода и году не бывая дома. А находясь дома, в пункте постоянной дислокации, работали по 12–14 часов в сутки, решая проблемы по подготовке своих служб и подразделений, выполняя те или иные задачи.

Однажды я прочитал критику в адрес командира бригады полковника П.С. Липиева. Но, не только потому, что он мне симпатичен как офицер, как командир, а потому что я знаком с командирской долей и хочу сказать следующее. В спецназе единственно простое и самое естественное – это надеть боевую экипировку и уехать в «разведку». Это наша работа! К этому мы обязаны быть готовы всегда!

Да, идеально, когда перед этим ты не стоял в наряде, не разбирал казармы в Волгодонске, чтобы в последующем их собрать под Ростовом для размещения очередного отряда или медицинской части. Если бы тебя не привлекали к заготовке овощей, которых так не хватало под Каспийском, Ботлихом... Чтобы ты и твои подчиненные не занимались работами по строительству стрелкового тира и войскового стрельбища, оборудованием овощехранилища, караульного помещения и так далее. Привлечение личного состава к этим и другим работам, отрыв их от плановых занятий, конечно же, отрицательно сказывалось на качестве боевой подготовки и подготовленности спецназовцев. Но все эти вопросы, к сожалению, необходимо было решать. И я знаю, что Петр Семенович решал их с наименьшими затратами в тех непростых условиях. Кроме того, он прекрасно понимал, что отдельные командиры отрядов, вновь назначенные на должность, не до конца готовы работать самостоятельно в условиях боевой обстановки. И он находился рядом. Таким командирам отрядов, как подполковники Кунаев и Каменюка, его опека была практически не нужна. И форма работы с ними была другая, чем с подполковником Сорокиным к примеру.

Комбриг Липиев – профессионал, которому никогда не нужно было повторять дважды и проверять полноту и правильность выполнения приказа или распоряжения. Именно с такими командирами решаются все, даже непрофильные, задачи. А в Спецназе других командиров нет и быть не может! Все они, кто командовал отдельным отрядом и бригадой, заслуживают самого глубокого уважения и особой благодарности, как подчиненных, так и старших начальников.

Я специально сегодня обращаю внимание и говорю о командирах, так как только они олицетворяют в полной мере бригаду как живой организм, как коллектив офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов, который им доверила Родина. Только они несут полную ответственность за состояние дел в бригаде, за каждого солдата, за качество выполнения каждой из поставленных задач.

Был Дагестан. Была Первая и Вторая чеченская кампании. Было много чего другого, о чем пока рано говорить вслух. До этого были передислокации из Средней Азии в Афганистан, из Афганистана в Азербайджан, из Азербайджана в Россию. Была победа над черноземной пустошью «горохового поля». Но всегда, на всех этапах своей истории 22-я бригада успешно и в привычном ритме мобилизовывалась на решение задач по обустройству личного состава и семей военнослужащих, не теряя и не снижая при этом боевой готовности и готовности к выполнению боевых задач уже в новом для себя регионе.

Когда стал вопрос о формировании новой структуры специальной разведки в Подмоскowie, то ни у кого из руководства ГУ ГШ не возникло и грамма сомнения в том, что костяк в создаваемом центре составят офицеры и прапорщики 22-й бригады. Пусть на меня не обижаются офицеры других бригад СпН, но офицерский коллектив северокавказской бригады был более подготовлен и организован пониманием того, что они находятся в непосредственной близости от тлеющих и взрывоопасных субъектов Российской Федерации. Все понимали, что никто из руководства не будет вникать во внутренние проблемы бригады при определении задач и сроков непосредственной подготовки к ним. А сроки эти, как правило, ограничивались временем на погрузку боеприпасов и другого необходимого на войне скарба на бронетранспортеры и автомобильную технику.

22-я – гвардейская!

Венцом заслуг спецназовцев 22-й бригады разных поколений, которые проходили службу в Капчагае, проявляли мужество и героизм при выполнении боевых задач в Афганистане, не запятнали своей чести во время событий в Закавказье и на высоком профессиональном уровне выполняли задачи по поддержанию Конституционного строя на Северном Кавказе, стало присвоение Указом Президента РФ от 03.03.2001 года № 244 С звания «Гвардейская».

Причем инициатива о представлении 22-й отдельной бригады специального назначения к званию «Гвардейская» изначально исходила от ветеранов бригады. От тех, кто считал и считает себя частицей этого прославленного соединения. Кто хранит в своей душе гордость за принадлежность к Спецназу и к 22-й бригаде.

Рассмотрение служебной записки с ходатайством о присвоении 22-й отдельной бригады СпН звания «Гвардейская» на всех этапах согласования был воспринят положительно несмотря на то, что подобного прецедента после Великой Отечественной войны не было. И заслуга в этом, прежде всего, начальника ГРУ генерала армии В.В. Корабельникова и начальника Генерального штаба генерала армии А.В. Квашнина, который лично в ноябре 2001 г. прикрепил Гвардейские ленты к Боевому Знамени бригады.

И сегодня, на мой взгляд, 22-я гвардейская отдельная бригада спецназ по праву является правофланговой. Бригадой, в которой личный состав, взяв впервые в руки Гвардейский знак, понимает, что это им аванс за доверие занять вакантное место в Гвардейских рядах Спецназовцев.

НЕДОЛГАЯ ВОЙНА В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

(Хроника событий)

Еще продолжалась Вторая Чеченская кампания, и часть подразделений 22-й обрСпН находилась в Чечне, когда в ночь на **8 августа 2008 года** в бригаде была объявлена тревога.

Едва грузинские реактивные системы и артиллерийские орудия, расположенные в селах Никози и Эргнети, начали обстрел спящего Цхинвала, как уже оперативный дежурный соединения получил команду «Виртуозный рассказчик» (**00.15**). По этой команде подразделения батальона огневого обеспечения, 108-го ооСпН и отдельная рота спецоружия (орСпО), начали готовиться в переброске в Закавказье. Они составили оперативную группу бригады, которую возглавил полковник Кунаев Юрий Алексеевич. Уже к **03.30** 108-й ооСпН и орСпО начали движение на аэродром «Военвед», а в **04.10** началась погрузка на борт выделенного оперативной группе Ил-76. Все выполнялось четко и слаженно, и в **06.35** самолет был в воздухе.

«Железный батальон» должен был выделить для действий боевую технику и личный состав, которым предстояло своим ходом прибыть в Южную Осетию. *Вспоминает «подполковник Аскеров», который в то время командовал батальоном огневой поддержки: «Второго августа 2008 года мы вместе с замполтехом майором Чудиным поехали по делам в Чечню. Здесь с агентурищиками мы решали важные задачи, и телевизор мне в Грозном смотреть было некогда.*

Неожиданно 8-го августа утром мне позвонил командир роты, капитан Хохлов: «Товарищ командир, у нас тревога. Технику снимают с хранения. Через 4 часа мы должны выехать».

Что? Куда? Не понятно. Звоню своему начальнику штаба. Он мне сообщает: «Николаевич, от нашего отряда две группы разведки и рота брони – 10 бронетранспортеров».

Почему от меня две группы разведки? Потому, как контрактников у меня в отряде больше всех. А бойцов в группы набрали из моей бывшей роты тяжелого оружия. Они все были прекрасно обучены действовать и как разведчики. Поэтому мы сформировали две группы легко. Только радисты со своими станциями были из других отрядов.

В итоге за 4–5 часов мои сняли технику с хранения, получили боеприпасы на личный состав и на технику, загрузили их на машины и выстроились своей колонной в готовности к движению.

Тогда в Южную Осетию убыл 108-й отряд, которым командовал бывший командир 173-го ооСпН половник Святоко, и отдельная рота спецоружия. По команде они еще утром вылетели в Осетию во главе с Юрием Алексеевичем Кунаевым».

Ил-76 с личным составом опергруппы 22-й гв. обрСпН приземлился на аэродроме г. Беслан в **07.55**. Спецназовцы разгрузили борт и, погрузившись

в ждавшие машины, в **10.05** начали движение в Гизель, куда прибыли в **11.25**. Здесь в течение дня уточнялись задачи и порядок предстоящих действий, а также был выделен транспорт для дальнейшего движения. Ближе к вечеру, в **18.00**, отряд и отдельная рота начали погрузку в автомашины автомобильного батальона 58-й армии для последующего убытия в п. Джава. К **22.00** все было готово, и марш начался. В **23.00** дозаправились горючим в Ардоне, в **00.10** прошли Алагир.

9 августа 2008 г.

К **08.00** отряд прибыл в район н. п. Джава, Южная Осетия. Здесь уже к десяти утра оперативная группа бригады развернула пункт временной дислокации (ПВД). Вопросами организации специальной разведки в 58-й армии занимался начальник отдела РУ СКВО полковник Самойленко, командированный в штаб армии.

Одновременно командование опергруппы 22-й бригады получило устное боевое распоряжение штаба 58-й армии о необходимости подготовки пяти РГ СпН к ведению разведки наблюдением и корректировке огня артиллерии в районе восточнее Цхинвал в районе: искл. Дидхеви (1987), искл. Тлианана (1785), отм. 1145,8 (1586), отм. 1462,2 (1588), искл. Залда (1689).

Вывод групп планировался воздушным путем и намечен был на 17.50.

К указанному сроку *РГ СпН № 511, 512, 514, 521, 523* были готовы к выполнению задачи и выводу вертолетами на запланированные (основную и запасную) площадки десантирования:

- *РГ СпН № 511* (ВУЛКАН, командир – гв. л-т Звягин Д.А., второй офицер – гв. майор Пятунин В.В., 10 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 14 человек);

- *РГ СпН № 512* (МАТЕРИК, командир – гв. капитан Кузьмин Е.В., 11 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 14 человек);

- *РГ СпН № 514* (КАРЬЕР, командир – гв. капитан Селезнев Р.А., 10 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 13 человек);

- *РГ СпН № 521* (ДРАГУН, командир – гв. капитан Алипов А.И., 9 человек от 2 роты, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек);

- *РГ СпН № 523* (ТУРИСТ, командир – гв. ст. лейтенант Степанов Д.В., 9 человек от 2 роты, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек).

В **18.30** пять групп были десантированы на заданной площадке, но при десантировании не все пошло гладко, так как площадки были выбраны наспех и неудачно. Все группы при десантировании попали под огонь противника. *РГ СпН № 511* (ВУЛКАН, командир – гв. л-т Звягин Д.А.) и *РГ СпН № 521* (ДРАГУН, командир – гв. капитан Алипов А.И.) при приземлении попали под обстрел, приземлиться не смогли, на вертолете убыли в Беслан.

Другим группам высадиться удалось, но они сразу же вступили в бой. Так в **18.55** *РГ СпН № 512* (МАТЕРИК, командир – гв. капитан Кузьмин Е.В.) и *РГ СпН № 523* (ТУРИСТ, командир – гв. ст. лейтенант Степанов Д.В.) приземлились на площадку 86600, 17440, а *РГ СпН № 514* (КАРЬЕР, командир – гв. капитан Селезнев Р.А.) приземлилась на площадку 86600,

17500. При приземлении все три группы попали под обстрел, вынуждены были вступить в бой, но в дальнейшем продолжили выполнение задачи.

Вертолет *РГ СпН № 523* (ТУРИСТ) при высадке был обстрелян с высоты 1506,4 (1684-3). Несмотря на это, разведчики с воздуха обнаружили опорный пункт противника в кв. (8418), состоящий из 2 палаток, 4 навесов и группы в/сл. до 50 человек, который впоследствии был подавлен огнем артиллерии.

В результате боя потери отряда составили:

1. Гв. рядовой к/с *Парфенов Евгений Петрович*, радист 4 группы 1 роты 108-го ооСпН получил проникающее осколочное ранение в подлопаточную область справа, не совместимое с жизнью, в 2.05 10.08.08 скончался.

2. Гв. прапорщик *Кордюков Виталий Владимирович*, заместитель командира 3 группы 2 роты 108-го ооСпН получил проникающее осколочное ранение в левую подмышечную область.

3. Гв. рядовой к/с *Семков Александр Николаевич*, старший разведчик 4 группы 1 роты 108-го ооСпН. Диагноз: минно-взрывное ранение, осколочно-скальпированная рана затылочной области, проникающее ранение живота, перитонит, проникающее ранение грудной клетки слева, тяжелая контузия.

4. Гв. рядовой к/с *Бондаренко Александр Владимирович*, русский, разведчик-пулеметчик 4 группы 1 роты 108-го ооСпН пулей был ранен в левую кисть, с повреждением сухожилий 2-го, 3-го пальцев.

5. Гв. ст. лейтенант *Степанов Дмитрий Васильевич*, командир 3 группы 2 роты 108-го ооСпН. Диагноз: минно-взрывное ранение, ЗЧМТ (сотрясение головного мозга средней степени тяжести, акубаротравма).

6. Гв. рядовой к/с *Чебаненко Александр Николаевич*, русский, разведчик-сапер 2 группы 1 роты 108 ооСпН поучил пулевое касательное ранение руки.

7. Гв. рядовой к/с *Щедрин Сергей Николаевич*, русский, разведчик-пулеметчик 4 группы 1 роты 108-го ооСпН был навывлет ранен пулей в ногу, к счастью, кость не была задета.

8. Гв. рядовой к/с *Гладарев Александр Александрович*, разведчик-санитар 4 группы 1 роты 108-го ооСпН в ходе боя пропал без вести. Был контужен и ранен осколком в правую подлопаточную область. Впоследствии (13.08.2008) вышел на позиции 70-го мсп, откуда отправлен в 136 омедб и эвакуирован в 1602 ОВКГ г. Ростова-на-Дону.

9. Гв. рядовой к/с *Колтаков Александр Витальевич*, разведчик-пулеметчик 3 группы 2 роты 108-го ооСпН. Предварительный диагноз: минно-взрывное ранение, ЗЧМТ (сотрясение головного мозга средней степени тяжести, акубаротравма).

Итого один убит и восемь ранено. Кроме того, имущество: отдельные миноискатели, прицелы, аккумуляторы, радиостанция, бинокли, а также часть снаряжения, тоже были потеряны или пришли в негодность в результате боя. Такого десантирования групп для выполнения разведывательных задач в тылу противника не было со времен Великой Отечественной войны, когда разведчики десантировались на площадки, где были подготовлены противодесантные засады. Мы не рассматриваем высадку спецназа при про-

ведении налетов и в ходе захватов намеченных объектов противника в Афганистане. О пропавшем солдате было доложено в ПВД.

10 августа 2008 г. КП отряда в течение суток находился в районе учебного центра МВД Южной Осетии не перемещался.

В **11.30** из Беслана вертолетом доставили *РГ СпН № 511* (ВУЛКАН, командир – гв. майор Пятунин В.В.), а в **11.35** второй борт приземлился, доставив в ПВД личный состав *РГ СпН № 521* (ДРАГУН, командир – гв. капитан Алипов А.И.).

Начальник отдела РУ штаба СКВО полковник Самойленко Ю.В. поставил задачу командованию отряда: усилить РГ СпН № 512 личным составом РГ СпН № 523, а РГ СпН № 514 продолжать поиск пропавшего солдата, выдвинуться в район «ПАУК» и выполнять задачи во взаимодействии с подразделениями батальона «ВОСТОК».

РГ СпН № 512, усиленная личным составом *РГ СпН № 523*, с **01.00** до **16.30** проводила эвакуацию раненых и погибшего в бою 09.08.08. С **16.30** группа продолжила выполнение боевой задачи и примерно через час получила боевую задачу: выйти на границу района: искл. Приси (7717), искл. Эрегви (8020), искл. Карби (7323), искл. Эрети (7416), вести разведку наблюдением с целью вскрыть группировку войск противника в указанном районе. Быть в готовности к наведению артиллерии и авиации. В **18.00** организовала наблюдательный пункт (НП) и начала разведку наблюдением. В **21.13**, находясь на НП (координаты: 87650, 17300), обнаружила 2 костра, азимут 210, удаление от НП 500-600 м. К **21.50** количество костров увеличилось до 6, предположительно обнаружено место ночного отдыха до 30 военнослужащих противника. Координаты доложены на КП группировки для нанесения огневого поражения, но огневое поражение не наносилось.

РГ СпН № 514 вела поиск пропавшего без вести гв. ряд. Гладарева А.А. в кв. 8616-2,3,4, 8618-1,8, 8816-6,3, но поиск результатов не дал. К **16.30** группа выдвинулась на площадку приземления (координаты: 88350 15750) для эвакуации получивших ранения в бою 9.08.08. Противник не обнаружен.

РГ СпН № 523 в **12.00** вертолетами эвакуирована в ПВД. Вместе с группой эвакуированы погибший и раненые.

11 августа 2008 г. КП отряда также находился в районе учебного центра МВД Южной Осетии (08662; 94952) и не перемещался.

Устным распоряжением начальника разведки СКВО отряду поставлена задача двум РГ СпН с оперативным офицером на технике 108 ооСпН к **12.00** выйти на КП в район северной окраины Цхинвал (7814-2) для получения боевой задачи. В **21.30** *РГ СпН № 521, 523* получили боевую задачу:

– *РГ СпН № 521* (ДРАГУН, командир – гв. капитан Алипов А.И., 12 человек от 2 роты, 2 радиста от роты связи, всего 14 человек) выйти в район: искл. юго-западная окраина Цхинвала (7613-5), отм. 923,1 (75950, 11000), искл. Дидмуха (7207-5), отм. 814,3 (6909-7), отм. 810,4 (7013-1). Вести разведку наблюдением в данном районе;

– **РГ СнН № 523** (ТУРИСТ, командир – гв. ст. лейтенант Крючков Ю.А., 2 человека от 3 роты, 10 человек от 2 роты, 2 радиста от роты связи, всего 14 человек) выйти в район: отм. 912,4 (7616-1), искл. Эгнети (7416-4), отм. 871,0 (7418-8), искл. Дици (7519-2), искл. Арбо (7722-9), отм. 974,7 (7922), церковь (8020-6), вкл. Земо-Приси (7817-7). Вести разведку наблюдением в данном районе.

Обе группы приступили к выполнению поставленной задачи.

Действовавшая в заданном районе **РГ СнН № 512** (МАТЕРИК, командир – гв. капитан Кузьмин Е.В.) в **10.05** в кв. 8616 вступила в бой с превосходящими силами противника, была обстреляна из стрелкового оружия и миномётов, в течение 10 минут вела бой, отошла в координаты (86200, 16350).

В **12:50** разведчики группы обнаружили опорный пункт противника с наблюдательными постами (координаты: 85550, 16150), а также миномётную позицию (координаты: 85550, 16150) и пулемётный расчёт (координаты: 85500, 15950).

В **13:55** группа обнаружила хорошо замаскированный блиндаж (координаты: 85400 17100), хорошо оборудованные позиции для стрельбы (координаты: 85300 16750).

В **14.00** группой установлено, что к опорному пункту из н.п. Дзарцени систематически двигались автомобили (УАЗ, КАМАЗ), вероятно, подвозят б/п и МТС. Противник, находящийся на опорном пункте, вел огонь из пулемётов по низколетящим вертолётам. Координаты обнаруженных целей переданы для нанесения удара артиллерией. Потерь нет.

РГ СнН № 514 (КАРЬЕР, командир – гв. капитан Селезнев Р.А.) в **15.00** вертолётами эвакуирована в ПВД.

С 11 по 14 августа РГ СнН № 532 (ВРАТАРЬ, командир – гв. прапорщик Хлестков С.А., в составе 10 человек от 4 роты батальона огневой поддержки с 2 радистами от роты связи, всего 12 человек) выполняла задачу по охране и обороне Пункта Управления начальника разведки Северо-Кавказского Военного округа (ПУ НР СКВО) на северо-западной окраине Цхинвала.

12 августа 2008 г. КП отряда по-прежнему оставался на месте. Устным распоряжением отряду поставлена задача: к **10.30** подготовить к выводу воздушным путем посадочным способом разведывательный отряд в составе двух РГ СпН. Количество личного состава в РГ СпН – 12 человек. Командир разведотряда – заместитель командира отряда по ВДП.

Район выполнения задач – лесной массив 5–10 км западнее Гори (5026). С собой иметь необходимые средства связи и батареи на 3–4 суток, плюс дополнительный комплект батарей. Задача: наблюдение за противником в районе Гори (5026). Возвращение групп – воздушным путем посадочным способом. Для выполнения поставленной задачи выделены:

РГ СнН № 511 (ВУЛКАН, командир – гв. лейтенант Звягин Д.В., 10 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) в **13.43** десантировалась в координатах (49821, 20323) 2,5 км юго-западнее Гори, в **18.40**

организовала наблюдательный пункт в кв. (4820-5) с целью наблюдения за н.п. Гори. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СнН № 531 (ТРЕНЕР, командир – гв. капитан Пирогов А.А., 1 человек от управления отряда, 9 человек от РСВ, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) в **13.43** десантировалась в координатах (49821, 20323) 2,5 км юго-западнее Гори, в **15.32** организовала наблюдательный пункт (48000, 22700) с целью наблюдения за н.п. Гори. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СнН № 512 при выполнении задачи противника не обнаружила, к **6.20** вышла на площадку приземления (координаты: 87500, 16060), здесь организовала охранение и в **13.15** вертолётами эвакуирована в ПВД. 521-я и 523-я группы, организовав НП, вели разведку наблюдением, но противник обнаружен не был. Группы также потерь не имели.

13 августа 2008 г. Положение КП отряда оставалось без изменений. В то же время четыре группы отряда продолжали вести разведку в заданном районе.

РГ СнН № 521 (ДРАГУН, командир – гв. капитан Алипов А.И.) в **18.13** в кв. (7513-9) обнаружила склад боеприпасов: 30 ящиков 5,45-мм ПС, 10 ящиков противопехотных мин, 1 реактивную противотанковую гранату, 3 запасных ствола к ПК. В дальнейшем вела разведку наблюдением с наблюдательного пункта 1 км западнее Цхинвала. В **18.00** получила задачу: организовать засаду в районе 7513-9, вести наблюдение за подходами к складу с боеприпасами. В **21.05** группа организовала засаду в кв. (7513-3). Потерь нет.

РГ СнН № 523 (ТУРИСТ, командир – гв. ст. лейтенант Крючков Ю.А.) продолжала вести разведку наблюдением с наблюдательного пункта (координаты: 77003, 18750) 800 м южнее Приси. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СнН № 511 (ВУЛКАН, командир – гв. лейтенант Звягин Д.В.) получила задачу – выйти в район мостов через р. Кура в кв. 4926, 4925, вести наблюдение, отслеживать перемещение войск. Приступила к выполнению.

РГ СнН № 531 (ТРЕНЕР, командир – гв. капитан Пирогов А.А., 1 человек от управления отряда, 9 человек от РСВ, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) получила задачу: выйти в район отм. 870,0 (47800, 26350), вести наблюдение за дорогой от Квахвтели до Гори, отслеживать перемещение войск. В **19.55** организовала наблюдательный пункт (координаты: 48380, 21230), слышала движение гусеничной техники на юго-западной окраине Гори (4820-5). Продолжает выполнять задачу.

14 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался. Устным распоряжением полковника Самойленко Ю.В. отряду поставлена задача: срок выполнения задачи **РГ СнН № 511, 531** продлить до 18.08.08. Для доставки продовольствия, воды и элементов питания в группы выделен один вертолет Ми-8. Вылет с вертолетной площадки Джава (0894) в 13.30 14.08.08. Выполнено в **14.00**.

Устным распоряжением полковника Самойленко Ю.В. отряду поставлена задача: подготовить и выделить бронегруппу в составе двух БТР-80 и одного автомобиля КАМАЗ под перевозку личного состава. Бронегруппу

направить в распоряжение полковника Самойленко Ю.В., личный состав обеспечить сухим пайком на одни сутки. Выполнено.

РГ СпН № 521 (ДРАГУН, командир – гв. капитан Алипов А.И.) продолжала вести разведку наблюдением с наблюдательного пункта в кв. (7513-3). Противник не обнаружен. В **23.00** группа возвращена в ПВД., потерь нет.

РГ СпН № 523 (ТУРИСТ, командир – гв. ст. лейтенант Крючков Ю.А.) продолжала вести разведку наблюдением с занятого ранее наблюдательного пункта. Противник не обнаружен. В **23.00** группа возвращена в ПВД., потерь нет.

РГ СпН № 511 (ВУЛКАН, командир – гв. лейтенант Звягин Д.В.) выполнение задачи продлено до 18.08.08. Для обеспечения последующих действий группы, в **14.00** вертолетом Ми-8 доставлено продовольствие, вода, элементы питания к радиостанции. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 531 (ТРЕНЕР, командир – гв. капитан Пирогов А.А.) вела разведку наблюдением. В кв. (5225) наблюдала колонну 10 танков, принадлежность не установлена. В **14.00** получила продовольствие, воду, элементы питания с вертолета Ми-8. В **16.00** организовала наблюдательный пункт (координаты: 48350, 21250). В **20.24** наблюдала прибытие в Горы 5 автомобилей «Урал». Потерь нет.

15 августа 2008 г. Устным распоряжением начальника разведки СКВО отряду поставлена задача: переместиться на западную окраину Цхинвала. В период с **21.30** до **23.30** отряд совершил марш в район западной окраины Цхинвала. С **23.45** КП отряда развернут в заданном районе (координаты: 78200, 13600).

РГ СпН № 511 и **531** продолжали вести наблюдение с занятых ранее НП, но противник обнаружен не был.

16 августа 2008 г. КП отряда в течение суток находился в занятом ранее районе и не перемещался. На основании боевого распоряжения штаба СКВО № 09 от 15.08.08 отряд получил задачу:

– подготовить и выделить РО СпН в составе двух РГ СпН на двух БТР-80;

– РО СпН выдвинуться по маршруту: Цхинвал, Хашури и далее в направлении Кутаиси с задачей вести разведку наблюдением в районе Кутаиси с целью вскрытия группировки войск (сил) противника, исключения их внезапного выдвижения в направлении КУТАИСИ–ХАШУРИ, обнаружения объектов и определения их координат для наведения артиллерии и авиации;

– быть в готовности к досмотру результатов огневого поражения объектов противника.

В целях исполнения БР штаба СКВО № 9 выделены:

РО СпН № 510 (командир – гв. полковник Кунаев Ю.А.) в составе: ОГ (ФИЛИН, командир – гв. полковник Кунаев Ю.А., 2 БТР-80 с экипажами от РОП, 2 радиста от роты связи, всего 11 человек) в **18.00** обнаружила два автоматических гранатомета АГС-17 на станках (координаты: 51100, 83400).

Найденное вооружение доставлено в ПВД отряда. В дальнейшем организовала НП (координаты: 51100, 83400) и вела наблюдение. Потерь нет.

РГ СпН № 512 (МАТЕРИК, командир – гв. капитан Кузьмин Е.В., 10 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) в **12.15** организовала наблюдательный пункт (координаты: 54500, 82900) и вела наблюдение. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 514 (КАРЬЕР, командир – гв. капитан Селезнев Р.А., 10 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) в **12.17** организовала наблюдательный пункт (координаты: 47700, 77250) и вела наблюдение. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 511 и **РГ СпН № 531**, действуя в прежнем составе, переместились и организовали новые НП (координаты: 48690, 24600 и 4820-6 соответственно) и вели наблюдение. Противник не обнаружен, потерь нет.

17 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался. На основании устного распоряжения начальника разведки отряд получил задачу: подготовить и выделить РГ СпН штатного состава. РГ СпН выдвинуться по маршруту: Цхинвал, Гори и далее в район с координатами (20444, 50638). Произвести досмотр обнаруженной базы хранения. Объект взять под контроль группы.

РГ СпН № 511 и **РГ СпН № 531**, действуя в прежнем составе, вели наблюдение с ранее оборудованных НП. Противник не обнаружен, потерь нет.

Разведывательные органы **РО СпН № 510: ОГ, РГ СпН № 512, РГ СпН № 514** (в прежнем составе) находились на занятых ранее НП и вели наблюдение. Противник не обнаружен, потерь нет.

Устным распоряжением полковника Самойленко Ю.В. 108-му отряду поставлена задача: подготовить и выделить одну РГ СпН, усиленную бронегруппой, для досмотра обнаруженной базы хранения оружия и боеприпасов грузинских войск в районе 4–6 км юго-западнее н. п. Гори. Выделена **РГ СпН № 532** (ВРАТАРЬ, командир – гв. капитан Ферхов А.А., 3 человека от управления отряда, 2 человека от 3 роты, 2 радиста от роты связи, 2 человека от автомобильного взвода, 2 человека от роты обеспечения, 8 человек от 2-го отряда (ОП), всего 19 человек), в **22.10** прибыла в район с координатами (20444, 50638). Произвела досмотр обнаруженной базы хранения. Объект взят под контроль группы. 8 человек, находившихся на объекте, разоружены, взяты под охрану. Потерь нет.

18 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался.

РГ СпН № 511 и **РГ СпН № 531** в **11.05** вышли на площадку эвакуации (координаты: 4925-5), организовали охранение, ведут наблюдение. Противник не обнаружен, потерь нет.

РО СпН № 510 (командир – гв. полковник Кунаев Ю.А., разведорганы отряда в прежнем составе) собрались в районе НП оперативной группы (51100, 83400), продолжали вести наблюдение, обеспечивать охрану и оборону ОГ. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 532 (в прежнем составе) до особого распоряжения находилась на складе с боеприпасами (координаты: 20444, 50638) в целях его охраны и обороны.

РГ СпН № 511 (ВУЛКАН) и **РГ СпН № 531 (ТРЕНЕР)** в **20.10** в полном составе возвращены в ПВД, потерь нет.

19 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался.

РО СпН № 510 (командир – гв. полковник Кунаев Ю.А. разведорганы отряда в прежнем составе) в районе НП оперативной группы (51100, 83400) продолжали вести наблюдение, обеспечивать охрану и оборону ОГ. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 532 (ВРАТАРЬ) продолжала выполнение боевой задачи по охране склада с боеприпасами.

20 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался.

РО СпН № 510 под командованием гв. полковника Кунаев Ю.А. в полном составе в **20.00** возвращен в ПВД. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 532 продолжала выполнение боевой задачи по охране склада с боеприпасами.

21 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался. На основании боевого распоряжения штаба СКВО № 014 от 21.08.08 отряд получил задачу: подготовить и выделить РО СпН в составе двух РГ СпН штатного состава. РО СпН выдвинуться по маршруту: Цхинвал, Хашури и далее в направлении Кутаиси с задачей вести разведку наблюдением в районе Кутаиси с целью вскрытия группировки войск (сил) противника, исключения их внезапного выдвижения в направлении Кутаиси–Хашури, обнаружения объектов и определения их координат для наведения артиллерии и авиации. Быть в готовности к досмотру результатов огневого поражения объектов противника. Выделены:

РО СпН № 510 (командир – гв. полковник Кунаев Ю.А.) в составе ОГ (ФИЛИН, командир – гв. полковник Кунаев Ю.А., 2 БТР-80 с экипажами от РОП, 1 автомобиль КАМАЗ, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) в **12.00** начала движение в район выполнения задачи. По состоянию на **18.00** находилась 300 м западнее заправочной станции (51250, 83550), развернула ПКП, ведет наблюдение. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 521 (ДРАГУН), командир – гв. капитан Алипов А.И., 10 человек от 2 роты, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) в **12.00** начала движение в район выполнения задачи. В **17.55** организовала наблюдательный пункт (координаты: 55700, 77900). Ведет наблюдение за дорогой Хашури–Зестафани (66000, 39000), Хашури-Убиси (64000, 53000). Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 523 (ТУРИСТ), командир – гв. ст. лейтенант Крючков Ю.А., 2 человека от 3 роты, 10 человек от 2 роты, 2 радиста от роты связи, всего 12 человек) в **12.00** начала движение в район выполнения задачи. В **17.55**

организовала наблюдательный пункт (координаты: 48000, 77500). Ведет наблюдение за мостами (46750, 76600), (49000, 77400), южной окраиной н. п. Квемо-Оснаури (52800, 87300), южной окраиной н. п. Гарта (46800, 88600). Организовано наблюдение за дорогой Хашури-Боржоми. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 532 продолжала выполнение боевой задачи по охране склада с боеприпасами.

22 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался.

РО СпН № 510 (командир – гв. полковник Кунаев Ю.А.) в составе ОГ (ФИЛИН, командир – гв. полковник Кунаев Ю.А., 2 БТР-80 с экипажами от РОП, 1 автомобиль КАМАЗ, 2 радиста от роты связи, всего 14 человек) в течение дня вела наблюдение в координатах (51250, 83250). В **15.10** выдвинулась на блокпост № 4 70-го мсп 42-й мсд н. п. Агара (5602-1). По состоянию на **18.00** находилась в н. п. Агара на блокпосту № 4 70-го мсп, развернула ПКП и вела наблюдение. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 521 (в прежнем составе), находясь на ранее занятом и оборудованном НП, продолжала вести разведку наблюдением за дорогой Хашури-Зестафани, Хашури-Убиси. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 523 (в прежнем составе) на ранее занятом НП продолжала вести наблюдение за мостами, южной окраиной н.п. Квемо-Оснаури, южной окраиной н.п. Гарта, а также за дорогой Хашури-Боржоми. С **09.00** до **11.00** наблюдала перемещение колонн грузовых автомобилей в количестве 15 единиц. Потерь нет.

РГ СпН № 532 (ВРАТАРЬ) после выполнения задачи по охране захваченного склада боеприпасов к **19.00** прибыла в район ПВД отряда в полном составе.

23 августа 2008 г. КП отряда в течение суток находился в районе западной окраины Цхинвала (78200, 13600), не перемещался.

Устным распоряжением полковника Самойленко Ю.В. отряду поставлена задача: подготовить две РГ СпН и направить в район ПВД 85-го ооспН, Южный портал тоннеля Рокский, для охраны и сопровождения представителей ОБСЕ.

РО СпН № 510 (командир – гв. полковник Кунаев Ю.А.) в составе ОГ (ФИЛИН, командир – гв. полковник Кунаев Ю.А., на 2 БТР-80 и автомобиле КАМАЗ, в прежнем составе), а также *РГ СпН № 521*, *РГ СпН № 523* (в прежнем составе) переместились и организовали НП (координаты: 57900, 00750) и вели разведку наблюдением. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 511 (ВУЛКАН, командир – гв. л-т Звягин, 8 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 10 человек) и *РГ СпН № 514* (КАРЬЕР, командир – гв. капитан Селезнев Р.А., 8 человек от 1 роты, 2 радиста от роты связи, всего 10 человек) в **15.30** убыли к южному portalу тоннеля Рокский в расположение 85-го ооспН в готовности с 8 часов 24.08.2008 убыть для охраны и обороны должностных лиц. На **19.00** находились в движении.

24 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался.

РО СпН № 510 (в прежнем составе, командир – гв. полковник Кунаев Ю.А.) продолжает вести разведку наблюдением на занятом ранее НП. Противник не обнаружен, потерь нет.

РГ СпН № 511, 514 (в прежнем составе) в течение дня выполняли задачу по охране и сопровождению представителей ОБСЕ. Боевую задачу выполнили. На **19.00** прибыли в ПВД отряда. Противник не обнаружен, потерь нет.

25 августа 2008 г. КП отряда в течение суток не перемещался. **РО СпН № 510** (в прежнем составе, командир – гв. полковник Кунаев Ю.А.) продолжают вести разведку наблюдением на занятом ранее НП. Противник не обнаружен, потерь нет.

26 и 27 августа 2008 г. РО СпН № 510 в полном составе продолжал вести наблюдение. На **19.00** 27.08.08 все разведывательные органы прибыли в ПВД отряда. Противник не обнаружен, потерь нет.

28 августа 2008 г. группы занимались общей подготовкой, отдыхали после выполнения задачи, несли боевое охранение ПВД. Рота связи занималась общей подготовкой и несла боевое дежурство на узле связи.

29 августа 2008 г. в **05.00** колонна оперативной группы 22-й гв. обрСпН начала движения в ППД г.Батайск. В **22.30** прибыла в г. Невинномысск, где организовала ночной отдых.

30 августа 2008 г. в **07.00** колонна возобновила движение и в **14.20** прибыла в ППД г. Батайск.

ВОЙНА В «НОВОМ ОБЛИКЕ»

(Подполковник Аскеров)

[...] Как уже говорилось, отряд во главе с Юрием Алексеевичем Кунаевым захватил там (в Южной Осетии. – С.К.) две базы, а после выполнения задачи своим ходом вернулся в расположение бригады.

Надо сказать, что в финале войны грузины драпали – только пятки сверкали. Их очень хорошо десантники гнали. У них связь внутри батальона была, а с внешним миром отсутствовала. Что, может быть, и к лучшему, поскольку их отловить и остановить смогли только под Тбилиси.

Вообще война с Грузией – пример управления в так называемом «новом облике». Связи с Москвой в группировке не было ни у кого, кроме нашего отряда. Генералы стояли в очередь на наш узел связи, чтобы позвонить в Москву своему руководству.

Не пропадать же добру!

Трофеев на грузинских складах взяли очень много. Особенно форму ФРГ – НАТОвский пиксельный камуфляж. Несмотря на это, ни один себе домой ничего не утащил. А форма у нас у самих была уже изрядно поношенная. Подходит ко мне замполтылу отряда: «Олег Николаевич, давай отряд в немецкую форму оденем». Я подумал и дал добро.

И одели. Все четыре роты, как один, с иголки. А немецкая форма от нашей лишь немного отличается размером пикселя и скругленными краями воротника. А в остальном от нашей не отличишь. Вышли на строевой смотр. Никто и не понял. Лишь зам по тылу бригады засомневался:

— Николаевич, что там у вас за форма? Цвет какой-то не такой.

— Нормальная форма, — отвечаю, какую выдали, такую и носим.

И только раз на четвертый он догадался и к комбригу: «Да они уже два месяца в немецком камуфляже ходят».

А я считаю, что должна же быть от «братьев-грузин» хоть какая-то польза. Почему бы не использовать то, что они нам «подарили»?

Хочется верить

Но сейчас в условиях этого «нового облика», который военные остроловы метко окрестили «новым обмороком Вооруженных Сил», профессионалов остается все меньше, особенно в среде командного состава.

Передача бригад спецназ в распоряжение Сухопутчиков – решение непродуманное и вредное. Сейчас много говорят о том, что возможно вернется прежний порядок подчиненности. Чем быстрее это произойдет, тем вероятнее сохранение нашего спецназа, который в неумелых руках Сухопутки просто разваливается. Очень хочется отметить не только 35-ю годовщину нашей бригады, но и другие круглые даты, не только нашего славного гвардейского соединения, но и всего спецназа Вооруженных Сил.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

К сожалению, опасения «подполковника Аскерова» имеют под собой реальную почву. Бездумное «реформирование» Вооруженных Сил России коснулось и 22-й гвардейской бригады, как и других соединений специального назначения, переданных под командование Сухопутных Войск. Как уже говорилось выше, был расформирован батальон огневой поддержки бригады – уникальное подразделение в нашем спецназе. Это первая попытка создать штатное подразделение, которое осуществляет и обеспечивает не только вывод групп и отрядов в район выполнения задачи, но и их эвакуацию, а в случае надобности и прикрытие эвакуации. Наличие подобных подразделений в штате соединений специального назначения США и других стран НАТО, а также девятилетний эксперимент успешных действий этого уни-

кального отряда, который вполне себя оправдал, имел полное право на распространение передового опыта бригады и внедрение в штатную структуру других бригад подобных формирований. Однако в 2010 г. «железный батальон» попал под нож незадачливых «реформаторов».

Как и в других бригадах, в 22-й гвардейской были сокращены должности контрактников и прапорщиков – военных профессионалов низового звена. Вместо них эти должности исполняют солдаты срочной службы, призванные всего на год. Любому, кто служил в армии и на флоте ясно, что за год призвника едва удастся сделать солдатом. И то не каждого. А тут, спустя год, уже и увольнение в запас. Этот «Сизифов труд» отбивает охоту у офицеров к полноценной работе по подготовке подразделений.

Отсутствие внятного высшего руководства планированием и выполнением планов и программ боевой подготовки, развития и совершенствования штатной структуры соединений и подразделений спецназ, развития методов применения сил и средств специальной разведки оставляет бригады специального назначения и РПСпН в подвешенном состоянии. Все это налагает свой отпечаток на настроение военнослужащих бригады, которое, по отзывам ветеранов, не очень праздничное в преддверии 35-летия этого прославленного и выдающегося соединения спецназ Вооруженных Сил России.

Это не может не отражаться и на настроениях ветеранов бригады. Хотя эта категория всегда подавала пример тем, кто служит и выполняет боевые задачи. Не напрасно генерал-майор Е.В. Тишин упомянул о том, что именно ветераны 22-й отдельной бригады специального назначения стали инициаторами присвоения соединению звания «Гвардейского».

Ветераны бригады проводят большую общественную работу. В частности, работая над увековечением памяти павших товарищей совместно с ветеранами 15-й обрСпН, подготовили списки погибших, которые выбиты на бронзовых плитах мемориала под названием «Доблесть и память подразделений специального назначения России». Он посвящен всем военнослужащим спецназа различных ведомств, отдавшим свои жизни при выполнении долга службы. Этот памятник был создан по проекту замполита роты 334-го ооСпН Игоря Семенова при поддержке и содействии главы администрации г. Химки Стрельченко Владимира Владимировича, который с 11 декабря 2003 г. исполняет эту должность. Будучи офицером запаса, ветераном войны в Афганистане и кавалером многих советских и российских орденов и ведомственных наград, он близко к сердцу принял желание ветеранов спецназа увековечить память своих погибших товарищей.

Замечательный памятник был открыт 8 сентября 2007 г. и с тех пор украшает сквер им. Марии Рубцовой г. Химки. К нему в памятные даты с цветами приезжают не только ветераны спецназа ВС РФ, но и других силовых министерств и ведомств.

От себя должен сказать, что у нас, ветеранов 22-й гвардейской бригады, связь с ней никогда не теряется. Ветераны 173-го ооСпН каждые 5 лет прибывают в пункт постоянной дислокации для празднования дня отряда, дня бригады. Как сказал генерал-майор Травкин в 2005 г., а полковник Захаров в

2010 г. подтвердил его слова, не отстают и ветераны 411-го отдельного отряда спецназ и других штатных подразделений соединения. На средства ветеранов 173-го гв. ооСпН в Батайске в ППД отряда поставлен памятник погибшим, закуплено спортивное оборудование и форма для занятий рукопашным боем. Приобретены средства навигации и многое другое. Ветераны 173 гв. ооСпН на свои средства изготовили знамя нового образца и в феврале 2005 г. вручили командиру подразделения майору Стрельцову.

Активно и органично в общественную жизнь ветеранов соединения вошла 1721-я кадетская школа, где стараниями учеников и их преподавателей из памятных подарков ветеранов Афганистана, Чечни и Южной Осетии создан музей 22-й гв. обрСпН и 173-го гв. казачьего ооСпН. Музей, буквально спустя год с момента своего создания, занял 2 место среди подобных музеев г. Москвы. А следует понимать, что многим таким школьным музеям далеко не один десяток лет, поскольку это музеи войсковых частей, соединений и объединений, принимавших участие в Великой Отечественной войне.

Упомянув о Великой Отечественной войне, нельзя не сказать, что поисковый отряд кадетской школы под руководством ее директора вот уже несколько лет регулярно выезжает в район Ржева, где несет вахту памяти, разыскивая и перезахоранивая советских солдат, павших в боях, защищая нашу Отчизну. Многие экспонаты музея найдены в раскопках кадетами.

Кадетская школа и ее директор Александр Павлович Хмель, а также весь преподавательский состав уже давно стал частью общественного ветеранского движения. Мало того, кадетская школа № 1721 стала местом ежегодных встреч ветеранов бригады и празднования памятных дат. Здесь проходят торжественные собрания и концерты, посвященные памятным датам.

Но кадетская школа активно взаимодействует не только с ветеранами, но и с бригадой. Каждое лето большая группа кадетов школы выезжает в пункт постоянной дислокации соединения, где проводит летние сборы под руководством своих преподавателей и при помощи гвардейцев-спецназовцев.

Немалый вклад в дело сохранения и приумножения памяти нашего прославленного соединения внес полковник запаса Михил Михайлович Калинин – известный московский военный бард. Он написал цикл песен, посвященных 173-му ооСпН, 22-й обрСпН и спецназу Вооруженных Сил. Михаил Михайлович записал и выпустил ряд компакт-дисков о спецназе и нашем гвардейском соединении, популяризируя дело защиты Родины, спецназ ВС России; неоднократно приезжал в бригаду, где выступал с концертами.

Все, выше перечисленное, заставляет надеяться на то, что здравый смысл, несмотря ни на что, восторжествует и спецназ ВС РФ не только восстановит «статус кво», но и выйдет на новый уровень своей боевой готовности к выполнению задач по защите нашей Родины.

А в первых рядах по-прежнему будет 22-я гвардейская отдельная бригада специального назначения.

Многие лета тебе, 22-я гвардейская! Многие лета тебе, спецназ Вооруженных Сил России!

Командиры 22-й отдельной бригады спецназ в 1994–2010 гг.

Воинск. звание	Фамилия, имя, отчество	Период командования
полковник	Бреславский Сергей Владимирович	12.1994–12.1995
полковник	Попович Алексей Максимович	12.1995–02.1997
полковник	Липиев Петр Семенович	02.1997–11.2002
генерал-майор	Травкин Валерий Юрьевич	11.2002–08.2007
полковник	Захаров Владимир Владимирович	04.2008–10.2010

Состав 22-й гвардейской отдельной бригады спецназ в 2011 г.:

- управление бригады (Степной, Ростовская обл.),
- 305-й отряд СпН (Степной, Ростовская обл.),
- 108-й отдельный отряд СпН (Батайск, Ростовская обл.),
- 173-й отдельный отряд СпН (Батайск, Ростовская обл.),
- 411-й отдельный отряд СпН (Степной, Ростовская обл.),
- 56-й учебный центр СпН (п. Красная Поляна),
- школа младших специалистов (Батайск, Ростовская обл.),
- отряд СРС,
- рота специального вооружения,
- комендантская рота,
- техническая рота,
- рота обеспечения.

СПИСОК ПОТЕРЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА

**22-й отдельной бригады специального назначения
в ходе КТО на Северном Кавказе в 1999–2009 гг.**

108-й ооСпН 22-й обрСпН

капитан	Бурцев Павел Сергеевич
мл. сержант к/с	Власов Владимир Анатольевич
мл. сержант к/с	Лось Валерий Владимирович
гв. рядовой к/с	Парфенов Евгений Петрович
капитан	Цыбуляк Олег Георгиевич

173-й ооСпН 22-й обрСпН

гв. рядовой к/с	Гаврелюк Сергей Николаевич
гв. рядовой к/с	Глухов Андрей Петрович
гв. мл. сержант к/с	Грачев Сергей Владимирович
гв. мл. сержант к/с	Губочкин Алексей Александрович
мл. сержант	Камянский Александр Юрьевич
рядовой	Король Борис Витальевич

гв. мл. сержант к/с	Косаркин Максим Николаевич
гв. капитан	Красовский Илья Станиславович
рядовой	Крекнин Павел Владимирович
гв. рядовой к/с	Крюков Дмитрий Владимирович
гв. рядовой к/с	Куценков Николай Александрович
ст. лейтенант	Маклаков Евгений Александрович
гв. рядовой к/с	Матвиенко Александр Николаевич
гв. ст. сержант	Машанин Владимир Викторович
рядовой	Мушатов Айбулат Серекбаевич
гв. лейтенант	Остроушко Алексей Владимирович
сержант	Папушин Сергей Александрович
рядовой	Попов Михаил Валентинович
гв. майор	Твердохлебов Виталий Александрович
рядовой	Тюляков Николай Александрович
гв. прапорщик	Ушаков Андрей Анатольевич
гв. сержант к/с	Черепнин Анатолий Анатольевич
гв. прапорщик	Яровой Александр Анатольевич

305-й ооСпН 22-й обрСпН

рядовой к/с	Алентьев Вячеслав Юрьевич
капитан	Голуб Борис Анатольевич
ст. лейтенант	Кузуб Андрей Анатольевич
мл. сержант	Любченко Андрей Иванович

411-й ооСпН 22-й обрСпН

рядовой	Гуртовой Александр Викторович
рядовой	Казак Антон Сергеевич
рядовой к/с	Кислинский Александр Григорьевич
ефрейтор	Макартычьянц Рафаэль Минасович
ст. лейтенант	Матвиенко Вячеслав Владиславович (присвоено звание Героя России посмертно)
ст. лейтенант	Садовой Евгений Александрович
гв. рядовой	Сердюков Вячеслав Сергеевич
гв. рядовой к/с	Ступак Иззат Иззатович
ст. лейтенант	Федоров Юрий Леонидович
рядовой	Шнель Сергей Робертович
сержант	Ягодин Сергей Геннадьевич

551-й ооСпН 22-й обрСпН

мл. сержант	Евдокимов Сергей Александрович
ефрейтор	Зыбинский Александр Владимирович
ефрейтор	Кучеров Андрей Александрович
сержант	Мельник Владимир Владимирович
рядовой	Морозов Денис Александрович
мл. сержант	Ногин Сергей Борисович
рядовой	Носиков Андрей Алексеевич
сержант	Харламов Олег Ростиславович

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ 22-й обрСпН – Герои Советского Союза и России

Рядовой

АРСЕНОВ Валерий Викторович (1966–1986)

Родился 24 июня 1966 г. в г. Донецке Украинской ССР. Призван в Вооруженные Силы в мае 1985 г. В ноябре по личной просьбе направлен для прохождения военной службы в 173-й ооСпН в Афганистан. Участвовал в 15 боевых выходах.

28 февраля 1986 г. во время налета на базовый район мятежников в 80 км восточнее Кандагара получил ранение, но остался в строю и продолжал выполнять боевую задачу. Когда создалась угроза жизни его командиру ст. лейтенанту Кравченко А.Б., рядовой Арсенов в броске закрыл грудью командира роты и спас ему жизнь. От полученных ран рядовой Арсенов скончался на поле боя.

Звание Героя Советского Союза присвоено 10.11.1986 (посмертно), медаль № 11550.

Старший лейтенант

ОНИЩУК Олег Петрович (1961–1987)

Родился 12 августа 1961 г. в с. Путинцы Изяславского р-на Хмельницкой обл. Украинской ССР.

В Вооруженных Силах с 1978 г. В 1982 г. окончил Киевское ВОКУ. В апреле 1987 г. старший лейтенант Онищук О.П. прибыл в 186-й ооСпН в Афганистан на должность командира группы. Участвовал во многих боевых выходах. За смелость и отвагу, проявленные при выполнении боевых задач, награжден медалью «За отвагу» и орденом «Красная Звезда».

31 октября 1987 г. после успешного выполнения боевого задания группа ст. лейтенанта Онищука была обнаружена и вступила в бой с крупным бандформированием численностью около 200 мятежников. Действуя дерзко и решительно, группа отбила несколько атак мятежников. Ст. лейтенант Онищук О.П. умело руководил боем, организовал отход группы. Обеспечивая маневр, сражался до последнего патрона, пал смертью храбрых в бою 31 октября 1987 г. у кишлака Дури в провинции Заболь.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 мая 1988 г. (посмертно), медаль № 11577.

Младший сержант

ИСЛАМОВ Юрик Верикович (1968–1987)

Родился 5 апреля 1968 г. в с. Арсланбоб Ошской обл. в Киргизии.

В Вооруженные Силы призван в октябре 1986 г. С мая 1987 г. проходил службу в должности командира отделения в 186-м ооСПН. При выполнении боевых задач младший сержант Исламов Ю.В. действовал смело и был награжден медалью «За отвагу».

31 октября 1987 г. группа, в составе которой действовал Исламов, вступила в бой с крупным бандформированием. Юрик добровольно вызвался прикрывать отход своих товарищей. В ходе боя был дважды ранен, вступил в рукопашную схватку с противником. Пал смертью храбрых в бою 31 октября 1987 г. у кишлака Дури...

Звание Героя Советского Союза присвоено 03.03.1988 (посмертно), медаль № 11570.

Капитан

ГОРОШКО Ярослав Павлович (1957–1993)

Родился 4 октября 1957 г. в с. Борщёвка Лановецкого р-на Тернопольской обл. Украинской ССР.

В Вооруженных Силах с 1976 г. В 1977–1981 гг. – курсант Хмельницкого ВВАКУ. С сентября 1981 г. по ноябрь 1983 г. проходил службу на территории Афганистана в должности командира минометного взвода и десантно-штурмовой роты. За успешное выполнение боевых задач и проявленные смелость и отвагу был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

После возвращения в Советский Союз проходил службу в одном из соединений специального назначения. В 1986 г. по личной просьбе был направлен для прохождения службы в 186-й ооСПН в Афганистан.

31 октября 1987 г. группа капитана Горошко Я.П. убыла на помощь к группе ст. лейтенанта Онищука О.П. При движении в указанный район были обнаружены переодетые в советскую форму мятежники.

Умело организовав действия группы, капитан Горошко Я.П. лично повел разведчиков в рукопашную схватку. В результате уничтожено 18 душманов. Разведчики из группы капитана Горошко подобрали тела погибших разведчиков из группы ст. лейтенанта Онищука О.П. и под огнем мятежников вынесли их к месту эвакуации.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 мая 1988 г., медаль № 11572.

С 1991 по 1992 г. проходил службу в 8-й обрСпН в должности командира отряда. В 1993 г. Горошко Я.П., будучи начальником учебного центра ВМС Украины, трагически погиб во время учебно-тренировочного погружения под воду.

Майор

НЕДОБЕЖКИН Владимир Владимирович

Род. 22 апреля 1964 г.

Выпускник Калининского СВУ. В 1989 г. окончил Бакинское ВОКУ и проходил службу на различных должностях от командира взвода до заместителя командира бригады спецназ в СКВО и ЗакВО (1989–2000 гг.). С 1989 г. постоянно привлекался к выполнению задач в районах вооруженных конфликтов.

С 14 по 20 января 1996 г. майор В.В.Недобежкин возглавлял оперативную группу по освобождению заложников в с. Первомайском. С началом штурма во главе подчиненных В.В.Недобежкин скрытно выдвинулся на окраину села и из гранатомётов нанёс удар по передовым позициям боевиков. Это позволило штурмовым группам вскоре их захватить. Подчинённые В.В.Недобежкина уничтожили в бою 2 расчёта АГС-17, несколько пулемётчиков и снайперов.

В ночь с 17 на 18 января 1996 г. группа майора В.В.Недобежкина блокировала северо-западную окраину Первомайского. Около четырех утра отряд боевиков в количестве 300–350 человек пошёл на прорыв кольца окружения. Умело организовав оборону, В.В.Недобежкин уверенно руководил боем на всем его протяжении. В результате огневого поражения передовая группа прорывавшихся боевиков (около 80 человек) была рассеяна и практически уничтожена.

Это не единственная операция майора В.В.Недобежкина. Так, например, с 28 декабря 1994 г. по 11 января 1995 г. вместе со своими подчиненными выполнял боевые задачи в самом г. Грозный. За этот период были уничтожены одна БМ-21 «Град», один танк, 3 миномета, 2 гаубицы Д-30, 12 снайперских расчетов, около 40 бандитов, добыта ценная информация.

За мужество, отвагу и образцовое руководство подчиненными при выполнении боевых задач Указом Президента РФ от 15 мая 1996 г. майору Владимиру Владимировичу Недобежкину присвоено звание Героя России с вручением медали «Золотая Звезда».

В настоящее время полковник В.В.Недобежкин продолжает службу в ВС РФ. Награждён орденом Мужества, меда-

лями, в том числе «За отвагу» и «За боевые заслуги», именным оружием от министра обороны РФ.

Старший лейтенант
СКОРОХОДОВ Валерий Александрович

Род. в с. Воронеж Россошанского р-на Воронежской обл.

В 1989 г. поступил в Киевское общевойсковое военное училище по специальности «разведка», после окончания которого служил в специальном подразделении ВДВ. Принимал участие в 1-й и 2-й Чеченской кампаниях.

С 14 по 18 января 1996 г. в составе оперативной группы ст. лейтенант В.А.Скороходов участвовал в операции по освобождению заложников в с. Первомайское Республики Дагестан. 15 января он командовал штурмовой группой по блокированию северо-западной окраины Первомайского. Тогда 12 разведчиков подавили 6 огневых точек и уничтожили 2 пулеметных расчета. В последующем 7-часовом бое разведчики полностью блокировали бандитов на своем участке. В ночь на 18 января группа ст. лейтенанта В.А.Скороходова проводила засаду. В 4 часа было выявлено выдвижение террористов. В ходе боя умелыми действиями удалось нанести огневое поражение противнику. В это время боевики полностью вывели из строя группу ст. лейтенанта Зарипова. Смелым маневром группе В.А.Скороходова удалось спасти от гибели раненых военнослужащих группы А.М.Зарипова и предотвратить дальнейшие возможные потери. Сам В.А.Скороходов, заменив раненого пулеметчика и продолжая вести огонь по противнику, уверенно руководил боем. После боя только перед позицией Скороходова было обнаружено 23 уничтоженных террориста. Было захвачено 9 единиц оружия, 2 гранатомета, 6 килограммов взрывчатки и средства космической связи.

За смелость, решительность и личное мужество Указом Президента РФ 15 мая 1996 г. ст. лейтенанту В.А.Скороходову было присвоено звание Героя России с вручением медали «Золотая Звезда».

Старший лейтенант
ХАРИН Станислав Анатольевич

Род. 5 июня 1967 г. в г. Кадиевке Ворошиловградской обл. Украинской ССР.

В 1986 г. призван на срочную службу. Служил в ВДВ. В 1993 г. окончил Рязанское ВВДКУ, дальнейшую службу проходил в 22-й обрСпН. С декабря 1994 г. совершил несколько командировок в ЧР.

Отличился при штурме Грозного в январе 1995 г., совершая развед рейды в глубь позиций дудаевцев. За личное мужество и отвагу в ходе штурма Грозного и резиденции Дудаева ст. лейтенант С.А.Харин награжден орденом Мужества.

Во время операции по уничтожению банды С.Радуева в с. Первомайском утром 15 января 1996 г. участвовал в отвлекающем ударе по западной окраине села. В этом бою атакующим удалось ворваться в село и закрепиться на его окраинах. Были уничтожены несколько огневых точек врага, скованы силы противника. В ночь на 18 января находился вместе со своим подразделением в боевом охранении в составе группы майора В.В.Недобежкина. Именно на позиции этой группы (39 человек) было направлено острое прорыва главных сил окруженных боевиков. Обнаружив прорыв, спецназовцы сначала отбросили боевое охранение противника, а затем и отбили атаку основных сил банды. Лишь небольшая часть осажденных (не более 60 боевиков и 15 заложников), в том числе сам Радуев, сумели прорваться. В этом бою Харин огнем в упор уничтожил 10 боевиков. Получив ранение, он остался в бою, огнем прикрывал эвакуацию раненых с поля боя и занятие позиций прибывшим подкреплением. После боя перед позициями спецназовцев было собрано 78 трупов боевиков. Потери составили – 3 погибших, 7 раненых.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, Указом Президента РФ от 15 мая 1996 г. ст. лейтенанту Харину Станиславу Анатольевичу присвоено звание Героя России.

Продолжил службу в ВС РФ. С 1997 г. служил в частях спецназ ФСБ. Награжден государственными наградами РФ.

***Старший лейтенант
ЗАРИПОВ Альберт Маратович***

Род. 8 ноября 1968 г. в пос. Бустон Бухарской обл. (Узбекистан).

В 1987 г. был призван на срочную службу, служил в ВДВ. По окончании «учебки» направлен в одну из частей спецназ в составе ОКСВ в ДРА. Участвовал во многих боевых операциях. В 1993 г. окончил Рязанское ВВДКУ и продолжил службу в СКВО.

В качестве офицера спецназа ГРУ принимал участие в спецоперации по освобождению ростовских школьников, взятых в заложники в декабре 1993 г.; в спецоперации в г. Будённовск в июне 1995 г.

14 января при штурме с. Первомайское в ходе семичасового боя взвод уничтожил БТР-80, расчет крупнокалиберного пулемета и до 20 террористов. В ночь на 18 января в 4 часа утра около 350 бандитов попытались прорваться из окружения. А.М.Зарипов лично уничтожил два пулеметных расчета. В завязавшемся ожесточенном ближнем бою противник использовал ручные осколочные гранаты, постоянно вел огонь из подствольных гранатометов и РПГ-7. Разведчики более часа сдерживали боевиков. А.М.Зарипов лично уничтожил 7 бандитов. Получив команду отходить, он остался прикрывать отход группы. В результате разрыва гранаты был тяжело ранен в голову и получил множественные осколочные ранения ног. С поля боя его вынесли без сознания. В результате запоздалого вмешательства врачей Альберт Маратович потерял зрение.

Указом Президента РФ от 15 мая 1996 г. за мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, ст. лейтенанту Зарипову Альберту Маратовичу присвоено звание Героя России с вручением медали «Золотая Звезда» (№ 277).

Выйдя в отставку, принимает активное участие в общественно-политической жизни страны и защищает права инвалидов войны. Автор ряда произведений о чеченской и афганской войнах. Награждён медалями.

Капитан медицинской службы

КОСАЧЁВ Сергей Иванович (1960–1996)

Род. 6 февраля 1960 г. в пос. Октябрьское Крымской обл. Украинской ССР.

Участвовал в боевых действиях на территории Чечни с апреля 1995 г. Не раз вместе с товарищами выполнял задачи в тылу противника, оказывая необходимую медицинскую помощь.

Так, 28 июня 1995 г. в составе группы ст. лейтенанта Михайличенко вел разведку в районе н.п. Яршш-Марды. В результате боевого столкновения в террористами один БТР-80 был подбит, двое убиты и пятеро получили ранения. Офицер вынес их в безопасное место, оказал помощь и до подхода главных сил огнем из автомата пресекал попытки боевиков захватить их в плен.

15 января 1996 г. во время штурма с. Первомайское лично вынес с поля боя 2 разведчиков и оказал им помощь. В ночном бою 18 января многократно превосходящим силам боевиков удалось прорваться на рубеж обороны ст. лейтенанта А.М.Зарипова. Бой шел у бруствера командного

пункта. Приняв меры к эвакуации раненых, С.И. Косачев вступил в ближний бой, ведя огонь из автомата, прикрывая эвакуацию раненых. Увидев раненого ст. лейтенанта К. Козлова, оказал ему первую помощь и бросился к раненому полковнику А. Стыщине. В это время группа боевиков прорвалась на КП с фланга. Медик увидел двух боевиков, которые целились из гранатомета в оставшихся на КП раненых. Подавшись вперед, он прикрыв товарищей, приняв на себя первый удар гранатометчиков.

Указом Президента РФ № 715 от 14 мая 1996 г. за самоотверженность, личное мужество и высокое чувство профессионального долга капитану С.И. Косачеву присвоено звание Героя РФ (посмертно).

Сержант

НИКИШИН Дмитрий Николаевич (1979–2008)

Род. 2 марта 1979 года в г. Ейске Краснодарского края. В 1997 г. призван на срочную службу, служил в 22-й обрСпН. В августе 1999 г. спецназ был переброшен в Дагестан для отражения вторгшихся из Чечни банд Басаева и Хаттаба. Участвовал в шести рейдах по тылам бандформирований.

В последнем рейде группе поставлена задача отбить у боевиков захваченного в плен офицера милиции. Однако после выполнения задачи группа была настигнута и окружена боевиками. Укрывшись в одном из строений, группа отбила несколько атак боевиков. Но ввиду недостатка боеприпасов длительная оборона неминуемо вела бы к гибели группы. Командир приказал идти на прорыв.

Сержант Никишин под огнем врага первым покинул строение и огнем прикрывал прорыв остальных. Покидавший строение командир группы получил тяжелые ранения и упал на простреливаемой площадке. Дмитрий Никишин бросился к офицеру и вытащил его в укрытие, но было уже поздно – через несколько минут командир умер от ран. Группа сумела с боем прорваться к своим. В этом бою Дмитрий Никишин лично уничтожил пятерых боевиков.

За мужество и героизм, проявленные в ходе КТО на Северном Кавказе, Указом Президента РФ от 26 августа 1999 г. сержанту Никишину Дмитрию Николаевичу было присвоено звание Героя РФ.

В 1999 г. Дмитрий Никишин был уволен в запас. Вернулся в Ейск, работал в администрации города. С 2003 г. работал в горотделе МЧС Ейска. Скончался 16 апреля 2008 г. Похоронен в Ейске.

Старший лейтенант

МАТВИЕНКО Вячеслав Владиславович (1973–1999)

Род. 9 января 1973 г. в г. Вентспилсе Латвийской ССР.

С августа 1990 г. – на службе в Вооруженных Силах.

В 1996 г. окончил Калининградское высшее военно-морское инженерное училище. Служил на Тихоокеанском флоте. Затем был переведен в части армейского спецназа, служил в 22-й обрСпН.

В составе отряда бригады с августа 1999 г. находился в служебной командировке в Дагестане. Проявил мужество и боевое мастерство в ходе боевых действий против бандформирований чеченских и международных террористов, вторгшихся из ЧР.

В ночь с 8 на 9 сентября 1999 г., при выполнении боевого задания по выявлению позиций бандформирований в расположении противника, разведгруппа ст. лейтенанта Вячеслава Матвиенко была обнаружена чеченскими боевиками. Благодаря умелым действиям командира и профессионализму подчиненных, разведчики отразили попытку превосходящих сил противника окружить и уничтожить разведгруппу. Потеряв несколько человек убитыми, боевики отошли из зоны ближнего огня разведчиков, но продолжали обстрел. Командир лично вынес из-под огня безопасное укрытие троих раненых подчиненных. При спасении последнего солдата был убит выстрелом снайпера.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга в ходе КТО в Северо-Кавказском регионе, Указом Президента РФ № 1745 от 30 декабря 1999 г. старшему лейтенанту Матвиенко Вячеславу Владиславовичу присвоено звание Героя РФ (посмертно).

БИБЛИОТЕКА РАЗВЕДЧИКА

В 2009 и 2010 гг. издательством «Русская панорама» в серии «Библиотека разведчика» (выпуск 5) выпущены 2 издания книги «15 бригада СПЕЦНАЗ: Люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев» (редакционно-издательский совет: С. М. Беков, Ю. Т. Старов, А. А. Овчаров, О. В. Кривопапов, А. В. Мусиенко, Н. Н. Пронькин).

В 2011 году планируется к изданию книга В. В. Тюрина «14 бригада СПЕЦНАЗ: Люди специального назначения» («Библиотека разведчика», вып. 6)

**22 ГВАРДЕЙСКАЯ
ОТДЕЛЬНАЯ БРИГАДА
СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

ДОЛГ

ЧЕСТЬ

ОТЕЧЕСТВО